M
2
52
125

И $\frac{52}{125}$

ПОѢЗДКА

ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

ЧАСТЬ II.

Изданіе книгопродавца А. Ѳ. Базунова.

ОЧЕРКИ ДНѢСТРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСАНДРА ѲЕДОРОВИЧА БАЗУНОВА,

КОММИСІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ И МОРСКАГО УЧЕНАГО КОМИТЕТА,

на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ; сост. Ѳ. Буслаевымъ. Большой томъ въ 8 д. л. 840 стр. въ два столбца. Памятники здѣсь напечатаны большею частію не отрывками, а цѣлыми статьями и въ хронологическомъ порядкѣ. Многіе изъ нихъ являются здѣсь въ печати въ первый разъ, съ лингвистическими и историко-литературными объясненіями. М 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, новаго періода русской словесности, содержащая въ себѣ въ хронологическомъ порядкѣ расположенный выборъ изъ сочиненій отечественныхъ писателей, отъ Петра I-го до нашего времени, и служащая пособіемъ при изученіи исторіи русской словесности. Сост. А. Галаховъ; два большихъ тома въ 8 д. л. въ двѣ колонны, убористаго шрифта, на бѣлой бумагѣ. Томъ 1-й (отъ Петра I-го до Карамзина) выдается; 2-й томъ еще печатается. Спб. 1861 г. Цѣна за оба тома 3 руб. съ пер. 4 р. На 2-й томъ выдается билетъ.

ПОЛНАЯ РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ. Сост. А. Галаховъ; изд. 9-е, съ перемѣнами, 2 тома. Спб. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 к.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Филоновъ. Большой томъ въ 800 стр. Спб. 1863 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 60 к.

ХРИСТОМАТІЯ, для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Сост. П. Басистовъ; изд. 2-е, съ примѣчаніями. Томъ въ 400 стр. М. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 25 к.

ДѢТСКІЙ МІРЪ И ХРИСТОМАТІИ. Книга для класснаго чтенія; изд. 2-е, исправленное и дополненное, съ 4 таблицами рисунковъ. К. Ушинскаго. 2 кн. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСТРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Лекціи С. Шевырева. 4 тома. М. 1860 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Соч. Филарета, Архіепископа Черниговскаго. Два тома. Спб. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р 75 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ русской народной словесности и искусства. Соч. Ѳ. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома, великолѣпное изданіе, въ большую 8 д. л., на веленевой гласированной бумагѣ, съ 212 рисунками съ древнихъ рукописей. Спб. 1861 г. Ц. за оба тома 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ПОѢЗДКА

ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

ЧАСТЬ II.

Изданіе книгопродавца А. Ѳ. Базунова.

ОЧЕРКИ ДНѢСТРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

...РУМЯНЦ... БИБЛІО-ТЕКА

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 9 Октября 1863 года.

5613-10

2007088701

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

ГЛАВА I.

Днѣстръ. Населеніе. Руснаки. Языкъ. Ругательства. Костюмъ. Первое знакомство съ Контробандистами. Избы. Сельскій бытъ. Евреи. Положеніе бессарабскаго крестьянина. Обычаи.

Самое древнее свѣдѣніе о Днѣстрѣ (Тирасъ) мы находимъ у Геродота, который о немъ говоритъ однако же очень мало. Разсказывая походъ Дарія въ Скиѳію, онъ даже не упоминаетъ гдѣ переходила Днѣстръ армія персидскаго завоевателя, а говоритъ только о Тирасѣ, какъ о второй по порядку рѣкѣ въ Скиѳіи, и болѣе о немъ не распространяется. Имѣя въ настоящее время подъ рукою только французское изданіе Геротода, Miot, я привожу нѣсколько строчекъ отца исторіи: « Il (Tyros) court du nord au midi, et sort d'un vaste lac qui sert de limite entre la Scythie et la Neuride. A son embouchure habitent le Grecs-Tyrites.» (T. 1. L. IV, Melpomène, p. 458). Но за то часто встрѣчается эта рѣка, уже подъ именемъ Днѣстра, въ русскихъ лѣтописяхъ, какъ протекавшая по землямъ кіевскаго княжества, и по случаю походовъ князей въ южные предѣлы. Какимъ образомъ названіе Тирасъ перешло въ Днѣстръ добиться невозможно. Въ окончаніи его звучитъ слогъ *стръ*, напоминающій геродотовское названіе Дуная (Истеръ); первый же слогъ намѣкаетъ на таинственное *Дн*, играющее такую важную роль въ названіи многихъ нашихъ рѣкъ, сохранившихъ и до нашего времени непонятныя имена свои. Геродотъ не упоминаетъ, что слова эти скиѳскія, но какъ же предположить, чтобы народы, обитавшіе

послѣ скиѳовъ, оставили рѣкамъ и урочищамъ чужія наименованія. Нельзя при этомъ не привести наивнаго свѣдѣнія о производствѣ Днѣстра, помѣщеннаго въ статистическомъ описаніи Подольской губерніи ксендза Марчинскаго (*). Онъ приводитъ мнѣніе Гвагнина, который утверждаетъ, что Тирасъ происходитъ отъ итальянскаго tirando, т. е. отъ слова стрѣлять, потому что течетъ очень быстро. Почтеннымъ людямъ можно бы указать на Геродота, котораго конечно они не читали, иначе не написали бы подобной нелѣпости;—но что же требовать отъ прежнихъ писателей здравой исторической критики, когда въ 30-хъ годахъ профессоръ съ каѳедры производилъ слово обелискъ отъ двухъ русскихъ словъ «обѣ—лыски».

Далѣе Марчинскій приводитъ свидѣтельство Свѣнцскаго, что Днѣстръ, называемый у грековъ и римлянъ Тирасомъ, выходитъ, по словамъ Длугоша, изъ подъ горы Бескидъ въ Червонной Руси. Источникъ его вблизи замка Собѣнь, въ мѣстѣ, называемомъ Дубовица, по причинѣ огромности дуба, изъ подъ котораго берутъ начало: Днѣстръ, Санъ и Тисса или Циша, рѣка текущая въ Венгріи.

Теперь большая часть Днѣстра находится въ Россіи, а незначительное пространство верховьевъ его, протекающее по Австріи, составляетъ едва пятую долю всего его капризнаго теченія. Въ предѣлы наши вливается онъ въ селеніи Анутахъ, откуда идутъ границы, отдѣляющія Бессарабію отъ Галиціи и Буковины, и течетъ въ узкомъ ложѣ, окаймленный дикими, скалистыми и необыкновенно живописными берегами. Но здѣсь принадлежитъ намъ только правый берегъ до самаго Хотина, откуда уже австрійская граница пошла по западной оконечности

(*) Вотъ мѣсто изъ упомянутой статистики: Dniester bierze swój początek w Galicyj. Podług Gwagnina Tyron albo Dniester, który własnie włoskim ięzykiem *a tirando* tojest od strzelania nazwany, dla tego że zbyt bystrym i straszliwym lotem wody z sobą pędzi. Stryjkowski wspomina: ze Tyras zbudowawszy Tyrum, trzymał port morski i założył Traki od swego imienia. Jnni twierdzą ze od tego Tyrosa syna Iafetowego, rzeka Tyros, którą Dniestrem zowiemy, nazwana. Dalej mniema iż Włosi, ktorzy przed tem (?) Tauryke nad Dniestrem rzymali, dla wielkiej bystrosci przezwali tę rzekę Tyros: bo po włosku *tirar* albo *tirare* rozumie sie strzelac, a ta rzeka ile gdzie między Skatami bystro na progach kamiennych bieży, jako strzała z łuku. (Statystyczne, Topograficzne i Historyczne opisanie gubernii Podolskiej, przez X. Wawrzynca Marczynskiego. Wilno 1820. T. I. p. 88—89.)

Подольской губерніи. Уголокъ этотъ отъ селенія Анутъ до Хотина, который можно назвать русской Буковиной, чрезвычайно любопытенъ для наблюдателя, какъ относительно своей мѣстности, такъ и племени руснаковъ, о которыхъ, сколько мнѣ помнится, не было еще нигдѣ подробностей. Руснаки впрочемъ живутъ и ниже, почти до Могилева (на Днѣстрѣ). На той сторонѣ, напр. въ Подольской губерніи, обитаютъ тѣ же руснаки, но замѣтно уже между ними различіе какъ въ одеждѣ, такъ и языкѣ, хотя типъ ихъ одинъ и тотъ же. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра отъ австрійской границы до Чернаго моря живутъ: малорусы (руснаки—отрасль малор.), молдоване, евреи, армяне, сербы, цыгане и великорусскіе раскольники, именуемые въ Бессарабіи *липованами*, а въ Херсонской губерніи *пилипонами*. Собственно наша Буковина, или лучше сказать, почти весь хотинскій уѣздъ составлялъ *Раю*, владѣніе хотинскаго паши, отчего обитатели его называются доселѣ *райянами*. Кончено здѣсь не осталось уже слѣдовъ турецкаго владычества, но мѣстами сохранились еще отличные сады и фонтаны, построенные турками, да кое-гдѣ существуютъ нѣсколько стариковъ (въ Клишковцахъ, Рухотинѣ), которые служили еще у турокъ и передаютъ свѣдѣнія о тогдашнемъ бытѣ, для насъ потерянномъ по неимѣнію письменныхъ памятниковъ, но тѣмъ не менѣе интересномъ. Изъ разсказовъ этихъ однако же можно вывести заключеніе, что крестьянамъ было тогда хорошо, что они не подвергались никакимъ притѣсненіямъ, исключая одного обстоятельства: ни красивой жены, ни хорошенькой дочери нельзя было удержать въ домѣ—турки ихъ непремѣнно переманивали и обращали въ магометанство. Здѣсь жили собственно помѣщики, платившіе извѣстную сумму пашѣ, и жили патріархально. Если же появлялись солдаты изъ хотинскаго гарнизона, то не обходилось безъ насилія, которое однако же не проходило безнаказано, потому что помѣщикъ, принимая близко къ сердцу потерю крестьянина, ѣхалъ въ Хотинъ и добивался у паши удовлетворенія. Но въ случаѣ пріѣзда какого нибудь чиновника изъ Константинополя, и если этотъ чиновникъ пошаливалъ, тогда, нечего дѣлать, на его шалости посматривали сквозь пальцы. Безъ сомнѣнія, подобные чиновники пріѣзжали рѣдко, и жизнь райянъ текла довольно мирно. Одно, что турки преслѣдовали и наказывали жестоко—это воровство, и для вора, пойманнаго на мѣ-

стѣ преступленія, не было другаго исхода какъ висѣлица, стоявшая постоянно въ хотинской крѣпости. Одинъ старикъ, мой хозяинъ въ деревнѣ Клишковцахъ, разсказывалъ, что родственникъ его какъ-то укралъ на базарѣ простую глиняную трубку. Какъ ни ходатайствовали родные, какъ ни просилъ самъ владѣлецъ трубки, виновный былъ повѣшенъ. «Такъ-таки, хоть бы укравъ цибулину, то одвезуть до Хотиня и завісять» заключилъ старикъ и, махнувъ рукою, выразилъ сожалѣніе, что теперь не вѣшаютъ воровъ и что нынѣ не считается грѣхомъ обокрасть человѣка. Въ Хотинѣ и въ то время жили евреи, которые не славились добросовѣстностью, и занимались торговлей. Чуть зашелъ кто нибудь въ еврейскую лавку, а ужъ турокъ и подстерегаетъ выхода покупателя. Узнавъ что и сколько куплено, турокъ идетъ въ турецкую лавку и перевѣситъ товаръ: если отпущено какъ слѣдуетъ, еврея не трогаютъ, но если покупатель обвѣшенъ,—еврея берутъ и налагаютъ пеню или, смотря по обстоятельствамъ, бьютъ по пятамъ, но за второй проступокъ ведутъ на висѣлицу.

Бессарабскіе руснаки одного происхожденія съ галиційскими и жили здѣсь искони; я даже полагаю, что они не переходили ни Днѣстра, ни Прута, а поселились во время славянскаго движенія въ Червонной Руси. Еще живущіе ниже Хотина, можетъ быть, во время религіозныхъ пристѣсненій въ Польшѣ перешли въ Бессарабію; но есть свидѣтельства, по моему, непреложныя, что малорусское племя занимало не только сѣверную, но и среднюю Бессарабію. На это наводятъ названія деревень, заселенныхъ молдаванами не по одному Днѣстру, но и въ глубь страны, въ разныхъ направленіяхъ. Напр. Коржеуцы, Шишкоуцы, Якимоуцы, Маркоуцы, Косоуцы, и проч.; это малорусскія села: Коржевцы, Шишковцы, Якимовцы, Морковцы, Косовцы. Вслѣдствіе чего они населились молдаванами, добиться трудно, по крайней мѣрѣ мнѣ, безъ пособія источниковъ; но предполагать должно, что руснаки омолдаванились. Во время моего пребыванія въ сѣверной Бессарабіи я совершалъ поѣздки и внизъ по Пруту до Новоселицы, а оттуда вдоль дороги, идущей отъ Липканъ къ Могилеву, и находилъ деревни славянскаго происхожденія. Напримѣръ мѣстечко, называемое оффиціально Сикуряны, такъ отмѣченное и на картахъ, по видимому носитъ молдавское названіе. Но, если вы, не основываясь на оффиціаль-

ныхъ именахъ, прислушаетесь какъ называетъ его народъ, то убѣдитесь, что это *Сокиряне* отъ слова сѣкира въ малорусской его формѣ.

Что касается языка, то это особая отрасль малорусскаго нарѣчія, въ которое вошли нѣкоторыя молдавскія и нѣкоторыя турецкія слова (очень мало), но говоръ малорусскій и, какъ надо полагать, весьма древній, неподдавшійся послѣдующимъ перемѣнамъ. Такъ напримѣръ возвратная частица ставится впереди глагола, чего уже теперь нѣтъ въ Малороссіи, а старинныя пѣсни доказываютъ, что эта форма существовала на Украйнѣ. Руснакъ говоритъ: *ся сміяти* (смѣяться), *ся хвалити* (хвалиться), *ся турбовати* (безпокоиться). Частица эта употребляется точно также и при спряженіи: *я ся насміявъ* (я насмѣялся), *вінъ ся похваливъ* (онъ похвалился). Нѣкоторыя слова произносятся съ перестановкою буквъ. Такъ малорусское *криниця* (источникъ) называется здѣсь *кірниця*, а глаголъ *говорить*, кажется такой обыкновенный, является здѣсь въ исковерканномъ видѣ—*вогорить*. «*Я тобі вогорю піди до кірниці.*» Даже въ пѣсняхъ, которыя всѣ чисто малорусскія, слова произносятся согласно съ народнымъ говоромъ:

Чи я жъ тобі не казала
И не *вогорила* и т. д.

Слово *нехай* (пусть, пускай) по руснацки *най*. «Най буде такъ, якъ я вогоривъ.» Одинъ—*единъ*, усякій—*уселякій*, уся чина—*уселячина*. Творительный падежъ единственнаго числа въ именахъ женскаго рода, вмѣсто окончанія *ою*, въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ странную форму *оу:* рукоу, ногоу. За то повсемѣстно въ Райѣ слышится въ рѣчи слово *мой*, но вы не думайте, что это мѣстоименіе. Я долго не могъ понять его, а главное не догадывался о происхожденіи этого слова. Оно замѣняетъ слово братъ, употребительное не только у славянскихъ, но и у другихъ племенъ при разговорѣ двухъ незнакомыхъ лицъ, не знающихъ именъ другъ друга. «Ходи, мой, сюди!» «Дай, мой, тютюну!» «Эй, мой! мой!» кричитъ руснакъ другому, чтобы тотъ оборотился. Сначала я долго думалъ—откуда бы взяться этому слову, но потомъ, когда выслушалъ не одинъ разсказъ стариковъ о житьѣ-бытьѣ при туркахъ, особенно когда они передавали въ лицахъ какія нибудь происшествія, мнѣ пришло на

мысль—хотя и не выдаю этого за истину,—что турки употребляли это слово при разговорѣ съ русскими. И теперь нашъ простолюдинъ, при встрѣчѣ съ иностранцемъ, вмѣсто я, ты, говоритъ мой, твой и т. д. По крайней мѣрѣ я не могу иначе объяснить этого слова, непереводимаго, но понятнаго въ разговорѣ.

Погоняя воловъ и лошадей, руснакъ утратилъ малорусскія междометія и замѣнилъ ихъ молдавскими. Гей! здѣсь: *тягаря!* собъ (налѣво)—*гойса!* цабе (направо)—*чала!*, иногда *чабалà!* Послѣднее какъ бы усиливающее. Напримѣръ, крикнувъ нѣсколько разъ: *чàла, чàла*, руснакъ, если животное не слушается, закричитъ вдругъ *чабалà*! и при этомъ отпуститъ какое нибудь ругательство. Извѣстное во всей Россіи и неукладывающееся на бумагу, тпру! замѣняется здѣсь легкимъ крикомъ го, го, го!

Относительно брани—я понимаю непристойной—изъ всѣхъ славянскихъ племенъ у руснаковъ самая страшная и разнообразная, что тоже заимствовано отъ молдаванъ, которые ругаются ужаснѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ. На что мастера закавказскіе татары, но и тѣ уступятъ молдавану, особенно, если онъ не въ нормальномъ состояніи духа. Такъ и руснакъ, онъ слова не скажетъ, чтобы не пустить энергическаго выраженія, нерѣдко импровизированнаго, но составленнаго чрезвычайно мѣтко. Непристойныя брани, по крайней мѣрѣ въ Райѣ, такъ употребительны и до того слились со всѣми дѣйствіями, что не только мужчины, но женщины, дѣвушки, даже дѣти обоего пола ругаются публично, не считая стыдомъ произносить самыя вопіющія выраженія. Первый разъ я былъ пораженъ въ селеніи Перебійковцахъ. Мимо моихъ воротъ дѣвочка лѣтъ осьми гнала гусей и остановилась поглазѣть на что-то. Гуси своротили съ дороги и зашли во дворъ. Дѣвочка начала выгонять ихъ и при этомъ отпустила двѣ три такихъ фразы, которымъ позавидовалъ бы лихой фельдфебель, но которыя заставили бы покраснѣть пожилаго крестьянина. Мнѣ еще не удавалось слышать ничего подобнаго, и я подумалъ: гдѣ могла эта дѣвочка научиться подобнымъ мерзостямъ. Но не успѣлъ я войдти въ квартиру, какъ хозяйка съ горемъ начала жаловаться, что *кітка* (кошка) выпила мои сливки, и при этомъ послала киткѣ—чудовищно неблагопристойную фразу. Послѣ того, поживя между руснаками, я узналъ, что неприличная брань у нихъ необходимая принадлежность и замѣняетъ всевозможныя проклятія, безъ которыхъ

не обходится крестьянинъ, чѣмъ бы онъ ни занимался. Чтобы покончить съ этимъ не могу не разсказать одного происшествія. Проѣзжала на обывательскихъ какая то значительная духовная особа. Самъ участковый засѣдатель (становой) сопровождалъ ее, и вездѣ на станціяхъ, гдѣ заготовлены были лошади, строго подтверждалъ. чтобы крестьяне не смѣли ругаться непристойными словами. Руснаки крѣпились. Но вотъ случилась крутая гора, да еще грязная послѣ недавняго дождя, и лошади остановились. Какъ ни били ихъ крестьяне, какъ ни помогали сами,—карета ни съ мѣста и еще откатывается назадъ. Особа выглянула изъ дверцы и поморщилась. Тогда къ ней подошелъ одинъ руснакъ, снялъ шапку и попросилъ позволенія только—*ся лаяти* (ругаться). Особа улыбнулась и дала разрѣшеніе. Вмигъ посыпались неизобразимыя варіаціи на извѣстную тему и карета благополучно выѣхала.

Костюмъ у мужчинъ мало отличается отъ малорусскаго. Лѣтомъ крестьянинъ ходитъ въ одномъ бѣльѣ, но только носитъ весьма широкій кожаный поясъ, усаженный множествомъ пуговицъ, который служитъ ему хранилищемъ разныхъ принадлежностей. Замѣчательно, что у руснаковъ по нашей Буковинѣ никогда не застегивается воротъ рубашки,—обстоятельство, считающееся у малоруса преступленіемъ, для чего имѣется даже насмѣшливое названіе *розхріста*. Рубашки у руснаковъ очень длинны, гораздо ниже колѣнъ. Лѣтомъ мужчины носятъ соломенныя шляпы своего издѣлія, которыя у молодыхъ парней выплетаются красивыми узорами à jour иногда весьма замысловато. И въ южной полосѣ не рѣдкость соломенная шляпа (бриль), но руснаки плетутъ ее гораздо искуснѣе прочихъ, и вообще у нихъ эта работа не носитъ отпечатка грубости, а какъ будто стремится къ нѣкотораго рода усовершенствованію. Молодежь украшаетъ свои *брили* цвѣтами, а иногда лентами. Обыкновенный и самый любимый костюмъ руснака куртка съ очень небольшими двухвершковыми полками. Въ ненастье надѣваетъ онъ свиту (*манта*), которая, сохраняя малорусскій покрой, вмѣсто капюшона сзади, имѣетъ просто четыреугольный кусокъ сукна, служащій, однако же, подобно *відлогѣ*, защитою отъ непогоды. Руснакъ накидываетъ этотъ кусокъ на голову и завязываетъ концы, что конечно не такъ удобно какъ *відлога*, но все же служитъ отъ дождя хорошею защитою. Зимою употреб-

ляются: суконное платье, кожухъ, мѣховая шапка и рукавицы,—а воротъ рубашки все-таки не застегнутъ.

Женскій нарядъ, не смотря на простоту, въ основаніи напоминая малорусскій, имѣетъ однако же, особенно у дѣвушекъ, очень красивыя подробности. Состоитъ онъ лѣтомъ всего изъ куска шерстяной клѣтчатой матеріи, которою обвертываются ниже таліи, въ родѣ малорусской плахты. За то бѣлая рубашка у руснячки на плечахъ и до локтей вышита шелками, стеклярусомъ и канителью, иногда чрезвычайно красиво. На голову (между Хотиномъ и Анутами) дѣвушки надѣваютъ красный фесъ, вышитый золотомъ, изъ подъ котораго висятъ пышныя косы и стеклярусныя подвѣски. Верхнее платье состоитъ изъ кофты безъ рукавовъ и суконной свиты. Но женскія шубы шьются съ разными украшеніями; по таліи и вездѣ на бокахъ вставлены лоскутья разноцвѣтнаго сукна прихотливыми узорами, и отъ воротника висятъ длинныя застежки съ металлическими шариками, а иногда просто мишурные шнурки серебрянаго или золотаго цвѣта. На шеѣ множество монистъ, которыя опускаются иногда низко и волнистыми рядами лежатъ на прекрасно развитой груди. Выходя со двора, руснячки обвязываютъ голову платкомъ, подобно молдаванкамъ, отчего вы не встрѣтите женщины съ загорѣлымъ лицемъ и испеченной шеей, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается у нашихъ крестьянокъ.

Приднѣстровскіе руснаки праваго берега трудолюбивы, добродушны и робки — послѣднее качество заимствовано отъ молдаванъ; но обитатели кусочка нашей Буковины въ пограничныхъ селеніяхъ развиты и съ успѣхомъ занимаются контрабандой. Винить въ этомъ крестьянина, конечно, нельзя въ такой степени какъ чиновника, но подобная торговля имѣетъ недоброе вліяніе на жителей, пріучаетъ ихъ къ скрытности, развиваетъ хитрость и служитъ проводникомъ многихъ порочныхъ наклонностей. Крестьяне однакожъ рѣдко торгуютъ сами, а дѣйствуютъ въ пользу евреевъ, которые, какъ пауки, притаились по самымъ глухимъ деревнямъ вблизи границы, и у нихъ все, какъ говорится, шито и крыто. Здѣсь, впрочемъ, на описываемой мною мѣстности, контробанда небольшаго размѣра, за то по Пруту доходитъ до значительной цифры. Приднѣстровскіе контробандисты переносятъ чай, сахаръ, спички, полотно, но главное—переправляютъ лошадей и скотъ, смотря гдѣ на послѣдніе цѣны выше.

Если въ Галиціи скотъ и лошади дороже, ихъ переправляютъ изъ Бессарабіи, если же здѣсь цѣны выше, — перегоняютъ изъ Австріи. Понятно, само собою, что товаръ этотъ не покупной по большей части, а доставляется промышленниками своего рода.

Никогда не забуду я перваго своего путешествія въ нашу Буковину, въ глубокую осень, по береговой дорогѣ, по которой можно пробраться только въ руснацкой чертопхайкѣ. Разсчитывая на первый разъ лишь бѣгло взглянуть на неизвѣстное побережье, я взялъ съ собою продовольственныхъ запасовъ только дней на десять; но проведя тамъ, противъ ожиданія, все это время, я увидѣлъ, что припасы мои на исходѣ. Между тѣмъ я былъ уже въ сорока верстахъ отъ Хотина, а мнѣ предстояло путешествовать покрайней мѣрѣ недѣлю. Возвращаться же въ Хотинъ мнѣ еще не хотѣлось, и я рѣшился послать кого нибудь въ городъ. Стоя у воротъ, я говорилъ объ этомъ со своимъ хозяиномъ, а возлѣ небольшая кучка крестьянъ разсуждала о своихъ нуждахъ. Машинально направился я къ Днѣстру побродить по берегу. За мной шелъ руснакъ, беззаботно покуривая трубку.

— А чого вамъ треба до Хотіня? спросилъ онъ, когда мы поворотили за уголъ.

— Та я давъ бы записку чого треба.

— На щожъ вамъ посилать до Хотіня?

— А якъ же?

— Я вамъ принесу уселячини.

— Дежъ ты возьмешь?

— Отъ! ябъ то не знавъ! принесу и тільки.

Тогда только у меня мелькнула мысль, что недалеко за Днѣстромъ лежитъ австрійское мѣстечко. Конечно неблаговидно воспользоваться контробандой, но покупка моя, въ которой была необходимость, ограничивалась двумя, тремя рублями, а главное, мнѣ хотѣлось убѣдиться въ какой степени легко, въ виду двухъ разноплеменныхъ кордоновъ, сообщеніе съ заграницей. Передо мною стоялъ крестьянинъ такъ себѣ, небольшой, сухощавый, но глаза его бѣгали быстро и повидимому пристально всматривались въ мою физіономію. Я подумалъ, нѣтъ ли у него запасу на дому и сказалъ:

— Хорошо, принеси мнѣ что скажу, я заплачу.

— Давайте гроші.

Я вынулъ трехрублевый билетъ.

— Э, дайте срібла, або злота, на папері (бумажка) прийдетця багато (много) стратить.

Онъ даже зналъ курсъ!

— Мнѣ нужно, сказалъ я, око (3 фунта) сахару, око свѣчей.

— Лоіовихъ (сальныхъ), чи тихъ паньскихъ?

— Паньскихъ, да принеси бутылку вина и двѣ коробочки запалокъ (спичекъ).

— Чую.

— Когда же ты принесешь?

— А въ ночі.

— Ну постарайся же, а я дамъ на водку.

— Та я жъ вогорю, що сіогодня принесу.

И я вручилъ незнакомому руснаку три рубля монетою.

Вечеръ сдѣлался бурный, но несмотря на это, къ концу его, когда я уже ложился спать, скрыпнула дверь, и посланный мой, обмокшій отъ дождя, вошелъ, держа подъ мантой шерстяную торбу — неразлучную дорожную спутницу руснака. Всѣ требуемые припасы оказались лучшаго качества и необыкновенно дешевы.

— Какъ же ты ухитрился? спросилъ я контробандиста.

— Теперь самая лучшая *добá* (пора).

— А кордонные?

Руснакъ махнулъ рукою.

— Той теперь непобачыть, сказалъ онъ.

Впослѣдствіи я замѣтилъ, что многіе руснаки солдатъ пограничной стражи называютъ мѣстоименіемъ *той* (тотъ).

— А если бы увидѣлъ? спросилъ я.

— То уже наше діло. А щобъ іому зо баришъ зъ мене сіогодня? Отъ якъ беремо у австріяка *горівку* (водку), то якъ треба мини око, я купую два, бо якъ *той* спотка (встрѣтитъ), треба ся поділити.

Я разстался съ услужливымъ руснакомъ, и, посѣщая потомъ Буковину, разумѣется не пользовался услугами подобнаго рода, потому что бралъ съ собою порядочные запасы. Мнѣ какъ то везло пріобрѣтать расположеніе простолюдиновъ, и я узналъ многія продѣлки. Интереснѣе всего какъ пріобрѣтается въ Австріи водка, которая гораздо дешевле и несравненно лучше бес-

сарабской. Здѣсь границей узенькій Днѣстръ. Бессарабскіе рыбаки ѣздятъ въ челнокахъ до половины рѣчки, а галиційскіе въ такихъ же лодочкахъ шныряютъ у своего берега. Условившись съ заграничнымъ собратомъ о количествѣ водки, руснакъ нашъ выѣзжаетъ передъ сумерками на ловлю. Галиціанинъ привязываетъ небольшой боченокъ къ своей лодкѣ и ловко передаетъ пріятелю бичевку, а нашъ прикрѣпляетъ ее къ гвоздику и приплываетъ къ своему берегу. Штука очень простая, и если досмотрщики не ловятъ водки, такъ вѣроятно потому, что и сами пользуются запрещеннымъ, но отличнымъ и дешевымъ товаромъ. Собственно въ большихъ размѣрахъ контробанда идетъ въ Бессарабію по сухой границѣ и чрезъ Прутъ, или по границѣ Подольской губерніи, слѣдуя по двумъ направленіямъ: чрезъ Хотинъ, гдѣ большіе ея склады, и чрезъ мѣстечко Бричаны, откуда уже развозится внутрь имперіи. Занимаются этимъ дѣломъ преимущественно евреи, но есть и нѣсколько руснаковъ извѣстныхъ контробандистовъ. Приднѣстровскіе же обитатели вверхъ тоъ Хотина, какъ я сказалъ уже, достаютъ вещи для собственнаго употребленія, занимаются переправой скота и лошадей и помогаютъ евреямъ въ непозволительныхъ аферахъ.

Руснаки трудолюбивы, но богатыхъ очень немного, вслѣдствіе особенныхъ условій тамошняго крестьянскаго быта, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Воздѣлывается здѣсь, какъ и вообще во всей Бессарабіи, преимущественно кукуруза, составляющая, можно сказать, единственную пищу земледѣльца. Жителю отдаленныхъ губерній покажется невѣроятнымъ, но въ Бессарабіи простолюдинъ питается одной *мамалыгой*. Незатѣйливое это кушанье приготовляется изъ кукурузной муки и замѣняетъ всевозможныя кушанья. Обыкновенно кипятятъ воду въ котелкѣ и по мѣрѣ кипѣнія подбрасываютъ горстями муку, помѣшивая ее ложкою. Когда сварится тѣсто, его выбрасываютъ на чистую дощечку или на низенькій круглый столъ, имѣющійся для этой цѣли, и трапеза готова. Разрѣзываютъ мамалыгу ниткой и ѣдятъ съ молокомъ, творогомъ, масломъ, солеными огурцами, смотря по обстоятельствамъ. Простывшая, она замѣняетъ хлѣбъ, который по деревнямъ большая рѣдкость. Дѣти, которыя вездѣ обыкновенно часто ѣдятъ, въ Россіи просятъ хлѣбца, хлѣбушка, въ Малороссіи *папи*, а здѣсь обращаются къ матерямъ съ просьбою *мамалижки*. Даже собакамъ и кошкамъ бросаютъ мама-

лыгу. Не знаю въ какой мѣрѣ пища эта питательна, но она чрезвычайно насыщаетъ, и я не видѣлъ въ Бессарабіи другихъ кушаньевъ какъ борщъ (непохожій на малорусскій) и мамалыгу; первый однакоже попадается рѣдко. Развѣ у *резешей* (собственники) да у зажиточнаго крестьянина и то по праздникамъ, появляется на столѣ мясо, но обыкновенно готовится мамалыга. И скоро и удобно. Мнѣ самому приходилось по нѣсколько дней питаться этимъ блюдомъ, и хотя сначала казалось оно мнѣ приторнымъ, однако скоро къ нему привыкаешь, и со свѣжимъ, хорошимъ масломъ можно ѣсть его съ удовольствіемъ.

Изба у руснака малорусская, съ тою только разницею, что по большей части нѣтъ дымовыхъ трубъ, а дымъ выходитъ круглымъ отверстіемъ въ сѣни, и по своему обыкновенію наполняетъ и комнату. Мебель и прочія принадлежности болѣе сходны съ молдавскими, въ особенности множество ковровъ и ковриковъ, прибитыхъ и постланныхъ, гдѣ только представляется возможность, отличаютъ руснацкую хату отъ малорусской. Чистая изба, предназначенная для гостей, убрана вездѣ очень хорошо, развѣ уже хозяинъ такой бѣднякъ, что тѣснится въ одной клѣткѣ. Обычай этотъ, впрочемъ, соблюдается не по всей нашей Буковинѣ—здѣсь за Хотиномъ по Днѣстру народъ живетъ довольно убого, но все таки, по возможности, коврики постланы хоть по лавкамъ. У зажиточныхъ по лавкамъ кладутся еще и войлоки. На постели положена цѣлая груда подушекъ съ цвѣтными каймами и пирамида одѣялъ и ковровъ, согнутыхъ въ четверо, предназначаемыхъ на приданное дочерямъ. Образъ жизни руснаковъ ничѣмъ не отличается въ сущности отъ повсемѣстнаго крестьянскаго; здѣсь, какъ и вездѣ, увидите вы—постоянный, часто неблагодарный трудъ и заботы о хозяйствѣ. Земледѣльческія орудія и вся домашняя утварь тѣ же, что у малорусовъ за исключеніемъ молдавскаго топора (бардà), котораго я не встрѣчалъ нигдѣ, кромѣ Бессарабіи. Обыкновенная сѣкира есть и у руснаковъ, служащая для рубки дерева, но *бардá* употребляется собственно при обтесываніи. Полное очертаніе барда напоминаетъ великорусскій топоръ, но вырѣзка въ немъ дѣлаетъ его болѣе легкимъ и, какъ говорятъ, удобнымъ. Плугъ, борона, вилы, грабля, коса, рало—не отличаются отъ употребляемыхъ на Украйнѣ, только воловыя ярма еще допотопнѣе малорусскихъ.

Конныя повозки очень невмѣстительны и всегда дѣлаются съ

дышломъ; даже тотъ, у кого одна лошадь, запрягаетъ ее въ дышло. Еслибы кому пришла фантазія пріѣхать сюда въ тарантасѣ съ оглоблями и путешествовать на обывательскихъ, тому предстояло бы много затрудненій. При ѣздѣ на лошадяхъ здѣсь тоже замѣчательно одно общее съ молдаванами обыкновеніе: руснакъ на горы не обращаетъ никакого вниманія, и надо ужъ, чтобы гора была слишкомъ *стрямка́*, тогда только онъ приметъ какую нибудь предосторожность, а то летитъ въ карьеръ или покрайней мѣрѣ хорошею рысью. Сначала съ непривычки меня это безпокоило, но потомъ, когда я замѣтилъ пріѣздку лошадей, которыя, какъ бы ни бѣжали подъ гору, всегда сдерживаютъ экипажъ, а на гору летятъ изъ всѣхъ силъ, я мало по малу вошелъ во вкусъ и пришелъ къ заключенію, что руснакъ или молдаванъ не спустится только тогда, если гора будетъ стоять отвѣсною скалою. Вся Бессарабія, за исключеніемъ Буджоки, покрыта чрезвычайно волнистою мѣстностью, и есть очень крутые спуски и подъемы.

Распашка земли идетъ обычнымъ у насъ допотопнымъ способомъ, а главный продуктъ крестьянскаго земледѣлія—кукуруза. Сѣютъ ее раннею весною, но какъ не придумали еще способа сѣять такъ, чтобы не тратить напрасно лишнихъ зеренъ, то чрезъ нѣсколько времени ее *прашуютъ*, т. е. пропалываютъ, оставляя между стеблями нѣкоторое пространство, необходимое для развитія растенія. Потомъ уже позднею осенью ее ломаютъ, очищаютъ отъ шелухи и складываютъ въ особаго рода хворостянные хлѣвцы (кошницы), торчащіе у избъ словно башенки. Другаго хлѣба не сѣетъ руснакъ, но помѣщики воздѣлываютъ и пшеницу. Кукуруза остается въ полѣ безъ присмотра—не такъ какъ въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ сѣютъ ее вмѣстѣ съ дынями и арбузами на бакшѣ, или въ огородахъ, какъ овощь, составляющій лакомство,—потому что у каждаго бѣдняка есть своя плантація. Осенью только ѣдятъ ее деревенскія собаки, которыя отправляются въ поле и выбираютъ лучшіе кочаны, да въ Буковинѣ портятъ ее по ночамъ дикія свиньи. Собаки впрочемъ наносятъ вредъ незначительный, потому что ѣдятъ гдѣ попало, и при томъ въ иныхъ деревняхъ существуетъ обычай, во все время пока созрѣваетъ и убирается кукуруза—собакъ держать дома на привязи. Значитъ, отъ собакъ не великъ ущербъ для кукурузы. Но дикія свиньи, куда повадятся, особенно со ста-

ей поросятъ, не оставятъ ни стебля на нивѣ, пока не окончатъ ее совершенно. Руснаки зачастую засѣдаютъ съ ружьями и угощаютъ свинцомъ незванныхъ гостей, но рѣдко это удается. Раза четыре ходилъ я въ ночныя экспедиціи, но не приходилось даже стрѣлять. Руснаки увѣряютъ, что свинья далеко слышитъ запахъ пороха, но если животное это и не обладаетъ такимъ утонченнымъ обоняніемъ, то слухъ у него долженъ быть очень острый: самый тихій говоръ и легкій шумъ заставляютъ его быть осторожнѣе. Одинъ разъ явственно слышалъ я хрюканье свиньи и шелестъ въ кукурузѣ. Въ это время спутникъ мой, лежавшій въ травѣ, хотѣлъ привстать на колѣни, какъ нечаянно попалъ на колючку и весьма негромко произнесъ проклятіе отъ боли. Хрюканье прекратилось, даже не слышно было шелеста и мы послѣ того прождали напрасно часа два въ своей засадѣ. Руснаки однакоже убиваютъ свиней въ лѣсахъ, и мнѣ доводилось лакомиться вкусной поросятиной. Жаренные дикіе поросята составляютъ довольно лакомое блюдо. Руснаки разсказываютъ, что въ прежнее время дичи было гораздо больше,—жалобы, встрѣчаемыя впрочемъ повсемѣстно.

Крестьяне и продаютъ кукурузу, у кого есть лишняя. На этотъ хлѣбъ всегда есть требованіе и потому цѣна на него всегда порядочная. Но руснаки продаютъ кукурузу почти за безцѣнокъ мѣстнымъ евреямъ, которые имѣютъ множество средствъ воспользоваться, чуть не даромъ, трудомъ крестьянина. Изъ всѣхъ евреевъ русской имперіи—надо сказать правду—нигдѣ нѣтъ такихъ закоренѣлыхъ фанатиковъ и недобросовѣстныхъ людей, какъ бессарабскіе евреи. Вездѣ племя это болѣе или менѣе поддается вліянію времени, вездѣ въ немъ примѣтны зачатки, положимъ и несознаваемой еще, реформы, но симптомы которой даютъ предчувствовать перемѣну къ лучшему, хоть въ будущемъ поколѣніи. Бессарабскіе евреи словно ограждены китайскою стѣною отъ всякаго внѣшняго вліянія, и, наживаясь на счетъ молдаванъ и руснаковъ, не только употребляютъ всевозможныя непозволительныя продѣлки, но изощряются въ изобрѣтеніи новыхъ невообразимыхъ плутней. Это чистая язва для простодушнаго и кроткаго населенія. Сколько ни проѣхалъ я губерній для изученія крестьянскаго быта, сколько ни описывалъ мѣстностей, я не высказывалъ этого мнѣнія. Значитъ, я говорю такъ не изъ нетерпимости—качества, которымъ слава Богу не обладаю,—не

изъ какихъ либо личныхъ побужденій, но не могу скрыть истины, бросавшейся мнѣ въ глаза въ теченіе почти двухлѣтняго странствованія по днѣстровскимъ прибрежьямъ. Проживаютъ евреи въ деревняхъ подъ разными видами и предлогами. Иной имѣетъ осѣдлость, другой держитъ на арендѣ имѣніе, разумѣется частнымъ образомъ, и обдираетъ народъ; третій беретъ у помѣщика на откупъ *дижму*, т. е. десятину съ продуктовъ, которую крестьяне обязаны доставлять владѣльцу; четвертый арендуетъ мельницу, пятый закупаетъ сады, и всѣ они, кромѣ спеціальнаго занятія, предаются болѣе спеціальному ростовщичеству. Такъ называемая *камата* (процентъ) растетъ у нихъ не по днямъ, а по часамъ. Одинъ руснакъ выразился очень оригинально. «Жидівський левъ и неоглянесся, якъ уродить карбованця». Левъ—гривенникъ. Обыкновенно крестьянинъ въ случаѣ нужды въ деньгахъ,—а деньги ему нужны часто, кромѣ податей, на разные общественные сборы,—идетъ куда же какъ не къ еврею. Послѣдній ломается и покупаетъ или кукурузу будущаго урожая, почемъ самъ знаетъ, или овцу, теленка, или беретъ проценты, по 10 въ мѣсяцъ, назначая непремѣнно такой срокъ, когда знаетъ, что у крестьянина денегъ быть не можетъ. Приходитъ срокъ, еврей является за деньгами. Бѣдный проситъ отстрочки, за которую предлагаетъ какое нибудь пожертвованіе. Еврей изъ сожалѣнія соглашается, но высчитываетъ *камату* на *камату* такимъ образомъ, что капиталъ утраивается. Въ случаѣ неисправности плательщика, заимодавецъ имѣетъ всѣ средства взыскать долгъ, по своимъ связямъ съ волостнымъ правленіемъ и вообще съ земской полиціей. Этотъ гнетъ руснаки сносятъ безропотно, но невыносимымъ кажется имъ иго, если помѣщикъ отдаетъ *дижму* на откупъ еврею, и послѣдній помыкаетъ ими какъ крѣпостными. Были случаи во время моего путешествія, что еврей взыскивалъ съ крестьянъ, если они не снимали передъ нимъ шапки.

Кромѣ земледѣлія въ Буковинѣ занимаются садоводствомъ и преимущественно разведеніемъ сливъ, которыми буквально засажены деревни, лежащія по Днѣпру или неслишкомъ отъ него удаленныя. Отсюда то и еще изъ окрестностей Старой Ушицы (Подольск. губ.) отправляются огромные обозы съ черносливомъ и расходятся по имеріи. Черносливъ приготовляется самымъ простымъ способомъ. У каждаго почти крестьянина сдѣлана въ

саду небольшая коптильня, на которой подсушиваются сливы, отчего онѣ нестерпимо пахнутъ дымомъ. А плодъ вообще очень хорошъ, такъ что еслибы употребить другіе пріемы, однимъ словомъ улучшить сколько нибудь производство, мы имѣли бы превосходный черносливъ за весьма недорогую цѣну. Въ Буковинѣ крестьяне также воздѣлываютъ въ огородахъ *аписъ*, закупаемый евреями, но говорятъ, что это невыгодно по случаю весьма низкихъ цѣнъ.

Праздникъ руснаки проводятъ, по обычаю всѣхъ простолюдиновъ, разумѣется за чаркой, у кого есть средства, а молодежь, какъ и у молдаванъ, сбирается у корчмы на танцы. Обыкновенно является какой нибудь незатѣйливый музыкантъ, и пляска длится до вечера. Танцы не имѣютъ оригинальности, и рѣдко найдется удалецъ, который отпляшетъ съ особеннымъ шикомъ отчаянную присядку. Молодые парни здѣсь, по примѣру молдаванъ, держатъ свою собственную верховую лошадь съ доброю сбруей, для того, чтобы ѣздить на танцы и на свадьбы, и развѣ уже самый бѣдный не имѣетъ верховаго коня. За то и деревенскія красавицы смотрятъ на него не съ такимъ вниманіемъ, какъ на молодаго наѣздника. Въ праздникъ здѣсь не работаютъ, развѣ по принужденію помѣщика, и посты строго соблюдаются простонародьемъ. У руснаковъ впрочемъ праздниковъ больше, чѣмъ у другихъ православныхъ, или точнѣе выразиться, руснаки чаще и продолжительнѣе предаются веселой гулянкѣ. Каждый мало-мальски зажиточный крестьянинъ, во время храмоваго праздника въ своей деревнѣ, считаетъ обязанностью приготовить угощеніе, сколько позволяютъ средства, и ожидаетъ гостей, знакомыхъ и незнакомыхъ, не только изъ сосѣднихъ деревень, но даже лежащихъ довольно далеко. Послѣ обѣдни милости просимъ кому угодно, и пиръ продолжается нерѣдко недѣли двѣ слишкомъ. Гуляетъ вся деревня отъ мала до велика; пожилые сидятъ и пируютъ по домамъ, а молодежь у корчмы, и музыка, пѣсни, пляска не перестаютъ далеко за полночь. Деревни въ Бессарабіи часты, слѣдовательно нѣтъ недостатка въ храмовыхъ праздникахъ, а руснакъ поѣдетъ на пиръ, пожалуй, верстъ за двадцать и за тридцать. Случается, что въ деревняхъ остаются только старики да дѣти. Но здѣсь замѣчательно одно обстоятельство. Дѣвушка, если идетъ только пѣшкомъ въ другое село, несмотря ни на какой жаръ, положимъ въ іюнѣ, не можетъ

показаться въ свѣтѣ безъ своей красивой шубки, и потому несетъ ее на плечахъ непремѣнно. И такова сила обычая, что сколько я ни старался вразумлять дѣвушекъ, онѣ никакъ несоглашались отправляться въ легкихъ костюмахъ.

— Будуть люде ся сміяти, отѣвчала мнѣ однажды черноглазая Марица, моя хозяйка:—а якъ зъ дівчини ся посміють, то хоть камінь на шию и въ воду.

Подите же какъ иногда условны приличія; молодая дѣвушка лѣтомъ не можетъ уйдти изъ села безъ шубки, а не задумается выбранить кого нибудь самыми непристойными словами.

Пьяныхъ я видѣлъ множество, проскакивали и ссоры, но драки случались весьма рѣдко, покрайней мѣрѣ на тѣхъ нѣсколькихъ храмовыхъ праздникахъ, на которыхъ мнѣ удавалось присутствовать. При крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, обычаевъ, различающихся съ малорусскими, я не замѣтилъ, хотя конечно не могу сказать утвердительно, что такихъ нѣтъ вовсе, потому что пять или шесть обрядовъ, видѣнныхъ мною, и то не во всей подробности, не дозволяютъ судить объ этомъ положительно. Здѣсь какъ нельзя болѣе прилагается пословица: что городъ—то норовъ, что село—то обычай.

Отношенія между молодыми людьми до свадьбы у руснаковъ—такія же какъ и въ Малороссіи: парень съ дѣвушкой любезничаетъ открыто, короткость между ними большая, но ласки не переходятъ предѣла, послѣ котораго не остается ничего желать болѣе. Бываютъ случаи,—мнѣ разсказывали сами же руснаки,—что иная дѣвушка не сохраняетъ невинности, но только участникомъ ея проступка не будетъ тотъ, кому она обѣщала свою руку. Странный фактъ! Во всякомъ случаѣ, еслибы избранный воспользовался ея слабостью, то онъ самъ не захочетъ уже на ней жениться, въ силу укоренившагося обычая. Но страннѣе то обстоятельство, что дѣвушка, проводитъ постоянно время съ молодымъ человѣкомъ, котораго любитъ—иначе нельзя и допустить, потому что это дѣло свободнаго выбора,—а увлекается съ другимъ, на котораго даже не падаетъ подозрѣніе. Впрочемъ я говорю о подобныхъ случаяхъ, какъ объ отдѣльныхъ и рѣдкихъ, хотя въ *Райѣ* и трудно ожидать чистоты нравовъ въ этомъ отношеніи, когда живы еще старики, видѣвшіе среди себя въ деревняхъ бытъ сластолюбивыхъ турокъ. Не смотря однакоже на недавнее владычество послѣднихъ, малорусская раса взяла

свое: и увлекшуюся дѣвушку ожидаетъ судъ общественнаго мнѣнія, которое успѣло возродиться и окрѣпнуть въ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ при всегдашнемъ военномъ постоѣ и при вліяніи помѣщиковъ, долго сохранявшихъ турецкіе нравы.

Что касается религіи, то руснаки, по примѣру всѣхъ простолюдиновъ, обращаютъ больше вниманія на обряды и наружныя формы, въ чемъ ихъ конечно и винить невозможно. Не ѣсть въ посты скоромнаго, не работать въ праздникъ, снять шапку и перекреститься, проходя мимо церкви, поставить во время обѣдни свѣчку, сотворить нѣсколько земныхъ поклоновъ, утромъ и вечеромъ пролепетать молитву съ ошибками, которой зачастую не понимаетъ, какъ напр. сүмволъ вѣры,—вотъ въ чемъ заключается религія для нашего простолюдина. Онъ свято исполняетъ также всѣ преданія церкви, относительно таинствъ, но рѣшительно не знаетъ Евангелія, которое хотя и читаютъ внятно и протяжно, но на языкѣ мало доступномъ; а объ изъясненіи этой святыни я и не говорю, потому что кто же станетъ объяснять крестьянамъ Евангеліе! Проповѣдники наши хоть и берутъ иногда предметомъ тексты изъ Новаго завѣта, однако проповѣди, написанныя по правиламъ риторики, по возможности пышнымъ слогомъ, непонятны простонародью, особенно не великорусской расы. Церкви въ Бессарабіи вообще бѣдны. Простенькое строеніе изъ камня или деревянное, отличающееся отъ дома только желѣзнымъ крестомъ,—вотъ храмъ бессарабскій, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній, гдѣ церкви замѣтны издали. Утварь тоже вездѣ самая убогая. Бываютъ случаи въ руснацкихъ селеніяхъ, что на мѣсто заболѣвшаго или отлучившагося дьячка, является причетникъ изъ молдавской деревни и читаетъ по молдавски. Духовенство стоитъ на той же степени образованія, что и наше; занимается сельскимъ хозяйствомъ и по обычаю смотритъ на приходъ, какъ на болѣе или менѣе выгодное помѣстье. По крайней мѣрѣ я не замѣтилъ другаго направленія.

Въ руснацкихъ деревняхъ нѣтъ сельскихъ училищъ, потому что онѣ, за исключеніемъ одной, всѣ помѣщичьи, а помѣщики въ Бессарабіи состоятъ изъ разнородныхъ племенъ и имѣютъ одну цѣль — извлечь какъ можно больше выгодъ изъ своихъ имѣній. Нравственность народа, его развитіе и благосостояніе не имѣютъ для нихъ никакого значенія, а мѣстныя власти до сихъ поръ еще вѣроятно не улучили времени подумать объ

учрежденіи училищъ. Не смѣю даже сказать есть ли въ народѣ стремленіе къ грамотности, ибо нѣсколько случаевъ нельзя принять за общее желаніе, тѣмъ болѣе, что бесѣдуя съ крестьянами, я часто слыхалъ: на что намъ грамота? Грустная истина, но горю пособить иначе нельзя какъ при инициативѣ свыше. Не говорю у молдаванъ—тамъ трудно завести училища: учиться молдавской грамотѣ не позволяютъ, а по русски будетъ мало охотниковъ; но въ руснацкихъ деревняхъ, именно въ Хотинскомъ уѣздѣ (въ Сорокскомъ ихъ немного), я предложилъ бы учить народъ по граматкѣ г. Кулеша, столь удобной и такъ легко изучаемой малорусами. А немного стоило бы труда завести училища. Народъ легко убѣдить въ необходимости грамоты, и большія села безъ хлопотъ учредили бы школы, въ которыхъ на первыхъ порахъ учителей могли бы замѣнить священники. Крестьяне (человѣкъ десять не больше, надо правду сказать), которые скорбѣли объ отсутствіи училищъ, выражали сожалѣніе главнѣйше о томъ, что дѣти ихъ по безграмотству не могутъ хорошо молиться Богу; другихъ мотивовъ они не сознаютъ—значитъ, легко дѣйствовать на убѣжденіе крестьянина. На помѣщиковъ въ этомъ случаѣ надѣяться нечего,—они сами не займутся учрежденіемъ училищъ; но отчего не принять бы участія въ этомъ благомъ дѣлѣ областнымъ властямъ и хоть бы нѣсколько приготовить почву для послѣдующихъ дѣятелей.

Здѣсь, я полагаю, кстати сдѣлать легкій очеркъ быта бессарабскаго крестьянина, который, положимъ, мнѣ извѣстенъ только по прибрежьямъ Днѣстра, но не долженствующій много разниться и внутри страны, гдѣ бывалъ я мимоходомъ. Казенные крестьяне, которыхъ здѣсь не такъ много, управляемые палатою государственныхъ имуществъ, подходятъ подъ уровень своихъ собратовъ прочихъ губерній; но владѣльческіе, состоя на общемъ правѣ, заслуживаютъ, чтобы о нихъ поговорить подробнѣе. Извѣстно, что крѣпостное право въ Бессарабіи тяготѣетъ надъ одними цыганами, составляющими классъ дворовыхъ; но собственно крестьяне свободны—и живутъ на владѣльческихъ земляхъ по контракту, основанному на обоюдномъ договорѣ. Въ силу положенія, составленнаго землевладѣльцами и утвержденнаго правительствомъ, помѣщикъ за землю, даваемую крестьянамъ, пользуется отъ послѣднихъ только 12 днями работы въ годъ, да десятой частью отъ продуктовъ; за тѣмъ не сущест-

вуетъ никакихъ взаимныхъ отношеній. Сельскія общины избираютъ старосту, группируются въ волости подъ начальствомъ тоже выбраннаго головы и повидимому пользуются самоуправленіемъ подъ вѣдѣніемъ земской полиціи. Но въ это самоуправленіе вкралась помѣщичья власть, ибо помѣщикъ можетъ наказать крестьянина за лѣность и грубость, по закону, самымъ незначительнымъ количествомъ ударовъ. Казалось бы чего и желать болѣе. Край долженъ благоденствовать, и онъ дѣйствительно благоденствуетъ...... на бумагѣ, въ отчетахъ начальства. На дѣлѣ выходитъ совершенно другое, и нѣтъ у насъ въ Россіи бѣднѣе и угнетеннѣе сословія, какъ бессарабскіе владѣльческіе крестьяне, вслѣдствіе злоупотребленій чиновничества и отчасти по причинѣ довѣрія правительства къ составителямъ положенія о распредѣленіи рабочаго времени. Двѣнадцать рабочихъ дней въ годъ, казалось бы, какое слабое вознагражденіе за землю; но это самая незначительность количества и должна была возродить подозрѣніе въ существованіи какой нибудь недобросовѣстной лазейки, безъ чего дворянство могло бы служить образцомъ гуманности и высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Я самъ думалъ сначала, что владѣльческіе крестьяне народъ лѣнивый и неблагодарный, бѣдность ихъ приписывалъ пьянству, порокамъ и непростительной безпечности, ставилъ имъ въ примѣръ прочія губерніи, гдѣ крестьянинъ отдаетъ половину труда, а все таки при усердіи и заботливости имѣетъ кусокъ хлѣба; но ближайшее знакомство съ краемъ открыло мнѣ глаза, и я убѣдился, что бессарабскій крестьянинъ работаетъ больше другихъ, и что личность его не избавлена ни отъ побоевъ, ни даже отъ истязаній. Многимъ это можетъ показаться невѣроятнымъ; найдутся люди, готовые опровергать меня, вооружась печатными постановленіями; но вѣдь и я недаромъ жилъ по деревнямъ Бессарабіи. Замѣтьте, что вездѣ, говоря о рабочихъ дняхъ, помѣщикъ прибавитъ прилагательное *пунктовый*, а пунктовый день къ обыкновенному рабочему дню относится какъ одинъ къ осьми или покрайней мѣрѣ къ семи. Уроки работы такъ разсчитаны, особенно во время жатвы, что крестьянинъ съ семьею едва отбудетъ одинъ день въ теченіе цѣлой недѣли. Помѣщикъ обязанъ требовать только по три дня въ каждое время года, но онъ, по обстоятельствамъ, отбираетъ свои дни, когда ему удобнѣе, несмотря на ущербъ крестьянскихъ

работъ, имѣя поддержку въ снисходительной земской полиціи. Впрочемъ и во время спѣшныхъ полевыхъ работъ, когда люди выйдутъ на барщину и нѣкоторое время поработаютъ, если пойдетъ дождь, крестьяне отпускаются по домамъ и могутъ заниматься чѣмъ имъ угодно. Прикащикъ, а иногда и самъ посессоръ, вооруженный длинной плетью, точь въ точь американскій плантаторъ, присматриваетъ за рабочими, и нерѣдко кнутъ безнаказанно гуляетъ по спинѣ свободнаго крестьянина. Мало этого, помѣщикъ или посессоръ требуетъ отъ старосты законнаго удовлетворенія, а староста, почти всегда состоя на откупу у владѣльца и пользуясь кое-какими выгодами, составляетъ приговоръ, и розги иллюминуютъ абрисъ, проведенный предварительно плетью. Здѣсь въ рѣдкихъ имѣніяхъ (за исключеніемъ Хотинскаго уѣзда) живетъ помѣщикъ, а если и живетъ, то не мѣшается въ управленіе, потому что имѣнія отдаютъ въ аренду посессорамъ грекамъ, армянамъ, полякамъ, молдаванамъ, евреямъ и кое-гдѣ русскимъ. Заплативъ помѣщику порядочную сумму, посессоръ заботится только о наживѣ, и отъ подобнаго господина трудно ожидать гуманныхъ стремленій, да и мечтать о гуманизмѣ было бы какъ-то дико при взглядѣ на поименованныя національности. Притомъ же значительная часть имѣній принадлежитъ заграничнымъ монастырямъ, которые имѣютъ здѣсь своихъ повѣренныхъ, сколько помнится, преимущественно изъ монаховъ грековъ. Послѣдніе ими управляютъ сами, или отдаютъ имѣнія въ аренду. Управленіе монаховъ не отличается гуманностью, а гдѣ имѣнія отданы въ аренду, тамъ еще хуже, потому что монастыри требуютъ огромныя суммы отъ своихъ посессоровъ. И уходитъ заграницу, кажется, болѣе полумиліона серебромъ на содержаніе людей, отрекшихся отъ міра и земныхъ благъ.

Не имѣя ни клочка земли, бессарабскій крестьянинъ не пользуется и прутикомъ лѣсу, и несмотря, что сѣверная часть Бессарабіи покрыта лѣсами, мужикъ и тамъ, за дорогую сравнительно цѣну, покупаетъ у своего владѣльца топливо и вообще каждый кусокъ дерева, необходимый ему на разныя хозяйственныя надобности.

Кромѣ тяжелой барщины, отбываемой за подѣлъ земли, крестьянинъ обязанъ отдавать помѣщику *дижму*, т. е. десятую часть своихъ продуктовъ, и это феодальное право причиняетъ

бѣдному земледѣльцу едва ли не болѣе ущерба и горя, чѣмъ самая барщина и крѣпостная зависимость. Я увѣренъ, что никто не станетъ опровергать послѣдней, ссылаясь только на законы: если помѣщикъ имѣетъ право наказать мужика хоть однимъ ударомъ, то при снисходительности полиціи не трудно представить себѣ—до какой степени можетъ увеличиваться единица. Худо тамъ, гдѣ самъ владѣлецъ собираетъ *дыжму*, но еще хуже, гдѣ отдаетъ ее на откупъ еврею. Положимъ, что крестьянинъ необыкновенно трудолюбивъ, и работаетъ за двоихъ, такъ что, не взирая на огромную барщину, успѣлъ обработать удачно и собственное поле. И вотъ ему надо бы убирать хлѣбъ, свозить его, пользуясь погодой, но его *не дыжмуютъ*, т. е. у него еще не отбирали десятой части, безъ чего онъ не можетъ распорядиться плодами трудовъ своихъ. Не буду говорить касательно помѣщиковъ, потому что не доводилось слышать, но евреи получаютъ порядочные барыши, смотря по тому—раньше или позже отбираютъ свою десятину. Говорятъ, положительно запрещено закономъ еврею распоряжаться крестьянскимъ обязательнымъ трудомъ, но въ Бессарабіи сплошь и рядомъ племя это получаетъ различныя льготы и открыто пользуется непозволительными привилегіями. Я далекъ отъ какой бы то ни было нетерпимости и искренно желаю еврейскому племени гражданской полноправности; но бессарабскіе евреи не должны входить въ разсчетъ, пока не коснется ихъ сколько нибудь цивилизація, пока они не перестанутъ жить на счетъ бѣднаго земледѣльца вопіющими неправдами. Положа руку на сердце, можно сказать, что бессарабскіе евреи сосутъ всѣ здоровые соки изъ края въ ущербъ полубольному организму, который, не смотря на мѣстныя благодатныя условія, не можетъ придти во нормальное состояніе по свойству самой администраціи. Мнѣ искренно жаль двухъ добрыхъ и кроткихъ племенъ—молдаванъ и руснаковъ, опутанныхъ стѣснительными положеніями, борющихся постоянно и безплодно съ нуждою, и отдающихъ значительную часть своихъ скудныхъ доходовъ или на улучшеніе быта людей, скрипящихъ перьями, или на увеличеніе благосостоянія владѣльцевъ и тонкихъ грабителей евреевъ.

Разсадники сыновъ Израиля — города и мѣстечки. Есть напримѣръ въ Хотинскомъ уѣздѣ мѣстечко Бричаны, въ которомъ пять съ половиною тысячъ жителей, но въ этомъ числѣ едва

десятая часть христіанъ. О массѣ евреевъ можно судить по количеству ихъ учебныхъ заведеній, цифра которыхъ доходитъ до семнадцати. Ни одно изъ еврейскихъ семействъ не занимается земледѣліемъ, а всѣ торгуютъ или живутъ изъ барышей. Теперь вопросъ: чѣмъ могутъ торговать нѣсколько тысячъ торговцевъ въ глухомъ мѣстечкѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ границы? Понятно, что здѣсь играютъ главную роль два условія: контробанда и эксплуатація простодушныхъ поселянъ, собирающихся на ярмарки (такъ называются въ краю еженедѣльные базары). Надо сказать, что бессарабскіе евреи въ совершенствѣ знаютъ молдавскій языкъ и руснацкое нарѣчіе, а потому и не встрѣчаютъ никакого затрудненія въ сношеніяхъ съ простонародьемъ. Обходя шумныя ярмарки съ цѣлью изученія народнаго быта, особенно въ Хотинскомъ уѣздѣ, я любилъ останавливаться возлѣ группы евреевъ, торговавшихъ какой нибудь предметъ у руснака. Руснакъ, положимъ, вывелъ хорошую корову и протянулся себѣ на возу въ ожиданіи покупателей. Соломенный бриль или высокая барашковая шапка нахлобучены на глаза; длинные локоны развѣваются по вѣтру и руснакъ преспокойно куритъ люльку со множествомъ брелоковъ, словно на часовой цѣпочкѣ у второстепеннаго щеголя. Добрая корова давно уже привлекла вниманіе евреевъ, и они уже описали не одинъ концетрическій кругъ, оглядывая ее издалека и приторговывая разныя разности на возахъ, стоящихъ вокругъ, чтобы не дать повода владѣльцу коровы догадаться о ихъ прямомъ желаніи. Если на ярмаркѣ есть нѣсколько поссесоровъ, имѣющихъ нужду въ скотѣ и несчитающихъ грѣхомъ надуть крестьянина, евреи изъ любви и преданности давно уже нашли пороки въ животномъ и увѣрили, что они знаютъ эту корову, которую торговали прошлый годъ и Мордко и Волько и сама Хайка, но что добрые люди, спасибо, отговорили. Иной поссесоръ не поддается на подобную штуку и спроситъ руснака о цѣнѣ. Послѣдній иногда заломитъ чудовищную сумму, получитъ въ отвѣтъ дурака или что нибудь энергичнѣе, и лишается покупателя. Тогда евреи начинаютъ свои продѣлки. Вотъ одинъ, какъ бы мимоходомъ, заглядываетъ въ повозку.

— А що у тебе продать? спрашиваетъ онъ.

— Сліпий, небачишъ корови? отвѣчаетъ руснакъ.

— Корова? А я думавъ що друге.

Руснакъ не считаетъ приличнымъ продолжать разговоръ.

— Ну, а що бъ ти хотивъ за свою корову? ну?

— Двадцять пьять карбованцивъ.

— Якъ двадцать! Дежъ така ціна? Ну бо вогори чусшъ?

— Та яжъ вогорю двадцять пьять.

Другіе евреи стоятъ молча и усмѣхаются.

— Чуешь що я тобі скажу: возьми десять.

— И то грôші.

— Ти іого не слухай, подхватываетъ другой, подбѣгая къ возу; я дамъ одинадцать. Ну?

— Та идіть собі къ бісовій матері, яжъ вогорю свою цину.

— Ну чуешь, що я буду тоби говорить, вмѣшивается третій: одинадцать карбованцивъ и пять левовъ.

— Иди къ чорту.

— Такъ чуешь, більше мене нихто не дастъ: дванадцать карбованцивъ и око горівки.

При магическомъ словѣ горівки, руснакъ дѣлается привѣтливѣе, начинаетъ уступать понемногу, и кончитъ тѣмъ, что продастъ корову рублей за тринадцать и штофъ водки.

Справедливость однакоже требуетъ сказать, что одни только евреи сообщаютъ краю торговое движеніе, а безъ нихъ былъ бы рѣшительный застой. Теперь крестьянинъ покрайней мѣрѣ имѣетъ вѣрный сбытъ, хотя и за весьма небольшую цѣну. Но пусть бы евреи торговали нечестно, здѣсь еще можно иногда помочь горю,—зачѣмъ же они обираютъ народъ другими средствами; зачѣмъ, пользуясь недальновидностью и алчностью владѣльцевъ, посягаютъ на достояніе бѣднаго хлѣбопашца?

Кромѣ тяжкой зависимости отъ помѣщика, которая мало чѣмъ уступаетъ крѣпостному праву, бессарабскій владѣльческій крестьянинъ находится подъ безусловнымъ вѣдѣніемъ земской полиціи. Его приколотитъ голова, побьетъ участковый засѣдатель (становой), высѣчетъ и земскій начальникъ (исправникъ) не только за всякій вздоръ, но часто и безъ всякой причины. Мало этого, каждый канцелярскій чиновникъ можетъ наколотить зубы, неговоря уже о *калараиахъ*, которые въ деревнѣ играютъ роль баши-бузуковъ. Калараши—особый классъ полицейскихъ служителей, существующій только въ Бессарабіи. Каларашъ, если хотите, въ родѣ разсыльнаго, но непремѣнно кон-

ный, одѣтъ по казачьи и вооруженъ саблей и нагайкой. Калараши состоятъ при земскомъ судѣ и составляютъ какъ бы гвардію земскаго начальника. Куда нужно послѣднему, онъ разсылаетъ ихъ или беретъ съ собою, смотря по надобности. Въ присутствіи исправника калорашъ, конечно не забывается; но если посланъ куда нибудь одинъ, приводитъ въ ужасъ цѣлую деревню. Слѣдуя куда нибудь съ приказаніемъ, онъ обыкновенно пріѣзжаетъ въ деревню, бросаетъ свою лошадь и садится на крестьянскую, которую перемѣняетъ въ слѣдующемъ селѣ и такимъ образомъ исполняетъ порученіе. Но лошадь его, сколько ни находилась бы въ селеніи, ей обязаны давать овса и сѣна. О личномъ угощеніи калораша я и не говорю: всякое продовольствіе, особенно водка, доставляется ему въ подобающемъ количествѣ, въ противномъ случаѣ въ опасности не только личность хозяина, но и самаго старшины. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія чисто произвольны; калорашъ не имѣетъ ни на что права и никакой власти, но, состоя при земскомъ судѣ, спѣшитъ пользоваться привилегіями, захваченными полиціей. Пріѣздъ калораша въ деревню особенно пріятенъ деспоту-помѣщику, или поссесору, который, нн смотря на врожденную кровожадность, надѣленъ порядочной трусостью и не смѣетъ предаваться плантаторскимъ стремленіямъ на столько, на сколько бы ему хотѣлось. Калорашъ для такого господина самый пріятный гость, потому что нагайка его, принимая, разумѣется незаконно, видъ офиціальнаго орудія наказанія, можетъ безнаказанно гулять по спинамъ мужиковъ, почему нибудь заслужившихъ гнѣвъ помѣщика.

Независимо отъ этой непріятной стороны быта бессарабскаго владѣльческаго крестьянина, послѣдній сильно стѣсненъ и въ финансовомъ отношеніи. Расходы его неизбѣжные, но непроизводительные, слишкомъ велики, чтобы онъ могъ надѣяться улучшить когда бы то ни было свое благосостояніе. Казенныя подати, разумѣется, вездѣ одинаковы, но такъ называемый общественный сборъ доходитъ иногда до весьма значительной цифры и разлагается, смотря по произволу мѣстной уѣздной власти. Какъ и куда онъ расходуется про то вѣдаетъ бумага, на которой пишутся общія суммы, но подробности считаются вѣроятно ни для кого не интересными. Сборы эти однакожъ не избавляютъ крестьянина отъ всевозможныхъ натуральныхъ

повинностей, и нерѣдкость видѣть рабочихъ въ самую страдную пору гдѣ нибудь на большой дорогѣ верстъ за тридцать отъ мѣста жительства. Разоряютъ ихъ также общественные запасные магазины. Постройка ихъ обходится очень дорого, но еще тягостнѣе особенное свойство этихъ магазиновъ—требовать постоянной починки. Кромѣ всего, волостной голова, какъ безусловный хозяинъ, можетъ дѣлать разные наряды по усмотрѣнію, отстаивая владѣльческіе интересы и становясь деспотическимъ угнетателемъ простонародья. И здѣсь, выборъ головы одна кукольная комедія; воля и участье общины въ этихъ выборахъ играютъ самую ничтожную роль, а обыкновенно утверждаются люди, заслуживающіе довѣріе земской полиціи.

Въ законѣ, опредѣляющемъ отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ и vice versa, не обойдена, однакожъ, идея равноправности: послѣднимъ предоставлено право перехода, если пребываніе у помѣщика они считаютъ для себя невыгоднымъ. Но легко это сказать, а на дѣлѣ бѣдняку чрезвычайно трудно отойдти отъ владѣльца, потому что для этого нужно исполнить многія формальности, почти всегда недоступныя, или чрезмѣрно трудныя для крестьянина. По понятіямъ нѣкоторыхъ, если *царанинъ* (владѣльческій крестьянинъ) недоволенъ помѣщикомъ, хотя бы и выжилъ срокъ и желаетъ перейдти къ другому, то значитъ онъ дѣйствуетъ противу владѣльца — слѣдовательно ему необходимо *внушить* уваженіе. Извѣстно, что значитъ этотъ глаголъ въ иныхъ случаяхъ. Однимъ словомъ, пока царанинъ добьется перехода, не разъ ему придетъ на мысль пословица: «пока солнце взойдетъ—роса глаза выѣстъ». Но я не говорю, чтобы крестьяне совсѣмъ не переходили; бываютъ, хоть и рѣдко, эти случаи. И ужъ конечно бѣдняку должно быть очень худо, если онъ рѣшается оставить, не говорю родину, могилы предковъ, имѣющія такое важное значеніе, но и свою хату со всѣми постройками и незатѣйливыми удобствами. На новомъ мѣстѣ предстоитъ необходимость заводиться всѣмъ, а нельзя предположить, чтобы, оставляя прежняго владѣльца, онъ покончилъ свои счеты съ выгодою для себя. Есть однакоже примѣры, что переходили цѣлыя деревни.

Да не подумаетъ читатель, что въ цѣлой Бессарабіи, или, вѣрнѣе сказать, въ ея части, посѣщенной мною, нѣтъ ни одного помѣщика, который, соблюдая свои выгоды, смотрѣлъ бы вмѣ-

стѣ и на выгоды простаго люда, требуя, по возможности, должнаго и жертвуя частицею доходовъ. Конечно подобныя исключенія рѣдки, но все же они существуютъ, и я могъ бы поименовать два, три имѣнія, въ которыхъ обѣ стороны довольны и живутъ въ добромъ согласіи. Но справедливость заставляетъ сказать, что и бессарабскій помѣщичій крестьянинъ требуетъ улучшенія быта, или вѣрнѣе, измѣненія нормальнаго контракта, иначе онъ останется далеко позади крестьянъ прочихъ губерній. Государственный крестьянинъ, особенно мелкій собственникъ (резешъ), можно сказать благоденствуетъ сравнительно съ цараниномъ, и если послѣднему несуждено имѣть клочка собственной земли и угодьевъ, что все принадлежитъ помѣщикамъ, то покрайней мѣрѣ плата за трудъ царанина должна возвыситься значительно. Не спорю, что въ Бессарабіи очень выгодно имѣть имѣніе, что выгодно и служить тамъ при настоящемъ порядкѣ вещей; но вѣдь это еще не основаніе думать, чтобы подобное Эльдорадо могло пребывать in statu quo цѣлую вѣчность. Есть впрочемъ весьма наивные люди между бессарабскими помѣщиками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о положеніи владѣльческихъ имѣній. Иной господинъ, отдающій свое имѣніе какому нибудь закоренѣлому плантатору, считаетъ себя совершенно правымъ предъ крестьянами, потому что не онъ самъ ихъ притѣсняетъ и выжимаетъ изъ нихъ возможно-большіе доходы. Этого мало, такой господинъ сознаетъ даже, что арендаторъ его черезъ-чуръ жестокъ и грабитъ крестьянъ. Когда однажды началъ я разговаривать съ образованнымъ, по видимому, помѣщикомъ,—который даже получаетъ газеты (а это — рѣдкость въ знакомой мнѣ части Бессарабіи),—о томъ, что настоящій порядокъ вѣроятно измѣнится сообразно съ прочими губерніями имперіи, мой собесѣдникъ почти соглашался со мною.

— Допустимъ, сказалъ онъ, что у насъ много злоупотребленій, что крестьяне угнетены, и владѣлецъ можетъ ихъ притѣснять въ свою пользу, сколько хочетъ. Допустимъ, наконецъ, что правительство пересмотритъ нормальный контрактъ и измѣнитъ пунктовые дни. Я не спорю, что крестьянину будетъ лучше, да и помѣщику можно еще жить; но позвольте васъ спросить *куда дѣнутся сотни поссесоровъ съ семействами, которые имѣютъ теперь безбѣдный кусокъ хлѣба?*

Слѣдовательно поссесоръ, при существующихъ высокихъ цѣнахъ за наемъ имѣнія, иначе не можетъ получить барыша, какъ одними злоупотребленіями, падающими всей тяжестью на крестьянское сословіе. Но и помѣщики, сами занимающіеся хозяйствомъ, умѣютъ извлекать возможно большіе доходы, и повторю, что мало я знаю имѣній, гдѣ царанинъ не былъ бы эксплуатируемъ, нерѣдко самымъ вопіющимъ образомъ.

Дворянство, раздробленное на національности, не можетъ похвалиться образованіемъ, и если мнѣ встрѣчалось нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то они пока не имѣютъ еще вліянія на значительное большинство остальныхъ, частью потому, что люди стараго покроя неисправимы, а частью оттого, что сами скоро облѣниваются и, привыкнувъ къ деревенскому захолустью, теряютъ энергію. Иной, впрочемъ, образованный господинъ отличается отъ невѣжды сосѣда только тѣмъ, что получаетъ журналы, не носитъ допотопнаго балахона, а крестьянъ притѣсняетъ не хуже прочихъ, съ тою только разницею, что старовѣръ не сознаетъ этой дикой аномаліи, а болѣе современный помѣщикъ старается оправдаться грубостію и невѣжествомъ простанародья. Вообще у послѣднихъ развита общая болѣзнь — фраза, которою такъ удобно можно драпироваться и пожалуй иногда производить эффектъ въ малоразвитомъ обществѣ. И если припомнимъ какъ недавно еще, сперва первоклассные писатели наши, а потомъ журналы начали преслѣдовать фразу, если вникнемъ, что она до сихъ поръ не лишена права гражданства въ столицѣ, то понятно, какое значеніе имѣетъ она еще въ провинціи, гдѣ самыя отчаянныя риторическія фигуры, даже семинарской конструкціи, доставляютъ названіе оратора. А если разговоръ пересыпать выраженіями, выхваченными изъ журнальныхъ статей, выраженіями, смыслъ которыхъ непонятенъ и самому витіи, то въ околодкѣ непремѣнно возникнетъ къ оратору боязливо-ребяческое уваженіе. Но такова судьба фразы: не смотря на разинутые рты слушателей, которыхъ она приводитъ въ экстазъ, ни одинъ изъ послѣднихъ не вѣритъ въ истины, которыя старается она представить, и удивляется собственно и изворотливости, и бойкости оратора. Случилось мнѣ однажды присутствовать — впрочемъ не въ Бессарабіи—при интересной сценѣ во время съѣзда на именинахъ у богатаго помѣщика. Многочисленнымъ гостямъ отве-

дены были разныя помѣщенія во флигеляхъ, мастерскихъ и даже въ банѣ, гдѣ и я на верхней полкѣ занялъ себѣ квартиру. По уходѣ изъ большаго дома, гдѣ помѣщались только сильные міра, общество обыкновенно группировалось для продолженія преферанса или для болтовни, или наконецъ для потѣхи надъ какими нибудь дѣйствительно смѣшными, а подъ часъ и безотвѣтными, господами. Въ числѣ гостей былъ одинъ молодой человѣкъ, возвратившійся прямо изъ за границы, со всѣми аттрибутами европейца и съ безусловнымъ обожаніемъ заграничнаго быта. Но вы не думайте, что господинъ этотъ ѣздилъ въ чужіе краи для обогащенія себя познаніями; въ этомъ онъ не видѣлъ никакой необходимости. Окончивъ курсъ въ университетѣ и получивъ отъ батюшки болѣе тысячи душъ въ наслѣдство, онъ прокатился по Европѣ, прожилъ долго въ Парижѣ, накупилъ мимоходомъ разныхъ хозяйственныхъ машинъ и навезъ множество книгъ, взятыхъ безъ разбора. Всѣ глядѣли на него какъ на оракула, и разумѣется, этотъ молодой человѣкъ, уже по одному количеству душъ, получилъ помѣщеніе въ главномъ домѣ, тѣмъ болѣе еще, что былъ холостъ. Весь его разговоръ состоялъ изъ однѣхъ фразъ, но высказанныхъ довольно гладко, съ приличными вставками изъ иностранныхъ фельетоновъ. Что онъ отстаивалъ, что проповѣдывалъ, трудно было судить по отсутствію содержанія въ его бесѣдѣ, но слова: прогрессъ, либерализмъ, рутина сыпались у него постоянно и непріятно дѣйствовали на слушателей, которые хотя и удивлялись изумительному краснорѣчію и не понимали терминовъ, но догадывались, что въ нихъ кроется насмѣшка и обвиненіе большинству, особенно при тогдашнемъ состояніи духа нашихъ землевладѣльцевъ. Въ томъ же обществѣ гостилъ одинъ пожилой господинъ, какой-то отставной ротмистръ, извѣстный говорунъ и слывшій подъ именемъ умнаго и практическаго человѣка, «который хоть и не ученъ, а заткнетъ за поясъ всякаго ученаго». Иногда для большаго убѣжденія приводилось свѣдѣніе, что онъ былъ первый эскадронный командиръ въ дивизіи. Онъ не взлюбилъ молодаго оратора, и какъ послѣдній, можетъ быть, и безъ особеннаго сочувствія къ дѣлу, пускалъ фразы объ «эмансипаціи», то всѣ почти смотрѣли на него неблагосклонно и просили ротмистра отдѣлать заграничнаго либерала. Не забудьте, что это было вскорѣ послѣ извѣстнаго рескрипта виленскому

генералъ-губернатору. На другой день бала оставалось все почти общество, и молодой человѣкъ, какъ нарочно, за обѣдомъ прочелъ цѣлую лекцію о гуманности, свободномъ трудѣ, положимъ съ большими ошибками, путая и философовъ и экономистовъ, перескакивая изъ одной школы въ другую, но успѣлъ вооружить противъ себя присутствующихъ. Исправникъ, имѣвшій необходимость ладить со всѣми, пытался было обратить все въ штуку и говорилъ раза два оратору:—я ничего не слышу, какъ оффиціальное лицо, можете взять свои слова назадъ.

Отставной ротмистръ хмурился и вполголоса говорилъ своимъ сосѣдямъ, что «надо проучить выскочку», но какъ за обѣдомъ неловко, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, кажется, имѣетъ на него виды, то постарается устроить дѣло вечеромъ. Дѣйствительно, судья, занимавшій съ кѣмъ-то отдѣльную комнату во флигелѣ и любившій азартныя игры, предложилъ срѣзаться въ «стосенка». Подобное названіе объяснялъ онъ тѣмъ, что настоящій добрый стосъ уже вывелся, а остался его сынъ—стосенко, который далеко слабѣе родителя. Молодой ораторъ, разумѣется, былъ приглашенъ, и квартира судьи наполнилась помѣщиками. Я не пошелъ, потому что не играю, и предпочелъ успокоиться, но одинъ знакомый прибѣжалъ съ обрадованной физіономіей.

— Пойдемте къ судьѣ.

— Я вѣдь не играю.

— Ничего; тамъ произойдетъ интересный споръ ротмистра съ заграничнымъ выскочкой. Любопытно.

— Это дѣло другое.

И накинувъ наскоро пальто, я отправился на помѣщичій митингъ. Въ квартирѣ судьи не было, буквально, мѣста. Вокругъ двухъ ломберныхъ столовъ, плотно сдвинутыхъ, засѣдали банкометъ и понтеры, а въ два ряда за ними тѣснилась публика. Карты еще не были распечатаны. Произошло состязаніе о крѣпостномъ правѣ, и тутъ то я замѣтилъ направленіе, которое должно было обнаружиться во многихъ комитетахъ. Но интереснѣе всего были возраженія практическаго ротмистра. Спорящіе начали откапывать данный вопросъ въ глубокой древности, и хоть молодой человѣкъ не довольно силенъ въ исторіи, однако, при полномъ отсутствіи познанія въ этой наукѣ своего противника, по крайней мѣрѣ сыпалъ имена героевъ и авторитетовъ. Случившійся

тутъ учитель уѣзднаго училища, толкнулъ меня при двухъ или трехъ анахронизмахъ, но я удерживалъ его порывы. Ротмистръ настаивалъ на необходимости абсолютнаго рабства и приводилъ довольно кстати тексты изъ Ветхаго Завѣта, который и доселѣ еще служитъ обильнымъ источникомъ для поборниковъ отжившаго права. На самыя же убѣдительныя доказательства молодаго человѣка, ротмистръ, стуча кулакомъ по столу, восклицалъ:

— А я вамъ скажу, что у насъ нужны двѣ вещи: палка и ежовыя рукавицы.

— Да отчего же? спросилъ наконецъ ораторъ.

— Оттого, что дворянинъ и помѣщикъ обязанъ держать въ повиновеніи.....

Многіе апплодировали. Встрѣчая сочувствіе слушателей, ротмистръ гордо поднялъ голову.

— А историческій ходъ событій? спросилъ молодой человѣкъ.

— Скажите лучше—истерическій, замѣтилъ ротмистръ.

— Ха, ха, ха! славно! раздалось вокругъ.

— Вы, значитъ, не изучали *человѣка?*

— Кто, я? Ну ужъ извините, я такъ изучилъ человѣка, что вамъ и не снилось. Эй, Сенька!

Опрометью сквозь толпу протѣснился Сенька, держа въ одной рукѣ трубку, въ другой бумажку для зажиганія.

— Сенька! кто былъ умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ?

— Ной.

— Почему?

— Онъ первый придумалъ давить гроздіе винограда для потѣхи сердца человѣческаго.

— Ха, ха, ха! послышалось отовсюду: вотъ бестія!

— Сенька!

— Чего изволите?

— Что сильнѣе всего на свѣтѣ?

— Палка.

— А что вреднѣе всего на свѣтѣ?

— Книги и писаки.

Раздался хохотъ.

— Ну, ступай, сказалъ ротмистръ Сенькѣ, который юркнулъ въ двери. Теперь, господа, скажите откровенно — не изучалъ ли я человѣка?

Молодой ораторъ смотрѣлъ во всѣ глаза.

— Я не зналъ, проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ легкаго негодованія, что разговоръ приметъ такой оборотъ, а потому не лучше ли приступить къ дѣлу.

— Ей-Богу пора, сказалъ судья, ворочая въ рукахъ карты, —вѣдь радужныя давно пищатъ подъ шандаломъ.

— То то, молодой человѣкъ, отозвался ротмистръ, что вы понимаете вещи не такъ какъ слѣдуетъ. Не мы, старики, шумимъ, съ честью поддерживая славу отцевъ,—а вы, новое поколѣніе, нахватавшись разныхъ этакихъ идей, которыя негодятся для русскаго желудка.

— Духъ времени беретъ свое. Кантъ не принадлежалъ къ моему поколѣнію, а послушайте...

— Ни какихъ Кантовъ не слушалъ и слушать не буду, я знаю одинъ только синій кантъ на форменныхъ шароварахъ.

Взрывъ аполодисментовъ раздался вокругъ, и громкое браво увѣнчало горластаго антагониста. Молодой человѣкъ взялъ понтерки и обратился къ судьѣ съ вопросомъ:

— Готово?

Я ушелъ спать въ свою баню. На другой день до самаго обѣда помѣщики разсуждали, какъ славно ротмистръ отдѣлалъ заграничнаго выскочку.

Представьте же, что губернія, въ которой происходила описанная сцена, по образованію стоитъ гораздо выше Бессарабіи, и если дворянство первой, въ 1858 году, составляло подобные митинги, то каковы же должны быть митинги бессарабскіе. Конечно, есть въ ней личности высоко образованныя, проникнутыя гуманными стремленіями, но усилія этихъ немногихъ не въ состояніи подвинуть впередъ цивилизаціи. Не знаю даже чего можно надѣяться отъ молодаго поколѣнія, сидящаго на школьныхъ скамейкахъ. Мнѣ удавалось видѣть нѣсколькихъ гимназистовъ лѣтомъ на вакансіяхъ и бесѣдовать съ ними: мальчики пропитаны сословными отношеніями. О будущемъ разсуждали они съ точки зрѣнія служебной карьеры. Двое объявили, что намѣрены опредѣлиться въ полкъ, слѣдовательно университетъ *не нуженъ*, только развѣ *потерять время*, потому что хотя студентъ и скорѣе производится въ офицеры, за то четыре лучшихъ года *пропадутъ даромъ*. Три гимназиста собирались поступить въ гражданскую службу, и только одинъ думалъ

ѣхать въ университетъ, потому что можно добиться *десятаго класса*. Разумѣется, шесть человѣкъ не могутъ служить представителями кишиневской гимназіи, можетъ быть остальные ученики другихъ понятій, но мнѣ было странно —изъ шести молодыхъ людей не встрѣтить ни одного, который обнаруживалъ бы любовь къ наукѣ. Всѣ эти гимназисты, относительно крестьянъ, раздѣляли убѣжденія почтенныхъ своихъ родителей. Между тѣмъ въ другихъ губерніяхъ, посѣщенныхъ мною въ тоже время, я видѣлъ довольно гимназистовъ, стремящихся въ университеты, видѣлъ даже бѣдняковъ, которые съ четвертаго и пятаго классовъ, занимаясь репититорствомъ, сколачиваютъ копѣйку, чтобы добраться до университетскаго города. Не скажу всѣ, но многіе не только не мечтаютъ о служебныхъ преимуществахъ, а интересуются знать гдѣ лучше профессоры. Такому молодому человѣку главное не аттестатъ, но потребность развитія. Есть губернскіе города, въ которыхъ нельзя достать иностранныхъ книгъ, да и русскія пріобрѣтаются съ трудомъ, и гимназисты выписываютъ себѣ разныя руководства. Нерѣдко сынъ какого нибудь мелкопомѣстнаго бѣдняка, живущій съ репетицій, пріобрѣтаетъ себѣ нѣмецкія книги и полные словари и прилежно изучаетъ нѣмецкій языкъ, какъ легчайшій для того, чтобы въ университетѣ имѣть возможность слѣдить литературу своего предмета. И взгляните, сколько теперь молодыхъ людей поступаетъ въ естественный факультетъ, совершенно непригодный ни для военной, ни для гражданской службы: это готовятся новые дѣятели на поприщѣ зарождающейся промышленности, въ которыхъ у насъ такой вопіющій недостатокъ. Вездѣ гимназисты теперь стоятъ на высшей степени развитія, чѣмъ десять, восемь лѣтъ назадъ. Меня удивилъ недавно одинъ молодой человѣкъ лѣтъ 18. Онъ окончилъ курсъ, отдыхалъ и собирался въ университетъ.

— По какому же факультету? спросилъ я, зная совершенную его бѣдность: вѣроятно по медицинскому?

— Я сначала хотѣлъ было въ медики, но раздумалъ. Пойду въ юристы; можетъ быть, Богъ поможетъ, отправятъ на казенный счетъ за границу.

— Вѣроятно не чувствуете себя способнымъ къ медицинѣ?

— Не то, а видите ли, хотѣлось бы совершенно образовать себя. Вѣдь медикъ—я не говорю о геніяхъ—какъ бы ни зналъ

свой предметъ, во всѣхъ прочихъ остается гимназистомъ, и усвоивая медицинскія науки въ современномъ видѣ, отстаетъ во всемъ остальномъ окончательно.

Мнѣ хотѣлось узнать вычиталъ ли гдѣ онъ это понятіе, или оно само возникло въ его умной головкѣ, но молодой человѣкъ тотчасъ же объяснилъ откуда почерпнулъ подобное убѣжденіе. Во всякомъ случаѣ, значитъ, гимназисты уже не попрежнему существуютъ зубреньемъ да шалостями, а группируются около даровитыхъ преподавателей и дѣлаютъ поступательное движеніе. Въ Бессарабіи у гимназистовъ (которыхъ я видѣлъ) я даже не встрѣтилъ охоты къ ученію, но всѣ они отлично знаютъ нормальный контрактъ и усвоили разныя привычки феодализма, уничтоженныя de jure, но существующія de facto.

Помѣщиковъ, живущихъ въ имѣніяхъ, больше въ сѣверной Бессарабіи, а ниже г. Сороки пойдутъ поссесоры, за весьма рѣдкими исключеніями. А что за деревни въ Бессарабіи вообще и по берегамъ Днѣстра въ особенности! Я не знаю ничего живописнѣе и затруднился бы дать преимущество верховьямъ рѣки передъ низовьями. Каменные утесы разнообразныхъ формъ и деревья въ безчисленныхъ сочетаніяхъ безпрерывно измѣняютъ ландшафтъ, и нависнетъ ли надъ стремниной дикій лѣсъ, или стелятся виноградники, вездѣ видите вы полную, оконченную картину, имѣющую свой особый колоритъ, смотря по времени года. Помѣщики здѣсь живутъ не такъ весело какъ въ прочихъ губерніяхъ, и этому причиною не денежныя средства, въ которыхъ нѣтъ недостатка, а отсутствіе сосѣдскихъ сношеній и нѣкоторымъ образомъ страсть къ тяжбамъ, содержаніе которыхъ иногда превосходитъ всякое вѣроятіе. Самолюбіе, проявляющееся здѣсь преимущественно въ столкновеніяхъ съ крестьянами, играетъ особую роль въ сношеніяхъ съ равными, и самая дерзкая брань, на русскомъ и молдаванскомъ языкахъ, не виснетъ на вороту у инаго помѣщика. Карты, какъ и вездѣ, составляютъ единственное препровожденіе времени, и зеленый столъ дѣлается нейтральнымъ для закоренѣлыхъ враговъ, если нельзя иначе составить партію. Женское общество трудно назвать образованнымъ, въ особености молдаванки прежняго поколѣнія не знаютъ даже русскаго языка и, если не имѣютъ что болтать между собою, занимаются перебираньемъ четокъ по восточному обычаю. О поссесоршахъ изъ гречанокъ и армянокъ я и не говорю, по-

тому что эти госпожи не похожи на европейскихъ женщинъ и дико смотрятъ на пріѣзжаго человѣка. Молодыя дѣвицы, кто воспитывался въ Одессѣ въ институтѣ и пансіонахъ, существующихъ также въ Кишиневѣ, Аккерманѣ, Хотинѣ и Бендерахъ, болѣе или менѣе вносятъ новый элементъ въ дома, въ которыхъ господствуетъ тупая неподвижность. Но почва еще не подготовлена, и случается, что хорошенькая дѣвушка, неполучившая особеннаго развитія въ учебномъ заведеніи, скоро и окончательно глохнетъ въ печальномъ захолустьи, и только иногда неправильный лепетъ французскаго языка заявляетъ, что бѣдная барышня въ дѣтствѣ учила вокабулы. Чтеніе, особенно у мелкопомѣстныхъ, не употребительно. Вообще застой въ женскомъ образованіи здѣсь ощутительнѣе, нежели гдѣ бы то ни было, а скоро ли проснется край къ умственной жизни—рѣшить трудно. Въ уѣздныхъ пансіонахъ дается самое плохое образованіе; еслибы не оскорбить многихъ самолюбій—образованіе это я назвалъ бы грамотностью высшаго разряда; но и то въ пансіонахъ число учениць весьма ограничено. Очень хорошо помню, какъ зайдя однажды въ Аккерманѣ въ полицію, я засталъ одну госпожу, которая просила городничаго запретить другой госпожѣ открывать пансіонъ, на томъ основаніи, что два заведенія не могутъ существовать въ городѣ, въ которомъ — замѣтьте — до 20 000 народонаселенія.

А все же справедливость требуетъ сказать, что Бессарабская область—золотое дно, изъ котораго можно бы извлекать огромныя выгоды, еслибы духъ разумной промышленности оживилъ этотъ край, еслибы добросовѣстная торговая дѣятельность заступила мѣсто спекулятивныхъ продѣлокъ у однихъ и непростительной безпечности у другихъ. Хлѣбопашество при благодарности почвы здѣсь можетъ процвѣтать постоянно; лѣсное хозяйство легко довести бы до блестящаго положенія; винодѣлію ничего не значитъ принять самый выгодный оборотъ и вытѣснить изъ Россіи низшіе сорты иностранныхъ винъ, обходящихся непомѣрно дорого; наконецъ разработка табачныхъ плантацій требуетъ лишь небольшихъ улучшеній,, чтобы разомъ преобразовать нашу табачную торговлю, доставляющую намъ и теперь груды бессарабскаго табаку подъ видомъ турецкаго. О каждой изъ этихъ отраслей народнаго хозяйства я скажу подробнѣе при описаніи мѣстностей, имъ благопріятствующихъ, а

теперь считаю нужнымъ упомянуть, что самый Днѣстръ убѣдительно проситъ точныхъ изслѣдованій и правильнаго судоходства. Рѣка эта, какъ прямой и единственный водный путь сообщенія съ Австріей, чрезвычайно важная для торговли, находится не только въ неудовлетворительномъ положеніи, но поражаетъ отсутствіемъ какой либо о ней заботливости. Я увѣренъ, что во время пребыванія въ краю генуэзцевъ, когда послѣдніе имѣли свои конторы въ Хотинѣ, Сорокѣ, Бендерахъ и Аккерманѣ, судоходство было въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, которое исчезло съ завоеваніемъ турокъ и впослѣдствіи снова низошло до первоначальнаго состоянія. Обыкновенное днѣстровское судно—такъ называемая *галера*. Но вы не думайте, чтобы оно имѣло видъ хоть даже неуклюжей россійской барки—этого безобразнаго типа судовъ нашихъ языческихъ предковъ: ничуть не бывало. Днѣстровская галера въ сравненіи съ баркой тоже, что напр. сардинскій купеческій бригъ въ сравненіи съ нашимъ черноморскимъ каботажнымъ судномъ. Это неуклюжій плоскодонный квадратный ящикъ съ бортами, четвертей въ пять вышиною, сколоченный кое-какъ и управляемый потесями, прикрѣпленными съ двухъ концовъ. Вся здѣшняя коммерція, ворочающая милліонами, совершается на этихъ ящикахъ, пускаемыхъ на-авось и не всегда достигающихъ цѣли своего назначенія. Только недавно начали строить одномачтовыя суда, называемыя плашкотами, которыя разомъ показали какихъ выгодъ можно бы ожидать отъ болѣе правильнаго судоходства. Но этихъ плашкотовъ, если не ошибаюсь, врядъ ли болѣе десятка на всемъ протяженіи рѣки. Но главная причина неудобства заключается въ самой рѣкѣ, на которую не обращали ни малѣйшаго вниманія. Днѣстръ необыкновенно извилистъ, извилистѣе всѣхъ рѣкъ, какія мнѣ удавалось видѣть, и такъ какъ онъ необыкновенно быстръ, несетъ пропасть илу и песку, то и образуетъ мели, дѣлающія судоходство опаснымъ, а подъ часъ и невозможнымъ. Мели эти впрочемъ извѣстны, и, мнѣ кажется, при нынѣшнемъ состояніи науки помочь горю не трудно, тѣмъ болѣе, что богатая торговля легко можетъ вознаградить необходимыя издержки. Самыя извилины легко могли-бы быть устранены прорытіемъ каналовъ, которые не потребуютъ болѣе нѣсколькихъ верстъ протяженія, да и не представляютъ трудности въ работѣ, потому что во многихъ мѣстахъ грунтъ не каме-

нистый. Подземные каменные пласты находятся только между городами Сорокой и Ямполемъ, гдѣ черезъ рѣку лежитъ порожекъ. Извилины Днѣстра такъ значительны, что на иной мѣстности водный путь со своими крутыми поворотами составляетъ верстъ сорокъ, а по прямому направленію не будетъ и пяти. Замѣтнѣе всего это между Бендерами и Тирасполемъ, городами, стоящими на двухъ противоположныхъ берегахъ Днѣстра почти другъ противъ друга. Почтовой дорогой здѣсь 12 верстъ, но Днѣстромъ около *семидесяти*. Глубина рѣки, особенно въ верховьяхъ, въ межень весьма недостаточна, но все таки, еслибы устранить мели, по ней могли бы идти плоскодонныя суда и плоты, тѣмъ болѣе, что пониже Дубоссаръ рѣка имѣетъ достаточно глубокій фарватеръ, который къ Бендерамъ достигаетъ нѣсколькихъ сажень. Въ настоящее время препятствіемъ служитъ еще и порожекъ, именуемый въ учебникахъ и даже у жителей «порогами», уничтожить который легко при помощи нѣсколькихъ пудовъ пороху.

Давно уже я слышу, что отъ Общества пароходства и торговли ѣздилъ морской офицеръ для изслѣдованія Днѣстра, однако еще и прошлой осенью не было ни одного компанейскаго судна, не только по этой рѣкѣ, но и въ лиманѣ, который во всякомъ случаѣ судоходенъ для мелко-сидящихъ баржъ и пароходовъ. Были даже опыты пускать по Днѣстру галеры такихъ же размѣровъ и осадки, какъ и обыкновенныя, но которыя подымаютъ грузу въ полтора раза больше. Дѣлаются борты изъ гутта-перчи, и потому галера способна выдержать большую тяжесть. Кромѣ этого подобное судно по прибытіи въ Мояки можетъ разбираться: днище пойдетъ на дрова, а борты, уложивъ на телѣги, легко увезти назадъ и построить новую галеру. Не знаю распространяются ли эти суда въ настоящее время.

Чтобы вѣрнѣе судить объ удобствахъ и правильности плаванія по Днѣстру, я скажу только одно, что дрова, покупаемыя евреями по 2 р. сажень (иногда и дешевле) въ Буковинѣ,— достигнувъ до Маякъ (у лимана), продаются по 17 и 18 руб. Здѣсь кстати можно замѣтить, что эти же самыя дрова, бывъ перевезены сухимъ путемъ въ Одессу на разстояніи 35 верстъ, стоятъ уже 30 р. и болѣе. Не правда-ли удивительно? А вѣдь Маяки верстахъ въ 20 отъ лимана, который отъ Одессы не

далѣе Днѣпровскаго, а изъ послѣдняго буксируютъ же лѣсъ въ Одессу. И на этотъ то путь не было обращено вниманія ни вѣдомствомъ, до котораго это ближе всѣхъ касается, ни компаніей, ворочающей громадными средствами. Правда, нѣкоторыя частныя лица хотѣли устроить желѣзную дорогу, даже писали проекты, но желѣзная дорога, пожалуй, и не такъ удобна тамъ, гдѣ есть водный путь, замерзающій, можетъ быть, не болѣе какъ на мѣсяцъ. Согласенъ я, что лиманъ мѣлокъ, что гирла засорены; однакоже судоходство по Днѣпру предположено во всю навигацію, а въ Днѣпрѣ есть въ іюнѣ мѣста не глубже 3 фут.: значитъ, на все есть средство—было бы желаніе, да знали бы компанейскія управленія нужды края и, хоть немного, его мѣстности. Въ Днѣстрѣ вѣдь мели образуются еще отъ одного обстоятельства, могущаго показаться невѣроятнымъ и которое врядъ ли случается гдѣ либо въ мірѣ, но не подлежитъ сомнѣнію. Иногда плоты изъ дубоваго лѣсу, въ слѣдствіе долговременнаго плаванія по рѣкѣ, несущей много илу, тяжелѣютъ до того, что, недостигнувъ Моякъ, идутъ ко дну, а надъ ними наносятся бугры, пожалуй и на такихъ мѣстахъ, на которыхъ безъ этой причины мель никогда не могла бы образоваться. Австрійскіе плоты идутъ успѣшнѣе, потому что гонятъ преимущественно легкій еловый лѣсъ, незавиднаго впрочемъ качества. Судоходство здѣсь одно только сплавное, вверхъ идутъ развѣ одни плашкоты и изрѣдка галеры на близкомъ разстояніи. Впрочемъ Днѣстръ и для бичевника во многихъ мѣстахъ совершенно неудобенъ по причинѣ отвѣсныхъ каменныхъ береговъ. А между тѣмъ Бессарабія врядъ ли можетъ имѣть другіе пути сообщенія —я говорю о желѣзной дорогѣ—по случаю безпрерывныхъ глубокихъ овраговъ, пересѣкающихъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Если правительство не употребитъ своихъ средствъ, если Общество пароходства и торговли, занимаясь болѣе прибыльными сообщеніями, не обратитъ должнаго вниманія на Днѣстръ, какъ не обращало доселѣ, то бессарабскимъ и подольскимъ капиталистамъ не мѣшало бы составить компанію на акціяхъ для расчистки этой важной рѣки, раздѣляющей два такихъ благодатныхъ края, какъ Подолія и Бессарабія. Конечно сухопутная доставка замѣняетъ младенческое судоходство, но кому извѣстна тамошняя почва въ грязную пору, тотъ согласится, что если взять въ массѣ силу рабочаго скота, потраченную напрасно и

во вредъ животнымъ, вовремя гибельнаго подъ часъ бездорожья, то проценты потери не всегда вознаградятся барышами отъ продажи пшеницы и кукурузы. Доставка же до Днѣстра, какъ изъ Бессарабіи, хоть и отъ границы, такъ и изъ глубины Подольской губерніи не представитъ большаго разстоянія. Объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не разсуждали на выборахъ дворяне ни бессарабскіе, ни подольскіе, а я полагаю, что улучшеніе Днѣстра было бы полезнѣе, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, чѣмъ проведеніе телеграфа, о которомъ они хлопотали. Я этимъ ни чуть не бросаю упрека за похвальную заботливость о телеграфѣ, которому суждено помогать нашему пробужденію, но самъ же онъ доказываетъ, что если его извѣстія перелетаютъ съ быстротою молніи, то неловко уже торговлѣ двигаться ползкомъ черепахи, а иногда поступью неуклюжаго рака, который, какъ извѣстно, не всегда ходитъ впередъ. Заговоривъ о Днѣстрѣ, нельзя уже въ этомъ очеркѣ не сказать о страшныхъ неудобствахъ переправъ на всѣхъ дорогахъ вообще, не исключая и почтовыхъ. Вездѣ у насъ по имперіи переправа черезъ рѣки на почтовыхъ сообщеніяхъ безплатная, а если откупщики и позволяютъ себѣ обирать народъ, то это дѣлается изъ потворства мѣстныхъ властей откупщикамъ всякаго рода, изъ общей слабости первыхъ къ послѣднимъ. Въ Бессарабіи всѣ переправы, какія только учреждены на владѣльческихъ земляхъ, принадлежатъ помѣщикамъ. По особому положенію, право содержать паромы принадлежитъ владѣльцамъ бессарабскаго берега, и на такихъ даже сообщеніяхъ, какъ большой трактъ изъ Каменца въ Кишиневъ, или изъ Могилева въ Новоселицу, и проѣзжій не избѣжитъ феодальной пошлины. Исключеніе дѣлается лишь для проѣзжающихъ на почтовыхъ, но съ условіемъ, чтобы у нихъ была подорожная *по казенной надобности*. Въ иныхъ мѣстахъ евреи снимаютъ переправы у помѣщиковъ и установляютъ произвольную цѣну. Не успѣли вы въѣхать на паромъ на почтовыхъ, какъ уже еврей является требовать платы. Но что поразительнѣе всего—это черезъ-чуръ уже феодальное право взимать пошлину даже съ тѣхъ, кто переѣдетъ изъ Подольской губерніи на яликѣ. Я долго не вѣрилъ существованью подобнаго обычая, но проживая въ Могилевѣ и въ Атакахъ, стоящихъ vis à vis, самъ платилъ по копейкѣ серебромъ, ступивъ на бессарабскій берегъ.

Отставной солдатъ сидитъ у берега и зорко слѣдитъ за пристающими лодками.

— За что же плата? спросилъ я однажды.

— За то, что вы ступили на помѣщичью землю.

— Но вѣдь берега судоходныхъ рѣкъ на десять сажень общественныя; притомъ же здѣсь почтовая дорога.

— Я ничего не заню—Пожалуйте деньги.

Положимъ мнѣ еще не составила счету копѣйка серебромъ, заплоченная разъ двадцать за все время, но крестьянину, имѣющему дѣла на могилевскомъ базарѣ, эта пошлина довольно невыгодна, тѣмъ болѣе, что надо же еще заплатить и лодочнику за провозъ туда и обратно. Подобныя права, покрайней мѣрѣ на почтовыхъ дорогахъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы уничтожить, во первыхъ какъ явленіе ненормальное, во вторыхъ какъ условіе несправедливо-стѣснительное, въ третьихъ какъ обстоятельство, дающее поводъ къ выходкамъ грубаго произвола. Какъ то лѣтомъ возлѣ Могилева рѣка была очень мелководна. Одинъ молдаванъ, нежелая платить за переправу, поѣхалъ прямо въ бродъ и благополучно достигъ противоположнаго берега. Съ него потребовали деньги. Тотъ не хотѣлъ давать. Пущена была въ дѣло палка. Молдаванъ воспротивился, и его повели въ расправу. Бѣднякъ конечно заплатилъ, можетъ быть, и больше чѣмъ слѣдовало, но главное—не былъ убѣжденъ—за что съ него взяли деньги.

— Если бы я ѣхалъ на паромѣ, говорилъ онъ каждому, еслибъ ѣхалъ наконецъ на лодкѣ, пусть бы брали съ меня плату; но я переправился въ бродъ!

Помню также какъ одна женщина ходила въ Могилевъ за покупками и издержала всѣ деньги. Лодочникъ перевезъ ее въ кредитъ, какъ лицо, часто появляющееся на пристани, но надсмотрщикъ феодальныхъ сборовъ былъ глухъ къ просьбамъ и требовалъ заклада. Бѣдная женщина предложила новенькую миску, но сборщикъ, узнавъ, что она несла въ узелкѣ соль, предпочелъ взять послѣднюю, на томъ основаніи, что безъ миски можно обойтись, а безъ соли нельзя—слѣдовательно этотъ закладъ вѣрнѣе. Женщинѣ идти домой было версты три. Я случился въ это время на берегу и охотно выручилъ изъ бѣды крестьянку, которая не знала какъ благодарить меня за копѣйку и освѣдомлялась гдѣ я жилъ, чтобы возвратить долгъ. За копѣйку пожи-

лая женщина должна была идти три версты домой, столько же оттуда, и снова пройти такое же разстояніе, тогда какъ она акуратно всегда платила феодальную дань усатому надсмотрщику. Но случались сцены болѣе возмутительныя.

На переправѣ между Хотиномъ и Жванцемъ откупщикъ еврей поступаетъ просто деспотически; чуть прибыла вода, чуть поднялся вѣтеръ—онъ удвоиваетъ таксу и не входитъ ни въ какія объясненія.

— Не хотите платить, говоритъ онъ,—сидите на берегу, а я перевозить не стану.

— Да вѣдь это же большая дорога! говорите вы.

— Мнѣ нѣтъ дѣла чи большая, чи маленькая; я плачу большія гроши, такъ и мнѣ надо заработать.

— Да вѣть тебя отдадутъ подъ судъ, стращаетъ его иной проѣзжій.

— Хоть подъ два, отвѣчаетъ онъ, а не заплатите, будете сидѣть тутъ. Ну?

Переѣзжая въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ раза два на почтовыхъ, я не имѣлъ особенныхъ разговоровъ съ откупщикомъ, но однажды ѣздилъ изъ Хотина въ Жванецъ на наемной лошадкѣ и не обошлось безъ приключенія. Еще въ Жванецъ взяли съ меня гривенникъ, но при возвращеніи я простоялъ довольно долго. Къ берегу подъѣхалъ я въ сумерки. Моросилъ осенній дождикъ. Вышли паромщики и явился прикащикъ.

— Поздно уже, сказалъ онъ тономъ, въ которомъ явственно слышалась мысль, что молъ теперь за гривенникъ не переѣдешь.

— Да, поздно, сказалъ я.

— Вамъ въ Хотинъ?

— Въ Хотинъ.

— Четыре злота (60 коп).

— Какъ? спросилъ я, озадаченный подобною безсовѣстностью.

— Четыре злота. Ну?

— По какому праву?

— А по такому, что вечеръ, буря....

— Опасности нѣтъ никакой, а ты обязанъ переправлять проѣзжихъ во всякое время дня и ночи, потому что это большая дорога.

— Большая дорога! Ну какъ большая, такъ и ждите пока еще подъѣдетъ народъ, а васъ одныхъ не переправлю—ну?

— А какъ переправишь?

— Да вы кто?

— А тебѣ для чего?

— Много васъ тутъ ѣздитъ, да какъ всякаго слушать, такъ голова кругомъ пойдетъ. Дадите полтинникъ—переѣдете, не дадите—ночуйте хоть на берегу. Я и людей отправлю.

Такая наглость показалась мнѣ ужъ черезъ-чуръ возмутительной! Имѣя постояннымъ правиломъ—носить при себѣ нужныя бумаги, я вынулъ изъ сумки открытый листъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора.

— Ты грамотный?

— Грамотный—ну?

— Прочти эту бумагу.

— Пачпортъ, что ли?

— Паспортъ.

— Невидно читать.

— Ступай въ свою хату, прочти при свѣчкѣ, только не выпачкай.

Еврей взялъ бумагу и развернулъ. Прочесть еще было можно. Изъ наглеца прикащикъ вдругъ сдѣлался почтителенъ, снялъ шапку и самъ помогалъ стащить на паромъ мою повозку. Извиненіямъ не было конца.

— Помилуйте, говорилъ онъ, мы *съ такихъ людей* никогда не беремъ; я думалъ, извините, что вы, такъ себѣ, купцы или экономы.

— Но какъ же ты можешь требовать шестьдесятъ копѣекъ за переправу, когда утромъ съ меня взялъ гривенникъ.

— Я возвращу.

— Ненадо, я плачу что слѣдуетъ, но предваряю, что доведу объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

— Ваше высокоблагородіе, или какъ васъ величать, я безъ намѣренія....

Дѣйствительно я говорилъ объ этомъ въ Хотинѣ; послѣдовало ли какое распоряженіе—не знаю.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ Бессарабіи, я набросалъ общія черты народнаго быта, который постараюсь показать рельефнѣе при описаніи отдѣльныхъ мѣстностей.

ГЛАВА II.

СеленіеАнуты. Граница. Обмѣнъ произведеній. Ржавинцы. Сцена изъ дѣтскаго быта. Замѣчательная мѣстность. Народный музей. Перебійковцы. Пограничные нравы. Лѣса. Рухотинъ. Столѣтній старикъ. Древнее укрѣпленіе. Побережье до Хотина.

При впаденіи въ наши предѣлы, Днѣстръ представляется весьма неважной рѣченкой, хотя быстрота, появленіе плотовъ и наводненіе, во время таянія снѣговъ въ Карпатахъ, изобличаютъ въ немъ болѣе важную породу. Вырѣзываясь змѣей изъ Австріи, онъ касается правымъ берегомъ пограничной деревни нашей Ануты, пропущенной на картѣ Бессарабіи, изданной областнымъ землемѣромъ Эйтнеромъ. Деревенька эта, составлявшая нѣкогда цѣлое съ селомъ того же названія, принадлежащимъ Австріи, состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ хатъ, обитаемыхъ руснаками, и съ одной стороны лѣпится по берегу Днѣстра, а съ другой потянулась въ яру надъ ручьемъ, отдѣляющимъ Бессарабію отъ Буковины. Пограничный нашъ кордонъ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ австрійскаго, и чѣмъ далѣе идешь вверхъ, тѣмъ уже становится ручеекъ, такъ что по выходѣ изъ деревни его можно перешагнуть безъ всякаго затрудненія. Домашнія животныя безпрерывно нарушаютъ таможенный уставъ, служа иногда поводомъ къ серьезнымъ хлопотамъ своихъ хозяевъ, которые, имѣя надобность преслѣдовать какую нибудь непокорную овцу въ предѣлахъ чужаго государства, могутъ подвергаться большой отвѣтственности. Гуси и утки безпрерывно полощутся у иностраннаго берега. Но не одни домашнія животныя преступаютъ правила: жители Анутъ, какъ бессарабскихъ, такъ и австрійскихъ, недовольствуясь разговоромъ чрезъ нейтральный ручеекъ, переходятъ нерѣдко заповѣдную черту и преимущественно наши любятъ посѣщать австрійскій кабачекъ, въ

которомъ водка и несравненно лучше и гораздо дешевле. Хотя г. Кокоревъ, такъ горячо любящій родину, ввелъ особенную откупную систему въ Бессарабіи, и, желая облагодѣтельствовать народъ, значительно понизилъ цѣну на питья, однако правду сказать—австрійскіе патріоты дѣйствуютъ какъ то усерднѣе и продаютъ водку отличной крѣпости и очень дешево. За то, если бессарабскаго руснака соблазняетъ заграничный кабачекъ, австрійскій руснакъ имѣетъ своего рода приманку въ Бессарабіи—дешевый туземный табакъ, который, какъ извѣстно, въ Австріи составляетъ казенную монополію. Впрочемъ и кромѣ этихъ двухъ причинъ жители Анутъ, той и другой половины, переходятъ тайкомъ границу, потому что связаны обширнымъ родствомъ, и напримѣръ двоюродные братья и сестры не станутъ же хлопотать о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ для того, чтобы повидаться, живя въ одномъ селеніи. Подъ вечеръ тутъ же у кордона происходятъ разговоры черезъ ручей, и какъ въ таможенныхъ постановленіяхъ не запрещено разговаривать съ иностранцами, стоящими на землѣ другаго государства, то и русскій стражникъ, и австрійскій егерь проходятъ молча мимо бесѣдующихъ, а иногда и сами переговариваются о собственныхъ интересахъ. Положимъ, у послѣднихъ не предполагается кровнаго родства, но и стражникъ и егерь оба любятъ выпить, оба не прочь покурить трубочку, и тому и другому стоитъ только протянуть руку для обмѣна необходимыхъ продуктовъ, почти не нарушая буквы закона, т. е. едва переступая пограничную черту.

Разъ какъ то въ сумерки отправился я въ садикъ, окружавшій квартиру, и дошелъ до заповѣднаго ручья. Облокотясь на плетень, стоялъ нашъ руснакъ и курилъ трубку. Синій дымокъ, разносясь по воздуху, улеталъ на австрійскую сторону. На томъ берегу дюжій буковинецъ съ разстегнутымъ воротомъ, изъ подъ котораго виднѣлись загорѣлыя грудь и шея, сидѣлъ на свалившемся деревѣ и забавлялъ на колѣняхъ ребенка. Два эти индивидуума вели разговоръ о всеобщей дороговизнѣ, окончивъ повидимому какой-то торгъ, условливались о магарычѣ.

— Нѣтъ, братко, сказалъ буковинецъ, разумѣется по руснацки: не соглашусь пока не дашь мнѣ два ока (6 ф.) табаку.

— Изволь, пусть будетъ по твоему, только уже и ты дай въ придачу око (штофъ) горѣлки.

— Развѣ съ тѣмъ, что разопьемъ вмѣстѣ. А дай ко мнѣ потянуть трубки.

Бессарабецъ перелѣзъ плетень и протянулъ руку съ трубкой, буковинецъ, придерживая ребенка, сталъ на свалившееся дерево, взялъ трубку и, качаясь на балансѣ, предавался наслажденію.

— Чортъ знаетъ какой хорошій табакъ! сказалъ онъ: а смотри, хотинскіе жидки доставляютъ намъ иногда такую дрянь, что въ ротъ взять нельзя.

— Жидки собачьи дѣти! да и законъ у васъ хорошъ, когда доброму человѣку нельзя потянуть трубки, не заплативши пошлины.

— Ну, любезный, вы хоть и курите сколько душѣ угодно, за то и пьете мерзкую и дорогую водку. Вѣдь есть люди, которые трубки въ ротъ не берутъ, а скажи мнѣ: развѣ есть человѣкъ, который отказался бы выпить?

Бессарабецъ задумался.

— Признаться, сколько живу на свѣтѣ—не случалось видѣть; былъ правда Павло, что не пилъ три года, такъ за то послѣ все равно умеръ отъ горѣлки.

— Да не можешь ли ты мнѣ дать хоть листокъ табаку въ задатокъ.

— Почему нѣтъ, только вынеси литру (косушку).

— Экой чортъ!

— Небось онъ хочетъ даромъ.

— Приходи же съ первыми пѣтухами.

Я ушелъ, изъ боязни быть замѣченнымъ и не желая прервать интимнаго разговора.

Вообще жизнь обѣихъ половинъ селенія, по видимому, такъ сильно разрозненная, имѣетъ много общихъ интересовъ, и если въ силу постановленій опредѣляется строгое наказаніе тому, кто перейдетъ границу, не смотря ни на какой поводъ, то жители Анутъ умѣютъ обмануть бдительность закона и преспокойно ведутъ и дружбу и торговлю съ заграничными собратами. Мы видимъ, что просвѣщенныя государства невсегда слѣдуютъ указаніямъ науки; мы видимъ, что протекціонизмъ, такъ мало оказывающій вліянія на развитіе промышленности и стѣсняющій массу потребителей, пробилъ себѣ глубокія колеи на почвѣ многихъ территорій и смотритъ недоброжелательно на свобод-

ную торговлю, какъ нѣкоторые почтенные люди враждебно смотрятъ на просвѣщеніе. Если защитники стараго порядка вещей не хотятъ понять, что съ значительнымъ пониженіемъ тарифа обмѣнъ капиталовъ начнетъ совершаться зничительно быстрѣе, нежели при высокихъ пошлинахъ, что чувство самосохраненія заставитъ фабрикантовъ употреблять всѣ усилія на соперничество съ иностранными фабрикантами, какъ въ дешевизнѣ, такъ и въ совершенствѣ издѣлій,—то можно ли, чтобъ необразованный крестьянинъ въ состояніи былъ понять смыслъ таможенныхъ постановленій. При повсемѣстномъ незнаніи у насъ законовъ крестьянинъ видитъ во всемъ лишь произволъ ближайшаго чиновника, и если конечно онъ неправъ юридически, то большинство фактовъ оправдываетъ темнаго человѣка, который не можетъ же не видѣть злоупотребленій, совершающихся въ разныхъ сферахъ управленія. Не читая басень Крылова, простолюдинъ нашъ превосходно знаетъ смыслъ стиха:

«Что вору сходитъ съ рукъ, за то воришекъ бьютъ»,

а пограничный житель въ особенности видитъ приложеніе этой поговорки. Нѣтъ сомнѣнія, что между таможенными бываютъ весьма добросовѣстные люди, исполняющіе свою обязанность и платящіе кровью за исполненіе своего долга,—но кому неизвѣстно, что изъ выгодъ потворствуютъ продѣлкамъ контрабандистовъ. Было правда время, когда, высказывая подобную мысль, человѣкъ рисковалъ быть обвиненнымъ не только въ нелюбви къ отечеству, но даже и въ злоумышленіи, да и недавно еще одна газета давала мѣсто статьямъ господъ, отстаивающихъ право наживаться на счетъ казны; но печальное время миновало, а газета пользуется заслуженной извѣстностью въ общественномъ мнѣніи. Обращаемся снова къ пограничному крестьянину, положимъ собственно къ живущему по границѣ Буковины. Единственный рынокъ, гдѣ можетъ онъ запастись всѣмъ необходимымъ—Хотинъ въ пятидесяти слишкомъ верстахъ, разстояніе—не весьма легкое для переѣзда какъ на волахъ, такъ и на клячамъ, именуемыхъ лошадьми изъ снисхожденія. Разумѣется, въ Хотинѣ можно купить многія вещи довольно дешево, однако же пограничный руснакъ очень хорошо знаетъ, что дешевизна эта случайная и зависитъ болѣе или менѣе отъ произвола торговца.

Ему извѣстно и то, что русскихъ издѣлій невозможно купить дешево, во первыхъ потому, что они дороже иностранныхъ, а во вторыхъ требуютъ большой платы за провозъ изъ Москвы, и оттого онъ не стѣсняется покупать все необходимое за нѣсколько сотъ шаговъ за чертою, оберегаемой съ одной стороны нашими таможенными, а съ другой австрійскими егерями. Онъ разсуждаетъ, по его мнѣнію, на основаніи неотразимой логики: «московскій ситецъ, линючій и гниловатый, примѣрно стоитъ 15 к. за аршинъ; а нѣмецкій—крѣпкій и хорошій, 13; за первымъ надо ѣхать въ Хотинъ и платить наличныя деньги, второй подъ рукою и нерѣдко въ кредитъ: охота ли же мнѣ дѣлать сто лишнихъ верстъ, мучить себя и скотину, для того, чтобы купить дороже вещь, которая никуда негодится!» Крестьянинъ не понимаетъ, что, переплачивая лишнее и теряя дня два на поѣздки, онъ способствуетъ благоденствію и развитію отечественныхъ фабрикъ, а смотритъ съ своей узкой точки зрѣнія. Какія нибудь ножницы, необходимыя въ самомъ бѣднѣйшемъ быту, тульскія стоятъ въ Хотинѣ вдвое дороже, чѣмъ австрійскія на границѣ и съ той разницею, что первыя недѣли черезъ двѣ приходятъ въ совершенную негодность, а заграничныя служатъ годъ и болѣе. Разумѣется, я привелъ, можетъ быть, двадцатую долю примѣровъ, случающихся въ обыденной жизни крестьянина, но сумма всѣхъ его покупокъ составитъ значительную цифру, а слѣдовательно и значительную разницу, если онъ будетъ пріобрѣтать необходимое на отечественномъ рынкѣ, или помощью контрабанды. Крестьянинъ, вопервыхъ, очень хорошо знаетъ пріемы самыхъ стражниковъ, вовторыхъ и то обстоятельство, что, покупая вещь для собственнаго употребленія, а не для продажи — онъ рискуетъ немногимъ, если бы даже не имѣлъ въ виду дружелюбной сдѣлки съ кѣмъ слѣдуетъ. Наконецъ такого граничара какъ житель Анутъ и поймать нѣтъ никакой возможности, потому что запрещенный предметъ можетъ быть перекинутъ чрезъ плетень или просто переданъ изъ рукъ въ руки во время бесѣды на окраинѣ огорода. Поэтому пограничный людъ на таможенныя постановленія смотритъ по своему и, не углубляясь въ ихъ цѣль и смыслъ, старается употреблять хитрость, сберегая лишнюю копѣйку; относительно же запрещенія переходить границу для свиданія съ родными и пріятелями, знаетъ только, что за это наказываютъ, но тѣмъ не менѣе украд-

кой переступаетъ заповѣдную черту побалагурить или выпить литру хорошей водки. Если вы обжились въ пограничныхъ селеніяхъ и народъ не видитъ въ васъ чиновника, то изъ разговоровъ вы легко можете узнать всѣ новости и даже сплетни ближайшихъ австрійскихъ деревень и мѣстечекъ.

Ануты частью только лежатъ по берегу Днѣстра и то господская усадьба и нѣсколько хатъ; остальныя же раскиданы вдоль ручья, составляющаго границу, и по каменистому оврагу. Сперва ручей этотъ похожъ на ручей, такъ что и воды въ немъ по колѣни и ширины аршина два будетъ, но чѣмъ выше, тѣмъ онъ мельче и уже и наконецъ къ селенію Баламутамъ онъ едва журчитъ по камешкамъ и представляетъ влажную полоску, которая однакожъ во время дождей бурлитъ настоящимъ горнымъ потокомъ. За ручьемъ въ австрійской Буковинѣ торчатъ кое-гдѣ избы и виднѣются узкія шоссе въ разныхъ направленіяхъ. Дальше за Баламутами, на живописной полугорѣ, между буковыми лѣсами лежитъ большое село Ржавинцы, которое хотя и удалено верстъ на пять отъ Днѣстра, однако гдѣ я проживалъ нѣсколько разъ—собственно изъ за болѣе удобнаго помѣщенія. Въ Анутахъ буквально нѣтъ хаты, въ которой можно бы поселиться и работать, если исключить домикъ эконома. Но взявъ себѣ за правило изучать народный бытъ не по разсказамъ, всегда почти невѣрнымъ, а среди народа, я всегда жилъ у крестьянъ, стараясь выбрать хату съ двумя половинами, потому что если бы не имѣлъ и этого удобства, то не знаю какъ можно было бы въ теченіи пяти лѣтъ существовать и заниматься дѣломъ. Но во всякомъ случаѣ я тотчасъ же дружился съ хозяевами и весь день проводилъ то съ ними, то съ ихъ знакомыми, то искалъ знакомства на сторонѣ, иногда за нѣсколько верстъ, и только вечеромъ возвращался въ свою келью приводить въ порядокъ разнообразныя свѣдѣнія.

Ржавинцы памятны для меня тѣмъ, что въ числѣ ихъ владѣльцевъ я встрѣтилъ тамъ образованное семейство г. Добровольскаго — бессарабскаго и австрійскаго помѣщика. Тутъ же за границей у него есть имѣніе, отлично устроенное, съ превосходнымъ домомъ, — но онъ предпочитаетъ жить въ Бессарабіи, хотя и ежедневно ѣздитъ хозяйничать въ Австрію. Въ такомъ глухомъ уголкѣ для меня чрезвычайно было пріятно найти и радушіе, и свѣжія иностранныя газеты, и отличный обѣдъ въ

шесть часовъ, и очаровательныя прогулки, и наконецъ образованную бесѣду. Въ семействѣ этомъ я проводилъ вечера, и если бывало за день устанешь за работой — я постоянно писалъ въ своей хатѣ—то подъ вечеръ отдыхалъ душою у гостепріимнаго помѣщика. Хорошенькая гостинная, по мѣстному обычаю уставленная свѣжими буковыми вѣтвями для прохлады, варенье и вода на столѣ по молдавански, новѣйшіе №№ газеты, полученные изъ Австріи,—и время послѣ обѣда летитъ неслышно. Замѣчательно, что дѣвицы, не смотря на щегольской лѣтній костюмъ, постоянно были въ руснацкихъ сорочкахъ, съ красивыми вышивками на плечахъ и рукавахъ. И какъ этотъ уборъ идетъ молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ.

У хозяина моего порядочный садъ, состоявшій преимущественно изъ сливныхъ и грушевыхъ деревьевъ, который доставлялъ ему порядочный доходъ отъ продажи фруктовъ, скупаемыхъ мѣстными евреями. Однажды утромъ, соскучась переписывать клочки замѣтокъ, лежалъ я подъ развѣсистой грушей и читалъ новую нѣмецкую газету. День былъ жаркій, погодный; въ деревнѣ необыкновенная тишь, потому что народъ ушелъ на праздникъ куда-то въ окрестности. Долго читалъ я, потѣшаясь австрійской политикой, которая отличалась всегда особеннымъ своеобразіемъ, и собирался уже идти въ хату заняться своимъ дѣломъ, какъ шорохъ и говоръ въ кустахъ привлекли мое вниманіе. Первая мысль была—не собрался ли кто полакомиться хозяйскими сливами — чему конечно обязанъ я былъ воспрепятствовать и уже собирался громкимъ кашлемъ заявить о своемъ присутствіи; но до слуха моего долетѣли слова, смыслъ которыхъ ясно показалъ мнѣ, что собесѣдники зашли въ садъ не съ цѣлью похищенія чужой собственности. Подсматривать и подслушивать дѣло неблагородное—это правда, но при изученіи народнаго характера, нравовъ и обычаевъ, подобное неблагородство совершается сплошь и рядомъ, и потому я тихонько отправился на говоръ и усѣлся такимъ образомъ, что сквозь рѣдкія вѣтви мнѣ были видны собесѣдники. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, вблизи небольшаго пчельника, сидѣли на травѣ дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и мальчикъ старѣе не болѣе какъ годомъ. Дѣвочка была почти дурнушка, рыжеватая, курносенькая, хотя физіономія ея выказывала и умъ и рѣзвость, а отчасти и кокетство. Въ костюмѣ ея замѣчалась заботливость,

одѣлась она во все новое, головку причесала старательно и убралась свѣжими лѣсными цвѣтами. За то мальчикъ, сидѣвшій прямо подъ лучами солнца, могъ служить моделью для ваятеля: давно я не видѣлъ ни такого красиваго личика, ни пропорціональныхъ членовъ, ни такой граціозной позы. Онъ былъ почти въ лохмотьяхъ, а между тѣмъ не одинъ аристократъ его возраста позавидовалъ бы его счастливой наружности. Особенно красивы были его длинные свѣтлорусые волосы, которые вились по плечамъ и живописно волновались каждый разъ, когда мальчикъ дѣлалъ движеніе. Разговоръ этихъ дѣтей началъ занимать меня, и я постарался не проронить ни одного слова. Дѣвочка сидѣла подъ кустомъ, безпрестанно поправляя вышитый подолъ рубашки, а мальчикъ наложилъ трубку, добылъ огня и улегся такимъ образомъ, чтобы тѣнь дѣвочки могла защитить его голову отъ палящихъ лучей солнца.

— Ну, такъ какъ же ты оправдаешься? спросилъ онъ очень серьезно, придавливая ногтемъ большаго пальца табакъ, вылѣзавшій изъ трубки.

— А что жъ мнѣ оправдываться: я сказала тебѣ все.

— И ты думаешь, я повѣрю?

— Коли не вѣришь, — твоя добрая воля.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ ходила? А?

— Почему же мнѣ съ нимъ и не пойдти?

— Но зачѣмъ ты его цѣловала?

— Его? цѣловала?

И дѣвочка сдѣлала такую интерескую гримасу, что некрасивое лицо ея похорошѣло. Русначенкъ произнесъ цвѣтистое, но непередаваемое выраженіе.

— А если цѣловала?

— Ты видѣлъ что-ль?

— Я не видѣлъ, но онъ самъ мнѣ сказывалъ.

— Вретъ онъ, негодяй! произнесла дѣвочка, покраснѣвъ, и разразилась уже такимъ выраженіемъ, какого не услышите и на Сѣнной въ десять часовъ вечера.

— Зачѣмъ же ему врать?

— А затѣмъ, чтобы побѣсить такихъ дураковъ какъ ты. Вотъ что!

— Ну ужъ ты не разсказывай, а я давно замѣчаю, какъ ты

финтишь передъ парнями. Смотри у меня! какъ только узнаю, отколочу не на животъ, а на смерть.

Дѣвочка на минуту присмирѣла, но въ глазахъ блеснули слезы. Я думалъ—вотъ расплачется. Но она выпрямилась и приняла гордую позу.

— Ты знаешь, я любила тебя, я обѣщалась выдти за тебя замужъ, хоть ты голь, а я богата; я переносила всѣ твои придирки, потому что иной разъ была виновна... А теперь ты взводишь на меня напраслину, и еще грозишь бить. Небывать этому, не пойду за тебя замужъ!

— Мнѣ все равно, я найду невѣсту красивѣе тебя.

Дѣвочка надула губки.

— Найду же и я себѣ молодца.

— Ты уже, кажется, и нашла.

— Ну да нашла, отвяжись пожалуста, сказала русначка, а у самой слезы готовы были брызнуть. Нашла, повторила она, и ужъ повѣрь, не пойду больше гулять съ тобою. Ты знаешь лучшихъ, пригожихъ...

— А ты развѣ не попрекала меня бѣдностью? спросилъ мальчикъ, раскуривая потухшую трубку.

Дѣвочка окончательно заплакала. Плутоватое личико подернулось грустью, но она плакала такъ изящно, если можно выразиться подобнымъ образомъ, что слезы придавали ей какую-то особенную прелесть. На мальчика это подѣйствовало.

— Ну чего разревѣлась? спросилъ онъ уже не тѣмъ спокойнымъ голосомъ, какъ говорилъ минуту назадъ: вольному воля! Любишь другаго и цѣлуйся съ нимъ; но коли меня любишь—не смѣй ни съ кѣмъ любезничать, а то отколочу, и тебя и его. Вотъ и все!

— Я ни съ кѣмъ не цѣловалась.

— То-то же! А въ другой разъ попрекнешь бѣдностью...

— Ей Богу не буду.

— Такъ бы и давно. Эхъ, чортъ побери, денегъ нѣтъ: купилъ бы литру горѣлки.

— Не хочу я горѣлки.

Въ это время мальчикъ всталъ и началъ искать своего огнива. Быстрый взоръ его, неожиданно проникнувъ сквозь кустарникъ, примѣтилъ мое присутствіе. Я успѣлъ, однако же, закрыть глаза и притворился спящимъ. Собесѣдники пошептались и разошлись въ разныя стороны.

Долго я еще лежалъ подъ тѣнью, и у меня не выходила изъ головы подмѣченная сцена изъ дѣтскаго быта. Тотчасъ же я пошелъ по деревнѣ, началъ внимательно слѣдить за дѣтьми и до вечера сдѣлалъ много наблюденій; но напрасно между разнородными группами искалъ чего нибудь подобнаго видѣнному подъ кустарникомъ. И мальчики и дѣвочки пѣли мнѣ пѣсни и играли въ разныя игры,—особенно подстрекаемыя лакомствами, которыя обыкновенно возилъ я съ собою для скорѣйшаго знакомства,—но это были просто дѣти, и добрыя и злыя, и глупыя и умныя, только неудовлетворявшія моего любопытства. Подъ вечеръ, когда я шелъ обѣдать къ помѣщику,—а жилъ я не менѣе версты отъ господской усадьбы—мнѣ снова попались на полдорогѣ возлѣ небольшаго оврага знакомые собесѣдники. Рискуя опоздать къ обѣду, я остановился, свернулъ папироску, закурилъ и присѣлъ на пень сухаго дерева. Дѣти было испугались, но я ихъ ободрилъ, удержалъ и обѣщалъ пряниковъ и орѣховъ. Когда общество успокоилось, я началъ заводить шутливый разговоръ—кто на комъ женится, кто за кого выходитъ замужъ. Иныя дѣвочки краснѣли, мальчики смѣялись и переглядывались. Знакомая мнѣ чета была покойнѣе другихъ, и сперва одинъ русначекъ, а потомъ и прочія дѣти, указывая мнѣ на нее, сказали, что это женихъ и *женишка*. Потомъ еще нашлась одна пара. Но это не удивило меня. И въ образованномъ сословіи и у крестьянъ дѣти заранѣе строятъ планы относительно будущаго, не справляясь съ разсчетами родителей. Меня поразила преждевременная развитость дѣвочки и мальчика, которые разсуждали такъ, что еслибы я ихъ не видѣлъ, то счелъ бы взрослыми. Обративъ потомъ особенное вниманіе на дѣтей, ихъ занятія, игры, участіе въ деревенскихъ забавахъ, я нигдѣ уже не встрѣчалъ такой интересной пары, какъ описанная, и потому не заношу въ свои замѣтки, что де у руснацкихъ дѣтей нравственность испорчена въ высшей степени. Я нарочно разговаривалъ отдѣльно съ интересными для меня мальчикомъ и дѣвочкой и видѣлъ ясно, что натуры эти, при другой обстановкѣ, могли бы выдти замѣчательными личностями. Между сверстниками они пользовались чѣмъ-то въ родѣ уваженія; отвѣты ихъ были быстры, иногда остроумны. Меня очень занимала сцена въ хозяйскомъ саду, и мнѣ хотѣлось подробнѣе узнать повѣсть влюбленныхъ, особенно эпизодъ ревности. Ока-

залось, что дѣвочка пококетничала немного съ богатымъ сосѣдомъ безъ всякой запасной мысли, а просто отъ нечего дѣлать, отыскивая вмѣстѣ забѣжавшихъ телятъ.

Вообще этотъ уголокъ весьма интересенъ. А лѣтніе вечера, съ ихъ прозрачнымъ теплымъ воздухомъ, гдѣ нибудь на опушкѣ пограничнаго лѣса, выходящаго на живописныя поляны, откуда виднѣются и деревни австрійской Буковины и далеко за Днѣстромъ полосатыя нивы Галиціи,—вечера съ ихъ однообразной, но вдохновляющей сельской обстановкой,—полны такой прелести, такъ успокоительно дѣйствуютъ на душу, что невольно отряхаешь всѣ житейскія дрязги и заботы и предаешься безотчетному наслажденію. Дальше по границѣ къ Пруту и надъ этой рѣкой на рубежѣ Молдавіи, мѣстности чрезвычайно живописны и не повторяются нигдѣ больше въ Бессарабіи.

Но пора возвращаться къ Днѣстру. Первое селеніе отъ Анутъ Перебійковцы, Перебыковцы или офиціально *Перебыкауцы*. Я уже говорилъ въ первой статьѣ объ этихъ омолдаваненныхъ названіяхъ. Перебійковцы замѣчательны тѣмъ, что лежатъ почти на островѣ, такъ страшно извивается здѣсь Днѣстръ, лѣвый берегъ котораго начинаетъ отсюда постепенно возвышаться. Туда ведутъ изъ Анутъ двѣ дороги, одна лѣсомъ по горѣ, развѣтвляясь на нѣсколько боковыхъ, а другая кордонная по берегу Днѣстра, подъ нависшими скалами. И первая и вторая значительно удаляются отъ прямаго направленія. Но лѣсная уже утратила въ послѣднее время свою прелесть: на большое пространство лѣсъ вырубленъ, и вокругъ раздается стукъ топоровъ, валящихъ вѣковые буки, дубы, клены, яворы. Помѣщики продали свои лѣса на срубъ евреямъ по весьма дешевой цѣнѣ, и скоро на этой мѣстности проѣзжій увидитъ одни голые пни, да кучи гніющихъ щепокъ. Послѣднее время я уже отправлялся по кордонной дорогѣ, весьма узской, каменистой, но представляющей больше разнообразія. Какъ-то мѣстный генералъ-губернаторъ вздумалъ проѣхать по границѣ, и дорога эта была кое-какъ исправлена.

Минуя первый кордонъ отъ Анутъ и слѣдуя крутому изгибу Днѣстра, верстахъ въ двухъ, скалы нѣсколько удаляются отъ берега и образуется довольно широкое мѣсто, поросшее красивыми деревьями и искрещенное въ разныхъ мѣстахъ дорожками. Здѣсь складываются сажни дровъ, которыя спускаютъ

съ горъ и развозятъ съ помощью рабочихъ животныхъ. Дикія плодовыя деревья, букъ, калина, орѣшникъ и широколистые клены достигли большихъ размѣровъ. Нѣсколько ущелій ведутъ отсюда въ глубину дебри. Въ одномъ изъ нихъ, направленномъ на перерѣзъ дорогѣ, пролегающей лѣсомъ, почти противъ хаты, гдѣ помѣщаются евреи-приказчики,—есть одно замѣчательное мѣсто. Между скалами, гдѣ по преданію жили разбойники, имена которыхъ не дошли до нашего времени, существуетъ и по нынѣ глубокая яма въ видѣ колодезя. Что это не дѣло природы доказываютъ правильно пробитыя стѣны, идущія по отвѣсу и сохраняющія почти квадратную форму. Говорятъ, что будто бы внизу тамъ были подземные ходы, что въ этихъ ходахъ скрыты сокровища. Положимъ, преданія эти подвержены сомнѣнію, какъ и повсемѣстныя преданія, связанныя съ подобными урочищами; положимъ, нѣтъ тамъ никакихъ сокровищъ, но во всякомъ случаѣ было бы интересно ближайшее знакомство съ этимъ подземельемъ, которое выбито въ скалѣ, конечно съ какой нибудь цѣлью. Не было у меня времени или, лучше сказать, не имѣлъ я средствъ для этого розысканія; при томъ же на землѣ частныхъ владѣльцевъ не всегда и удобны такіе поиски; но какому нибудь ученому обществу не мѣшало бы порыться въ этомъ урочищѣ, въ уголкѣ, куда, смѣло можно сказать, не заѣзжалъ еще не только ученый, но ни одинъ путешественникъ. Кто знаетъ, какія находки моглибъ быть результатомъ археологическихъ розысканій. Что это не колодезь, нѣтъ и разговору: вопервыхъ подъ бокомъ Днѣстръ—слѣдовательно въ водѣ не могло быть недостатка, во вторыхъ пробивать колодезь въ каменной скалѣ не было надобности, когда можно сдѣлать это въ болѣе мягкомъ грунтѣ; наконецъ закрытое мѣсто, куда проникаешь не только съ трудомъ, но и съ опасностью, цѣпляясь за вѣтви—все это служитъ доказательствомъ, что здѣсь или былъ ходъ, ведшій Богъ знаетъ куда, или просто кладовая людей, имѣвшихъ необходимость скрываться въ таинственной трущобѣ. Неудовольствуясь прогулкой въ сопровожденіи кого нибудь изъ дровосѣковъ—мѣстныхъ крестьянъ, которые ничего не могли мнѣ сказать о пещерѣ, я упросилъ ржавинскаго помѣщика съѣздить со мной на эту замѣчательную мѣстность. Мы ѣздили, добирались до отверстія, но не рѣшались спускаться въ глубину, на томъ основаніи, что видно дно и не-

замѣтно никакого хода. Г. Добровольскій впрочемъ говорилъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ назадъ глубина была значительнѣе, и что какъ отъ осыпавшейся земли, такъ и отъ падавшихъ листьевъ образовалось возвышеніе. Упоминаю о пещерѣ собственно на томъ основаніи, что можетъ быть проснется же у насъ когда нибудь жажда изслѣдованія роднаго края, и розыскатели наши, не ограничиваясь мѣстностями вблизи большихъ дорогъ, гдѣ удобнѣе проѣзжать въ покойныхъ экипажахъ,—устремятся въ разныя захолустья. При этомъ удобномъ случаѣ считаю необходимымъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ. Слѣдуя строго своей программѣ изучать бытъ береговыхъ жителей, я однакоже при малейшей возможности дѣлалъ поѣздки въ глубь края и проѣзжалъ и проходилъ его въ разныхъ направленіяхъ. Во время странствія изъ Могилева на Липканы для того, чтобы пробраться по Пруту въ уголокъ Буковины, я проѣзжалъ селеніе Коржевцы (офиц. Коржеуцы). Тамъ живетъ образованный русскій помѣщикъ, у котораго при какой-то постройкѣ, во время рытья подъ фундаментомъ, выкопали небольшую глиняную человѣческую фигурку. Находку эту можно отнести къ языческой эпохѣ. Я совѣтовалъ г. К. отправить этого идола въ Петербургъ съ подробнымъ описаніемъ мѣста нахожденія, но не знаю, послѣдовалъ ли онъ моему совѣту. Въ настоящее время археологическіе поиски въ сѣверной Бессарабіи были бы какъ нельзя болѣе кстати, потому что исторія начала разбирать подробнѣе и внимательнѣе мѣста жительства древнихъ народовъ. Край этотъ еще не изслѣдованъ, а между тѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что по всему Днѣстру отъ Лимана до Хотина жили предпріимчивые генуэзцы, слѣды которыхъ и до сихъ поръ сохранились въ крѣпостяхъ Хотина, Сороки, Бендеръ и Аккермана. Говорять, мало средствъ для подобныхъ розысканій, и дѣйствительно не имѣется денегъ на археологическія раскопки; но причина ли это, чтобы, довольствуясь печальнымъ statu quo, не изыскивать способовъ для пользы науки и ожидать, чтобы сами средства свалились съ неба? Ученыя наши общества бѣдны, какъ и слѣдуетъ быть въ краю, гдѣ образованіе коснулось высшаго и средняго классовъ, а десятки милліоновъ погружены еще въ невѣжествѣ; гдѣ торговля идетъ самымъ неправильнымъ путемъ, промышленность развивается кое-какъ, и гдѣ еще недавно вся наука была и теперь значительная часть ея находит-

ся въ рукахъ иностранцевъ, т. е. нѣмцевъ по преимуществу. Положимъ, правительство не можетъ щедро пособлять этимъ обществамъ, собственныя средства которыхъ не въ блистательномъ состоянiи; но неужели же такъ и оставаться и кругъ ученой дѣятельности соразмѣрять съ бѣдными суммами, не позволяющими выходить изъ скромнаго бюджета. Развѣ нельзя открыть повсемѣстную подписку и учредить народный музей, открытый для всѣхъ приходящихъ, необращая вниманiя ни на чины, ни на неприличные, т. е. простанародные костюмы. Я твердо увѣренъ, что не въ продолжительномъ времени собралась бы большая сумма, покрайней мѣрѣ достаточная для археологическихъ розысканiй, и вновь учрежденный музей пополнился бы рѣдкими экземплярами, изъ которыхъ не одному, можетъ быть, суждено было было бы пролить свѣтъ на какую нибудь таинственную отдаленную эпоху. Конечно многiе изъ тѣхъ, кто бросаетъ тысячи на рысистые бѣги, кто проѣдаетъ большiя суммы у Дюссо, кто проживаетъ нерѣдко огромное состоянiе для того, чтобы доставить извѣстнымъ красавицамъ средства ходить въ шелку и кружевахъ и кататься по Невскому въ блестящихъ экипажахъ, не пожертвуютъ на народной музей ни копѣйки, но на такихъ господъ смѣшно было бы и разсчитывать. За то изъ всѣхъ мѣстъ посыпались бы скромные, трудовые рубли.... Посмотрите, едва только объявляется подписка на какой нибудь памятникъ, или на поддержанiе какого нибудь заграничнаго монастыря, община котораго хоть и отреклась отъ мiрскихъ благъ, однако все же старается собрать лепту,—посмотрите какiя суммы собираются нечувствительно по одному объявленiю въ одной, двухъ газетахъ. Для устройства народнаго музея можно употребить такiя же мѣры. Пусть всѣ наши перiодическiя изданiя дружно провозгласятъ объ этомъ въ кругу своихъ читателей; пусть каждое откроетъ подписку при редакцiи, а къ концу года можно будетъ видѣть оправдается ли мое предположенiе. Мы видимъ, и разумѣется съ искреннею благодарностью, какое сочувствiе возбудилъ литературный фондъ, въ который кромѣ нашихъ трудовыхъ процентовъ и пожертвованiй образованнаго сословiя стекаются приношенiя людей, едва сознающихъ—что такое нуждающiйся литераторъ. Давно ли еще литераторъ пользовался незавидной извѣстностью, почти считался вреднымъ человѣкомъ, благодаря закоренѣлымъ рутинерамъ и людямъ, которымъ вре-

денъ свѣтъ просвѣщенія и даже грамотности, а постепенно возрастающій фондъ доказываетъ, что времена сильно измѣнились, и что общество готово помогать и нуждающемуся литератору, который, не имѣя ни родоваго, ни благопріобрѣтеннаго состоянія, дѣлаетъ свое дѣло, борясь на каждомъ шагу съ разнообразными препятствіями. Повѣрьте, то же было бы и съ народнымъ музеемъ. Мысль эта, безъ сомнѣнія, приходитъ на умъ не мнѣ одному, но какъ я не видѣлъ ее еще въ печати, то и рѣшаюсь высказать во всеуслышаніе. Желаніе это волновало меня постоянно во время скитаній по захолустьямъ Бессарабіи и вообще по днѣстровскимъ и днѣпровскимъ побережьямъ. Общество, основанное на подписную сумму, было бы конечно частное общество, гдѣ засѣдали бы спеціалисты, но безъ чиновничьяго элемента, безъ всякихъ формальностей, которыя у насъ проникаютъ всюду, словно неизбѣжная принадлежность самаго простаго учрежденія. Пусть члены и секретари не произносятъ пышныхъ рѣчей, въ духѣ взаимнаго хваленія, пусть не читаютъ длинныхъ и краснорѣчивыхъ отчетовъ, а дѣлаютъ дѣло и двигаютъ впередъ науку, которая идетъ медленнымъ шагомъ не изъ отсутствія любви къ ней или за недостаткомъ просвѣщенныхъ дѣятелей, а потому, что нѣтъ денегъ на ученыя розысканія. И какъ же нѣтъ денегъ? Неужели мы такіе бѣдные? Неужели изъ милліона образованныхъ людей въ Россіи десятый не пожертвуетъ рубля на учрежденіе археологическаго народнаго музея, который, кромѣ того, что представлялъ бы собраніе драгоцѣнныхъ рѣдкостей, давалъ бы возможность честнымъ труженикамъ—получать приличное вознагражденіе. Вѣдь если бы десятый изъ милліона пожертвовалъ по рублю, разомъ составился бы капиталъ во сто тысячъ! Собираются же напримѣръ праздновать чей нибудь юбилей,—несутъ вѣдь охотно деньги въ общую складчину: а можно ли думать, что непремѣнно всѣ имѣютъ въ виду только вкусно поѣсть или наслушаться рѣчей, извѣстныхъ заранѣе, выражающихъ обыкновенно офиціальныя чувства и т. п. Большинство не знаетъ даже близко въ юбилярѣ ни человѣка, ни общественнаго дѣятеля, а подписывается «компанства ради», жертвуя иногда суммой не по состоянію. Но теперь болѣе нежели когда нибудь сочувствіе ко всему родному; нѣтъ никакого сомнѣнія, что скоро развитіе нашего общества установится правильнымъ образомъ во всѣхъ слояхъ, безъ различія кастъ,

и наука станетъ на ту степень, на какой находится она въ передовыхъ западныхъ государствахъ. Слѣдовательно мысль моя объ учрежденіи народнаго музея не можетъ назваться утопіей.

Перебійковцы очень длинное большое селеніе, принадлежащее тремъ владѣльцамъ. Есть народъ довольно зажиточный, о чемъ можно судить по крестьянскимъ постройкамъ, разбросаннымъ въ безпорядкѣ между красивыми садами. Довольно рыбаковъ, которые выѣзжаютъ на Днѣстръ въ своихъ неуклюжихъ лодочкахъ на подобіе корыта, но уловъ самый ничтожный, такъ что иногда рыбакъ не привезетъ добычи и на ужинъ. Съ австрійской стороны тоже выѣзжаютъ руснаки на промыселъ и какъ здѣсь Днѣстръ не болѣе тридцати сажень ширины, то пограничные сосѣди безпрерывно сталкиваются и ведутъ дружелюбные разговоры. Лѣтнимъ вечеромъ берегъ оживляется необыкновенно: народонаселеніе выходитъ купаться, челноки снуютъ по всѣмъ направленіямъ, кордонные слѣдятъ за этими движеніями, наблюдая за руснаками, а на скалахъ по обѣимъ сторонамъ раздаются мелодическія заунывныя пѣсни.

Я никогда не соблазнялся подсматривать купальщицъ, хотя мое присутствіе на берегу никто не счелъ бы неприличнымъ, и потому мѣсто для вечернихъ прогулокъ выбиралъ выше или ниже селенія, гдѣ кстати и рыбаковъ больше и чаще свиданія пограничныхъ жителей двухъ имперій. Однажды при закатѣ августовскаго солнца отправился я внизъ по Днѣстру и, закуривъ сигару, присѣлъ на берегу въ томъ счастливомъ положеніи духа, когда человѣкъ здоровъ, особенно не нуждается, имѣетъ въ виду любимое занятіе и полную безграничную свободу. Передо мною, облитый косвенными лучами, отчетисто обрисовался нагорный Галиційскій берегъ, у ската котораго руснаки поили стада. Рыбаки разъѣзжали въ челнокахъ, переговариваясь между собою. Вправо отъ меня торчали камни; за которыми я разслушалъ сильный пискъ и звонкій хохотъ, изобличавшій молоденькихъ женщинъ. Въ тоже время увидѣлъ я кучу цвѣтнаго платья поодаль и не надо было имѣть бинокля, чтобы разсмотрѣть не крестьянскую одежду. Первымъ движеніемъ моимъ было взглянуть пристальнѣе на рѣку, но упрекнувъ себя за это невольно естремленіе, я собирался уйдти подальше.... Не успѣлъ я ступить шагу, какъ изъ за камней показалась русая головка, длинные волосы которой служили въ родѣ покры-

вала, и вслѣдъ—роскошный бѣлый торсъ представился глазамъ моимъ. Раздался громкій крикъ, наяда исчезла, но скоро послышался тоненькій голосокъ:

— Уйдите, Бога ради уйдите! мы не можемъ при васъ одѣваться.

Разумѣется, я исполнилъ законное требованіе и отошелъ на такое разстояніе, съ котораго уже было невозможно никого привести въ краску, хотя и видѣлъ какъ три фигуры стремительно бросились изъ воды и начали быстро разбирать свою одежду. Но взамѣнъ, можетъ быть, очень пріятной картины видѣть хорошенькіе бюсты при свѣтѣ заката,—судьба послала мнѣ не менѣе интересную сцену изъ порубежныхъ нравовъ. Не ограничиваясь пунктомъ, съ котораго взоръ мой не могъ устрашить купальщицъ, я побрелъ вдоль по берегу, разсчитывая свою прогулку до большаго лѣса. Меня обогналъ молодой руснакъ съ шерстяной дорожной торбой черезъ плечо и поздоровался. Болѣзненный видъ его и нѣсколько глуповатая физіономія не представляли особаго интереса, но по привычкѣ пользоваться каждой встрѣчей для своихъ наблюденій—я завелъ разговоръ съ этимъ попутчикомъ. Отвѣты его были весьма односложны, вопросовъ онъ мнѣ не предлагалъ и повидимому желалъ бы избавиться отъ моего товарищества, но не зналъ какъ это сдѣлать. На встрѣчу намъ показался конный стражникъ. Случайно я взглянулъ на руснака и замѣтилъ большую перемѣну въ его физіономіи: глуповатое, какъ мнѣ казалось прежде, выраженіе—исчезло, и какое то лукавство отразилось въ его взорахъ. Опередивъ меня, онъ смѣло пошелъ на встрѣчу всаднику, вынулъ изъ кармана трубку и попросилъ огня у объѣздчика. Тотъ остановилъ лошадь, высѣкъ огня и подалъ кусочекъ зажженнаго труту,—услуга, въ которой никто не отказываетъ въ дорогѣ. Посмотрѣвъ зорко на меня, таможенный отправился своей дорогой, а руснакъ давно уже былъ впереди и шелъ такими шагами, что догнать его не представлялось никакой возможности. Скоро онъ пропалъ у меня изъ виду за ближайшими деревьями. Тотчасъ же мнѣ пришло на мысль — не контробандистъ ли это, и какъ подобное явленіе нерѣдкость на описываемой мѣстности, то я и продолжалъ спокойно свою прогулку.

Сумерки начинали спускаться, когда я достигъ лѣса и при-

сѣлъ на большомъ камнѣ отдохнуть въ ожиданіи мѣсяца, который долженъ былъ озарить окрестность. Между высокихъ горъ Днѣстръ лежалъ черною полосою, волны его тихо журчали, всплескивая у береговъ, а по лѣсу шелъ тотъ невыразимый гулъ, который переливается по вѣтвямъ въ самое безвѣтріе и какъ то странно, тоскливо, но вмѣстѣ мягко и ласкательно дѣйствуетъ на душу. По временамъ изъ Перебійковецъ и изъ за границы доносились ко мнѣ звонкіе голоса, иногда недалеко раздавалось энергическое восклицанье рыбака; но дневная людская забота смолкала постепенно и наконецъ уступила мѣсто тиши, какъ бы спустившейся разомъ съ сумерками. Какія думы роились у меня въ головѣ — неинтересно знать читателю, но я скажу только, что просидѣлъ около часу на камнѣ, съ сигарой, прислонясь къ толстому дереву.

Конскій топотъ вывелъ меня изъ задумчивости. Изъ села приближался объѣздчикъ. Мѣсяцъ стоялъ уже надъ горою и тихій свѣтъ его, падая сквозь вѣтви, расписывалъ прихотливыми сѣтками гладкую дорогу, которая ровною полосою врѣзывалась въ глубину лѣса. Кордонный зорко смотрѣлъ во всѣ стороны, привставъ на стременахъ, но не замѣтилъ меня, хоть я и сидѣлъ тутъ же въ тѣни орѣшника. Когда онъ скрылся, и затихъ звукъ отъ копытъ его лошади, мимо меня черезъ дорогу перебѣжала какая то фигура прямо къ Днѣстру и остановилась. Немного стоило труда узнать руснака, физіономія котораго показалась мнѣ такою глуповатою. Возлѣ меня три раза прокричалъ филинъ. Не прошло нѣсколько секундъ, какъ на томъ берегу, освѣщенномъ луною, мелькнуло что-то бѣлое и раздался плескъ, будто кто бросился въ воду. Руснакъ присѣлъ на корточки. Я началъ всматриваться пристальнѣе. Внизъ по теченію и наискось Днѣстра плыло что-то круглое и когда приблизилось къ половинѣ рѣки, я увидѣлъ при свѣтѣ мѣсяца человѣческую голову. Голова эта подплыла къ руснаку на близкое разстояніе.

— Ты здѣсь? раздался шопотъ изъ воды.

— Здѣсь.

— Накладывай трубку.

— Ого! давно готова. А водка?

— Вотъ возьми, откупорь поскорѣе бутылку. Я что-то озябъ, выпьемъ, да и потолкуемъ о дѣлѣ. Мнѣ признаться некогда.

— Ну, подавай!

Галиціецъ подползъ къ берегу. Онъ былъ въ сорочкѣ и полотняныхъ штанахъ, и ужъ конечно къ нему можно было примѣнить фразу «хоть выжми»! Съ длинныхъ волосъ его текла вода струями. Пріятели поочередно прикладывались къ бутылкѣ, потомъ галиціецъ овладѣлъ трубкой и по временамъ покрякивалъ отъ холоду.

—Ну что мои волы? спросилъ руснакъ, растягиваясь по берегу.

—А что мои волы? Были въ Мельницѣ (*), а теперь угнаны далеко подъ Залещики, а можетъ и подъ самый Львовъ.

—Какъ же быть? Значитъ, и думать нечего.

—А нечего! отвѣчалъ пріятель, шевеля плечами отъ холода.

—Я пропалъ безъ воловъ, пропало хозяйство. Вотъ что.

—Стало быть, пропало. А ты, какъ я вижу, дурень.

—Какъ?

—Да такъ.

—Что не уберегся?

—Уберечься трудно, а потому что Лейбѣ далъ три карбованца.

—И тебѣ пару.

—Ну, хоть бы и мнѣ пару. Лучше бы мнѣ получить всѣ пять; я тебя научилъ бы.

—Въ самомъ дѣлѣ?

—А чтожъ?

—Ну, братъ, теперь нѣтъ у меня денегъ.

—А обѣщаешь?

—Изволь.

—Мы старые пріятели, такъ и быть, услужу. Ты знаешь, я овдовѣлъ. Хотѣлось жениться на сосѣдкѣ Настѣ....

—А! Это высокая, чернобровая.

—Ну, да. Дѣвка—того и непрочь, да подвернулся проклятый Матвѣй.

—Богачъ?

—Богачъ сукинъ сынъ, и сманилъ дѣвку. Вотъ я и разсердился на него, да такъ, что прибилъ бы, еслибъ сила, но онъ

(*) Ближайшее мѣстечко въ Галиціи.

однимъ ударомъ сшибетъ меня съ ногъ. Ну, думаю, а все же надо удружить ему за Настю.

—Да какъ же это? Мои волы....

—Гдѣ у чорта—твои волы въ Залещикахъ или во Львовѣ! Нѣтъ, а у этого бестіи Матвѣя двѣ пары, такъ можно будетъ одну достать для тебя.

—Ой ли?

—Почему же не помочь пріятелю.

Руснакъ вздохнулъ.

—Плохо дѣло, сказалъ онъ: теперь видишь какія лунныя ночи.

—Будутъ и не лунныя, да кто знаетъ, можетъ быть завтра же небо покроется тучами.

—И ты думаешь....

—Ничего не думаю, а три дѣла разомъ сдѣлаю: отомщу недругу, услужу пріятелю и напьюсь и ужъ напьюсь мертвецки.

—Гмъ! А какъ поймаютъ?

—Вотъ и видно, что дурень. А будетъ пять карбованцевъ?

—Будетъ.

—Побожись.

—Ей Богу, чтобъ мнѣ не встать съ этого мѣста.

—И табаку дашь?

—И табаку дамъ.

—Хорошо. Теперь прощай. Жди темной ночи. Помни, чѣмъ темнѣе и бурнѣе—тѣмъ лучше, такъ и приходи. Услышишь крикъ филина. всегда три раза, отвѣчай тѣмъ же значитъ.

—Какъ бы *тотъ* не подмѣтилъ!

—*Тотъ* не штука—сунешь карбованцевъ пару и шабашъ, а вотъ какъ мнѣ Матвѣй бока наколотитъ.... ну, прощай!

—Съ Богомъ.

Возвративъ трубку и взявъ свою бутылку, галиціецъ отправился прежнимъ способомъ и поплылъ снова внизъ по теченію наискось, съ цѣлью выдти на берегъ гораздо ниже. Пріятель его постоялъ, оглянулся, вышелъ на дорогу, и, замѣтивъ мѣсто, полѣзъ по крутой горѣ въ ужаснѣйшую трущобу.

Когда удовлетворилось во мнѣ чувство этнографа, заговорило чувство человѣка. Съ негодованіемъ всталъ я съ камня и пошелъ домой. Возлѣ меня затѣвалось чистѣйшее воровство, угрожали украсть пару воловъ у какого-то Матвѣя: нельзя ли пре-

дупредить его объ этомъ? Но гдѣ живетъ онъ, какъ передать? Эти мысли однакоже не долго волновали меня и уступили мѣсто болѣе практическимъ соображеніямъ. Здѣсь не было на первомъ планѣ: «какое мнѣ дѣло», но я подумалъ, что всѣ граничары смотрятъ на подобный образъ дѣйствій какъ на законный, и если руснакъ не украдетъ у своего или сосѣдняго селянина даже на копѣйку, то не сочтетъ преступленіемъ овладѣть собственностью австрійца, если представится какая нибудь возможность. Кто знаетъ, можетъ быть, самъ Матвѣй, которому угрожала потеря пары воловъ, пріобрѣлъ себѣ состояніе точно такимъ же образомъ! Крестьянинъ, отыскивавшій своихъ воловъ, былъ на столько честенъ, что платилъ деньги, стараясь узнать куда ихъ угнали, и хотѣлъ дѣйствовать легальнымъ путемъ. Его соблазнилъ галиційскій пріятель.

Погруженный въ эти мысли, я столкнулся съ кордоннымъ объѣздчикомъ.

—Стой! кто идетъ?

—Свои.

—Да кто свои? Зачѣмъ? Откуда?

—Я здѣсь по открытому листу генералъ-губернатора.

—А, это вы прибыли изъ Анутъ?

—Да.

—Извините, в. в—іе, знаете, здѣсь граница....нельзя.

—Ничего, ничего, исполняй свою обязанность.

—У насъ все благополучно, в. в—іе.

—Мнѣ вѣдь нѣтъ никакого дѣла ни до васъ, ни до вашей службы.

—Слушаю-съ. Теперь лунныя ночи, все спокойно.

—Скажи мнѣ, любезный другъ, я слышалъ, что по границѣ крадутъ скотъ и лошадей: какъ это они ухитряются перегонять черезъ Днѣстръ?

—А чортъ за ними усмотритъ, в. в—іе. Эти руснаки, даромъ что кажутся глупыми, а хитрѣе самого дьявола. Прежде бывало у насъ много дѣловъ съ ихъ волами и лошадьми, безпрестанныя жалобы, а теперь никто ужъ не жалуется.

—Какъ же?

—Да такъ, сами расправляются: они украдутъ у нашего пару воловъ, онъ утащитъ за границей двѣ; если наши угонятъ изъ заграницы лошадь, австрійцы подтибрятъ двѣ или три.

Такой ужъ народъ! Прежде, покрайней мѣрѣ, пограничныя села жили честно между собою, а теперь не смотрятъ никому въ зубы. Нечего сказать—сторонка! Счастливо оставаться, в. в—іе, все таки надо осмотрѣть дорогу.

Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что мнѣ ясно видѣлись всѣ подробности отдаленной деревни. По обоимъ берегамъ Днѣстра спокойно. На галиційской сторонѣ, на скалѣ, сидѣла какая-то бѣлая фигура и бросала въ пространство заунывные звуки руснацкой пѣсни, которыя, перелетая на нашу сторону, терялись въ глубокомъ ущельѣ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ въ Галиціи прозвонили колокола. Не смотря на вторую половину августа, теплынь стояла такая, что въ легкомъ пальто мнѣ сдѣлалось жарко. Ночь дѣлалась поэтичнѣе, и просто не хотѣлось идти домой, хотя предстояло довольно работы. Будь пріятный собесѣдникъ, кажется, просидѣлъ бы на скалѣ, гдѣ нибудь, до разсвѣта, и чѣмъ ближе къ селенію, тѣмъ шелъ я медленнѣе, стараясь продлить удовольствіе. Вдругъ до слуха моего долетѣлъ плачъ.... онъ былъ близко. Какой-то грустный речитативъ раздавался направо. Приближаюсь къ Днѣстру. На берегу сидѣла женщина. При моемъ появленіи она встала и выпрямилась. Я увидѣлъ молоденькую дѣвушку, которая утирала глаза вышитымъ рукавомъ рубашки.

—О чемъ плачешь, милая?

—Такая бѣда, что и разсказать трудно.

—Въ чемъ же дѣло?

—Гуси наши ушли подъ тотъ берегъ.

—Я думаю, это часто случается.

—Нѣтъ, на ночь они плывутъ домой.... а теперь ихъ украдутъ непремѣнно.... Ой, Боже мой!

—Какъ же пособить горю?

—Надобно идти за ними черезъ рѣчку, а ночная пора, страшно.

Наконецъ мы условились. Дѣвушка дала адресъ своей хаты, я обѣщалъ увѣдомить ея домашнихъ о самовольствѣ гусей, что успокоило немного руснячку. Приключеніе меня заинтересовало. Указанная хата стояла гораздо ближе моей квартиры, и я поспѣшилъ исполнить свое обѣщаніе. Черезъ четверть часа я подходилъ къ цѣли. Дверь на улицу была растворена. Въ сѣняхъ семья собиралась ужинать. Я поздоровался и въ корот-

кихъ словахъ передалъ порученіе. Тотчасъ же откомандировали парня, а хозяйка дома предложила мнѣ мамалыги. Отказываться было не въ моихъ правилахъ, напротивъ—я искалъ всевозможныхъ приглашеній и тотчасъ же попросилъ сходить принести око горѣлки. Ужинъ оживился. Хозяинъ, по видимому, любилъ выпить, и послѣ двухъ-трехъ чарокъ, отозвался о своей дочери какъ о плаксѣ.

— Эка важнюсть! проговорилъ онъ, заѣдая огурцомъ мамалыгу:—что десятокъ гусей ушелъ на ту сторону. Мы разъищемъ. Развѣ первый разъ, что ли!

— А кордонные?

— Атъ!

И онъ махнулъ рукою. Я поймалъ, однакоже, взоръ хозяйки, которая словно показывала мужу, что де сидитъ посторонній.

— Это человѣкъ хорошій, отозвался громко хозяинъ: я видѣлъ его въ Анутахъ. Онъ не простой, даже издалека, а съ нашимъ братомъ какъ свой.

Меня утѣшило такое лестное мнѣніе.

— Гдѣ же ты меня видѣлъ?

— А помните, какъ староста потерялъ вашу бумагу и ее искали въ шинкѣ,—я тогда пьяный спалъ и проснулся на похмѣлье. Меня хотѣли обыскивать, такъ вы сказали — зачѣмъ тревожить добраго человѣка...

— Очень радъ встрѣтиться. Я точно люблю простой народъ и желаю ему добра. Только зачѣмъ вы пьете такъ, чтобы валяться по шинкамъ?

— Эхъ, много говорить, да нечего слушать! Такая уже у насъ натура: наши отцы и дѣды пили.

— Я не говорю, чтобы не пить совсѣмъ, а зачѣмъ напиваться?

— Да вѣдь пьешь не съ тѣмъ, чтобы напиться, а чортъ знаетъ, какъ само сдѣлается. Ну, отъ нашей-то горѣлки свалишься не скоро, а вотъ изъ за Днѣстра, — у! какая жгучая.

— За эту жгучую можно иногда и поплатиться...

— Ну, это рѣдко случается. Всѣмъ извѣстно, что добрые люди промышляютъ. Вѣдь вы живете сами по нашимъ селамъ, вамъ нечего разсказывать, сами знаете. Пусть дорогіе товары, пусть чай и все прочее, этого нельзя,—говорилъ руснакъ, плу-

товски улыбаясь: — а горѣлки! кто его вытерпитъ? Я говорю это такъ, я самъ пью всегда изъ своего шинка, а другіе...

— Конечно, подхватилъ я: что за охота изъ за ока горѣлки лѣзть въ теплю!

Руснакъ засмѣялся.

— О, да вы тоже не промахъ!

— Я тебя не понимаю...

— Мы знаемъ, что вы пріѣхали къ намъ не по контрабандѣ; вы разспрашиваете, какъ живетъ народъ, описываете наши пѣсни, сказки, ходите по свадьбамъ. Вы, можетъ, и большой человѣкъ, да по другому дѣлу. Хозяева хвалятъ, за все платите деньги...Однако вы подмѣчаете...

— Кто же тебѣ сказывалъ?

— Хе, хе, мы все знаемъ. Это граница. Жидки было трухнули, да пришла вѣсть изъ Хотина, что бояться молъ нечего.

Я окончательно развеселился, потому что чрезвычайно трудно успѣть въ моемъ дѣлѣ тамъ, гдѣ принимали меня за какое нибудь начальство. Мнѣ нужна была жизнь простолюдина нараспашку, а въ иныхъ мѣстахъ деревни, гдѣ случалось мнѣ проживать, были для меня недоступны именно оттого, что видѣли какую-то таинственную цѣль въ моемъ порученіи. Граничары яснѣе поняли мое назначеніе. Постоянный отказъ мой пользоваться даромъ съѣстными припасами и маленькіе подарки молодежи и дѣтямъ поставили меня въ мнѣніи простонародья довольно высоко, такъ что присутствіе мое въ деревнѣ не всегда имѣло вліяніе на обыденную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Сперва сельскія власти являлись ко мнѣ, но я разъ и навсегда подтвердилъ, что не имѣю никакого права вмѣшиваться во что бы то ни было, и довелъ ихъ до того, что они даже отправлялись на полевыя работы, рискуя попасться начальству, если бы оно наѣхало неожиданно.

Пользуясь разговорчивостью гостепріимнаго руснака и эффектомъ горѣлки, я передалъ ему разговоръ, подслушанный въ лѣсу о пропажѣ воловъ, умолчавъ объ умыслѣ пріятелей овладѣть собственностью какого-то Матвѣя.

— А! знаю! Да, жаль, парень хорошій, только онъ не отыщетъ воловъ.

— Почему же?

— Потому что они уже далеко, а какъ ихъ розыскать въ

Галиціи: вѣдь она большая. Если бы у него были еще хорошіе пріятели, а то вѣдь онъ не прибережный, а живетъ за лѣсомъ. Мнѣ говорили объ его волахъ.

— Какъ же быть бѣдному?

— Если не дуракъ, найдетъ средство пособить горю.

— Напримѣръ?

— Просто украдетъ пару воловъ на той сторонѣ....

— Развѣ это легко?

— Атъ! плевое дѣло.

— А начнутъ разыскивать?

— Чорта разыщутъ. Развѣ далеко Прутъ? А за Прутомъ....

— Но какъ же украсть?

Руснакъ установилъ на меня глаза....

— Подобраться въ темную ночь.

— Не то; а развѣ честно взять чужое?

— А они зачѣмъ берутъ наше?

— Но почему же ты знаешь, что попадешь на того, кто укралъ твое?

— Всѣ однимъ мvромъ мазаны. Такъ у насъ водится.

— Не хорошо.

— Оно пожалуй, что нехорошо, да что виноватъ бѣднякъ, у котораго все имѣніе — пара воловъ. Надо платить подати, ѣсть, пить, одѣться, кормить семью, а безъ воловъ, что безъ рукъ. Потеряй волы богачъ, и тому жалко, а бѣдняку все равно, что душу вынуть.

— Можно жаловаться.

— Ну такъ вы же ничего не знаете — вотъ что! Жаловаться! Да пока выхлопочешь позволеніе—сколько надо времени; потомъ пойдешь на ту сторону искать вѣтра въ полѣ, а тамъ еще надуютъ. Всякъ охотно согласится помогать—лишь бы деньги, будетъ водить тебя, хоть и самъ знаетъ, что не слыхалъ о твоей пропажѣ.

Въ это время возвратились парень и дѣвушка съ гусями, которыхъ удалось залучить съ того берега.

Хозяинъ засмѣялся.

— Да прахъ ихъ побери, если бы и пропали; я угналъ бы за то два десятка австріяцкихъ—и въ Хотинъ на ярмарку.

— Какъ же ваши кордонные!

— Атъ! Станетъ онъ замѣчать такую дрянь! Имъ и безъ нашихъ гусей дѣла много.

Я еще долго просидѣлъ у руснаковъ и когда возвратился домой, у меня во дворѣ все уже спало. Все было хорошо въ моей квартирѣ, и просторная, свѣтлая хата, и множество цвѣтовъ за образами, и вышитыя полотенца, и коврики и подушки, но столъ такой нелѣпый, т. е. до того перекосившійся, что писать рѣшительно невозможно. Какъ нарочно почувствовалъ я особенное желаніе набросать на бумагу разныя замѣтки. На припечкѣ кипѣлъ самоваръ, большой котъ, прищуря плутоватые глаза, громко мурлыкалъ на лавкѣ; сверчки тянули свою однообразную пѣсню; полный мѣсяцъ смотрѣлся въ окна. Я зналъ, что хозяинъ мой человѣкъ болѣзненный и плохо спалъ, слѣдовательно оставалось обратиться къ нему съ просьбою устроить какъ нибудь письменный столъ. Два пустыхъ улья, небольшая доска и боченокъ на мѣсто стула были уставлены среди хаты, и я поработалъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ не занимался иногда и въ петербургской квартирѣ.

Въ Перебійковцахъ три помѣщичьихъ дома. Для своихъ посѣщеній я выбралъ владѣльца побѣднѣе, одного поссесора поляка, который много лѣтъ уже занимался хозяйствомъ въ Бессарабіи, хоть и не такъ давно на этой мѣстности. Иногда по вечерамъ я заходилъ къ старику потолковать. У него молоденькія дочки, которыя однако же рѣдко появлялись въ кабинетъ, наполняя сосѣднюю комнату звонкимъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось мнѣ нѣчто знакомое, напоминавшее одну изъ моихъ прогулокъ по берегу. Кажется, эти барышни подозрѣвали меня въ умыслѣ — полюбоваться на нихъ во время купанья. Впрочемъ меня принимали очень хорошо, да я же рѣдко и бывалъ, имѣя пропасть работы. Мнѣ хотѣлось только ближе вникнуть въ хозяйство, въ способы села, въ пріемы землевладѣльцевъ. Въ перебійсковскихъ дачахъ очень много лѣсовъ, но они, какъ я сказалъ выше, истребляются, преимущественно молодыми братьями помѣщиками, раздѣлившими имѣніе и спѣшащими капитализировать лѣса свои. Евреи дѣятельно занимаются вырубкой, и можетъ быть въ настоящее время все это побережье Днѣстра усѣяно одними срубленными пнями, и на мѣстахъ, гдѣ шумѣли вѣковые буки и яворы, торчатъ молоденькія деревца,

да валяются груды щепокъ. Какъ и почему происходитъ подобное опустошеніе лѣсовъ—изъяснить можно только однимъ отсутствіемъ всякаго понятія о раціональномъ хозяйствѣ. Что въ сѣверной Бессарабіи, особенно въ описываемомъ уголкѣ, лѣсу много, что онъ ни почемъ—извѣстно всѣмъ и каждому; но не тайна и то, что если допустить евреевъ рубить безъ толку лѣсъ, какъ они рубятъ, портить молодые поросли тасканьемъ колодъ къ берегу, то нужны десятки лѣтъ для того, чтобы снова лѣсъ могъ принести доходъ имѣнію. Не желая возвращаться къ этому предмету при описаніи бессарабскаго берега Днѣстра, я долженъ сказать, что въ двухъ мѣстахъ только на всемъ протяженіи рѣки видѣлъ я лѣсъ въ порядкѣ: это въ деревнѣ Ломачинцахъ Хотинскаго уѣзда у помѣщика Крупенскаго и въ Аккерманскомъ округѣ, гдѣ до 1859 года занимался этимъ лѣсничій Арсеньевъ, который, къ сожалѣнію, рано умеръ, не доживя до исполненія задушевныхъ своихъ плановъ. Можетъ быть и есть гдѣ нибудь подобные лѣсничіе—не знаю, но покойный Арсеньевъ такъ энергически работалъ, такъ искренно любилъ и берегъ свой участокъ, что рѣдкій лѣсовладѣлецъ и на другихъ мѣстностяхъ заботится подобнымъ образомъ о собственномъ лѣсѣ. Въ Бессарабіи словно не сознаютъ важности этого драгоцѣннаго дара и смотрятъ на дерево иной разъ какъ на помѣху, даже скорбятъ, что земля погибаетъ безполезно Я говорю о лѣсахъ надъ судоходной рѣкою, а что дѣлается въ глубинѣ края,—предоставляю объ этомъ судить самому читателю. Правда, надъ Днѣстромъ лѣса истреблены почти до самой Буковины, гдѣ тоже врядъ-ли уже сохранились строевыя деревья; но надобно знать за какую ничтожную цѣну владѣльцы посбыли свои рощи. Не станемъ брать въ разсчетъ цѣнъ одесскихъ, которыя могутъ показаться баснословными, доходя до 50 руб. за сажень, но посмотримъ почемъ продаются днѣстровскія дрова въ Маякахъ—селеніе близь Лимана, дальше котораго не идутъ уже ни плоты, ни галеры, и ограничимся цифрою 17 и 18 руб. Евреи покупали у владѣльцевъ менѣе двухъ рублей. Если спекулянтъ употребилъ на вырубку и доставку 8, что трудно предположить, то все же онъ пользовался около 100% чистаго барыша. Я положилъ огромную цифру на срубъ и сплавъ, доставляемую самими евреями. Можно почти быть увѣрену, что расходы эти значительно меньше. Вы удивитесь, пожалуй мнѣ не повѣрите, но фактъ суще-

ствуетъ, или покрайней мѣрѣ существовалъ такъ недавно, что узнать о немъ на мѣстѣ не предстоитъ никакихъ затрудненій. Отчего же это такъ? спросите вы; отчего же такой безразсчетный образъ дѣйствій? Оттого, что сословіе бессарабскихъ владѣльцевъ, по большей части, въ высшей степени неразвито, что имѣніями во множествѣ управляютъ спекулянты поссесоры, что въ краю неизвѣстна даже азбука экономическая, вслѣдствіе чего промышленное еврейское племя овладѣло страною и извлекаетъ изъ нея возможно большіе доходы, не заботясь о растратѣ чужаго фонда. Недавно въ Экономическомъ указателѣ въ открытыхъ вопросахъ просили объявить: что значатъ бессарабскіе проценты? Minimum 15, но это величайшая рѣдкость, а maximum доходитъ до чудовищной цифры. Съ простолюдина еврей беретъ 100, а иногда и больше, смотря по нуждѣ бѣдняка и по собственной ловкости. Если у помѣщика нечего продать, а нужны деньги, онъ предлагаетъ лѣсъ на срубъ, но еврей не тотчасъ соглашается на подобную сдѣлку. Послѣдній представляетъ причины, что трудно сбывать дрова, что онъ боится потерять и проч., а самъ пожалуй уговорился уже доставить столько-то сотъ сажень и ждетъ только момента, когда помѣщикъ нуждается до зарѣзу. Поссесоръ не смѣетъ распоряжаться лѣсами, но тотъ, принимая имѣніе, дѣлаетъ условіе не стѣсняться на этотъ счетъ и конечно не стѣсняется. Въ средней Бессарабіи истребляютъ на уголь большое количество деревьевъ, для снабженія этимъ продуктомъ городовъ, преимущественно же Кишинева и Одессы. Но тамъ покрайней мѣрѣ въ густыхъ заросляхъ идетъ всякое дерево, а въ днѣстровскихъ лѣсахъ право жаль смотрѣть какъ погибаютъ отличныя деревья, сваливаемыя безъ всякой системы, безъ всякаго порядка. Между тѣмъ во владѣльческихъ селеніяхъ, изобилующихъ лѣсными дачами, царанинъ не смѣетъ вырубить ни одного прутика, и нерѣдко бѣднякъ, неимѣя денегъ, мерзнетъ съ семьей въ своей *казѣ*, а откормленный еврей пользуется огромными барышами. Я уже писалъ о бессарабскихъ евреяхъ, которые рѣзко отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ на разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Сколько я знаю это племя на западѣ и югѣ, сколько я присматривался къ его быту, торговлѣ и промышленности, наконецъ къ новой жизни, повѣявшей на сыновъ Израиля, могу сказать, положа руку на сердце, что безнравственнѣе, фанатичнѣе, коварнѣе бессарабскаго еврея нель-

зя себѣ представить, такъ что онъ близко даже подходитъ къ армянамъ, пользовавшимся до сихъ поръ первенствомъ въ плутняхъ на торговомъ и промышленномъ поприщахъ. Въ Бессарабіи нѣтъ селенія, гдѣ еврей не эксплуатировалъ бы народа; нѣтъ ничтожнаго мѣстечка, гдѣ не гнѣздилось бы это племя и не сосало кровь изъ бѣднаго молдавана и руснака. И какъ они чуютъ виновность свою. Сколько разъ случалось мнѣ, во время жизни по деревнямъ, имѣть съ ними интересные разговоры. Они тотчасъ видѣли во мнѣ лицо, посланное развѣдать именно объ ихъ плутняхъ. Не успѣешь бывало раздѣться и расположиться на квартирѣ, какъ уже съ картузомъ подъ мышкой является іудей и привѣтствуетъ земнымъ поклономъ. Всѣ они хоть плохо, однако говорятъ по русски. И какихъ не наслушаешься титуловъ! и сіятельство я, и превосходительство, меньше высокородія не помню. Приступъ обыкновенно былъ въ слѣдующемъ родѣ: «охота мнѣ ѣсть Богъ знаетъ что, лучше пойдти къ помѣщику или поссесору, а не то онъ, еврей, за честь поставитъ угостить меня—такую именитую особу, пошлетъ за хорошей водкой и т. п. И что за глупый народъ молдаване и руснаки, отъ нихъ не добиться толку ни о хозяйствѣ, ни о торговлѣ, все это пьяницы, только переврутъ, и моему превосходительству грѣхъ убивать время на разговоры съ необразованными царанами». Разумѣется, я пользовался этими бесѣдами, но не въ той мѣрѣ, какую предполагалъ мой собесѣдникъ. По мѣстечку ходить было нельзя, непремѣнно пристанутъ два, три спутника и такъ напугаютъ народъ, что иной разъ приходилось переѣзжать на другое мѣсто. Дѣйствительно, первое время положеніе мое было щекотливо: меня или боялись, или приходили ко мнѣ съ жалобами. И надобно было видѣть какъ лисили передо мной евреи, особенно самые лютые, которые грабили крестьянъ, но разумѣется, грабили съ ловкими пріемами и извѣстными лазейками, такъ чтобы можно было припрятать концы въ случаѣ преслѣдованія.

Послѣ моего выѣзда изъ Бессарабіи тамъ кажется затѣвалось устройство банка, и еще какое-то общество съ цѣлью дать толчекъ развитію промышленности края, но по моему, ни что не принесетъ желанныхъ плодовъ, пока не будетъ обращено вниманія на перестройку экономическаго быта и на образованіе, какъ низшаго, такъ отчасти и высшаго класса. Въ настоящемъ положеніи бессарабскій царанинъ (владѣльческій крестьянинъ) не мо-

жетъ стать на ноги, или выразиться прямѣе—никогда не дойдеть до удовлетворительной степени своего хозяйства, если исключить небольшое количество *фронташей* (зажиточныхъ), имѣющихся въ иной деревнѣ. Въ первой статьѣ я уже сказалъ какія причины мѣшаютъ развитію народнаго благосостоянія, связывая всякую промышленность, необходимо захватываемую евреями, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Царанину нужно биться, какъ рыба объ ледъ, для уплаты податей и исполненія своихъ обязанностей къ владѣльцамъ, особенно если у него въ семьѣ немного рабочихъ рукъ, а относительно міроѣдовъ или помѣщика не найти ему удовлетворенія. Земская полиція непремѣнно на сторонѣ владѣльца, и царанину нѣтъ выхода изъ хитросплетенной сѣти злоупотребленій. Конечно онъ по закону можетъ жаловаться высшей власти, но кто же не знаетъ съ чѣмъ сопряжена жалоба селянина въ губернскомъ городѣ! Кому неизвѣстно, что мало ли чѣмъ огражденъ крестьянинъ de jure, а посмотрите на его существованіе de facto.

На этомъ мотивѣ легко мнѣ можно будетъ перейдти къ селеніямъ мной посѣщаемымъ. Въ Перебійковцахъ, сколько я могъ замѣтить, народъ довольно рослый, движенія его довольно ловки, а простоватый наружный видъ скрываетъ значительную долю хитрости. Послѣднее и быть не можетъ иначе съ пограничными жителями, которые во всѣхъ земляхъ, какъ говорится «однимъ мνромъ мазаны»—и непремѣнно промышляютъ контробандой. Когда я нѣсколько разъ побывалъ на Днѣстрѣ выше Хотина и ко мнѣ попривыкли, легко было бы посвятить себя въ тайны контробандистовъ, если бы онѣ представляли что нибудь интересное. Но, какъ я сказалъ выше, по этой границѣ проскакиваютъ лишь самые обыкновенные и незамѣчательные случаи.

Отсюда до Хотина на всей мѣстности пограничные руснаки, словно всѣ изъ одной деревни. Между Анутами и Перебійковцами есть разница: жители первыхъ нѣсколько развитѣе и лукавѣе, даже проворнѣе,—потому что нужно дѣлать дѣла за границами буковинской и галицийской, да еще посматривать и на своихъ таможенныхъ; перебійковскіе жители—градусомъ ниже и знаютъ уже изъ вторыхъ рукъ то, что дѣлается за Прутомъ. За то всѣ они имѣютъ страсть къ охотѣ или, лучше сказать, любятъ вести ожесточенную войну противъ дикихъ свиней, ра-

зумѣется не пренебрегая и дикой козой, если подвернется подъ руку. Изъ нихъ есть хорошiе стрѣлки, чему даже трудно повѣрить при взглядѣ на жалкое ружьишко, связанное веревочками и, по видимому, готовое разстаться съ ложей при первомъ выcрѣлѣ. Но блуждая по лѣсамъ съ кѣмъ нибудь изъ проводниковъ, я убѣдился въ ихъ изумительной мѣткости. Руснакъ бережетъ дробь и порохъ, не потому, что трудно ихъ достать, какъ въ губернiяхъ центральныхъ или лучше сказать удаленныхъ отъ границы, но изъ разсчета, потому что прiобрѣтаетъ заряды изъ Австрiи на чистыя деньги. Бывало, просишь спутника выстрѣлить въ какую нибудь птицу, собственно для узнанiя его мѣткости,—онъ вѣчно отговаривается неимѣньемъ *запасу;* но стоитъ обѣщать нѣсколько зарядовъ, и онъ самъ начинаетъ показывать свое искусство. Не смотря на близость границы, ружья здѣсь однакоже кремневыя и берутъ шаговъ на сорокъ, на пятьдесятъ, не болѣе. Замѣчательно, что сперва руснакъ начнетъ увѣрять васъ, что ружье онъ держитъ собственно для острастки дикихъ свиней и волковъ,—но познакомясь съ вами, не скрываетъ уже любви къ полеванью. У нихъ есть и разсказы о смѣлыхъ охотникахъ, преимущественно преданiя изъ временъ давноминувшихъ,—а теперь, по ихъ словамъ, и люди не тѣ, да и звѣрь ведетъ себя иначе. Разсказы болѣе фантастическаго свойства, какъ и вообще у крестьянъ, все, что дѣлалось за полвѣка назадъ—принимаетъ уже сверхъестественный колоритъ, и если былъ гдѣ силачъ, то онъ вырывалъ съ корнемъ вѣковые буки, а если контробандистъ, то разбивалъ сотни таможенныхъ; если охотникъ, то убивалъ добычу за цѣлую милю. Попадется старикъ—очевидный свидѣтель давноминувшаго, можетъ быть сверстникъ героевъ преданiя,—и тотъ, по какому то особенному настроенiю, хоть и не все подтверждаетъ, однакоже не прочь намѣкнуть, что въ старину люди зачастую водили связь съ нечистою силою.

Я любилъ скитаться по лѣсамъ около Рухотина, лежащаго верстахъ въ десяти ниже Перебiйковецъ. Деревня эта начинается у Днѣстра и тянется по глубокому ущелью, обставленная живописными скалами, точь въ точь какъ въ предгорiяхъ Кавказа. Здѣсь живутъ государственные крестьяне—единственный примѣръ во всей сѣверной Бессарабiи по Днѣстру,—и разница въ нѣкоторомъ довольствѣ сравнительно съ царанами бро-

сается въ глаза. Хоть управленіе государственныхъ имуществъ и не pia desideria, однако земледѣльца не опутываетъ сѣть сложныхъ положеній, и онъ все таки имѣетъ возможность пріобрѣтать и откладывать на черный день.

Еще до пріѣзда въ Рухотинъ, въ сторонѣ, именно въ Клишковцахъ, слышалъ я о столѣтнемъ старикѣ и объ окопахъ съ брамами. Первымъ моимъ дѣломъ было—заняться розысканіями и преимущественно старикомъ, какъ единственнымъ родомъ лѣтописи въ деревняхъ нашихъ, о которыхъ нигдѣ не сохранилось письменныхъ памятниковъ, тѣмъ болѣе, что столѣтній руснакъ былъ слабъ и ждалъ нетерпѣливо смерти. Хозяйка вызвалась пособить мнѣ, и чрезъ четверть часа явилась въ сопровожденіи сгорбленнаго дѣда, который едва передвигалъ ноги, опираясь на костыль, и робко остановился у притолки. Онъ былъ въ рубищѣ. Я тотчасъ замѣтилъ, что старикъ плохо видѣлъ; мутный взоръ его неопредѣленно смотрѣлъ впередъ, даже не въ тотъ уголъ, гдѣ дѣдъ предполагалъ мое присутствіе.

— Садитесь, дѣдушка, проговорилъ я ему по руснацки: напьемся чаю и побалагуримъ.

— Я и постою.... передъ начальствомъ.

— Во первыхъ я не начальникъ, вашъ во вторыхъ вы мой гость, а въ третьихъ, еслибъ я былъ и самъ губернаторъ, то все таки посадилъ бы васъ рядомъ.

Старикъ раскрылъ больше свои померкшіе глаза. Хозяйка явилась на помощь, взяла костыль изъ рукъ старика, и подвела его къ лавкѣ.

— Садитесь!

— Можетъ быть водочки прежде? спросилъ я.

— Спасибо, я уже не пью.

Дѣдъ сидѣлъ противъ окна, и солнце освѣщало эту согбенную, но оригинальную фигуру. Волосы его не бѣлые, а какіе то желтоватые, по руснацкому обычаю спускались по плечамъ; выразительное доброе лицо, покрытое морщинами, носило отпечатокъ какого то давно порѣшеннаго разсчета съ жизнью; но голосъ недрожалъ, и каждое слово, произнесенное имъ, звучало твердо; отвѣты были удовлетворительны и свидѣтельствовали о здоровомъ умѣ и сохранившейся памяти. Старикъ пилъ чай съ большимъ удовольствіемъ, какъ дитя наливая чай въ блюдечко и кроша туда булку; онъ не могъ не выразить, что

это ему очень пріятно. Послѣ чаю онъ сдѣлался разговорчивѣе и признался мнѣ откровенно, что пріемъ мой и обращеніе расположили его въ мою пользу; а сначала онъ боялся и долго раздумывалъ—зачѣмъ его требовали.

— Я никуда негожусь, прибавилъ онъ: никому ничего не сдѣлалъ; а тутъ зовутъ къ начальству.

— Я уже вамъ сказалъ, дѣдушка, что я не начальство, а просто проѣзжій, хотѣлъ потолковать о старинѣ, угостить...

— Все же вы не нашъ братъ, а пановъ и чиновниковъ я знаю, слава Богу.

И дѣйствительно онъ зналъ много пановъ и чиновниковъ, начиная съ турецкихъ властей, которыхъ очень хорошо помнилъ, до начальства послѣдняго времени; однимъ словомъ, въ теченіе какихъ нибудь девяноста лѣтъ видѣлъ не одно поколѣніе пановъ и чиновниковъ; но должно быть, не смотря на такой длинный періодъ, все таки составилъ о нихъ не весьма выгодное понятіе, потому что меня побоялся. Нагірнякъ (имя старика) пришелъ *съ того боку* ребенкомъ и засталъ по побережью немноголюдныя деревни. Впрочемъ отецъ его, который жилъ 120 лѣтъ и дѣдъ 130, говорили ему, что по турецкой сторонѣ народъ жилъ иногда большими селами, а иногда расходился такъ, что значительная часть хатъ *пустовала*. Относительно укрѣпленія, Нагірнякъ разсказывалъ, что сколько запомнитъ, оно было въ томъ же положеніи и поросшее такими же вѣковыми деревьями, только глубже были канавы, да посрединѣ виднѣлись слѣды какихъ то строеній. Когда нѣмецъ воевалъ, то народъ туда прятался. Онъ говоритъ, что укрѣпленіе строила *домна* (царица), которая возвела крѣпость и въ Хотинѣ, но имя этой домны онъ позабылъ, хотя и не разъ слышалъ его отъ отца и прочихъ старыхъ людей. О туркахъ Нагірнякъ отзывался очень хорошо, вообще какъ и по всей райѣ отзывались тѣ, кто ихъ еще помнилъ. Впрочемъ я замѣтилъ, что разсказчики эти налегали преимущественно на отсутствіе воровства и на справедливость во взысканіи податей. Видно турки много переродились съ тѣхъ поръ, потому что читая о современномъ состояніи христіанскихъ областей Оттоманской имперіи, мы видимъ не только несправедливость, алчность, но и неистовство турецкихъ чиновниковъ. Нагірнякъ разсказывалъ какъ нѣмцы, перейдя Днѣстръ, гнали турокъ къ Пруту, и въ

то время, когда жители побережья скрывались въ лѣсахъ, гдѣ кто могъ, онъ, опоздавъ, взлѣзъ на густой букъ и просидѣлъ цѣлыя сутки. Бесѣды со старикомъ были для меня чрезвычайно пріятны, тѣмъ болѣе, когда, ознакомясь со мной, онъ угадалъ простою душою, что во мнѣ кромѣ любви къ народу не было другаго интереса. Онъ даже рѣшился спросить однажды о цѣли моихъ поѣздокъ и пѣшаго путешествія по краю. Отвѣчать было весьма затруднительно, и мнѣ много стоило втолковать ему, что въ моемъ порученіи не было ничего относящагося къ ихъ начальству, что я не имѣлъ права входить въ какія бы то ни было разбирательства. Тогда старикъ сказалъ, что, по слухамъ, на той сторонѣ ходилъ подобно мнѣ по краю какой то панъ и собиралъ пѣсни и сказки, и что народъ до сихъ поръ вспоминаетъ его. Но кто былъ этотъ панъ, когда онъ занимался этнографіей,—Нагірнякъ не могъ передать, жалуясь на слабость памяти. Въ нашу же Буковину заглядывали только мѣстныя власти, но чиновникъ земской полиціи, посѣщающій село по обязанности, не такъ приготовленъ, чтобы изучать бытъ простонародья. Для чиновника не существуетъ этнографія, и отъ этого сословія менѣе нежели отъ другаго можно ожидать точныхъ свѣдѣній о краѣ, даже числовыхъ данныхъ. Чиновникъ считаетъ обязанностью держать себя на неприступной высотѣ и весьма многіе изъ нихъ въ разговорѣ съ простолюдиномъ употребляютъ одни лишь ругательства. Это я видѣлъ не разъ и не два, какъ во время прежнихъ моихъ скитаній по Россіи, такъ и въ особенности въ послѣднія пять лѣтъ, проведенныя по южнымъ провинціямъ имперіи.

Какъ ни хотѣлось мнѣ взять Нагірняка въ спутники при посѣщеніи древняго укрѣпленія, но предлагать это старику казалось мнѣ непростительно: онъ едва передвигалъ ноги, а везти его въ тряской телѣгѣ по горамъ—было бы жестокимъ и возмутительнымъ эгоизмомъ. Когда я собрался идти въ лѣсъ, бѣднякъ словно почувствовалъ мою деликатность.

—Я пошелъ бы съ вами, сказалъ онъ, описавъ разъ десять дорогу проводнику, который и самъ зналъ ее отлично: да боюсь не умереть бы на повозкѣ. Старыя кости болятъ, того и гляди разсыпятся... И для чего Господь держитъ меня на свѣтѣ?.. На что я кому нуженъ?.. Я всѣмъ въ тягость...

Изъ глазъ столѣтняго старика покатились слезы, и остановясь въ морщинахъ, сдѣлали на меня такое грустное впечатлѣніе, какого я не помню ни отъ чьихъ слезъ, не разъ видѣнныхъ мной въ жизни.... Чего не далъ бы я, лишь бы утѣшить бѣднаго дѣда или покрайней мѣрѣ дать другое направленіе мыслямъ, которыя вѣроятно частенько шевелили эту утомленную душу.

— Знаете, дѣдушка, сказалъ я, едва удерживаясь самъ отъ слезъ: вы посидите у меня съ хозяюшкой, приготовьте обѣдъ, а лучше—усните здѣсь на лавкѣ.

— Эге! Усните! Я иногда не сплю по цѣлымъ суткамъ: въ томъ то мое и горе. Идите, я посижу лучше на завалинкѣ, на солнышкѣ. Хозяйка меня не прогонитъ.

— Богъ съ вами, дѣдушка! отозвалась хозяйка мягкимъ, полуукоризненнымъ тономъ: когда же я васъ прогоняла? Что вы?

— Да, ты добрая душа, а есть..

И старикъ снова заплакалъ. Я тронутъ былъ до глубины души. Всю дорогу я разспрашивалъ проводника о столѣтнемъ дѣдѣ. Жизнь его дѣйствительно была печальная. Изъ дѣтей осталась одна дочь старуха—почти безъ пристанища, а онъ жилъ у какихъ-то правнуковъ, бѣдныхъ людей, которые едва считали его за родственника. Селяне однакоже, надо отдать имъ честь, никогда не тяготились его посѣщеніями, кормили его, не издѣвались надъ безпомощнымъ существомъ, которое иногда впадало въ дѣтство и готово было играть съ ребятишками. Бѣднякъ нуждался въ бѣльѣ, въ одеждѣ и терпѣлъ зимою, что и весьма понятно: крестьянинъ не откажетъ постороннему въ кускѣ хлѣба, хоть и самъ нуждается,—но рѣдкій рѣшится разстаться даже съ лохмотьями, особенно при большомъ семействѣ, гдѣ всякая тряпка можетъ пойдти въ дѣло. Самый богачъ не пожертвуетъ деньгами, чтобы одѣть нищаго. Простолюдинъ вообще скупъ на деньги, которыя приходятся ему и тяжело и трудно. Разумѣется, многіе могли бы одѣть и пріютить Нагірняка, но не только въ отдаленномъ захолустьѣ Буковины видимъ мы равнодушіе къ судьбѣ ближняго, и въ столицѣ, среди блеска и роскоши, не мало примѣровъ безчувственной холодности къ бѣдствіямъ собрата...

Послѣ получасовой ходьбы, углубясь въ лѣсъ, мы съ проводникомъ подошли къ узкому проходу, который съ обѣихъ сторонъ былъ стѣсненъ, какими-то насыпями.

— Это и есть брама, сказалъ онъ.

Валъ, покрайней мѣрѣ, сажени четыре въ поперечникѣ и сажени три вышиной, поросъ густыми и огромными деревьями. По срединѣ большаго четыреугольника лежатъ полосатыя нивы, на которыхъ тамъ и сямъ раскинулись рощицы. Я обошелъ укрѣпленіе вокругъ, иногда по гребню вала, иногда по ту сторону, гдѣ мѣстами не засыпались еще глубокія канавы, и не нашелъ ни слѣда кирпича, ни слѣда какихъ бы то ни было строеній. По угламъ незамѣтно бастіоновъ; а во всѣхъ воротахъ, по которымъ проложены дороги, земля вѣроятно давно начала обрушиваться и образовались значительныя промоины. Я копался въ этихъ промоинахъ, съ цѣлью найдти какое нибудь указаніе, но тоже не видѣлъ ни кирпича, ни камня. Мало того, что на валахъ росли вѣковыя деревья, на западной сторонѣ встрѣчалъ я пни, которые еще древнѣе, и потому укрѣпленія этого невозможно отнести къ Семилѣтней Войнѣ, какъ мнѣ говорилъ одинъ *знатокъ края*, которые, по большей части, отличаются тѣмъ, что не знаютъ его и десятой доли, а пользуясь званіемъ знатоковъ, позволяютъ себѣ мудрствовать предъ пришельцемъ. Избави Богъ отъ такихъ знатковъ, которые, если попадаются какому нибудь изслѣдователю да еще неопытному или нѣмцу, то приносятъ наукѣ гораздо больше вреда, чѣмъ самое невѣжество. Замѣчательнѣе всего, что объ этомъ укрѣпленіи ни слова не упомянуто въ Одесскомъ календарѣ подъ рубрикой Древней географіи, хотя оно занесено въ подробную карту Западнаго края. Мѣстному ученому не слѣдовало бы пропускать никакого предмета, и здѣсь даже не могутъ служить извиненіемъ непроходимыя дороги и трущобы. Кто былъ въ Хотинѣ для осмотра старинной крѣпости, тому непростительно не отправиться за 50 верстъ по границѣ, и не обойдти уголка, между Днѣстромъ и Прутомъ съ цѣлью поискать какихъ нибудь слѣдовъ древности.

Возвратясь на квартиру, я засталъ дѣда на завалинкѣ, который разсказывалъ дѣтямъ про волка и лисичку. Онъ сообщилъ мнѣ еще одно извѣствіе, что турки вывозили на укрѣпленіе когда-то гарматы и часто палили вѣроятно для устрашенія непріятеля.

Мы сошлись съ дѣдомъ и разстались довольно трогательно. Во время путешествія своего я никогда не имѣлъ лишнихъ де-

негъ и не могъ устроить Нагірняка, но все-таки предложилъ ему кое-что на прощанье. Старикъ обрадовался и улыбнулся сквозь слезы.

— Ну спасибо вамъ, теперь куплю себѣ на смерть сорочку, а то думалъ, что и похоронятъ меня въ *дранкѣ*.

— Зачѣмъ, дѣдушка, думать о смерти: вѣдь не безъ добрыхъ людей—похоронятъ, а надобно заботиться, чтобъ не ходить нагимъ при жизни.

— Э, любый мой паночку, куда уже мнѣ жить? Какъ это Богъ держитъ меня—не знаю, и зачѣмъ Онъ не хочетъ прибрать меня? Гдѣ мои сверстники? Вѣдь это внуки и правнуки тѣхъ людей, съ которыми водилъ я и дружбу и знакомство. Всѣ поумирали, въ окрестности даже на той сторонѣ уже нѣтъ, съ кѣмъ можно бы помянуть молодые годы.

— Извините, что не могу дать больше, но я поговорю о васъ въ Хотинѣ.

— Спасибо, спасибо!

— Ну, прощайте! можетъ быть увидимся.

— Зъ Богомъ! зъ Богомъ! Ні, ми ся непобачимо, не довго мині ся волочити по світові... Потрюхла кітсь... Скоро не бачитиму світа Божого.

И старикъ добылъ изъ кармана тряпку, тщательно развернулъ ее и положилъ мой подарокъ. Всѣхъ денегъ у бѣдняка въ тряпкѣ былъ одинъ почернѣвшій грошикъ. Мы поцѣловались. Я поспѣшно сѣлъ въ повозку и выѣхалъ, съ необыкновенно-грустнымъ чувствомъ. Нѣсколько разъ я оборачивался, а старикъ безъ шапки, понуривъ голову, все стоялъ у воротъ въ одной позѣ. Въ Хотинѣ я говорилъ о немъ, и не знаю сдѣлано ли что нибудь для бѣдняка, да и живъ ли онъ въ настоящее время.

Изъ Рухотина въ Рашкову ведетъ великолѣпная дорога по извилистому берегу Днѣстра подъ обрывами скалъ нависшихъ прихотливыми очертаніями. По ту сторону особенно живописно галиційское мѣстечко Звониградъ, извѣстное въ исторіи. Красивый домъ стоитъ на горѣ, окруженный тополями, и большой садъ стелется по зеленой возвышенности. За Рашковымъ лежатъ Гордевцы. Но я говорилъ уже о характерѣ мѣстныхъ жителей. Ночью евреи такъ и шныряютъ, а извѣстно, если въ пограничномъ селеніи, да еще вблизи города, появляются евреи, то

конечно, не для того, чтобы любоваться ночными видами Днѣстра, который здѣсь течетъ между крутыми горами. Подлѣ Гордевцовъ большой оврагъ. По немъ пролегаетъ дорога въ Хотинъ, и дно его усѣяно водяными мельницами, и тутъ-то, сколько я могъ замѣтить, евреи собираются подъ разными предлогами. Но при описанiи Хотина я буду еще имѣть случай поговорить объ этомъ.

ГЛАВА III.

Хотинъ. Взглядъ на городъ. Янкель. Контровандисты. Ярмарокъ. Нищіе. Безъязыкій. Мѣстная торговля. Сцена въ гостинномъ дворѣ. Концертъ. Вводъ во владѣніе. Переправа. Рыболовство.

На высокомъ правомъ берегу Днѣстра, въ двухъ верстахъ отъ австрійской границы лежитъ Хотинъ, уѣздный городъ Бессарабской области, извѣстный въ древности какъ торговое мѣсто генуэзцевъ, а въ XVII столѣтіи какъ городъ, бывшій предметомъ кровопролитныхъ войнъ между Турціей и Польшей. У поляковъ подробно описана хотинская война, стоившая обѣимъ сторонамъ большой потери людей и значительнаго количества денегъ. Къ сожалѣнію, по обычаю того времени, лѣтописцы, нерѣдко многорѣчивые въ описаніи подвиговъ какого нибудь даже незначительнаго лица, ни однимъ словомъ не обозначаютъ состоянія страны и почти не говорятъ о мѣстности. Поэтому трудно составить себѣ понятіе о Хотинѣ XVII столѣтія. Мы знаемъ только, что это была грозная, разумѣется, относительно, крѣпость, что доказываетъ и самый видъ ея, сохранившійся до нашего времени, но каковъ былъ собственно городъ историки не повѣствуютъ. О значеніи Хотина у генуэзцевъ свидѣтельствъ немного, да и тѣ ограничиваются лишь сказаніями, что на Днѣстрѣ были у нихъ поселенія и конторы.

Названіе Хотина указываетъ на славянское происхожденіе, и я не думаю, чтобы окрестности его когда либо были заселены румынскимъ племенемъ. Молдаване тоже называли его Хотиномъ—чему имѣемъ свидѣтельства въ лѣтописяхъ, и самые турки, любящіе переиначивать мѣстныя названія, на этотъ разъ отступили отъ своего обычая, и въ официальныхъ бумагахъ Хотинъ оставался неизмѣняемымъ. Отчего у поляковъ сдѣлался онъ Chocim, отчего буква м заступила мѣсто н—не знаю, но полагаю, что въ силу свойства польскаго языка, который, по-

мимо всякихъ законовъ филологіи, превращаетъ мальвазію въ мальмазію и т. п. Если буква ł по духу польскаго языка могла быть замѣнено буквою c, потому что слово: хоть попольски cłoć, то отъ чего же говорится не Chocin, а Chocim рѣшительно не понимаю. Руснаки въ настоящее время произносятъ *Хотинъ*, и я—по своей слабости къ народнымъ познаніямъ—склоняюсь къ послѣднему и полагаю, что такъ назывался этотъ городъ и въ древности;—ибо народъ какъ то слѣпо сохраняетъ по преданіямъ всѣ мѣстныя названія. Мягкій знакъ (ь) поставленъ здѣсь не случайно. Если руснакъ говоритъ Рухотинъ, онъ могъ бы сказать и Хотинъ, но употребляя твердый знакъ въ названіи упомянутой деревни, онъ не произноситъ его при словѣ Хотинъ даже и въ падежахъ косвенныхъ. На это обратилъ я вниманіе еще при первоначальномъ посѣщеніи края.

Какъ бы то ни было, а городъ этотъ игралъ важную роль въ исторіи Польши и служилъ поприщемъ не одному польскому генералу для выказыванья военныхъ способностей. Всѣ усилія поляковъ, ихъ жертвы, кровь лучшаго воинства не послужили ни къ чему: имъ не удалось взять Хотина, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ они потеряли лучшую часть Подоліи съ Каменцемъ, въ которомъ и до сихъ поръ еще видны слѣды турецкаго владычества.

Въ настоящее время Хотинъ, представляя въ дождливое время невылазную грязь, а въ сухое—цѣлыя тучи пыли, лежитъ почти въ сторонѣ отъ большой дороги, такъ что, проѣзжая на почтовыхъ, вы увидите небольшую часть его, не познакомясь даже съ физіономіею города. Слова нѣтъ—физіономія эта не весьма интересна, однако все таки есть въ ней что-то своеобразное, хотя именно въ той части города, которая не представится проѣзжему. Если ямщикъ повезетъ и не кратчайшей дорогой, то все путешественникъ увидитъ лишь новый Хотинъ, т. е. болѣе или менѣе правильные домики, окны съ занавѣсками, сѣрые заборы, необходимую принадлежность уѣздныхъ городовъ, выбѣленныя трубы и обычную мертвенность, потому что здѣсь нѣтъ никакой торговли. Для проѣзжихъ есть нѣсколько постоялыхъ дворовъ, устроенныхъ по примѣру заѣздныхъ домовъ пограничной Подольской губерніи. Содержатъ ихъ евреи, иные довольно чисто, и если вы не встрѣтите сносной, покойной мебели, если, найдете на кровати вмѣсто матраца сѣно, а въ щеляхъ

цѣлыя миріады клоповъ, то въ награду вамъ останется утешѣніемъ необыкновенная дешевизна, почти баснословная. За полтинникъ вамъ отведутъ двѣ комнаты съ различною утварью. Конечно комфорта никакого, мебель досчатая, и то не всегда гладко выстроганная, но вѣдь комфортъ дѣло условное, да и нельзя требовать его отъ захолустья, когда и въ большихъ провинціальныхъ городахъ рѣдкая гостинница съ двухрублевыми нумерами можетъ похвалиться приличной меблировкой. Хотинскіе постоялые дворы никогда не бываютъ пусты, и какъ жизнь въ провинціи проходитъ невзаперти, и не въ моральной замкнутости, то поминутно можно пріобрѣсть разнообразныя знакомства. Провинціальный обычай знать что́ дѣлается вокругъ, не представитъ вамъ возможности жить въ уединеніи: съ вами непремѣнно познакомятся, и будьте увѣрены, что ваша подноготная извѣстна новому знакомому не со времени обоюдной рекомендаціи, а за долго до этого, при помощи прислуги, хозяина, разнощиковъ и даже какого нибудь вѣстовщика, котораго вы и въ глаза не видали. Отворяется дверь, и входитъ господинъ.

— Мое почтеніе.

— Здравствуйте.

— Имѣю честь рекомендоваться: вашъ сосѣдъ.

— Очень радъ.

— Всѣ теперь на службѣ, скучно сидѣть, такъ и пришелъ побалагурить.

Потомъ слѣдуютъ разспросы, разумѣется для проформы: кто, откуда, зачѣмъ и проч. Непринять нельзя, и волей и неволей вы должны бесѣдовать съ господиномъ, который находитъ удовольствіе болтать съ вами, но порою наводитъ на васъ невыразимую скуку. Иныя барыни, узнавъ, что вы изъ Петербурга, и познакомясь какъ нибудь при встрѣчѣ на крыльцѣ, начинаютъ разспрашивать о модахъ, и хотя бы вы увѣряли ихъ, что нѣсколько лѣтъ уже выѣхали изъ Петербурга, все таки должны сообщить требуемыя свѣдѣнія и разсказывать столичные обычаи. Случается и такъ, что входитъ незнакомецъ, рекомендуется и спрашиваетъ: играете ли вы въ преферансъ? и на отрицательный отвѣтъ дѣлаетъ весьма печальную физіономію. Видите ли, съ нимъ рядомъ помѣстился сосѣдъ, готовый по суткамъ просиживать за картами, а въ уѣздномъ городѣ можно только играть вечеромъ потому что чиновники, возвратясь со службы,

имѣютъ обыкновеніе поспать послѣ обѣда въ свое удовольствіе. Но если вы изъ играющихъ, то веселая компанія овладѣетъ вами, забудетъ про свои дѣла, и васъ ожидаютъ безпрерывныя битвы на зеленомъ полѣ. Но въ Хотинѣ явился ко мнѣ одинъ замѣчательный господинъ, какіе не попадались мнѣ въ уѣздныхъ городишкахъ. Онъ раскланялся очень развязно и сѣлъ какъ человѣкъ, сознающій свое достоинство. У него былъ въ рукахъ портфель. Полагая, что это визитъ сосѣда по нумеру, я ожидалъ обычныхъ разспросовъ или предложенія сыграть пульку, но незнакомецъ сразу началъ мнѣ разсказывать о своихъ литературныхъ и юридическихъ способностяхъ. Дѣло скоро объяснилось. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги писать за меня все, что угодно по сходной цѣнѣ, даже если нужно, то и «къ самому министру».

— Вы, прибавилъ онъ, можете пріятно проводить время, отдыхать, а я буду за васъ работать. Повѣрьте, м. г., моей двадцатилѣтней опытности, я успѣшно составляю не только дѣловыя бумаги, но и самыя нѣжныя письма.

Въ портфелѣ было у него нѣсколько образчиковъ на русскомъ и польскомъ языкахъ: польскіе составлены недурно и вѣроятно почерпнуты изъ какихъ нибудь источниковъ, но русскіе—просто переводы послѣднихъ, весьма неудачные и исполненные вопіющихъ полонизмовъ. Орѳографія плохо соблюдалась какъ въ томъ, такъ и въ другомъ языкѣ. Я нарочно заказалъ этому господину нѣсколько писемъ по 30 к., которыя и принесъ онъ мнѣ на другой день, но это такая ерунда, нисколько незабавная, что я не рѣшаюсь предложить читателямъ даже и одного образчика. Господинъ этотъ живетъ однако же своимъ трудомъ, слѣдовательно находитъ кліентовъ, прибѣгающихъ къ помощи подобнаго борзописца.

Находясь въ глухомъ уголкѣ, у самой границы, имѣя опаснаго соперника по торговлѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ, отстоящемъ всего на 20 верстъ,—Хотинъ тѣмъ не менѣе служитъ пунктомъ сношенія даже съ далекими городами Имперіи. Предметомъ здѣсь контробанда, а преимущественно кантонскій чай, для котораго Хотинъ представляется однимъ изъ обширныхъ складовъ. Конечно, нѣтъ той контробанды, какой не достали бы вы въ Хотинѣ—она и расходится по окрестности, но чай отсюда развозится на украинскія ярмарки и идетъ, къ удивленію, на при-

бережья Чернаго моря, куда легче прибывать ему водою. Въ этой торговлѣ сталкиваются двѣ народности: евреи, добывающіе чай изъ за границы, и липоване (рус. раскольники), которые занимаются дальнѣйшимъ отправленіемъ этого продукта на внутренніе рынки, а больше своимъ же братьямъ раскольникамъ, торгующимъ въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и по всей новороссіи. Нѣкоторыя партіи ловятся таможенными при слѣдованіи изъ за границы, нѣкоторыя захватываются уже въ Бессарабіи земской полиціей, но полагать надо, что эти случаи относятся къ весьма удачнымъ, въ видѣ исключенія, и не имѣютъ никакого вліянія на запрещенную торговлю, дѣйствующую систематически. Чай приходитъ сюда изъ за Прута и изъ за Днѣстра; послѣднимъ путемъ въ большемъ количествѣ, но иногда контробандисты съ прибережьевъ Прута, провѣдавъ гдѣ нибудь засаду, отправляются чрезъ Буковинскіе лѣса къ Хотину, гдѣ вслѣдствіе разныхъ условій нетрудно скрыть запрещенные товары.

Старый городъ, тѣснящійся по нагорному берегу ближе къ крѣпости, состоитъ изъ сплошныхъ рядовъ лавокъ и лавочекъ, занимающихъ нижніе этажи домовъ, а въ срединѣ дворовъ, гдѣ биткомъ набиты евреи, такой лабиринтъ разныхъ пристроекъ, клѣтушекъ, переходовъ, что трудно добраться толку. Дворы эти въ иныхъ мѣстахъ имѣютъ одинъ съ другимъ сообщенія, да кромѣ того подъ нѣкоторыми вырыты большіе погреба, еще во времена турецкаго владычества. Мудрено ли, при находчивости евреевъ, занимающихся контробандой, при ихъ ловкости и умѣньи обдѣлывать тайныя дѣла, что запрещенная торговля ихъ ускользаетъ отъ надзора, если бы даже предположить надзоръ этотъ безукоризненнымъ. Какихъ многочисленныхъ командъ нужно было бы для розыска, да и возможенъ ли безпрерывный розыскъ по какому нибудь подозрѣнію. Ужь если на границѣ не усмотрѣли провоза запрещенныхъ товаровъ, то не легко поймать ихъ внутри края. Однимъ словомъ Хотинъ иное время набитъ контробандой, которая однакоже быстро исчезаетъ и если шпіоны и даютъ знать кому слѣдуетъ, то и контробандисты не дремлютъ въ свою очередь. Полотна и шелковые товары здѣсь очень дешевы, но не въ такомъ количествѣ какъ заграничный чай, который появляется сотнями пудовъ, но поспѣшно вывозится на мѣстечко Бричаны или, что очень рѣдко, береговой дорогой на Могилевъ Подольскій. Ко мнѣ ходилъ одинъ жидокъ,

неимѣвшій никакого опредѣленнаго занятія, родомъ волынецъ, проживавшій въ Хотинѣ у какихъ-то родныхъ, и отъ него я часто пользовался весьма интересными свѣдѣніями о разныхъ пограничныхъ продѣлкахъ. Познакомился я съ нимъ случайно и весьма оригинальнымъ способомъ. Возвратясь изъ поѣздки по Буковинѣ и расположась въ просторной большой комнатѣ, послѣ двухнедѣльной кочевки по руснацкимъ хатамъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ собирался присѣсть за работу на широкомъ столѣ, у свѣтлыхъ оконъ, выходившихъ на площадь. Слуга мой куда-то вышелъ; дверь, по обычаю провинціальныхъ городковъ, не была заперта, и я ничуть неудивился, увидя передъ собою незнакомую фигуру еврея, который, уставивъ на меня блестящіе умные глаза, ожидалъ пока я обращусь къ нему съ вопросомъ.

— Что скажешь, любезный? спросилъ я, считая его прислужникомъ хозяина.

— А я вамъ скажу—какая у меня *веба* (подъ этимъ именемъ разумѣется голландскій холстъ).

— Ненадобно мнѣ вебы.

— Вай! антыкъ!

— Убирайся ты со своимъ антикомъ и не мѣшай мнѣ пожалуста.

— Да вы посмотрите..

И еврей бросился въ переднюю, притащилъ оттуда большой узелъ и началъ его развязывать. Кто проживалъ въ западныхъ губерніяхъ, тому не новость невыносимая иногда назойливость разносчиковъ, которые добиваются единственно одного—вывести васъ изъ терпѣнія, разсчитывая на то, что вы купите какую нибудь бездѣлицу изъ желанія отвязаться поскорѣе, или поколотите его, а послѣ, раскаяваясь въ горячности, дадите ему уторговать нѣсколько копѣекъ. Еврей-разносчикъ за тычкомъ не гонится,—ему нуженъ барышъ, а какъ онъ достался—все равно, ему до этого рѣшительно нѣтъ надобности. Разумѣется, я никогда не позволялъ себѣ кулачной расправы, имѣя объ этомъ свои понятія, но многіе даже почтенные люди находятъ не только законнымъ, а должно быть и пріятнымъ—побить беззащитнаго еврея. Но, повторяю, надо много твердости характера или устойчивости принциповъ, чтобы не разсердиться при навязчивости разносчиковъ, если войдетъ ихъ нѣсколько въ одно и тоже время. Просьбы, брань, угрозы—на нихъ не дѣйствуютъ; если бы вы

наконецъ рѣшились вытолкать силою одного, то два другіе успѣли уже разложить свои товары, а пока начали бы вы изгонять этихъ, то прежній войдетъ обратно и выброситъ на полъ предметы, которыми думаетъ прельстить васъ. Новички обыкновенно теряются въ подобномъ случаѣ и готовы сдѣлать скандалъ или бросить деньги; но кто свыкся съ подобнымъ порядкомъ вещей, тотъ жертвуетъ нѣсколько времени на мирное окончаніе дѣла и если обладаетъ хладнокровіемъ, можетъ довольно скоро отдѣлаться отъ безпокойной назойливости. Знакомый по Волыни, Подольской губерніи и по малорусскимъ ярмаркамъ съ евреями-разнощиками, я не ссорился ни съ однимъ, и когда не имѣлъ нужды купить что нибудь, я никогда не тратилъ даромъ ни копѣйки. Такъ и теперь, при видѣ груды холстовъ, разложенныхъ на полу, я, скрѣпя сердце, свернулъ папироску, закурилъ ее и отодвинулъ въ сторону «Хотинскія войны», которыя хотѣлось мнѣ прочесть внимательно.

— Ну, показывай! сказалъ я, вооружась необходимымъ терпѣніемъ.

Еврей взялъ штуку пресквернаго австрійскаго полотна почти бумажнаго и подалъ. Я махнулъ рукою. Разнощикъ быстро отбросилъ ее и показалъ слѣдующую. Неговоря ни слова, я только жестомъ изъявилъ нежеланіе. Наконецъ на днѣ было нѣсколько штукъ дѣйствительно хорошаго полотна, и еврей, съ торжествующей улыбкой, подсунулъ мнѣ одинъ кусокъ почти къ самому носу. Я попрежнему махнулъ рукою.

— Какъ и это не хорошо?

— Я не говорю не хорошо, а мнѣ не надо.

— Не надо? Да знаете ли какъ я дешево продамъ!

— Не нужно.

Еврей посмотрѣлъ на меня хитрымъ своимъ взоромъ.

— Антыкъ!

— У тебя больше ничего нѣтъ?

— Да вы посмотрите!

— Видишь ли, я сдѣлалъ тебѣ удовольствіе и полюбовался на твой товаръ, теперь же и ты будь снисходителенъ — оставь меня: мнѣ некогда.

— Вай! Такой добрый панъ и не хочетъ купить... А, можетъ, вамъ принесть сукно, трико...

Еврей остановился, поблѣднѣлъ, не говоря ни слова, бросился

опрометью изъ комнаты и оставилъ меня съ цѣлою грудою разбросанныхъ полотенъ. Полагая, что онъ выбѣжалъ за другими товарами, я рѣшился еще нѣсколько минутъ пожертвовать на осмотръ ненужныхъ мнѣ предметовъ. Но разнощикъ не возвращался четверть часа, полчаса. Слуга мой успѣлъ уже сходить на базаръ, а еврея не было. Я терялся въ догадкахъ, но приказавъ убрать подъ диванъ кипу холстовъ, рѣшился дождаться развязки непонятнаго событія. Уходя подъ вечеръ на свои этнографическіе поиски, я велѣлъ, въ случаѣ прихода еврея за товаромъ — не отдавать до моего возвращенія. Возвратился я въ сумерки, но разнощика не было. Мнѣ уже захотѣлось спать— какъ таинственно постучались въ двери. Я велѣлъ отворить, въ надеждѣ встрѣтить загадочнаго еврея. Дѣйствительно, съ робкой улыбкой и униженными поклонами предсталъ разнощикъ и остановился у порога.

— Ты за своимъ товаромъ?

— Да, если ваша ласка...

— Какъ моя ласка? развѣ же ты думалъ, что я захочу имъ воспользоваться?

Еврей молчалъ.

— Все лежитъ подъ диваномъ. Можешь взять, но скажи мнѣ что̀ это за исторія случилась съ тобой?

Еврей ободрился и подошелъ ближе.

— Когда я показывалъ вамъ лучшую вебу, шепнулъ онъ: мимо оконъ прошелъ кордонный, котораго всѣ боятся.... Вай! какой строгій.... Я думалъ, что онъ къ вамъ; ну, испугался на смерть.

— Да какъ же ты рѣшился оставить товаръ? А если бы я его представилъ въ полицію.

— Такой человѣкъ, какъ ваше сіятельство...

— То то сіятельство...

— Всѣ торгуютъ, всѣмъ надо кусокъ хлѣба.

— Я знаю, что всѣ вы контробандисты, но какъ же дѣлать такъ очертя голову.

— Такъ вамъ ничего не нужно? Я уступилъ бы по своей цѣнѣ.

— Ненужно и не совѣтую въ другой разъ надоѣдать мнѣ...

Съ низкими поклонами еврей взялъ свою связку; укладывая полотна, онъ незамѣтно пересчиталъ куски и, спросивъ еще

разъ—не нужно ли мнѣ сукна, трико или хорошей *гербаты* (чаю), ушелъ поспѣшно со своей ношей. На другой день я кликнулъ *мишуриса* (дворникъ, прикащикъ на еврейскихъ постоялыхъ дворахъ), которому поручилъ купить мнѣ хорошихъ спичекъ. Надобно сказать, что спички въ то время были еще запрещены, хотя и продавались въ каждомъ мѣстечкѣ. Мишурисъ просилъ повременить, потому что ему было некогда, впрочемъ обѣщалъ прислать какого нибудь продавца спичекъ, которые часто заглядываютъ по заѣзднымъ домамъ въ надеждѣ найдти практику. Не успѣлъ мишурисъ уйдти, какъ явился уже ко мнѣ мой вчерашній знакомецъ — и спросилъ ненадобно ли мнѣ чего.

— Вотъ ты принесъ бы мнѣ спичекъ.

— Можно. А сколько надобно?

— Да хоть бы дюжину пока, а если будутъ хороши, куплю и больше.

— Будутъ антыкъ.

— Но почемъ же этотъ антикъ?

— Ну, что вамъ спрашивать, вы сами знаете.

— Я знаю, что онѣ здѣсь дешевы, но не знаю—почемъ ты спросишь.

— Съ васъ не возьму лишняго—30 к. дюжина.

Я уставилъ на него глаза. Конечно въ Хотинѣ можно было купить дюжину за 25 к., но меня изумляло обстоятельство—зачѣмъ не спросилъ онъ 75 к. или рубль—какъ это дѣлаютъ они съ пріѣзжими, особенно издалека.

— Согласенъ, сказалъ я, но только, чтобъ спички были не поддѣльныя, а вѣнскія.

— Сами увидите.

— Зачѣмъ же ты съ меня не запрашивалъ?

— Затѣмъ, что вы добрый панъ, можетъ быть купите у меня другаго товару и дадите уторговать бѣдному человѣку.

— Врядъ ли я что куплю у тебя, не имѣя ни въ чемъ надобности; но если хочешь исполнять мои порученія, я охотно буду платить тебѣ, потому что кажется, ты здѣсь отлично все знаешь.

Еврей раскланивался, но глаза его такъ и впивались въ меня.

— А какія будутъ порученія? спросилъ онъ тихо и привставъ на цыпочки.

— Разныя.

— Купить, отыскать, можетъ быть продать? А вы женаты?

— Нѣтъ.

Еврей потеръ руки.

— Есть антыкъ, антыкъ!..

— Какой антикъ?

Онъ засмѣялся. Я тоже.

— Нѣтъ, братъ, сказалъ я: по части антиковъ, о которыхъ ты говоришь, потолкуемъ послѣ, а теперь принеси мнѣ спичекъ.

По уходѣ его, я позвалъ мишуриса.

— Ты знаешь этого еврея?

— Часто вижу.

— Онъ здѣшній?

— Нѣтъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Всѣмъ.

— А гдѣ живетъ?

— Не знаю.

Чрезъ полчаса явился мой посланный и принесъ мнѣ три дюжины превосходныхъ заграничныхъ спичекъ. Я взялъ всѣ и далъ ему гривенникъ на водку.

— А много получилъ барыша? спросилъ я.

— Вѣрьте Богу, двадцать грошей (10 к.).

— Вѣрю.

Съ тѣхъ поръ Янкель сдѣлался моимъ неотступнымъ спутникомъ. Онъ рѣдко, правда, входилъ ко мнѣ, но безпрерывно вертѣлся передъ окнами, и стоило мнѣ выдти за вороты, онъ торчалъ гдѣ нибудь подъ заборомъ — и всѣ мои порученія исполнялъ съ необыкновенною аккуратностью. Я ходилъ съ нимъ по окрестностямъ, по дальнимъ закоулкамъ города, къ Днѣстру и убѣдился, что Хотинъ былъ ему также знакомъ какъ собственные пять пальцевъ. Хотя онъ божился, что я пріобрѣлъ особенное его расположеніе съ извѣстнаго вечера, когда онъ оставлялъ у меня полотно, однако я очень хорошо видѣлъ, что онъ искалъ сближенья со мною совершенно съ другой цѣлью, нежели въ надеждѣ на заработокъ. Между евреями пронеслась молва о пріѣздѣ какого-то тайнаго ревизора. Когда я появился въ сѣверной Бессарабіи и прямо поѣхалъ по Буковинѣ, они было всполошились, но потомъ узнали, что я не имѣлъ ника-

кого служебнаго порученія. По возвращеніи въ Хотинъ—уѣзжай я тотчасъ—они и были бы спокойны; но когда я остановился въ городкѣ на неопредѣленное время и началъ свои поиски, для нихъ непонятные — хожденіе къ Днѣстру, путешествіе по окрестностямъ, когда, останавливаясь въ полѣ съ руснаками, я вступалъ въ разговоры, дарилъ дѣтямъ лакомства, входилъ въ корчмы,—подозрѣніе въ евреяхъ возобновилось, и Янкель былъ приставленъ ко мнѣ для развѣдокъ. Немного стоило мнѣ труда узнать объ этомъ, и я на первыхъ же порахъ сказалъ неотступному чичероне о своей догадкѣ и посовѣтовалъ ему заняться какимъ нибудь болѣе выгоднымъ дѣломъ, прибавя, что всѣ усилія его будутъ напрасны. Чичероне мой почесалъ затылокъ и дня два не появлялся, потомъ принесъ какой-то вздоръ, и мы уже съ нимъ не разставались. Благодаря Янкелю, я узналъ кое-что о недозволенной торговлѣ и о контробандистахъ, какъ нашихъ, такъ и австрійскихъ, съ которыми, по видимому, онъ бывалъ въ короткихъ сношеніяхъ. Чайная торговля ведется въ обширныхъ размѣрахъ по Пруту, но изъ за Днѣстра иногда доставляюся большія партіи, особенно въ темныя осеннія ночи. Надо здѣсь замѣтить, что имѣя издавна пристрастіе къ чаю и находя на югѣ чай дурнаго качества, я выписывалъ себѣ его постоянно изъ Москвы и, признаюсь откровенно, раздѣлялъ мнѣніе, что чай, привезенный моремъ непремѣнно дуренъ и несравненно ниже кяхтинскаго. Преданіе это, конечно, пущенное въ ходъ нашими оптовыми торговцами, имѣетъ нѣкоторыя основанія, но многіе любители, и я въ томъ числѣ, вѣрили ему безусловно, платя большія сравнительно деньги за чай, вымѣниваемый въ Кяхтѣ. Поселясь на границѣ, такъ сказать въ центрѣ торговли кантонскими чаями, я рѣшился выпробовать всѣ сорты для убѣжденія—въ какой мѣрѣ справедливо предпочтеніе чаямъ кяхтинскимъ и стоитъ ли платить вдвое или втрое за удовольствіе наливать себя водою, настоянною на китайскомъ растеніи потому только, что послѣднее путешествуетъ чрезъ Сибирь по рѣкамъ и на русскихъ тройкахъ, а не по океану на пароходахъ и подъ парусами. Янкель взялся удовлетворить моему любопытству: онъ принесъ мнѣ три сорта, неподмѣшанныхъ еще для продажи — въ 60 к., 1 р. 20 и 1 р. 50 к. Первый изъ нихъ очень дуренъ и отличается отвратительнымъ запахомъ, но второй лучше, а третій просто цвѣточный чай,

за который мы нерѣдко платимъ 3 р. 50 и болѣе. Не спорю, кяхтинскіе чаи вкуснѣе, потому что самое растеніе, въ тѣхъ провинціяхъ, откуда онъ доставляется—лучшаго качества; но есть высшіе сорты кантонскаго чая очень хорошіе, и надо большой опытности отличить ихъ отъ кяхтинскихъ, т. е. такой опытности, которая во-первыхъ дана весьма немногимъ, а во-вторыхъ прилагаема уже какъ мѣрило роскоши. Чай вообще имѣетъ свойство принимать запахъ вещества, въ сосѣдствѣ котораго лежитъ онъ, но если его везутъ въ цибикахъ моремъ или сухимъ путемъ, онъ въ этомъ случаѣ одинаково обезпеченъ, потому что, еслибы онъ могъ принять запахъ смолы на кораблѣ, то почему же не принять ему запаха дегтю отъ русскихъ телегъ и того аромата, который виситъ густымъ слоемъ надъ нашими обозами. А дѣло вотъ въ чемъ: кантонскій чай перевозится чрезъ нашу границу, для бо́льшаго удобства, въ мѣшкахъ и, конечно, теряя свой запахъ, и принимаетъ уже посторонніе, смотря по обстоятельствамъ. Но если вы купите чай, привезенный въ ящикахъ, онъ довольно душистъ, вкусенъ и хоть не имѣетъ тонкаго букета, доступнаго лишь записнымъ знатокамъ, однако обладаетъ очень важнымъ для небогатыхъ преимуществомъ—дешевизною, уменьшающею вашъ чайный расходъ на 100%. Причина же, отчего на югѣ очень плохіе чаи—заключается собственно въ сортировкѣ и въ образѣ доставки ихъ тайнымъ образомъ въ мѣшкахъ подъ какими нибудь сырыми продуктами, даже кожами, лукомъ и т. п. пахучими веществами. Контрабандный чай доставляется большими партіями и въ Москву, откуда отправляютъ уже его на югъ подъ видомъ кяхтинскаго, иногда съ примѣсью послѣдняго, а иногда и въ чистомъ состояніи. Покрайней мѣрѣ тотъ чай, за который я платилъ въ Хотинѣ 1 р. 50 к., а въ Могилевѣ Подольскомъ 2 р., также хорошъ какъ трехъ и даже четырехрублевый, развѣшенный по фунтамъ и запломбированный въ нѣкоторыхъ столичныхъ магазинахъ.

Прутскіе и днѣстровскіе контробандисты постоянно доставляютъ чай изъ заграницы чрезъ Хотинъ и Бричаны, и смѣло можно сказать, что онъ продается во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Новороссіи и Бессарабіи. Обстоятельство это не можетъ быть неизвѣстно каждому какъ и тайная продажа заграничныхъ спичекъ, когда онѣ были запрещены положительно, а между

тѣмъ продавались повсемѣстно ei превозились изъ заграницы въ огромномъ количествѣ. Янкель мнѣ разсказывалъ, что контробандная торговля чаемъ выгоднѣе всякой другой, такъ что пойматься одинъ разъ изъ шести—бѣда еще небольшая. Обыкновенно партія мѣшковъ провозится ночью и, если можно, тотчасъ же отправляется въ дальнѣйшій путь, если же нельзя— складывается въ такихъ погребахъ, куда непосвященному добраться не только трудно, но и не всегда безопасно. У полиціи есть свои лазутчики, но и контробандисты не безъ догадливости. На случай тревожныхъ свѣдѣній,—отправка чаевъ производится иногда оригинальнымъ способомъ: среди бѣла дня мѣшки съ чаемъ вывозятся иногда за городъ *подъ навозомъ* и складываются гдѣ нибудь на поляхъ до болѣе удобнаго времени. Въ мое время однако же усилилось преслѣдованіе чайной контробанды внутри края, такъ что перевезть изъ заграницы, особенно черезъ Прутъ, было безопаснѣе нежели отправлять изъ Хотина или изъ Бричанъ; но торговля не дремала и дѣлала свое дѣло, подвергаясь всѣмъ случайностямъ риска. Какъ я ни просилъ Янкеля доставить мнѣ возможность посмотрѣть на тайный провозъ, онъ всегда отказывался, говоря, что самъ лично не участвовалъ ни въ одной контробандной экспедиціи, а только слышалъ отъ другихъ про разныя приключенія. Разумѣется, я не вѣрилъ Янкелю, да и онъ очень хорошо зналъ это недовѣріе, а между тѣмъ охотно исполнялъ всѣ прочія мои порученія. Что онъ меня не боялся,—объ этомъ и говорить нечего — иначе не приносилъ бы мнѣ ни чаю, ни спичекъ, не разсказывалъ бы мнѣ, что такой-то поймался, но ушелъ, не передавалъ бы интересныхъ свѣдѣній, а меня занимало отчего онъ страшился показать мнѣ какую нибудь сцену изъ быта контробандистовъ. Гуляя съ нимъ однажды по обрыву Днѣстра, противъ с. Браги, гдѣ я возсоздавалъ себѣ переправу польскихъ войскъ по эту сторону, я прямо сказалъ Янкелю, что онъ напрасно не хочетъ доставить мнѣ удовольствія. Покачавъ головой, онъ попросилъ табаку на папироску. Я исполнилъ его желаніе и больше не настаивалъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Какая же вамъ польза увидѣть контробандистовъ? спросилъ онъ.

— Пользы никакой.

— Вы не успѣли бы дать знать полиціи.

— Я и не думаю объ этомъ. Конечно я знаю, что контробанда противозаконна, убытокъ казнѣ,—но вопервыхъ смотрѣть за этимъ не моя обязанность, а во вторыхъ — есть для этого лица, которыя получаютъ жалованье, чины и ордена собственно за наблюденіе надъ границей.

— Гмъ! Контробандисты такіе же люди какъ и мы съ вами.

— И въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Вы и купить у нихъ ничего не можете.

— Мнѣ ничего и ненужно.

— Ну что же вамъ поможется?

— Просто любопытство.

— А если насъ подмѣтятъ, вы какъ думаете—что было бы съ нами?

— Что нибудь нехорошее.

— Вай!

— Я тебя не принуждаю, а говорю, что хотѣлъ бы видѣть; за услугу же, такъ и быть, — подарилъ бы двадцать злотыхъ (3 р.).

— Гмъ! Двадцать злотыхъ! и никому не сказали бы.

— Никому.

— Честное слово?

— Дамъ и честное слово.

— Нѣтъ, я не могу, потому что не знаю, а только слышалъ отъ другихъ.

Дня два послѣ того не было у меня съ Янкелемъ разговора о моемъ любопытствѣ. Подъ вечеръ въ субботу онъ остановился противъ моего окна. Я отворилъ раму.

— Ну что, Янкель, скоро кончится шабашъ?

— Съ заходомъ солнца. А не хотите ли прогуляться?

— Я уже много ходилъ. А что?

— Ничего. Я хотѣлъ повести васъ въ Варницу къ Пригородку.

Мнѣ показалось, что Янкель посмотрѣлъ на меня какъ то особенно.

— Пожалуй, пойдемъ, только не поздно ли?

— Нѣтъ, только вы возьмите ружье, можетъ быть попадется что нибудь.

— Чему же тутъ попадаться?

— Да такъ, на всякій случай, можетъ быть проходимъ до

поздa. Только, если угодно, пойдите сперва одни прямо надъ Днѣстромъ, куда вы всегда ходите. Въ Пригородкѣ зайдите въ какую нибудь хату, побалагурьте, а потомъ ступайте лѣсомъ. Вѣдь вы не боитесь?

— Бояться нечего, да у меня же будетъ и ружье съ собою.

— Кромѣ того изъ разныхъ мѣстъ народъ пустится на завтрашній ярмарокъ. Въ лѣсу я васъ подстерегу и можетъ быть покажу кое-что. А вы помните ваше честное слово?

— Какое?

— Тамъ надъ Днѣстромъ.

— А! Помню.

— Такъ прощайте!

Догадываясь въ чемъ дѣло, я зарядилъ ружье дробью, захватилъ подъ пальто на всякій случай револьверъ и, запасшись сигарами, отправился скорымъ шагомъ внизъ къ Днѣстру, куда ходилъ довольно часто, но, минуя Атаки, направился къ Пригородку. Тамъ у меня былъ знакомый руснакъ, къ которому я и зашелъ отдохнуть и дождаться сумерекъ. Хозяина однакожъ я не засталъ, но хозяйка, усѣвшаяся съ семьей за мамалыгу, предложила мнѣ поужинать. Послѣдовали разспросы—зачѣмъ я вышелъ такъ поздно; надо было выдумать какую нибудь причину и посидѣть подъ видомъ усталости. Когда я выходилъ изъ Пригородка—совершенно стемнѣло. Августовская ночь налегла на окрестность и тучи заволокли зарево запада. Въ концѣ деревни, при входѣ въ лѣсъ — какой-то страхъ проникъ мнѣ въ душу, но любопытство оказалось сильнѣе, и я пустился по дорогѣ, которая едва виднѣлась между деревьями. Надо сказать однакожъ правду, что я держался середины и зорко смотрѣлъ по сторонамъ, какъ бывало дѣлывалъ во время скитаній по Кавказу и Закавказью. Въ теченіе получаса я обдумывалъ свой поступокъ и не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго, тѣмъ болѣе, что за свое любопытство я могъ поплатиться, если не жизнью, то, можетъ быть, увѣчьемъ... По временамъ я останавливался и прислушивался. Тишь стояла такая, что какъ ни напрягалъ я слухъ, глубокое безмолвіе не нарушалось даже шелестомъ вѣтки о вѣтку, и только отъ Днѣстра неслись неясные звуки человѣческихъ голосовъ, какіе обыкновенно раздаются въ неуснувшей еще деревнѣ. То приходило мнѣ желаніе, чтобъ Янкель не встрѣчался по дорогѣ, то хотѣлось найдти его

скорѣе въ этомъ мрачномъ безмолвіи. Легкій кашель недалеко въ кустахъ направо — вывелъ меня изъ задумчивости. Остановясь, я отвѣчалъ самымъ тихимъ кашлемъ.

— Это вы? раздался шопотъ по польски.

Надобно сказать, что мы усвоили себѣ польскій языкъ въ разговорахъ съ Янкелемъ, потому что послѣдній владѣлъ имъ гораздо лучше, нежели русскимъ.

— Я.

— Ну, и хорошо. Подходите ко мнѣ на голосъ, только отверните ружье въ сторону, чтобы какъ нибудь не выстрѣлило.

Не успѣлъ я подойдти, какъ Янкель, схвативъ меня за руку, повелъ въ ужаснѣйшую чащу, рекомендуя молчаніе. Мы шли не менѣе десяти минутъ и остановились.

— Скоро ли? спросилъ я.

— А вотъ еще немного.

Дѣйствительно скоро мы вошли въ такое мѣсто, откуда, казалось, невозможно дальше слѣдовать.

— Здѣсь будемъ дожидаться и увидимъ, сказалъ Янкель.

— Дождаться-то, можетъ, и дождемся, замѣтилъ я, но увидѣть врядъ-ли, потому что нужны кошачьи глаза.

— Да, темненько, а между тѣмъ нѣтъ лучше поры: и темно и сухо и листья не шелестятъ подъ ногами. Однако, если хотите курить, курите поскорѣе, а послѣ будетъ нельзя, да и разговаривать не слѣдуетъ.

Я закурилъ папироску и уже по собственной догадливости закрывалъ огонь рукою. Мы помѣстились въ ужаснѣйшей густынѣ между кустарникомъ; но когда глазъ привыкъ къ темнотѣ, видно было, что мы на краю какой-то лощины, такъ что, всматриваясь пристальнѣе, замѣчалась внизу тропинка при свѣтѣ звѣзднаго неба, которое проглядывало между вершинами деревьевъ. Насъ же рѣшительно никто не могъ усмотрѣть, да и добраться къ намъ не предстояло иной возможности кромѣ пути, какимъ пришли мы сами. Впрочемъ со мною былъ отличный знатокъ мѣстности, и я спокойно докуривалъ папироску. Страхъ исчезъ совершенно и съ большей силой заходило во мнѣ любопытство, поглотившее все мое вниманіе.

— Какъ думаешь, Янкель, шепнулъ я: можно еще зажечь спичку—посмотрѣть на часы.

— Можно, отвѣчалъ онъ: только прилягте на землю и по-

кройте часы фуражкой. Кто знаетъ, можетъ быть, *они* недалеко.

Я послѣдовалъ совѣту своего спутника. Было около десяти часовъ. Мы шептались. Я спросилъ, какая же контробанда должна проходить чрезъ Варницу. Янкель шопотомъ отвѣчалъ мнѣ, что ожидали изъ за границы большой партіи чаю, которая къ разсвѣту, можетъ быть будетъ уже далеко. Это былъ послѣдній рискъ одного еврея, начавшаго торговлю офиціально мелочнымъ товаромъ, а неофиціально спичками, и въ нѣсколько лѣтъ составившаго порядочный капиталъ, такъ что могъ уже заниматься и болѣе цѣнной контробандой. Въ ожидаемую партію чаю онъ вложилъ всѣ деньги и далъ зарокъ, если дѣло удастся, бросить запрещенную торговлю и заняться подрядами, а если нужно, то и переѣхать въ другое мѣсто. Прошло еще съ полчаса. Мною начало уже овладѣвать нетерпѣніе, и никогда въ юношескомъ возрастѣ не ожидалъ я съ такою лихорадочною дрожью гдѣ нибудь въ саду шелеста знакомой походки, какъ ожидалъ въ глухомъ лѣсу какого нибудь шума, который предвѣщалъ бы приближеніе контробандистовъ.

— И ты думаешь, съ ними ничего не случится? спросилъ я у Янкеля на ухо.

— Кто его знаетъ, должно бы кончиться благополучно. Видите ли, хозяинъ дѣла — молодецъ и хорошо торгуетъ, — значитъ подрывъ для прочихъ, а какъ онъ далъ страшную клятву бросить ремесло, такъ всѣ охотно помогаютъ.

— А если бы онъ вздумалъ поторговать еще чаемъ?

— Тогда не знаю... Думаю, было бы плохо... Позвольте! прошепталъ Янкель, вытянулся во весь ростъ и, обхвативъ рукой дерево, свѣсилъ голову къ обрыву.

У меня ёкнуло сердце. Я началъ тревожно прислушиваться. До слуха моего долетѣлъ человѣческій говоръ, но какой-то странный, который чѣмъ далѣе, становился явственнѣе.

— Янкель!

— Тсъ! молчите, ради Бога.

Къ намъ приближался кто-то по направленію изъ Хотина и бормоталъ себѣ подъ носъ, должно быть, разный вздоръ, какъ это бываетъ съ подгулявшимъ человѣкомъ. По временамъ срывался у него куплетъ, пропѣтый глухимъ голосомъ. Веселый малый приблизился значительно.

— Гей! Хто тутъ? прокричалъ онъ,—а виведіть мене на дорогу. Я у ночі нічого не бачу, и ся напивъ трохи.

И онъ пропѣлъ музыку бойкаго козачка безъ словъ. Я напрягалъ зрѣніе и замѣтилъ фигуру человѣка, который стоялъ прямо противъ насъ. Это былъ руснакъ въ соломенной шляпѣ и съ большой палкой.

— Отъ не дойду до дому, молвилъ онъ съ прибавленіемъ обычной непечатной фразы:—ся зблудивъ та и шабашъ! А бачицця не первина ити зъ Хотіня... Эге! Та уже жъ куда небудь дойду. Чи у Рукшинъ, чи у Гордевці, а десь буду.

Постоявъ еще съ минуту, руснакъ пошелъ дальше. Янкель все дергалъ меня за полу. Наконецъ ясно было удаленіе гуляки къ Днѣстру, что и подтвердилъ его говоръ, слабѣвшій постепенно. Онъ пропѣлъ уже въ отдаленіи два куплета плясовой пѣсни:

Вогоривъ я тобі,
Вогоривъ тричі,
Щобъ не лізла до мене
Ти сліотою въ вічи.

Вогоривъ я тобі,
Не хотіла слухать,
Почну жъ тебе букомъ
Я по спині чухать.

— Слышали? шепнулъ Янкель.

— Слышалъ. Это пьяный руснакъ, сбившійся съ дороги.

— Онъ и пьяный не заблудится по всей Буковинѣ, а теперь, ручаюсь, что не выпилъ ни одной литры водки.

— Не понимаю.

— Это передовой. Товаръ уже на этой сторонѣ. Руснакъ прошелъ весь лѣсъ, притворившись пьянымъ, и возвращается. Ходилъ онъ на развѣдки—не встрѣтитъ ли кого.

— Такъ это хитрость?

— Тсъ!

Полчаса пролежали мы не шевельнувшись. Наконецъ Янкель дотронулся слегка до моего плеча. Я весь превратился во вниманіе. Почти противъ насъ послышались тихіе шаги, и я различилъ высокаго человѣка съ большою ношею на спинѣ, который осторожно пробирался между кустарникомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ остановился, перевелъ духъ и исчезъ за деревьями. Снова шорохъ и снова человѣкъ съ ношей прошелъ

тѣми же осторожными кошачьими шагами, и такимъ образомъ пробрались шестнадцать контробандистовъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Каждый былъ навьюченъ, казалось, сверхъ силъ, но ни одинъ не произнесъ ни слова, даже не кашлянулъ, не вздохнулъ громко, и еслибы я не зналъ въ чемъ дѣло, то, лежа въ нѣсколькихъ шагахъ, не замѣтилъ бы этой интересной процессіи. Въ заключеніе прошелестѣло еще человѣка три, изъ отрывистаго шопота которыхъ—можно было заключить, что проходили евреи.

— Ну что, видѣли? спросилъ тихо Янкель, пролежавъ нѣсколько минутъ безъ движенія.

— Видѣлъ.

— А какая польза?

— Что ты носишься съ своею пользою. Я доволенъ, и баста, а обѣщанное ты получишь.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Но скажи мнѣ—какъ же они проберутся въ городъ?

— Это уже пустяки. Пойдемъ-те прежде выберемся на дорогу.

И Янкель, словно днемъ, повелъ меня между густыми деревьями. Вѣтви хлестали по лицу, цѣпляясь за платье, раза два сбивали съ меня фуражку, но мы наконецъ очутились на дорогѣ изъ Пригородка въ Хотинъ, и я остановился свернуть папироску. Было уже за полночь. Мы пустились скорымъ шагомъ. Янкель сказалъ мнѣ, что наканунѣ ярмарокъ чрезвычайно удобно ввозить и отправлять контробанду, потому что крестьяне изъ дальнихъ деревень пріѣзжаютъ обыкновенно по ночамъ и потому во всей окрестности большое движеніе. Кромѣ транспорта, перенесеннаго людьми, много еще мѣшковъ отправилось на руснацкихъ подводахъ. Совѣсть моя была встревожена, что въ глазахъ у меня совершился тайный провозъ недозволенныхъ товаровъ, но если бы я измѣнилъ своему слову и далъ знать объ этомъ случаѣ, одномъ изъ многихъ, удачно прошедшихъ и конечно имѣющихъ еще пройдти на границѣ, то пользы никакой для казны ожидать было невозможно. Пока я дошелъ бы до Хотина, пока добудился бы городничаго, пока тотъ принялъ бы мѣры, контробанда могла быть въ безопасномъ мѣстѣ, и я оказался бы ложнымъ доносчикомъ, да и ввязался бы въ дѣло, не имѣвшее никакой связи съ моимъ порученіемъ. Выдать

Янкеля—значило,—не говоря уже объ измѣнѣ слову,—посадить въ острогъ и то голословно, безъ документа, еврея, какихъ въ Хотинѣ, вѣроятно, цѣлыя сотни,—значило бы высказать съ своей стороны одно неумѣстное рвеніе, надѣлать фальшивой тревоги и заслужить названіе человѣка, мѣшающагося не въ свое дѣло. Все это передумалъ я, подходя къ городу, и кончилось тѣмъ, что далъ Янкелю три рубля на водку—у воротъ своего дома, гдѣ слуга съ безпокойствомъ ожидалъ моего прихода. Чтобъ не возвращаться больше къ Янкелю—окончу здѣсь же развязку этого знакомства. Постранствовавъ по Бессарабіи и завернувъ снова въ Хотинъ, чтобы еще разъ объѣхать Буковину, я остановился на нѣсколько дней и поѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ для нѣкоторыхъ покупокъ. На площади передъ Варшавской гостинницей мнѣ попалась на встрѣчу еврейка замѣчательной красоты, но блѣдная и худая, вся въ лохмотьяхъ, ведя за руку пяти или шести-лѣтнюю дѣвочку. Она пристально посмотрѣла на меня своими большими чорными глазами и, схвативъ мою руку, начала цѣловать ее.

— Что съ тобой? спросилъ я, испуганный этимъ неожиданнымъ движеніемъ.

— О, добрый панъ мой!

И еврейка залилась слезами.

— Что такое?

Я поскорѣе вынулъ портмоне подать милостину.

— Я жена Янкеля, помните въ Хотинѣ.

— А! онъ здѣсь?

Еврейка покачала головою. Квартира моя была въ нѣсколькихъ шагахъ, и я позвалъ за собой больную женщину. Оказалось, что чичероне мой попался гдѣ-то далеко и сидѣлъ въ острогѣ, даже безъ надежды на счасливое окончаніе. Жена его собирала милостину и думала отправиться на родину. Въ Хотинѣ ей помогли немного, но посовѣтовали убираться поскорѣе, такъ какъ жила она безъ всякаго вида. Выслушавъ печальную повѣсть и пожертвовавъ, что было можно, бѣдной женщинѣ, я тогда только вздумалъ спросить ее—какимъ образомъ она могла знать меня.

— Я васъ видѣла и хорошо замѣтила, какъ вы нѣсколько разъ проходили съ моимъ мужемъ. Онъ очень любилъ васъ. Панъ! графъ! Не можете ли вы пособить бѣдному Янкелю...

И еврейка снова заплакала.

— Ничего не могу, милая. Я всегда говорилъ ему, что ненадежно его занятіе. Но какъ же онъ попался и гдѣ?

— Охъ, это долго разсказывать. Онъ былъ исправный человѣкъ, заработывалъ, но рѣдко ходилъ за границу. А тутъ случилось—одинъ купецъ заболѣлъ, самъ не могъ ѣхать подъ Кременецъ, вотъ и послалъ моего мужа, обѣщавъ хорошія деньги. Янкель послушалъ, поѣхалъ... Что тамъ было—не знаю, пришло только извѣстіе, что онъ раненъ, лежалъ въ больницѣ, а теперь въ острогѣ — и его судятъ и засудятъ... Спасибо, добрые люди помогли мнѣ, я дойду на родину, да какъ же я буду...

И больше я уже ничего не слышалъ ни о Янкелѣ, ни о его семействѣ.

Хотинъ раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна, составляющая новый городъ, обстроилась и продолжаетъ строиться на ровной площади, по плану, съ широкими улицами, заключая всѣ присутственныя мѣста и общественныя учрежденія; а другая, т. е. весь старый городъ, потянулся внизъ къ Днѣстру со своими старинными домами, шумнымъ базаромъ, который преимущественно набитъ евреями, гнѣздящимися въ ужаснѣйшей тѣснотѣ, въ постоянной грязи, потому что какъ ни палящи лучи солнца, а не могутъ проникнуть въ это темное царство сырости и вредныхъ испареній. Единственная здѣсь большая улица—кривая, мощеная еще во время турецкаго владычества и застроенная сплошными рядами домовъ, занятыхъ всевозможными лавками, служитъ центромъ хотинской торговой дѣятельности. Я упомянулъ уже выше, что здѣсь настоящій лабиринтъ, и хотя лавки вытянуты въ двѣ линіи, однако иногда идете вы такими переходами, что недоумѣваете, откуда могутъ взяться подобныя извилины. Въ лавкахъ по большей части сидятъ женщины и дѣвушки и усердно запрашиваютъ. По предметамъ, выставленнымъ и вывѣшеннымъ для показа, трудно предполагать въ лавкѣ что нибудь особенное,—но стоитъ вамъ спросить, напримѣръ, тонкаго полотна, изящныхъ кружевъ, самой щегольской шелковой матеріи, англійскаго фаянса, васъ подхватятъ, проведутъ, и передъ вами цѣлыя груды дорогихъ товаровъ. Разумѣется, съ васъ запросятъ чудовищную цѣну, но, если вы знакомы съ мѣстностью и вамъ нужно купить, хладнокровно по-

торговавшись, вы можете пріобрѣсть желаемое за весьма сходную цѣну. И надо удивляться особенному искусству евреекъ, съ которымъ онѣ увлекаютъ проѣзжаго, продавая товаръ лицомъ. Сидите вы, положимъ, въ лавочкѣ, гдѣ среди разнаго хлама нашлось нѣсколько штукъ дорогаго полотна, торгуя которое, изъявили желаніе пріобрѣсть хорошія чашки; чрезъ двѣ, три минуты является откуда-то еврейка и разставляетъ передъ вами посуду. Заикнулись вы о галстухахъ, какая нибудь хорошенькая продавица явилась уже съ цѣлыми коробами французскихъ и англійскихъ произведеній. И всѣ онѣ показываютъ, примѣряютъ вамъ товаръ, божатся, увѣряютъ въ своемъ безкорыстіи, лепечутъ между собою, и въ тоже время хозяйка лавки зазываетъ новаго прохожаго или пріѣзжее семейство. У меня каждый день выходило нѣсколько денегъ на какія-нибудь незначительныя покупки, которыя дѣлалъ я единственно съ цѣлью хоть немного изучить нравы и обычаи хотинскихъ продавицъ. Когда я уже довольно познакомился, еврейки встрѣчали меня очень привѣтливо и какъ-то смѣлѣе показывали контробанду, неприбѣгая даже къ обычному маневру, привѣшиванья пломбы, отрѣзанной отъ предмета, прошедшаго чрезъ таможню. Одна очень хорошенькая дѣвушка, торговавшая женскими нарядами, являлась тоже съ мантильями, лентами, воротничками, рукавчиками, но какъ мнѣ не было нужно ничего изъ ея товара, то всѣ труды ея были напрасны. Никакія увѣщанія на меня не дѣйствовали, что повидимому оскорбляло красивую продавицу, и она уже не появлялась въ лавкахъ сосѣдокъ, а когда я проходилъ мимо, только молча показывала мнѣ какой нибудь женскій нарядъ, вѣроятно питая хоть слабую надежду.

Мужчинъ-евреевъ тоже довольно сидитъ въ лавкахъ, но они какъ-то больше группируются гдѣ нибудь на улицѣ и ведутъ оживленные разговоры, которые, когда я познакомился съ бытомъ города, не казались мнѣ уже странными. Мало-ли о чемъ имъ потолковать между собою: въ лавкахъ могутъ сидѣть жены и дѣти, а у нихъ важнѣе интересы и болѣе важная торговля, потому что въ Хотинъ поминутно пріѣзжаютъ евреи изъ окрестности. Случаются и довольно шумные митинги. Однажды шелъ я на базаръ для наблюденій и для покупки фруктовъ, какъ у криваго поворота улицы натолкнулся на большую толпу народа, е. т. евреевъ обоего пола, разныхъ возраетовъ, отъ грудныхъ

дѣтей до сѣдыхъ стариковъ, которые шумѣли и волновались. Разумѣется, я не могъ пройдти мимо, неузнавъ причины происшествія или какого нибудь скандала, что въ уѣздной жизни представляетъ непослѣднее развлеченіе. Пробравшись ближе, я замѣтилъ среди толпы квартальнаго въ сопровожденіи полицейскаго солдата, которые, бывъ крѣпки увѣренностью въ свое могущество, ораторствовали одни среди еврейскаго населенія. Дѣло въ томъ, что по какому то оффиціальному доносу квартальный долженъ былъ обыскать одну лавочку по случаю запрещенной торговли спичками. Понятые были тутъ же, но смиренно стояли, оттѣсненные толпою. Хозяйка лавки ушла куда-то, бросивъ свой грошевый товаръ на попеченіе сосѣдки, а эта отстаивала чужую собственность съ крикомъ и всей разнообразной жестикуляціей, свойственной израильскому племени.

— Какія у нее спички, говорила она, стоя на порогѣ лавки и рѣшаясь лечь костьми на ввѣренномъ посту: вы квартальный и сами знаете, что спички запрещены.

— Что ты орешь, старая чертовка!

— Нехай я и чертовка, а не пущу.

Надобно сказать, что на этомъ поворотѣ во всѣхъ лавочкахъ обыкновенно стояли цѣлыя груды спичекъ—обстоятельство очень хорошо извѣстное и квартальному и всѣмъ лицамъ, составлявшимъ митингъ. Конечно на ту пору онѣ были прибраны. Наконецъ явилась хозяйка лавчонки и вступила въ свои права. Зная еще съ утра о предстоявшемъ осмотрѣ, она убрала запрещенный товаръ и безпрепятственно допустила къ обозрѣнію разнаго хлама.

— Ну, вотъ видишь, дура, обратился квартальный къ геройской сосѣдкѣ: спичекъ у нее нѣтъ и баста.

— А я что вамъ говорила? Такъ надобно было надѣлать гвалту! Какія у насъ спички? развѣ же мы сами не знаемъ...

— Молчи, подлая баба! Не ужь-то думаешь ты, что я отъ себя? мнѣ приказано.

— Мало чего приказано!

— Ну, я и донесу, что не нашелъ ничего, а ты смотри, въ другой разъ не попадайся,—не то посажу въ острогъ.

Какой-то сѣдой еврей, снявъ шапку, подошелъ къ квартальному и началъ рѣчь въ примирительномъ духѣ, послѣ которой блюститель благочинія ругнулъ собравшуюся толпу, поворо-

тилъ вправо и исчезъ при всеобщемъ смѣхѣ обладателей и обладательницъ лавчонокъ. Женщины усѣлись на свои мѣста, а мужчины продолжали еще митингъ.

Я изъ любопытства подошелъ къ еврейкѣ, такъ энергически защищавшей интересы своей сосѣдки.

— Нельзя-ли мнѣ пару коробочекъ сѣрничковъ? спросилъ я.

— Заграничныхъ?

— Да.

— Можно, по десять грошей (5 к.)

— Зачѣмъ же такъ дорого?

— Видите какъ теперь за этимъ смотрятъ.

— Вижу, но все таки не дамъ болѣе шести грошей.

— Такъ и быть, восемь.

— Не дамъ.

— Ну, хорошо. Подождите минуту.

Еврейка отдала приказаніе дѣвчонкѣ, которая сбѣгала внутрь двора и принесла нѣсколько дюжинъ австрійскихъ спичекъ. Но меня удивило не то, что послѣ полицейскаго осмотра я купилъ запрещенный товаръ, а смѣлость, съ какою торговка разставила спички тутъ же на прилавкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— И ты не боишься? спросилъ я, отдавая деньги.

— А чего я буду бояться? Развѣ онъ не каждый день тутъ шляется? Развѣ онъ не видитъ и не знаетъ. Атъ! лишь бы...

— По какому же случаю обыскивали?

— Наябедничалъ кто-то.

Ярмарки или базары, бывающіе въ Хотинѣ каждое воскресенье, столь обыкновенныя для туземца, представляютъ для пріѣзжаго зрѣлище оригинальное и не лишенное интереса. Ярмарки эти становятся на выгонѣ за городомъ, но иногда столько наѣдетъ окрестныхъ селянъ, что ряды тянутся въ старый городъ и запруживаютъ улицу, ведущую къ гостиному двору. На выгонѣ появляются евреи со всевозможными снадобьями, необходимыми крестьянину, который, прицѣнясь къ товару, отправляется иной разъ и въ лавки и весьма радъ выторговать лишній грошъ, стоющій ему версты двѣ ходьбы, не меньше. Къ ярмаркѣ привозятся деревенскіе продукты, пригоняются рогатый скотъ, лошади, овцы, и евреи проявляютъ въ эти дни необыкновенную дѣятельность. Многіе изъ нихъ бѣгаютъ, буквально высунувъ языкъ, и нерѣдко вступаютъ между собою въ руко-

пашный бой изъ за какой нибудь кожи или свертка луку. Преимущественно наѣзжаютъ руснаки, но показываются и молдаване, а безъ присутствія цыганъ не обходится ни одна ярмарка. Послѣднее племя, хотя и значительно въ Бессарабіи, однако по Днѣстру попадается рѣдко, а потому я и неимѣлъ возможности обратить на него должнаго вниманія. Во время поѣздокъ внутрь страны я видѣлъ и осѣдлыхъ и кочующихъ цыганъ, но все это мимоходомъ, а говорить о томъ, чего неудалось изслѣдовать, говорить съ чужихъ словъ, въ надеждѣ, что меня некому будетъ повѣрить,—было бы крайне недобросовѣстно. Цыгане, которыхъ видѣлъ я въ Хотинѣ, принадлежали или къ крѣпостному сословію или къ числу кочевниковъ, переходившихъ въ то время въ Бессарабію порядочными толпами изъ Молдавіи, гдѣ, по ихъ сознанію, было имъ очень худо и гдѣ обращались съ ними весьма не по человѣчески. Но у всѣхъ, на какой мѣстности я ихъ ни встрѣчалъ, преобладаетъ одна господствующая страсть—конокрадство. Есть изъ нихъ личности, далеко извѣстныя въ околодкѣ по своимъ подвигамъ.

Ближе къ городу на ярмарочной площади садятся на землѣ городскіе торговцы и торговки со своими товарами, образуя улицы; дальше становятся возы съ деревенскими произведеніями, а еще дальше выгоняютъ скотъ и лошадей для продажи. Разумѣется, здѣсь же нѣсколько водочныхъ выставокъ, безъ которыхъ не можетъ обойдтись ни одно людское сборище. Нечего и говорить, что въ этихъ пріютахъ одуряющаго напитка толпится народъ съ зари до окончанія базара, и не одинъ руснакъ пропиваетъ не только барышъ, но и дѣлаетъ долгъ съ помощью услужливаго Іудея, изъ которыхъ каждый знаетъ какъ пять пальцевъ всѣхъ окрестныхъ жителей. Къ полудню ярмарки во всемъ разгарѣ: народъ успѣлъ уже продать и купить все нужное и конечно успѣлъ пропустить литру, другую *горївки*, отчего рѣчи дѣлаются шумнѣе, смѣхъ громче, сыпятся остроты, припоминается прежняя дружба, всплываетъ на верхъ давнишняя непріязнь, выводящая за собою усердную потасовку, за которой слѣдуетъ примиреніе, разумѣется вспрыснутое тою же горївкой. Иногда раздаются лишь одни междометія, особенно, если ѣдутъ руснаки и руснячки на повозкахъ.

«Тягаря!», (но! гей!) «гойса» (налѣво), «чала» (на право), «го! го! го!» (тпру) слышите вы поминутно, пересыпаемыя не

печатными фразами, о которыхъ я уже упоминалъ въ первой статьѣ и которыя произносятся различными голосами, то спокойными, то сердитыми, то густыми, то визгливыми и дребезжащими. Женщины и дѣвушки, въ своихъ пышныхъ вышитыхъ рубашкахъ, толпятся преимущественно близь торговокъ, продающихъ ленточки, сережки, кольца, стеклярусъ, цвѣтную бумагу и т. п. снадобья, необходимыя для женскаго убора. Парни съ длинными локонами, вьющимися по загорѣлымъ шеямъ, въ хитро сплетенныхъ соломенныхъ шляпахъ, съ добрыми люльками въ зубахъ ходятъ по большей части безъ всякаго дѣла, потому что покупкой и продажей занимаются старшіе, а они явились или въ качествѣ погонщиковъ или просто пріѣхали верхомъ поглазѣть на народъ, подтрунитъ надъ какой нибудь торговкой и нахохотаться досыта иногда надъ остротами собственнаго издѣлія. Дѣти обоего пола бѣгаютъ за родителями, выпрашивая пряниковъ, баранковъ, булокъ и другихъ лакомствъ, за что порой получаютъ колотушку; но по большей части желанія ихъ удовлетворяются, потому что лакомства эти не превышаютъ нѣсколькихъ грошей.

Нищіе на разные голоса просятъ милостину, но я не встрѣчалъ между ними ни кобзарей, ни лирниковъ, съ которыми всегда и вездѣ старался заводить знакомство. Это все калѣки, слѣпцы, хромые, уроды, поющіе подъ часъ *лазаря* и умѣющіе *канючить,* по народному выраженію. Изъ двухъ десятковъ слишкомъ нищихъ, встрѣченныхъ мной въ Хотинѣ, я видѣлъ только одного интереснаго собственно своею судьбою. Это былъ старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, бодрый, здоровый, но у котораго вмѣсто глазъ чернѣли однѣ ямки, обросшія волосами. Возлѣ него стоялъ горшечекъ, въ который народъ опускалъ пожертвованія, а онъ дико вылъ и показывалъ на раскрытый ротъ свой, въ которомъ едва виднѣлся кусокъ языка чуть не у самой гортани. Зрѣлище было невыносимое. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ мальчикъ, котораго по одеждѣ я принялъ за подольца.

— Вы съ того боку? спросилъ я, опустивъ милостину въ горшечекъ нищаго.

— А съ того, отвѣчалъ мнѣ круглолицый хлопчикъ, смотря на меня безъ страха.

— Кто же этотъ дѣдъ?

— А дѣдъ себѣ.

— Ты у него поводырь, что ли?

— Я поводырь у другихъ, съ этимъ дѣдомъ я хожу еще недавно.

— Гдѣ же другіе?

— Вонъ сидитъ въ дырявой шапкѣ нашъ *старшой*.

Я подошелъ къ *старшому*, слѣпцу съ необыкновенно плутовской физіономіей и который, казалось, очень хорошо видѣлъ изъ подъ своихъ бѣльмъ. Отсчитавъ нѣсколько копѣекъ *старшому*, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, въ надеждѣ выпытать что нибудь о безъязыкомъ.

— Да вы кто такой? спросилъ онъ.

— Пріѣзжій.

— Издалека?

— Издалека.

— Что же я вамъ разскажу о безъязыкомъ? Онъ такъ съ давнихъ-давенъ.

— Знаешь что: бояться тебѣ меня нечего, я хотѣлъ бы знать побольше про безъ-языкаго. Если хочешь, пойдемъ со мною, я тебѣ подарю пять злотыхъ (75 к.), а ты мнѣ поразскажешь.

— Такъ какъ же? я утеряю ярмарокъ.

— Ты же вѣдь не напросишь пять злотыхъ.

— Оно такъ, да все же.

— Ну, если хочешь, получишь карбованецъ.

— И литру горѣлки?

— Можно.

— Пойдемъ. А гдѣ ваша станція (квартира)?

— Недалеко.

— Погодите же, я усажу своихъ. Гей, Хведько!

Мальчикъ, сидѣвшій возлѣ безъ-языкаго, подошелъ къ намъ. Опираясь на проводника, *старшой* взялъ за рукавъ одного нищаго, потомъ кликнулъ другаго и, усадивъ ихъ рядомъ съ безъязыкимъ, приказалъ не трогаться съ мѣста, шепнувъ что-то на ухо. Въ мою сторону тотчасъ протянулись двѣ руки, въ которыя положилъ я по копѣйкѣ, и отправился домой въ сопровожденіи старшого и его проводника. Двѣ литры водки и надежда получить рубль сдѣлали слѣпца разговорчивымъ, и я со словъ его записалъ слѣдующее:

— Мы съ Архипомъ (безъ-языкій) изъ одной деревни издалека. Росли вмѣстѣ. Я потерялъ глаза отъ оспы, а онъ долго

былъ зрячій и жилъ въ достаткѣ. Мой отецъ и мать умерли, и я съизмалу присталъ къ нищимъ: знаете, у меня былъ тоненькій голосокъ, такъ умѣлъ я скорѣе разжалобить, и точно, добрые люди много мнѣ подавали. Сидѣлъ я и въ Кіевѣ подъ Лаврой и въ пещерахъ, заработки были славные, да захотѣлось на свой хлѣбъ, на волю, я и ушелъ тайкомъ на родину. Мнѣ пошелъ уже никакъ двадцать пятый годъ. Въ селѣ родныхъ никого, и рѣдко уже кто признавалъ меня. Архипъ женился, но дѣтей не было. Онъ обрадовался мнѣ и сказалъ, чтобъ жилъ у него пока хочу, что хлѣба его не переѣмъ и лавки не перележу, всего молъ вдоволь. Добрый былъ человѣкъ, и силы такой, что по пяти пудовъ бралъ въ одну руку. Вотъ какъ сталъ я жить у него, то и замѣтилъ, что Архипъ плохо занимался хозяйствомъ, а домъ былъ словно полная чаша. Жена тоже не хозяйничала, сидитъ, бывало, пѣсенки распѣваетъ, да вышиваетъ сорочки и хустки себѣ да мужу; про черную же работу были у нихъ наймитъ и наймичка. Иной разъ Архипъ дома цѣлую недѣлю, а иной, смотри, уѣдетъ на нѣсколько дней и всегда возвращается ночью. Мнѣ не говоритъ ничего. Я сталъ замѣчать. Знаете, село близко границы, значитъ промышлялъ контробандой. Ну, что же за бѣда? всѣ почти наши селяне не прочь отъ этого, только не каждый можетъ быть вожакомъ и дѣлать дѣла на той сторонѣ; Архипъ же и въ Австріи былъ какъ у себя дома. Прожилъ я у него зиму нечего сказать въ теплѣ и добрѣ, разсказывалъ Архипихѣ про Кіевъ, про свои странствія, пѣлъ ей духовныя пѣсни и козацкія, что научился отъ заднѣпровскихъ бандуристовъ; меня не считали за дармоѣда или собаку, и обходились какъ съ роднымъ: однако мнѣ опостылѣло сидѣть сложа руки. Съ весною я намѣрился пойдти въ Почаевъ, оттуда въ Кіевъ, тамъ подумывалъ про Воронежъ—и распрощался съ хозяевами. Они меня уговаривали жить у нихъ, но я просился, и они меня отпустили, обдаривъ на дорогу: Архипиха дала бѣлья и хлѣба, Архипъ—злотыхъ двадцать мелочью. Такъ я и пошелъ. Долго будетъ разсказывать какъ и гдѣ я странствовалъ, какъ было попался въ одно дѣло, цуръ ему! Въ Кіевѣ посчастливилось мнѣ собрать злотыхъ 300, да одинъ товарищъ, тоже слѣпой, чтобъ ему ни дна ни покрышки, обокралъ меня и ушелъ съ черниговской ватагой. Покинувши Кіевъ, поплелся я въ Почаевъ, а оттуда завернулъ на родину. Надобно вамъ сказать, что

Архипова хата стояла одна при входѣ въ село, и я когда по разспросамъ подошелъ къ кірницѣ (источнику), которая выкопана подъ большимъ дубомъ, то надѣялся съ своимъ костылемъ добраться самъ до своихъ знакомыхъ. Иду и думаю—живы ли, здоровы ли, примутъ ли попрежнему. Былъ жаркій день. Иду, щупаю дорогу. Вдругъ мнѣ стало прохладно, вступилъ въ тѣнь. Стало быть дошелъ до Архипова саду. Повѣваетъ вѣтерокъ, и я какъ бы призналъ шелестъ высокой, старой груши, которая росла у самыхъ воротъ. Пробую костылемъ—точно толстая груша. Я дальше—пусто....дальше торчатъ одни колья безъ плетня, большой бурьянъ. Я назадъ къ грушѣ и опять на дорогу: не ошибся ли, думаю. Налѣво, помню, при входѣ въ село жили дальніе родственники Архипа. Не прошелъ я ступней двадцать, пробую—тынъ и слышу какъ на дворѣ играетъ дѣтвора. На меня залаяли сабаки. Я прислонился къ плетню и отбиваюсь. Выскочила дѣвочка, отогнала собакъ. Скрыпнула дверь и послышался женскій голосъ: «кто тамъ?» Я призналъ Палажку и поздоровался. Повела она меня въ хату и посадила. Мнѣ какъ-то страшно стало разспрашивать про Архипа, но Палажка сама разсказала, что года три назадъ кто-то спалилъ его хату ночью, такъ что все погорѣло, а его нашли на границѣ чуть живаго, съ выколотыми глазами и отрѣзаннымъ языкомъ. Архипиха умерла съ перепугу. Архипъ вылечился и побирался по добрымъ людямъ. Разныя байки разсказывали про эту пригоду, только все вышло не то, что узналъ я послѣ черезъ какихъ нибудь двадцать лѣтъ. Ну, отыскалъ я Архипа, меня привели къ нему. Мы не могли видѣть другъ друга, только когда я назвалъ себя, онъ такъ страшно завылъ, какъ воетъ развѣ человѣкъ, котораго палачъ наказываетъ на площади: у меня просто волосъ всталъ на головѣ дыбомъ. Онъ бросился мнѣ на шею и зарыдалъ. Я ощупалъ лицо его руками, и изъ ямъ, гдѣ были глаза, капали слезы на мои руки. Мнѣ самому стало жутко такъ, что и я заплакалъ. Ну, одними слезами немного поможешь. Надобно было подумать. Люди у насъ, нельзя сказать, чтобъ недобрые, они помогали Архипу: кто дастъ кусокъ хлѣба, кто какую нибудь дырявую сорочку, кто и обогрѣетъ, но не нашелся ни одинъ принять во имя Божье. А какъ можно ему жить одному безъ глазъ и безъ языка? Что онъ? хуже малаго ребенка, ни попросить, ни поблагодарить, а такъ, кусокъ мяса на ногахъ и толь-

ко. Я подумалъ, да и говорю ему при людяхъ: «хочешь, Архипъ, ходить со мною по міру? Я хоть и слѣпой, да съ языкомъ,—стало быть могу за тобою присматривать, мы станемъ ѣсть выпрошенный хлѣбъ вмѣстѣ и дѣлить пополамъ выпрошенный грошъ.» Онъ бросился опять ко мнѣ на шею и завылъ.— «Да куда ты поведешь его? начали было люди: въ своемъ селѣ, говорятъ, все таки лучше.» «Ничѣмъ не лучше, говорю; пока Архипъ былъ богатъ, у него считалось много друзей и пріятелей, а теперь вотъ онъ въ дырявой сорочкѣ и, можетъ быть, цѣлый день не ѣвши. Нѣтъ, добрые люди, я возьму Архипа: онъ въ счастьѣ жалѣлъ меня и держалъ калѣку,—и вотъ пришла моя очередь.» «Да куда же ты поведешь его?» говорятъ селяне. «Куда Богъ дастъ» отвѣтилъ я имъ. «Если и придется въ дождь ночевать гдѣ нибудь, подъ тыномъ, то все же вдвоемъ какъ-то веселѣе. Пойдемъ въ Кіевъ къ св. угодникамъ печерскимъ, сядемъ подъ пещерами и насъ не оставятъ добрые прохожіе.» Надо правду сказать, когда мы выходили изъ села, народъ провожалъ насъ и надавалъ намъ столько хлѣба, что мы едва понесли, и въ сосѣднемъ же селѣ продали половину. Скоро я привыкъ различать нѣкоторыя слова, что белькочетъ Архипъ. Видите ли, это мнѣ было легко, потому что—разъ, я зналъ его прежнюю рѣчь, а другое, ходя мальчишкой съ нищими, я часто сиживалъ возлѣ стараго дѣда гайдамака, которому ляхи отрѣзали языкъ и правую руку. Разсказать онъ ничего не можетъ, а иныя слова лепечетъ какъ ребенокъ. И такъ мы ходимъ вмѣстѣ уже сорокъ лѣтъ. Въ нашемъ ремеслѣ онъ много помогаетъ, ему подаютъ хорошую милостину. Подумывалъ было я пристротиться съ нимъ куда нибудь въ монастырь, да не принимаютъ....Напросимъ иногда довольно денегъ, такъ свои же обокрадутъ. Да еще и то: прежде бывало вольнѣе, теперь намъ и опасно шататься по свѣту. А куда мы годимся? Развѣ примутъ насъ на родинѣ? И что кому можемъ мы сдѣлать худаго, слѣпые, дряхлые! Только и покою, что на большихъ дорогахъ, да по городамъ, а въ иныхъ селахъ уже писаря рѣдко отпустятъ даромъ. Ну, этакъ лѣтъ черезъ двадцать, какъ я взялъ съ собою Архипа, узналъ я въ одномъ селѣ, что какой-то старикъ еврей, умирая въ острогѣ, разсказалъ все дѣло про моего товарища. Видите ли, какъ разъ въ Свѣтлый праздникъ перевезли черезъ границу много контробанды, которою надобно было раздѣлиться

троимъ поровну: еврею, одному пану и Архипу. Еврей съ паномъ хотѣли его обсчитать, но Архипъ разсердился и погрозилъ объявить начальству. Тѣ будто помирились и вышли вмѣстѣ изъ корчмы, но въ лѣсу ловко накинули на него петлю, скрутили руки и хотѣли убить. Еврей добылъ уже ножъ, но панъ побоялся большаго праздника, и они выкололи бѣдняку глаза и отрѣзали языкъ, а хату спалили со всѣмъ имуществомъ. Хорошо, что скоро люди нашли Архипа, а то истекъ бы кровью. Такія то дѣла дѣлались въ старые годы. Однако мнѣ пора къ своимъ.

— Ну, спасибо, сказалъ я. Вотъ тебѣ два рубля. Но зачѣмъ же вы пришли въ Хотинъ?

— Да видите, мы проходили въ Лядову, а какъ тѣмъ берегомъ кого-то розыскиваютъ и могутъ захватить и насъ за здорово живешь, такъ мы перебрались въ Калюсѣ въ райю, да и завернули въ Хотинъ на ярмарокъ. Теперь поплетемся въ Почаевъ. Насъ ходитъ четыре человѣка. Ну, прощайте, панъ, дай вамъ Богъ здоровья.

Когда часа черезъ два снова вышелъ я на ярмарку, народъ разъѣзжался, но между слѣпцами я уже не видѣлъ знакомыхъ нищихъ.

Вправо отъ базарной улицы отстраивается новая и здѣсь живетъ довольно липованъ, какъ называютъ въ Бессарабіи великорусскихъ выходцевъ - раскольниковъ, которые во время религіозныхъ гоненій перешли въ западныя губерніи, а частью въ Бессарабію, находившуюся тогда подъ властью Турціи. Въ сѣверной Бессарабіи старообрядцевъ очень немного. Я видѣлъ ихъ невдали отъ Днѣстра лишь въ селеніи Грубномъ, да въ Бѣлоусовкѣ — между Ломачинцами и Сокирянами. Въ Хотинѣ ихъ живетъ нѣсколько семействъ, занимающихся огородничествомъ и торговлей. Бытъ ихъ ни чѣмъ нерозится отъ быта великорусскихъ крестьянъ - старообрядцевъ, да и костюмъ, утварь, хозяйственныя орудія и принадлежности въ томъ же видѣ, въ какомъ вынесены ихъ предками. Народъ довольно подозрительный, необщительный, живутъ запершись, но промышленны и, несмотря на сильную конкуренцію евреевъ, хорошо обдѣлываютъ свои дѣла. Какъ водится, у нихъ обширныя сношенія со своими сектантами, которыхъ такъ много въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, а также и въ Австріи. Знакомецъ мой Янкель передавалъ мнѣ кое-что изъ ихъ быта,

на сколько можно было еврею проникнуть въ ихъ таинственныя сношенія. Но свѣдѣнія эти состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ контробандныхъ случаевъ, даже неинтересныхъ, и передачи вѣстей изъ дальнихъ русскихъ городовъ въ австрійскую Буковину и обратно.

Близость Подольской губерніи набросила и на Хотинъ легкій колоритъ своихъ городовъ и мѣстечекъ. Во-первыхъ сами евреи отличаются нѣсколько отъ бессарабскихъ собратовъ, т. е. немного уступчивѣе, промышленнѣе, а вовторыхъ есть въ городѣ хоть плохая ресторація и кандитерская. Разумѣется и та и другая отличаются грязью, тѣснотою, дурнымъ качествомъ произведеній, но для большинства оба эти заведенія вполнѣ удовлетворительны, и составляютъ даже гордость нѣкоторыхъ туземцевъ. Смѣшно было бы требовать хорошаго обѣда въ ресторации, куда въ день придетъ душъ десять, или желать вкуснаго мороженаго и шоколаду въ кандитерской, въ которой иной день не бываетъ ни одного посѣтителя; однако обѣдъ все же вы найдете и можете заказать шоколадъ и мороженое. Если я не ошибаюсь, главную поддержку для ресторации и кондитерской—составлялъ пѣхотный полкъ, квартировавшій въ Хотинѣ, (гдѣ постоянно есть войско); иначе при малочисленности высшаго сословія, которое имѣетъ столъ у себя дома, трудно было бы имъ существовать одними пріѣзжими. Да и рѣдкій проѣзжающій остановится безъ надобности въ Хотинѣ, по случаю близости Каменецъ-Подольска.

Высшее общество Хотина, состоящее изъ служащихъ чиновниковъ и небольшаго числа дворянъ, живущихъ въ городѣ, умноженное офицерами полка, имѣетъ единственное развлеченіе, и то зимою—танцовальные вечера въ собраніи. Увеселеніе это собственно относится къ молодежи или, лучше сказать, танцующимъ, а люди пожилые и нетанцующіе—имѣютъ единственное развлеченіе—преферансъ, которому и посвящаютъ свои досуги, какъ въ собраніи, такъ и на частныхъ вечерахъ, довольно оживленныхъ зимою, когда съѣзжаются окрестные помѣщики съ семействами, и рѣдкихъ лѣтомъ, когда остается одно городское общество. При мнѣ въ залѣ собранія былъ концертъ, на которомъ присутствовали многіе хотинскіе обитатели обоихъ половъ и разныхъ званій. Играла на фортепіано какая-то дѣвица, пріѣзжая изъ Каменецъ-Подольска, играла громко и вы-

зывала рукоплесканi, хотя ея игра ничѣмъ не отличалась отъ игры барышень, почерпающихъ свои музыкальныя познанiя въ стѣнахъ незатѣйливыхъ пансiоновъ. Музыка сама по себѣ не представляла никакого интереса, но рецензiи, раздававшiяся вокругъ, вознаграждали отсутствiе гармонiи и успокоительно дѣйствовали на душу. Большинство сводило на одну тему, что-де и это хорошо для уѣзднаго городка, но нѣкоторые не соглашались.

— Я недавно изъ Петербурга, говорилъ одинъ, и согласитесь, что для меня это просто дрянь.

— Ну, нельзя сказать дрянь, возражалъ другой, покручивая усы,—я вѣдь тоже лѣтомъ былъ въ Одессѣ и наслушался всякихъ музыкъ; нѣтъ, она выдѣлываетъ трели недурно.

— Господа, чтобы судить о музыкѣ, вмѣшивался третiй: надо имѣть о ней понятiе, а такъ нельзя дѣлать серьезныхъ заключенiй. Сколько я понимаю, эта артистка съ талантомъ. Послѣ первой пьесы подполковникъ сказалъ, что она заслуживаетъ одобренiя.

— Знаетъ много вашъ подполковникъ, говорилъ небрежно господинъ, бывшiй недавно въ Петербургѣ: полковой хоръ и концертъ большая разница.

Не смотря на разнорѣчивые толки, концертантка была осыпаема похвалами и рукоплесканiя не умолкали. Чтобъ не отстать отъ другихъ, я тоже усердно хлопалъ ей за удовольствiе, которое она доставила—видѣть хотинскую публику.

Впрочемъ видѣлъ я все хотинское общество по вечерамъ на музыкѣ, которая въ праздники, по распоряженiю полковаго командира, играла не на крѣпостной эспланадѣ, куда было далеко ходить публикѣ, а на площади новаго города. Вокругъ хора музыкантовъ ѣздило нѣсколько экипажей, разгуливали верхами офицеры, кто имѣетъ право носить шпоры, и ходило пѣшкомъ остальное человѣчество, описывая небольшой кругъ. По краямъ площади тѣснилось простонародье, между которымъ мелькали хорошенькiя еврейки, и разиня рты глядѣли прiѣзжiе руснаки, которые никогда не слыхали болѣе или менѣе согласнаго хора музыкантовъ.

Хотинскiй уѣздъ изобилуетъ дворянскимъ сословiемъ, и потому всегда въ городѣ есть прiѣзжiе помѣщики, являющiеся то за покупками, то въ присутственныя мѣста, то наконецъ просто

поиграть въ карты. Однажды мнѣ случилось видѣть въ полномъ свѣтѣ чрезвычайно интересную личность—представителя тѣхъ бессарабскихъ сутягъ, о которыхъ я слышалъ, но не имѣлъ случая встрѣтить. И дѣйствительно, подобная личность стоитъ внимательнаго изученія. Недалеко отъ Хотина лежитъ красивая деревня, доставшаяся по наслѣдству молодому помѣщику, съ которымъ я познакомился и въ домѣ котораго нашелъ истинное радушіе. Имѣніе было совершенно безспорное, и помѣщикъ ожидалъ только офиціальнаго ввода во владѣніе. Назначили день, и кромѣ необходимыхъ чиновниковъ молодой хозяинъ пригласилъ еще нѣсколько знакомыхъ провести у него цѣлый день въ деревнѣ, погулять по саду, полакомиться фруктами и наиграться въ преферансъ. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ. Дорогою онъ разсказывалъ мнѣ, что несмотря на правоту дѣла, есть одинъ ябедникъ, который имѣетъ притязаніе на имѣніе, завалилъ суды протестами, и все это, неопираясь ни на какое право, а просто изъ желанія сорвать у неопытнаго молодаго человѣка малую толику. Земскій начальникъ очень жалѣлъ, что мнѣ не удалось видѣть знаменитаго господина, какого, по его словамъ «со свѣчей поискать» въ цѣлой Бессарабіи. Подъѣзжая къ деревнѣ, мы видѣли какого то человѣка, который махалъ на насъ, но ямщикъ разогналъ лошадей, и мы не остановились на томъ основаніи, чтобы во первыхъ—не заставить себя ждать, а во вторыхъ, если крестьянинъ имѣлъ надобность, то до деревни нѣсколько десятковъ сажень, и онъ легко могъ отыскать земскаго начальника. Мы пріѣхали. По соблюденіи всѣхъ формальностей, помѣщикъ пригласилъ гостей къ завтраку, но не успѣли еще приступить къ столу, какъ на дворѣ раздался стукъ повозки. Прокуроръ выглянулъ въ окно и увѣдомилъ, что явился знаменитый сутяга. Всѣ переглянулись въ недоумѣніи, но я съ особеннымъ любопытствомъ устремилъ взоры на дверь, въ ожиданіи человѣка, который, дѣйствуя какъ истый врагъ противъ хозяина и не успѣвъ въ своихъ козняхъ, рѣшился пріѣхать на новоселье. Никто не тронулся съ мѣста. Въ дверь вошелъ небольшаго роста господинъ съ проседью, съ ястребиной физіономіей, и обвелъ присутствующихъ какимъ то нахальнымъ взоромъ, въ которомъ свѣтились и сожалѣніе о неудачѣ, и злоба, и вмѣстѣ вызывающая иронія.

— Позвольте и мнѣ поздравить васъ, обратился онъ къ хозяину.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ тотъ, но не прибавилъ ни одного слова, которыми такъ богатъ лексиконъ гостепріимнаго хозяина.

— А вы, господа, обратился прибывшій къ чиновникамъ: не смотря на мои протесты, ввели уже во владѣніе. Это не пройдетъ вамъ даромъ.

— Протесты ваши не имѣли никакого основанія, сказалъ земскій начальникъ, и мы очень хорошо знаемъ свои обязанности.

— Позвольте. Я нарочно поставилъ даже человѣка съ новымъ протестомъ у въѣзда въ деревню, чтобъ онъ вамъ отдалъ бумагу, но вы не заблагоразсудили даже остановиться. Прошу, господа, прислушать.

Всѣ улыбнулись, и хозяинъ предложилъ приступить къ завтраку. Что же вы думаете? знаменитый юристъ прежде всѣхъ налилъ себѣ рюмку водки, дѣятельнѣе всѣхъ работалъ ножемъ и вилкой, а за шампанскимъ, по видимому, усерднѣе прочихъ— желалъ хозяину всевозможныхъ успѣховъ, и хотя съ нимъ никто не разговаривалъ, однако онъ долго еще оставался съ нами, какъ ни въ чемъ небывало.

За городомъ на сѣверовосточномъ склонѣ днѣстровскаго берега лежитъ, нѣкогда грозная, а теперь упраздненная хотинская крѣпость съ древней генуэзской цитаделью. Конечно, во времена Сигизмунда при тогдашнемъ состояніи стратегіи и артиллеріи это было недоступная твердыня, но теперь ни самое положеніе ея вслѣдствіе высотъ, съ которыхъ въ нѣсколько часовъ можно разгромить ее, ни каменныя стѣны съ широкими рвами — не отвѣчаютъ условіямъ современной науки. Цитадель замѣчательна по необыкновенной крѣпости постройки. Это небольшое пространство, окруженное толстыми стѣнами съ башнями по угламъ, съ мостами, точно такой же архитектуры какъ и въ Сорокѣ, Бендерахъ и Аккерманѣ. Вокругъ крѣпость турецкая, со стѣнъ и въ окна которыхъ великолѣпный видъ на Днѣстръ, на Жванецъ, Брагу и на живописные ландшафты Подоліи, идущіе волнистою мѣстностью до самаго Каменца. Сохранились еще два минарета и колодезь сажень двадцать глубиною. По разсказамъ одного стараго руснака я искалъ мѣста, гдѣ стояла у турокъ

висѣлица, на которой болтались иногда райяне и евреи, но вѣроятно разсказчикъ мой ошибся и не зналъ, что со времени взятія крѣпости русскими, воздвиглись уже новыя строенія. Упраздненная крѣпость служитъ однакоже Хотину большимъ подспорьемъ, а именно въ ней размѣщается полкъ и квартированьемъ своимъ не стѣсняетъ жителей. Подобная льгота—обстоятельство чрезвычайно важное въ жизни города, какъ въ матеріальномъ, такъ и моральномъ отношеніяхъ. Въ своемъ мѣстѣ (Эконом. Указ. 1861 г.) я уже говорилъ объ этомъ, но не могу не замѣтить и здѣсь, что размѣщеніе войскъ въ особо устроенныхъ зданіяхъ и непремѣнно въ городахъ было бы одной изъ причинъ благосостоянія и городскихъ и сельскихъ обывателей. Вѣдь есть мѣстности, занимаемыя, вслѣдствіе стратегическихъ соображеній, постоянно войсками, а многимъ ли понятно—что значитъ для бѣднаго семейства держать на квартирѣ солдата или офицера. Эта натуральная повинность одна изъ самыхъ тяжелыхъ, и посмотрите какимъ лишеніямъ подвергается убогій обыватель въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а иногда и гораздо болѣе, смотря по обстоятельствамъ. У кого нѣтъ особой комнаты дать солдату, тотъ поневолѣ долженъ принять въ свою семью пришельца, который вмѣсто добраго гостя порою дѣлается самъ чуть ли не полновластнымъ хозяиномъ. Офицерскія квартиры тоже, въ свою очередь, бываютъ обременительны для обывателей, я говорю для бѣдныхъ, у которыхъ только и есть одна чистая комната, куда они пускаютъ жильцовъ за плату, и по причинѣ постоя должны лишиться заработка. Но я не стану дѣлать здѣсь очеркъ стѣснительнаго положенія обывателей при квартированьи войскъ, а повторю только, что лучше было бы и для страны и для самой арміи, если бы въ городахъ построить обширныя помѣщенія для полковъ со всѣмъ ихъ хозяйствомъ. Сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ самыхъ бѣднѣйшихъ жителей, что они охотнѣе готовы были бы платить особый налогъ, нежели отбывать квартирную повинность натурою. Смѣю увѣрить, что и нравственность сельскаго нашего поселенія была бы удовлетворительнѣе, судя по тому, что, не смотря на всѣ соблазны, она до сихъ поръ еще не весьма испорчена.

Хотинскіе мѣщане, вслѣдствіе захвата всѣхъ промысловъ и торговли евреями, не походятъ на мѣщанъ другихъ городовъ,

а скорѣе приближаются къ сельскимъ обывателямъ. Нѣкоторыя женщины только торгуютъ хлѣбомъ и фруктами на базарѣ, а мужчины по большей части занимаются крестьянскими работами.

Пристань у Днѣстра не представляетъ почти никакой дѣятельности. Плоты съ австрійскимъ и своимъ лѣсомъ проходятъ дальше, а мѣстные купцы пріобрѣтаютъ дерево лишь для своего обиходу. Переправа по почтовой дорогѣ на откупу у еврея, и я о ней сказалъ уже въ первой статьѣ; желательно было бы видѣть эту часть въ большемъ порядкѣ и съ меньшими злоупотребленіями. Вообще на бессарабскихъ переправахъ евреи дѣлаютъ буквально, что хотятъ, какъ бы насмѣхаясь надъ всевозможными постановленіями. Больно видѣть ихъ продѣлки съ простонародьемъ, и становится непостижимымъ—какъ на большой почтовой дорогѣ произволъ откупщика можетъ доходить до подобныхъ размѣровъ. Еврей, снявшій переправу, разсчитывающій на большіе барыши и неизвѣстно на что уповающій, употребляетъ всѣ способы не только выдрать послѣдній грошъ у крестьянина, но заставляетъ послѣдняго терять иногда нѣсколько часовъ времени,—и все это совершенно безнаказанно. Попробуйте пожаловаться на такого господина! Во первыхъ—кому вы пожалуетесь на берегу, а во вторыхъ рѣшитесь ли вы остаться лишнія сутки въ городѣ для принесенія своей жалобы. Но крестьянину это и физически невозможно по многимъ обстоятельствамъ. И здѣсь главную роль играетъ не еврейская раса, а просто неизлѣчимыя откупщичьи наклонности, которыя готовы обуять каждымъ, кто прикоснулся бы къ откупу и поотвѣдалъ его сладости въ какихъ бы то ни было формахъ. Мнѣ кажется, посадить на переправѣ не только бессарабскаго еврея, но и какого нибудь мужа съ бритой физіономіей, постящагося даже по средамъ и пятницамъ,—и тотъ не преминетъ извлечь что можно и притѣснить безголосую и беззащитную личность. На переправы, покрайней мѣрѣ, на большихъ дорогахъ, слѣдовало бы обратить вниманіе и отстранить произволъ, который нагло и грубо обираетъ проѣзжихъ и, гдѣ нужно, прикрывается формальностями. Къ сожалѣнію, у насъ горе простолюдину, какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ переправахъ; вездѣ онъ платитъ дань незаконнымъ поборамъ, и малѣйшій протестъ съ его стороны оканчивается или потасовкой за сопротивленье порядку (?!) или суточнымъ ожиданіемъ очереди на берегу, что иной

разъ для него хуже потасовки. Я это говорю не ради желанія придать разнообразіе своимъ статьямъ, наводя читателя на мысль, что де я видѣлъ много, а дѣйствительно потому, что живя долго у рѣкъ, имѣлъ возможность присмотрѣться къ такимъ поступкамъ на переправахъ, которые неизвѣстны даже и тому, кто самъ переправляется черезъ рѣки въ покойномъ экипажѣ или по казенной надобности.

Днѣстръ и въ верховьяхъ нельзя назвать нерыбною рѣкою, потому что въ немъ водятся: осетры, севрюга, стерляди, сазаны, судаки, вырезубы, но рыболовство здѣсь вообще не въ цвѣтущемъ состояніи или, лучше сказать, оно не служитъ предметомъ исключительнаго промысла. Въ межень Днѣстръ необыкновенно мелокъ, дно имѣетъ каменистое и представляетъ большія затрудненія для рыболова; зимой, когда онъ покрывается льдомъ, рыболовство, по причинѣ мелизны тоже неудобно,—слѣдовательно остается, только время половодья, бывающее два раза въ годъ — весною и осенью. Но разливы Днѣстра, не смотря на изобиліе рыбы въ рѣкѣ, представляютъ рыбакамъ не малый трудъ по причинѣ весьма быстраго теченія. Достаточно взглянуть на мѣстныя рыбачьи лодки—неуклюжія, четыреугольныя корыта, въ которыхъ вѣроятно разъѣзжали еще Даки, чтобы судить о неразвитіи рыбопромышленности. Въ подобной посудинѣ можно еще плавать, опираясь шестомъ, въ межень; но когда рѣка принимаетъ бурный характеръ, то въ этомъ корытѣ, погоняемомъ вмѣсто весла коротенькой лопаткой, нельзя рѣшиться даже отвалить отъ берега. Мнѣ разсказывали въ Буковинѣ, что въ Хотинѣ есть искусные рыболовы и потому, остановясь въ этомъ городѣ, я собирался посвятить нѣкоторое время, на изученіе предмета. Съ этою цѣлью я началъ направлять прогулки свои по берегу Днѣстра, но при видѣ жалкихъ челноковъ, которыхъ нигдѣ уже невозможно встрѣтить даже на прудахъ, я возъимѣлъ подозрѣніе, что поиски мои напрасны, въ чемъ, къ сожалѣнію, и убѣдился самымъ положительнымъ образомъ. Днѣстръ единственная у насъ судоходная и рыбная рѣка, на которой рыболовство почти что до Лимана въ довольно печальномъ положеніи: въ верховьяхъ по причинѣ мелизны, въ низовьяхъ по какой то нелюбви береговыхъ жителей, особенно молдаванъ, къ промыслу, который, безъ сомнѣнія, могъ бы приносить значительную при-

былъ. Впрочемъ Днѣстръ и въ отношеніи судоходства представляетъ рѣдкій примѣръ апатіи. Объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Рыболовство, напримѣръ, на Днѣпрѣ, не взирая даже на стѣсненія, идетъ своимъ чередомъ, и если не вездѣ обогащаетъ, то прокармливаетъ многихъ, а на Днѣстрѣ имѣетъ видъ какого-то дилетантизма. И здѣсь нельзя приложить закона политической экономіи о запросѣ и предложеніи. Рыба никогда не остается нераскупленной, напротивъ берутъ ее на расхватъ и сосѣдніе помѣщики, а преимущественѣе евреи. Но за то, по странному стеченію обстоятельствъ, здѣсь приложили чисто свѣтское правило «такъ принято», и надобно то еще сказать, что руснаки ловятъ кое-какъ рыбу, но молдаване рѣдко занимаются этимъ промысломъ, такъ что пониже Бендеръ, гдѣ уже Днѣстръ очень глубокъ, пріѣзжаютъ для рыболовства старообрядцы и покупаютъ право у молдавскихъ деревень, которыми усѣянъ правый берегъ, начиная отъ Атакъ и до самаго Лимана, да и на лѣвомъ отъ Дубоссаръ идетъ это же племя.

Остается мнѣ сказать объ окрестностяхъ Хотина, заслуживающихъ болѣе или менѣе вниманія. Въ осьми верстахъ отъ города къ западу, по прямой дорогѣ въ Клишковци, влѣво, противъ Недобоевцовъ, лежитъ деревенька Ставучаны, извѣстная по битвѣ и побѣдѣ, одержанной Минихомъ надъ турками. Единственные памятники послѣ этой битвы—окопы и небольшіе курганчики, разсѣянные по полю, гдѣ мирно растетъ теперь кукуруза. Объ этомъ событіи никто теперь не помнитъ и нѣтъ никакихъ преданій. Въ прежне время находили обломки оружія, ядра, вырывали кости, но теперь все это встрѣчается очень рѣдко. Осмотрѣвъ поле битвы, я прямо отправился въ Клишковци къ старику, который передавалъ мнѣ многое о туркахъ, и послѣ дружескихъ привѣтствій упрекнулъ его за умолчаніе о такомъ важномъ происшествіи...

— Какъ же, сказалъ онъ, москаль тамъ разбилъ турка, да я, помнится, говорилъ вамъ объ этомъ.

— То-то, что не говорилъ.

— Окопы есть еще и теперь, а прежде были выше. Я не занаю, а покойный батько сказывалъ, что когда палили изъ гарматъ (орудій), у насъ въ клишковцахъ стеклы бренчали въ окнахъ. Трусъ былъ большой.

—А не разсказывалъ ли отецъ еще чего нибудь?

— Говорилъ, что наши Клишковскіе турки прятали въ лѣса женъ и хозяйство.

Изъ двухчасовой бесѣды со старымъ руснакомъ я не вынесъ однако же никакого интереснаго свѣдѣнія.

Въ заключеніе о Хотинѣ могу сказать мое личное мнѣніе, что это городъ по преимуществу еврейскій, и я не знаю—суждено ли ему торговое развитіе, если со временемъ понизится тарифъ, и свободная торговля убьетъ контробанду. Во всякомъ случаѣ онъ не выдержитъ соперничества съ Каменецъ-Подольскомъ, и хоть лежитъ надъ судоходной рѣкой, однако австрійскія суда проходятъ мимо, а мѣстныхъ продуктовъ недостаточно для дѣятельности купцевъ, особенно, если скоро будутъ истреблены лѣса въ нашей Буковинѣ.

ГЛАВА IV.

Днѣстръ. Жванецъ. Историческія свѣдѣнія. Мошинецъ. Вечеръ у посессора. Контробанда. Посѣщеніе незнакомаго еврея. Нагоряне. Преданіе о Тоболтокѣ. Бузовица. Богатая невѣста. Молодые парни. Комарово. Преданіе о Бальбинѣ. Поѣздка въ Студеницу. Древности. Встрѣча съ богомольцами. Сцена на утесѣ.

Селенія и деревни по днѣстровскому побережью отличаются красотой мѣстоположенія, и потому было бы излишнимъ вдаваться въ описаніе великолѣпныхъ пейзажей, столь интересныхъ подъ кистью художника и такъ однообразныхъ и утомительныхъ подъ перомъ туриста. Днѣстръ имѣетъ ту особенность, что течетъ между скалистыми берегами, а ничто столько не придаетъ красоты картинѣ какъ утесы, окруженные богатой растительностью. Даже тамъ, гдѣ обрывы непокрыты лѣсомъ, оригинальныя формы камней и очертанія скалъ, нависшихъ надъ водою, при всей суровости своего характера, сообщаютъ мѣстности много живописнаго. Не разъ мнѣ, да и вѣроятно не одному изъ читателей, приходилось слышать восклицанія восторга при самомъ обыкновенномъ пейзажѣ, конечно отъ людей, постоянно жившихъ въ городѣ. Но что же сказали бы при видѣ днѣстровскихъ береговъ люди, которые восхищаются окрестностями болотной рѣченки и убогими группами жалкихъ деревьевъ, разбросанныхъ возлѣ навознаго поля! Слова нѣтъ, и бѣдный пейзажъ, напримѣръ въ окрестностяхъ Петербурга, не лишенъ пріятности, но такіе виды, какъ по Днѣстру—можно развѣ найдти въ европейской Россіи въ Крыму да въ Финляндіи.

Да не упрекнетъ меня читатель въ пристрастіи къ приднѣстровскому побережью: вопервыхъ я не уроженецъ тѣхъ мѣстъ, вовторыхъ поѣздилъ довольно по южной и западной Россіи, а въ третьихъ посѣтилъ Бессарабію уже въ тѣ годы, когда прошла пора безотчетныхъ увлеченій, въ которую видится все въ розовомъ цвѣтѣ и сквозь призму очарованія. Положа руку на сердце,

я говорю, нѣкоторыя мѣста надъ Днѣстромъ такъ хороши, что просятся на полотно и съ нетерпѣніемъ ждутъ даровитаго пейзажиста. Я даже не увлекался ими съ точки зрѣнія живописца, потому что не рисую, но онѣ благотворно дѣйствовали на душу во время одинокихъ скитаній, и когда какая нибудь людская выходка возмущала, красоты природы вѣяли на меня чѣмъ то, если не примирительнымъ, то успокоивающимъ. Кто самъ занимался изученіемъ народнаго быта, кто принималъ близко къ сердцу судьбы и интересы «меньшихъ братій», тотъ знаетъ, что немного веселаго выпадаетъ на долю наблюдателя. Въ моихъ путешествіяхъ по невѣдомымъ селамъ, развлеченія не представлялось никакого; слѣдовательно роскошный пейзажъ былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ, и я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на какомъ нибудь утесѣ надъ Днѣстромъ, любуясь и закатомъ солнца и луною, столь злобно осмѣянною прежними критиками, но тѣмъ не менѣе прекрасною, когда она плыветъ по темно-голубому южному небу.

Здѣсь считаю необходимымъ оговориться, что преимущественно жилъ я по правому бессарабскому берегу, а лѣвый или подольскій и херсонскій посѣщалъ по временамъ, разсчитывая пожить подольше и тамъ въ свою очередь, но вскорѣ былъ отозванъ для исполненія другой обязанности (*). Вслѣдствіе этого я буду говорить не о многихъ мѣстностяхъ Подольской губерніи, за то могу сообщить историческія свѣдѣнія, благодаря польскимъ источникамъ, въ которыхъ занесены малѣйшія деревеньки, входившія въ составъ того или другаго воеводства.

Такъ напримѣръ, разставаясь съ Хотиномъ, я немогу неупомянуть о мѣстечкѣ Жванцѣ, лежащемъ на противоположномъ берегу на самой переправѣ, довольно жалкомъ мѣстечкѣ, но игравшемъ важную роль во время хотинской войны—одного изъ кровавыхъ эпизодовъ польской исторіи.

«Въ 1431 году это была деревня, подаренная Ягелломъ дворянину Свичку изъ Лечина, который продалъ ее Теодорику Язловецкому. Во время хотинской войны гетманъ Ходкевичъ въ 1621 году въ началѣ августа началъ недалеко наводить мостъ черезъ Днѣстръ, какъ разнеслась вѣсть, что гетманъ приказалъ разорить Жванецъ—наслѣдіе Калиновскихъ. Лакомый до грабе-

(*) См. Мор. Сбор. іюльская книжка оф. отд. стр. 93.

жей, лагерный сбродъ ограбилъ и разорилъ не только мѣстечко, но и нѣсколько окрестныхъ селеній. 3 сентября переправился здѣсь королевичъ Владиславъ, желая ободрить отрядъ, стоявшій подъ Хотиномъ; армія же его могла переправиться только 6-го, на плотахъ и лодкахъ. По заключеніи мира голодное и изнеможенное войско, возвратившееся съ останками Яна Карла Ходкевича, отдыхало 13 октября подъ Жванцемъ. Новый владѣлецъ, Станиславъ Лянцкоронскій, каштелянъ галицкій, началъ отстраивать Жванецъ, что и подтвердилъ Владиславъ IV, тѣмъ охотнѣе, какъ выражается онъ въ привелегіи, «что мѣстечко пограничное и укрѣпленное съ немалыми издержками». Владиславъ ввелъ магдебургское право, далъ магистрату печать съ гербомъ (необъяснено какую), разрѣшилъ по понедѣльникамъ базары и 4 ярмарки въ годъ; на нѣкоторыя дозволилъ пріѣзжать людямъ всѣхъ сословій и *вѣроисповѣданій*. Желая отомстить козакамъ за пораженіе подъ Батогомъ, Янъ Казиміръ едва сталъ здѣсь осенью 1653 г., какъ увидѣлъ себя окруженнымъ войсками Хмельницкаго и татарами. Постоянные труды, стычки и болѣзни, опустошавшія ряды, предсказывали полякамъ окончательную гибель. Пришлось наконецъ заключить миръ съ татарами, обѣщавъ имъ выплатить 100000 червонцевъ въ теченіе полугода. По уходѣ своихъ союзниковъ и козаки примирились, выговоривъ себѣ сохраненіе зборовскаго трактата. Въ началѣ августа 1672 г., подвигаясь внутрь края, турки овладѣли мѣстечкомъ. Занятый мыслью завоеванія Молдавіи, Янъ III, остановясь подъ Жванцемъ въ 1684 г., велѣлъ наводить мостъ; по случаю прибыли воды, долженъ былъ отмѣнить походъ, и только въ слѣдующемъ году перешелъ черезъ Днѣстръ съ войскомъ. Посланный въ 1688 г. для освобожденія Каменца отъ турокъ великій гетманъ коронный Яблоновскій, соединясь съ великимъ гетманомъ литовскимъ Сапѣгой, построилъ здѣсь войско въ боевой порядокъ и такимъ образомъ устремился на крѣпость, отбиваясь отъ многочисленныхъ ордъ татарскихъ. По возвращеніи отъ турокъ въ 1699 году, Подолія начала дышать свободнѣе, и Жванецъ началъ населяться преимущественно армянами, оживившими торговлю и промышленность. Но во время барской конфедераціи мѣстечко снова подверглось страшному опустошенію, что видно изъ постановленія сейма 1775 г. «Наслѣдственный городъ Матвея Лянцкоронскаго, брацлавскаго воеводы, во время войны проходившими войсками

сожженъ до основанія, такъ что гдѣ было цвѣтущее населеніе съ замкомъ, тамъ теперь торчатъ однѣ печальныя развалины. Желая помочь такому упадку, и чтобы разсѣянные жители могли удобнѣе собраться и устроиться на развалинахъ, возстановить торговлю и дойти до прежняго положенія, увольняемъ городъ съ окрестностями отъ всѣхъ общественныхъ податей на 12 лѣтъ, съ 1769 г. включительно.» Во время пребыванія своего въ Каменцѣ, въ 1781 г., король Станиславъ-Августъ пріѣзжалъ сюда 14 ноября для обозрѣнія опустошеннаго замка и хотинской крѣпости, лежащей на противоположномъ берегу Днѣстра» (Starożytna Polska pod względem historycznym jeograficznym i statystycznym, opisana przez Michała Balińskiego i Tymoteusza Lipińskiego, T. II, стр. 949—951).

Теперь это мѣстечко съ древнимъ костеломъ, бывшимъ армянскимъ (*) и развалинами стариннаго укрѣпленія, на скалистомъ берегу Днѣстра, населено преимущественно евреями, которые торгуютъ всевозможными товарами, необходимыми простолюдину. Здѣсь же внизу большая лѣсная пристань, куда пристаютъ плоты, идущіе изъ Австріи съ еловымъ лѣсомъ. Вся главная улица вдоль большой Каменецкой дороги застроена еврейскими корчмами и заѣздными домами. На окраинѣ мѣстечка живутъ крестьяне довольно бѣдно и вступаютъ съ евреями въ соперничество по торговлѣ, но только торгуютъ съѣстными припасами. Еврей-старожилъ, у котораго я останавливался, доказывалъ— и я охотно ему вѣрю, — что какимъ бы промысломъ ни заниматься въ Жванцѣ, только что можно прожить и свести концы съ концами. Мѣстечко это, стоящее близко между Каменцемъ и Хотиномъ, имѣетъ лишь нѣсколько дней въ году прибыльныхъ для торговли—это во время наводненія Днѣстра, въ продолженіе котораго нѣтъ переправы. Вопервыхъ, всѣ проѣзжіе останавливаются по заѣзднымъ домамъ, а во-вторыхъ цѣны на всѣ предметы удвоиваются мгновенно. Мнѣ случилось однажды захватить лишь нѣсколько часовъ этой невзгоды. Вода шла быстро на убыль, но нельзя еще было разсчитывать на переправу раньше вечера, и я пріостановился въ заѣздномъ домѣ. Дѣло происходило въ полдень.

— Есть станція (комната)? спросилъ я у іудея, который встрѣ-

(*) Объ армянахъ я скажу подробнѣе при описаніи Могилева-подольскаго.

тилъ меня съ униженными поклонами, какъ всякаго, и съ привѣтливой улыбкой, какъ знакомаго.

— Есть отличная.

— Что возьмешь?

— Сами знаете.

— По-старому—полтинникъ?

— Нѣтъ, теперь не такое время.

— Почему же?

— Сами видите, нѣтъ переправы.

— Такъ что же?

— Нельзя меньше кербеля (рубль).

— За что же вдвое и притомъ только до вечера?

— Съ васъ по знакомству пять злотыхъ (75 к.), а меньше ни копѣйки.

За самоваръ была цѣна двойная, на базарѣ все возвысилось, самый хлѣбъ поднялся, однимъ словомъ Жванца нельзя было узнать въ ту минуту. И между тѣмъ все приняло веселый, праздничный видъ, всѣ туземныя лица улыбались, только морщились пріѣзжіе да съ нетерпѣніемъ посматривали на пристань. Когда можно уже было переправиться, хозяинъ явился съ предложеніемъ остаться на ночь по случаю опасности, но конечно онъ имѣлъ въ виду собственную выгоду. Я однако же предпочелъ уѣхать въ Хотинъ, заплативъ за свой отдыхъ рубля два слишкомъ, считая только самоваръ, хлѣбъ, квартиру и яичницу—сумма, за которую въ другое время можно прожить покрайней мѣрѣ трои сутки.

Пониже Хотина маленькія береговыя деревеньки не представляютъ особаго интереса и только самъ Днѣстръ любопытенъ въ томъ отношеніи, что даетъ нѣсколько крутыхъ оборотовъ и буквально извивается змѣею. Причиной этихъ изумительныхъ изгибовъ на такомъ маломъ разстояніи—должно быть каменистая почва, потому что иначе рѣка прорыла бы себѣ русло въ прямомъ направленіи, сокративъ значительно путь, и не бросаясь въ разныя стороны. Ничего нѣтъ любопытнѣе какъ стоять на берегу и смотрѣть на плоты и галеры, пробѣгающіе по Днѣстру на этой мѣстности. Три раза дѣлаютъ они значительный зигзагъ и, употребивъ около сутокъ, проплывя верстъ тридцать, выходятъ на прямое теченіе верстахъ въ шести противъ начала зигзаговъ, подвергаясь въ свѣжую погоду непріятности наткнуться

на мель при крутыхъ поворотахъ, весьма неудобныхъ для такой посудины какъ днѣстровская галера и для такой штуки какъ плотъ, почти что находящійся во власти теченія. Иногда при противномъ вѣтрѣ суда едва пройдутъ въ двои сутки эти извилины и вечеромъ на другой день бросаютъ якорь, чуть не въ виду того мѣста, откуда отвалили вчера на разсвѣтѣ. Впрочемъ Днѣстръ извилистъ не только здѣсь, онъ имѣетъ множество болѣе значительныхъ извилинъ даже въ низовьяхъ, напр. возлѣ Бендеръ, гдѣ уже дѣйствительно затрудняется судоходство.

Изъ нѣсколькихъ прибрежныхъ мѣстъ, обратившихъ на себя мое вниманіе, первая деревня была — Мошинецъ верстахъ въ двадцати пяти ниже Хотина, гдѣ я и останавливался съ цѣлью взглянуть оттуда на окрестность. Положеніе ея для меня казалось тѣмъ интереснѣе, что близко пролегаетъ транспортная дорога, а мошинецкая корчма, стоящая на этомъ трактѣ, служитъ иногда сценой для интересныхъ приключеній. Мошинецъ мнѣ памятенъ по двумъ обстоятельствамъ: первое, что тамъ я нѣсколько познакомился съ молдавскимъ помѣщичьимъ бытомъ, а второе—на моихъ глазахъ случилась значительная поимка контробанды. Въ первый проѣздъ мой я не былъ у владѣльца, но на возвратномъ пути побывалъ у поссесора, образованнаго молдавана, познакомясь съ нимъ въ Хотинѣ и давъ слово посѣтить его.

Это было въ первыхъ числахъ сентября. Я выѣхалъ изъ Хотина, имѣя впереди большой деревенскій праздникъ въ одномъ береговомъ селеніи, и располагая нѣсколькими свободными днями, разсчитывалъ провести ихъ съ пользою, присматриваясь къ осеннему хозяйству руснаковъ. Погода, однакоже, начинала портиться и тучи со всѣхъ сторонъ заволакивали небо, что наводило на меня не совсѣмъ утѣшительныя мысли. Въ городкахъ я еще не приходилъ въ отчаяніе во время дождя или бури, потому что имѣлъ болѣе или менѣе просторную квартиру и могъ заниматься, цѣлый день не выходя изъ дому и неподвергаясь лишеніямъ. Но въ деревняхъ другое дѣло: здѣсь дождливая погода бывала для меня мученіемъ, не представляя пространства даже въ нѣсколько шаговъ, по которому можно было бы походить хоть съ полчаса, не говоря уже о томъ, что единственнымъ развлеченіемъ служили прогулки по окрестностямъ. Конечно пытка никогда не продолжалась долго: непогода на этой мѣстности не имѣетъ привычки гостить нѣсколько дней сряду, но тѣмъ не

менѣе въ самыя засухи, когда все населеніе ожидало дождя, какъ благодати, я питалъ эгоистическое желаніе, чтобъ тучи проходили мимо или покрайней мѣрѣ ночью дѣлали свое дѣло.

Прибылъ я въ Мошинецъ подъ вечеръ и проѣзжая на квартиру мимо владѣльческаго дома, увидѣлъ на дворѣ нѣсколько экипажей, свидѣтельствовавшихъ о собраніи гостей у поссесора. Пріѣзжіе кучера, лакеи и домашняя прислуга шныряли по двору, и это усиленное движеніе обѣщало мнѣ вечеръ, полный занимательности и разнообразія. Пока вносили и располагали мое маленькое дорожное хозяйство, старикъ хозяинъ раза два входилъ ко мнѣ въ хату и видимо хотѣлъ сказать что-то, но какъ бы не желалъ имѣть посторонняго свидѣтеля. Я выслалъ своего слугу и рѣшился дать старику аудіенцію. Это былъ высокій руснакъ съ длинными сѣдыми локонами и замѣчательной физіономіей.

— Что тебѣ, дѣдушка? спросилъ я.

— А вотъ смотрю—все ли въ порядкѣ, и признаться, у меня есть къ вамъ просьба.

— Очень радъ, если могу быть полезенъ. Въ чемъ же дѣло?

— Когда вы прошлый разъ ѣхали по берегу, я хотѣлъ просить васъ, да вы недолго были въ Мошинцѣ. Вѣдь вы изъ Петербурга?

— Да.

— Посланы по важнымъ дѣламъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, дѣдушка: мое первое дѣло—не вмѣшиваться ни во что, а только присматриваться какъ живутъ люди по Днѣстру, чѣмъ занимаются, замѣчать рыболовство, судоходство, одежду, обычаи, пѣсни...

— И будто за этимъ только нарочно посылаютъ изъ Петербурга? Ну, да вы лучше знаете зачѣмъ посланы, проговорилъ старикъ.

— Однако, садись пожалуста и разскажи мнѣ свою надобность.

Хозяинъ долго несоглашался воспользоваться моимъ приглашеніе и сѣлъ только тогда, когда я объявилъ положительно, что иначе его не выслушаю.

— Я бывшій волостной голова, сказалъ онъ, и нахожусь подъ судомъ.

При этомъ онъ выразительно и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Какая же причина?

— Да видите, я думаю, вы слышали, что у насъ пропалъ хлѣбъ изъ общественнаго магазина.

— Не слышалъ.

— Ну, онъ пропалъ—это правда.

— Какъ же? украли?

— Нѣтъ, просто его продали.

— Безъ согласія общества?

— Да развѣ у насъ когда спрашиваютъ общество?

— Хорошо. Продали, а деньги?

— Деньги получили.

— Развѣ обществу нужно было на какіе-нибудь расходы?

— Общество всегда нуждается, но этихъ денегъ оно не видѣло.

— Гдѣ же они дѣвались?

Руснакъ молчалъ.

— Кто же распорядился?

Руснакъ молчалъ.

— Кто же продавалъ?

— Я.

— По своей волѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ и ты поживился?

— Поживился-то мало, а отвѣтъ большой.

Послѣ долгихъ разспросовъ старикъ передалъ мнѣ любопытный фактъ—какъ, при наружномъ самоуправленіи, бессарабскіе царане подчинены деспотизму уѣздной администраціи. Незаконная продажа хлѣба совершилась много лѣтъ назадъ, произведено было слѣдствіе, но судъ какъ-то медлилъ рѣшеніемъ.

— Что же тутъ дѣлать, сказалъ я хозяину, когда ты кругомъ виноватъ, когда, исполняя незаконное приказаніе, ты очень хорошо зналъ какой подвергаешься отвѣтственности?

— Нашъ братъ глупъ, да хоть и не глупъ—разсуждать несмѣетъ.

— А если бы тебѣ приказано было убить человѣка: рѣшился бы ты на это?

— Нѣтъ.

— Точно такъ можно не выполнить и другаго беззаконнаго приказанія. Общественная сумма или имущество принадлежатъ

обществу, и расходовать ихъ иначе нельзя какъ по письменному приказанію.

— Все это теперь я знаю, да сдѣланнаго не воротишь. А не можете ли вы пособить...

— Не могу, да и никогда не рѣшился бы ходатайствовать о нечистомъ дѣлѣ.

— Вѣдь всѣ пользуются.

— И нечестно поступаютъ.

— Многимъ сходитъ съ рукъ.

— А вотъ видишь, что не всегда. Нѣтъ, любезный, не мое дѣло мѣшаться, и скажу тебѣ откровенно, что для меня нѣтъ ничего гаже какъ подобные поступки. Помочь бѣдняку совѣтомъ и дѣломъ я готовъ, но покрывать мерзости никогда нерѣшился бы, еслибъ даже и имѣлъ къ тому возможность.

Хозяинъ ушелъ отъ меня, понуривъ голову, и не возобновлялъ болѣе разговора, избѣгая даже встрѣчи со мною.

Еслибы подробнѣе вникнуть въ дѣйствія мірскихъ властей въ Бессарабіи и дойти до иниціаторовъ, можно бы написать нѣсколько любопытныхъ страницъ о бытѣ народа, который оффиціально благоденствуетъ внѣ крѣпостнаго права, а въ сущности несъ и несетъ иго, хитро опутанный цѣлой системой вопіющихъ угнетеній. Волостной голова полный хозяинъ своей волости, и въ эту должность избираются люди не выраженіемъ свободной воли поселенія, а вслѣдствіе желанія мѣстныхъ властей, переданнаго весьма просто разными клевретами. Выборъ головы обстоятельство очень важное, какъ для полиціи, такъ и для помѣщиковъ, которые при малѣйшемъ столкновеніи съ царанами должны прежде всего прибѣгать къ посредству волостнаго головы, обязаннаго блюсти обоюдные интересы. Цѣль прекрасная, но какъ многія у насъ цѣли — примѣненіемъ своимъ повлекшая дѣло въ тотъ безвыходный хаосъ, который всей тягостью палъ на крестьянина. Бюрократія наша, съ поконъ вѣку изощрявшаяся придавать требуемую законную форму даже беззаконнымъ дѣйствіямъ, и здѣсь не отступила отъ своихъ вѣковыхъ пріемовъ, и выборъ въ головы независимо отъ мѣстныхъ властей прикрывается маской свободнаго избранія, такъ что самый взыскательный ревизоръ не въ состояніи найдти никакихъ неисправностей. Между тѣмъ голова назначается предварительно властями съ согласія помѣщиковъ, которые сильно этимъ заинтересованы, потому

что если волостной голова на сторонѣ владѣльцевъ, тогда ихъ противузаконныя дѣйствія и поступки относительно крестьянъ не выходятъ за предѣлы волости, и рѣдко достигаютъ земскаго начальника, которому и некогда разсматривать мелкихъ происшествій, подлежащихъ разбирательству волостнаго правленія. Однимъ словомъ, бѣдный царанинъ поставленъ въ такое положеніе, что въ мое время нѣсколько деревень, услышавъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Имперіи, просили о дозволеніи выселиться изъ Бессарабіи, что было сочтено бунтомъ и окончилось введеніемъ военной команды. Не могу не сказать еще разъ, что бессарабскій владѣльческій крестьянинъ буквально притѣсненъ и нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ своихъ положеній, составленныхъ давно въ ущербъ его интересамъ. Самая личная свобода его, опредѣленная положительнымъ закономъ, съ самыхъ же первыхъ поръ утратила настоящій смыслъ свой, потому что помѣщику предоставлено право наказать его извѣстнымъ числомъ ударовъ за нерадѣніе и неповиновеніе. Понятно, что при своевольномъ толкованіи двухъ послѣднихъ словъ, каждый крестьянинъ ежедневно можетъ быть наказанъ помѣщикомъ, и если бы послѣдній раздавалъ въ точности только опредѣленное количество ударовъ, и тогда царанину приходилось бы нелегко, потому что ударъ удару рознь. Но не всегда и не вездѣ владѣльцы злоупотребляютъ своимъ правомъ. Тѣлесное наказаніе безъ суда недолжно бы существовать въ Бессарабіи, и хоть трудно предположить всеобщую добросовѣстность и гуманность судей, однако все-таки судъ лучше владѣльческаго или поссесорскаго произвола, который самъ собою ограничится весьма нескоро, если не уничтожится путемъ административнымъ. Въ Бессарабіи, какъ я уже сказалъ въ первой главѣ, сословіе помѣщиковъ и поссесоровъ состоитъ чуть не изъ всѣхъ племенъ населяющихъ имперію, а потому и нельзя ожидать сочувствія между владѣльцами и народомъ, тѣмъ болѣе, что оба эти элемента стремятся къ діаметрально противоположнымъ интересамъ. И вы не считайте царанина свободнымъ хлѣбопашцемъ на помѣщичьей землѣ, невѣрьте тому, кто вздумалъ бы опровергать меня печатно, ссылаясь на законы: по крайней мѣрѣ въ настоящемъ поколѣніи феодализмъ не утратилъ еще всѣхъ своихъ прерогативовъ, и царанину,— какъ бы ни былъ онъ притѣсненъ, — трудно найдти защиту.

Стоитъ пожить нѣсколько времени въ Бессарабіи, вникнуть во взаимныя отношенія царанъ и владѣльцевъ, истина выкажется сама собою безъ всякихъ объясненій. Знаю, что вооружу этимъ многихъ противъ себя, тѣмъ болѣе, что едва ли не единственно мнѣ выпало на долю посѣтить далекіе уголки Бессарабіи не по служебному порученію, но я увѣренъ вполнѣ, что нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ жителей области, положа руку на сердце, не заподозрятъ меня въ искаженіи правды. Было тоже и при началѣ нашего крестьянскаго вопроса: нѣкоторые образованные даже люди недружелюбно смотрѣли на мои статьи, направленныя противу помѣщичьяго произвола, порожденнаго крѣпостнымъ правомъ, а послѣ соглашались, и, я убѣжденъ, искренно сочувствовали паденію этого неестественнаго порядка вещей, противнаго духу религіи и гуманности. Дѣйствительно бессарабскіе царане, по положенію, живутъ у владѣльца на взаимномъ договорѣ, но, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, договоръ этотъ придуманъ довольно хитро, такъ что царанину нѣтъ выхода, и помѣщикъ можетъ притѣснить его разнообразными способами.

Хозяинъ мой, бывшій голова, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ собратовъ, но попалъ подъ судъ по особымъ причинамъ, сложившимся уже вслѣдствіе алчности мѣстныхъ властей, которыхъ онъ былъ только орудіемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что могъ сдѣлать голова вопреки приказаніямъ начальства? Конечно онъ очень хорошо зналъ, что общественный хлѣбъ продавался съ противозаконной цѣлью, но не менѣе того крестьянину небезъизвѣстно, что если начальство рѣшается на злоупотребленія, то не безъ надежды на благополучный исходъ дѣла. Должностной крестьянинъ посвященъ во всѣ тайны закулисной жизни мѣстныхъ властей, и требовать отъ него добросовѣстности было бы даже нелогично, принявъ во вниманіе тѣ отступленія отъ закона, которыя видитъ онъ и даже исполняетъ по долгу подчиненнаго, изыскивая уже нерѣдко самъ различныя лазейки для своихъ корыстныхъ цѣлей. Положеніе волостнаго головы при подобной обстановкѣ представляетъ много интересовъ для простолюдина, а въ особенности много случаевъ поживиться, отчего, какъ мы видимъ зачастую, не прочь и высшія сословія. Положимъ, въ головы избираютъ преимущественно богатыхъ обывателей, какъ бы съ цѣлью, что подобный человѣкъ не

будетъ столько падокъ на «презрѣнный металлъ», но люди созданы съ неограниченными желаніями, и самъ Ротшильдъ, владѣющій сотнями милліоновъ, стремится же къ увеличенію громаднаго капитала. Мошинецкій мой хозяинъ, какъ мнѣ разсказывали, нажилъ было порядочное состояніе, о чемъ и я еще могъ судить по значительнымъ хозяйственнымъ постройкамъ, но въ то время фонды его уже сильно истощились, а что главное—онъ былъ нелюбимъ своими односельцами. Впослѣдствіи я заводилъ о немъ разговоръ съ нѣкоторыми сосѣдями, и они единодушно говорили, что чужое добро въ прокъ нейдетъ, а мірскія слезы рано ли поздо отзовутся.

Подъ вечеръ отправился я къ поссесору Бибери, молдавану, окончившему курсъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, въ надеждѣ потолковать съ нимъ о хозяйствѣ и взглянуть на общество пріѣзжихъ гостей, изъ которыхъ иные были изъ глубины Бессарабіи. Господскій домикъ очень небольшой, но прилично убранный, былъ освѣщенъ, и вокругъ самовара кипѣла молдавская бесѣда, прерываемая звономъ стакановъ и непринужденнымъ хохотомъ. Хозяинъ представилъ меня обществу, и я усѣлся возлѣ столика. Въ числѣ дамъ были двѣ сестры хозяина, изъ которыхъ одной принадлежитъ Мошинецъ, а прочіе гости разные знакомые, собиравшіеся на веселый праздникъ въ Нагоряне и заѣхавшіе отдохнуть на перепутьи. Была здѣсь также одна хотинская аристократка съ дочерью, «выгодной невѣстой», явившаяся конечно навѣстить сестеръ поссесора, но послѣдній, какъ холостой человѣкъ, кажется, не безъ запасной мысли, расточалъ любезности передъ этими дамами, изъ которыхъ мама постоянно говорила по молдавски, а дочь по русски или по французки. Въ числѣ гостей было нѣсколько молоденькихъ дѣвочекъ—пансіонерокъ, оживлявшихъ общество. Молдаванки прежняго поколѣнія сидѣли, перебирая четки въ рукахъ и нѣкоторыя ни слова не говорили по русски. Одна веселая барыня бесѣдовала со мною чрезъ переводчика, потому что я тогда хоть и началъ учиться по молдавски, однако не могъ поддержать разговора, умѣя только предложить самые необходимые для путешественника вопросы.

Вечеръ становился бурный, тучи заслоняли небо и грозили продолжительнымъ ливнемъ, который въ нѣсколько часовъ могъ испортить всѣ дороги и уничтожить надежды молодежи, соби-

равшейся потанцовать на предстоявшемъ праздникѣ. Не одно ушко боязливо прислушивалось къ вою вѣтра, не одинъ черный глазокъ поглядывалъ въ окна, за которыми чернѣла непогодная ночь, потопившая всѣ близкіе предметы. По неимѣнію фортепьяно и мѣста для танцевъ, барышни затѣяли фанты, пригласивъ и меня участвовать, но я отклонилъ это приглашеніе и воспользовался другимъ, болѣе свойственнымъ моему возрасту—усѣлся за преферансъ, который въ большомъ ходу на этой мѣстности. Въ сосѣдней комнатѣ раздавались говоръ и хохотъ, у насъ шла игра тоже съ веселыми прибаутками, особенно со стороны одного молдавана Ч..., умѣвшаго какъ то остро подтрунивать надъ хозяиномъ, который сидѣлъ за картами, но душою присутствовалъ тамъ, гдѣ раздавался дѣвичій смѣхъ, имѣющій иногда такое неотразимое обаяніе. Послѣ пульки оставалось еще много времени до ужина, и я перешелъ въ гостиную, гдѣ хоть и прекратились бѣготня и хохотъ, однако продолжались веселые разговоры. Зашумѣлъ наконецъ дождь, и хозяинъ съ веселой улыбкой объявилъ гостямъ, что онъ очень радъ непогодѣ, которая волей-неволей удержитъ ихъ въ Мошинцѣ подолѣе. Вдругъ раздался звонъ колокольчика. Въ залу вошелъ земскій начальникъ, который недавно поступилъ въ уѣздъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій и старался поставить себя на такую ногу, чтобы, живя по возможности въ ладу съ помѣщиками, не уклоняться и отъ своей прямой обязанности наблюдать интересы крестьянъ, дѣйствуя въ примирительномъ духѣ. Незнаю, успѣлъ ли онъ достигнуть желаннаго результата, остался ли на мѣстѣ, но покрайней мѣрѣ, проживая по Хотинскому уѣзду, я имѣлъ случай повѣрять искренность высказываемыхъ имъ убѣжденій. Тогдашній предводитель, человѣкъ гуманный и образованный, который смотрѣлъ на званіе свое, какъ, можетъ быть, смотрятъ немногіе, отзывался о земскомъ начальникѣ съ особенною похвалою. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было появленіе послѣдняго въ Мошинцѣ, что отъ него я могъ узнать подробности о продажѣ общественной кукурузы, такъ какъ, состоя при губернаторѣ, онъ производилъ и слѣдствіе по этому дѣлу. Причину своего неожиданнаго пріѣзда онъ объяснилъ извѣстіемъ о появленіи саранчи въ одной деревнѣ, куда спѣшилъ для необходимыхъ распоряженій. Послѣ ужина мы вышли вмѣстѣ, потому что квартиры наши находились по сосѣдству. Темень и ливень были ужасны, такъ что съ

фонаремъ и провожатымъ мы едва отыскали дорогу черезъ оврагъ, по которому уже тамъ и сямъ шумѣли потоки. Земскій начальникъ зашелъ ко мнѣ на минуту.

— А знаете зачѣмъ я пріѣхалъ? спросилъ онъ, закуривая папироску.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ловлю контробанду.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Черезъ часъ у меня на квартирѣ должны быть двѣ повозки чаю.

— Какъ же вы ухитрились?

— Одинъ еврей, съ которымъ контробандисты не поладили, сообщилъ мнѣ, взявъ слово—не выдавать его.

— И это вѣрно?

— Какъ дважды два-четыре. Подъ вечеръ изъ Хотина выѣхалъ транспортъ по дорогѣ на мошинецкую корчму. Я долженъ былъ проѣхать окольными путями и распорядился въ строжайшей тайнѣ выслать отсюда понятыхъ и разставить ихъ, гдѣ было нужно, подъ начальствомъ человѣка, на котораго могу положиться. Но мнѣ придется не спать всю ночь.

— Отчего?

— Если привезутъ контробанду, и я оставлю ее до разсвѣта безъ личнаго надзора, то нельзя ручаться въ ея цѣлости. Однако прощайте. Хотите дамъ знать.

— Сдѣлайте одолженіе.

Я не могъ уснуть, хотя мнѣ не было рѣшительно никакого дѣла ни до контробанды, ни до ея поимки. Часа черезъ два меня однакоже извѣстили, и земскій начальникъ вмѣстѣ прислалъ просить сургучу, котораго онъ позабылъ захватить съ собою, но въ которомъ нуждался для опечатанія мѣшковъ съ контробандой. Двѣ большихъ великорусскихъ телѣги, запряженныя добрыми лошадьми, стояли на дворѣ у земскаго начальника, оберегаемыя множествомъ руснаковъ, а въ комнатѣ, повѣсивъ голову, стоялъ высокій липованъ въ крытомъ тулупѣ. Хозяинъ транспорта бѣжалъ въ то время какъ сыщики бросились на обозъ и, пользуясь темнотой, скрылся въ кукурузское поле, примыкавшее къ рощѣ. Извозчикъ повторялъ извѣстную фразу «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Повозки были нагружены мѣшками съ чаемъ, прикрытые сверху довольно плотно конoплянымъ сѣменемъ. Мы

узнали только, что транспортъ шелъ въ Николаевъ. Чай былъ двухъ сортовъ, фамильный и цвѣточный, и, если не ошибаюсь, въ количествѣ пудовъ до пятидесяти. Можетъ быть и не такъ, но помнится мнѣ эта цифра, хоть и не ручаюсь за достовѣрность.

Возвратясь домой, я долго еще читалъ книгу, прислушиваясь къ вою вѣтра и шуму дождя, который то барабанилъ въ окна, то плескался въ лужахъ, образовавшихся вокругъ хаты. Это наводило на меня грустныя мысли о безвыходномъ карантинѣ покрайней мѣрѣ на сутки, потому что прогулка въ окрестностяхъ деревни послѣ осенняго дождя совершенно невозможна. Было четыре часа, когда я собрался потушить огонь—какъ въ это время застучали ко мнѣ въ окошко. Это меня неудивило: иной разъ знакомые хозяевъ, незная, что хата занята, приходятъ по своимъ дѣламъ, а потому я окликнулъ:

— Кто тамъ?

— Свои, произнесъ кто-то еврейскимъ акцентомъ.

— Кто свои?

— Отворите, ваше превосходительство, крайняя надобность.

— Да кого нужно?

— Васъ.

— Вѣроятно земскаго начальника.

— Нѣтъ, васъ и только на минуту.

Я отворилъ дверь въ сѣни, а потомъ и на улицу. Высокій обмокшій еврей вошелъ за мною въ комнату.

— Что тебѣ надобно? спросилъ я, оглядывая случайнаго гостя, физіономія котораго, выражавшая лукавство, не предвѣщала ничего добраго.

Еврей осмотрѣлся.

— Вы слыхали о несчастьи? сказалъ онъ.

— О какомъ?

— О чаѣ.

— Который пойманъ вечеромъ? Слыхалъ.

— И чтожъ? развѣ хорошо дѣлаетъ земскій начальникъ?

— Онъ исполняетъ свою обязанность.

— Нѣтъ, такъ не дѣлаютъ добрые люди. Я былъ у него— и слушать не хочетъ. Вотъ я и придумалъ попросить васъ.

— Я здѣсь совершенно посторонній.

— Знаю. Но вы изъ Петербурга, онъ васъ послушаетъ. Позвольте, ваше превосходительство! я согласенъ, пусть онъ

представляетъ контробанду съ повозками и лошадьми, да только не показываетъ всего чаю,—вѣдь для него все ровно. Мы ему дадимъ хорошо. Вамъ тоже будетъ за хлопоты.

И еврей полѣзъ въ карманъ.

— Это уже напрасно, любезнѣйшій, сказалъ я.

— Помилуйте, мы знаемъ, вы люди дорожные.

— Такъ поэтому меня надо и подкупать — не такъ ли? Не думалъ я, чтобы ты былъ простъ до такой степени. Если земскій начальникъ не принялъ отъ тебя денегъ и не согласился покрыть контробанды, то по какому поводу онъ послушался бы меня и рѣшился взять взятку при постороннемъ свидѣтелѣ?

— Какая взятка? человѣкъ благодаритъ за доброе дѣло...

— Хороша благодарность!

— Но позвольте же васъ спросить—что онъ выиграетъ?

— Не знаю, что онъ выиграетъ, но дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ честному чиновнику.

— Да развѣ же честно вводить другихъ въ несчастье.

— А развѣ честно заниматься противузаконной торговлей?

— Всѣ грѣшны, а это дѣло коммерческое: не первый и не послѣдній разъ. Но отчего же вы отказываетесь пособить...

— Отказываюсь, потому что это не несчастье, а контробанда.

— Хорошо. Скажите же земскому начальнику, пусть онъ помнитъ сегодняшній вечеръ....

И еврей вышелъ. На другой день я передалъ земскому начальнику этотъ разговоръ, и онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствительно незнакомый еврей предлагалъ ему сдѣлку и какъ это было безъ свидѣтелей, то и преслѣдовать контробандиста не представлялось возможности. По справкѣ оказалось, что еврей отправился по дорогѣ къ таможенной заставѣ, куда земскій начальникъ собирался представить поимку. Развязки дѣла я не знаю, потому что неслучалось уже ни съ кѣмъ говорить объ этомъ.

Крутоберегая мѣстность отъ Мошинца, по ужаснымъ извилинамъ рѣки черезъ Вороновицу въ Нагоряне покрыта сплошными почти скалами, но если побережье представляетъ безплодное пространство, за то почва по верху горы отличается хорошей растительностью и съ изобиліемъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца.

Нѣсколько дней я прожилъ въ селеніи Нагорянахъ, принад-

лежащемъ г-жѣ Фишеръ. Здѣсь болѣе или менѣе жители занимаются рыболовствомъ, и мнѣ хотѣлось обратить на него вниманіе.

Нагоряне, одно изъ красивѣйшихъ селеній, раскинуто по сторонамъ крутаго яра, а господская усадьба примыкаетъ къ выгону, потянувшемуся къ Днѣстру, обставленному въ этомъ мѣстѣ высоко выдавшимися каменными утесами. Ходитъ преданіе, что жилъ здѣсь какой-то змій, что подкрѣпляется и глубокой пещерой въ скалахъ; но преданіе это такъ темно и глухо, что несохранилось даже и сказочныхъ подробностей. Изъ любопытства я хотѣлъ проникнуть въ таинственную пещеру, однако добраться до входа такъ трудно, что изъ мѣстныхъ пастуховъ, ежедневно лазящихъ по скаламъ, одинъ только могъ вскарабкаться, цѣпляясь за камни, и я не рѣшился совершить опаснаго путешествія. Опаснымъ я называю потому, что стоитъ только поскользнуться и пришлось бы летѣть около ста сажень въ Днѣстръ, по острымъ, выдающимся каменьямъ. Можно проникнуть сверху, спускаясь по веревкѣ, но по разсказамъ пастуховъ въ пещерѣ ничего нѣтъ, да и сама она въ родѣ разсѣлины. Будь какая нибудь надпись, гробница, однимъ словомъ древность, я нашелъ бы средство добраться до разсѣлины, а безъ надобности несчиталъ нужнымъ отваживаться на подобное любопытство. О пещерѣ же упоминаю потому, что, можетъ быть, какой нибудь любитель посѣтитъ Нагоряне и соберетъ о ней на свободѣ интересныя подробности. Утесы господствуютъ надъ обширной окрестностью и ничего не можетъ быть пріятнѣе какъ сидѣть на нихъ во время захожденія солнца. Влѣвѣ далеко рисуются въ туманѣ зданія Хотина, а передъ вами раскинулась Подолія, которая не имѣетъ, кажется, уголка, не говорю уже безлюднаго, но лишеннаго самой поэтической обстановки. Между разсѣлинами скалъ, гдѣ только можно было вырости дереву — оно непремѣнно шумитъ кудрявою вершиною, и зелень листьевъ, сливаясь съ сѣрымъ и краснымъ цвѣтомъ камней,—составляетъ художественно-законченное цѣлое.

Черезъ оврагъ за селомъ, минуя пахатное поле, на большое пространство растетъ густой, роскошный лѣсъ, что̂ ниже Хотина придаетъ уже значительную цѣнность имѣнію. По мнѣ не такъ нравился этотъ лѣсъ — потому что въ памяти живо еще рисовалась поэтическая Буковина—какъ виноградникъ, разве-

денный въ немъ и поддерживаемый старанiемъ помѣщицы. Ниже къ Могилеву пойдетъ уже царство винограда, но здѣсь это еще и рѣдкость и роскошь, хотя я не могу понять, почему невоздѣлывается такое полезное растенiе, когда переноситъ оно зиму въ Нагорянахъ.

Рыболовство, о которомъ мнѣ говорили, производится весьма въ небольшихъ размѣрахъ, и хоть нѣсколько крестьянъ занимаются имъ въ Нагорянахъ и сосѣднемъ селѣ Грушевкѣ, однако занятiе это не составляетъ промысла, тѣмъ болѣе, что рѣка принадлежитъ владѣльцамъ, которые не видятъ доходной статьи въ рыболовствѣ.

Накануне моего отъѣзда изъ Нагорянъ сидѣлъ я вечеромъ въ семействѣ помѣщицы. Г-жа Фишеръ, по обычаю всѣхъ пожилыхъ людей, любившая припомнить старину, завела по какому-то случаю разговоръ о прежнихъ разбойникахъ и разсказала о Тоболтокѣ, который во главѣ большой шайки наводилъ ужасъ на Бессарабiю. Это былъ знаменитый разбойникъ, напоминавшiй итальянскихъ бандитовъ, въ дѣйствiяхъ котораго проскакивало иногда великодушiе, а съ стремленiемъ къ поживѣ посредствомъ грабежа шло рядомъ другое — помогать слабымъ и угнетеннымъ, что видимъ и у извѣстныхъ украинскихъ разбойниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтiя. Отецъ г-жи Фишеръ былъ человѣкъ богатый, но, по ея словамъ, кротко обходившiйся съ крестьянами, и потому если и боялся Тоболтока, то собственно за свои деньги, но не за жизнь, потому что разбойникъ не убивалъ и не мучилъ добрыхъ помѣщиковъ, разумѣется если они не сопротивлялись. Позднимъ вечеромъ однажды, когда все семейство собиралось уже расходиться послѣ ужина, на дворъ въѣхала толпа и переполошила всю дворню. Какой-то незнакомецъ требовалъ свиданiя съ отцомъ г-жи Фишеръ. Волей и неволей надо было принять гостя. Вошелъ высокiй красивый мужчина въ нацiональномъ костюмѣ, обвѣшанный оружiемъ. Съ минуту онъ стоялъ среди комнаты и осматривалъ всѣхъ присутствовавшихъ, потомъ сказалъ старику, что онъ Тоболтокъ и имѣетъ надобность въ извѣстной суммѣ денегъ, которую требовалъ немедленно. Дрожавшiй отъ испуга старикъ исполнилъ его требованiе, и Тоболтокъ весело присѣлъ среди семейства. Онъ успокоилъ впрочемъ всѣхъ, объявивъ, что неимѣлъ никакихъ непрiязненныхъ намѣренiй, зная

человѣколюбивое обхожденіе старика съ крестьянами, и началъ разсказыватъ что дѣлалъ съ тѣми, которые отличались своей жестокостью. Страшный гость однакоже скоро уѣхалъ и больше г-жа Фишеръ его невидала, но въ тоже время пострадалъ кто-то изъ сосѣдей. Интересно, еслибы кто нибудь изъ туземцевъ собралъ всѣ преданія о Тоболтокѣ, которыхъ въ краю конечно множество, потому что есть еще довольно живыхъ лицъ, знающихъ разбойника или слышавшихъ про его подвиги. (*)

Путь отъ Нагорянъ внизъ по Днѣстру представляетъ непрерывный рядъ живописныхъ ландшафтовъ, то выступающихъ надъ рѣкой, то уходящихъ въ глубину необозримыхъ овраговъ, заросшихъ густыми деревьями. Въ особенности понравилось мнѣ одно село Бузовица, лежащее въ сторонѣ отъ берега,—не красотою мѣстоположенія, но особенной веселостью характера своихъ жителей. Я не встрѣчалъ тамъ ни нахмуреннаго лица, ни косыхъ взглядовъ, а съ кѣмъ начиналъ разговоръ, всегда получалъ самые шутливые отвѣты. Никогда незабуду одной сцены, которая какъ-то цѣликомъ осталась у меня на памяти. Квартиру мнѣ отвели великолѣпную, лучшую въ деревнѣ и кажется у самаго богатаго хозяина. Ковры, одинъ другаго богаче и красивѣе, были развѣшаны по стѣнамъ, что рѣдко случается у руснаковъ, а подушекъ съ разноцвѣтными прошивками лежали просто цѣлыя горы. Былъ какой-то праздникъ. Я сидѣлъ у стола и курилъ сигару возлѣ раствореннаго окна, выходившаго въ небольшой садикъ. Близкій разговоръ на завалинкѣ въ тѣни деревьевъ привлекъ мое вниманіе. Надобно сказать, что дочь моего хозяина, для которой приготовлены всѣ эти ковры и подушки, была дурна какъ смертный грѣхъ, неуклюжа и, невзирая на молодость, не только не имѣла ничего привлекательнаго, но даже и черты ея и угловатыя формы и самыя движенія были полны чего-то отталкивающаго. Дѣва эта сидѣла на завалинкѣ и подчивала мамалыгой съ творогомъ и огурцами нѣсколькихъ молодыхъ парней, разсыпавшихся передъ ней въ любезностяхъ. Сначала я думалъ, не братья и не родственники ли это, но по шутливымъ рѣчамъ парней и отвѣтамъ русначки нельзя было незамѣтить, что дѣло шло о соискательствѣ богатой невѣсты, ко-

(*) Коль въ своемъ путешествіи въ южную Россію упоминаетъ о немъ, ч. 2, стр. 39.

торая очень хорошо знала это и, по видимому, не отдавая никому предпочтенія, тѣшилась маневрами своихъ обожателей. Въ комнатѣ на стѣнѣ висѣло впрочемъ зеркало и безъ сомнѣнія въ настоящемъ свѣтѣ показывало непривлекательную наружность своей обладательницы; но послѣдняя, подобно многимъ богатымъ невѣстамъ, вѣрила больше льстивымъ похваламъ соискателей, нежели собственному изображенію. Дѣло, по видимому, недоходило еще до выбора и потому между соперниками незамѣчалось никакой непріязненности, а каждый изъ нихъ только старался понравиться дородной обладательницѣ ковровъ, узорныхъ подушекъ и вѣроятно хорошаго приданаго. Они поперемѣнно смѣшили ее, разсказывая разные скандалы, и какъ читатель знаетъ изъ предъидущихъ статей, что руснаки не церемонятся въ выраженіяхъ, то можно представить себѣ какого рода разсказами соискатели тѣшили свою возлюбленную. Нѣкоторыя вещи взяты прямо изъ Декамерона Бокаччіо и только передѣланы на мѣстные нравы. Въ Малороссіи и Новороссіи слышалъ я тоже подобные разсказы въ многочисленныхъ варіантахъ, и меня всегда занимала мысль—откуда проникли къ намъ произведенія итальянскаго писателя, т. е. проникли въ народъ,—потому что въ основѣ ихъ видно заимствованіе изъ Декамерона, хотя подробности и мѣсто дѣйствія измѣнены сообразно съ обстоятельствами. Неужели же одинъ и тотъ же вымыселъ зарождался у разныхъ народовъ въ силу пословицы «les beaux esprits se rencontrent?» Впрочемъ въ Малороссіи ходитъ много скандальныхъ анекдотовъ чисто мѣстнаго произведенія, но которые ничуть не ниже разсказовъ Бокаччіо и не уступятъ послѣднимъ иной разъ въ остроуміи. Дородная дѣва слушала своихъ обожателей и простодушно хохотала, раскрывая свой широкій ротъ, усаженный кривыми, но бѣлыми зубами. Со стороны можно было подумать, что дѣва эта глубоко развращена, судя по энергическимъ восклицаніямъ, которыми выражала она иногда свое удивленіе или удовольствіе, но при знаніи туземныхъ нравовъ и обычаевъ—добродѣтель ея не подвергалась подозрѣнію. Искательство парней заняло меня; я очень хорошо видѣлъ, что всѣми руководила корысть, столь сродная сердцу человѣческому въ каждомъ сословіи—допустить любви здѣсь было невозможно—но мнѣ хотѣлось прослѣдить ближе этотъ романъ и вглядѣться въ физіономіи конкурентовъ. Стариковъ не было до-

ма, дородная дѣва исполняла обязанность хозяйки, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ кокетство, являющееся у самыхъ некрасивыхъ женщинъ, если за ними кто нибудь ухаживаетъ. Наконецъ одинъ изъ соискателей долженъ былъ куда-то уйдти, а два остальные чрезвычайно желали выжить другъ друга. Я вышелъ изъ хаты. Молодежь тотчасъ встала со своихъ мѣстъ и прекратила бесѣду; но я уговорилъ собесѣдниковъ садиться, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, а чтобы еще болѣе расположить ихъ въ свою пользу, досталъ бутылку краснаго вина и предложилъ распить ее безъ церемоніи. Сначала всѣ отнѣкивались, но когда я налилъ вино въ стаканъ и предложилъ хозяйкѣ, и послѣдняя выпила, парни болѣе не чинились, и я присѣлъ въ ихъ кружокъ, разсчитывая на успѣшность наблюденій. Оба парня были не старѣе осьмнадцати или девятнадцати лѣтъ, подходя возрастомъ къ богатой невѣстѣ, недурны собой, порядочнаго роста, одѣты по лѣтнему, т. е. въ однихъ сорочкахъ; оба съ длинными темными локонами, только у одного пробивались черные усы, а у другаго торчала въ зубахъ трубка, обвѣшанная разными украшеніями. Маловажное это обстоятельство служитъ однако же иногда поводомъ къ значительному перевѣсу въ глазахъ деревенскихъ дѣвушекъ, и я замѣтилъ, что обладатель щегольской трубки выставлялъ ее на видъ, какъ единственное преимущество надъ соперникомъ, который какъ будто не замѣчалъ этого, но не могъ не проклинать внутренно парня, владѣвшаго такой драгоцѣнностью. Хозяйка однако же юлила равно передъ обоими, а я нарочно завелъ рѣчь о третьемъ удалившемся, чтобы повѣрить въ Бузовицѣ приложеніе правила «всегда ли теряютъ отсутствующіе?..»

— А куда же ушелъ вашъ товарищъ? спросилъ я парней.

— Ему надо навѣдаться домой, отвѣчала хозяйка: его старики ушли куда-то.

— Кой чортъ домой, сказалъ парень съ трубкой: это голякъ, у котораго дома и взглянуть не на что.

— Развѣ онъ виноватъ что голякъ, отозвался другой, черноусый: не всѣмъ быть богатымъ.

— Конечно не всѣмъ, молвила хозяйка, а онъ парень добрый, послушный: мой батько очень его любитъ.

— Да чѣмъ же онъ лучше насъ? спросилъ парень съ трубкой.

— Батько говоритъ, что онъ работящій и трезвый.

— И мы не сидимъ сложа руки, а горѣлки не пьетъ у насъ развѣ тотъ, который качается въ колыбкѣ. Непьющій! небось не прольетъ, только если кто попотчуетъ, а на свои и купилъ бы, да нѣтъ мелкихъ.

— Я уже тебѣ говорила не разъ — не смѣйся надъ нимъ. Нашелъ чѣмъ попрекать! Вѣдь въ глаза не скажешь.

— Почему не скажу?

— Потому что негодится. Не всѣ родились богатыми.

— Такъ ты за него и замужъ пойдешь, если посватаетъ?

— Воля не моя.

— Да ужъ мы видимъ, что ты больно къ нему ласкова.

— Ничего вы не видите. Вотъ навязались!

Я налилъ еще по стакану вина собесѣдникамъ, и хоть оно не могло на нихъ подѣйствовать, однако все таки придало нѣсколько одушевленія. Мнѣ хотѣлось, чтобы отношенія молодежи выказались яснѣе, и я употреблялъ всѣ усилія наводить на разговоръ о сватовствѣ, бракѣ по любви и т. п. Руснаки высказали нѣсколько практическихъ мыслей; взглядъ ихъ на супружество ничѣмъ не разнился отъ того взгляда, какой можете встрѣтить у многихъ джентлеменовъ, возсѣдающихъ въ любомъ столичномъ кафе-ресторанѣ. И капризъ моего любопытства—изслѣдовать одну сцену — заставилъ потомъ меня серьезно задуматься надъ современнымъ строемъ общества. Въ какой нибудь глухой Бузовицѣ, лежащей вдали отъ сообщеній, изъ жителей которой иные никогда небывали даже въ Хотинѣ, молодой парень разсуждаетъ, что любовь хороша, но деньги лучше. Конечно въ простомъ быту какъ матеріальное богатство, такъ и грубая сила пользуются безусловнымъ почетомъ, но любовь парня и дѣвушки, зараждающаяся отъ дѣтскихъ лѣтъ, во время игръ, на пастбищѣ, на полевыхъ работахъ, въ деревнѣ нерѣдко чуждается житейскихъ разсчетовъ. Разность общественнаго положенія и богатство одной изъ любящихся сторонъ и въ селѣ разлучаютъ молодежь, но это происходитъ уже отъ родителей, позабывшихъ молодость и смотрящихъ по своему на благосостояніе сына или дочери. А здѣсь я встрѣтилъ троихъ парней, которые ухаживали за уродливой дѣвой собственно изъ интереса, потому что богатая невѣста немогла вдохнуть никакого нѣжнаго чувства. Одинъ изъ нихъ, какъ я узналъ послѣ, былъ самъ сыномъ достаточнаго отца и поддался обаянію бо-

гатства, хоть на него засматривалась очень хорошенькая дѣвушка—дочь бѣднаго царанина. По всему однакоже видно было, что хозяйка моя относила искательство къ своей особѣ, а не къ приданому и, увлекаясь кокетствомъ, держала на привязи троихъ обажателей разомъ. Родители по обычаю, смотрѣли на ея шашни сквозь пальцы, зная, что надо же нагуляться въ дѣвушкахъ, а дальнѣйшихъ предположеній о судьбѣ ея необъявляли, и такимъ образомъ толстуха, пользуясь совершенной свободой, весело проводила время и испытывала троихъ соискателей.

Пришла какая то женщина и позвала ее въ хату. Я остался съ парнями на завалинкѣ.

— Ну чтожъ, братцы, признайтесь, оба вы добиваетесь до моей хозяйки? сказалъ я.

— Нѣтъ, мы такъ, отозвался парень съ трубкой.

Другой не отвѣчалъ ни слова.

— Меня дичиться нечего, а я думаю, что и третій, который ушелъ, тоже ухаживаетъ за нею.

— О, этотъ конечно собирается сватать, да вѣдь какъ есть голякъ и кошки нѣтъ въ хатѣ.

— Вы его только послушайте, молвилъ черноусый: онъ бьетъ на то, что у отца порядочный достатокъ, да вѣдь ихъ четыре брата.

— Я не знаю вашихъ достатковъ, сказалъ я, но надъ бѣдностью смѣяться не слѣдъ; при томъ же парень честенъ и трудолюбивъ, какъ о немъ отзывалась сама невѣста.

— Да ее самъ чортъ неразберетъ, прости Господи! Сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ, а иногда на всѣхъ смотритъ изподлобья.

— Ну, а вы же не ссоритесь?

— А чего намъ ссориться? Пока живемъ въ мирѣ, а вотъ который уже одолѣетъ, ну намнемъ бока и шабашъ.

— За что?

— А то какъ же? Неужъ-то ходить даромъ пріятно.

— Вѣдь она не можетъ за троихъ выдти замужъ?

— Разумѣется, да все же надо на комъ нибудь сорвать сердце.

— Вишь какъ она васъ зацѣпила! сказалъ я.

Парень съ трубкой улыбнулся.

— Кой чортъ зацѣпила бы, еслибъ у отца не столько грошей: есть въ деревнѣ такія крали, что на чудо.

— А ты же что скажешь? обратился я къ черноусому.

— Она всѣхъ насъ зацѣпила, потому что есть чѣмъ, не знаемъ только кому достанется.

— Неужъ то вы не видите къ кому она больше ласкова?

— Мы же вамъ говорили: ее и въ ступѣ не поймаешь!

— Небось нехочется упустить.

— Другой такой не найдешь скоро.

— Я думаю, прочія дѣвушки на нее сердятся.

— Сердиться то сердятся, да и смѣются иной разъ.

— А ей что эти насмѣшки, отозвался парень съ трубкой: она знаетъ, что иной поссесоръ не дастъ такого приданаго какъ за нею, а у насмѣшницъ нашихъ...

Здѣсь онъ сказалъ чрезвычайно мѣткую, но къ сожалѣнію непереводимую поговорку, которая заставила разсмѣяться меня и его товарища.

— А правда, подхватилъ послѣдній.

Но въ эту минуту моя хозяйка показалась на порогѣ.

— А полно вамъ баклушничать, сказала она молодымъ людямъ: приготовьте-ко мнѣ дровъ, видите некому.

— А что будетъ за это? спросилъ черноусый.

— Извѣстно кулакъ въ спину, отвѣчала дѣва, раскрывая широкій ротъ свой.

Парни повиновались.

— Я вижу, они тебя слушаются, сказалъ я хозяйкѣ.

— А то какъ же?

— Но если выйдешь за мужъ за котораго нибудь, то будешь сама исполнять приказанія.

— Тогда же то и будетъ! Выйду ли еще за нихъ или нѣтъ.

— Мнѣ кажется, однакоже, что тебѣ нравится этотъ съ трубкою.

— И другой чернявый молодецъ.

— Я думаю, и третій, который ушелъ раньше, тоже не дуренъ.

— Всѣ они молодцы, сказала дѣва, присѣвъ на завалинку, и кромѣ этихъ есть еще нѣсколько въ деревнѣ.

— Значитъ, у тебя жениховъ—не отобьешься.

Хозяйка громко размѣялась.

— Цѣлый табунъ, проговорила она.

— Кого же ты выберешь?

— Право, не знаю, иногда кажется пошла бы за того, а подумаешь о другомъ и о третьемъ,—жаль станетъ.

— Значитъ, еще никого не полюбила.

— Я молода, надо нагуляться: вѣдь дѣвушкѣ только и житья, что у отца да у матери, а выйдешь замужъ—прощай волюшка.

И все это хозяйка говорила тономъ, какой былъ бы приличенъ молоденькой хорошенькой дѣвушкѣ. Она словно не сознавала, что парни хлопотали не объ ея особѣ, и считала себя въ состояніи вдохнуть сильнѣйшую страсть своимъ поклонникамъ. Когда явились молодые люди, исполнившіе ея приказаніе, она дала обоимъ по тукманкѣ и, припрыгивая, убѣжала заниматься своимъ дѣломъ.

— Вотъ такъ она всегда, сказалъ черноусый.

— Да о чемъ же вы думаете? замѣтилъ я; зачѣмъ не спросите прямо—за кого изъ васъ она пойдетъ за мужъ?

— Какъ не спрашивать, спрашивали, да у нее одинъ отвѣтъ: «сама еще не знаю, какъ отецъ съ матерью».

— Она то молода...

— Однако порядочная кобыла; кулакъ же такой тяжелый, что шутки шутками, а спину почесываешь...

— Я васъ не пойму, братцы: всѣ вы хлопочете жениться на ней, видитесь каждый день, подъ часъ ссоритесь другъ съ другомъ, а можетъ кончиться тѣмъ, что ни за одного изъ васъ она не-пойдетъ.

— Я согласенъ—пусть лучше выходитъ за чужаго селянина, сказалъ парень съ трубкой: покрайней мѣрѣ будетъ не такъ досадно. Вѣдь кто женится на ней—заживетъ паномъ.

— А развѣ же можно жить спокойно на женином добрѣ? спросилъ я.

— Почему же нѣтъ?

— Да потому, что если она выйдетъ сварливая, своенравная и начнетъ попрекать тебя.

— Есть на то букъ.

— На букѣ, братъ, недалеко уѣдешь: видишь какая она здоровая, посильнѣе тебя, и ты самъ знаешь, у бука два конца.

— И жена посмѣла бы!

— Бываетъ всего.

— Да вѣдь это не по закону! отозвался черноусый. У насъ не было еще примѣра, чтобы жена била мужа.

— А мнѣ случалось не разъ это видѣть собственными глазами.

— Вѣрно у пановъ.

— Бываетъ и у пановъ и у простолюдиновъ. По моему, не жена тутъ виновата.

— А кто же?

— Тѣ, которые гоняются за богатымъ приданымъ. Вотъ вы бравые такіе парни увиваетесь же за моей хозяйкой только потому, что она богата, а небось, если бы у ней ничего небыло, ни одинъ не затронулъ бы даже въ шутку.

— А не затронулъ бы.

— Женись же который—не задумается солгать передъ Богомъ, что любитъ ее.

— Нельзя не сказать, что любишь, когда священникъ спрашиваетъ.

— И все таки скажешь неправду.

Парни призадумались.

— Такъ значитъ Богъ накажетъ за брехню?

— Я полагаю.

Малый съ трубкой махнулъ рукою.

— За плугъ воловъ, двѣ, три коровы, да за сотни три, четыре карбованцевъ—можно отвѣдать и бука разъ въ недѣлю, сказалъ онъ, выставя свои бѣлые ровные зубы.

Логика была довольно убѣдительна, а приложеніе ея повторяется чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ, за исключеніемъ тѣхъ народовъ, у которыхъ въ обычаѣ платить за жену установленную сумму. Законодательство почти вездѣ разграничило собственность супруговъ, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ тратить состоянія другаго безъ согласія, но тѣмъ не менѣе мужъ присвоиваетъ себѣ право владѣнія женинымъ имѣніемъ, хотя иногда только фразою: «я взялъ за женою столько-то». Конечно есть много любящихъ или наивныхъ женщинъ, не говоря уже объ отданныхъ насильно, которыя безусловно передаютъ въ руки мужьямъ свое состояніе, но встрѣчаются женщины — и сколько еще! которыя, выходя за бѣдняковъ, не даютъ имъ почти карманныхъ денегъ, не позволяютъ вмѣшиваться ни въ какія распоряженія, а подъ часъ и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ простомъ быту это бываетъ гораздо рѣже, потому что

патріархальные нравы, ставя женщину въ совершенную зависимость отъ мужа, не позволяютъ ей и заикнуться, что онъ живетъ изъ ея имѣнія, а если подобныя отношенія измѣняются, то въ такомъ только случаѣ, если мужъ идіотъ или совершенно безъ характера. Въ крестьянскомъ быту — не говорю о руснакахъ, но вообще о нашемъ простолюдинѣ, — жена раба, или деспотъ,—середина встрѣчается очень рѣдко, а полное согласіе и того рѣже, хотя конечно и мнѣ случалось видѣть дружескую, утѣшительную жизнь супруговъ.

Передъ отъѣздомъ, встрѣтивъ свою хозяйку одну въ садикѣ, я взялъ ее на исповѣдь, желая выпытать ея настоящія намѣренія относительно трехъ жениховъ, и добиться на сколько имѣлось кокетства въ этой неуклюжей и почти безобразной фигурѣ. Былъ какой то праздникъ и бузовицкая сирена разрядилась въ прахъ, т. е. кромѣ прочихъ уборовъ накинула на плеча богатую шубку, хотя въ этомъ не предвидѣлось никакой надобности.

— Ну что, хозяюшка, сказалъ я: осень на дворѣ, скоро у васъ начнутся свадьбы.

— А начнутся, отвѣчала она, склонивъ голову, что по ея мнѣнію очень шло къ ней.

— Я замѣчаю, что тебѣ не долго тѣшиться дѣвичьей волюшкой.

Она разсмѣялась.

— Въ женихахъ нѣтъ недостатка, да хочу еще погулять.

— А что, я думаю, весело видѣть вокругъ цѣлую толпу молодыхъ, красивыхъ парней.

— Правда, очень весело, а еще веселѣе смотрѣть какъ сердятся и завидуютъ дѣвушки.

— И небось поддразнивать?

— Почему же и нѣтъ!

— А я видѣлъ у васъ въ деревнѣ много хорошенькихъ.

— Гдѣ тамъ хорошенькія! Атъ себѣ!

— Нѣтъ, это уже напрасно.

— Что же въ нихъ хорошаго: небудь только красныя щоки, да длинная коса,—куда бы иная годилась! Тоненькія какъ спички, а одежда...

И богатая невѣста презрительно махнула рукой, такъ что мнѣ сдѣлалось гадко. Но подобное явленіе повторяется во всѣхъ

слояхъ общества, и я подумалъ: не она первая, не она и последняя.

— Значитъ, у тебя нѣтъ и вѣрной подруги?

— А есть.

— Гдѣ же? Я не видалъ у васъ въ гостяхъ ни одной дѣвушки.

— Она больна, *лежитъ на голову* (страдаетъ головой) и никуда не выходитъ.

— А у нее много жениховъ?

— Какъ не быть: богатаго отца дочь.

— И хорошенькая?

— Ничего себѣ, только немного лицо попорчено оспой.

— Который же изъ троихъ парней тебѣ нравится? приставалъ я.

— На что вамъ?

— Мнѣ хотѣлось бы на прощанье сказать имъ объ этомъ. Всѣ три желаютъ жениться на тебѣ, всѣхъ водишь за носъ, а если думаешь выходить за котораго, то лучше сказать прямо, чтобы другіе отстали.

— Посмотрю еще, можетъ выйду, а можетъ и нѣтъ, какъ отецъ съ матерью скажутъ. Меня хочетъ сватать одинъ изъ самаго Хотіня, да не нравится — уродъ уродомъ и уже немолодъ.

— Я думаю пріятнѣе выдти въ своемъ селѣ и быть поближе къ роднымъ.

— А вотъ нагуляюсь хорошенько, натѣшусь и тогда подумаю. Нечего спѣшить мнѣ: у отца слава Богу всего довольно. Теперь-то парни увиваются, такъ и смотрятъ въ глаза, только мигни — все сдѣлаютъ, а выдешь замужъ — кто его знаетъ, можетъ быть иной разъ и бука отвѣдаешь.

И хозяйка, разсмѣявшись, ушла въ хату.

Пока мнѣ запрягали лошадей, я пошелъ впередъ пѣшкомъ, захвативъ съ собою ружье и пригласивъ одного изъ искателей богатой невѣсты, черноусаго парня, который мнѣ болѣе другихъ нравился. Дорогою я разсказалъ ему разговоръ съ хозяйкой и разспросилъ о ея подругѣ. Оказалось, что это уродъ и къ тому же идіотка. Черноусый мнѣ признался, что рѣшился попытать счастья — посвататься.

— Пойдетъ, — хорошо, буду жить по закону, не пойдетъ, —

чортъ съ нею, наплюю на нее и прильну къ какой нибудь хорошенькой дѣвушкѣ

Мнѣ не удалось однакоже впослѣдствіи узнать—чѣмъ окончилось ухаживанье трехъ парней за некрасивой толстухой.

Верстахъ въ пяти ниже, на высокомъ утесистомъ мысѣ раскинуто село Комарово. Избы, выходящія на площадь, по большей части скрываются въ деревьяхъ; но которыя стоятъ на горѣ представляютъ чрезвычайно живописный видъ съ того берега. Надобно сказать, что днѣстровскія горы принимаютъ здѣсь чуть ли не высшіе размѣры на всемъ протяженіи, разбѣгаясь на большое пространство какъ въ Бассарабіи, такъ и въ Подоліи. Часть Комарова, лежащая къ Днѣстру, разостлала свои садики по скаламъ утесовъ и выглядываетъ черкесскимъ ауломъ, съ которымъ болѣе всего придаютъ ей сходства тропинки, проложенныя къ рѣкѣ зигзагами, усѣянныя разной величины каменьями.

Помѣщица сама не живетъ здѣсь, а поручила имѣніе своему племяннику, у котораго я былъ однажды, а потомъ пересталъ ходить вслѣдствіе одного обстоятельства, помѣщеннаго ниже. Въ первый же день я развѣдалъ—нѣтъ ли глубокихъ стариковъ и пригласивъ двухъ изъ нихъ, провелъ вечеръ въ разсказахъ, всегда для меня любопытныхъ. Въ Комаровѣ носится темное преданіе о какой-то интересной женской личности *Бальбинѣ*, которая осталась полумиѳомъ у старыхъ людей, а молодое поколѣнье о ней почти не знаетъ. Лѣтъ двадцать назадъ были еще пѣсни о Бальбинѣ, но какъ я ни хлопоталъ, не могъ достать ни одного куплета. Между тѣмъ одинъ старикъ говорилъ, что она жила еще не такъ давно, что онъ зналъ людей, помнившихъ ее, и тутъ же въ Комаровѣ указывалъ на ея потомковъ. Послѣдніе, однакоже, признавая себя дѣйствительно потомками Бальбины, не умѣли мнѣ ничего разсказать объ этой загадочной женщинѣ. Что же это за личность? По преданію она была красавица, иные говорятъ молдаванка, другіе русначка, а третьи выводятъ ея происхожденіе изъ Подоліи. Какъ поселилась она въ Комаровѣ и была ли замужемъ, покрыто мракомъ неизвѣстности; ни одинъ ни другой старикъ мнѣ не разсказывали, но оба согласились, что она мудро правила цѣлой окрестностью и придумывала для нея законы. Однимъ словомъ, Бальбина заслужила такую извѣстность, что люди издалека пріѣзжали къ ней судиться и безропотно покорялись ея рѣшенію. Я замѣтилъ было,

что вѣроятно жила она при туркахъ, которые не уважали женщину, но разсказчики мои стояли на своемъ и полагали, что Бальбина распоряжалась народомъ и хозяйствомъ такъ, какъ уже никто не распоряжается на свѣтѣ.

— Да кто же она была такая?

— А почемъ я знаю, отозвался собесѣдникъ постарше; вѣроятно домна (царица), или что нибудь похожее.

— Какая же, дѣдушка, домна, когда здѣсь долго хозяйничали турки?

— А прежде?

— Тогда какъ же уцѣлѣли бы близкіе потомки?

Старики передали мнѣ два факта, за достовѣрность которыхъ не ручаюсь, но привожу какъ образчикъ судопроизводства Бальбины.

«Было лѣто. Бальбина сидѣла на крыльцѣ своего дома и отдыхала отъ дневныхъ занятій. Каждый могъ смѣло приступить къ ней со своими нуждами, и никогда не отказывалась она выслушать просителя. Вотъ видитъ она—человѣкъ стоитъ безъ шапки, словно не осмѣливается войдти на дворъ. Бальбина его кликнула:

«— Здравствуй, добрый человѣкъ?

«— Здравствуйте, ваша милость.

«— Ты не здѣшній?

«— А не здѣшній, изъ надъ Прута.

«— Куда же Богъ несетъ?

«— Былъ въ Хотинѣ на ярмаркѣ, да у меня украли корову, такъ я ищу другія сутки, не могу найдти, и мнѣ посовѣтовали попросить вашу милость.

«— Какъ ты думаешь—твоя корова здѣсь въ селѣ?

«— Нѣтъ, сказывалъ одинъ добрый человѣкъ, что угнали ее въ Атаки.

«— Да вѣдь у насъ трое Атакъ, и я не знаю въ которыя.

«— Стало быть въ эти, что по сосѣдству.

«— Ну хорошо, если здѣсь, мы отыщемъ твою пропажу. А какой масти твоя корова?

«— Черная, только съ бѣлой лысинкой на лбу.

Бальбина велѣла запречь лошадей, взяла просителя и поѣхала въ Атаки. Тамъ какъ разъ гнали скотъ съ поля въ это время.

«— Узнаешь ли ты свою корову?

«— Нѣтъ, ваша милость, сами видите, все здѣсь сѣрыя, гнѣдыя, пѣгія, а моя черная.

«— Такъ. А которая похожа на твою?

«— Вотъ идетъ пѣгая точь въ точь моя.

Бальбина остановила скотъ и послала привезти бочку воды. Народъ не понималъ въ чемъ дѣло. Привезли воду. Бальбина приказала отлучить пѣгую корову и заставила вылить на нее нѣсколько ведеръ. Вдругъ корова изъ пѣгой сдѣлалась чорная, къ величайшему изумленію своего настоящаго хозяина и къ стыду того, который, укравъ ее, намазалъ мѣломъ бѣлыя пятна. Тогда Бальбина приказала вору возвратить корову, заплатить штрафъ, а самому убираться въ Польшу или къ австріяку.»

По преданію это была необыкновенная женщина, и казалось, угадывала, что́ думаетъ человѣкъ, но ею руководила безграничная справедливость.

«Какъ то привели къ ней двухъ убійцъ, въ одно время совершившихъ злодѣяніе. Комаровскій руснакъ убилъ ея приближеннаго садовника, а конюхъ ея убилъ проѣзжаго еврея. Народъ собрался передъ крыльцомъ, гдѣ находились и преступники подъ стражею. Бальбина вышла и сѣла на своемъ мѣстѣ, окруженная стариками, къ которымъ иногда обращалась за совѣтомъ. Какъ ни привыкли люди видѣть Бальбину справедливою, однако были увѣрены, что конюхъ отдѣлается легкимъ наказаніемъ, а руснакъ, убившій ея садовника, неминуемо подвергнется смертной казни. Прежде всего допросила она конюха, который сперва отнѣкивался, но послѣ призналcя. Онъ услыхалъ, что еврей долженъ былъ везти большую сумму денегъ и конюхъ хотѣлъ только ограбить его, но какъ встрѣтилъ сопротивленіе, то и убилъ въ схваткѣ.

«— А много ли ты нашелъ у него денегъ? спросила Бальбина.

«— Пять левовъ (50 коп.).

«— Хорошо. Дожидайся.

«Призвали къ допросу другаго убійцу. Этотъ прямо разсказалъ въ чемъ дѣло и тотчасъ же принесъ повинную:

«— Чтожъ, сказалъ онъ, садовникъ давно уже ухаживалъ за моей женой, а долго ли соблазнить молоденькую женщину. Я

бѣднякъ, постоянно на работѣ, иной разъ возвратишься измученный домой и думаешь повечерять, да отдохнуть, а тутъ смотри—торчитъ садовникъ. Ну, я ничего не говорилъ женѣ, я знаю, она меня любитъ, потому что мы дѣтьми играли вмѣстѣ и побрались по согласію. Опять же скажу, если къ молодицѣ приставать безпрестанно, когда мужа нѣтъ дома, а пристаетъ красивый хорошо одѣтый парень—не ровенъ часъ и до грѣха недалеко. Думалъ я, думалъ и говорю садовнику: «Знаешь что, Матвѣй, есть много въ селѣ хорошенькихъ дѣвушекъ, увивайся ты за ними, брось мою жену, не то будетъ худо.» Онъ замялся, а послѣ и спрашиваетъ:—А что же будетъ?—А вотъ что, говорю, первый разъ, что застану тебя съ нею, размозжу тебѣ голову — мнѣ уже надоѣло... Дня три Матвѣй не приходилъ, жена сама рада, покрайности мнѣ такъ она говорила. Возвращаюсь вчера изъ поля въ сумерки и заглянулъ въ окно. Печка топится. На столѣ стоитъ око водки, жена сидитъ пригорюнившись, а Матвѣй разсыпается передъ нею и упрашиваетъ... У меня въ глазахъ помутилось, я въ сѣни, схватилъ *барду* (топоръ), потомъ вошелъ въ хату, взялъ, да и раскроилъ ему голову. Вотъ и все.

«Бальбина встала съ своего мѣста и сказала:

«— Человѣкъ, который убилъ моего садовника, не виноватъ. Пусть похоронитъ на свой счетъ убитаго и идетъ на годъ въ монастырь на покаяніе. А конюхъ мой загубилъ душу хоть и нехристіанскую, изъ корысти — и долженъ быть наказанъ примѣрно. Возьмите его, дайте время помолиться, и на *шибеницу* (висѣлицу).»

Вотъ два факта, которые удалось мнѣ собрать объ этой загадочной женщинѣ. Въ Хотинѣ есть докторъ; онъ говорилъ мнѣ, что слышалъ въ честь ея пѣсни, но не могъ сообщить никакой подробности. Въ селеніяхъ ниже мнѣ напротивъ разсказывали, что она жила не такъ давно и что всѣ преданія о ней просто выдумка. Впрочемъ это мнѣніе не простолюдиновъ. Желая узнать о ней еще кое-что, отправился я къ управляющему имѣніемъ племяннику помѣщицы, который жилъ въ Комаровѣ полновластнымъ господиномъ. Онъ принялъ меня какъ гостя, но разговоръ у насъ не клеился. На разспросы мои о Бальбинѣ онъ сказалъ, что подобныя бабьи росказни его не занимаютъ, а распространялся о томъ, какіе негодяи комаровскіе царане, какъ лѣниво

работаютъ и сколько съ ними непріятностей. Съ первыхъ же словъ я замѣтилъ съ какой личностью имѣлъ дѣло. Когда я удовлетворилъ его любопытство относительно своего порученія и объявилъ, что нигдѣ не состою на службѣ, собесѣдникъ мой началъ болѣе откровенничать. Онъ принадлежитъ къ числу недовольныхъ существующимъ порядкомъ и хоть соглашается, что бессарабскій владѣлецъ, въ силу постановленій, лицо довольно нестѣсненное, однако прежде было гораздо лучше.

— Помилуйте, сказалъ онъ мнѣ, какой я помѣщикъ, когда для того, чтобъ высѣчь хорошенько какого нибудь мерзавца, долженъ обращаться къ сельскому или волостному начальству. Разумѣется, его высѣкутъ, да за это надо платить. Оно, конечно, я имѣю право дать царанину нѣсколько ударовъ, но ему это все равно, что по головкѣ погладить: и бестіи не проймешь и сердца не сгонишь. Случается, что сосчитаешь пять разъ, а дашь пятьдесятъ, но согласитесь, что донесетъ какая нибудь шельма, а тамъ изволь оправдываться.

Я тотчасъ же ушелъ послѣ этого монолога, не смотря на предстоявшій ужинъ, который могъ соблазнить меня послѣ весьма скромнаго обѣда.

На другой день приходили ко мнѣ жаловаться два, сильно и конечно беззаконно высѣченные царане, но я могъ только пожалѣть о бѣднякахъ и объявилъ, что не имѣю никакого права мѣшаться ни въ какія мѣстныя распоряженія. Частнымъ образомъ я писалъ земскому начальнику. Онъ порядочный человѣкъ и надѣюсь постарался положить предѣлъ вопіющему безправію; но что можетъ сдѣлать самый благонамѣренный чиновникъ тамъ, гдѣ гнусное крѣпостное право съумѣло сдѣлать себѣ лазейки и пустило отпрыски отъ срубленнаго, но не уничтоженнаго съ корнемъ дерева.

Въ послѣдній проѣздъ мой въ половинѣ сентября, когда лѣтній зной, не исчезнувъ совершенно, утратилъ однако же большую часть силы, а осенняя прохлада начинала вступать въ свои права, прогулки мои съ ружьемъ въ поля и по берегу, доставляли чистое наслажденіе. Обыкновенно меня сопровождалъ кто нибудь изъ туземцевъ, и мнѣ случалось проводить весь день вдали отъ своего кочевья, и питаться мамалыгой. Однажды старикъ, сидѣвшій со мной на береговой скалѣ, разсказалъ мнѣ, что въ мѣстечкѣ Студеницѣ на той сторонѣ Днѣстра есть большая пе-

щера. По его словамъ, пещера эта была съ древности выкопана чертями, которые хотѣли устроить въ ней *пекло* (адъ), но какой-то благочестивый отшельникъ поселился вблизи и разогналъ нечистую силу. Подобное преданіе немогло не соблазнить меня, и я рѣшился на другой же день съ разсвѣтомъ посѣтить Подолію. Собираясь пораньше лечь спать, я однако же пробѣжалъ польскіе источники и нашелъ слѣдующее описаніе:

«Студеница окружена рѣчкой того же имени, впадающею тутъ же въ Днѣстръ. Какъ многолюдно долженствовало быть мѣстечко, явствуетъ изъ того, что жители его три дня сопротивлялись сильному войску Аббаса паши, въ концѣ октября 1633 г., который, потерявъ тысячу человѣкъ, овладѣлъ однакожъ Студеницей и, разграбивъ, сжегъ ее. Съ похвалою упоминаетъ объ этой защитѣ постановленіе сейма 1635 г.: «Такъ какъ вновь поселенное мѣстечко Станислава Потоцкаго воеводы браславскаго сожжено и раззорено до основанія непріятелемъ, а жители, сопротивляясь, убили много враговъ; такъ какъ теперь жителямъ предстоятъ большіе труды при постройкѣ,—то желая поощрить ихъ, освобождаемъ отъ всякихъ податей на восемь лѣтъ.» Владѣлецъ съ своей стороны далъ жителямъ многія льготы. Вскорѣ поселились здѣсь достаточные купцы изъ армянъ, грековъ и валаховъ, у которыхъ были свои церкви. Дома ихъ, по азіятскому способу, строились въ два яруса, а каменныя хорошо защищенныя вороты охраняли въѣздъ въ мѣстечко. Два парома на Днѣстрѣ облегчали сообщеніе съ Молдавіей, откуда прибывали люди и товары на знаменитыя ярмарки. Моровая язва 1770 г. много уничтожила населенія, и одновременно безпокойство въ краю было причиною упадка Студеницы, пользуясь чѣмъ, евреи больше и больше начали поселяться въ мѣстечкѣ. Новый владѣлецъ Станиславъ Садовскій староста Ушицкій, опять оживилъ мѣстную торговлю, исхлопотавъ привилегію 18 апрѣля 1774 г. на открытіе двухъ двунедѣльныхъ и одной трехнедѣльной ярмарки. Положеніе мѣстечка въ долинѣ весьма удобно. Оно окружено съ трехъ сторонъ каменистыми перпендикулярными утесами и славится садами и плодами. Съ сѣвера лежитъ гора *Гороховая*, съ востока *Бѣлая*, заключающая огромную пещеру съ нѣсколькими отдѣленіями, въ которой могли помѣщаться 15 000 человѣкъ; въ тянущейся съ запада горѣ *монастырище* видны слѣды древняго монастыря, гдѣ сохранялся чудотворный образъ

Божіей Матери, къ которому приходили богомольцы изъ отдаленныхъ мѣстъ и даже изъ Молдавіи и Валахіи. На этой же высокой горѣ есть родникъ, незамерзающій въ самые сильные морозы.» (Starożytna Polska T. II стр. 953—954).

Исторія подтверждаетъ преданіе относительно пещеры, подумалъ я, и предался различнымъ предположеніямъ. Погода мнѣ благопріятствовала. Часу въ пятомъ утра хозяинъ разбудилъ меня, и я, уложивъ себѣ въ дорожную сумку разныхъ припасовъ, отправился въ сопровожденіи молодаго руснака къ Днѣстру съ намѣреніемъ переправиться въ лодкѣ на ту сторону. Когда мы начали спускаться по крутой тропинкѣ, картина была великолѣпна, потому что восходившее солнце ударяло прямо на этотъ откосъ и въ то время какъ оврагъ покрывался тѣнью, многіе сады, утесы и часть Днѣстра облиты были тонкимъ и яркимъ блескомъ. Оказалось, что проводникъ мой ошибся и повелъ не по той дорогѣ; намъ слѣдовало идти на Атаки и тамъ переправиться, а мы взяли вправо и очутились противъ деревни Бакоты, извѣстной тоже въ польскихъ источникахъ (у Стрыйковскаго), какъ одинъ изъ древнѣйшихъ замковъ на Подоліи. Неудача эта однако же меня не смутила, и я рѣшился добраться во что бы то ни стало до Студеницы, тѣмъ болѣе, что день обѣщалъ быть погоднымъ, а я привыкъ переходить пѣшкомъ безъ устали большія разстоянія. Деревенскій людъ давно уже поднялся, и выходилъ на работы, пастухи сидѣли по утесамъ и, собираясь въ группы, словно не заботились о стадахъ своихъ, которыя, разбредясь между камней, щипали убогую травку.

— Какъ же быть, спросилъ я проводника: неужто снова подыматься на гору?

— Берегомъ идти далеко. А позвольте, недостану ли я *човна*, мы поѣдемъ.

— Дѣло, только захвати два весла, вѣдь намъ плыть противъ теченія.

— Сидите же на берегу, я сбѣгаю; можетъ быть достану, если дѣдько не уѣхалъ на рѣку. А не то мы увидимъ его и попросимъ.

Молодой парень буквально побѣжалъ на гору, не смотря, что до вершины было около двухсотъ саженъ, и скоро возвратился съ лопаткой, замѣняющей здѣсь весло и съ извѣстіемъ, что дядько рыбальчитъ на Днѣстрѣ, и если не у него, то у кого нибудь

мы добудемъ лодку за литру, другую горѣлки. Дѣйствительно, поворотивъ за утесъ, мы увидали нѣсколько челноковъ, сновавшихъ по рѣкѣ вблизи берега. Проводникъ мой обратился къ дядькѣ и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Старый руснакъ, обезкураженный плохимъ уловомъ, охотно ссудилъ намъ челнокъ и очень обрадовался, когда я посулилъ ему два лева (20 к.). Но что это за лодки на Днѣстрѣ! ни на одной рѣченкѣ, даже на прудахъ не удавалось мнѣ видѣть подобной неуклюжей конструкціи, и если принять въ соображеніе быстроту рѣки и трудности, съ которыми приходится бороться пловцу, то нельзя не удивляться какимъ образомъ береговые жители не перемѣняютъ этой первобытной формы. Плоскодонное четыреугольное корыто, въ которомъ съ трудомъ помѣщаются два человѣка, неуклюжее и медленное на ходу, не въ состояніи справиться не только съ волнами въ свѣжую погоду, но и съ обыкновеннымъ теченіемъ. Вода была довольно низкая, и я рѣшился поплыть вверхъ по рѣкѣ, сѣвъ на одинъ конецъ (корма и носъ неотличаются ни чѣмъ) съ лопаткой на мѣсто рулеваго. Пространство было такъ мало, что ружье принужденъ былъ я оставить на перевязи за спиною.

— Ну что, мой, обратился я къ старому рыбаку: какъ думаешь—доплывемъ мы до Студеницы?

— А можетъ и доплывете, только держитесь нашего берега.

— Да умѣетъ ли гресть малый?

— Умѣть-то умѣетъ, а если вы не будете помогать, то васъ отнесетъ внизъ. Я самъ повезъ бы, да наморился.

— Ну, прощай!

— Прощайте! А ты, мой, обратился онъ къ парню, смотри не утопи пана, да береги весла, чтобъ не украли въ Студеницѣ.

— Я только боюсь, чтобъ не наткнуться гдѣ на камень, а то надѣюсь не утопить, мнѣ вѣдь не первый разъ. Весла положу подъ голову и лягу на нихъ спать.

— Такъ, такъ, а все осторожность немѣшаетъ. Съ Богомъ!

Мы отвалили. Привыкнувъ нѣсколько къ днѣпровскому челноку-душегубкѣ, я съ трудомъ справлялся съ четыреугольнымъ корытомъ, на которомъ чрезвычайно трудно подниматься противъ теченія. Но это было сначала, а когда мы обогнули мысъ, у лѣваго берега струя оказалась не такъ сильна, и мы часа черезъ полтора пристали къ Студеницѣ.

Мѣстечко, какъ вообще всѣ мѣстечки въ западныхъ губерніяхъ, состоитъ изъ рынка, обстроеннаго еврейскими домами и нѣсколькихъ десятковъ крестьянскихъ хатъ, которыя впрочемъ здѣсь окружены тѣнистыми и густыми садами. На этотъ разъ меня занимала не жизнь Студеницы, а ея древности, и потому я поспѣшилъ уйдти съ рынка, гдѣ толпы евреевъ предлагали мнѣ самые лучшіе товары. Имѣя однакожъ въ виду остаться въ пути довольно долго и выйдя изъ дому безъ завтрака, я зашелъ въ первый заѣздный домъ и кликнулъ хозяина. Съ евреями имѣть дѣло потому хорошо, что за деньги они исполняютъ все, что только въ ихъ власти, и не задумаются надъ вашимъ требованіемъ, какъ бы ни было оно эксцентрично, и наконецъ чѣмъ оно эксцентричнѣе, тѣмъ еврей веселѣе, потому что разсчитываетъ на бо́льшее вознагражденіе. Вспомнивъ, что на верху одной горы долженъ быть удивительный родникъ чистой воды, я обратился къ еврею съ вопросомъ, что́ возьметъ онъ, если пошлетъ за мной самоваръ и приборъ за мѣстечко, куда нибудь на окрестныя горы. Еврей почесалъ за ухомъ.

— И углей надо? спросилъ онъ.

— Разумѣется и углей.

Онъ подумалъ.

— Это будетъ стоить, послѣднее слово — три злота (45 к.). Еслибъ вы велѣли поставить здѣсь, я взялъ бы сорокъ грошей (20 к.), а за мѣстечко надо отпустить больше угля, да и послать мальчика.

— Хорошо.

— Ужъ вы, панъ, дайте малому сколько нибудь.

— Это мое дѣло, пусть только собирается поскорѣе.

Руснакъ мой, остававшійся на берегу, увидѣлъ своего односельца, зачѣмъ то пріѣхавшаго въ Студеницу, поручилъ ему лодку съ веслами и присоединился ко мнѣ, любопытствуя побывать въ пещерѣ. Мы запаслись съѣстнымъ, бутылкой водки и отправились вдоль улицы по указанію еврея къ одной хатѣ, гдѣ могли взять проводника по окрестности. Съ окончаніемъ еврейскихъ домовъ кончилась нечистота и потянулись малорусскіе заборы, за которыми изъ огородовъ и садовъ торчали сорныя травы и на которыхъ тамъ и сямъ словно шпалеры висѣли ползучіе стебли тыквъ, кое гдѣ съ запоздавшимъ золотистымъ цвѣткомъ и оригинальными плодами. Въ иномъ мѣстѣ цѣлыя группы

стройныхъ разноцвѣтныхъ мальвъ и высокихъ подсолнечниковъ выглядывали на дорогу. На сквозныхъ воротахъ покачивались дѣти и оглашали улицу веселымъ пискливымъ смѣхомъ. Проводника мы отыскали легко и черезъ четверть часа подходили къ горѣ съ знаменитой пещерой. Скала почти отвѣсная, но есть тропинки, такъ что мы безъ труда достигли до отверстія. Пещера дѣйствительно большая, съ отдѣленіями, но чтобы въ ней могло помѣститься пятнадцать тысячъ—чистѣйшая фантазія. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что служила она убѣжищемъ во время нападенія враждебныхъ народовъ; но рыть ее было не легко, потому что приходилось трогать каменную почву.

— Что же это за пещера? спросилъ я проводника: кѣмъ она выкопана?

— А кто его знаетъ! Говорятъ турокъ, а можетъ и наши. Дѣло было давно, покойникъ отецъ сказывалъ, что сколько запомнитъ она была такая.

— А я слышалъ, будто черти хотѣли здѣсь устроить пекло?

— Можетъ быть. Гдѣ вы слышали?

— Въ Комаровѣ.

— Ну, въ Комаровѣ брешутъ хорошо, а вотъ мы здѣшніе старожилы ничего неслыхали.

Комаровскій мой руснакъ смѣшался и покраснѣлъ.

— Пекло здѣсь не съ руки, продолжалъ проводникъ: извѣстно, черти пекутъ людей въ смолѣ, а смола у насъ дорога, — гдѣ бы они ее набрали? Атъ, плетутъ небылицы отъ нечего дѣлать!

На стѣнахъ я не нашелъ никакого слѣда древностей и только въ глубинѣ одной ниши что̀-то въ родѣ жертвенника. Въ другой горѣ, гдѣ по преданію былъ монастырь, проводникъ показывалъ гдѣ стояла церковь съ чудотворной иконой и при этомъ отвелъ за ухо жиденка, полѣзшаго осматривать грубые кресты, высѣченные въ скалѣ, «щобъ бісова невіра не поганила святощей». Оставалась криница (источникъ), куда я и поспѣшилъ, въ надеждѣ напиться отличнаго чаю, запасъ котораго имѣлся у меня въ дорожной сумкѣ. Я отдалъ проводнику и лодочнику бутылку водки въ полное распоряженіе, а самъ съ евреемъ занялся самоваромъ. Солнце поднялось довольно высоко, и съ вершины горы представлялась чудная панорама. Подъ нами надъ мѣстечкомъ висѣлъ дымъ, который, бывъ прорѣзанъ лучами, принялъ видъ янтарнаго облака. Самоваръ мой закипѣлъ живо;

я сдѣлалъ чаю, налилъ стаканъ и, закуривъ сигару, усѣлся на утесѣ наслаждаться прелестнымъ видомъ и свѣжимъ горнымъ воздухомъ. Мимо пролегала дорога и уходила въ глубину края змѣистой желтой полосой, между перелѣсками, за которыми тамъ и сямъ блестѣли кресты церквей и виднѣлись помѣщичьи усадьбы. По этой дорогѣ изъ за рощи показалась небольшая толпа мужчинъ и женщинъ — душъ десять, и когда подошла ближе, можно было по костюму признать богомольцевъ, которые возвращались изъ Кіева или изъ Почаева. Все это были вѣроятно окрестные поселяне, обвѣшанные разными котомками. Впереди ихъ бодро шелъ высокій мужчина съ необыкновенно большими распущенными волосами, въ длинномъ кафтанѣ, подпоясанный широкимъ кожанымъ ремнемъ и въ остроконечной шапкѣ, опираясь на длинную палку, на которой сверху была привѣшена высушенная тыква, употребляемая для воды въ дорогѣ. Богомольцы шли, понуривъ головы, какъ видно утомленные дальнимъ путемъ, а господинъ съ распущенными волосами зорко посматривалъ по сторонамъ и замѣтилъ нашу небольшую группу. Остановясь и закрывъ глаза рукою отъ солнца, онъ долго, по видимому, не понималъ что мы дѣлали, но потомъ, должно быть, разглядѣлъ и, указавъ своимъ спутникамъ на мѣстечко, самъ полѣзъ къ намъ на скалу такъ быстро, какъ будто ноги его не чувствовали никакой усталости. Когда однако же очутился онъ передъ нами, то запыхался до того, что не могъ перевести духъ и только, снявъ шапку, перекрестился.

— Хлѣбъ да соль! молвилъ онъ наконецъ, озирая насъ внимательно.

— Милости просимъ, отвѣчалъ я по обычаю.

— А нельзя ли одолжить стаканчикъ водицы?

— Садитесь, отдохните и выпейте чаю.

— Благодарствуйте! у васъ вѣдь сахаръ скоромный.

— Какъ скоромный?

— Извѣстно, дѣланъ на костяномъ углѣ. Мы не употребляемъ—грѣшно, сегодня пятница. А! позвольте, у меня есть кусочка два, что подарилъ отецъ Харлампій—можетъ быть знаете?

— Нѣтъ, незнаю.

— Въ Почаевѣ.

— Какъ угодно, вотъ вамъ чай безъ сахару; коли не хотите моего, пейте со своимъ.

— Да спасетъ васъ Богъ, ваше благородіе, или, можетъ быть, ваша милость—купцы?

— Что за церемоніи! Всѣ люди Божьи. Неугодно ли хлѣба?

— Можетъ скоромный?

— Вотъ этого не знаю.

— Если бы милость ваша одолжили бы ромцу немножко.

— Очень жалѣю, что нѣтъ.

— А вонъ бутылка.

— Это съ водкой.

— Ничего, я знаете этакъ прежде подкрѣплю силы.

И богомолецъ потянулся за бутылкой. Проводнику видимо не понравился этотъ жестъ, но онъ пододвинулъ бутылку и счелъ обязанностью извиниться въ неимѣніи чарки.

— Можно и безъ чарки—душа мѣру знаетъ, отозвался дюжій дѣтина, и приставивъ горлышко къ губамъ, началъ втягивать живительную влагу. Оказалось, что онъ отпилъ порядочно.

— Теперь можно, ваше благородіе, и чайку, молвилъ онъ, покрякивая.

Я налилъ ему стаканъ, онъ вынулъ изъ кармана кусочекъ обгрызеннаго, выпачканнаго сахару и началъ пить въ прикуску. Это былъ атлетъ. На загорѣломъ лицѣ его пробивался румянецъ здоровья, а шея такого объема, что «хоть ободья гни», по малорусскому выраженію.

— Вы изъ духовныхъ? спросилъ я его, желая ближе познакомиться съ этой личностью.

— Не сподобилъ Богъ, отвѣчалъ онъ, пуская глаза къ верху; еще недостоинъ, еще мало трудился.

— А какого рода были ваши труды?

— Малые, малые, по грѣхамъ моимъ. Одинъ только разъ сходилъ къ Митрофанію, два раза въ Кіевъ, и вотъ только теперь удостоился быть въ Почаевѣ, а сколько еще святынь! Я и въ Соловки пойду и буду въ Іерусалимѣ. Но весною въ нынѣшнемъ году я трудился.

— Гдѣ?

— Въ —скомъ монастырѣ. Я прихожу туда и дѣйствую какъ послушникъ. Тамъ одинъ старецъ наложилъ на меня тяжкій искусъ. Каждый день послѣ ранней обѣдни беру топоръ и отправляюсь рубить каменную гору, работаю иногда до поздней

обѣдни, а послѣ трапезы до вечерень, и такъ умаешься, что жилы тянетъ.

— Для чего же это?

— Во славу Божiю.

— Я тутъ не вижу ничего угоднаго Богу. Мнѣ кажется, если бы вы нарубили дровъ, скопали огородъ какому нибудь бѣдному семейству или сдѣлали другое полезное дѣло, это было бы для Бога гораздо прiятнѣе.

— Помилуйте, ваше благородiе, это уже мiрское и выходитъ всяческая суета по писанiю.

— У васъ есть родные?

— Есть престарѣлые родители.

— Кто же ихъ присматриваетъ?

— Добрые люди, потому я у нихъ единственный сынъ.

— Вотъ вы и потрудились бы для нихъ, а то оставили...

— А что же дѣлать! Съ малолѣтства плѣнился я монастырскимъ житiемъ, забываю все мiрское и умерщвляю плоть...

Я невольно посмотрѣлъ на его толстую шею и жирныя руки.

— А гдѣ же бутылка? обратился онъ къ моему проводнику.

— Сегодня, паноче, пятница, отвѣчалъ тотъ иронически: можетъ быть грѣхъ; вѣдь вы уже выпили, надо и намъ по трудахъ.

— Не кощунствуй и не обижай человѣка Божiя. Ты не знаешь вѣрно какъ сказано въ писанiи: «не то скверная, что входитъ во уста»...

— Однако вы не хотите пить чай съ панскимъ сахаромъ, хоть въ немъ нѣтъ никакого скорому.

— Не богохульствуй, окаянный, а подай мнѣ бутылку. Дозвольте, ваше благородiе!

— Отдайте, братцы, горѣлку, я вамъ куплю въ мѣстечкѣ.

Богомолецъ снова приложился къ бутылкѣ и на этотъ разъ выпилъ до капли. Послѣ этого, развернувъ котомку, онъ вынулъ пузырекъ.

— Не благоугодно ли вамъ водицы изъ живоноснаго почаевскаго источника: по вашей добродѣтели я уступлю вамъ за два злота (30 к.).

— Благодарю васъ, мнѣ ненужно.

— Вы развѣ иновѣрецъ, сирѣчь неправославный?

— Нѣтъ, я православный.

— Значитъ изъ нонѣшнихъ, невѣрующихъ?

— Такъ. Все роскошь, чревоугодіе. Да, сбывается писаніе. Значитъ больше не пожертвуете, ваше благородіе?

— Нѣтъ, не пожертвую.

— Ну, прощайте! Мнѣ пора. А право, сказали бы свое имя, я включилъ бы...

— Не безпокойтесь.

Богомолецъ поспѣшилъ спуститься со скалы и быстро пошелъ въ мѣстечко. Проводникъ взялъ бутылку, опрокинулъ донышкомъ вверхъ и улыбнулся.

— Гладко пье! проговорилъ онъ: хоть би тобі краплю (каплю) зоставивъ!

— Ну, ничего, я куплю вамъ око.

Такимъ образомъ пріятная прогулка моя была испорчена, и я ранѣе чѣмъ думалъ отправился изъ Студеницы. Обратный путь намъ внизъ по рѣкѣ былъ незатруднителенъ, и мы безъ приключеній достигли Комаровскаго берега.

ГЛАВА V.

Замѣчательная гора. Ѣзда Руснаковъ. Молодава. Квартира. Сцена на томъ берегу. Пѣвица. Поѣздка въ Старую Ушицу. Хозяинъ. Тысяцкій. Мельницы. Разсказъ. Базаръ. Ловкій еврей. Ломачинцы. Пещеры. Еврейская колонія. Калюсъ. Бѣлоусовка. Сокиряне. Наславге. Лядова. Старинная церковь. Путь до Могилева.

Путешествіе отъ Комарова внизъ по Днѣстру берегомъ, кромѣ живописныхъ видовъ, представляетъ еще одну замѣчательно-крутую гору, спускъ и подъемъ которой сопряжены съ чрезвычайной трудностью, и были бы опасны, еслибъ не руснацкія лошади, а болѣе не сами руснаки, обладающіе удивительной способностью взбираться по едва проходимымъ тропинкамъ. На гору или подъ гору — руснакъ не разбираетъ ни дороги, ни степени крутизны, и для него ѣхать шагомъ, по какой бы то ни было покатости, немыслимо до того, что приказаніе ваше въ этомъ смыслѣ кажется ему дикимъ. Когда я первый разъ ѣхалъ въ отчаянной таратайкѣ по скалистому берегу Буковины и долженъ былъ спуститься и вновь подняться по одному значительному косогору, мнѣ казалось весьма естественнымъ, что ямщикъ мой остановится и предложитъ мнѣ сойти съ повозки, которой предстояло катиться по крутой извилинѣ внизъ и потомъ, огибая окраину пропасти, взбираться на противоположную стѣну. Но каково же было мое удивленіе, когда худощавый возница, нахлобучивъ покрѣпче баранью шапку, стегнулъ лошаденокъ и въ добавокъ громко крикнулъ на нихъ «тягаря!» съ прибавленіемъ нѣсколькихъ пряныхъ выраженій... Признаюсь, у меня захватило духъ и я растерялся, неожидавъ подобной развязки. Таратайка раза два покачнулась во время этого мгновеннаго спуска, благодаря узкости дороги, подхватывала равновѣсіе, толкаясь о камни, и съ грохотомъ скатилась къ самой окраинѣ пропасти, гдѣ руснакъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы дать лошадямъ должное направленіе.

— Тише! ты съ ума сошелъ, сказалъ я, едва переводя духъ. Можно ли бѣжать съ такой горы.

Руснакъ засмѣялся.

— Се не гора, яка се гора? отвѣчалъ онъ: се горбочокъ.

А «горбочокъ» былъ такого свойства, что еслибъ руснакъ не держалъ при поворотѣ лошадей, или лопнула хоть одна веревочная возжа, то не знаю въ какомъ положенiи докатились бы наши трупы на дно пропасти. Конечно, тутъ дѣло привычки, и освоившись съ манерой молдаванъ и руснаковъ, я не боялся уже ни спускаться съ крутизны, ни подыматься на нее маршъ-маршемъ, но въ первое время, надо правду сказать, душа бывала не на мѣстѣ.

Гора, о которой я упомянулъ въ началѣ, извивающаяся наискось крутаго берега между селенiями Комаровымъ и Молодавой, выходитъ изъ категорiи обыкновенныхъ, какъ по длинѣ, такъ и по значительному углу паденiя. Я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что спускъ съ Гутъ-горы или Крестовой на военно-грузинской дорогѣ — не представляетъ столько опасности. Разумѣется, Кавказскiя горы гораздо длиннѣе, но онѣ превосходно разчищены; эти же, находясь въ допотопномъ видѣ и напути нетолько не торговомъ, а по которому не проѣзжаетъ начальство, никогда не видали что̀ значатъ заступъ и лопата. Ухабы на ней такiе, что въ иномъ мѣстѣ колесо дѣлаетъ прыжокъ въ поларшина, и кромѣ этого удобства дорога усѣяна разнообразными каменьями, на разстоянiи неменьше полуверсты, и извивается нѣсколькими замысловатыми зигзагами. Когда я подъѣхалъ къ этой горѣ въ своемъ фургонѣ и остановился надъ первымъ спускомъ, то, признаюсь, задумался—не лучше ли сдѣлать лишнихъ десять верстъ и поѣхать объѣздной дорогой. Но нѣсколько проводниковъ, вышедшихъ заблаговременно изъ Комарова, и приставшихъ къ нимъ руснаковъ изъ Молодавой объявили, что спустятъ экипажъ благополучно. Я посулилъ имъ хорошее вознагражденiе, а самъ отправился внизъ, чтобы не видѣть рискованнаго, по моему мнѣнiю, спуска, и не быть свидѣтелемъ крушенiя фургона, который могъ разбиться со всѣмъ моимъ достоянiемъ, недолетѣвъ даже до Днѣстра, цѣпляясь о каменья и дѣлая сальто-мортале по необыкновенно крутой покатости. Мнѣ казалось даже, что люди и лошади подвергались опасности, и я рѣшился было ѣхать назадъ и поворо-

тить другой дорогой; но руснаки засмѣялись, закурили трубки, засучили рукава, сняли «манты» (верх. одежда), бросили ихъ на камняхъ и приступили къ дѣлу, повидимому, для нихъ самому обыкновенному.

— Да вѣдь вы же сами говорите, что здѣсь никогда не ѣздятъ большими экипажами, замѣтилъ я.

— А не ѣздятъ.

— Какъ же вы можете быть увѣрены въ благополучномъ спускѣ?

— Куда же мы возимъ снопы съ поля, или сѣно, отозвался пожилой руснакъ изъ Молодавой: а повозка хоть бы съ сѣномъ штука не легкая.

— И никогда ничего не случалось?

— Какъ не случаться? бываетъ, что и перекувырнется.

— Такъ, значитъ, нельзя быть увѣреннымъ?

— Все отъ Бога. А вы не безпокойтесь, фургонъ доставимъ благополучно.

Съ этимъ я ушелъ внизъ, и къ величайшему удовольствію, неболѣе какъ черезъ полчаса, передо мною стоялъ мой фургонъ въ совершенной цѣлости и исправности, словно и не перескакивалъ съ каменнаго уступа на уступъ по опаснымъ излучинамъ. Разсчитывая, что проводники мои употребили огромныя усилія, и что на ихъ рукахъ было все мое состояніе, какъ человѣка, имѣющаго право сказать «omnia mecum porto», я далъ имъ на шестерыхъ трехрублевый билетъ и поблагодарилъ за услугу. Руснаки пришли въ восторгъ отъ этой суммы, наговорили мнѣ кучу комплиментовъ, но кланяясь низко, просили—не могу ли я выдать имъ денегъ отдѣльно каждому на руки; я замѣтилъ, что хоть у меня и есть мелочь, но при ежедневныхъ расходахъ по деревнямъ, мнѣ могутъ встрѣтиться затрудненія, а имъ легко размѣнять и раздѣлиться.

— Нѣтъ, ужъ лучше дайте хоть меньше, только сами насъ подѣлите, сказалъ пожилой руснакъ, снимая шапку: а то изъ этого ничего не будетъ.

— Какъ не будетъ?

— Разъ, что мы до ночи будемъ разсчитывать, а второе—надо размѣнять въ корчмѣ.

— Такъ что же?

— А то, что нехотя пропьешь лишнее... Ну, положимъ, это

не бѣда, а вотъ хоть у насъ въ Молодавой, или въ Комаровѣ каждый добрый человѣкъ долженъ жиду корчмарю: онъ и долгъ *отвернетъ* (вычтетъ), да еще припомнитъ, что какой нибудь мой родичъ ему долженъ, и не придется получить ни копѣйки.

Убѣжденіе это было довольно основательно, такъ что я рѣшился дать проводникамъ каждому по полтиннику.

Большое селеніе Молодава тянется по правому берегу Днѣстра, обставленное съ другой стороны высокими горами, которыя, то нависнувъ голыми утесами, то волнуясь круглыми зелеными холмами, слѣдуютъ прихотливымъ изгибамъ рѣки и придаютъ много красоты деревенскому ландшафту. Нѣкоторые изъ круглыхъ холмовъ поросли вѣтвистыми деревьями, а другіе представляютъ необыкновенно-оригинальный видъ, бывъ покрыты сѣтями тропинокъ, вытоптанныхъ стадами—точь въ точь глобусы, испещренные чертежемъ. «Газда» (испорч. молдавская каза ди обшти), т. е. хата, предназначенная для пріѣзжихъ чиновниковъ была кѣмъ то занята, и мнѣ отвели помѣщеніе въ домѣ головы, богатаго руснака. Квартира отличная, съ широкими лавками, устланными коврами, съ большимъ столомъ, съ рѣзнымъ шкафомъ, уставленнымъ разной посудой, и чѣмъ то въ родѣ этажерки, на которой въ пыли и забвеніи лежали нѣсколько книгъ, имѣющихъ полное право примѣнить къ себѣ извѣстные стихи:

О, вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей.

Духовныя въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками помѣщались особо возлѣ широкой божницы, уставленной нѣсколькими образами, произведенія кисти какого нибудь удалаго самоучки. Въ большой этой комнатѣ, гдѣ все глядѣло такъ привѣтно и чисто, не было больше ничего, только лежатъ на окнахъ маленькія засушенныя тыквы странныхъ формъ, растущія въ изобиліи по днѣстровскому побережью. За то другая, маленькая, въ которой стояла широкая досчатая кроват съ горой подушекъ, загромождена было коврами, зимней и лѣтней одеждой всего семейства, состоявшаго преимущественно изъ прекраснаго пола. Головиха, женщина лѣтъ за сорокъ, но бодрая, подвижная, просила требовать что угодно, не стѣсняясь, а въ случаѣ, собственные ея запасы не позволяли бы исполнить мое желаніе, она вызывалась послать къ помѣщицѣ. Слѣдуя обыч-

ной своей системѣ, я тотчасъ же высказалъ, что за всѣ припасы я плачу деньги, даю каждому за труды, и на этомъ основаніи просилъ сварить мнѣ обѣдать. Хозяйка долго не соглашалась готовить обѣдъ за деньги, изъ боязни разгнѣвать мужа, который, какъ пріѣдетъ да узнаетъ, что съ меня взяли плату за обѣдъ, то непремѣнно разсердится, — однако я не уступилъ и сказалъ, что въ такомъ случаѣ обращусь къ еврейкѣ въ корчму, хотя бы мнѣ этого и не хотѣлось. Головиха пристально посмотрѣла на меня, поклонилась и примолвила:

— Какъ угодно, но чтобы я не была въ отвѣтѣ.

Осмотрѣть селеніе было недолго и хоть я не нашелъ въ немъ рѣшительно ничего занимательнаго, однако рѣшился остаться въ немъ нѣсколько времени для успокоенія совѣсти. Переѣхавъ какъ то съ ружьемъ на подольскій берегъ, я зашелъ въ ближайшую деревушку, съ цѣлью взять въ проводники какого нибудь мальчугана и въ первой же хатѣ наткнулся на интересную пару, довольно немолодыхъ супруговъ. Мужъ лежалъ на лавкѣ и держалъ въ рукѣ кнутъ, лѣниво имъ помахивая, а жена, стоя съ ухватомъ у печки, словно въ оборонительномъ положеніи, говорила скоро и плаксивымъ голосомъ—вѣроятно какіе нибудь упреки. Приходъ мой былъ причиной перемирія. Хозяинъ тотчасъ всталъ, хозяйка, бросивъ ухватъ, принялась сметать лавки и пригласила меня садиться. Я тотчасъ же объявилъ цѣль своего прихода и хоть получилъ отрицательный отвѣтъ, что у нихъ идти со мною некому, однако свернулъ папироску и рѣшился узнать причину супружеской ссоры, изъ желанія уловить какую нибудь новую черту народнаго быта. Но если еще старинный стихотворецъ положительно выразился:

Ничто не ново подъ луною,

то намъ покрайней мѣрѣ можно, непогрѣшая противъ истины, сказать, что въ супружескихъ отношеніяхъ не найдешь ничего новаго, будь то между руснаками, или между какимъ угодно племенемъ. Разспрашивать просто изъ любопытства о причинѣ размолвки мнѣ не хотѣлось, и я придумалъ пустить въ ходъ легкую дипломатію и спросилъ нельзя ли наскоро достать водки. Хозяинъ тотчасъ же вызвался сбѣгать и принесть сколько угодно, но я поручилъ ему купить полштофа, разсчитывая, что такого количества весьма достаточно не только узнать о причинѣ ссоры

супруговъ, но и помирить ихъ, если ссоры и драки не сдѣлались для нихъ хроническими. Хозяинъ подпоясался, снялъ съ гвоздика шапку и весело отправился въ корчму, а я остался съ хозяйкой.

— Что это у васъ, голубушка, съ мужемъ? спросилъ я.

— Атъ, навязался самъ не знаетъ чего! отвѣчала она.

— Сердитый такой, что ли?

— Какое сердитый! просто смиренъ какъ теленокъ, а извѣстно, дурь пришла въ голову.

— Вѣрно чѣмъ нибудь ты обидѣла его?

— Ничѣмъ не обидѣла, а вчера былъ пьянъ, сегодня захотѣлось опохмѣлиться, да нѣтъ денегъ—вотъ и все.

— За что́ же онъ привязался къ тебѣ!

— Видите ли; я недавно заработала два злота (30 к.) и берегу ихъ на соль, такъ онъ требовалъ хоть на чвертку, а я не дала и не дамъ.

— И прекрасно дѣлаешь... Только никакъ онъ собирался поколотить тебя.

— Собираться-то собирался, да я вѣдь тоже неподатлива: скорѣе грѣхъ возьму на душу и отколочу мужа, нежели позволю ему бить меня ни за-что ни про-что. Дѣло другое, коли виновата, перетерпишь, а то я работала какъ скотина, загоревала два злота—и подай ему опохмѣлиться!

Хозяйка говорила быстро и жестикулировала, какъ особа съ характеромъ. Но появился хозяинъ и, торжественно поставивъ водку на столъ, обратился къ женѣ уже болѣе дружелюбнымъ тономъ:

— Поищи-ко доброму человѣку закусить чего нибудь, и хоть водка и хорошее дѣло, а горька проклятая.

— У насъ ничего нѣтъ кромѣ сухаго хлѣба.

— Благодарю и за то, вмѣшался я, желая прежде помирить хозяевъ. Садитесь-ко, да выпьемъ

Хозяинъ усѣлся съ видимымъ удовольствіемъ, хозяйка нашла рюмку и подвинула къ намъ кусокъ черстваго хлѣба и солонку.

— Ахъ, какая ты досадная, проговорилъ мужъ: жаль, что неудалось мнѣ поколотить тебя хорошенько. Хоть бы *цыбульки* (луку) принесла—все таки вкуснѣе.

— Поколотить то у тебя руки коротки, а цыбульки принести можно: она у насъ непокупная.

И передъ нами явилась деревянная тарелка съ нѣсколькими луковицами. Я поспѣшилъ налить водки и поднесъ хозяйкѣ. Она отклонила мою руку.

— Ему прежде, онъ старше, сказала она серьезно.

— Вотъ за это хвалю, замѣтилъ хозяинъ: что правда, то правда—кто старше, тотъ не меньше.

И онъ любезно предложилъ мнѣ выпить первому.

— Я вѣдь совсѣмъ не пью водки, а хотѣлъ угостить васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да какъ же такъ?

— Просто, она *мнѣ не пользуетъ* (вредитъ).

— Это штука! Ну, дѣлать нечего, выпьемъ, жена.

— Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ я, чтобъ прежде всего вы помирились, а то, кажется, я засталъ васъ не въ добромъ согласіи.

Хозяинъ засмѣялся.

— Мало ли у мужа съ женою бываетъ споровъ, проговорилъ онъ, осушивъ рюмку и наливая другую. Ну, жена, такъ и быть, помиримся, продолжалъ онъ, подавая ей чарку.

— Я не прочь помириться. Да какъ же они, прибавила она, указывая на меня: не ужъ то и губъ не помочатъ!

Я опомнился, что позабылъ деревенскій этикетъ, взялъ изъ рукъ хозяйки рюмку, прикоснулся къ ней губами и пожелалъ всѣмъ здоровья, а умершимъ царства небеснаго.

— Теперь и я выпью, отозвалась весело хозяйка и передала чарку мужу, который осушилъ разомъ двѣ или три съ народными прибаутками.

Черезъ нѣсколько минутъ между супругами уже незамѣтно было недавней ссоры, такъ что я счелъ возможнымъ обратиться съ вопросомъ къ хозяину о причинѣ размолвки, хотя и выслушалъ уже одну сторону.

— Атъ, бабскія причуды, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукою: извѣстно, у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Хозяйка улыбнулась, но не отвѣчала ни слова.

— Да въ чемъ же дѣло? настаивалъ я.

— Да какъ вамъ сказать, разсердила меня и только. Вчера сосѣдъ пригласилъ на радостяхъ, что засваталъ сына, — ну, мы и выпили, знатно выпили. Сегодня просыпаюсь — горько во рту и голова трещитъ; надо, значитъ, опохмѣлиться, а денегъ нѣтъ. Я и вспомнилъ, что жена заработала два злота и велѣлъ

ей купить чвертку, хоть осмушку наконецъ. Не послушалась. Вотъ я и разсердился.

— Не купила и не куплю, отозвалась хозяйка, скороговоркой: у насъ скоро соли не хватитъ, а безъ соли труднѣе прожить чѣмъ безъ горѣлки.

— Совершенная правда, замѣтилъ я.

— Да вѣдь мнѣ же нужна была какая нибудь гривна, сказалъ хозяинъ, немного смѣшавшись.

— А развѣ ты ее заработалъ? спросила жена.

— Эхъ, баба! Ну, вотъ чужой и, видно, добрый человѣкъ— пусть насъ разсудитъ.

— Пусть разсудитъ.

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Вѣдь я хозяинъ? обратился мужъ къ женѣ.

— Хозяинъ.

— Твой мужъ и начальникъ?

— Да.

— Эта хата и все что въ хатѣ—мое?

— Твое.

— И корова, и овцы, и свиньи, и куры—все мое?

— Твое.

— И ты моя?

— Твоя.

— Стало быть и два злота...

— Два злота мои, потому что я ихъ заработала.

— Да, замѣтилъ я, и по моему деньги того, кто заработалъ.

Хозяинъ недовѣрчиво взглянулъ на меня и выпилъ чарку.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ. Постойте, же я начну не такъ. Слушай, жена! Эта хата и все, что въ хатѣ—наше?

— Наше.

— И коровы, и овцы, и свиньи, и куры наши?

— Наши.

— Стало быть и два злота... сказалъ торжественно хозяинъ.

— Мои, потому что я ихъ заработала.

— Самъ чортъ не столкуетъ съ бабой, какъ она расходится!

— Хорошо. Была бы я дура, послушалась тебя и мы вмѣстѣ пропили бы деньги: а на соль гдѣ бы мы взяли? А?

— Ну, взять-то негдѣ... развѣ продать что́ нибудь.

— А на подушное?

— Оно у меня вотъ тутъ, проговорилъ хозяинъ, ударивъ себя по затылку.

— Видишь, любезный, что хозяйка права, сказалъ я.

Хозяинъ ударилъ кулакомъ по столу и неожиданно принялъ грозное положеніе.

— Пусть будетъ по вашему. А какъ же она смѣла ухватить рогачъ, когда я хотѣлъ постегать ее? Жена вѣдь должна бояться своего мужа.

— И всегда буду брать рогачъ и все, что попадется подъ руку, если ты захочешь бить понапрасну: я уже тебѣ это не разъ говорила. Коли я виновата, развѣ же я защищаюсь?

— Еще бы защищалась.

— А бить понапрасну недамся; вотъ говорю и при этомъ человѣкѣ: недамся, недамся!...

И хозяйка бросила быстрый взоръ на ухватъ, смиренно стоявшій у печки.

— То ли дѣло жить дружно, безъ ссоръ, сказалъ я.

— Да какъ жить дружно съ этакой женой? Видите ли, она идетъ противъ закона и подымаетъ руку на мужа.

— Зачѣмъ же ты доводишь ее до этого. Она вѣдь говоритъ, что не споритъ съ тобой, коли виновата.

— А когда хочется выпить съ похмѣлья.

— Заработай денегъ.

— Гдѣ ихъ у чорта заработать! Итакъ долженъ Шмулю, а тутъ подати.

— Стало быть и нечего думать о водкѣ, пока не поправятся обстоятельства.

Хозяинъ покрутилъ головою.

— Ну, жена, видно на этотъ разъ надо простить тебя—поди сюда, поцѣлуемся.

— Какъ таки цѣловаться при чужомъ человѣкѣ!

— Съ мужемъ-то? Съ мужемъ, хоть средь базара можно.

И супруги искренно поцѣловались. Воспользовавшись этой минутой, я распрощался, бывъ принужденъ взять нѣсколько луковицъ на дорогу, безъ чего хозяйка не хотѣла отпустить меня.

Охота моя была неудачна.

Въ Молодавой не попадалось мнѣ ничего любопытнаго, исключая одной молоденькой руснaчки, обратившей мое вниманіе чуд-

нымъ, давно неслыханнымъ голосомъ. Вообще на югѣ у простолюдиновъ хорошіе голоса не рѣдкость, но это было исключеніе, и конечно, этому голосу суждено погибнуть подъ гнетомъ житейскихъ дрязгъ или затеряться въ непроходимой глуши, хотя онъ и созданъ для того, чтобы плѣнять слушателей на какой нибудь столичной оперной сценѣ. Собираясь уѣзжать въ Старую Ушицу, я захотѣлъ посѣтить окрестности Молодавой, именно прибрежье Днѣстра при крутомъ заворотѣ, куда не пролегала никакая дорога. Рано утромъ вышелъ я изъ крартиры и, пройдя село, пустился прямо къ одному живописному ущелью. Вдали послышались звуки руснацкой пѣсни, но ко мнѣ достигали они чрезъ небольшой лѣсокъ и изъ за утеса, такъ что я ничего не могъ замѣтить въ голосѣ необыкновеннаго. Сказать правду, занятый совершенно другимъ, я сперва даже не различилъ — кто пѣлъ: мужчина или женщина; но когда я поворотилъ за утесъ, меня поразили чистые, мягкіе звуки самаго нѣжнаго сопрано. Пѣсня была незатѣйлива, для исполненія ея мелодіи не требовалось искусства, а голоса этого я не могъ слушать безъ какого-то трепета, который проникаетъ иной разъ въ душу и располагаетъ васъ къ поэтическому настроенію. Серебристый, симпатичный голосъ этотъ, разсказывая тоску дѣвушки о предстоящемъ ненавистномъ замужествѣ и о разлукѣ съ милымъ, такъ полно, такъ естественно выражалъ малѣйшіе оттѣнки чувства, что еслибъ я не былъ въ глухомъ уголкѣ Бессарабіи, вдали отъ цивилизованнаго міра, я не усумнился бы въ присутствіи какой нибудь первоклассной пѣвицы. И уже не простое любопытство влекло меня впередъ; мнѣ казался этотъ голосъ давно знакомымъ, словно въ дѣтствѣ онъ напѣвалъ мнѣ тѣ неуловимыя мелодіи, которыя раздаются внутри человѣка и потомъ забываются, но все-таки оставляютъ послѣ себя какое то смутное воспоминаніе. Очарованье это было тѣмъ естественнѣе, что самая пѣсня невольно будила на памяти беззаботные дѣтскіе годы. Чтобъ достигнуть до пѣвицы, надо было подняться на гору. Я осторожно пошелъ между деревьями—изъ боязни спугнуть какую нибудь робкую руснačку. На зеленой площадкѣ, на большомъ сѣромъ камнѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, худенькая, стройная, лицо которой на первый взглядъ показалось мнѣ некрасивымъ. Возлѣ нея лежала небольшая торба съ съѣстными припасами, а въ рукахъ былъ кусокъ холста, на

которомъ она вышивала разноцвѣтною бумагой узорчатые рукава для сорочки. Возлѣ, по всему зеленому скату, бродили телята, а дальше на другомъ холмѣ черезъ оврагъ сидѣла группа мальчишекъ, вокругъ пылавшаго костра, дымъ котораго прямымъ столбомъ подымался вверхъ за отсутствіемъ вѣтра. Дѣвушка замѣтила меня въ то время, когда я подошелъ къ ней шага на два, въ ту же минуту перестала пѣть, покраснѣла и смѣшалась. Снявъ шапку, я по обычаю привѣтствовалъ ее и просилъ не пугаться и не уходить, потому что она взялась за торбу и сдѣлала движеніе подняться съ камня. Положеніе мое было довольно щекотливо: мнѣ хотѣлось еще послушать пѣсень, а я рисковалъ лишиться даже собесѣдницы, встрѣтивъ чрезвычайно робкую личность. Будь эта дѣвушка веселая, разбитная, разговоръ завязать недолго, а пожалуй можно и полюбезничать, потому что иная деревенская красавица удивительно ловко умѣетъ пококетничать; но у моей пѣвицы въ глазахъ отразился испугъ, и замѣтно было какъ легкая дрожь пробѣжала по молодому тѣлу. Исполняя мою просьбу, она не встала съ камня, но когда я сѣлъ на другомъ концѣ, очевидно было, что русначка смѣшалась окончательно. Замѣшательство это перешло и ко мнѣ въ такой степени, что, привыкнувъ издавна обращаться и дружиться съ простолюдиномъ, я не зналъ съ чего начать, изъ боязни показаться неловкимъ передъ молоденькой пѣвицей. Вѣроятно, непонимая моего молчанія, дѣвушка подняла на меня большіе черные глаза и словно спрашивала — зачѣмъ я пришелъ и что мнѣ надобно?

— Я просто пришелъ послушать, миленькая, твои пѣсни. Ты такъ хорошо поешь, сказалъ я, желая начать разговоръ.

— Пою, какъ всѣ дѣвушки въ Молодавой.

— Нѣтъ, у тебя голосъ какой-то непохожій на другіе, какъ то за душу хватаетъ.

Быстрая улыбка скользнула по губамъ русначки.

— Полно вамъ смѣяться, сказала она.

— Я и не думаю смѣяться.

— Гдѣ таки полюбилась бы вамъ наша деревенская пѣсня! Атъ, нечего дѣлать!

— Пожалуйста не говори этого. Ты, значитъ, сама не знаешь— какой у тебя чудный голосъ.

— Въ селѣ есть тоньше моего. Да вы тотъ панъ, что стоите на газдѣ у головы.

— Тотъ самый.

— Такъ какъ же я вамъ повѣрю. Говорятъ, вы очень издалека, столько прошли свѣта, а полюбился бы мой голосъ?

— Знаю, что тебя увѣрить нельзя, но подумай сама—зачѣмъ же я пришелъ бы къ тебѣ на гору?

— А кто васъ знаетъ!

— Видишь ли, миленькая, я сегодня уѣзжаю, и въ доказательство, что не смѣюсь надъ тобою, сдѣлаю тебѣ подарокъ, если ты споешь мнѣ какую нибудь пѣсеньку.

Русначка снова посмотрѣла на меня, но уже безъ испуга.

— Что, же вы мнѣ подарите?

У меня въ сумкѣ было нѣсколько новенькихъ рублевыхъ монетъ, и я вынулъ одну изъ нихъ.

— Вотъ могу предложить тебѣ на ленты.

— Такъ много! Неужто весь корбованецъ!

— Сдачи не потребую, отвѣчалъ я шутливо, желая навести на этотъ тонъ и свою собесѣдницу.

Дѣвушка, взявъ осторожно у меня монету, вертѣла ее въ рукахъ и разсматривала.

— Какой новенькій! сказала она: вѣрно вы набрали тамъ, гдѣ ихъ дѣлаютъ.

— Да, рѣшился я солгать, для поддержанія разговора.

— Ну, спасибо! У меня еще никогда не бывало столько денегъ. Да вы же за что дали мнѣ карбованецъ, за то, чтобъ я спѣла?

— Конечно.

— Такъ лучше возьмите назадъ, я при васъ пѣть не стану.

— Отчего?

— Стыдно.

И русначка покраснѣла.

— Стыдно, еслибъ здѣсь было что́ нибудь дурное, а за пѣсни, мнѣ кажется, никто не осудитъ.

— Знаю, да мнѣ то стыдно при чужомъ.

— Ты позабудь, что я здѣсь, и пой какъ пѣла передъ этимъ.

— Пѣть не могу, а ужъ если вы хотите непремѣнно, оставайтесь здѣсь, а я сойду въ яръ и запою.

— Дѣлай какъ для тебя удобнѣе. Мнѣ такъ хочется послушать твоихъ пѣсень, что я согласенъ на все.

Дѣвушка взяла торбу, положила работу за пазуху, быстро спустилась съ холма и исчезла за утесомъ. Я остался на камнѣ. И снова нѣжный, чарующій голосъ раздался недалеко... Эти чистые звуки, вылетавшіе изъ молодой неразвитой груди, и теперь еще остались у меня на памяти, такъ много было въ нихъ задушевности и той безискуственной поэзіи, которая въ состояніи растрогать самое зачерствѣлое сердце. Не помню сколько прошло времени, но русначка пѣла одну пѣсню за другою, какъ бы желая показать мнѣ все богатство своихъ средствъ, и заставить меня пожалѣть о талантѣ, которому суждено погибнуть безъ развитія. Когда пѣвица умолкла и черезъ нѣсколько минутъ показалась на тропинкѣ, я пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Благодарю тебя, миленькая, за твои прекрасныя пѣсни.

— Я спѣла бы еще, но больше не знаю.

— Довольно, да и для тебя это утомительно. У тебя чудный голосъ.

— Спасибо и вамъ. Вы поѣдете?

— Сегодня ѣду. Мнѣ жаль, что я не слыхалъ тебя прежде.

— А знаете ли, я подумала, что вы хотѣли посмѣяться надо мною.

— Напрасно такъ думала.

— Что же въ самомъ дѣлѣ въ моихъ пѣсняхъ такого, чтобъ ихъ слушать и платить деньги! У насъ всѣ дѣвушки поютъ одинаково.

Я считалъ лишнимъ продолжать дальнѣйшій разговоръ и возбуждать самолюбіе въ наивномъ добромъ созданіи и, попрощавшись съ молоденькой руснычкой, отправился въ Молодаву. Фургонъ мой былъ готовъ, и скоро я уѣхалъ за Днѣстръ, имѣя въ виду изъ старой Ушицы пробраться лѣвымъ берегомъ къ мѣстечку Калюсу. Противъ обыкновенія, новая мѣстность не производила на мою душу успокоительнаго дѣйствія: я былъ не въ нормальномъ состояніи. Взоры мои невольно обращались къ утесамъ праваго берега, а слухъ жаждалъ уловить звуки руснацкой мелодіи, глубоко заронившейся въ душу.

Старая Ушица, бывшій уѣздный городъ Каменецъ-подольской губерніи, а нынѣ мѣстечко, лежитъ при впаденіи рѣчки Ушицы

въ Днѣстръ, между отвѣсными высокими скалами. Въ нашихъ лѣтописяхъ о ней упоминается еще въ XII вѣкѣ, но нѣтъ никакихъ особенныхъ подробностей въ польскихъ источникахъ. Говорятъ, что въ качествѣ уѣзднаго города Ушица была еще похожа на что нибудь, но теперь—это жалкое мѣстечко, рынокъ котораго обставленъ еврейскими домиками, неимѣющее ни торговли, ни даже проѣзжей дороги, а существующее собственно энергической дѣятельностью евреевъ, способныхъ придать жизнь самой печальной и апатической мѣстности. На рынкѣ есть два, три порядочныхъ домика, въ разныхъ мѣстахъ торчатъ лавчонки, и конечно, самое существованіе послѣднихъ доказываетъ, что не сидятъ же въ нихъ евреи, не имѣя въ виду хоть грошевыхъ барышей, а лишь изъ любви къ искусству, для собственнаго удовольствія. Въ лавченкахъ этихъ, независимо отъ товаровъ, необходимыхъ для простолюдина, можно найти чай, разумѣется контробандный, кофе, сахаръ и даже стеариновыя свѣчи. Евреи занимаются также немного покупкою хлѣба и приготовленьемъ черносливу, о которомъ я говорилъ при описаніи Буковины.

Ненайдя комнаты въ заѣздныхъ дворахъ не по причинѣ большаго скопленія посѣтителей, а по случаю передѣлокъ, я потерялъ уже надежду пріютиться гдѣ нибудь, — какъ неожиданно, одинъ порядочный еврей, которому сдѣлалось извѣстнымъ мое безуспѣшное скитаніе по Ушицѣ, предложилъ мнѣ остановиться у него въ домѣ. Ломанымъ русско-польскимъ языкомъ онъ прибавилъ, что у него не постоялый дворъ и онъ не принимаетъ проѣзжихъ за деньги, но считаетъ за удовольствіе дать пріютъ важнымъ особамъ. Предложеніе было слишкомъ обязательно, но, не желая впослѣдствіи разыграть какое нибудь qui pro quo, я отвѣчалъ, что я, особа неважная и неслужащая, конечно не имѣю права на исключительное вниманіе.

— Все равно, мы знаемъ, что вы изъ Петербурга, отвѣчалъ гостепріимный еврей, а здѣсь вы нигдѣ не найдете квартиры.

— Въ такомъ случаѣ очень вамъ благодаренъ, и если не стѣсню васъ...

— Помилуйте, у меня есть двѣ чистыя комнаты, въ которыхъ мы никогда не живемъ, а мебель въ нихъ изъ Каменца, прибавилъ онъ съ нѣкоторою гордостью..

Квартира оказалась такая, какой не имѣлъ я и въ уѣздныхъ городахъ, съ весьма приличною мебелью, очень чистою, но украшенная множествомъ тѣхъ картинъ, о которыхъ большинство читателей, вѣроятно, не имѣетъ понятія. Это лубочныя еврейскія гравюры, изображающія какъ сцены изъ древней исторіи, такъ и фантазіи новѣйшихъ временъ, гдѣ иногда евреи представлены въ генеральскихъ и полковничьихъ эполетахъ на полѣ битвы съ неизвѣстными національностями. Разумѣется, непріятель вездѣ бѣжитъ, сыны израиля его преслѣдуютъ и торжественно машутъ огромными саблями. Содержаніе нѣкоторыхъ картинъ до того неудобопонятно, что самъ хозяинъ не могъ, по тексту, написанному внизу, дать мнѣ положительныхъ свѣдѣній и только указывая на голубыя деревья, на зеленыхъ верблюдовъ и какія то фигуры въ родѣ человѣческихъ, прибавлялъ:

— Это тамъ въ Палестинѣ.

Хозяинъ мой, не помню, бывшій или настоящій повѣренный откупа — оказался бывалымъ и разумнымъ человѣкомъ, и если не былъ знатокомъ въ изящныхъ искусствахъ, то обладалъ обширными познаніями, по части разныхъ торговыхъ сдѣлокъ, и вѣрно опредѣлялъ промышленное состояніе окрестностей, какъ своихъ, такъ и бессарабскихъ. Кромѣ разныхъ спекуляцій, онъ началъ заниматься выдѣлкою хорошаго чернослива, на манеръ французскаго, и вскорѣ послѣ моего прибытія принесъ мнѣ полную тарелку отличнаго чернослива, далеко оставлявшаго за собою буковинскій. Крупныя и подобранныя сливы не только не имѣли дымнаго запаху, свойственнаго у насъ этому продукту, но имѣли пріятный вкусъ и были слегка покрыты сахаристымъ порошкомъ.

— Я нарочно ѣздилъ по Бессарабіи и у насъ, гдѣ выдѣлывается черносливъ, и видѣлъ, что не такъ берутся за дѣло, сказалъ онъ.

— Гдѣ же вы научились приготовлять на манеръ французскаго?

— Дошелъ своимъ умомъ. Въ Каменцѣ я купилъ коробочку настоящаго французскаго и все придумывалъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ я, что самая слива во Франціи гораздо лучше.

— Это правда. Но мы можемъ разводить здѣсь самыя отлич-

ныя деревья, и никто не мѣшаетъ намъ отбирать изъ своихъ сливъ лучшіе сорты.

— Мнѣ очень пріятно встрѣтить въ васъ такой взглядъ на вещи, и если вы серьезно взялись за это дѣло, я полагаю, нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ.

— Вотъ то то и бѣда! Я уже возилъ свой черносливъ нѣкоторымъ богатымъ помѣщикамъ и въ Каменецъ.

— И что же?

— Даютъ лишь нѣсколькими копѣйками дороже чѣмъ за тотъ, который продается у насъ въ бочкахъ.

— Разумѣется, вамъ невыгодно?

— Просто убытокъ.

— Попробуйте послать хоть въ Одессу.

— Не знаю какъ будетъ дальше, а теперь этого нельзя. Нѣтъ, я уже придумалъ, прибавилъ хозяинъ съ улыбкой, которая показалась мнѣ очень хитрою.

Я тоже улыбнулся, а еврей, считая меня очень проницательнымъ, подхватилъ:

— Вы дагадались? Чтожъ дѣлать? Жаль вѣдь своихъ трудовъ.

Правду сказать, я не понималъ въ чемъ дѣло, но говорилъ общими мѣстами, желая добиться до настоящаго.

— И думаете получить хорошую выгоду?

— Кажется, процентовъ на сорокъ.—Только вы... Знаете—это...

— Я вѣдь не торгую черносливомъ.

— Да, буду продавать за иностранный, только немного дешевле. Коробочки и этикеты плохо поддѣлываютъ, да нашъ братъ скоро научится.

— Вотъ въ Бердичевѣ, замѣтилъ я: тамъ отлично все поддѣлываютъ.

— О, намъ далеко до Бердычева!.. Тамъ всѣ инструменты, тамъ искусные мастера и ужъ за что возьмутся, такъ обработаютъ, сказалъ хозяинъ, въ которомъ, по видимому, боролись легкое сожалѣніе—объ опрометчивости высказать проѣзжему секретъ, и авторское самолюбіе—похвастаться передъ петербургцемъ своей изобрѣтательностью.

— Но мнѣ кажется, замѣтилъ я, съ вашими способностями,

вы могли бы достигнуть до сбыта черносливу, и не прибѣгая къ такимъ не всегда вѣрнымъ средствамъ.

— Ничего не сдѣлаешь, или по крайней мѣрѣ очень не скоро. Вотъ вамъ примѣръ—вино. Я знаю какъ на бутылки налѣпляютъ этикеты и продаютъ за иностранное. Или табакъ—чисто бессарабскій идетъ за турецкій, и покупаютъ, а скажите, что онъ изъ Цепиловки, и смотрѣть не захотятъ. Отчего же можно дѣлать такъ съ виномъ и съ табакомъ, а нельзя съ черносливомъ? спрашивалъ еврей, приходя въ нѣкотораго рода азартъ.

— Видите ли, почтеннѣйшій, все таки это обманъ.

— А развѣ можно прожить безъ обмана? сказалъ хозяинъ самымъ наивнымъ образомъ.

— По крайней мѣрѣ должно.

— Мало ли что̀ должно. Нѣтъ, я вамъ скажу, намъ торговымъ людямъ нельзя безъ обмана, говорилъ мой собесѣдникъ въ полномъ убѣжденіи, что сказалъ великую истину: правдой возьмешь немного. Конечно, надо быть честнымъ на расплату, исполнять что̀ обѣщаешь, а въ товарѣ безъ обману не бываетъ.

Не считая удобнымъ убѣждать моего хозяина въ недобросовѣстности подобнаго принципа, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, съ дѣтства велъ свою торговлю такимъ образомъ, я постарался прекратить разговоръ и отправился обозрѣвать мѣстечко. Изъ всѣхъ властей въ Старой Ушицѣ полагается только тысяцкій, подчиненный земской полиціи. На базарѣ я слышалъ, нѣсколько разъ упоминалось названіе тысяцкаго, даже одинъ еврей пугалъ имъ пріѣзжаго крестьянина, что̀ привело послѣдняго въ нѣкоторое смущеніе, и я рѣшился познакомиться съ этой личностью тѣмъ болѣе, что мнѣ надо было имѣть съ нимъ дѣло, если бы онъ, во первыхъ, потребовалъ мои бумаги, во вторыхъ отъ него зависѣли обывательскія лошади, и наконецъ, мнѣ могла встрѣтиться надобность въ какихъ нибудь свѣдѣніяхъ. Жилище тысяцкаго отстояло, однакожъ, довольно далеко отъ рынка, заключаясь въ простой мѣщанской хатѣ, раздѣленной на двѣ половины и охраняемой свирѣпыми псами, которые при первомъ скрыпѣ калитки бросились на меня съ громкимъ лаемъ и съ явнымъ намѣреніемъ вцѣпиться мнѣ въ ноги. Я принужденъ былъ затворить калитку, и поспѣшилъ, по мѣстному обычаю, вытащить на скоро изъ плетня хворостину, потому что собаки пролѣзли

подъ воротами и бросились на меня съ большимъ остервененіемъ. Изъ двора показалась дѣвочка, ускромила псовъ и, узнавъ, что я хочу видѣть тысяцкаго, взялась проводить меня къ этому господину. Предо мной предсталъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста съ добродушной физіономіей, и просилъ садиться, невыслушавъ еще рекомендаціи. По убранству комнаты, по костюму, по самому разговору я тотчасъ же заключилъ, что онъ былъ или мѣщанинъ или сынъ какого нибудь бѣднаго чиновника, получившій воспитаніе у приходскаго дьячка и проведшій лучшія лѣта молодости на скамейкѣ земскаго суда или городской полиціи. Разговоръ у насъ не клеился, потому что собесѣдникъ мой ограничивался односложными отвѣтами, и на меня разомъ напала такая тоска, что я готовъ былъ тотчасъ же вырваться на улицу, но вѣжливость требовала вынести моральную пытку хоть на полчаса. Самые обыкновенные вопросы мои о торговлѣ и промышленности повергали тысяцкаго въ долговременную задумчивость, и не знаю уже почему заставляли его отвѣчать на все, что и торговля и промышленность «какъ слѣдуетъ по положенію». Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, я прямо приступилъ къ требованію на завтра обывательскихъ лошадей, разумѣется предъявивъ открытый листъ, и спрашивалъ могу ли я прямо проѣхать на мѣстечко Калюсъ или остановиться гдѣ нибудь для перемѣны.

— Да, вамъ слѣдуютъ лошади, отвѣчалъ тысяцкій, только ихъ теперь у насъ нѣтъ.

— Неужто въ мѣстечкѣ нѣтъ?

— Они то есть, да знаете у евреевъ, а съ этимъ народомъ трудно сладить.

— Я же плачу прогоны.

— Что имъ значатъ прогоны! Можетъ быть, я выпрошу.

— Какъ выпросите? Развѣ вы, какъ начальникъ, не имѣете права нарядить очередныхъ по предписанію губернатора?

— Я то начальникъ, но на счетъ лошадей меня не послушаютъ. Да знаете ли, я вамъ скажу, что берегомъ, какъ вы говорите, и проѣхать въ Калюсъ нельзя. Вотъ развѣ на Новую Ушицу ступайте: я, пожалуй, вытребую какъ нибудь лошадей до первой перемѣны, а тамъ ужъ не мое дѣло. Ну, въ городѣ самъ исправникъ распорядится.

— Но мнѣ необходимо ѣхать береговой дорогой.

— Туда никто не ѣздитъ. Отчего вы не ѣхали по Бессарабіи?

— Оттого, что хотѣлъ видѣть подольскій берегъ.

— Все равно, видно и оттуда.

Я пришелъ къ заключенію, что господинъ этотъ не могъ или не хотѣлъ дать мнѣ лошадей, и, не находя никакого интереса вести дальнѣйшій разговоръ, попрощался и пошелъ бродить по мѣстечку.

За исключеньемъ небольшой базарной площади, Старая Ушица ничѣмъ не отличается отъ деревни и еще во многомъ уступаетъ инымъ деревнямъ Подольской губерніи. Одно хорошо—это красота мѣстоположенія, но я уже говорилъ прежде, что днѣстровское побережье изобилуетъ великолѣпными видами. Маленькая рѣченка Ушица, обладающая всѣми свойствами горныхъ рѣчекъ, т. е. ничтожная въ обыкновенное время, но шумная и бурливая при значительныхъ дождяхъ, поросла кругомъ деревьями и кустарниками и съ успѣхомъ ворочаетъ жернова водяныхъ мельницъ, которыя пріютились у скалы на сѣверной сторонѣ мѣстечка и шумятъ безъ умолку своими широкими колесами.

Когда я подошелъ къ мельницамъ, тамъ въ этомъ уголкѣ собралось много народу, едва ли не больше чѣмъ на базарной площади. Мнѣ было блеснула мысль объ обширномъ развитіи мельничнаго дѣла, но, присѣвъ на берегу покурить и всмотрѣвшись въ толпу, я убѣдился, что большая часть посѣтителей сошлась туда отъ нечего дѣлать и коротала въ болтовнѣ послѣобѣденное время, по случаю какого-то праздника, которыхъ у насъ такое изобиліе. Вообще простой народъ нашъ понимаетъ по своему праздники: въ память святаго онъ не занимается никакой работой, но многіе еще до обѣдни навѣдаются въ кабакъ, несчитая предосудительнымъ даже напиться порядкомъ, въ силу извѣстной пословицы: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.» Оно, если хотите, здѣсь есть и своя доля справедливости. Имѣя впереди цѣлый день отдыха, простой, неразвитый человѣкъ не придумаетъ чѣмъ лучше пополнить время, какъ не бесѣдой съ достолюбезнымъ штофомъ, потомъ завалится спать на полсутки и такимъ образомъ незамѣтно просуществуетъ до вечера. Непьющій просто не знаетъ что дѣлать, кромѣ «бока отлеживать» по народному выраженію. Особенно лѣтомъ, въ рабочую пору, если случаются праздники подъ рядъ, простолюдина даже нельзя упре-

кать за тѣсное знакомство съ чаркой; будь онъ еще грамотенъ, онъ читалъ бы какую нибудь книгу, которыхъ, впрочемъ, по плечу ему придется очень немного; но, какъ извѣстно, крестьяне наши грамотѣ до сихъ поръ не учились, а если который и умѣетъ читать, то съ трудомъ и то больше печать церковную. Подобный грамотѣй, положимъ, и могъ бы собрать возлѣ себя кружокъ, но гдѣ матеріялъ для чтеній? Одно св. писаніе, но оно недоступно по языку не только простолюдину, а и болѣе образованному классу, кто не учился по славянски. Читать же только для процесса чтенія и понимать развѣ пятое слово изъ читаемаго, недобравшись до смысла,—трудъ тяжелый и непроизводительный. Старый переводъ библіи на великорусскій языкъ не подвинетъ дѣла впередъ въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ, потому что простолюдину также непонятенъ какъ и текстъ церковно-славянскій. Наконецъ, хоть многіе, такъ называемые, знатоки народности убѣждены, что простолюдину ничего не должно давать кромѣ св. писанія, однако чтеніе библіи требуетъ необходимыхъ объясненій, чего не въ состояніи исполнить не только простой грамотѣй, но и самъ приходскій дьячекъ, считающійся въ деревнѣ ученой особой.

Подсѣвъ къ небольшому кружку, гдѣ было бы веселѣе, я закурилъ папироску и завелъ разговоръ съ добродушнымъ старикомъ, который такъ и сыпалъ остротами и прибаутками. Оказалось, что старикъ видѣлъ какъ я въѣзжалъ въ Ушицу и, считая меня важной особой, тотчасъ же принялъ серьезный видъ, снялъ шапку и привсталъ съ мѣста. Прочая публика послѣдовала его примѣру, что̀ смѣшало меня и озадачило. На силу я упросилъ веселыхъ собесѣдниковъ садиться и, сказавъ, что вовсе не принадлежу къ начальству, въ короткихъ словахъ, какъ умѣлъ, объяснилъ имъ причину своего путешествія. Крестьяне посматривали на меня недовѣрчиво и видно было, что они подозрѣвали во мнѣ какія нибудь другія намѣренія.

— Вы, стало быть, землемѣръ? сказалъ наконецъ веселый старикъ.

— Нѣтъ, не землемѣръ.

— Такъ рѣки вымѣряете?

— И то нѣтъ.

— Ну, такъ я въ толкъ не возьму, что̀ же вы дѣлаете: ходили по Бессарабіи, ходите по нашему берегу.

— Видишь ли, хожу и разсматриваю, гдѣ какъ живутъ и чѣмъ занимаются.

— И все списываете?

— Списываю.

— Значитъ, вамъ можно и пожаловаться?

— Нельзя, потому что я ни во что не вмѣшиваюсь.

— Ну, Богъ же васъ разберетъ! Дѣлайте какъ знаете, проговорилъ старикъ, видимо недовольный.

— Вотъ ты, дѣдушка, разсердился и самъ не знаешь за что. Я же сказалъ, что записываю пѣсни, сказки, смотрю и замѣчаю, какъ идетъ гдѣ хозяйство, судоходство, рыболовство. Видишь ли, въ Петербургѣ хотятъ знать все это.

— А, такъ вы не отъ губернатора, а значитъ сами по себѣ.

— Самъ по себѣ?

— Г-мъ!

— Мнѣ ни до чего другаго и дѣла нѣтъ.

— Ну, рыболовство-то у насъ плохое.

— Вижу, что плохое. Иду отъ самой границы и нигдѣ еще не видѣлъ даже порядочной рыбы.

— И не увидите, я думаю, до Дубоссаръ. Мы ловимъ рыбу, да только для себя и то немного. Мой покойный отецъ хорошо зналъ это дѣло и я самъ смыслилъ кое что, но теперь вижу, что рыбы нѣтъ, и шабашъ. Говорятъ, австріякъ ее не пускаетъ.

— Какъ не пускаетъ! Для этого нужны *гребли* (плотины), а на Днѣстрѣ гребель нѣтъ.

— Значитъ такую штуку подпуститъ. А вы думаете, нѣтъ искусниковъ, которые просто дѣлаютъ чудеса.

— Искусники есть разные, не спорю, но не думаю, чтобы нашлись молодцы, которые удержали бы рыбу безъ плотины.

— Ну, какъ по вашему: вѣдьмы есть?

— По моему нѣтъ.

— То то нѣтъ! А еслибъ какая проѣздилась на васъ верхомъ, вы бы этого не сказали.

Публика засмѣялась.

— А ты видѣлъ ихъ, старикъ?

— Я? Не видалъ бы, такъ и не говорилъ: мнѣ случалось видѣть ихъ и зайцемъ, и свиньей и черной собакой.

— Да почему же ты увѣренъ, что это не были настоящіе и заяцъ, и свинья и черная собака?

— *Письменные* (грамотные, ученые) всегда такъ разсуждаютъ.

— Ну, положимъ, о вѣдьмахъ спорить не буду. Но какъ же можно удержать въ Днѣстрѣ рыбу?

— На то есть *мытцѣ* (слово, означающее искуснаго мастера, геніальнаго человѣка).

— Видно ты, дѣдушка, человѣкъ бывалый, молвилъ я, желая послушать разсказовъ.

— Онъ? отозвался другой старикъ: спросите только, гдѣ онъ не былъ.

— А знаете что́, братцы, я думаю у васъ есть пословица, что сухая ложка ротъ деретъ.

— Какъ же, какъ же!

— Вотъ три злота, сходите кто въ корчму, да принесите водки: мы выпьемъ, а этотъ дѣдъ намъ поразскажетъ.

— Что дѣло, то дѣло, сказалъ дѣдъ: при чаркѣ и балагурить веселѣе.

И все общество выразило одобреніе.

— Только надо бы рюмку.

— Мы достанемъ этого добра у мельника.

— Вы, какъ я вижу, тоже человѣкъ бывалый, сказалъ веселый старикъ, да и *тютюнъ* (табакъ) долженъ быть у васъ вкусный.

Я тотчасъ же далъ ему табаку и потомъ предложилъ свой запасъ прочей публикѣ. Въ это время водка была принесена, и собесѣдники мои выпили.

— Ну, дѣдушка, поразскажи-ка что нибудь объ искусникахъ.

— Г-мъ! да вѣдь о нихъ въ книгахъ ненаписано.

— Это ничего не значитъ.

— Вы, я знаю, изъ тѣхъ, которымъ все выложь, да подай. Я въ Кіевѣ жилъ разъ въ одномъ домѣ цѣлую недѣлю съ такимъ *письменнымъ*: ничему не вѣритъ. Упадетъ ли звѣзда, нашъ братъ перекрестится и подумаетъ — вотъ умеръ кто нибудь; а онъ говоритъ, это не звѣзда. Начни ему разсказывать, что на могилахъ свѣтятся огни надъ кладами, онъ увѣряетъ, что эти огни ничего не значатъ. Чего лучше, онъ не вѣритъ, что папороть цвѣтетъ золотымъ цвѣтомъ въ ночь противъ Ивана Купала;

говоритъ, что это зелье совсѣмъ не цвѣтетъ, и все называетъ бабьими росказнями.

— Я люблю, дѣдушка, слушать разсказы очевидцевъ. И если тебѣ дѣйствительно случалось видѣть что нибудь собственными глазами, это дѣло другое, сказалъ я, желая подстрекнуть старика, съ которымъ, повидимому, достаточно было приключеній.

— То то же! Вы говорите, нѣтъ *мытця*, который удержитъ рыбу въ Днѣстрѣ. Спорить трудно, потому что я и самъ такого не видѣлъ. Но я вамъ разскажу о другомъ. Далеко *въ долину* (внизъ) есть городъ Бендеры, можетъ знаете?

— Знаю.

— Ну, насупротивъ Бендеръ есть городъ Тирашполь (Тирасполь), и тамъ были?

— Былъ.

— Вотъ оттуда этакъ на всходъ солнца (востокъ) лежитъ большое пилипонское (раскольничье) село—Плоская, гдѣ живутъ одни только пилипоны. Народъ все рослый, богатый, и хоть себѣ молятся по своему и не вѣрятъ въ нашу церковь, однако честнѣе людей трудно отыскать. Сказалъ слово, обѣщалъ—свято, продалъ тебѣ товаръ—не бойся обману: не обвѣситъ и не обмѣритъ. Вотъ давно когда то, еще я былъ хлопцемъ, поѣхали мы съ покойнымъ дядькомъ въ Одессу съ фурами, и у насъ заболѣли волы подъ Тирашполемъ. Намъ и *пораяли* (посовѣтовали) добрые люди идти въ Плоскую просить одного пилипона, который лечилъ всякую скотину. Нанявши лошадь, дядько послалъ меня, а самъ остался при обозѣ. Я, правду сказать, побаивался *кацаповъ* (прозвище великорусса, равносильное прозвищу хохолъ) и рѣдко ихъ видѣлъ, но разъ нельзя было не послушаться дядька въ такомъ дѣлѣ, а потомъ раздумалъ, что несъѣдятъ же меня пилипоны живьемъ, такъ ни за что, ни про что. Подводникъ привезъ меня къ самому знахарю. Я вошелъ, поздоровался и говорю—такъ и такъ, дядько прислалъ, *поратуйте* (спасите, пособите), волы издыхаютъ, а что положите за труды,— мы заплатимъ.—Хорошо, говоритъ, хохолъ, поратуемъ, только ты здѣсь переночуешь, мнѣ есть дѣло, а мы раненько выѣдемъ до свету и поспѣемъ во время.

Страшновато, правду сказать, стало мнѣ оставаться у пилипоновъ на ночь, однако дѣлать было нечего. Хозяйка, старушка, искоса на меня посматриваетъ, а послѣ не вытерпѣла и спросила—

не курю ли я трубки. Меня подводчикъ дорогою научилъ уже какъ отвѣчать.

— Нѣтъ, говорю, не курю, какъ бы не курилъ и въ самомъ дѣлѣ, а трубка въ карманѣ.

— Да ты, можетъ быть, врешъ? отозвалась пилипонка: обманъ грѣхъ! Мнѣ все равно — куришь ли ты, или не куришь, да у насъ въ домѣ не кури.

И погрозила пальцемъ.

— Эге, подумалъ я, вотъ оно что!

— Ты одначе небойся, паренекъ, мы ничего, мы знаемъ, что хохолъ не дохнетъ безъ табачища, да у насъ нельзя по закону. А я тебѣ дамъ повечерять, у насъ есть такая посуда, что кормимъ проѣзжихъ.

Видите ли, у нихъ даже нельзя дать напиться воды изъ своей кружки нашему брату.

— Такъ и у жидовъ, отозвался кто-то.

— И у жидовъ такъ, повторилъ разсказчикъ. Ну, мы повечеряли квасу съ лукомъ, съ огурцами, съ отличнымъ хлѣбомъ, и я улегся на повозкѣ. Какъ нарочно, пошелъ проливной дождь, такъ что надо было проситься въ сѣни. Мы съ подводчикомъ постучались. Пилипонка отворила и сказала, чтобъ мы шли и ложились въ *противной* (противоположной) хатѣ. Зажгла она свѣчку. Господи! Какъ оглянулся я на стѣны, у меня душа такъ и вошла въ пятки. Кажется, что въ эту хату со всего свѣта собрались большіе черные тараканы и нетолько на стѣнахъ и потолкѣ, но вездѣ—на столѣ, на окнахъ, а у печки сидѣли такими кучами, что страшно вымолвить. Я закрылъ ротъ и не могъ сказать ни слова.

— Нѣтъ ужъ, тетушка, я лучше лягу въ сѣняхъ, сказалъ я и началъ пятиться къ двери.

Она засмѣялась.

— Знаю, парень, чего ты боишься, да мы горю пособимъ. Не бойся, я всѣхъ ихъ перезову въ другую горницу. Ты дурачекъ хохленокъ, и не знаешь, что гдѣ тараканы въ домѣ, тамъ и благословеніе.

Хозяйка полѣзла на печку, вытащила большой горшокъ, вынула изъ за образовъ сухой прутикъ и начала бить имъ по *вѣнцамъ* (верхняя окраина горшка). Чтожъ бы вы думали?

сколько ни было таракановъ, такъ отовсюду и пустились въ горшокъ. Не успѣлъ я оглянуться, какъ уже ни одного не осталось.

— Что жъ она ихъ кипяткомъ? спросилъ молодой парень.

— Дурень! ты жъ развѣ не слыхалъ, что у нихъ тараканы значатъ счастье въ домѣ. Она ихъ просто вынесла къ себѣ въ хату.

— Да какъ же они послушались ее и полѣзли въ горшокъ?

— А поди спроси ее. А что я видѣлъ собственными глазами, такъ видѣлъ.

— Я самъ, замѣтилъ я, слыхалъ объ этомъ въ Орловской губерніи, а видѣть не приходилось, сказалъ я.

— То то же. А вѣдь этого въ книгахъ ненаписано.

И разсказчикъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня, но я, выдержавъ этотъ взоръ, спросилъ у него:

— Не видѣлъ ли ты, дѣдушка, еще какой диковинки?

— Отчего не видѣлъ! Прожилось почти десятковъ шесть, такъ случалось всего на вѣку. Вы слыхали, можетъ, про Почаевъ?

— Знаю.

— А откуда вы шли туда?

— Изъ Кіева на Бердичевъ.

— Ну, я вамъ хочу разсказать о другомъ трактѣ, если идти отсюда прямой дорогой. Лѣтъ тридцать тому назадъ шло насъ *чимало* (много) на богомолье. Знаете, весело идти въ товариществѣ и не страшно, и въ случаѣ какого несчастья помогутъ земляки, потому что мы бóльшею частью были изъ этой *околицы* (окрестности). Я былъ тогда моложе, подвижной такой, пройдешь верстъ десять, пятнадцать, и вмѣсто того, чтобъ сѣсть отдыхать какъ другіе, готовъ хоть въ присядку.

— О, ты былъ лихой парень, отозвался другой старикъ, сверстникъ разсказчика.

— Ну, подошли мы къ волынской границѣ. Одинъ товарищъ, вотъ изъ подъ Китай-города, и говоритъ мнѣ:

— А знаешь что?

— А что? говорю.

— У меня тутъ недалеко сестра замужемъ.

— Ну?

— Хотѣлось бы, говоритъ, побывать, ее уже года четыре какъ отдали въ эту сторону, и мы еще не видѣлись, да боюсь

остаться отъ табора. Если бы нашелся товарищъ, вдвоемъ, знаешь веселѣе.

— А что, спрашиваю, это значитъ ты меня подмогорычиваешь?

— Сказалъ бы тебѣ великое спасибо. Мнѣ люди говорили на ночлегѣ, что тутъ будетъ *ярóкъ* (овражекъ), за яркомъ *раздорожье* (перекрестокъ) и наклоненная старая фигура (*), такъ оттуда и село видно, гдѣ моя сестра. Мы зашли бы, погостили, а тамъ, неспавши ночь, можно и своихъ догнать—видишь какъ они плетутся нога за ногою.

— Ну, говорю, ты знаешь, я для товарища готовъ... При томъ же сестра твоя, вѣрно, накормитъ насъ хорошенько, а мнѣ, признаюсь, надоѣла сухомятка.

— И какъ накормитъ, да еще мягкаго хлѣба дастъ на дорогу.

Вотъ мы сказали своимъ, что надо намъ *сбочить* (своротить въ сторону), повидаться съ родичкой и, дойдя до наклоненной фигуры, встрѣтили человѣка, котораго разспросили про село, и вышло, что оно то и виднѣлось за лѣсомъ. Приходимъ. Сестра товарища была рада, прерада, не знала гдѣ насъ посадить, чѣмъ шановать (угостить, хотя собственно значитъ уважить), а ужъ кормила каждую минуту. И то сказать — жила богато и хвалилась, что мужъ нетолько не обижалъ ее, а еще баловалъ. Погостили мы долго, посидѣли вечеромъ и начали сбираться. Хозяева насъ не отпускали, но мы должны были догнать своихъ, а обѣщали, идучи назадъ, побывать въ гости и уже переночевать хоть двѣ ночи, потому что тогда можно было подъѣхать и на лошадяхъ (**). Хозяйка намъ напекла пироговъ, надавала хлѣба, такъ что у каждаго изъ насъ въ торбѣ прибавилось тяжести, а хозяинъ взялся провести ближайшей дорогой. На разсвѣтѣ подходили мы къ большому лѣсу, откуда ненадо уже было проводника и гдѣ зять моего товарища хотѣлъ отдохнуть у знакомаго пасѣчника (пчеловода).

— Пасѣка недалеко, сказалъ онъ намъ: вонъ смотрите

(*) Въ западныхъ губерніяхъ на перекресткахъ и вообще по дорогамъ стоятъ высокіе кресты съ распятіемъ. Подобный крестъ называется *фигурой*.

(**) Богомольцы, идя къ цѣли, никогда не ѣдутъ, какъ бы ни были усталы и даже больны, и только на возвратномъ пути слабые садятся на подводы. Такъ поступаютъ и многіе изъ высшаго класса.

дымокъ подымается между липами. Пойдемъ те вмѣстѣ, поѣдимъ горячаго кулешу, а тамъ и съ Богомъ!

Мы согласились. Подходимъ къ пасѣкѣ. Просто рай, такъ хорошо вокругъ. За небольшимъ тыномъ стояло ульевъ около пятидесяти. У *будки* (шалашъ) сидѣлъ сѣдой старикъ и кипятилъ воду въ котелкѣ. Зять моего товарища поздоровался съ нимъ и попросилъ сварить больше кулешу для *подорожныхъ* (дорожныхъ). Дѣдъ полѣзъ въ будку, вынулъ *клуночекъ* (мѣшечекъ) съ пшеномъ, прибавилъ воды въ котелокъ и живо сварилъ *снѣданье* (завтракъ). Мы сказали, что идемъ въ Почаевъ. Пасѣчникъ далъ намъ денегъ на молебенъ и просилъ принести ему образокъ Божіей Матери. Поблагодаривъ старика за угощенье и попрощавшись съ родичемъ, мы поспѣшили догонять своихъ и догнали къ обѣду. Ну, дошли мы благополучно до Почаева, помолились Богу, отслужили за пасѣчника молебенъ, купили ему образокъ и на возвратномъ пути свернули опять съ товарищемъ по знакомой дорогѣ черезъ пасѣку. Пасѣчникъ былъ намъ очень радъ, подчивалъ медомъ, свѣжимъ хлѣбомъ и, когда мы уходили, вызвался проводить насъ до опушки. Идемъ мы этакъ и балагуримъ, какъ вдругъ товарищъ мой замѣтилъ на дорогѣ большую змѣю, свернутую въ кольцо, и хотѣлъ ударить ее палкою. Пасѣчникъ удержалъ его за руку.

— Не тронь! сказалъ онъ: вѣдь она тебя не трогаетъ.

— Все равно, укуситъ кого нибудь.

— А ты не тронь, добрый человѣкъ.

Я удивился, а старикъ подошелъ къ змѣѣ, когда она, поднявъ головку, шипѣла и словно хотѣла броситься, и взялъ ее въ руки. Змѣя тотчасъ и обвилась вокругъ его локтя, да такъ и тянется къ лицу пасѣчника, высовывая жало (*). Старикъ подержалъ, подержалъ ее и бережно пустилъ на землю. Змѣя опять обвилась вокругъ его ноги. Мы съ товарищемъ удивлялись и только.

— Вѣрно вы, дѣдушка, знаете? сказалъ я.

— Пожилось, *небоже* (племянникъ) на вѣку, такъ не мудрено знать кое что.

— Да отчего же она ласкается, какъ собака?

(*) Простолюдины убѣждены, что змѣя жалитъ, а не кусаетъ зубами, и языкъ ея принимаютъ за жало.

— Такъ уже ей велѣно. Ну, вы, добрые люди, чужестранные, сослужили мнѣ службу,—хотите я покажу вамъ не такую диковину.

— Покажите, дѣдушка, сказали мы оба въ одинъ голосъ.

— Идите за мной.

Мы свернули съ дороги и скоро очутились въ яру. Старикъ велѣлъ намъ присѣсть на свалившееся дерево и не пугаться, какое диво ни привидѣлось бы намъ, потому что, по его словамъ, намъ не могло быть нисколько вреда. Мы и сѣли. Старикъ зашелъ за орѣшникъ и намъ послышался какой-то легкій свистъ— не то человѣчій, не то птичій, покрайней мѣрѣ я не слышалъ такого. Когда пасѣчникъ показался къ намъ изъ за куста, въ рукахъ у него была какая то *зiллина* (трава), которой я не знаю. Онъ сталъ на всходъ солнца и шепнулъ намъ: «молчите!» Мы съ товарищемъ и духъ притаили. Что же вы думаете? Какъ начали змѣи ползти отвсюду, такъ у меня въ сердцѣ *похолонуло* (походолѣло), а товарищъ мой сидѣлъ блѣдный, какъ полотно. Приползло ихъ не десять, не двадцать, а цѣлыя сотни, и большія, и маленькія, и сѣрыя, и черныя, да такъ и вьются у ногъ пасѣчника. Иная шипитъ, поднявъ голову, другая словно визжитъ... У меня просто зарябило въ глазахъ. А старикъ стоитъ какъ ни въ чемъ не бывало, только знай потрогиваетъ которую травкой, да что-то приговариваетъ. Постоялъ онъ, постоялъ и пошелъ прямо за орѣшникъ, да такъ прямо и ступаетъ между гадомъ. Мнѣ казалось все это сномъ. Смотримъ и змѣи за нимъ такъ и зашумѣли. Перегодя немного, пасѣчникъ показался и смѣется.

«— Ну, что, испугались? Не бойтесь, всѣ уже расползлись куда слѣдуетъ. Змѣи бояться нечего: она не ужалитъ, если ее не тронешь. А бить за что же? Вѣдь и ее сотворилъ Господь Богъ для какой нибудь потребы.

Когда мы пришли къ зятю моего товарища и начали разсказывать свою *пригоду* (приключеніе), намъ сказали, что это такой знахарь, какихъ, можетъ быть, не было во всемъ краю. Такъ вотъ что случается на бѣломъ свѣтѣ.

— Да, это штука мудрая, отозвался я: правда, мнѣ случалось слышать о томъ, что сзываютъ змѣй, но самъ не видалъ, а хотѣлось бы.

— Вотъ видите ли, молвилъ разсказчикъ: есть люди, что

скликаютъ таракановъ и змѣй, почему же не можетъ быть такого *мытца*, который съумѣлъ бы перегнать рыбу изъ одного мѣста въ другое.

— Вотъ этому трудно повѣрить.

— Мало ли чему вы не вѣрите! А мы слышали. Мой покойный отецъ сказывалъ, что гдѣ-то въ Галиціи возлѣ Звониграда жилъ такой старикъ, но не буду *брехать* (лгать), не знаю—видѣлъ ли онъ этого старика или нѣтъ. Да что намъ далеко ходить! Возьмемъ то, что дѣлалось на нашей памяти. Прежде было рыбы вдоволь, а теперь...

— Да вѣдь это вездѣ жалуются, дѣдушка: я жилъ недавно по Днѣпру, и тамъ, говорятъ, рыбы уменьшилось.

— Атъ, все теперь хуже чѣмъ прежде, сказалъ старикъ, махнувъ рукою: и паны стали хуже, и жиды хуже, и жить на свѣтѣ хуже...

— Такъ, такъ! подтвердили крестьяне постарше.

Свернувъ на эту дорогу, разговоръ потерялъ уже для меня интересъ, и я, распрощавшись съ обществомъ, пошелъ на квартиру. На крыльцѣ на лавочкѣ сидѣла хорошенькая еврейка и на мое привѣтствіе отвѣчала ловкимъ поклономъ. Одѣта она была прилично и по модѣ, первая заговорила со мною по польски и спросила—какъ понравилось мнѣ мѣстечко. Слово за слово разговоръ завязался, и я узналъ, что она дочь хозяина, училась въ городѣ, любитъ читать, но въ Ушицѣ достать книгъ совершенно невозможно. Еврейка назвала мнѣ нѣсколько польскихъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, которые удалось ей прочесть въ Каменцѣ и судила, разумѣется по своему, о литературѣ. Молодая моя хозяйка была невѣстой и скоро располагала оставить Ушицу, гдѣ, по ея словамъ, жизнь проходила и скучно и однообразно.

На другой день собирался базаръ, и я вышелъ довольно рано потолкаться между народомъ. Крестьянъ сошлось и съѣхалось довольно изъ окрестныхъ селеній, какъ подольскихъ, такъ и бессарабскихъ, но евреевъ ходило чуть ли не больше и каждый изъ послѣднихъ старался овладѣть какимъ нибудь деревенскимъ продуктомъ. Кажется, ни одинъ крестьянинъ не уѣхалъ, не продавъ своего товара. Но меня занимали евреи, сидѣвшіе въ лавочкахъ и выносившіе на базаръ разныя разности отъ готовыхъ сапогъ и одежи до разноцвѣтныхъ монистъ и мѣдныхъ сережекъ.

Особенно одинъ высокій, сутуловатый еврей съ рыжей бородой, въ длиннополомъ кафтанѣ, интереснымъ способомъ заманивалъ къ себѣ покупателей, а болѣе покупательницъ. Бросивъ весь свой товаръ на попеченіе дѣвочки лѣтъ девяти или десяти, онъ устремлялся прямо въ толпу и схватывалъ за рукавъ какую нибудь крестьянку.

— Вотъ иди за мной, такъ я тебѣ покажу платки и сережки, покажу иголки и ситцы, какихъ ты никогда не видала.

— Отвяжись, сатана, мнѣ ничего не нужно.

— О, да ты хитрая! Не нужно! Это ты говоришь, чтобъ я уступилъ подешевле.

— Пусти, не то буду ругать.

— Ты ругайся, какъ хочешь, а ужъ отъ меня не отдѣлаешься: я нарочно уступлю такъ дешево, какъ не уступалъ и мой покойный батько, говорилъ еврей, подталкивая жертву къ товару.

— Вотъ навязался, проклятый! Я же тебѣ говорю, что ничего не надо. Пусти!

— Вотъ и мое мѣсто. Ну, скажи, видѣла ли ты гдѣ такіе платки?

И, придерживая одной рукой крестьянку, еврей другою живо развертывалъ передъ нею яркихъ цвѣтовъ бумажные платки, ситцы, а дѣвочка показывала серьги, ленты, тесемки и разныя мелочи. Крестьянка невольно увлекалась, а еврей быстрѣе разбрасывалъ линючія произведенія московскихъ фабрикъ.

— Все это продаю за полцѣны, шепталъ онъ, словно изъ боязни, чтобы кто не услышалъ: нужны деньги.

— Ты все брешешь. А почемъ вотъ этотъ желтый съ красными цвѣтами?

— Да ты купишь, или такъ хочешь прицѣниться?

— Мнѣ не нужно, а я такъ...

— Если такъ, то три злота.

— То, то! А если продать?

— Ползлота скину.

Крестьянка дѣлаетъ движеніе удалиться, еврей хватаетъ ее за рукавъ.

— А что дашь?

— Злотъ бы дала.

— И то гроши.

— Больше ни копѣйки. Пусти же меня, некогда.

— Прибавь.

— Ничего не прибавлю. Пусти, а не то ударю. Отступись.

— Ну, какая же ты сердитая. Для тебя уступлю за злотъ и грошей двадцать (25 коп).

— Злотъ.

— Давай деньги и носи на здоровье.

Заработавъ такимъ образомъ нѣсколько копѣекъ, не утомимый еврей снова отправлялся на охоту и ловилъ новую жертву. Иногда приводилъ онъ и солиднаго крестьянина и молодаго парня, но предпочиталъ женщинъ, хотя случалось, что никакое краснорѣчіе не помогало и вмѣсто барышей получалъ онъ порядочную затрещину. Я ходилъ около часу по базару и строго слѣдилъ за оригинальнымъ евреемъ, который леталъ по всѣмъ направленіямъ, перекликиваясь впрочемъ односложными словами съ какимъ нибудь собратомъ. Наконецъ я подошелъ къ его дѣвочкѣ и остановился передъ товарами. Зоркій хозяинъ, издали увидѣвъ новаго покупателя, мигомъ очутился передо мною.

— Вамъ что угодно? спросилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Хотѣлъ бы купить лентъ, сережекъ и разныхъ мелочей.

Я всегда запасался подобными вещами для подарковъ дѣтямъ и дѣвушкамъ на квартирахъ и вообще по деревнямъ, въ вознагражденіе за пѣсни и сказки.

Еврей мигомъ разложилъ передо мной требуемаго товару и запросилъ четверную цѣну.

— За что же такъ дорого? сказалъ я: вѣдь это цѣна неслыханная.

— За то, что товаръ другой. Вы думаете, я показывалъ вамъ то, что мужикамъ? Сохрани Богъ!

— Да вѣдь это все крестьянскіе наряды. Наконецъ, у тебя другихъ и нѣтъ.

— У меня? А пойдемте въ лавку.

— Нечего въ лавку, а на базарѣ у тебя все что есть—для крестьянъ, и ты съ нихъ не смѣешь запросить вчетверо.

— Я такой, что и уступлю,—нельзя же съ перваго раза.

И точно я купилъ всѣ мелочи довольно дешево.

Переправясь изъ Старой Ушицы снова въ Бессарабію, къ селенію Корману—и слѣдуя внизъ по берегу, я остановился только въ селеніи Ломачинцахъ, какъ для отдыха, такъ и потому, что

въ его окрестностяхъ предстояло мнѣ познакомиться и съ древними пещерами, и съ еврейскою колоніей, и съ мѣстечкомъ Калюсомъ (Под. губ.), наконецъ съ нѣсколькими десятками липованъ въ Бѣлоусовкѣ. Къ счастью, въ Ломачинцахъ жилъ образованный русскій помѣщикъ Е. М. К—ій, и въ семействѣ его чрезвычайно пріятно проходили мои вечера послѣ дневныхъ трудовъ и скитаній. Помѣщикъ дѣлалъ для меня всевозможныя облегченія въ моихъ поискахъ, и я не помню подобной стоянки въ цѣлой Бессарабіи. Большое село Ломачинцы замѣчательно тѣмъ, что по всей этой мѣстности, отъ Хотина до Сорокъ, нигдѣ нѣтъ такого превосходнаго строеваго лѣса, а такъ какъ экономія отпускаетъ его по дешевой цѣнѣ своимъ царанамъ, то и крестьянскія усадьбы отличаются здѣсь прочностью и удобствомъ. Все селеніе, почти покрытое сплошными садами и разбросанное по оврагамъ, такъ и просится подъ карандашъ живописца.

Какъ разъ въ то время царане собирались на митинги, по случаю перехода отъ посессора къ управленію самого владѣльца, и мнѣ удалось видѣть эти чисто народныя сходки не въ качествѣ оффиціальнаго лица, а какъ простому зрителю. Сходки эти происходили возлѣ корчмы, возлѣ которой я и присутствовалъ. Притомъ же у меня было нѣсколько знакомыхъ царанъ, которыхъ я постарался задобрить, и посредствомъ ихъ пустилъ молву по селенію, что я не имѣю ничего общаго ни съ чиновниками, ни съ помѣщиками, а дѣлаю свое дѣло по Днѣстру и любопытствую только узнать народные нравы и обычаи. Я видѣлъ мірскія сходки въ Великороссіи, гдѣ народъ собирался для передѣла земли, но тамъ споръ, шумъ, ссоры—оставляли во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Случилось мнѣ видѣть громаду и въ Малороссіи при выборѣ старшинъ, но и здѣсь дѣло не обходилось безъ крику и ссоръ, потому что у каждаго кандидата была своя партія, и эти сходки не оставили во мнѣ отраднаго воспоминанія. Но въ Ломачинцахъ, могу сказать, въ первый разъ видѣлъ нашего простолюдина въ толпѣ равныхъ, гдѣ общій интересъ одинаково руководилъ всѣми и гдѣ какія бы ни были домашнія дрязги и личности уступали мѣсто серьезному разговору. Мнѣ чрезвычайно было любопытно присутствовать при подобномъ собраніи, на которое являлись представители семействъ для обсужденія общественнаго дѣла. Покрайней мѣрѣ мнѣ казалось, что на ломачинской сходкѣ исчезли всѣ различія,

и богато-одѣтый руснакъ подходилъ дружески къ сосѣду въ вытертой свитѣ, и старикъ безъ обычнаго резонерства разговаривалъ съ молодымъ, и долго народъ бесѣдовалъ отдѣльными кружками. Я позабылъ, однако же, сказать о поводѣ этихъ митинговъ. Е. М. К—ій по какому-то поводу хотѣлъ отобрать имѣніе отъ посессора, слѣдовательно царанамъ приходилось перемѣнять условія, и хоть контрактъ, предлагаемый настоящимъ помѣщикомъ, былъ гораздо либеральнѣе прежняго, однако они не рѣшились принять его безъ основательнаго обсужденія. О бытѣ бессарабскаго царанина—читатель имѣетъ понятіе изъ первыхъ главъ и знаетъ, что крестьянинъ этотъ стѣсненъ общими положеніями, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ недовѣрчиво смотритъ на самыя выгодныя условія самаго гуманнаго помѣщика, подозрѣвая непремѣнно запасную мысль со стороны послѣдняго. Изъ предварительныхъ разговоровъ съ крестьянами я зналъ, что они были недовольны посессорскимъ управленіемъ и нетерпѣливо желали войти въ непосредственныя отношенія съ настоящимъ владѣльцемъ, о которомъ отзывались очень хорошо; но въ рѣшительную минуту призадумались. Я сидѣлъ съ двумя пожилыми руснаками, изъ которыхъ съ однимъ долго какъ то бесѣдовалъ въ полѣ, а съ другимъ познакомился у своей хозяйки. Входя поочередно въ кружки, они сообщили мнѣ ходъ дѣла. Но меня интересовалъ не исходъ вопроса, потому что я былъ увѣренъ въ согласіи громады на условія, а хотѣлось послушать народныхъ ораторовъ, которые должны же были овладѣть общимъ вниманіемъ. Понятно, что у помѣщика сторонниковъ быть не могло, ибо каждый царанинъ имѣлъ свою долю интереса въ общественномъ дѣлѣ, а разногласіе могло возникать только отъ различнаго пониманія предмета и отъ большей или меньшей степени своекорыстія. Совѣщаніе отдѣльныхъ кружковъ происходило очень долго, такъ что я началъ терять терпѣніе. Наконецъ мало по малу кружки смѣшивались, народъ переходилъ изъ одного въ другой, обыкновенный говоръ, издали походившій на гудѣнье пчелъ въ ульѣ, становился явственнѣе, и скоро толпа сгустилась въ плотную массу, изъ которой выдѣлился приземистый немолодой руснакъ и снялъ шапку передъ громадой. Это былъ царанинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ худощавымъ пріятнымъ лицомъ, одѣтый ни богато, ни бѣдно, съ длинными свѣтлыми волосами и быстрымъ проницательнымъ взглядомъ.

Когда онъ поклонился собранію и потомъ величаво надѣлъ шапку, вся громада смолкла, такъ что на площадкѣ, гдѣ раздавался гулъ, неслышно было слова, и только вокругъ, гдѣ стояли женщины и дѣти, явственнѣе начали раздаваться голоса выражавшіе совершенно другіе интересы.... Я старался не проронить ни одного слова. Руснакъ чистымъ, звучнымъ голосомъ началъ держать рѣчь. Для большей ясности я передамъ ее по русски.

— Вы хотите знать, какъ я думаю. Хорошо, я скажу вамъ какъ я думаю. Вокругъ насъ по всему уѣзду царане и нѣтъ казенныхъ крестьянъ — стало быть можно было насмотрѣться, какъ гдѣ живутъ люди. Не знаю видѣлъ ли кто изъ васъ, чтобъ царанину было хорошо, а я, признаться, не видѣлъ и не слышалъ. Значитъ, нашему брату «куда не кинь, все клинъ» — лучше ничего не выдумаешь. Нашъ помѣщикъ никогда не притѣснялъ насъ какъ другіе, а иной разъ и оглядывался на какого нибудь бѣдняка, или кого постигала бѣда. Мы знаемъ, что есть хуже— стало быть надо *взять его пунты* (принять его условія).

Ораторъ кончилъ и вокругъ него заволновалась толпа и снова зашумѣла. Черезъ нѣсколько времени вышелъ впередъ высокій руснакъ съ просѣдью. Онъ говорилъ громче и сохранялъ суровое выраженіе лица. Онъ налегалъ на необходимость требовать у помѣщика нѣкоторыхъ облегченій и заключилъ, что хоть онъ и не надѣется на успѣхъ, однако не мѣшаетъ потребовать.

— Не будетъ изъ этого ничего, отозвалось нѣсколько человѣкъ, и еще не разсердился бы онъ.

Тутъ произошелъ легкій споръ консерватизма съ либерализмомъ, но рѣшено было, однако же, прежде принятія условій попросить небольшихъ льготъ, и для этого выбраны были депутаты, которыхъ тотчасъ же и угостила громада.

Видѣлъ я потомъ этихъ самыхъ царанъ во дворѣ у помѣщика. Е. М. К—ій стоялъ посреди ихъ и разговаривалъ съ ними миролюбиво по руснацки. Въ общемъ смыслѣ его условія были приняты, шло дѣло о нѣкоторыхъ частностяхъ, улаженныхъ однакожъ такъ, чтобъ впослѣдствіи не могло возникнуть обоюдныхъ недоразумѣній.

Не смотря, что царане вообще народъ угнетенный и запуганный, я не замѣтилъ между ломачинскими руснаками ни подобострастія ни низкопоклонничества. Громада вела себя съ достоин-

ствомъ, и мнѣ даже показалось, съ сознаніемъ, что владѣлецъ принималъ участье въ ихъ интересахъ.

Вообще пребываніе въ Ломачинцахъ оставило во мнѣ самое отрадное впечатлѣніе, и я могу сказать, положа руку на сердце, что нигдѣ въ Бессарабіи я не видѣлъ такого довольствія въ быту помѣщичьяго крестьянина и отсутствія тѣхъ злоупотребленій, которые сплошь и рядомъ существуютъ во владѣльческихъ селеніяхъ.

Къ западу отъ Ломачинецъ черезъ густой лѣсъ лежитъ небольшая деревенька Непоротово, возлѣ которой находятся замѣчательныя пещеры. Въ одно утро отправился я туда на поиски въ сопровожденіи смышленнаго парня. Перейдя поле, а потомъ лѣсъ, мы подошли къ небольшому плетню, окружавшему красивый виноградникъ. За оградой стояла хата, гдѣ помѣщался съ семействомъ сторожъ отставной или безсрочный солдатъ, у котораго надо было спросить позволенія пройти къ пещерамъ черезъ садъ, иначе намъ предстоялъ длинный путь въ обходъ и тяжелая дорога. Сторожъ не только не оказалъ сопротивленія, а предложилъ проводить насъ и показать все любопытное. Миновавъ виноградникъ и пробравшись прямо по травѣ къ обрыву, мы нашли одну продольную тропинку, по которой сдѣлали еще шаговъ сорокъ. Тропинка эта вела къ Днѣстру и представляла необыкновенно крутой спускъ, по которому можно было идти только потому, что по обѣимъ сторонамъ росли деревья, но они же скрывали видъ на рѣку, такъ что знакомому съ мѣстностью неизвѣстно ни степени высоты, на которой находишься, ни противъ какого мѣста подольскаго берега лежитъ эта дорога. Остановясь на одной площадкѣ, проводникъ раздвинулъ вѣтви и пригласилъ меня слѣдовать за собою. Цѣпляясь кое какъ за сучья и камни, мы вышли наконецъ на широкую дорожку, подымавшуюся подъ другимъ угломъ, и пошли налѣво назадъ въ гору, подъ нависнувшими скалами самыхъ прихотливыхъ очертаній. Неожиданно проводникъ поворотилъ вправо, взлѣзъ на уступъ и предложилъ мнѣ сдѣлать тоже. Секунда,—и предо мной открылась великолѣпная панорама приднѣстровья. Мы очутились на вершинѣ выдавшаго утеса, который висѣлъ саженяхъ въ осьмидесяти надъ рѣкою, образуя острый уголъ скалы, поворачивающей въ огромное ущелье, спускающееся въ днѣстровскую долину. Нѣсколько аршинъ

выше и начинались извѣстныя пещеры, куда уже легко было добраться по уступамъ. Пещеры эти, въ которыхъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, былъ монастырь, и, сколько мнѣ извѣстно, монастырь раскольничій, интересны если не по остаткамъ древностей, то по своему оригинальному устройству. Представьте себѣ довольно широкую галерею, вырубленную въ горѣ и поддерживаемую натуральными столбами. Въ углубленіи есть нѣсколько нишей, съ вырѣзанными на стѣнахъ крестами, и вотъ все, что представляется взорамъ путешественника. По словамъ одного стараго грека помѣщика, подобныя пещеры относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда христіане, преслѣдуемые язычниками, скрывались въ неприступныхъ мѣстахъ для отправленія своего богослуженія. Мнѣ кажется, даже это могли быть и просто жилища дикарей, хотя и не выдаю этой гипотезы за истину. Впослѣдствіи, конечно, не могло быть мѣстъ болѣе удобныхъ для раскольничьихъ монастырей, во время переселенія раскольниковъ изъ Россіи. Пещера возлѣ Непоротова чтится, однакоже, окрестными жителями, какъ мѣсто бывшей святыни, и проводникъ мнѣ разсказывалъ, что иногда народъ приходитъ сюда на поклоненіе, и нѣкоторыя набожныя старушки прилѣпляютъ къ камнямъ восковыя свѣчи. Слѣды угля и золы проводникъ мнѣ объяснялъ, что это дѣло пастуховъ, которые въ ненастную, холодную погоду забираются подъ галерею, разводятъ огонь и грѣются, а иногда готовятъ пищу. Но на этой галереѣ можно просидѣть долго съ большимъ удовольствіемъ. Видъ на далекую окрестность, красота утесовъ, яркая зелень лѣса, идущаго уступами къ рѣкѣ, за которой правильными рядами зеленѣютъ поля кукурузы, вдали за холмомъ бѣлѣющіе костелъ и палацъ въ мѣстечкѣ Калюсѣ,—все это въ состояніи занять даже и того, кто привыкъ къ пейзажамъ приднѣстровья. Къ довершенію картины нѣсколько большихъ орловъ, шумя крыльями, хотѣли спуститься на скалу, но, увидя насъ, поспѣшно давали крутой поворотъ и уносились выше спиральными кругами. Порода здѣшнихъ орловъ гораздо крупнѣе тѣхъ, какихъ мнѣ удавалось видѣть по берегамъ Днѣпра. По словамъ проводника, они живутъ въ сосѣднемъ ущельи и непрочь полакомиться домашней птицей. Отдыхая на углу галереи у грубаго столба, откуда мнѣ были видны приднѣстровскіе пейзажи и вся глубина дикаго ущелья, я съ удовольствіемъ подумалъ, что могу еще придти

сюда полюбоваться дивной даровой панорамой, но, зная изъ опыта утомительную дорогу, началъ разспрашивать у проводника нельзя ли какъ нибудь пробраться изъ саду, какъ нибудь прямѣе.

— Мы ходимъ, отвѣчалъ онъ, только надо привычному человѣку.

— А близко?

— Да только подняться на гребень, и въ саду.

Я просилъ вести меня обратно кратчайшимъ путемъ, который оказался тутъ же возлѣ пещеры. Опасности большой нѣтъ, потому что узкій проходъ по каменистому косогору имѣетъ довольно прочныхъ уступовъ, на которые ступать хорошо, и только требуется немного присутствія духа или, лучше сказать, привычки не теряться, идя нѣсколько шаговъ по окраинѣ пропасти. Вылѣзать на гребень можно даже безъ особыхъ усилій.

Ѣздилъ я изъ Ломачинецъ также въ еврейскую колонію и въ мѣстечко Калюсъ. Колонисты живо напомнили мнѣ своихъ собратовъ, поселенныхъ по Днѣпру возлѣ Берислава. Конечно, мѣстность набросила свой колоритъ на здѣшняго колониста, но въ сущности это тѣ же евреи, описанные мной въ первой части моей «Поѣздки въ южную Россію», и здѣсь земледѣліе у нихъ въ плохомъ состояніи, а развиты промышленность, мелочная торговля и разныя спекуляціи, чему служатъ подспорьемъ близь-лежащія мѣстечки, наполненныя евреями. Мужчинъ почти никогда нѣтъ въ колоніи, за исключеніемъ дней, когда они ожидаютъ ревизора и когда съѣзжаются, чтобы показать свою земледѣльческую дѣятельность. Заблаговременно у окрестныхъ царанъ добываютъ они себѣ и скота и орудій на прокатъ, чтобъ блеснуть передъ начальствомъ. Поля ихъ, конечно, обработаны, но чужими руками и въ чужую пользу, потому что еврею необходимо представлять свой участокъ воздѣланнымъ. Тогда, говорятъ,—я къ сожалѣнію невидѣлъ этихъ смотровъ—колонія представляетъ довольно оживленный видъ, и колонисты выходятъ въ поле, гдѣ и занимаютъ на нѣкоторое время роль земледѣльцевъ. Съ отъѣздомъ ревизора, не успѣлъ еще слѣдъ простыть, запрягаются еврейскія тележки, и колонисты изчезаютъ на продолжительное время, кто куда попало.

Кажется, на другой день пріѣзда моего въ Ломачинцы, подъ вечеръ вошелъ ко мнѣ въ хату незнакомый еврей и остановился у порога. Небольшая тощая фигурка эта обладала такими под-

вижными глазами, что взоръ ихъ на секунду не останавливался на одномъ предметѣ.

— Что надобно, любезный? спросилъ я, непренебрегая никакими знакомствами.

— Къ вашей милости.

Непонимая въ чемъ дѣло, я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Вы изъ Петербурга?

— Да.

— Можетъ быть, будете ревизовать колонію?

— Я ничего не ревизую и не имѣю на это никакого права.

— Такъ. А можетъ быть полюбопытствуете?

— Вѣроятно полюбопытствую.

— Теперь, признаться, мало народу: всѣ разъѣхались на ярмарки.

— Мнѣ вѣдь это все равно. Конечно, пріятно было бы видѣть колонистовъ, но если ихъ нѣтъ.....

— Они всѣ работаютъ и какъ еще, лучше мужиковъ, да нельзя же и торговли бросить. Мы люди бѣдные. Поля у насъ въ исправности, сами увидите.

— Признайся, что ты не вѣришъ мнѣ и считаешь меня ревизоромъ.

— Мы не можемъ знать... Наше дѣло принять всякое начальство.

— А ты грамотный?

— Немного.

— Ну вотъ возьми мой открытый листъ и убѣдишься, что я не начальство и даже не чиновникъ.

Еврей со страхомъ развернулъ бумагу.

— Вы осматриваете рыболовство и судоходство?

— Да.

— Значитъ, не касаетесь до хлѣбопашества?

— Нисколько.

— А мы земледѣльцы. Но все таки пріѣзжайте, посмотрите.

Мнѣ впрочемъ еще въ Хотинѣ разсказывали объ этихъ земледѣльцахъ, а проживая въ херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ, я довольно насмотрѣлся на ихъ хозяйство, и приблизительно могъ судить и о здѣшнемъ хлѣбопашествѣ.

— Ну, любезный другъ, чтобъ тебя успокоить, я долженъ

сказать откровенно, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашего хозяйства, въ колоніи я буду изъ любопытства и потому бояться меня нечего.

— Да мы никакого худа не дѣлаемъ, чтобъ бояться, а все неровенъ часъ.

— Со мною неровнаго часа быть не можетъ. Разъѣхались ли евреи по ярмаркамъ или промышляютъ на сторонѣ,—это ихъ дѣло, обработываютъ ли они поля или отдаютъ въ наймы царанамъ, это тоже до меня не касается...

Еврей улыбнулся, но въ этой улыбкѣ замѣтна была недовѣрчивость.

— Вамъ, вѣрно, разсказывали кое что.

— Разсказывали. Но я посѣщалъ еврейскія колоніи въ херсонской губерніи и знаю ихъ хозяйство.

— Правду сказать, еврей не можетъ быть хорошимъ хлѣбопашцемъ.

— И я такъ думаю.

— Мы больше все народъ мастеровой, торговой. Можетъ быть, вамъ что нибудь требуется изъ товаровъ?

— Ничего не надо. А у васъ есть?

— У насъ мало, а въ Калюсѣ можно достать за сходную цѣну что̀ угодно. А я, признаться, думалъ, что вы резвизуете, приходилъ развѣдать... Можно бы собрать кое кого изъ нашихъ, кто не далеко.

— Не безпокойтесь и занимайтесь своими дѣлами.

Еврей ушелъ, видимо успокоенный.

Дня черезъ два послѣ этого визита, рано утромъ отправился я пѣшкомъ въ еврейскую колонію. Она расположена надъ самымъ Днѣстромъ и состоитъ изъ бѣлыхъ домиковъ съ кирпичными трубами; нѣкоторые изъ нихъ огорожены, но у каждаго есть клѣтушки для скота, хотя сарайчики эти сдѣланы болѣе во исполненіе обязанности, нежели для защиты животныхъ отъ непогоды. Взрослыхъ невидно было никого, но куча дѣтей рѣзвилась и бѣгала по улицѣ: необыкновенная плодовитость евреевъ вездѣ бросается въ глаза и конечно имѣетъ какую нибудь особенную физіологическую причину, потому что этого собственно нельзя отнести къ раннимъ бракамъ іудейскаго племени. И наше простонародье женится и выходитъ замужъ, едва достигнувъ узаконенныхъ лѣтъ, однакоже у нашихъ крестьянъ нѣтъ столько дѣтей,

сколько у евреевъ. У последнихъ потомство доходитъ иногда до огромныхъ размѣровъ, такъ что у иного изба буквально полна ребятишками.

У нѣкоторыхъ домиковъ стояли запряженныя телеги; я рѣшился войти въ какое нибудь жилище попросить стаканъ воды и выбралъ домъ на удачу. Съ улицы вошелъ я въ сѣни и отворилъ дверь въ комнату, за столомъ сидѣли два еврея въ шапкахъ. Одинъ курилъ папироску, другой писалъ что-то на клочкѣ бумаги. Нечистая грязная комната съ разбросаннымъ бѣльемъ, съ разнородными припасами, валявшимися на столѣ, на стульяхъ и на окнахъ, лужи на полу, удушливый воздухъ, наполненный міазмами, а главное, неопрятная старая еврейка, вышедшая съ засученными рукавами и начавшая возиться у печки,— уничтожили во мнѣ жажду, такъ что, мгновенно перемѣнивъ намѣреніе напиться, придумалъ попросить огня зажечь папироску. Одинъ изъ евреевъ всталъ при моемъ привѣтствіи и спросилъ что̀ мнѣ угодно.

— Попрошу огня. Я позабылъ спички.

— Вотъ огонь. А вы вѣрно изъ Ломачинецъ?

— Да.

— Знаю. Прошу садиться.

И мнѣ придвинули стулъ, съ котораго обязательный хозяинъ снялъ корыто, гдѣ полоскали говядину. Дѣлать нечего, надо было садиться, что̀ я исполнилъ съ крайней неохотой. Въ это время вошелъ мой знакомый и вывелъ меня изъ затрудненія, предложивъ осмотрѣть колонію. Сперва мы зашли въ его домикъ, куда, впрочемъ, явились человѣка три евреевъ, гдѣ я отдохнулъ и попросилъ напиться съ удовольствіемъ, потому что комната была чистая и вся утварь и посуда содержались въ опрятности. Евреи разсказывали о новой тогда откупной системѣ, введенной въ Под. губ. откупщикомъ Кокоревымъ. Одинъ изъ евреевъ коренастый малый, человѣкъ умный и должно быть плутоватый, разсказывалъ много анекдотовъ изъ откупнаго быта прежнихъ временъ и очень рельефно выставлялъ нѣкоторыя личности, разбогатѣвшія неправдой и вопіющими злоупотребленіями. Интересенъ былъ взглядъ его на простонародье, хотя конечно принадлежитъ и большинству нашихъ спекулянтовъ всѣхъ націй, даже тѣмъ, которые во всеуслышаніе проповѣдуютъ филантропію.

— Мужикъ, говорилъ онъ, никому пользы не приноситъ ни торговцу, ни ремесленнику: у него все свое, домашнее, онъ покупаетъ только необходимое. Деньги въ его рукахъ все равно, что умерли. Заплатилъ мужикъ подати и прячетъ деньги въ сундукахъ или зарываетъ въ землю. У него не вытащить ни копѣйки. Небудь откупа, всѣмъ пришлось бы плохо.

— Т. е. откупщикамъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, позвольте. Въ каждомъ, даже небольшомъ откупѣ есть свои служащіе, притомъ сколько чиновниковъ пользуется и даровой водкой и постояннымъ жалованьемъ.... А мужикъ—дуракъ: у него надо вытаскивать деньги для оборота.

— Впрочемъ въ Бессарабіи, я думаю, богатыхъ немного.

— Изъ царанъ немного, а изъ резешей есть просто богачи. Ну, да у насъ виноградное вино много портитъ дѣло откупщикамъ. Знаете, и въ Петербургѣ уже хлопотали объ этомъ, да ничего не подѣлаютъ.

Хозяинъ предложилъ, однакожъ, осмотрѣть колонію. Дѣйствительно поля обработывались, но, какъ я уже сказалъ выше, трудъ этотъ принадлежалъ царанамъ, и только одинъ старичекъ показывалъ мнѣ съ гордостью на продукты, добытые собственными руками. Но и у этого старика былъ небольшой складъ товаровъ, съ которыми онъ выѣзжалъ на ярмарки и базары. Въ колоніи мнѣ предлагали купить полотна, платковъ, чаю и увѣряли, что продадутъ дешевле чѣмъ въ Калюсѣ или Сокирянахъ.

На противуположной сторонѣ лежитъ большое торговое мѣстечко Калюсъ, при впаденіи въ Днѣстръ рѣки того же имени. Прежде оно называлось городомъ, на который и похоже порядочными строеніями, окружающими рыночную площадь. Хотѣлъ я осмотрѣть костелъ и помѣщичій палацъ, но за чьимъ-то отсутствіемъ не получилъ разрѣшенія и только обошелъ мѣстечко, заходя изъ любопытства въ нѣкоторыя еврейскія лавки. Дѣйствительно, въ Калюсѣ можно пріобрѣсть недорого какіе угодно товары. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что здѣшніе евреи имѣютъ сношенія съ Хотиномъ и Бричанами, главными складами контрабанды. Хозяинъ, у котораго я останавливался, разсказывалъ, что Калюсъ прежде славился своей торговлей, а что теперь нѣтъ и въ половину той дѣятельности, которою кипѣлъ городъ; но не могъ объяснить причины этого

упадка. Впрочемъ евреи говорятъ иначе: по ихъ словамъ, Калюсъ точно не представляетъ прежней дѣятельности, но оборотъ капиталовъ чуть ли даже не увеличился. Вообще въ этомъ глухомъ уголкѣ торговля покрыта мракомъ, потому что, кажется, ей и неловко было бы не скрываться подъ покровомъ тайны. Впрочемъ, это, можетъ, однѣ мои предположенія. Читатели вѣроятно помнятъ моего знакомаго Янкеля, описаннаго въ первыхъ главахъ очерковъ, и не позабыли его обширныхъ свѣдѣній по части недозволенной торговли на границѣ. Онъ мнѣ говорилъ однажды, что кромѣ Бричанъ и Сокирянъ въ Бессарабіи, есть еще мѣстечки и въ Подольской губерніи, которыя много способствуютъ тайному провозу товаровъ изъ Хотина и изъ окрестностей Каменецъ-Подольска.

Возвращаясь изъ Калюса черезъ Непоротово, по выѣздѣ я былъ пріятно изумленъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. На бессарабскомъ берегу на отдѣльномъ утесѣ показался мнѣ красивый городокъ, или покрайней мѣрѣ нѣсколько красивыхъ зданій съ большими окнами и разноцвѣтными крышами.

— Что это строится? спросилъ я проводника, не понимая какимъ образомъ никто въ Ломачинцахъ не сказалъ мнѣ объ этомъ.

— Гдѣ?

— Вонъ по берегу, дома какіе-то,

— Это такъ себѣ, отвѣчалъ проводникъ, засмѣявшись.

— Какъ такъ себѣ?

— Да вы присмотритесь, это просто намалевано.

Я посмотрѣлъ въ бинокль и дѣйствительно увидѣлъ на скалѣ декорацію. Это была затѣя прежняго владѣльца Калюса, которому пришла фантазія разрисовать утесъ, лежащій въ другой губерніи. Впослѣдствіи мнѣ разсказывали, что это сдѣлано было для красоты вида изъ оконъ палаца; другіе же увѣряли, что богатый панъ выкинулъ такую штуку для мистификаціи.

Пользуясь близостью селенія Бѣлоусовки, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на бытъ липованъ, хоть поверхностно, хоть мимоходомъ, потому что я не имѣлъ никакого предлога пожить нѣсколько времени между ними. Самый удобный для этого случай представила мнѣ поѣздка на ярмарку въ мѣстечко Сокоряне, куда путь лежалъ черезъ Бѣлоусовку, и я пріостановился на липованской половинѣ, упросившись въ одной избѣ отдохнуть

съ дороги. Дородная молодая женщина пустила меня въ большую чистую комнату и осталась разговаривать со мною. Всѣ почти мужчины выѣхали на ярмарку, такъ что моя попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Какой-то старикъ, однакожъ, зашелъ въ избу и, косясь, посмотрѣлъ на мою особу. Я попросилъ молока и хлѣба, что охотно было исполнено хозяйкой, но хоть у нея много видѣлъ я въ поставцѣ посуды, однако она выходила куда-то и принесла съ собою миску и ложку. Мужской и и женскій костюмы, утварь, хозяйственныя принадлежности видѣнныя мною на дворѣ, все было по образцу великорусскому. Старикъ родился уже здѣсь и, по его словамъ, не зналъ откуда вышли его предки, хоть я и подозрѣваю, что онъ просто не хотѣлъ мнѣ сказать этого. Онъ, однакожъ, разспрашивалъ не чиновникъ ли я, зачѣмъ заѣхалъ въ ихъ сторону и проч. Поискъ мой оказался весьма неудачнымъ, потому что въ другія избы входить было бы неловко, и я ограничился разспросами о хозяйствѣ, промышленности, на что получилъ самые неопредѣленные, уклончивые отвѣты. «Жить, молъ, намъ хорошо, никто не обижаетъ, урожай годъ на годъ не приходится, мы никуда не ѣздимъ», вотъ и все. Конечно я зналъ, что бѣлоусовскіе липоване имѣютъ сношенія съ своими единовѣрцами не только въ Бессарабіи и Херсонской губерніи, но и въ Австріи, однако разспрашивать объ этомъ не было никакой возможности. Я намекалъ, что видѣлъ липованъ въ Хотинѣ и Грубной, однако это ни къ чему не послужило. Старикъ обмѣнивался съ хозяйкой бѣглыми взорами, изъ которыхъ я понялъ, что въ Бѣлоусовкѣ мнѣ дѣлать нечего. Передъ отъѣздомъ я едва могъ уговорить хозяйку взять съ меня деньги за молоко, отъ которыхъ она отказывалась подъ тѣмъ предлогомъ, что каждый обязанъ накормить и напоить дорожнаго. Я прошелся пѣшкомъ по деревнѣ и мигомъ перенесся въ Великороссію, и хоть собственно избы лишены сѣвернаго характера, но всѣ хозяйственныя постройки и принадлежности рѣзко отличаются отъ бессарабскихъ. Свѣтловолосые мальчишки въ красныхъ рубашкахъ съ косымъ воротомъ, подпоясанные ниже живота, съ кнутиками играли въ лошадки; дѣвочки въ однѣхъ рубашонкахъ, но съ платочками на головахъ раздѣляли игры своихъ братьевъ и веселымъ смѣхомъ оглашали улицу.

Мѣстечко Сокиряне (офиц. Сикуряны), весь рынокъ котораго

застроенъ большими еврейскими домами, представляло во время ярморки необыкновенное движеніе. Вся площадь и прилегавшія улицы были запружены повозками и народомъ, состоявшимъ изъ трехъ національностей: руснацкой, молдавской и еврейской. Въ толпѣ ходили владѣльческія и посессорскія семейства, отдѣлявшіяся отъ массы нарядами, пріемами и нѣкоторою спѣсью. Ярмарка была, собственно, такъ называемая чорная, гдѣ преимущественно продавался скотъ, но какъ Сокиряне въ послѣднее время начали соперничать съ Бричанами, то у мѣстныхъ евреевъ можно найти всякую контробанду, и въ лавкахъ вы достанете все, что угодно. Но меня интересовало молдавское племя, съ которымъ скоро приходилось познакомиться. Типъ похожъ на малорусскій, только женщины вообще очень красивы, и, несмотря на полевыя работы, умѣютъ сохранять свои миловидныя лица отъ загара, закрываясь платками и особаго рода покрывалами. Говоръ смѣшанныхъ нарѣчій пріятно дѣйствовалъ на мой слухъ, и нельзя было не удивляться способности евреевъ, разговаривавшихъ на трехъ языкахъ также свободно какъ на своемъ собственномъ. Считаю лишнимъ упомянуть, что на ярмаркѣ я слышалъ ругательныя фразы необыкновенно интересной конструкціи. Молдаване въ этомъ отношеніи весьма искусные спеціалисты, и если неприличная брань вошла въ плоть и кровь руснаковъ, то послѣдніе этимъ обязаны—молдаванамъ. Начатками моихъ слабыхъ познаній въ молдавскомъ языкѣ были именно бранныя слова, потому что, раздаваясь ежеминутно въ моихъ ушахъ, они оставались невольно на памяти, въ то время, когда я даже не зналъ ихъ содержанія.

За исключеніемъ новаго для меня элемента, сокирянская ярмарка не отличается много отъ прочихъ сельскихъ ярмарокъ, и потому считаю излишнимъ вдаваться въ подробное описаніе, тѣмъ болѣе, что, не зная по молдавски, я не могъ подслушать никакихъ интересныхъ разговоровъ. Я замѣтилъ только одно, что евреи и нѣкоторые руснаки говорили по молдавски съ молдаванами, но послѣдніе иначе не выражались какъ на своемъ языкѣ, и всѣ, къ кому я изъ нихъ не обращался съ вопросами, отвѣчали мнѣ: нушти (не знаю).

Слѣдуя берегомъ изъ Ломачинецъ, я уже началъ встрѣчать виноградники, которые до сихъ поръ попадались еще, какъ роскошь, но чѣмъ далѣе внизъ, тѣмъ дѣлались чаще и начали ста-

новиться предметомъ промышленности. Между селеніями Ожевомъ и Наславче одинъ помѣщикъ просилъ даже моего содѣйствія,— не въ состояніи ли я помочь царанамъ по этому случаю. Путейское вѣдомство вздумало хлопотать о бичевникѣ, вслѣдствіе положенія, что вдоль судоходныхъ рѣкъ берега на разстояніи десяти сажень должны быть очищены отъ деревьевъ для облегченія бичеваго пути, и сбиралось рубить виноградные сады, прилегавшіе къ самому берегу. Разумѣется, я не могъ оказать никакой помощи, хотя мнѣ и очевидно было, что сбирались приложить букву закона тамъ, гдѣ она противорѣчитъ истинному его смыслу. Весьма понятно, что бичевникъ необходимъ въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ возводное судоходство, которое на Днѣстрѣ еще не существовало, особенно въ верховьяхъ, да и врядъ ли когда можетъ существовать; принимая во вниманіе, что прилегающія провинціи Австріи изобилуютъ тѣми же продуктами, что Бессарабія и Подольская губернія, и потому въ бичевникѣ нѣтъ никакой надобности. Притомъ же Днѣстръ течетъ въ крутыхъ, иногда отвѣсныхъ берегахъ, подымающихся на нѣсколько десятковъ сажень,—слѣдовательно на нихъ не можетъ быть не только узаконенной мѣры бичевника, но и никакого. Расчищать же берега на мѣстахъ удобныхъ для этой надобности—значитъ лишь притѣснять жителей безъ пользы судоходству, и для непроизводительной затраты казенныхъ денегъ. Галеры обыкновенно идутъ внизъ по Днѣстру преимущественно къ лиману, и если возвращаются нѣкоторыя назадъ, то развѣ до порога. Если впослѣдствіи оказалась бы необходимость въ слѣдованіи вверхъ пустыхъ галеръ и даже съ грузомъ, то удобнѣе и дешевле всего было бы завести плоскодонные буксирные пароходики, какъ потому, что преимущество пароваго двигателя предъ всѣми прочими признано неоспоримымъ, такъ и потому, что при необыкновенной быстротѣ Днѣстра и при его скалистыхъ берегахъ—бичевою идти рѣшительно невозможно.

Нѣсколько дней прожилъ я въ послѣдней руснацкой деревнѣ Наславче, которая, независимо отъ красивой мѣстности, замѣчательна еще и въ геологическомъ отношеніи. Стоитъ она на скалахъ и окружена скалистыми возвышенностями. При мнѣ, во время рытья подъ фундаментъ, выкопаны были кости какого то огромнаго несуществующаго звѣря, на подобіе мамонтовыхъ клыковъ. Я посылалъ эти кости въ Канцелярію Министерства Им-

ператорскаго Двора съ предложенiемъ услугъ заняться въ окрестностяхъ изслѣдованiями, но получилъ посылку обратно съ краткимъ увѣдомленiемъ, что «кости эти весьма обыкновенны», но какому звѣрю и какой эпохѣ онѣ принадлежатъ—мнѣ не объяснили. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Наславче, въ особенности по ту сторону, въ Подольской губернiи, именно по ущелью, гдѣ протекаетъ рѣчка Лядова,—крестьяне находятъ интересные минералы. Въ статистическомъ описанiи Подольской губернiи ксендза Марчинскаго, т. 2 стр. 242, вотъ что говорится объ этомъ ущельи: «Минералогамъ слѣдовало бы посѣтить здѣшнiй край для опредѣленiя натуры и достоинства разныхъ минераловъ. Между прочимъ есть въ Днѣстрѣ камни, покрытые кремневымъ слоемъ и значительныя кремнистыя массы въ скалахъ надъ рѣкой Лядовой, въ которыхъ находятся разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, настоящiе рубины и множество темныхъ камней.»

При впаденiи этой же рѣченки въ Днѣстръ возлѣ селенiя Лядовы, на высокой скалѣ, куда ведетъ крутая дорога по окраинѣ стремнины, и доселѣ существуетъ древняя церковь, высѣченная въ горѣ, въ которой въ извѣстные дни отправляется богослуженiе. Народъ стекается сюда изъ отдаленныхъ мѣстъ и не одни простолюдины, что можно видѣть изъ безчисленнаго множества подписей, покрывающихъ камни на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ. За церковью изсѣчены также три келiи нѣкогда бывшаго монастыря, теперь пустыя, которыя высѣчены въ отвѣсномъ утесѣ саженяхъ во ста надъ рѣкою. Возлѣ церкви изъ расѣлины скалы постоянно журчитъ прозрачный источникъ, наполняя небольшой резервуаръ, откуда бросается въ пропасть и, разбиваясь о камни, дробится на миллiоны брызгъ, пока не долетитъ до небольшой покатости, гдѣ образуетъ свѣтлый ручеекъ, извивающiйся змѣею. Вездѣ, даже по угламъ утесистой пропасти, отъ влажной пыли зеленѣетъ травка, и весь этотъ ручеекъ до самаго Днѣстра окаймленъ свѣтло-зеленымъ бордюромъ.

Отправляясь изъ Наславче въ Лядову, я былъ изумленъ при выходѣ изъ села, очутясь въ улицѣ, обстроенной хорошенькими, чистенькими домиками. Здѣсь, неизвѣстно уже по какой причинѣ притаилась нѣмецкая колонiя на помѣщичьей землѣ, на особомъ договорѣ, и нѣмцы живутъ себѣ, сохраняя свой языкъ, нравы и обычаи. Каждый день потомъ я заходилъ къ нѣмцамъ покупать свѣжее масло и сливки, всегда встрѣчалъ радушный

пріемъ и много смѣялся какъ нѣмцы ломаютъ деревянный свой языкъ для объясненія съ руснаками. Обработываютъ они поля нѣсколько улучшеннымъ способомъ и кромѣ земледѣлія занимаются садоводствомъ.

У владѣльца разведенъ уже замѣчательный виноградникъ. Помѣщикъ не живетъ въ Наславче, а имѣніемъ управляетъ, на правахъ посессора, образованный еврей Р....чъ, о которомъ еще буду имѣть случай говорить при описаніи Могилева.

Становясь нѣсколько глубже, Днѣстръ представляетъ уже здѣсь нѣкоторые шансы для рыболовства, хотя, надобно сказать правду, оно въ совершенномъ пренебреженіи и на этой мѣстности. Средства у рыбаковъ ничтожныя, пріемы допотопные, а лодки—тѣ же корыта, что и въ верховьяхъ, но все же здѣсь замѣтенъ шагъ впередъ, сравнительно съ верховыми селеніями. Два, три раза пытался я отправляться на рыбную ловлю, но рыбаки отказывались неимѣньемъ времени, и мнѣ удавалось только видѣть ихъ нечаянно за этимъ занятіемъ. Промыселъ не доставляетъ имъ особыхъ матеріяльныхъ выгодъ, и если бы неблизость густаго еврейскаго населенія,—рыбаки позабыли бы, какъ забрасываются сѣти. Евреи въ извѣстные дни требуютъ рыбы и не стѣсняются въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ наши, во время постовъ, которыхъ кажется и довольно, умѣютъ безъ нея обходиться.

Изъ Наславче поѣхалъ я прямо въ мѣстечко Атаки, но, выѣзжая изъ селенія, прошелъ пѣшкомъ нѣсколько верстъ по причинѣ крутизны и неудобства дороги, вьющейся по громадному ущелью по берегу горной рѣченки, на которой насчиталъ я, кажется, около пятнадцати мельницъ. Эти мельницы—небольшія клѣтки и въ каждой изъ нихъ непремѣнно сидитъ еврей, обитающій съ семействомъ тутъ же въ небольшомъ домикѣ. Вездѣ тѣнистыя деревья, пышная растительность, разнообразные утесы, и возлѣ мельницъ толпы народа, собравшагося для помола изъ окрестности. Взбирался я на гору по крайней мѣрѣ часа два, потому что заходилъ на мельницы, сидѣлъ и балагурилъ, прощаясь съ руснацкимъ племенемъ, которое обитаетъ еще внутрь края, но по Днѣстру оканчивалось. Выбравшись потомъ на почтовую дорогу, я спустился съ неменѣе длинной и крутой горы, превосходно обдѣланной и обставленной деревянными перилами.

При самомъ почти спускѣ въ одномъ ущельи устроена караулка и стоитъ пикетъ мѣстныхъ обывателей, въ обезпеченіе проѣзжающихъ, потому что здѣсь когда то случались грабежи. Мѣстность, дѣйствительно весьма удобная для этой операціи.

При выѣздѣ изъ ущелья, прямо передо мною блеснулъ Днѣстръ, принявшій здѣсь довольно порядочные размѣры; вправо показалось длинное мѣстечко Атаки, а лѣвѣе у крутыхъ и гребнистыхъ скалъ, блеснулъ крестами Могилевъ-Подольскій.

ГЛАВА VI.

Могилевъ. Переправа. Въѣздъ въ городъ. Факторы. Заѣздные дома. Торговцы. Евреи. Семейство Р... Фитильщики. Базаръ. Торговки, ихъ нравы и обычаи. Миролюбивый полицейскій. Армяне. Ремесленники. Портные. Разсказъ женскаго портнаго. Виноградники. Красавица. Послѣдній пунктъ контробанды.

Прежде чѣмъ начну говорить объ Атакахъ, я попрошу читателя послѣдовать за мною на противоположный берегъ и взглянуть на Могилевъ — лучшій уѣздный городъ Каменецъ-Подольской губерніи. Раскинулся онъ на нѣсколько верстъ въ длину, потому что весьма немного имѣетъ пространства въ ширину, бывъ сжатъ красивыми и высокими скалами. Изъ Атакъ Могилевъ довольно живописенъ и оригиналенъ, но съ вершины одной горы по брацлавской дорогѣ, à vol d'oiseau, представляетъ замѣчательную картину, оживленную виноградниками и фруктовыми садами, нерастущими развѣ на рыночной площади, картину, которая при обстановкѣ другаго берега, особенно при закатѣ солнца, украсила бы альбомъ любаго талантливаго живописца. Въ картинѣ этой нѣтъ дали, потому что она замкнута въ ущельи, но глаза не могутъ оторваться отъ подробностей какъ бессарабскаго берега, съ его причудливыми формами, тропинками и лѣсомъ, такъ и отъ узкихъ и кривыхъ улицъ города съ его древними церквами и строеніями. Могилевъ непохожъ на города, встрѣчаемые въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ,—это чисто мѣстное произведеніе, но въ которомъ типъ западныхъ губерній отдаетъ вмѣстѣ чѣмъ-то восточнымъ и ставитъ въ тупикъ наблюдателя, незнакомаго съ его исторіей. Въ самомъ дѣлѣ въ Могилевѣ найдете вы сходство съ Каменецъ-Подольскомъ, и въ тоже время архитектура какого нибудь дома напомнитъ вамъ Тифлисъ или скорѣе Эривань, разумѣется издали, потому что вблизи отдаленное это сходство съ Востокомъ непридетъ вамъ въ голову. Для пріѣзжаго особенно интересна прирѣчная часть го-

рода въ районѣ обширнаго рынка, кипящаго евреями. Но бросимъ краткій взглядъ на исторію этого города, насколько позволяютъ намъ средства, при бѣдности источниковъ относительно городовъ, неигравшихъ важной роли въ политикѣ, или не служившихъ мѣстомъ какой нибудь извѣстной рѣзни, доставившей такъ называемую славу той или другой личности.

Ни Starożytna Polska, ни статистическое описаніе Подольской губерніи не представляютъ прямыхъ указаній о времени построенія Могилева. Въ послѣдней прямо говорится, что Могилевъ принадлежалъ воеводамъ валахскимъ. Обстоятельство это вызвало замѣтку автора Starożytnei Polski, т. 2 стр. 1057: «Какимъ же образомъ они (т. е. валахи) могли основать на чужой землѣ городъ и владѣть имъ? Развѣ вопреки мѣстнымъ законамъ исходатайствовали особую королевскую привилегію? Если такъ, то остается жалѣть, что авторъ не указалъ источника.» И, не смотря на подобную замѣтку, описаніе Могилева начинается слѣдующимъ образомъ: «Могилевъ при впаденіи Дерлы въ Днѣстръ. Іеремія Могила, сдѣлавшись при помощи польскаго оружія молдавскимъ воеводой, былъ данникомъ польши, и выдалъ четырехъ дочерей за польскихъ магнатовъ. Одна изъ нихъ Марія была за Стефаномъ Потоцкимъ — воеводою брацлавскимъ, который, можетъ быть (!) основалъ городъ и въ память тестя назвалъ Моиловомъ.» Очень наивное предположеніе, тѣмъ болѣе, что надъ Днѣпромъ есть другой Могилевъ, который ни коимъ образомъ не могъ произойдти отъ имени молдавскаго господаря Могилы. Кажется, названіе это можно проще всего произвести отъ мѣстнаго слова могила (курганъ), не вдаваясь ни въ какія историческія натянутости. Чрезвычайно бѣдны свѣдѣнія объ этомъ городѣ въ польскихъ источникахъ. Можно видѣть, что въ прежнее время Могилевъ былъ населенъ поляками, армянами, греками, молдаванами и евреями (о коренныхъ жителяхъ—малорусахъ даже и не упоминается, вѣроятно на томъ основаніи, что простолюдинъ, chłop, не считался тогда народомъ). И хоть бы что нибудь о внутренней жизни города! Одно только драгоцѣнное указаніе и нашелъ я въ «Sarożytnej Polsie», именно, что послѣ наводненія отъ разлива Днѣстра въ 1784 г. иностранные купцы начали оставлять Могилевъ, продавая свои домы евреямъ. Въ нашихъ источникахъ свѣдѣній о городахъ и того менѣе, такъ что напримѣръ въ Энциклопедическомъ словарѣ Старчевскаго—

чисто перепечатка изъ плохихъ учебниковъ географіи. Эта часть вообще у насъ въ жалкомъ состояніи, а путешественниковъ, занимавшихся описаніемъ отечественныхъ городовъ, не было, такъ что мы, невыѣзжая изъ Россіи, можемъ дать удовлетворительный отчетъ о какомъ нибудь Лиллѣ или Штульвейсенбургрѣ, а о Могилевѣ-Подольскомъ ничего предложить не въ состояніи. До сихъ поръ свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества можно было почерпать только въ изустныхъ разсказахъ армейцевъ, но эти разсказы не знакомили васъ съ внутреннею жизнью городовъ, а ограничивались какими нибудь эпизодами, выставлявшими болѣе личныя отношенія разсказчиковъ. Между тѣмъ Могилевъ-Подольскій не лежитъ въ какомъ нибудь забытомъ уголкѣ, куда необходимо ѣхать нарочно, а служитъ пунктомъ, въ которомъ пересѣкаются двѣ почтовыя дороги.

Когда въ ожиданіи парома, я остановился въ Атакахъ на правомъ берегу Днѣстра, мнѣ Могилевъ показался чрезвычайно живописнымъ, тѣмъ болѣе, что высоты, господствующія надъ нимъ, представляютъ восхитительныя декораціи, на зелени которыхъ какъ-то рельефнѣе выдаются и куполы церквей и прихотливыя крыши строеній, идущихъ въ гору амфитеатромъ. Въ то время Днѣстръ былъ многоводенъ, безпорядокъ на переправѣ ужасный, народу толпилось большое количество, и мнѣ пришлось увидѣть въ полномъ разгарѣ безправіе и своеволіе евреевъ, взимавшихъ за перевозъ плату. Весь атакскій берегъ уставленъ былъ повозками, владѣльцамъ которыхъ предстояло или согласиться на цѣну, назначенную откупщикомъ, или оставаться надъ рѣкой въ бездѣйствіи. Очереди никакой, справедливости тоже, такъ что если бы приказчику не понравилась физіономія проѣзжаго, послѣдній рисковалъ провести нѣсколько сутокъ на каменистомъ берегу, ненаходя никакого суда на возмутительные поступки откупщика, завѣдующаго переправой. И это, замѣтьте, на почтовой дорогѣ. А паромы! Но я уже упоминалъ объ этихъ отвратительныхъ ящикахъ, а теперь только остается прибавить, что нельзя не удивляться, какъ въ послѣднее время, когда многое у насъ подвинулось впередъ, пути сообщенія остались у насъ въ такомъ жалкомъ и не всегда безопасномъ положеніи. Паромы на Днѣстрѣ такого свойства, что непривычному человѣку страшно въѣзжать на нихъ, и кромѣ того многіе пришли въ значительную степень

ветхости и рѣшительно негодны къ употребленію. Правда, особенныхъ катастрофъ я не видѣлъ, хоть и довольно времени странствовалъ по берегамъ Днѣстра, но не разъ бывалъ свидѣтелемъ какъ паромъ не успѣетъ отвалить, а уже одна сторона его начинаетъ погружаться въ воду. Произойдетъ гамъ, крикъ, посудину притянутъ къ берегу, сымутъ нѣсколько повозокъ, и паромъ снова отправляется на ту сторону. Вообще днѣстровскія переправы оставили во мнѣ самое грустное впечатлѣніе, и я больше не хочу говорить о нихъ,—не изъ боязни навлечь чье нибудь негодованіе, а изъ печальнаго убѣжденія, что замѣтки мои объ этомъ, утомляя только читателя, не принесутъ никакой пользы проѣзжающему. Корень зла глубоко залегъ въ почву и чтобъ его выдернуть, придется ожидать еще не мало времени и довольствоваться порядками, существующими на нашихъ почтовыхъ и транспортныхъ дорогахъ. Вѣдь по отчетамъ, хоть бы и у Могилева, значится переправа, стало быть она существуетъ, почту перевозятъ, письменныхъ жалобъ на злоупотребленія нѣтъ,—чего же больше! Наконецъ, еслибъ и возникла жалоба, произведутъ слѣдствіе, и дѣло съ концомъ, а остальное все дрязги и мелочи, повторяющіяся сплошь и рядомъ на всѣхъ переправахъ. Помню однажды какъ то въ разговорѣ я передавалъ одному вліятельному лицу о вопіющихъ безпорядкахъ на Днѣстрѣ и о страданіяхъ простолюдиновъ.

— Это, батюшка, вездѣ, не на одномъ Днѣстрѣ такъ водится, отвѣчало мнѣ вліятельное лицо. Да изъ чего вы хлопочете? Вѣдь васъ перевезли?

— Перевезли.

— И лишняго не взяли?

— Нѣтъ.

— О чемъ же и толковать!

Я увидѣлъ дѣйствительно, что толковать не о чемъ, и еще грустнѣе сталъ смотрѣть на факты, одинъ другаго возмутительнѣе, въ полной увѣренности, что днѣстровскія переправы на долго останутся in statu quo, и что ни какія въ мірѣ статьи не могутъ способствовать къ ихъ улучшенію.

По въѣздѣ на могилевскій берегъ, я съ удвоеннымъ любопытствомъ началъ осматриваться, не желая пропустить никакихъ мелочей и наслышавшись объ этомъ городѣ, какъ о торговомъ пунктѣ, въ которомъ сосредоточивается контробанда для даль-

нѣйшаго распространенія къ Днѣпру и дальше различными невѣдомыми и вѣдомыми путями. Миновавъ нѣсколько бѣдныхъ домиковъ, окруженныхъ однакоже роскошными деревьями, я поворотилъ въ узкую улицу направо и разомъ почувствовалъ, что ѣду по убійственной мостовой изъ крупнаго плитняка, который нѣтъ сомнѣнія положенъ или въ концѣ прошлаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По узкой этой улицѣ, обставленной еврейскими домами, начали показываться вывѣски на польскомъ языкѣ, а изъ лавокъ выбѣгали дѣти съ предложеніями. Но не успѣлъ я доѣхать до угла, откуда начинается собственно гостиный дворъ,—если можно такъ назвать кучу разнообразныхъ темныхъ лавокъ,—и поворотить за уголъ на главную улицу, какъ меня окружили евреи и заговорили на языкахъ молдавскомъ, польскомъ и ломано-русскомъ. Всѣ, приподнявъ шапки, предлагали *станцію* (комнату); каждый, разумѣется, выхвалялъ свое, вычислялъ всевозможныя удобства.

— У меня станція съ фронта (на улицу) говорилъ небольшой одноглазый факторъ, и тутъ же всѣ лучшіе склепы (лавки).

— Не слушайте его, вельможный панъ, подхватывалъ другой: у него безпокойно. Вотъ наша станція первый сортъ, вчера только выѣхалъ одинъ петербургскій полковникъ.

— У насъ стояли и генералы, молвилъ третій въ кургузомъ пальто: мы за все беремъ недорого. Поѣзжайте прямо за мною.

— А! вельможный панъ, вѣроятно вы меня не узнали, говорилъ старикъ съ улыбкою: вы помните, что лучше меня никто не услужитъ.

И онъ лукаво подмигнулъ глазомъ. Надо сказать, что я въѣзжалъ въ Могилевъ первый разъ въ жизни.

— Нѣтъ ужъ, графъ, отозвался одноглазый, услуживать какъ я услуживаю—врядъ ли удастся кому и въ самомъ Каменцѣ.

Въ это время бойкій молодой еврей растолкалъ толпу собратовъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, комната для васъ готова, сказалъ онъ: вы ихъ не слушайте. Всѣ важныя лица останавливаются у насъ и говорятъ, что нигдѣ нѣтъ лучше станціи.

Заѣздные дома были мнѣ знакомы по другимъ городамъ, обычаи факторовъ тоже, и я рѣшился помѣститься въ ближайшемъ. Народу столпилось однакоже много, одинъ факторъ схва-

тилъ уже безъ церемоніи дышловыхъ лошадей, готовясь вести на квартиру, что и было бы исполнено, еслибы этого предпріимчиваго фактора не остановили другіе, тоже съ цѣлью овладѣть пріѣзжею жертвою. Я сошелъ съ фургона и направился къ первымъ попавшимся воротамъ. Факторъ въ кургузомъ пальто стоялъ возлѣ меня и низко кланялся.

— Я зналъ, ваше превосходительство, что вы остановитесь у насъ. Пожалуйте.

Въ это время послышался голосъ моего ямщика, который ругался довольно крупно и собирался пустить въ дѣло длинный кнутъ, потому что три фактора рѣшительно не пускали фургона, надѣясь еще привлечь меня разными соблазнительными предложеніями. Наконецъ дѣло уладилось, ямщикъ съ усиліемъ поворотилъ лошадей и въѣхалъ подъ ворота. Но только услужливый факторъ отворилъ мнѣ дверь направо, гдѣ въ просторной комнатѣ молоденькая еврейка подняла ужасную пыль, подметая полъ, какъ меня со всѣхъ сторонъ атаковали іудеи съ товарами, отъ великолѣпныхъ шелковыхъ матерій до стеариновыхъ свѣчъ, съ такимъ гамомъ, о которомъ нельзя составить себѣ понятія, не бывавъ хоть проѣздомъ въ западныхъ губерніяхъ. Мнѣ оставалось одно средство прибѣгнуть къ фактору, который тотчасъ же возстановилъ порядокъ, разогналъ толпу и сказалъ, что пану необходимо прежде отдохнуть съ дороги. Евреи угомонились, но увы! на нѣсколько лишь минутъ: они дали время только внести въ комнату мои вещи, и вскорѣ квартира моя снова наполнилась толпою торговцевъ, которые, безъ всякой церемоніи, начали раскладывать свои товары на столѣ, на стульяхъ, на кровати и на полу. Напрасно толковалъ я имъ, что мнѣ ничего не надо, что я усталъ и послѣ, можетъ быть, куплю что нибудь,—голосъ мой походилъ на гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и надобно было согласиться пересмотрѣть все, чтобы избавить себя отъ продолжительнаго базара.

— Я недолго буду васъ безпокоить, сказалъ одинъ высокій еврей: я знаю, что у меня купите.

И онъ положилъ передо мною фунтъ чаю и фунтовъ пять сахару.

— И у меня тоже, проговорила пріятнымъ голосомъ хорошенькая еврейка, подавая мнѣ пачку стеариновыхъ свѣчей и дюжину коробочекъ вѣнскихъ спичекъ.

— Я лучше угадалъ, прошепелявилъ черноглазый парень и сунулъ мнѣ тетрадку почтовой бумаги, гросъ стальныхъ перьевъ и палочку сургучу.

— А я зналъ, сказалъ рыжій еврей, что панъ охотникъ до хорошаго тютюну, и ткнулъ мнѣ раскрытую пачку табаку подъ названіемъ турецкаго, но въ дѣйствительности выросшаго на близкихъ плантаціяхъ Бессарабіи.

— Прочь! прочь! раздался голосъ фактора: вотъ цетля (карта) изъ трактира,—прежде всего вельможный панъ хочетъ пообѣдать.

Я находился въ затруднительномъ положеніи. Правду сказать, необходимость въ закупкѣ разныхъ жизненныхъ припасовъ привела меня преждевременно въ Могилевъ, но располагалъ сдѣлать это послѣ, удовлетворивъ прежде другой потребности—отдохнувъ съ дороги, приведя въ порядокъ свои замѣтки. Я рѣшился сказать своимъ посѣтителямъ спичъ и привсталъ съ своего мѣста. Говоръ утихъ, и слушатели мои—человѣкъ до двадцати—остались кто съ развернутой штукой матеріи, кто съ раскрытой бритвой, иной держалъ надъ головой пару ботинокъ, другой готовое пальто, третій чубукъ съ янтаремъ и т. д.

— У всѣхъ васъ товары очень хороши, сказалъ я, и, можетъ быть, мнѣ кое что понадобится, но если вы сію же минуту не выйдете и не дождетесь, пока я отдохну и займусь дѣломъ, даю вамъ честное слово—не куплю ни на копѣйку, поѣду въ Каменецъ и тамъ сдѣлаю всѣ запасы.

Евреи переглянулись. Факторъ подтвердилъ мои слова, что̀ произвело на слушателей желанное впечатлѣніе. Перекликнувшись еврейской скороговоркой, торговцы начали собирать свои товары, и скоро квартира моя опустѣла, только передо мною остались чай, сахаръ, свѣчи и спички, неизвѣстно кому принадлежавшія, но за которыя разумѣется долженъ я былъ заплатить деньги, тѣмъ болѣе, что во всемъ этомъ чувствовался у меня недостатокъ. Наконецъ меня оставили въ покоѣ, хотя въ сѣняхъ и по улицѣ не умолкалъ говоръ, потому что евреи не теряли надежды сбыть проѣзжему часть своихъ товаровъ. Я положительно приказалъ фактору не пускать никого, пока не напьюсь чаю, не приведу въ порядокъ бумагъ и не пообѣдаю. Сдѣлавъ это распоряженіе, я спросилъ почемъ же съ меня возьмутъ за квартиру, и какъ я уже не могъ торговаться, то и предложенъ

мнѣ былъ ультиматумъ—за комнату въ сутки полтинникъ и каждый самоваръ по гривеннику. Значитъ, всѣ хлопоты факторовъ и всѣ усилія привлечь проѣзжаго оканчиваются незначительнымъ результатомъ. Во всякомъ случаѣ большинство читателей не знаетъ, что такое факторъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ въ торговомъ городѣ. Это существо, всегда готовое къ вашимъ услугамъ, нѣчто въ родѣ хозяйскаго приказчика, хотя и не связаннаго съ первымъ отношеніями, обыкновенно существующими между этими обоими классами. Когда бы вы ни спросили, онъ лотовъ,—рѣдко бываетъ, что дожидаетесь нѣсколько минутъ, а по большей части во всякое время дня и ночи онъ является съ улыбкой и ожидаетъ приказанія. Какое ни изобрѣли бы вы порученіе, факторъ выполнитъ его, знаетъ всю подноготную въ городѣ, даже въ окрестности, разскажетъ чью угодно біографію, передастъ новѣйшія сплетни, все отыщетъ, обдѣлаетъ. Въ большихъ городахъ западныхъ губерній факторы или мишурисы, составляя обычную прислугу проѣзжаго, котораго завлекаютъ они же на квартиру, не только не получаютъ отъ хозяевъ платы, а напротивъ, платятъ нѣсколько рублей въ мѣсяцъ послѣднему за право прислуживать. Иной мишурисъ содержитъ большое семейство, и все это на счетъ проѣзжающихъ. Но, спросите вы, развѣ онъ получаетъ порядочное вознагражденіе за свои хлопоты? Весьма небольшое: злотъ или двугривенный—все, чего можетъ ожидать факторъ. У него коммерція другаго рода. Пошлете вы его купить что нибудь, ужъ онъ получитъ съ торговца извѣстный процентъ, и чѣмъ больше съ васъ взяли лишку, тѣмъ процентъ этотъ значительнѣе. Ни одинъ купецъ не войдетъ къ вамъ безъ разрѣшенія фактора, разумѣется, не сторговавшись съ нимъ о вознагражденіи, а если бы случилось, чтобъ въ отсутствіе мишуриса вамъ что нибудь продали, послѣдній спроситъ васъ сколько вы заплатили и пойдетъ потребовать свою долю. Въ трактирѣ, въ кандитерской, у извощика—однимъ словомъ вездѣ факторъ съумѣетъ извлечь свои выгоды, и если получитъ отъ васъ не болѣе злота вознагражденія, то лавочники заплатятъ ему втрое, вчетверо. Факторъ непремѣнно тонкій плутъ, пожалуй подведетъ васъ, обманывая вмѣстѣ съ торговцами, но ничего у васъ не украдетъ, и вы смѣло можете довѣрить ему какую угодно сумму и бросить всѣ свои вещи на его попеченіе. Съ какимъ живымъ любопытствомъ разспрашиваетъ онъ васъ,

женаты вы или нѣтъ, и какой радостью блестятъ его глаза при отрицательномъ отвѣтѣ! Онъ подкрадывается къ вамъ на цыпочкахъ, осматривается и, не говоря иной разъ ни слова, дѣлаетъ весьма понятные жесты и гримасы. Услуги послѣдняго рода—главный источникъ дохода для фактора, и онъ мечется какъ угорѣлый. Во-первыхъ, проѣзжій дастъ наводку, независимо отъ обычнаго вознагражденія; во-вторыхъ, онъ непремѣнно получитъ хоть меньшую часть суммы отъ «погибшаго, но милаго созданья», которое, впрочемъ, никогда не признается ему въ истинной цифрѣ своего гонорарія. Въ этомъ отношеніи т. е. въ посредничествѣ между проѣзжими и прекраснымъ поломъ, факторъ дѣйствуетъ не только съ необыкновеннымъ рвеніемъ, но иногда очертя голову и рискуя своей спиной и физіономіей. Одинъ мой знакомый въ Житомірѣ, желая отдѣлаться отъ назойливыхъ въ этомъ родѣ предложеній фактора, отказался отъ всѣхъ доступныхъ красавицъ и шутя сказалъ ему, что знаетъ одну только дѣвушку, которая ему понравилась, и наименовалъ ее. Мишурисъ пожалъ плечами и скрылся. Я сидѣлъ у знакомаго долго, и какъ мы оба были заняты и шутку съ мишурисомъ считали поконченной, то и разошлисъ, позабывъ объ этомъ обстоятельствѣ. Что же? На другое утро къ моему знакомому вошла молодая еврейка въ слезахъ и отрекомендовалась женой Лейбы мишуриса. Она передала, что мужъ ея, избитый, весь въ синякахъ, едва доползъ до дому и лежитъ въ безнадежномъ положеніи. Тотъ сначала не понялъ въ чемъ дѣло, но еврейка объяснила, что Лейба ходилъ по его порученію, вслѣдствіе котораго и былъ принятъ не весьма деликатно въ оскорбленномъ семействѣ.

Есть факторы, исполняющіе обязанность свахъ, которые, узнавъ, что проѣзжій холостъ, предлагаютъ невѣстъ, высчитывая приданое, а иные даже пользуются новѣйшими изобрѣтеніями. Такъ въ Каменецъ-Подольскѣ одинъ факторъ, выхваляя мнѣ невѣстъ, показывалъ двѣ или три фотографіи. Визитныя карточки есть у нихъ, впрочемъ, и не отъ однихъ невѣстъ, для большаго удобства, и мишурисъ раскладываетъ ихъ передъ проѣзжимъ, предоставляя выборъ личному вкусу. Могилевскій мой факторъ, какъ житель уѣзднаго города, не дошелъ еще до фотографіи, но рекомендовалъ себя мастеромъ своего дѣла и между прочимъ сообщилъ, что знаетъ двухъ невѣстъ, изъ которыхъ одна, по его

словамъ, молдаванка, такая богатая и красавица, что не стыдно на ней жениться полковнику и даже генералу. Кромѣ жажды корысти онъ былъ и любопытенъ до крайности. Увидя, что я вынулъ два портфеля и, разложивъ бумаги, началъ собирать свои разсѣянныя на клочкахъ замѣтки, мишурисъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ и началъ ходить на цыпочкахъ. Я выслалъ, однакожъ, его изъ комнаты, желая заняться работой, что мишурисъ исполнилъ неохотно. Черезъ четверть часа онъ снова вошелъ ко мнѣ подъ предлогомъ—не нужно ли подбросить углей въ самоваръ и, подувъ немного въ трубу, началъ переминаться съ ноги на ногу.

— Что тебѣ нужно? спросилъ я.

— Извините, теперь у насъ полиція строго приказываетъ спрашивать подорожную.

— Ты бы давно сказалъ это и не мѣшалъ мнѣ: видишь я занятъ. Вотъ подорожная.

Схвативъ бумагу, мишурисъ опрометью выбѣжалъ изъ комнаты. Я въ это время случайно выглянулъ въ окно на улицу и увидѣлъ фактора, окруженнаго толпой евреевъ, которые читали мою подорожную и дѣлали какіе-то жесты руками поверхъ головы въ воздухѣ. Подорожная моя не только въ западныхъ, но и въ другихъ губерніяхъ ставила въ тупикъ—даже чиновниковъ, по отсутствію у меня чина, и давала разнообразную пищу толкамъ и предположеніямъ. Не понимая смысла моей командировки, многіе видѣли во мнѣ значительное лицо, посланное съ таинственной цѣлію, и это обстоятельство иногда служило поводомъ забавныхъ qui pro quo, доставляшихъ мнѣ подъ часъ развлеченіе. Могилевскіе евреи, однакоже, рѣшили, какъ я узналъ впослѣдствіи, что я преслѣдую контробанду—мнѣніе, служившее мнѣ на нѣкоторое время спасеніемъ отъ натиска торговцевъ, и изъ нихъ являлись только тѣ, у кого были товары съ пломбами. Но впослѣдствіи, когда я объяснилъ желавшимъ цѣль своей поѣздки по Днѣстру—и началъ собирать свѣдѣнія о судоходствѣ и рыболовствѣ, ко мнѣ уже стали являться настоящіе пропагандисты контробанды и надоѣдали своими предложеніями. Мнѣ не было возможности заниматься на квартирѣ иначе какъ ночью, и я рѣшился весь день проводить внѣ своего жилища.

Могилевъ, какъ я уже сказалъ выше, оригиналенъ по своимъ постройкамъ, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время много уже

утратилъ изъ своей оригинальности. Въ 1859 г., предъ проѣздомъ Государя, мѣстныя власти, желая показать городъ въ полномъ блескѣ, рѣшились для единообразія обрѣзать выступы кровель на главныхъ улицахъ и, разумѣется, привели въ дѣйствіе это милое постановленіе. Улицы дѣйствительно сдѣлались вверху немного шире, но исчезло оригинальное сочетаніе ломаныхъ линій, и дома и лавки сдѣлались похожи на головы, обстриженныя невѣжественною рукою, безъ всякаго соображенія. Центръ города, за исключеніемъ стариннаго дома Потоцкихъ на площади, занятъ лавками и лавченками, въ которыхъ копошатся цѣлыя семейства евреевъ и выскакиваютъ осаждать васъ толпами при первомъ появленіи. Желаніе продать хоть что-нибудь до того овладѣваетъ торговцами, что они теряютъ всякое соображеніе, и хоть это не чуждо и русскому торгашу, однако послѣдній, зазывая васъ и даже хватая за полу у лавки, не побѣжитъ за вами черезъ улицу. Въ первый день пріѣзда въ Могилевъ, подъ вечеръ я отправился въ сопровожденіи фактора къ берегу, гдѣ стояли галеры, и проходилъ мимо лавокъ. У площади на меня устремилась цѣлая стая евреевъ и евреекъ, изъ которыхъ послѣднія показывали мнѣ глиняную посуду и предлагали купить за сходную цѣну. Нецеремонность ихъ въ этомъ случаѣ доходила до того, что одинъ картузникъ, подскочивъ ко мнѣ, снялъ съ меня шапку и надѣлъ новую.

— Это что значитъ? спросилъ я.

— Посмотрите, какіе вы красивые въ этой шапкѣ: теперь всѣ паненки будутъ на васъ засматриваться.

Обижаться и сердиться за подобныя вещи было бы смѣшно, заявлять свое какое то величіе было бы нелѣпо, и я только смѣялся надъ продѣлками, обращая все въ шутку и продолжая свою дорогу. Одинъ еврей несъ за мною до самаго берега ящикъ сигаръ, по его словамъ настоящихъ гаванскихъ, но въ дѣйствительности плохихъ нѣмецкихъ, и не успокоился до тѣхъ поръ, пока я не взялъ одну попробовать и не заплатилъ ему злотъ за штуку, которая не стоила и трехъ копѣекъ. Рыжеватый разносчикъ съ ваксой не отставалъ отъ меня и на берегу, уступая товаръ за баснословно дешевую цѣну, и принудилъ меня дать ему вычистить хоть одинъ сапогъ, который долженъ былъ «блестѣть какъ зеркало». Я позволилъ. Точно, правый сапогъ блестѣлъ словно стекло, а лѣвый послѣ грязной дороги находился

весьма въ некрасивомъ состоянiи. Нежелая щеголять въ разнохарактерной обуви, я долженъ былъ купить ваксу и тогда только разносчикъ вычистилъ мнѣ лѣвый сапогъ, не требуя ничего за труды, но сообщивъ, однако, что у него большое семейство. Три копѣйки лишнихъ прiобрѣли мнѣ усерднаго поклонника въ томъ смыслѣ, что при встрѣчѣ со мною продавецъ ваксы отвѣшивалъ мнѣ низкiе поклоны, причемъ молча указывалъ на коробку съ товаромъ, конечно такъ для успокоенiя совѣсти и на всякiй случай. Усердiе его ко мнѣ впослѣдствiи развилось до того, что онъ, казалось, выжидалъ моего появленiя съ цѣлью предложить какiя нибудь услуги. Однажды на концѣ города я осмотрѣлся, что позабылъ папиросы и, встрѣтивъ продавца ваксы, пожаловался на свою невзгоду. Онъ, не говоря ни слова, пустился бѣжать во всѣ лопатки; принесъ мнѣ на гору портсигаръ, весь запыхавшись и между прочимъ привелъ своего прiятеля табачника. Послѣднiй вынулъ изъ кармама и подалъ мнѣ пробу табаку, и просилъ зайдти къ нему на фабрику, а не къ другому фабриканту, у котораго и табакъ дуренъ и цѣна очень дорога.

Еврей западныхъ губернiй, удерживая типъ, общiй всѣмъ своимъ единовѣрцамъ въ Малоросiи и Новороссiи, сохраняя тѣ же нравы и обычаи, имѣетъ свои особенности и отличается необыкновенной изобрѣтательностью въ прiисканiи источниковъ для своихъ выгодъ. И въ первомъ городкѣ Херсонской или Полтавской губернiй еврей, пожалуй, за деньги исполнитъ всѣ ваши порученiя, будетъ также низко кланяться и т. п., но еврей напр. подольскiй умѣетъ опутать васъ предупредительностью, наружнымъ участьемъ къ вашимъ интересамъ, какимъ то хитро-высказаннымъ самоотверженiемъ, и подъ часъ унижаясь, подъ часъ пошучивая, кончитъ тѣмъ, что выманитъ отъ васъ злотъ, другой барыша и совершенно доволенъ. При большой конкурренцiи онъ готовъ уступить даже за свою цѣну, только бы прiобрѣсть въ васъ покупателя, разумѣется съ надеждой вознаградить себя за умышленный убытокъ. Я уже не говорю, что подольскiй еврей гораздо лучше и человѣчнѣе бессарабскаго, хотя живетъ черезъ рѣку отъ послѣдняго и имѣетъ съ нимъ безпрерывныя сношенiя. Не знаю, но мнѣ кажется, что цивилизацiя коснется бессарабскаго еврея уже позднѣе всѣхъ его единовѣрцевъ, потому что

онъ фанатичнѣе, невѣжественнѣе прочихъ и звѣремъ смотритъ на еврея же, поддавшагося какому нибудь нововведенію.

Заговоривъ объ этомъ племени, я не могу не вспомнить съ признательностью и благодарностью образованнаго еврейскаго семейства Р.... въ Могилевѣ Подольскомъ. Я не погрѣшу ни мало, сказавъ, что Р.... одинъ изъ просвѣщенныхъ людей нашего времени. Занимаясь коммерціей, а больше сельскимъ хозяйствомъ, онъ не пропускаетъ ни одного замѣчательнаго сочиненія на нѣсколькихъ извѣстныхъ ему языкахъ, и на все смотритъ съ разумной и современной точки зрѣнія. Унего множество нѣмецкихъ книгъ, но вы найдете и русскія, польскія, французскія по всѣмъ отраслямъ, такъ что я былъ пріятно изумленъ, познакомясь съ его библіотекой, неожиданно представляющей такое важное подспорье путешественнику. Сойдясь довольно близко съ этимъ семействомъ, сперва съ цѣлью получить отъ Р... необходимыя свѣдѣнія о торговлѣ, а потомъ привлекаемый искреннимъ радушіемъ, я всѣ вечера проводилъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ между прочимъ слушалъ съ удовольствіемъ звуки Эрара. Дѣти у Р... все дочери, и надо видѣть какъ мать, весьма умная и развитая женщина, заботится о воспитаніи меньшихъ дѣвочекъ. Не знаю, гдѣ старшія получили образованіе, но одна изъ нихъ Дебора постоянно занимается музыкой, а Бела все время посвящаетъ чтенію. Дѣвушка эта перечитала все, что есть хорошаго въ русской литературѣ. Въ этомъ семействѣ я рѣшительно забывалъ, что находился между евреями. Я не хочу сказать, что питаю къ этому народу какое нибудь племенное предубѣжденіе, но, встрѣчая въ евреяхъ отдѣльно прекрасныя личности, я не видалъ еще до тѣхъ поръ цѣлой семьи, которая такъ основательно была бы образована, такъ разумно понимала человѣческія обязанности и такъ ярко выдѣлялась среди невѣжественной массы не богатсвомъ и наружнымъ блескомъ, но внутреннимъ содержаніемъ. И между тѣмъ, не смотря на видимое превосходство, на образъ жизни Р... чисто европейскій и отступленіе отъ нѣкоторыхъ мелочей, вошедшихъ въ обычаи его единовѣрцевъ,—прочіе евреи не только не бранятъ его, а напротивъ говорятъ о немъ какъ о гуманномъ человѣкѣ. Конечно все это семейство ведетъ себя съ необыкновеннымъ тактомъ относительно своихъ и никогда не отказываетъ бѣднымъ въ помощи. Привыкнувъ посѣщать Р... ежедневно, я пришелъ и вечеромъ

наканунѣ субботы. По обычаю я попросилъ Дебору сыграть что нибудь, она улыбнулась и противъ обыкновенія отказала.

— Что же, вы нерасположены или капризничаете, чтобы просили усерднѣе? спросилъ я.

— Ни то, ни другое, но завтра суббота. Посмотрите въ окна, сколько вокругъ евреевъ. Они никогда не простили бы намъ такого явнаго пренебреженія, да я никогда и сама не позволю себѣ оскорбить ихъ.

— Виноватъ, виноватъ, я совсѣмъ позабылъ.

— Въ другой разъ я пожалуй цѣлый день не отойду отъ фортепьяно.

— А казалось бы, что можетъ быть невиннѣе музыки.

— Масса вездѣ одинакова, сказала Бела: въ Англіи, которая можетъ гордиться терпимостью и цивилизацією, въ воскресенье запрещены же всѣ общественныя удовольствія. Въ Одессѣ еще можно жить какъ хочется, а въ нашемъ городкѣ, для собственнаго спокойствія, необходимо сообразоваться съ мѣстными обычаями.

Могилевская торговля, дѣйствительная цифра которой остается тайной, замѣчательна уже потому, что здѣсь нѣсколько человѣкъ занимается отпускомъ хлѣба въ Одессу и дѣятельностью своею даютъ движеніе промышленности въ окрестностяхъ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра. Много значитъ для края пунктъ, въ которомъ всегда можно найдти необходимую сумму денегъ, и потому Могилевъ служитъ мѣстомъ, куда землевладѣлецъ спѣшитъ доставить свои продукты въ полной увѣренности сбыть ихъ, а порою и получить нужную сумму впередъ, за долго еще до сбора жатвы. Отпускная здѣшняя торговля, по мнѣнію специалистовъ, не получаетъ большаго развитія собственно по неудобству днѣстровскаго судоходства, на которое, покрайней мѣрѣ до сихъ поръ, не обращалось ни малѣйшаго вниманія. Я уже упоминалъ о препятствіяхъ, существующихъ на Днѣстрѣ, которыя конечно моглибъ быть устранены, еслибъ предпріимчивость нашихъ капиталистовъ, имѣя въ виду собственныя выгоды, стремилась хоть сколько нибудь способствовать и общественной пользѣ. Ближе всего позаботиться объ этомъ было бы черноморскому «Обществу пароходства и торговли», и оно повидимому какъ бы и сознало необходимость иниціативы въ дѣлѣ,

хоть и. требующемъ затраты капитала, но обѣщающемъ несомнѣнныя значительныя выгоды. Съ этой цѣлью одинъ изъ директоровъ проѣхался по Днѣстру, дѣлалъ промѣры и собиралъ статистическія свѣдѣнія. Въ чемъ заключались послѣднія, не знаю, въ истинность ихъ плохо вѣрю изъ опыта, тѣмъ болѣе, что наскоро, мимоѣздомъ и собрать-то ничего невозможно; но во всякомъ случаѣ «Общество пароходства и торговли» должно же было убѣдиться въ необходимости овладѣть важнымъ и единственнымъ воднымъ путемъ, соприкасающимся къ плодороднымъ и лѣсообильнымъ провинціямъ. Но дѣло такъ и оставалось; по-крайней мѣрѣ въ 1860 г. дѣятельность общества ограничивалась только переправой между Овидіополемъ и Аккерманомъ, учрежденной еще впрочемъ при покойномъ князѣ Воронцовѣ. Допотопныя галеры ходили и вѣроятно ходятъ и теперь по прежнему, опасныя мели существуютъ на тѣхъ же мѣстахъ, и судоходство находится въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ прошломъ столѣтіи, если исключить маленькое улучшеніе въ судостроеніи, именно нѣсколько одномачтовыхъ судовъ, не знаю почему именуемыхъ плашкотами; но не смотря на это, большіе грузы хлѣба и лѣса идутъ по Днѣстру, и на могилевской пристани видны десятки галеръ, ожидающихъ удобнаго времени къ дальнѣйшей отправки въ м. Маяки. Привозный лѣсъ, преимущественно сплавляемый изъ Австріи, валяется по берегу безъ всякаго порядка, и только по временамъ пильщики оживляютъ пристань, оглашая ее пѣснями, подъ дрожащій визгъ пилы, вырѣзывающей тонкія доски. Разумѣется и этимъ промысломъ занимаются евреи, нигдѣ и никогда неупускающіе своей выгоды. А какое важное вліяніе оказало бы на край—улучшеніе судоходства. При устройствѣ правильныхъ рейсовъ по Днѣстру, землевладѣльцамъ Подоліи и Бессарабіи не было бы необходимости мучить рабочій скотъ и доставлять продукты сухопутью въ Одессу, что при состояньи у насъ дорогъ вообще, а въ Бессарабіи въ особенности, задерживаетъ развитіе земледѣлія въ той степени, въ какой могло бы оно быть при другихъ условіяхъ. Бессарабія, прилегающая къ Днѣстру и вся сѣверная, пересѣчена гористой мѣстностью и съ такими крупными спусками и подъемами, что иной разъ трудно ѣхать и безъ всякой клади. Невозможно равнодушно смотрѣть на транспорты, нагруженные хлѣбомъ: мученія несчастныхъ животныхъ, при варварскомъ обра-

щеніи съ ними руснаковъ и молдаванъ, переворачиваютъ вамъ душу и вы спѣшите поскорѣе удалиться отъ возмутительнаго зрѣлища. Съ улучшеніемъ днѣстровскаго судоходства тысячи подводъ не имѣли бы надобности отправляться за нѣсколько сотъ верстъ, и рабочій скотъ остался бы неизнуреннымъ, а крестьяне занимались бы болѣе производительнымъ занятіемъ. Да и мало ли выигрываетъ край отъ улучшенія путей сообщенія? Это такой предметъ, о `которомъ и говорить нечего. Теперь же плаваніе галеръ по Днѣстру сопряжено съ рискомъ, и если мы не знаемъ сколько бываетъ крушеній, то собственно потому, что мы ничего не знаемъ, что дѣлается внутри Россіи, по своей постоянной любви къ молчанію. Бываютъ, напримѣръ, и такія исторіи, что зерновой хлѣбъ проростаетъ на галерѣ, если это неуклюжее судно задержится въ пути, а задержаться ему не трудно по причинѣ мелей на извилистомъ фарватерѣ и наконецъ по случаю противныхъ вѣтровъ, которые, повидимому, хотя и не весьма должны бы мѣшать судну безъ мачтъ, однако прибиваютъ не туда, куда слѣдуетъ, а управлять ящикомъ посредствомъ жалкихъ потесей—рѣшительно невозможно. Ходили, говорятъ, особаго устройства галеры—мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось ихъ видѣть,—приспособленныя къ мелководью, но опытъ, увѣнчавшійся успѣхомъ, почему то пріостановился. Галеры эти устройствомъ и величиной такія же какъ и обыкновенныя, съ тою только разницею, что бока у нихъ гуттаперчевыя — слѣдовательно подобное судно можетъ выдерживать больше груза при одинаковой ватерлиніи съ обыкновеннымъ.

Мѣстная могилевская торговля не можетъ назваться обширной, хотя предпріимчивые евреи шныряютъ далеко за предѣлы губерніи. Конечно, въ лавкахъ есть все, что нужно даже для комфортабельнаго образа жизни, но жители Могилевскаго уѣзда и сосѣдніе бессарабскіе не могли поддерживать значительнаго количества торговцевъ, если бы послѣдніе, безъ сомнѣнія не всѣ, не занимались выгоднымъ сбытомъ контробандныхъ товаровъ, особенно чаю, расходящагося отсюда на далекое пространство въ Малороссію и Новороссію. Что чаю здѣсь много и что онъ легко доставляется, я могъ судить по цѣнамъ сравнительно съ хотинскими: въ Могилевѣ переплачивалъ я на фунтѣ какой нибудь пятиалтынный. Шелковыя матеріи, сукно, холсты, кружева безъ пломбы здѣсь уже не въ такомъ количествѣ какъ

на границѣ, но вы легко можете ихъ достать не слишкомъ дорого.

Вотъ еще одна особенность Могилева: въ улицахъ или скорѣе кривыхъ переулкахъ, лежащихъ къ горѣ, нѣсколько еврейскихъ семействъ занимаются свиванiемъ желтыхъ бумажныхъ фитилей, употребляемыхъ на дорожныя огнива. Фитили эти очень плохаго качества, но приготовляются въ большомъ количествѣ и стоятъ баснословно дешево, если вы умѣете торговаться, а если не знаете толку—вамъ продадутъ ихъ подъ видомъ заграничныхъ. Ремесленники перепутываютъ переулокъ своими нитями, безъ церемонiи загораживая дорогу, причемъ безпрерывно перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, сердятся, бранятся и выругаютъ пожалуй и васъ, если вы неосторожно зацѣпите хитросплетенную основу. Сначала меня удивляла подобная отрасль промышленности; мнѣ казалось нерацiональнымъ приготовленie съ избыткомъ такого издѣлiя, запросъ на которое по всему долженъ быть въ десять разъ менѣе предложенiя. По ближайшее знакомство съ дѣломъ убѣдило меня еще разъ, что еврей въ промышленномъ отношенiи не сдѣлаетъ ни шагу даромъ и не приметсся за работу, отъ которой не видитъ пользы. Могилевскiе купцы, разъѣзжающiе по ярмаркамъ, какъ мѣстнымъ, изобилующимъ въ западныхъ губернiяхъ, такъ и отдаленнымъ, везутъ громадное количество фитилей, продавая ихъ за иностранные. Объяснилъ мнѣ это одинъ фабрикантъ, у котораго я купилъ три аршина его издѣлiя. Этотъ фабрикантъ понравился мнѣ по своему открытому виду и по веселой пѣсенкѣ, которую постоянно тянулъ онъ, скручивая бумажныя нитки. Занимался онъ дѣломъ возлѣ маленькой деревянной лачужки въ родѣ курятника, окруженный своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ полдюжины грязныхъ ребятишекъ, малъ-мала меньше, изъ которыхъ старшему едва было лѣтъ восемь, но этотъ ребенокъ—черноглазый мальчишка—служилъ ему за подмастерья. Обходя дальнiя улицы, я забрелъ какъ то въ фабричный уголокъ, и пробравшись благополучно сквозь лабиринтъ разставленныхъ сѣтей, рѣшился на другой же день изслѣдовать это дѣло. Посѣщенie свое я пригналъ какъ разъ подъ вечеръ, когда все поселенье лачужекъ повыползало на прохладу и предавалось своимъ занятiямъ. Веселый еврей распѣвалъ свою пѣсенку и по временамъ покрикивалъ на сынишку, не угрожающимъ голосомъ,

а весело соединяя шутку съ одобреніемъ, на что черноглазый мальчуганъ отвѣчалъ тоже шутливо и исполнялъ приказанія, выбрыкивая. Тутъ же вертѣлся молодой козленокъ и, помахивая куцымъ хвостикомъ, подражалъ прыжкамъ бойкаго мальчика. Я прямо подошелъ къ фитильщику и поздоровался.

— Можетъ быть, пану нужно фитилей? спросилъ онъ по-польски: у меня есть самые лучшіе.

— Прежде я хотѣлъ бы отдохнуть, а потомъ куплю и фитилей.

— Хаимъ! вынеси пану скамейку! Садитесь.

Хаимъ въ ту же минуту вынесъ кривобокую скамеечку, которую фитильщикъ вытеръ ладонью и поставилъ на кучѣ сору—необходимой принадлежности еврейскаго жилища. Сосѣдніе фабриканты и ихъ семейства устремили на меня взоры, а малые ребятишки подошли поближе. Послѣдовали расспросы: кто вы»? «откуда»? на которые отвѣчалъ я, приспособляясь по возможности къ понятіямъ своихъ слушателей. Закуривъ папироску, я предложилъ табаку и фабриканту, а онъ высѣкъ огня, для показанія доброкачественности своего товара, и поднесъ фитиль къ самому моему носу.

— Каково горитъ? А? спросилъ онъ.

— Отлично.

— Повѣрьте, что за границей лучше не сдѣлаютъ.

Очевидно, что собесѣдникъ мой прежде всего хотѣлъ сбыть нѣсколько аршинъ товару, и что, неудовлетворивъ затронутаго интереса, мнѣ нельзя было ожидать никакихъ свѣдѣній, а потому я приступилъ къ покупкѣ трехъ аршинъ фитиля, за которые, разумѣется, запросили съ меня втрое и послѣ уступили весьма дешево. Въ то время какъ у насъ происходилъ торгъ, нѣсколько евреевъ нанесли кучу фитилей и каждый выхвалялъ достоинство своего товара. Веселый фабрикантъ на своемъ языкѣ доказывалъ собратамъ неумѣстность ихъ предложеній, и торжественно положилъ въ карманъ 15 коп., отмѣривъ мнѣ на какую-то палочку три аршина своего издѣлія. У меня случилось съ собою нѣсколько мѣдныхъ денегъ, которыя раздарилъ я ребятишкамъ, и надо было видѣть восторгъ, съ какимъ подпрыгивала эта мелюзга и оглашала воздухъ радостными криками. Пріостановивъ свое занятіе, фабрикантъ присѣлъ отдохнуть и побалагурить со мною.

— Кто же у васъ покупаетъ фитиль? спросилъ я: вѣдь городъ небогатый, пріѣзжихъ мало, а столько рукъ заняты этимъ дѣломъ.

— Если бы работать только для города, мы сидѣли бы безъ куска хлѣба: нашъ фитиль идетъ по ярмаркамъ.

— Да вѣдь на ярмаркахъ продаютъ все заграничный.

Еврей засмѣялся.

— А по чему вы узнаете заграничный? сказалъ онъ.

— Значитъ, надуваютъ?

— Чѣмъ же надуваютъ? Фитиль горитъ хорошо, матеріалъ отличный, дѣлаемъ какъ слѣдуетъ.

— Но берете очень дорого.

— Надобно торговаться. Вѣдь вамъ добыть огня все равно— будетъ ли фитиль здѣшній или нѣмецкій?

— Конечно все равно.

— Вотъ дѣло другое, если сучатъ дурно. Напримѣръ хотинскіе евреи приготовляютъ—просто изъ рукъ вонъ. А могилевскій фитиль первый сортъ.

И фабрикантъ, безъ всякой надобности, началъ высѣкать огонь.

— Значитъ, на ярмаркахъ рѣдко попадается заграничный?

— Врядъ ли и найдете: одинъ Могилевъ приготовляетъ сотни пудовъ, даже возятъ въ Одессу.

— Ну, я думаю туда не слишкомъ надо.

— Помилуйте, я недавно продалъ въ Одессу на сто злотыхъ. Вѣдь паны только требуютъ заграничнаго, а почему они знаютъ, гдѣ что выдѣлывается.

— Выходитъ, все надувательство.

— Эхъ, вельможный панъ, да чѣмъ же бѣдный человѣкъ кормилъ бы семью, платилъ подати?

— И вы не имѣете другаго занятія?

— Какъ не имѣю! Я зимою дѣлаю шмуклерскія вещи, и если вамъ угодно шнурка, аграманту, пуговицъ, у меня есть самые лучшіе.

— Значитъ и фитиль выгоденъ?

— А какъ же! За другой работой я долженъ жечь свѣчу, портить глаза, да шмуклерскія вещи и сбывать труднѣе.

— А давно вы занимаетесь сученьемъ фитиля?

— Лѣтъ около десятка, если не больше.

— Кто же вамъ подалъ мысль?

— А вотъ видите, какъ это было. Двоюродный братъ моего сосѣда извозничалъ, ѣздилъ по всѣмъ ярмаркамъ и замѣтилъ какъ хотинскіе евреи начали наживать деньги, торгуя собственными фитилями подъ видомъ заграничныхъ. Возвратившись откуда то, онъ и говоритъ брату: «Попробуй ка посучить фитилей для огнивъ, я видѣлъ какъ на этомъ добрѣ наживаютъ копѣйку: ты же шмуклеръ и тебѣ не стать учиться.» Тотъ послушался, развѣдалъ какъ приготовляютъ бумагу и началъ. Точно, дѣло очень прибыльное, только много уже явилось работниковъ, и теперь, какъ видите, скоро заснуютъ весь городъ.

Но еврей не вздохнулъ при этомъ, не пожаловался на конкуренцію, а залился добродушнымъ смѣхомъ, изобличавшимъ кротость натуры, рѣдкой, по крайней мѣрѣ для меня, въ мірѣ плутней и мелкаго торгашества.

— У тебя, кажется, много дѣтей?

— Семерка, и посмотрите какіе шалуны! Старшій въ школу ходитъ.

— А довольно ли ты заработываешь?

— «Часомъ съ квасомъ, порою съ водою» отвѣчалъ онъ мнѣ извѣстной пословицей. Меня еще выручаетъ жена: она торгуетъ на рынкѣ. Жизнь то наша, конечно, бѣдовая, цѣлую недѣлю пробавляемся лукомъ да хлѣбомъ, и только для субботы купишь гуся или рыбы. Ну, да мы привыкли.

Я потомъ заходилъ не разъ къ добряку фитильщику и всегда заставалъ его за работой, съ тѣмъ же безпечнымъ видомъ, съ тою же неизмѣнно веселой пѣсенкой, которую напѣвалъ онъ съ особенною любовью.

Могилевскій базаръ, т. е. мѣсто, гдѣ продаются съѣстные припасы и фрукты, занимаетъ довольно порядочное мѣсто близъ гостинаго двора, и даетъ о себѣ знать издалека по пискливому говору и крикамъ торговокъ, которыя, словно заведенныя машины, или зазываютъ покупателей или ругаются между собою. Момента тишины здѣсь не бываетъ отъ зари до зари, и въ какую пору дня ни выходилъ я на базаръ, непремѣнно наталкивался на сцены самаго разнообразнаго содержанія. Руготня могилевскихъ торговокъ представляла для меня нѣкоторый интересъ, не взирая, что много я видывалъ малорусскихъ базаровъ и до тѣхъ поръ полагалъ, что краснорѣчивѣе нѣжинскихъ или черниговъ-

скихъ торговокъ нельзя найти гдѣ бы то ни было. Посѣщая потомъ базары кіевскій, херсонскій, николаевскій и одесскій, убѣдился что тамошнія торговки только подражаніе черниговскимъ и нѣжинскимъ, а могилевскія оказались такими специалистками, о которыхъ нельзя составить себѣ понятія. Въ Новороссіи, особенно южной, при наплывѣ сотень тысячъ рабочихъ, которые все время проводятъ на базарахъ, казалось бы и торговки должны быть бойчѣе прочихъ. Конечно ростовскія, николаевскія и херсонскія торговки не робкаго десятка и даже по преимуществу весьма легкаго поведенія, но онѣ за недосугомъ ли, по другой ли какой причинѣ не выработали той щекотливой обидчивости, которая присуща могилевскимъ, и при руготнѣ довольствуются болѣе мужскими фразами, разумѣется очень рѣзкими, но не представляющими ничего необыкновеннаго. Могилевскія торговки могутъ въ этомъ случаѣ служить образцомъ краснорѣчія и базарнаго этикета, и если не допускаютъ мужской ругани, то фраза ихъ изобрѣтенія гораздо сильнѣе отрывистой извозчичьей, а жестикуляція прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ, о которыхъ даже неудобно говорить въ печати, но что придаетъ особенный характеръ и колоритъ базарнымъ сценамъ, совершающимся ежедневно. Самыя обыкновенныя бесѣды могилевскихъ торговокъ походятъ на ссору, въ особенности, если собесѣдницы сидятъ на большомъ другъ отъ друга разстояніи, а если въ разговоръ вмѣшиваются другія, тогда рѣшительно не поймешь—о чемъ у нихъ идетъ дѣло. Съ перваго же дня пріѣзда въ Могилевъ я обратилъ вниманіе на это сословіе, которое постепенно раскрывало передо мною свои оригинальныя стороны, и каждый разъ, когда я бывалъ на базарѣ, угощало меня какими нибудь интересными сценами. Я замѣтилъ, однако же, хотя при народѣ онѣ и ссорятся, переманивая покупателя, причемъ разумѣется, не щадятъ другъ друга, припоминая всѣ старые грѣхи и перебирая родословную, однако это дѣлается безъ гнѣва, по привычкѣ, просто изъ любви къ искусству. Но когда выберется глухая пора и нѣтъ посѣтителей, тогда то подымаются не только настоящія ссоры, а всплываютъ наверхъ и давно поконченныя неудовольствія. Тутъ то истощается все краснорѣчіе, льется разнообразная ругань и происходятъ циническія сцены, оканчивающіяся рукопашнымъ боемъ съ полетомъ въ воздухъ чепцовъ, пока нейтральныя зрительницы не примутъ мѣръ къ примиренію. Мнѣ случилось видѣть двѣ

или три ссоры, возникшія изъ пустяковъ и принявшія довольно значительные размѣры. Былъ жаркій лѣтній полдень. Возращаясь изъ дальней прогулки за городъ, я шелъ на базаръ съ цѣлью купить плодовъ, тѣмъ болѣе, что это мнѣ приходилось по дорогѣ. На базарѣ ни души постороннихъ. Торговки сидѣли—кто подъ импровизированнымъ навѣсомъ, изъ какой нибудь тряпки, кто подъ порожней корзиной, а кто прямо подъ жгучими лучами солнца; двѣ или три изъ нихъ дремали, а остальныя перекидывались громкими визгливыми фразами. Рѣзкіе эти крики не рѣдкость на базарахъ, и я не обратилъ бы на нихъ вниманія, но меня поразила одна фраза, проговоренная нѣсколько разъ съ какимъ то особенно ядовитымъ выраженіемъ. Остановясь въ тѣни подъ лавками, я началъ присматриваться и прислушиваться.

— Такъ ты готова присягнуть, что я «скакала въ гречку?» (*) говорила одна дородная торговка съ раскраснѣвшимся лицомъ и толстыми, голыми по локоть руками, сидѣвшая надъ лоткомъ жареной рыбы.

— И ты и твоя сестра «скакали въ гречку» отвѣчала другая торговка, не менѣе дородная, но въ высшей степени неопрятная, повязанная тряпицей и продававшая яблоки.

— И ты присягнешь?

— И присягну. Эка штука! Развѣ грѣхъ присягнуть, если что видишь собственными глазами.

— А чтобъ тебѣ повылазили твои поганые глаза, чтобъ зрачки твои полопались на тысячу кусковъ, чтобъ ихъ выклевали вороны на шибеницѣ (висѣлицѣ).

— И не повылазятъ, и зрачки не полопаются, и не буду я на шибеницѣ. А тебя на томъ свѣтѣ повѣсятъ на желѣзномъ крюкѣ—вотъ что!

— Смотрите, добрые люди! И этакая тварь не провалится сквозь землю, не подавится. Пусть бы уже лгала она на меня, зачѣмъ она трогаетъ сестру!

— И ты и твоя сестра «обое рябое» (обѣ одинаковы)! Молчала бы, не ругалась.

— А ты докажешь? А? докажешь? Пойдемъ судиться.

(*) «Скакать въ гречку» измѣнять супружеской вѣрности.

— Стоитъ судиться!

— Нѣтъ, пойдемъ, говорила продавица рыбы: тебя высѣкутъ и еще мнѣ безчестье заплатишь. Вотъ и свидѣтели.

— Кто, я заплачу тебѣ безчестье? А чтобъ ты не дождала, погань смердячая.

— Сдеру сколько сама знаю.

— Коротки руки, отвѣчала съ злобной усмѣшкой продавица яблокъ. А не хочешь ли ты этого, продолжала она, приподнялась со скамейки, оборотилась и выкинула штуку, какую иногда можно видѣть во время танцевъ въ Екатерингофѣ.

Дружный хохотъ раздался на базарѣ. Рыбная торговка плюнула и засучила рукава.

Постой же ты, голубка нехвалитная (инвалидная), вотъ я — раздѣлаюсь съ тобою.

И она быстро приподнялась съ своего мѣста. Въ это время полупьяный крестьянинъ, съ котомкой за плечами, шатаясь подошелъ къ лотку и обратился къ разсвирѣпѣвшей бабѣ.

— А вы, кажется, ругаетесь? сказалъ онъ осклабляясь: вѣрно, тетки, на похмѣлье.

— Какое уже тутъ похмѣлье.

— Значитъ, поссорились.

— Вотъ та рябая вѣдьма обзываетъ меня непотребными словами. А что вамъ, дядьку?

— Хотѣлъ рыбы; да прежде надобно помирить васъ. Ха, ха, ха!

— Помирить! отозвалась торговка яблоками. Ни за что! Пусть я лопну, пусть земля разсядется подо мною, пусть хлѣбъ святой станетъ у меня въ горлѣ камнемъ, если я не заплюю ей глаза при людяхъ.

— Ты мнѣ заплюешь глаза, ты, всесвѣтная потаскуха, заплюешь глаза мужней женѣ?

— Не чванься, пожалуста, своимъ замужствомъ, потому что «скачешь въ гречку».

Рыбная торговка побагровѣла, бросила покупателя и подскочила къ соперницѣ, которая въ свою очередь приготовилась къ оборонѣ. Нѣсколько торговокъ захохотали, а двѣ или три поспѣшили унимать ссорившихся. Но, прежде чѣмъ дѣло дошло до

рукопашнаго боя, полицейскій солдатъ съ палкой показался на базарѣ.

— Никакъ у васъ драка, сказалъ онъ весело, какъ человѣкъ, почуявшій поживу: чего вы расходились, проклятыя? Вотъ я васъ уйму!

— Да это онѣ такъ, служивый, вмѣшался прохожій крестьянинъ: извѣстно бабы.

— А мнѣ какое дѣло, что бабы! Имъ сказано—языкомъ хоть что хочешь лижи, а рукамъ воли не давай. Скоро будетъ губернаторъ, а тутъ среди города безпорядокъ. За что вы завелись? спросилъ полицейскій, принимая гордую позу и возвысивъ голосъ.

Тутъ обѣ противныя стороны въ одно и то же время начали излагать свое дѣло, свидѣтели вступились, смотря по отношеніямъ, и словесное судопроизводство сдѣлалось такъ любопытно, что я подошелъ поближе. Торговки говорили вмѣстѣ и не было никакой возможности добраться до истины, о чемъ, впрочемъ, и не заботился полицейскій. Послушавъ нѣсколько минутъ, низшій блюститель благочинія плюнулъ и махнулъ рукой.

— Обѣихъ въ полицію, сказалъ онъ. Маршъ за мною!

— Какъ же бросить товаръ?

— А зачѣмъ я пойду?

— Не ругайтесь, вотъ и все. Тамъ разберутъ.

— Ага? Я говорилъ, что такъ будетъ, сказалъ прохожій, обращаясь ко мнѣ съ самодовольной улыбкой.

Пользуясь всеобщей суматохой, собаки, шныряющія всегда около базара, подкрались къ лоткамъ, но крестьянинъ, сообщивъ о злонамѣренности воровъ, поднялъ тревогу, и бабы бросились отгонять голодныхъ животныхъ. Крикъ поднялся пуще прежняго.

— Ну, я вамъ скажу одно слово, проговорилъ полицейскій: пойдемъ въ полицію, или туда, знаете?

И онъ указалъ рукою на лѣво.

— Да какъ же? отозвалась рыбная торговка: меня безчестятъ, и я же должна убыточиться!

— А я за что? сказала ея соперница,

— Смотрите, добрые люди, что же это такое? Добро бы я побила ей морду, а то хотѣла только разорвать чепецъ.

— Я тебѣ разорвала бы поганое вѣдемское рыло.

— Смирно! Или объ купите мнѣ по косушкѣ, или маршъ въ полицію.

— Такъ, такъ, сказалъ прохожій, это самое лучшее: по косушкѣ служивому, выпейте сами, а послѣ хоть оборвите всѣ волосы другъ другу.

— Тамъ у шинка можно, а на базарѣ нельзя, замѣтилъ глубокомысленно полицейскій.

— А вотъ если пойдутъ въ шинокъ, такъ и я снова пойду, сказалъ прохожій.

— Для чего же нѣтъ! Иди и ты, молвилъ полицейскій, въ шинкѣ всѣхъ принимаютъ, лишь бы деньги.

— А ужежъ есть деньги, безъ денегъ ничего не подѣлаешь.

Торговки въ это время кричали всѣ разомъ, но изъ этого голоса рѣзко выносились нѣкоторые протесты.

Полицейскій стоялъ, сохраняя невозмутимое хладнокровіе и, какъ видно, былъ опытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, потому что давалъ время высказаться общественному мнѣнію. Наконецъ бабы немного пріутихли, и хотя противницы не переставали перекидываться бранными словами, однако на далекомъ разстояніи, и каждая принялась сгонять мухъ со своего товара.

— Ну такъ чтожъ? спросилъ полицейскій.

— А что, отвѣчала худощавая старуха съ краснымъ носомъ, онѣ не будутъ больше драться.

— Разсказывай! Нѣтъ, если не хотятъ въ шинокъ, такъ маршъ въ полицію—тамъ разберутъ кто правъ, кто виноватъ.

— Мало ли мы ругаемся между собою на базарѣ, а если каждый разъ ходить въ полицію судиться, такъ некому будетъ и торговать.

— И ругаться теперь не приказано. Ты, глупая баба, ничего не понимаешь! Знаешь ли ты, что съ минуты на минуту ожидаемъ губернатора, значитъ начальство велитъ, чтобъ не было никакого шуму.

— Такъ, такъ, отозвался прохожій: коли есть какая ссора, ступай въ шинокъ; не хочешь мириться, вцѣпляйся тамъ другъ другу въ волосы, а не заводи драки на базарѣ.

— Да какъ же, сказала рыбная торговка: если намъ двумъ идти въ шинокъ, надобно же и другихъ попотчивать.

— И другихъ можно, замѣтилъ крестьянинъ.

— Зачѣмъ другихъ, сказалъ полицейскій: другія то же когда нибудь подерутся. Вы купите мнѣ по косушкѣ, или дайте деньгами, а сами можете и вечеромъ перепиться, если захотите.

Въ это время начали подходить покупатели, и обѣ противницы дали полицейскому по 5 к., который, принявъ приношеніе, погрозилъ обѣимъ палкой и, приказавъ, вести себя миролюбиво, скорымъ шагомъ отправился въ грязный переулокъ, выходившій на нижнюю улицу.

— Ты не смѣйся, говорила рыбная торговка своей непріятельницѣ, я доберусь до тебя: ты воротишь мнѣ шесть грошей, которые отдала я живодеру.

— А я за что заплатила?

— Знаете, что я вамъ скажу, пани-матки, вмѣшался прохожій крестьянинъ, которому удалось наконецъ купить жареную рыбу: пойдемъ въ шинокъ, вы почастуете (попотчуете) меня, а я васъ и затѣемъ мировую.

— Спасибо, добрый человѣкъ, теперь некогда; видишь народъ подваливаетъ.

И усѣвшись на свое мѣсто, торговка закричала рѣзкимъ голосомъ:

— Рыбы печеной, кому рыбы, рыбы, рыбы!

— Яблука солодкі, ось яблука, до мене яблукъ! заголосила ея противница.

Другіе голоса затянули свои пѣсни, и я ушелъ, не дождавшись развязки. На другой день я уже нарочно приходилъ на базаръ и видѣлъ какъ вчерашнія непріятельницы миролюбиво разговаривали и занимали одна у другой мелкихъ денегъ для сдачи.

Я разсказалъ объ этомъ обстоятельствѣ фактору, и онъ, улыбнувшись, отвѣчалъ мнѣ:

— Эти армянки по десяти разъ на день ссорятся и мирятся.

— Какъ армянки?

— Конечно армянки.

Тогда только я припомнилъ, что въ прежнее время жили здѣсь армяне, и принялся за историческія изслѣдованія. Дѣйствительно, Могилевъ въ числѣ прочихъ племенъ населяли армяне, что доказывается даже каменными плитами у костела, на которыхъ вырѣзаны армянскія надписи. Но племя это разбрелось по свѣту, и я не знаю прямые ли его потомки, такъ называе-

мые могилевскіе армяне, потому что они не сохранили ни одного армянскаго слова, и только типъ словно напоминаетъ что то восточное. Ксендзъ Марчинскій въ своемъ статистическомъ описаніи говоритъ объ армянахъ, но преимущественно дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи этого племени, а о поселенныхъ въ краю мы находимъ у него весьма мало свѣдѣній. Вотъ что я считалъ необходимымъ выписать для любознательнаго читателя.

«Армяне, занимавшіеся постоянно торговлей, приняли христіанство въ половинѣ IV столѣтія. Торговля и различныя притѣсненія деспотовъ, иго которыхъ не захотѣли переносить армяне, были причиной, что иные изъ послѣднихъ, найдя доступъ къ князьямъ подольскимъ и русскимъ, а также выхлопотавъ выгодныя привилегіи отъ польскихъ королей, начали чаще переходить въ Подолію (*). Поселясь въ этомъ краю, армяне преимущественно

(*) Польская земля всегда радушно принимала чужеземцевъ, что объясняется привиллегіями, данными каменецкимъ армянамъ—польскими королями. Не всѣ здѣсь они приводятся, потому что иныя изъ нихъ помѣщены въ первомъ томѣ статистики при описаніи Каменца-Подольскаго.

Въ 1496 г. каменецкіе армяне просили короля Яна Альберта—подтвердить ихъ права и привилегіи, данныя прежними королями и князьями. Янъ Альбертъ, во вниманіе, что городъ Каменецъ подвергся непріятельскому опустошенію и лежитъ на границѣ королевства, подтвердилъ армянамъ ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями, и приказалъ: чтобы армяне во всѣхъ дѣлахъ судились только своимъ войтомъ и не были призываемы ни къ какому другому суду, т. е. шляхетскому и городскому. Подлинникъ этой привилегіи, подписанный въ томъ же 1496 году во вторникъ наканунѣ Крещенія въ Сендомірѣ и до сихъ поръ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1502 г. король Александръ, въ четвергъ послѣ праздника св. Фабіана и Себастіана, подтвердилъ въ Краковѣ армянамъ всѣ привилегіи, дарованныя имъ прежними королями и князьями. Оригиналъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ 1507 г. король Сигизмундъ 1, въ первый день великаго поста (we srodę popielcową) на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, подтвердилъ всему городу Каменцу, и въ томъ же году, также на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ—каменецкимъ армянамъ, всѣ ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями. Подтвержденія эти доселѣ сохранились — для всего Каменеца въ экстрактѣ изъ государственнаго архива, а для армянъ на пергаментномъ подлинникѣ.

Въ 1548 г. король Сигизмундъ Августъ, послѣ праздника зачатія Богородицы, въ четвергъ, въ Піотрковѣ на генеральномъ сеймѣ подтвердилъ каменецкимъ армянамъ всѣ ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями. Актъ этотъ до сихъ поръ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1552 г. тотъ же король, принявъ отъ каменецкихъ армянъ просьбу, въ которой они излагали: что, подчиняясь наравнѣ съ прочими гражданами Каменца одинаковымъ тягостямъ и податямъ, они просятъ и одинаковыхъ правъ относительно тор-

занялись торговлей и прибрали къ рукамъ всѣ сношенія съ востокомъ, которыя тѣмъ легче и удобнѣе было производить имъ,— при знаніи восточныхъ языковъ, особенно турецкаго, а также нравовъ и обычаевъ востока. Торговля доставляла имъ извѣст-

говли, варки пива, меду и продажи горячихъ напитковъ,—даровалъ армянамъ право производить торговлю, печь хлѣбъ, варить пиво, медъ и гнать всякіе горячіе напитки. Актъ доселѣ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1567 г. этотъ же король 8 іюня на сеймѣ въ Піотрковѣ, по ходатайству за-каменецкихъ армянъ-пановъ польскихъ, просившихъ, чтобы всѣ сотники, ротмистры и всѣ начальствующіе въ замкѣ и городѣ Каменецѣ—не занимали для себя ни для солдатъ подъ квартиры армянскихъ домовъ: приказалъ освободить въ мирное время отъ постоя дома каменецкихъ армянъ, и только во время войны, на случай увеличенія войска въ Каменцѣ—вмѣнилъ въ обязанность армянамъ принимать къ себѣ военныхъ постояльцевъ. При этомъ повелѣно было каменецкому старостѣ и его преемникамъ отстаивать за армянами эту привиллегію. Подлинный актъ сохранился доселѣ.

Въ 1574 г. Генрихъ, король польскій, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, въ послѣдній день февраля, по просьбѣ армянскихъ депутатовъ, подтвердивъ всѣ прежнія ихъ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями, издалъ указъ каменецкому старостѣ, чтобы поддерживали и защищали эти привиллегіи и не требовали армянъ въ свои суды, а судиться имъ армянамъ у своего собственнаго войта и ратмановъ во всѣхъ дѣлахъ, съ правомъ подавать аппелляцію въ королевскій трибуналъ. Подлинникъ и доселѣ сохранился на пергаментѣ.

Въ 1576 г. Стефанъ Баторій, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ 26 мая, по обычаю польскихъ королей, вступавшихъ на престолъ, подтвердилъ всѣ права и привилегіи каменецкихъ армянъ, дарованныя прежними монархами, а въ особенности право подчиняться только суду собственнаго войта и ратмановъ. Подлинникъ сохранился доселѣ.

Тому же королю армяне подавали просьбу, въ которой объясняли, что въ Каменцѣ издавна собираются каждую субботу базары, на которыхъ каждому горожанину всѣхъ исповѣданій: русскаго, польскаго и армянскаго дозволяется продавать публично мясо какъ большихъ, такъ и малыхъ животныхъ; въ прочіе же дни, т. е. въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ можно продавать только мясо баранье, овечье, козье и т. п. Вслѣдствіе сего для узаконенія подобнаго обычая, армяне просятъ себѣ милостивой привилегіи. Стефанъ Баторій на сеймѣ въ Торуни 14 октября 1576 г. даровалъ имъ эту привилегію, которая и до сихъ поръ сохранилась въ подлинникѣ.

Въ томъ же году армяне просили короля, утвердить издавна существовавшій у нихъ обычай—ежегодно въ извѣстное число извѣстнаго мѣсяца выборы войта и четырехъ ратмановъ Стефанъ Баторій, утвердивъ прежній обычай, даровалъ эту привиллегію за своей подписью. Подлинникъ на пергаментѣ существуетъ и доселѣ.

Въ 1588 г. Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, на сеймѣ въ Краковѣ 8 апрѣля, подтвердилъ каменецкимъ армянамъ всѣ права и привилегіи, дарованныя прежними королями и князьями. Актъ и до сихъ поръ сохранился на пергаментѣ.

Въ царствованіе того же короля, послѣ пожара въ Каменцѣ, истребившаго часть города и армянскую ратушу, Сигизмундъ, снисходя на просьбу армянъ, до-

ность и богатство, а оборотливость ихъ и привязанность къ польскому правительству и краю — вызвали чрезвычайно выгодныя для нихъ привилегіи.

«Первоначально поселились они двумя деревеньками въ милѣ

зволилъ имъ построить ратушу, какъ мѣсто собственно только для армянскаго суда, уволивъ ее отъ всякаго постоя. Актъ, подписанный въ Краковѣ 15 іюня 1604 г., сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ царствованіе того же короля, построивъ больницу для убогихъ, и не имѣя капитала для содержанія этой больницы, каменецкіе армяне просили о ея утвержденіи и милостиваго пожертвованія. Снисходя на просьбу, Сигизмундъ III больницу утвердилъ, а на содержаніе ея назначилъ, чтобы платили: каждый армянскій купецъ, при всякомъ выѣздѣ въ Турцію и обратномъ пріѣздѣ—по три гроша польскихъ съ лошади, армянскій рѣзникъ отъ каждой большой штуки по два, а отъ меньшой по грошу, и сверхъ того каждая повозка дровъ, купленная для продажи или для собственнаго употребленія, проходящая въ русскую браму (ворота въ башнѣ), давала по одному полѣну. Подлинный актъ этотъ, подписанный въ Варшавѣ въ декабрѣ 1614 г., сохранился и доселѣ.

Въ 1631 г. тѣмъ же королемъ даны были армянамъ двѣ привилегіи — 26 марта и 20 мая, но неизвѣстнаго содержанія, потому подлинные документы утрачены. Упоминается только о нихъ въ подтвердительныхъ грамотахъ Владислава IV и Яна Казиміра.

Вступивъ на престолъ и принявъ отъ армянскихъ депутатовъ присягу въ вѣрности, Владиславъ IV подтвердилъ каменецкимъ армянамъ права и привилегіи, а именно, дарованныя польскими королями: Стефаномъ Баторіемъ отъ 26 мая 1567 г., отъ 14 ноября того же года и Сигизмундомъ III отъ 8 апрѣля 1588, отъ 26 марта и отъ 20 мая того же года. Подлинникъ на пергаментѣ сохранился доселѣ.

Въ 1649 г. Янъ Казиміръ, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, подтвердилъ каменецкимъ армянамъ прежнія привилегіи, а именно королевскія: Стефана Баторія, Сигизмунда и Владислава. Подлинникъ на пергаментѣ сохранился доселѣ.

Въ царствованіе того же короля каменецкіе армяне подавали Яну Казиміру просьбу слѣдующаго содержанія: у нихъ издавна существовала мельница на рѣкѣ Смотригѣ, построенная по особымъ королевскимъ привилегіямъ, съ которой двѣ части дохода шли въ королевское казначейство, а третья армянамъ, и на починку которой двѣ части выдавалъ староста, остальную же армянское общество. Такъ какъ по случаю разлитія рѣки Смотриго, эта мельница была совершенно уничтожена, и на починку ея армяне употребили не малую сумму, то и просили—привилегіи. Король согласился на просьбу и дозволилъ армянамъ на вѣчныя времена помолъ солода и разнаго рода хлѣба. Подлинный рескриптъ, отъ 6 февраля 1649 г., сохранился доселѣ.

Тотъ же король, вознаграждая мужество армянскаго магистрата, оказанное при осадѣ Каменца казаками, венграми и шведами, дозволилъ на хуторахъ, находящихся на городской землѣ и принадлежащихъ армянамъ, взимать войту и ратманамъ, съ людей, поселившихся на тѣхъ хуторахъ, чиншъ, плату за скотъ и десятину, и этими доходами дѣлиться войту и ратманамъ. Вмѣстѣ дозволилъ постройку корчмы на армянскихъ мѣстахъ и выдѣлку спиртныхъ напитковъ. Привилегія эта, данная въ Варшавѣ 23 марта 1658 г., сохранилась доселѣ.

Въ 1662 г. 7 февраля, въ царствованіе того же короля, каменецкій мѣщанинъ

отъ Каменца, называемыми и доселѣ Армяне и Армянка. Левъ, князь галицкій, первый призвалъ ихъ во Львовъ и призналъ гражданами, а при Владиславѣ Ягеллѣ, когда Тамерланъ опу-

---

и армянскій присяжный Захарій Криштафовичъ, сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ выразилъ: имѣя королевскія привилегіи на постройку мельницы, стоящей подъ каменнымъ мостомъ въ городѣ и вмѣстѣ капиталъ въ 7313 злотыхъ и два гроша, обезпеченный этою мельницею въ силу декретовъ коммисарскихъ и ассесорскихъ, а также въ силу привилегіи, имѣя право распоряжаться своею собственностію, по случаю бездѣтности, какъ ему угодно, онъ записываетъ капиталъ 7313 зл. 2 гроша, обезпеченный мельницею или ея третьею мѣркою, армянскому магистрату, съ условіемъ, чтобы доходъ употреблять на общественную пользу, и сто злотыхъ въ годъ выдавать польскому магистрату на содержаніе пушекъ, подаренныхъ нѣкогда армяниномъ Михаиломъ. Король утвердилъ это завѣщаніе 6 апрѣля 1662 г. и подлинный актъ сохранился до сихъ поръ на пергаментѣ.

Въ 1665 г. 5 марта тотъ же король въ Варшавѣ, въ награду за вѣрность и мужество каменецкихъ армянъ во время обороны Каменца—сравнялъ ихъ во всѣхъ правахъ и привиллегіяхъ города съ прочими обывателями какъ польскими, такъ и русскими, а для отличія ихъ присутственныхъ мѣстъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, дозволилъ имъ печатать бумаги краснымъ сургучемъ. Подлинный актъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ томъ же году, на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, 4 ноября, король Михаилъ, принявъ отъ армянскихъ депутатовъ присягу въ вѣрноподданствѣ, подтвердилъ всѣ права и привиллегіи каменецкихъ армянъ, дарованныя королями: Стефаномъ Баторіемъ, Сигизмундомъ III, Владиславомъ IV и др., причемъ освободилъ ихъ по прежнему отъ судовъ земскихъ, городскихъ и трибунальныхъ. Подлинный актъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

Въ царствованіе того же короля каменецкіе армяне обвинены были въ поступкахъ, противныхъ вѣрноподданническому долгу. Армянскіе выборные объяснялись по этому случаю съ гетманомъ Собѣсскимъ и просили его ходатайствовать за нихъ у короля: но клеветѣ недано было вѣры. Это видно во-первыхъ изъ письма гетмана, отъ 3 іюня 1672 г., армянскому магистрату, въ которомъ пишетъ Собѣсскій, что не вѣритъ доносамъ, омрачающимъ ихъ славу,—и хвалитъ ихъ мужество и добродѣтель, и во-вторыхъ изъ королевской грамоты тому же магистрату, отъ 26 іюня изъ Варшавы, въ которой король пишетъ, что отвергъ ложный доносъ, хвалитъ ихъ мужество и вѣрность, чего надѣется и на будущее время. Подлинные акты сохраняются доселѣ.

Въ 1697 г. сентября 30, на коронаціонномъ сеймѣ при восшествіи на престолъ, король Августъ II подтвердилъ каменецкимъ армянамъ привилегіи короля Яна Казиміра 1652 г. на свободное производство торговли и продажу горячихъ напитковъ. Подлинный актъ на пергаментѣ сохранился доселѣ. Во время выдачи этой привилегіи городъ Каменецъ и вся Подолія оставались во власти турокъ, но Каменецъ однакоже считался городомъ, принадлежащимъ Польшѣ, потому что не былъ уступленъ республикой.

Въ 1776 г. 5 августа, въ Варшавѣ, король Станиславъ Августъ подтвердилъ каменецкимъ армянамъ всѣ права и привилегіи, дарованныя прежними королями. Подлинный актъ сохранился доселѣ на пергаментѣ.

стошалъ Арменію и Персію, много перешло армянъ въ польскія провинціи.

«Армянская религія, по просьбѣ Гремисловы, жены Лешка Бѣлаго, была введена въ польской Руси въ 1620 г., а унія съ римской церковью послѣдовала только въ 1666 г. стараніями Николая Торосѣвича, перваго архіепископа армянскаго, и продолжается доселѣ.

«Армяне-католики поселились въ Италіи, Россіи, Польшѣ и Персіи и отправляютъ богослуженіе на своемъ языкѣ.

«По завоеваніи Каменца-Подольскаго турками въ 1672 году, болѣе достаточные армяне выѣхали изъ города и поселились въ разныхъ мѣстахъ Галиціи, какъ непринадлежащихъ туркамъ. По выходѣ послѣднихъ изъ Каменца и части Подоліи, армяне снова начали селиться, воскресили прежнюю торговлю, которую и поддерживали въ цвѣтущемъ состояніи, до поступленія Подоліи подъ россійскій скипетръ. Торговля ихъ прекратилась отъ трехъ причинъ: во-первыхъ, когда въ перевозкѣ товаровъ возникли для нихъ затрудненія на таможняхъ, потому что кромѣ положенной пошлины, армяне, по незнанію русскаго языка, не знали и настоящей цифры тарифа, а потому съ увеличившеюся цѣнностью товаровъ, они сбывали ихъ уже съ большимъ затрудненіемъ. Во-вторыхъ, когда въ Каменецъ втерлись евреи, исходатайствовали себѣ покровительство, во всемъ въ противность каменецкимъ привилегіямъ и начали вывозить изъ Молдавіи большое количество товаровъ, подобныхъ турецкимъ, но гораздо низшаго достоинства. Притомъ же, обладая способностью, свойственною ихъ племени, евреи успѣшно занимались контробандой и потому дешевле могли продавать свои товары, подрывая торговлю армянъ этимъ способомъ. Въ третьихъ— уплата гильдейскихъ, взиманіе въ казну извѣстнаго процента и частое опечатываніе лавокъ — сдѣлались для нихъ новой тягостью, и, сосчитавъ всѣ эти расходы, пошлину и подарки, стоившіе тоже, что и товары, дѣлается понятнымъ, что армяне нетолько менѣе стали заниматься торговлей, но, потерявъ почти капиталы, сами обѣднѣли.

«Одаренные промышленными способностями, ловкіе армяне чрезвычайно щедры во вспомоществованіи убогимъ и твердо сохраняютъ свою религію. Производя торговлю въ Подоліи, Турціи и цѣлой Азіи, собираютъ богатства, къ которымъ не по

казываютъ большаго пристрастія. Продавая товаръ, армянинъ хвалитъ свой товаръ самымъ усерднымъ образомъ, увѣряетъ, что лучше не бываетъ, — и не уступитъ ни копѣйки. Несмотря на богатство, армянинъ разсчетливъ и скупъ въ домашней жизни до мелочей, разсчитывая даже съѣстные припасы. Нравы мужчинъ начинаютъ дѣлаться свободнѣе; окончивъ школу, армянская молодежь способна не только къ военной, но и ко всякой службѣ на пользу края.

«Армянки скромны и набожны, особенно въ церкви. Фигура ихъ похожа на кающуюся Магдалину: армянка плачетъ, вздыхаетъ, ложится крестомъ, и если бы находилась предъ самымъ строгимъ судьею, легко вымолила бы себѣ прощеніе. Армянки занимаются хозяйствомъ, и рѣдко можно найти такихъ трудолюбивыхъ, разсчетливыхъ хозяекъ, умѣющихъ извлекать изъ всего пользу, такихъ неприхотливыхъ въ нарядѣ, такихъ вѣрныхъ женъ и нѣжныхъ матерей какъ армянки.» (Статистическое описаніе Под. губ. т. III стр. 8—26).

Еще, значитъ, недавно въ Могилевѣ-Подольскомъ не только жили армяне, но имѣли своего архіепископа, а теперь осталось ихъ одно названіе. Хотя ксендзъ Марчинскій и говоритъ, что убожество и переселеніе армянъ каменецкихъ, а слѣдовательно и могилевскихъ, произошло отъ наплыва евреевъ и льготъ, дарованныхъ послѣднимъ, однако, по моему мнѣнію, нельзя согласиться съ этимъ безусловно. Самый тонкій еврей не проведетъ самаго обыкновеннаго армянина, доказательствомъ чему служитъ напр. Ростовъ на Дону, въ которомъ евреи почти незамѣтны, хотя и живутъ тамъ, и очень хорошо знаютъ всѣ выгоды, предоставляемыя богатымъ портовымъ городомъ промышленному человѣку. А я думаю такъ: не выѣхали-ль, разбогатѣвъ, армяне въ мѣста болѣе оживленныя, особенно въ ту пору, когда начала развиваться наша черноморская торговля и посредство ихъ сдѣлалось необходимымъ. Не выдаю этого за истину, но опираюсь на подобный фактъ съ другой національностью. Въ Нѣжинѣ Черниговской губ. жило въ прежнее время очень много богатыхъ грековъ, которые составляли себѣ состояніе именно только тѣмъ, что служили посредниками между Москвою и черноморскими портами. Нѣкогда богатый и цвѣтущій, этотъ городъ теперь видимо и быстро приходитъ въ разрушеніе: старые греческіе дома дѣлаются грудами развалинъ, а новые туго строятся, потому что

городъ, потерявъ коммерческое значеніе, лежитъ въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, и никогда не можетъ подняться. Самые греки переродились до того, что многіе изъ нихъ не говорятъ уже по гречески.

Можетъ быть, я и ошибаюсь; можетъ быть, кто нибудь изъ мѣстныхъ жителей, серьезно занявшись разработкой армянскихъ населеній въ Подольской губерніи, укажетъ куда дѣвалось это племя. Но я могу сказать положительно, что въ настоящее время въ Могилевѣ отъ армянъ осталось лишь одно названіе.

Подобно всѣмъ городамъ западныхъ губерній, Могилевъ имѣетъ ресторацію и кандитерскую, въ которыхъ все-таки можно найти обѣдъ, кофе, шоколадъ, мороженое, по цѣнамъ довольно умѣреннымъ. Обѣдъ приготовляется польскій по преимуществу, и проѣзжій не рискуетъ мучиться голодомъ. Мнѣ приносили хорошій борщъ, зразы, битки, или добрый кусокъ бифстексу съ готовыми приборами. Нельзя сказать, чтобы кухня была безукоризненна, однако, если принять во вниманіе, что и въ большихъ губернскихъ городахъ эта часть не въ блистательномъ положеніи, то многимъ покажется удивительнымъ, какъ въ уѣздномъ городкѣ могутъ существовать подобныя заведенія. Мѣстные жители и здѣсь, разумѣется, не берутъ обѣда изъ трактировъ, развѣ весьма рѣдко, проѣзжихъ недостаточно, и казалось бы трактирщикъ долженъ торговать въ убытокъ; но главными потребителями являются помѣщики, привлекаемые, какъ по дѣламъ въ уѣздныя присутственныя мѣста, такъ и для торговыхъ операцій. Обыкновенно въ кандитерской и въ рестораціи пусто, потому что каждый проѣзжій требуетъ всего на домъ, но маленькія комнатки довольно прилично меблированы, и содержатели обоихъ заведеній кое какъ сводятъ концы съ концами. Ежедневно на картѣ обѣда не менѣе четырехъ блюдъ, а обычай посылать кушанье на квартиры такъ развитъ у ресторатора, что когда я переѣхалъ въ Атаки на другую сторону Днѣстра, онъ снабжалъ меня и туда обѣдомъ.

Могилевскія лавки, наполненныя въ изобиліи разнообразными товарами, даже предметами роскоши, могли бы дать понятіе о блестящемъ состояніи мѣстной торговли и наконецъ о достаточности уѣздныхъ потребителей, если бы всѣ запасы дѣйствительно расходились въ Могилевѣ. Но большая часть дорогихъ товаровъ, добываемыхъ изъ Хотина и Бричанъ, отправляются на

ярмарки, которыхъ такое множество въ краю и близлежащихъ провинціяхъ. Между прочимъ въ Могилевѣ есть лавки готоваго мужскаго платья, какъ мѣстнаго произведенія, такъ и заграничнаго привоза, которое преимущественно сбывается на ярмаркахъ, потому что для города и уѣзда не требовалось бы ни такого количества, ни разнообразнаго выбора. Дешевизна этого товара за границей, доведенная до nec plus ultra, даетъ и здѣсь возможность пріобрѣсти необходимый костюмъ недорого, если вы съумѣете поторговаться, потому что евреи способны обходить таможенные притины и перевозятъ готовое платье безъ пошлины. Я бесѣдовалъ объ этомъ обстоятельствѣ съ однимъ мѣстнымъ портнымъ, который находитъ подобную торговлю весьма незаконною, конечно на томъ основаніи, что возможность купить готовый нарядъ, безспорно лучшій и болѣе дешевый—лишаетъ мѣстныхъ мастеровъ порядочнаго заработка. По словамъ этого портнаго, сотоварищи его по иголкѣ и ножницамъ хотѣли было съобща однажды хлопотать о поддержкѣ своего ремесла, но затѣя эта окончилась ничѣмъ, какъ и ожидать слѣдовало. Торговцы объявили прямо, что во-первыхъ, портные ничего не выиграютъ, а во-вторыхъ, пригрозили не заказать ни одной пары платья и все выписывать изъ-за границы.

— Такъ вы и не жаловались? спросилъ я.

— Куда же намъ жаловаться! И то сидишъ теперь частенько безъ работы, а тогда въ самомъ дѣлѣ бросай иголку. Если бы еще не помѣщики, — хоть волкомъ вой. Въ городѣ чиновниковъ мало, да и тѣ купятъ готовое и носятъ, носятъ, даже смотрѣть досадно.

— А евреи?

— Евреи тоже. Богатые шьютъ на сторонѣ: кто въ Каменцѣ, или за границей, а прочіе или покупаютъ готовое, или торгуются съ тобой, такъ что придется злота три, четыре за работу. Плохое наше житье. Ну, поэтому и возьмешь иногда грѣхъ на душу: какому нибудь скрягѣ и сошьешь на живую нитку.

Портной этотъ, очень разумный человѣкъ, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи ремесленниковъ. По его мнѣнію—и нельзя съ нимъ не согласиться—тѣ только ремесленники пользуются довольствомъ, кто работаетъ на простолюдиновъ, но кто исключительно имѣетъ въ виду другіе классы

общества, тому порою выпадаютъ тяжелые дни, особенно, если онъ человѣкъ семейный.

— Мнѣ кажется, сказалъ я, что иногда сами ремесленники виноваты: напримѣръ заведется въ городѣ лишнее число портныхъ или сапожниковъ, вотъ непремѣнно заработокъ и становится труднѣе.

— Оно такъ, да нельзя пособить горю. У насъ обыкновенно ремесло переходитъ отъ отца къ сыну, потому гдѣ же мальчику легче научиться какъ не дома съ малолѣтства.

— А если два, три сына.

— Рѣдко, чтобы всѣ учились отцовскому ремеслу.

— Значитъ, не можетъ быть лишнихъ ремесленниковъ, потому что и народонаселеніе постепенно увеличивается.

— А вы развѣ не считаете сколько постороннихъ отдаются въ науку, разсчитывая на вѣрный кусокъ хлѣба. Вѣдь у насъ, особенно у евреевъ, мало-мальски порядочный подмастерье ужъ и наровитъ сдѣлаться мастеромъ, и лучше будетъ сидѣть цѣлую недѣлю безъ работы, а не пойдетъ служить за жалованье; у насъ есть и теперь портные, которымъ не успѣли вы заказать работу, они попросятъ впередъ денегъ, на покупку нетолько прикладу, но иногда нитокъ или шелку.

— Хотѣлось бы мнѣ знать какое ремесло прибыльнѣе.

— Сколько я понимаю—сапожное и кузнечное: тамъ барыши хоть небольшіе, но постоянные, и ремесленникъ никогда не сидитъ безъ работы. Разорвется, положимъ рукавъ или штаны. рѣдко кто понесетъ къ портному въ починку, а съ сапогами и съ желѣзной вещью ничего не подѣлаешь незнаючи, да и нѣтъ инструмента.

Желая имѣть понятіе о пріемахъ могилевскихъ ремесленниковъ, хоть напримѣръ въ портняжествѣ, я заходилъ къ знакомому портному и присматривался къ его мастерской во время работы. Конечно, по уѣзднымъ городамъ въ заведеніяхъ этого рода ничего нельзя ожидать утѣшительнаго: и грязь, и тѣснота, и оборванная одежда учениковъ меня не удивили; но одно обстоятельство было мнѣ въ диковинку — кротость и мягкость мастера въ обращеніи съ подчиненными. Конечно, я сперва подумалъ, что разумный еврей считалъ обязанностью показаться передо мною въ лучшемъ свѣтѣ, но натянутость отношеній была бы замѣтна у работниковъ, а послѣдніе разговаривали съ нимъ

и между собою, нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. Какъ водится, новички грѣли утюги и служили для посылокъ— пріемъ, употребляемый всѣми вообще портными, у которыхъ мальчикъ въ первый годъ едва научается владѣть иголкой, собственно, какъ они говорятъ, потому, что черная работа необходима, и для нея нужно было бы отрывать полезнаго работника. Въ небольшой низкой комнатѣ, на перекосившемся кругломъ столѣ сидѣли, поджавъ ноги, человѣкъ семь портныхъ, и дѣятельно шили пальто, штаны, жилеты, сюртуки и одинъ фракъ для какого-то жениха, и этотъ полуоконченный фракъ былъ показанъ мнѣ какъ образецъ искусства. Хозяинъ не преминулъ также замѣтить, что онъ имѣетъ *математическую мѣрку*, т. е. тесьму съ размѣренными дюймами, столь обыкновенную, но не вездѣ еще проникшую въ отдаленныя провинціи. Мѣстные портные по большей части снимаютъ еще мѣрку на простой бумажкѣ и на размѣренную тесьму смотрятъ съ нѣкоторой недовѣрчивостью.

Однажды я завелъ съ этимъ портнымъ разговоръ о содержаніи мальчиковъ и подмастерьевъ и замѣтилъ, что странно у такого, повидимому, порядочнаго мастера видѣть работниковъ въ изорванномъ платьѣ и грязныхъ рубашкахъ.

— Иначе и быть не можетъ, сказалъ онъ: все это народъ бѣдный.

— Согласенъ, но и бѣдному можно не допускать одежду до такой степени.

— А что вы съ ними сдѣлаете? Мальчикъ цѣлый день сидитъ за иголкой, и она ему такъ надоѣстъ, что едва окончивъ работу, онъ спѣшитъ побаловать. А рубашка можетъ ли быть чиста у нашего брата. У иного всего ихъ двѣ, вотъ поневолѣ иноситъ.

— Вѣдь это вредно для здоровья, а рабочему оно необходимо.

— Помилуйте, если нашему брату смотрѣть еще за чистотою, такъ и ѣсть будетъ нечего. Это панскія выдумки.

— Нѣтъ не панскія; но евреи вообще не заботятся о чистоплотности.

—Мы смотримъ за чистотою разъ въ недѣлю—въ шабашъ, да въ большіе праздники, въ другіе же дни насъ свои осмѣяли бы.

Нечего было возражать противъ такого аргумента, и я началъ разспрашивать, передаетъ ли мастеръ все свое искусство уче-

нику, или смотритъ на это обстоятельство съ другой точки зрѣнія. Портной отвѣчалъ мнѣ утвердительно, но такимъ тономъ, изъ котораго я заключилъ о присутствіи запасной мысли, и не настаивалъ. Когда я уходилъ и портной вызвался проводить меня, онъ самъ завелъ прерванный разговоръ.

— Вы спрашивали на счетъ учениковъ, сказалъ онъ, закуривая папироску; видите ли, при нихъ мнѣ не хотѣлось отвѣчать вамъ. Иного учишь, какъ слѣдуетъ, а иного только по верхамъ. Согласитесь, если бы я всѣмъ показывалъ всѣ тонкости, у меня скоро отбили бы кусокъ хлѣба.

— А добросовѣстно ли это?

— Какъ хотите, а нельзя иначе: своя рубашка ближе къ тѣлу.

— За что же бѣднякъ, словно крѣпостной, работаетъ тебѣ нѣсколько лѣтъ сряду?

— Онъ и выходитъ портнымъ: я показываю ему все необходимое. И знаете ли, есть изъ нашего брата такіе молодцы, что самъ угадываетъ многое, и если замѣтишь это, нечего дѣлать, показываешь всѣ тонкости. Безъ хитрости не проживешь на свѣтѣ; хитрить надо, заключилъ онъ рѣшительно.

— А у тебя же между работниками есть искусники?

— Есть одинъ, если замѣтили, съ курчавыми волосами: это бестія, которая и меня заткнетъ за поясъ со временемъ! ну, да бѣднякъ, круглый сирота. . . Недавно былъ случай. Пришлось шить фракъ одному горбатому господину—это для портнаго самое большое несчастье, особенно, если горбунъ хочетъ молодиться и ухаживаетъ за паненками. Ты непремѣнно дѣлай платье, чтобы горбъ выходилъ незамѣтенъ,—а какъ это сдѣлать, если у иного на спинѣ словно курганъ выросъ? Снимая мѣрку, я уже раздумывалъ и казалось изобрѣлъ средство. Фракъ вышелъ какъ вылитый, но отъ этого горбъ отдулся еще больше—и дѣлалъ моего пана уродъ уродомъ. Горбуну это очень не понравилось, а человѣкъ достаточный, и онъ объявилъ, что если часа черезъ два не будетъ готовъ фракъ, во-первыхъ, не получу денегъ за работу, во-вторыхъ, онъ никогда не будетъ мнѣ ничего заказывать. Правду сказать, мнѣ еще не приходилось шить на такихъ уродовъ, и я сталъ въ тупикъ. Прихожу домой и разсказываю. Курчавый подмастерье вызвалъ меня въ сѣни и говоритъ, что черезъ два часа онъ передѣлаетъ фракъ и надѣется угодить горбуну, но чтобы я не мѣшался. Надо было

согласиться, и точно фракъ вышелъ на славу. Горбунъ не только остался доволенъ, а прибавилъ еще пять злотыхъ на водку, которые всѣ я и отдалъ подмастерью. Я очень хорошо вижу, что это будетъ чортъ, а не мастеръ, и заткнетъ меня за поясъ, да я люблю его за тихій нравъ, за прилежаніе и за то, что нѣтъ у него ни роду, ни племени.

— Значитъ, ремесломъ жить можно? спросилъ я.

— Пока можно; не знаю, что дальше будетъ.

Гораздо лучше ведутъ свои дѣла женскіе портные, разумѣется евреи, находя на мѣстѣ больше практики, чѣмъ собраты, одѣвающіе не прекрасную половину рода человѣческаго. Въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ по городамъ въ дворянахъ, чиновникахъ и даже въ мѣщанахъ много польскаго элемента, женщины обращаютъ большое вниманіе на одежду и дѣятельно слѣдятъ за измѣненіями моды. Самая бѣдная шляхтянка, отецъ которой ходитъ въ смазныхъ сапогахъ и старомодномъ кафтанѣ, считаетъ обязанностію имѣть хотя два платьица послѣдняго фасона, и если есть изъ нихъ сами искусныя мастерицы, то не мало и такихъ, которыя прибѣгаютъ къ какому нибудь Беркѣ или Мошкѣ, вполнѣ постигающимъ тайну женскаго туалета. Есть мастера, круглый годъ разъѣзжающіе по своему и сосѣднимъ уѣздамъ и работающіе въ богатыхъ домахъ, наживая порядочныя деньги. Эти портные служатъ вмѣстѣ и вѣстовщиками, разнося по окрестности разныя новости и скандалы, безъ которыхъ не обходится самое бѣдное захолустье. Отъ одного изъ такихъ мастеровъ, охотно снабжавшаго меня свѣдѣніями относительно своего ремесла, я узналъ разныя событія въ уѣздахъ Могилевскомъ и Хотинскомъ, которыми однако же не стану утомлять читателя. Изъ разсказовъ словоохотнаго еврея, я узналъ что существуютъ такіе ревнивые паны, которые сами выучились снимать мѣрки и не позволяютъ портному прикасаться къ таліямъ своихъ женъ, «хотя, какъ выразился разсказчикъ, портному ровно нѣтъ никакого барыша, снимая мѣрку съ барыни». При этомъ онъ лукаво подмигнулъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ожидая отъ меня дальнѣйшихъ разспросовъ.

— А вѣдь есть хорошія барыни, сказалъ я.

— У, какія! только видите ли: первое, что нашъ братъ смотритъ иначе на всякую женщину, кромѣ своей жены, а второе—паны считаютъ еврея собакой.

— Не думаю, чтобы всѣ были такого мнѣнія.

— Правды дѣвать некуда. Не знаю какъ русскіе, но у польскихъ помѣщиковъ жидъ и собака одно и тоже, да еще пожалуй собака у нихъ лучше.

— Можетъ быть это было.

— Есть и теперь. Правда, что ни одинъ панъ безъ жидковъ не обойдется, особенно если нужны деньги; пожалуй, тогда и обласкаетъ, а въ другое время, у! какіе гордые!

— Съ тобою-то, я думаю, обходятся хорошо.

— Жаловаться нельзя, не обижаютъ, а все по большей части выдѣлываютъ какія нибудь штуки—извѣстно паны. Со мною былъ одинъ разъ случай, и не дай Богъ какъ я испугался. Я только еще что выучился мастерству и началъ заработывать хлѣбъ. Отъ помѣщика къ помѣщику заѣхалъ я какъ-то на Волынь. Вотъ разъ отправился на шабашъ въ мѣстечко. Рано утромъ въ воскресенье хотѣлъ уже нанимать фурмана (извощика), чтобы спѣшить къ своему мѣсту, какъ передъ заѣзднымъ домомъ остановилось нѣсколько экипажей. Шумъ и гамъ! Одинъ графъ ѣхалъ на свадьбу къ роднымъ въ Кіевскую губернію, и его прошлою ночью на дорогѣ обокрали. Вещей пропало немного, но у графини украдены были всѣ лучшія платья, которыя дѣлали ей не то въ Варшавѣ, не то за границей. Конечно, у нея платьевъ оставалось еще довольно, да все уже не такія, въ какихъ ей хотѣлось пощеголять между вельможными гостями. Графиня знаете молоденькая, а мужъ старый сѣдой панъ, росту подъ потолокъ и усы чуть не по колѣни. Сердитый такой, но говорятъ, передъ молодою женой смирнѣе ягненка. Вотъ она и раскапризничалась.

«—Не хочу, говоритъ, ѣхать на свадьбу, если у меня не будетъ сейчасъ двухъ богатыхъ платьевъ.

Графъ уговаривать, упрашивать—ничто не помогало. Подавай дамскаго портнаго. Хозяинъ узналъ это и указалъ на меня, расхвалилъ мою работу и прихвастнулъ, что я учился въ Варшавѣ. А тутъ, какъ нарочно, ѣхали разносчики куда-то на ярмарку съ дорогими матеріями, и у нихъ можно было выбрать самые модные наряды, кружева, ленты. Меня тотчасъ же кликнули. Я, признаться, тоже солгалъ, что учился въ Варшавѣ.

«—Ну, пся кревъ (собачья кровь), сказалъ мнѣ графъ: можешь ли ты за два дня сшить два платья?

«—Одинъ не могу, отвѣчалъ я.

«—Мы дадимъ тебѣ въ помощь пару горничныхъ, сказала графиня.

«—Если умѣютъ шить, будетъ готово.

«—Этого мало, сказалъ графъ, ты долженъ сдѣлать, не снимая мѣрки: я не хочу, чтобы поганый пархъ прикасался къ моей женѣ нечистыми руками.

«—А какъ же можно безъ мѣрки? Не могу, ваше сіятельство.

«—Какъ знаешь.

«—Можешь взять какое нибудь мое платье, отозвалась графиня.

Панъ былъ очень богатый, заработокъ важный—какъ упустить изъ рукъ такую добычу! А между тѣмъ старикъ сердитый, страшно, если не попаду безъ мѣрки.

«—Боюсь безъ мѣрки, ваше сіятельство.

«—Дамъ двѣсти злотыхъ за работу.

Я такъ и вздрогнулъ.

«—Могу, извольте.

«—Постой, пся кревъ, это еще не все. Двѣсти злотыхъ, если угодишь графинѣ, а если нѣтъ, сто горячихъ бизуновъ (лозановъ), и ужъ повѣрь, не пожалѣю.

Меня подрало морозомъ по кожѣ.

«—Надо угадать, говорю.

«—Ну, по рукамъ. Гей! дайте ему лучшее платье графини, купите мыла, чтобы нѣсколько разъ въ день мылъ руки, займите большую комнату, дайте двухъ горничныхъ и сейчасъ за работу. Помни же, Іуда, или двѣсти злотыхъ, или сто бизуновъ, и чтобы платья готовы были къ обѣду послѣ завтра.

Я не помнилъ какъ и вышелъ отъ сердитаго пана. Правда, двѣсти злотыхъ вѣрные, да не уйдешь и отъ бизуновъ. Съ магнатомъ шутить нельзя, тѣмъ болѣе, что я согласился добровольно, многіе слышали. Теперь не то уже время, а прежде не обижалъ еврея развѣ тотъ, кто не хотѣлъ. Распоролъ я платье, размѣрялъ матерію, скроилъ, разъ двадцать бѣгалъ спрашивать, какія дѣлать оборки, а самъ все присматривался къ графинѣ. Пани молодая, роскошная, грудь, знаете, такъ и рвется изъ подъ корсета. Выпросилъ я и корсетъ. Ну, работалъ день и ночь, просилъ примѣрить, такъ меня не допускали, а самъ старикъ сказывалъ, что и гдѣ поузить и расширить; просто бѣда. Однако, во вторникъ оба платья были готовы. Несу, а у самого колѣни

дрожатъ. Надѣвала оба платья. Меня выслали на улицу. Дожидаюсь на крыльцѣ. Выходитъ графъ такой нахмуренный.

«—Не удалось, пся кревъ, сказалъ онъ: въ одномъ платьѣ на спинѣ горбъ, а другое морщится спереди.

«—Ваше сіятельство, началъ я....

«—Молчать! не думай, что я хочу отдѣлаться и не заплатить денегъ: вотъ твои двѣсти-злотыхъ! но не могу отступиться и отъ своего слова: ты получишь сто бизуновъ. Гей, хлопцы!

Я упалъ на колѣни.

«—Я лучше не хочу денегъ.

«—Какъ, подлецъ, ты мнѣ даришь двѣсти злотыхъ?

Хлопцы съ аршинными усами прибѣжали.

«—Дать ему сто горячихъ бизуновъ!

Я такъ перепугался, что упалъ на крыльцѣ замертво, и говорятъ, лежалъ съ четверть часа безъ движенія. Когда очнулся, панскіе экипажи запрягали, а графъ сидѣлъ съ трубкой и хохоталъ на все мѣстечко.

«—А что, пся вѣра, испугался? Ну, я пошутилъ. Ты, бестія, отлично сдѣлалъ платья, вотъ тебѣ графиня даритъ еще отъ себя два червонца.

Разумѣется, я обрадовался и бросился цѣловать графскія колѣни. Мнѣ тогда была крайняя нужда въ деньгахъ, я получилъ неожиданно большую сумму, но готовъ былъ отдать своихъ кровныхъ сто тридцать злотыхъ, чтобы не испытать такого испугу.

Не дурно ведутъ свои дѣла также шапочники, какъ потому, что фуражки и шапки необходимы каждому горожанину, такъ и потому, что товаръ этотъ развозится и находитъ изобильный сбытъ по ярмаркамъ.

Вообще ремесленники постоянно заняты, и какъ этотъ классъ въ Могилевѣ преимущественно состоитъ изъ евреевъ, то нѣтъ между ними ни пьяницъ, ни буяновъ, обыкновенно расхаживающихъ въ нашихъ городахъ по праздникамъ и заводящихъ драки и ссоры отъ пьянства и бездѣлья. Евреи въ этомъ отношеніи безупречны. Они тоже по праздникамъ не работаютъ, а если иной и выпьетъ лишнее, то не покажется на улицу въ безобразномъ видѣ. У насъ же мастеровой народъ какъ то особенно придерживается чаркѣ, и за весьма небольшими исключеніями, многимъ кажется и праздникъ не въ праздникъ, если

не удастся хватить и не понавѣдаться къ физіономіи ближняго.

Но рыболовство здѣсь незначительно, и хотя найдете нѣсколько рыболововъ, однако промышленность эта въ самомъ жалкомъ положеніи, хотя и представляетъ довольно прибыльный заработокъ. Проживя долго въ низовьяхъ Днѣпра, я не могъ даже примириться съ мыслію, что прибрежные жители Днѣстра, именуемые рыбаками, дѣйствительно заслуживаютъ этого названія. Не говоря уже о томъ, что у нихъ нѣтъ рыбацкой удали, пренебрегающей нерѣдко явною опасностію, что нѣтъ въ нихъ этой развязности и ловкости, пріобрѣтаемыхъ на водѣ въ борьбѣ съ бурями, но и ремесла то своего они не любятъ и смотрятъ на него, какъ на случайную возможность заработать лишнюю копѣйку. А вѣдь нельзя сказать, чтобы Днѣстръ былъ не рыбная рѣка, или рыба не имѣла бы сбыту. Напротивъ, въ рыбѣ ощущается постоянный недостатокъ уже потому, что простолюдины, строго соблюдающіе посты, нуждаются въ пищѣ, и еще по особенному пристрастію къ рыбѣ еврейскаго населенія, изобилующаго по обоимъ берегамъ Днѣстра въ городахъ и мѣстечкахъ. Ознакомясь съ городомъ, я пустился на поискъ «рыбалокъ» по мѣстному выраженію. Въ любомъ маленькомъ городкѣ на Днѣпрѣ вы найдете десятка два рыбаковъ, исключительно занимающихся своимъ промысломъ, и вамъ любо потолковать съ этимъ добрымъ и безстрашнымъ народомъ, который иногда по суткамъ пропадаетъ въ лодкѣ. Здѣсь дѣло идетъ не объ артеляхъ, гдѣ разнохарактерные забродчики служатъ неистощимымъ матеріаломъ для наблюденія, не о тѣхъ рыбакахъ, которые ѣздятъ въ одиночку или берутъ въ помощь кого нибудь изъ семейства. На Днѣпрѣ подобные рыбаки есть въ каждомъ селеніи, а на Днѣстрѣ и въ городахъ приходится ихъ отыскивать чуть не со свѣчкой. Мнѣ указали на одного старика, извѣстнаго рыболова, который могъ сообщить необходимыя свѣдѣнія, но этотъ старикъ разсказалъ то, что я зналъ и безъ него о плохомъ уловѣ, и на опытѣ подтвердилъ, что днѣстровскіе рыбаки не умѣютъ заниматься своимъ промысломъ. Нѣтъ у нихъ ни порядочныхъ снарядовъ, ни снаровки, а о лодкахъ я уже не говорю, что это не болѣе какъ неповоротливыя корыта, въ которыя страшно садиться непривычному человѣку. Спускались мы пониже Могилева на двухъ лодкахъ и забрасывали сѣти: рыбы поймалось довольно, только все мелкая, хотя по словамъ моихъ спутниковъ не ожи-

дали они и такого улова. Бываетъ зимою, что случаются порядочныя тони, но промыселъ остается безъ всякаго развитія.

Гораздо больше въ Могилевѣ обращаютъ вниманіе на разведеніе винограду, который произрастаетъ въ каждомъ саду вообще и въ тѣхъ въ особенности, гдѣ смотрятъ на него какъ на отрасль дохода. Вся часть города, примыкающая къ скаламъ, защищенная отъ сѣвера, покрыта садами, необработанными для гуляній, но засаженными виноградомъ, вызрѣвающимъ въ августѣ. Виноградъ потребляется на мѣстѣ, и въ урочное время базаръ заваленъ его синими и бѣлыми кистями. Желающіе получить лучшаго винограду и за болѣе умѣренную цѣну, посылаютъ прямо въ сады, гдѣ съ утра и до вечера производится торговля. Мнѣ въ особенности рекомендовали садъ одной вдовы, извѣстный разнообразіемъ и доброкачественностію винограда. Я отправился на конецъ города, по брацлавской дорогѣ и, поворотивъ направо у мостика, очутился въ области садовъ, тянущихся по предгорью на большое разстояніе. Здѣсь тоже нѣсколько переулковъ, въ которыхъ стоятъ уединенные домики, со всѣми деревенскими принадлежностями. Перебравшись черезъ извилистый ручей, мы съ проводникомъ пошли немного въ гору и начали встрѣчать народъ съ узелками и корзинками, наполненными виноградомъ. Направо и налѣво тянулись заборы, на которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взлѣзали дѣти, съ цѣлью полакомиться, и опрометью спускались на землю, заслышавъ шаги сторожа или хозяина. Группы ихъ сидѣли на площадкѣ и дѣлились кистями винограда. Мы направились прямо къ низкимъ воротамъ и вошли въ отворенную калитку. Небольшой домикъ съ крылечкомъ стоялъ въ глубинѣ, гдѣ на лавочкахъ сидѣли посѣтители. Ко мнѣ подошла старуха и спросила: что угодно?

— Хотѣлось бы купить нѣсколько фунтовъ хорошаго винограда.

— Погуляйте по саду, отдохните, а послѣ выберете, и мы вамъ нарѣжемъ какого угодно.

Закуривъ папироску, я пустился по кривымъ, утоптаннымъ тропинкамъ осматривать садъ, наполненный высокими, роскошными лозами. Кисти бѣлаго и синяго винограда, озаряемыя солнцемъ, въ изобиліи висѣли между широкими, темными листьями и въ иныхъ мѣстахъ образовали живописные фестоны, словно развѣшенные искуснымъ декораторомъ. Обойдя сѣверную сторону

и возвращаясь по дорожкѣ у забора, я остановился у одной пышной яблони, унизанной красными, большими плодами. На скамейкѣ, въ легкомъ кисейномъ платьицѣ, въ круглой пастушеской шляпкѣ, стояла стройная молодая особа и срѣзывая виноградъ, бросала его въ корзинку, которую подставляла ей пожилая женщина. Въ этой стройной фигурѣ было столько граціи, все въ ней, начиная отъ крошечныхъ ножекъ до черныхъ, густыхъ волосъ, выбивавшихся изъ подъ шляпки, было такъ изящно, что я невольно заглядѣлся.

— А вотъ еще покупатель, сказала женщина.

Дѣвушка оборотилась, и я увидѣлъ совершенную красавицу, съ большими черными глазами и обворожительной улыбкой. Она сошла со скамейки и привѣтливо мнѣ поклонилась.

— Вамъ угодно винограду? спросила она пѣвучимъ голосомъ по польски.

— Да, хотѣлъ бы купить.

— Вы, вѣроятно, пріѣзжій?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Можетъ быть угодно проходиться, я покажу вамъ нашъ садикъ.

Хотя я уже обошелъ всѣ дорожки, однако счелъ неловкимъ отказаться отъ подобной спутницы. Дѣвушка кокетливо оправила платье, откинула назадъ волосы, и мы пошли вдоль виноградника. Признаюсь, я затруднялся начать разговоръ съ незнакомкой, но горожанки въ западныхъ губерніяхъ всегда выручатъ васъ своею привѣтливостью, находчивостью и особенной способностью занимать самаго неговорливаго собесѣдника. Всѣ эти качества присущи каждой полькѣ, и если она расположена, не позволитъ вамъ скучать ни минуты и самихъ васъ непремѣнно вовлечетъ въ бесѣду. Съ первыхъ же фразъ я замѣтилъ, что нечего было искать въ моей спутницѣ особеннаго образованія и потому велъ разговоръ не касаясь предметовъ, которые приходились ей не по плечу, наводя на разсказы о внутреннемъ бытѣ знакомаго ей общества. Когда мы поразговорились кто я и откуда, дѣвушка тотчасъ же перемѣнила польскій языкъ на русскій, которыми владѣла одинаково, и въ какія нибудь четверть часа очеркнула мнѣ свой бытъ, непредставлявшій ничего особенно утѣшительнаго. Мать ея бѣдная вдова, все состояніе которой заключалось въ садикѣ, не имѣла другихъ доходовъ,

кромѣ продажи фруктовъ, разумѣется въ урожайное лѣто, а въ случаѣ засухи или иныхъ катастрофъ, посѣщающихъ плодовыя деревья, заглядывала и нужда подъ соломенную кровлю уединеннаго домика. Знакомство у нихъ было не обширное, да и посѣщать знакомыхъ далеко, потому что сады на окраинѣ города.

— И вы не скучаете? спросилъ я.

— Какъ не скучать! Мнѣ всего семнадцать лѣтъ...

И дѣвушка потупила глазки. Но я понялъ какія грустныя мысли навелъ на нее своимъ вопросомъ.

— Случается проводить дома цѣлыя недѣли, сказала она черезъ нѣсколько времени: работать наскучитъ, почитала-бъ, книгъ нѣтъ, да у насъ въ городѣ и достать нельзя. Однако я васъ заговорила, пойдемте въ горницу, вы отдохнете, покурите, а потомъ я нарѣжу вамъ винограду.

Молча я послѣдовалъ за своей спутницей въ небольшую горенку, убого, но чисто убранную, гдѣ на столѣ увидѣлъ разорванный № стариннаго «Москвитянина» и двѣ тетрадки стиховъ, переписанныхъ четкою рукою какого-то досужаго обожателя. Привѣтливая хозяйка усадила меня на деревянномъ диванѣ, покрытомъ простымъ коврикомъ, сама усѣлась на сундукѣ и предложила папироску. Признаюсь откровенно, давно уже я не видѣлъ такой красавицы, и хоть не имѣлъ въ виду ухаживать за нею, хоть даже было много дѣла, однако вліяніе красоты вообще такъ обаятельно, что я невольно оставался на неудобномъ деревянномъ диванчикѣ. Дѣвушка, впрочемъ, не была такой простушкой, какой показалась мнѣ въ первыя минуты, и обнаружила нѣкотораго рода насмѣшливость надъ ближними.

Скоро явилась мать. Присутствіе незнакомца у дочери нисколько не показалось ей страннымъ, потому что въ саду посѣтителей всегда много, незнаю всѣ ли они только приходятъ собственно за виноградомъ: повидимому большинство спѣшитъ насмотрѣться на черноглазую панну. Дѣвушка отрекомендовала меня матери, которая предложила идти въ виноградникъ и отобрать какихъ угодно гроздій. Въ это время на порогѣ робко показался молоденькій юноша, одѣтый довольно опрятно, съ тоненькой тросточкой, и неловко поклонился. По робкому и вмѣстѣ недовольному его взгляду, брошенному на меня, я догадался, что этотъ господинъ изъ числа поклонниковъ, и незная отноше-

ній молодыхъ людей и изъ боязни помѣшать свиданію, о которомъ можетъ быть давно мечтали, я попросилъ старуху идти въ садъ и откланялся красавицѣ.

— Нѣтъ ужъ, пускай маменька остается отдыхать — я сама пойду съ вами, сказала она.

И, надѣвъ шляпку, направилась она къ двери, сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать за собою. Я вышелъ. На лицѣ дѣвушки разлита была какая то лукавая веселость. Мнѣ показалось, что красавица ожидала отъ меня какого то вопроса.

— Зачѣмъ это вы лишили молодаго человѣка удовольствія побесѣдовать съ вами? сказалъ я.

— Этого молодаго человѣка я вижу каждый день, отвѣчала она съ улыбкой, и всегда рада, если есть случай отъ него отдѣлаться.

— Вы же недавно говорили, что вамъ скучно.

— И какъ еще скучно, но есть люди, съ которыми гораздо скучнѣе, нежели въ одиночествѣ.

Дѣвушка замолчала и повела меня къ яблонѣ, гдѣ я увидѣлъ ее впервые.

— Держите корзинку, говорила она, вспрыгнувъ на скамейку: я нарѣжу вамъ самаго лучшаго винограду.

Я взялъ корзинку. Стоя возлѣ этой изящной фигуры, которая, наклоняясь впередъ и поворачиваясь между виноградными листьями, обнаруживала необыкновенную грацію, я уже не находилъ предмета для разговора, хоть мнѣ и желалось узнать причину, отчего робкій юноша былъ непріятенъ для красавицы.

— А гость вашъ такой хорошенькій, сказалъ я наконецъ.

— Много ихъ, хорошенькихъ! Вы замѣтили у меня на столѣ тетрадку стиховъ съ розовой ленточкой. Ее переписывалъ одинъ молодой человѣкъ, такъ тотъ еще лучше.

— И того вы, конечно, принимаете привѣтливѣе.

Дѣвушка посмотрѣла на меня.

— И того принимаю точно также.

— А!

— Бе! проговорила она и залившись смѣхомъ, уронила вѣтку винограду мнѣ въ корзинку.

— Вы, какъ я вижу, шалунья.

— Но не зла и не насмѣшница.

— Незнаю, но вѣрю, что всѣ они, сколько ихъ есть, страдаютъ о васъ.

— Это правда, да мнѣ то ни тепло, ни холодно отъ ихъ страданій.

— И неужто вамъ не жаль этихъ юношей?

— А кто жъ имъ виноватъ: они очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ.

— Вѣроятно вы имъ этого не говорите.

— Говорила по десяти разъ.

И дѣвушка разсмѣялась.

Мнѣ мелькнула мысль, что она, должно быть, порядочная кокетка.

— Значитъ у васъ нѣтъ сердца, или оно занято.

Красавица посмотрѣла на меня черезъ плечо, и долгій взоръ ея сверкнулъ какой то гордостью.

— Вы угадали, сказала она.

— Что?

Она покраснѣла.

— У меня есть женихъ.

И головка ея скрылась въ виноградныхъ листьяхъ. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Ну, вотъ я думаю давно уже я нарѣзала винограду, сказала она, спрыгнувъ со скамейки. Давайте свѣсимъ — сколько выйдетъ.

Поэзія исчезла, явилась проза коммерціи, мнѣ приходилось заплатить деньги. Не безъ нѣкотораго волненія положилъ я въ хорошенькую ручку нѣсколько мелкаго серебра. Дѣвушка сосчитала, опустила деньги въ карманъ и вынула оттуда мнѣ двѣ или три мѣдныя монеты.

— Вотъ сдача. Есть у васъ платокъ?

— Возьметъ проводникъ.

— Я лучше вамъ дамъ корзинку, а вы послѣ пришлете, или, можетъ быть, сами занесете. Вы вѣдь не скоро уѣдете?

— Да, пробуду еще нѣсколько дней.

— Приходите, поболтаемъ, если не скучно.

— Приду съ удовольствіемъ.

Старуха съ юношей подошли къ намъ въ это время. Послѣдній былъ очень печаленъ.

— Что вы такой кислый? спросила его дѣвушка, оправляя платье.

— Какъ всегда.

— А развѣ это хорошо?

— Такая уже природа.

— И, полно клепать на природу. Ну, покушайте винограду.

— Развѣ я пришелъ за этимъ!

— Что жъ, одно другому не мѣшаетъ. А папиросы есть?

— Есть. Извольте.

И юноша подалъ папироску. Я, однакоко же, поспѣшилъ расклаyяться, считая свое посѣщеніе весьма продолжительнымъ.

Когда, дня черезъ два, снова я отправился въ виноградникъ, красавица встрѣтила меня у калитки и весело привѣтствовала. На этотъ разъ она одѣта была еще кокетливѣе и держала въ рукахъ маленькій зонтикъ.

— Я только что была въ городѣ, сказала она, и думала — не встрѣчусь ли съ вами.

Я посмотрѣлъ вопросительно.

— У меня есть къ вамъ просьба.

— Очень радъ, если могу служить вамъ.

— Пойдемъ по саду, или присядемъ на скамейкѣ, а то у насъ гости и при нихъ будетъ неловко.

Любопытство мое было сильно затронуто. Мы прошлись по дорожкѣ и усѣлись на скамейкѣ.

— Закуривайте папироску.

Дѣвушка замолчала и потупила глаза. По лицу ея началъ разливаться усиленный румянецъ.

— Вѣдь вы изъ Петербурга? спросила она, поднявъ на меня свои большіе черные глаза, подернутые влагою.

— Да.

— И разумѣется у васъ тамъ есть знакомые.

— Есть.

— Вотъ если бы вы могли пособить моему горю—сами, или черезъ знакомыхъ—все равно, я была бы очень вамъ благодарна. Видите ли въ чемъ дѣло: мой женихъ военный и человѣкъ небогатый, я тоже дѣвушка безъ состоянія, а начальство его требуетъ обезпеченія. Мы не можемъ дать—сколько надобно, а безъ этого не разрѣшаютъ.

— Что же я могу сдѣлать?

— Не можете ли похлопотать въ Петербургѣ.

Жители отдаленныхъ провинцій имѣютъ какое то смутное понятіе о столицѣ и воображаютъ, что столичный житель, кто бы онъ ни былъ, непремѣнно встрѣчается въ обществѣ со всѣми сильными міра и въ состояніи сдѣлать нетолько возможное, но даже обойти законъ и удовлетворить всякую фантазію, возникшую на провинціальной почвѣ.

Въ короткихъ словахъ представилъ я своей собесѣдницѣ всю ломкость ея надеждъ на мое посредничество, стараясь убѣдить ее, что я лице не служащее, которому нетолько недоступны правительственныя учрежденія, но даже неизвѣстно ни одно лицо, имѣющее гдѣ бы то ни было и какое бы то ни было вліяніе. Сперва она не понимала меня, можетъ быть даже считала слова мои уловкой, вступить въ какія нибудь условія, относительно моего посредничества. Предположеніе это я основывалъ на томъ, что лицо ея приняло серьезное выраженіе, улыбка исчезла, а испытующій взоръ словно хотѣлъ мнѣ заглянуть поглубже въ душу. Во всякомъ случаѣ, я не желалъ оставаться на памяти этого интереснаго созданія въ невыгодномъ свѣтѣ, и объяснилъ, что если бы кто и обѣщалъ ей исполнить просьбу—то это будетъ или наглое хвастовство, или неблагородная попытка подкапываться подъ ея благосклонность. Грудь красавицы сильно поднялась, и глубокій вздохъ разрѣшилъ ея внутреннее волненіе. Дѣвушка пристально посмотрѣла на меня.

— Благодарю васъ. Знаете ли, я теперь разомъ поумнѣла. Значитъ всѣ совѣты: какъ и куда обратиться—все это сказки.

— Я такъ полагаю.

Она махнула рукою.

— А я, дура, вѣрила... И чтожъ удивительнаго? мы живемъ какъ въ лѣсу. Мнѣ тяжело, но покрайней мѣрѣ я знаю, что нечего напрасно надѣяться.

— Но зачѣмъ же вашъ женихъ, если вы такъ любите другъ друга, непремѣнно хочетъ остаться въ военной службѣ?

— Куда же ему выходить въ отставку, коли нѣтъ состоянія.

— Можно найти мѣсто.

— Я и сама говорила ему, такъ онъ отвѣчаетъ, что статской службы терпѣть не можетъ.

— Это пока причина неразумная.

— А главное—ничего въ ней не понимаетъ.

— По словамъ вашимъ, и вы и женихъ—недостаточны; положимъ, начальство наконецъ разрѣшило бы вашу свадьбу: неужели же вы думаете, что женатому офицеру можно прожить однимъ жалованьемъ?

— Другіе живутъ...

— Но это не жизнь. Вы вѣроятно никогда не видѣли убогаго офицерскаго семейства въ походахъ.

— Точно не видѣла.

— Я не желалъ бы вамъ подобной доли. Впрочемъ это я говорю собственно изъ участія, а подавать совѣтъ не мое дѣло.

— Нѣтъ, я и сама знаю, что бѣдному трудно содержать жену, да какъ же быть-то! Вотъ другой годъ мы знакомы, дали другъ другу слово.

Я молчалъ, потому что каждая моя фраза должна была обрывать у собесѣдницы послѣднюю розовую мечту о будущности.

— Что же вы молчите? спросила меня дѣвушка грустнымъ голосомъ.

— Если бы я былъ на мѣстѣ вашего жениха и любилъ васъ, я бросилъ бы все, вышелъ въ отставку и занялся воздѣлываньемъ винограда.

Она улыбнулась.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Не задумался бы ни на минуту.

— Да вѣдь онъ молодъ, кто знаетъ—можетъ быть, дослужится до полковника, до генерала.

— Все это можетъ быть, но прежде чѣмъ сдѣлаться генеральшей, вы перенесете столько тяжелаго, столько испытаете грустнаго, что никакое генеральство не вознаградитъ вамъ безотрадныхъ лишеній. А жить хоть бѣдно да въ своемъ углѣ, воздѣлывать садикъ, трудиться...

— Можно бы прикупить мѣсто у сосѣда...

— Расширить виноградникъ, улучшить лозы.

— Полно-те, вы меня убаюкиваете какъ ребенка.

— Идите поскорѣе, нарѣжьте винограду! сказала вдругъ работница съ подоткнутымъ подоломъ, изъ подъ котораго виднѣ-

лись непривлекательныя красныя икры: и дайте сдачи съ карбованца (рубль).

Собесѣдница моя встала со своего мѣста.

— Пойдемъ-те, если вамъ не скучно, пока я отпущу покупателя.

— Мнѣ тоже кстати нужно купить фруктовъ.

— Да вы бы покушали и такъ сколько угодно, вѣдь у насъ много.

— Благодарю васъ, пожалуй съѣмъ вѣтку, другую, но мнѣ все равно надобно же купить для дому.

Когда покупатель былъ удовлетворенъ, и я получилъ свою долю винограду, красавица подошла ко мнѣ близко и посмотрѣла на меня яснымъ, дружескимъ взоромъ.

— Вы говорили мнѣ горькія слова, сказала она тихимъ, пѣвучимъ голосомъ, и хоть я простая, необразованная дѣвушка, но вижу, что вы говорили отъ сердца.. Правда, лучше жить бѣдно, трудомъ въ своемъ углѣ, нежели тереть чужіе... Но куда же вы?

— Пора.

— Но вы не скоро уѣдете?

— Завтра или послѣ завтра въ Атаки.

— О, это черезъ рѣку. Значитъ, мы еще увидимся.

— Вѣроятно.

Дѣвушка проводила меня на дорожку къ выходу, и мы разстались. Чтобы окончить объ этомъ знакомствѣ прибавлю только, что посѣщая часто изъ Атакъ Могилевъ, я навѣдывался одинъ разъ и на виноградникъ, но не засталъ дома красавицу, которая уходила къ одной своей подругѣ, и болѣе съ ней уже не встрѣчался. Мать ея провожала меня по саду, останавливалась подъ яблонью у скамейки, разсказывала объ урожаѣ, нарѣзала мнѣ хорошаго винограду,—но въ садикѣ уже исчезъ тотъ поэтическій колоритъ, который набрасывало на него присутствіе круглой шляпки, короткаго платьица и стройной, узкой ножки, обутой въ ботинку съ каблучками.

Вечеромъ, особенно наканунѣ субботы, улицы Могилева представляютъ оживленное и красивое зрѣлище. Во всѣхъ домахъ, ближе къ базару, ярко горитъ усиленное освѣщеніе, и толпы евреевъ и евреекъ расхаживаютъ по городу съ неумолкаемымъ говоромъ, который, особенно издали, походитъ на гудѣнье

пчелъ въ огромномъ ульѣ. Всѣ они въ это время разодѣты въ лучшіе праздничные костюмы и каждый даже своему лицу старается придать праздничное выраженіе. По прислушиваясь къ рѣчамъ, вы поминутно услышите слова «кербелъ» (рубль) и и «копекесъ» (копѣйка), безъ которыхъ не обходится ни одна еврейская бесѣда. Дѣти тоже выступаютъ чинно вслѣдъ за взрослыми, стараясь подражать походкѣ отцовъ и матерей, которые въ праздникъ ходятъ совершенно иначе нежели въ будни—черта впрочемъ свойственная не одному еврейскому племени. Въ хорошій теплый день я съ особеннымъ удовольствіемъ гулялъ наканунѣ субботы по Могилеву и присматривался къ оживленнымъ физіономіямъ. Самый горькій труженикъ изъ еврейскихъ ремесленниковъ, не знающій цѣлую недѣлю отдыха, считаетъ обязанностью быть бодрѣе и веселѣе въ шабашъ, и, шесть дней валяясь въ грязи, въ седьмой зорко слѣдитъ, чтобъ на его праздничномъ, хоть и потертомъ сюртучишкѣ не было ни пятнышка, ни пылинки.

Въ субботу днемъ центръ города кажется совершенно опустѣлымъ: всѣ лавки заперты, евреи или въ синагогѣ или отдыхаютъ по домамъ, и рѣдко кто пройдетъ по улицѣ. Въ это время проѣзжему и достать ничего невозможно, потому что, сколько я замѣтилъ, въ Могилевѣ только и есть двѣ желѣзныхъ лавки, въ которыхъ торгуютъ русскіе,—остальныя всѣ принадлежатъ евреямъ. Послѣдніе до такой степени чтутъ свои праздники, что я рѣшительно не могу припомнить ни одного случая, когда бы еврей соблазнился въ шабашъ даже значительнымъ барышомъ, а мнѣ въ путешествіи не разъ встрѣчалась необходимость обращаться къ нимъ за покупками въ субботу. Я не вижу въ этомъ никакой собственно заслуги, потому что праздникъ, осуждая человѣчество на бездѣйствіе, лишаетъ послѣднее возможности улучшать свое положеніе, тѣмъ болѣе въ рабочемъ классѣ, и обязательный отдыхъ, когда я могу и хочу работать, представляется даже какою то аномаліей; но съ другой стороны замѣчательно, что евреи столько тысячъ лѣтъ такъ твердо и неуклонно слѣдуютъ преданіямъ. Торговля и промышленность, вошедшія въ плоть и кровь этого племени, особенно у насъ, гдѣ ему не представляется другой дѣятельности, овладѣвшія всѣми помыслами еврея, оказываются безсильны наканунѣ праздника и въ праздникъ, и смотрите какъ онъ крѣпко держится

каждой буквы своего закона. Но что удивительнѣе, покрайней мѣрѣ для меня, выросшаго въ краю, населенномъ еврейскимъ племенемъ: я никогда не видѣлъ, чтобы пьяные евреи подрались въ шабашъ. А между тѣмъ, у нихъ въ полной силѣ правило: «око за око и зубъ за зубъ», и нѣтъ въ заповѣдяхъ изрѣченія: «любите враги ваши и творите добро ненавидящимъ васъ.»

Что касается до нравственности массы, то она таже, что и вездѣ, и элементы ея неутѣшительны: плутни, обманъ, ловкое надувательство при извлеченіи барышей, однимъ словомъ—всѣ средства къ достиженію корыстныхъ цѣлей.

О жизни высшаго могилевскаго общества, право не знаю, что сказать, изъ боязни повторять избитыя фразы, разсѣянныя во всевозможныхъ описаніяхъ быта провинціальныхъ городковъ нашихъ. Главный элементъ здѣсь составляютъ чиновники уѣздной іерархіи, которые созданы по образу и подобію повсемѣстной рутины и отличаются развѣ преобладаніемъ «польщизны». Весь день они на службѣ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, потомъ обѣдъ, послѣ обѣда непремѣнно сонъ, а вечеромъ маленькій преферансъ просто, или съ пирушкой, по случаю какого нибудь семейнаго событія. Другихъ ресурсовъ не имѣется. Пріѣзжіе помѣщики, правда, оживляютъ это однообразіе, но и они подчиняются заведенному порядку, посѣщая знакомыхъ чиновниковъ, а если даютъ у себя на квартирѣ вечеринку, то и здѣсь главную роль играютъ—преферансъ и ужинъ.

Проживая въ Могилевѣ и въ самомъ центрѣ его кипучей дѣятельности, заведя, сверхъ того, знакомство съ разными торговцами и промышленниками, я нашелъ возможность прослѣдить неофиціальную часть торговли, тѣмъ болѣе, что въ странствіяхъ по границѣ ознакомился съ ея пріемами. Привозъ и вывозъ контробанды производится болѣе или менѣе безцеремоннымъ образомъ. Фуры приходятъ прямо, сваливаютъ товаръ, если онъ сюда адресованъ, или ѣдутъ дальше по назначенію отправителя. Не употребляютъ никакихъ предосторожностей, и даже нѣтъ той таинственности, какая соблюдается въ Хотинѣ и Каменцѣ, за исключеніемъ пріѣзда въ городъ какого нибудь чиновника особыхъ порученій. Но и тогда, что дѣлалось днемъ, совершается ночью, и транспорты контробанды проходятъ благополучно по тракту на Брацлавъ, Умань, проникая къ Днѣпру и

за Днѣпръ, смотря по надобности. Такъ какъ Могилевъ считается внутреннимъ городомъ, то и въ торговлѣ его предполагаются условія, свойственныя всѣмъ внутреннимъ городамъ Имперіи. Въ прежнее время, когда по Днѣстру были таможни, существовало и многочисленное сословіе истыхъ контробандистовъ, но теперь остались только преданія, и развѣ на всякій случай находятся нѣсколько человѣкъ отчаянныхъ малыхъ, которые, при какой нибудь неожиданной катастрофѣ, лучше другихъ могутъ обмануть полицейскихъ сыщиковъ. Впрочемъ, эти ловкія личности имѣютъ и какое нибудь опредѣленное занятіе, потому что случаи, когда требуется ихъ искусство, весьма не часты и доставляютъ не Богъ знаетъ какіе заработки.

Отдаленныя улицы, или лучше сказать мѣста Могилева, скорѣе походящія на деревни, обитаемы малорусскимъ населеніемъ, которое занимается садоводствомъ, огородничествомъ и земледѣліемъ, разумѣется не въ большихъ размѣрахъ, и отличается отъ сельскихъ жителей только мѣщанскимъ костюмомъ, да нѣкоторыми городскими обыкновеніями.

О городѣ же можно сказать вообще, что онъ населенъ преимущественно евреями, которые, придавая жизнь его внутреннему быту и оживляя торговлю и промышленность, занимаютъ всѣ лучшія улицы и поражаютъ проѣзжаго своей многочисленностью.

Окрестности Могилева чрезвычайно живописны, какъ и все вообще приднѣстровье.

ГЛАВА VII.

Мѣстечко Атаки. Молдаване. Ихъ языкъ. Нравы и обычаи. Танцы. Миролюбiе. Опрятность. Бытъ крестьянъ. Монастырскiе царане. Разговоръ съ парнемъ. Школы. Понятiе объ этомъ нѣкоторыхъ. Поѣздка въ монастырь.

Мѣстечко Атаки, лежащее на правомъ берегу Днѣстра, противъ Могилева, принадлежитъ князю Кантакузену и составляетъ тоже нѣчто въ родѣ городка, заключая въ себѣ и базаръ, и лавки, и множество еврейскихъ семействъ, которыя заводятъ торговлю вездѣ, гдѣ бы ни поселила ихъ судьба, и какъ то скоро принаравливаются къ мѣстнымъ потребностямъ. Надъ Атаками господствуетъ высокiй нагорный берегъ, но близь большой дороги, ведущей изъ Сорокъ, насыпана еще огромная батарея, которая, не знаю почему, показалась мнѣ древнею, и я уже готовился собрать о ней подробныя свѣдѣнiя. Но меня очень скоро разувѣрили, сказавъ, что батарею эту тяжкими трудами насыпали, во время крымской войны, и не додѣлали—потому-ли, что измѣнились стратегическiе планы, или потому, что нашли ее совершенно неумѣстною. Если бы австрiйцы изъ угрожающаго положенiя перешли въ наступательное и двинулись въ Бессарабiю, то, во первыхъ, батарея на этой высотѣ не могла бы держаться долго, и во вторыхъ—послужила бы непрiятелю. А говорятъ, сколько она стоила и трудовъ, и усилiй, и убытку для мѣстныхъ жителей, которые должны были взбираться на огромную высоту и носить на себѣ различные матерiалы, не говоря уже о томъ, что не имѣли возможности заниматься своимъ хозяйствомъ.

Здѣсь я въ первый разъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ молдаванскимъ населенiемъ,—и не въ первый разъ испыталъ неудобство незнанiя туземнаго языка, что не только наводитъ

скуку на путешественника, изучающаго мѣстные нравы и обычаи, но уничтожаетъ его задачу. Признаюсь откровенно, до посѣщенія Бессарабіи я не зналъ, что мѣстные жители, за исключеніемъ сѣвернаго уголка, наполненнаго руснаками, состоятъ изъ молдаванъ, которые рѣшительно не знаютъ по русски, и положеніе мое оказалось весьма незавиднымъ. Въ Хотинѣ, впрочемъ, я запасся молдавской грамматикой и словарикомъ, началъ дѣятельно учиться и долбить слова и фразы,—но при столкновеніи съ живымъ языкомъ увидѣлъ все неудобство языка литературнаго и во̂ время избавилъ себя отъ напраснаго долбленія. Мнѣ изъяснили, что бессарабскіе молдаване говорятъ не по книжному, что современные румыны выбрасываютъ многія славянскія слова и сочиняютъ новыя или вводятъ латинскія, такъ что статью, напечатанную, положимъ, въ «Дунайской звѣздѣ», не пойметъ житель Бессарабіи, если онъ не образованъ. Вслѣдствіе этого я сталъ записывать мѣстныя фразы, взялъ переводчика — и пустился изучать мѣстный языкъ самымъ простымъ способомъ. Но я не буду утомлять читателя филологическими отступленіями, и корча изъ себя лингвиста, трактовать о неинтересныхъ спряженіяхъ и склоненіяхъ. Скажу только, что молдавскій языкъ показался мнѣ испорченнымъ латинскимъ, похожимъ на итальянскій, въ которомъ, однакоже (по крайней мѣрѣ въ Бессарабіи), много славянскихъ рѣченій; близость итальянскаго замѣтитъ каждый напримѣръ хоть въ слѣдующихъ словахъ, приводимыхъ на удачу: *пыне* хлѣбъ, *луминари* свѣча, *фокъ* огонь, *апа* вода, *вакка* корова, *лапте* молоко, *карне* мясо, *вале* долина, *каса* домъ, *лунга* длинный, *альба* бѣлый, *унде* гдѣ, *фынтынъ* колодезь, *кампо* поле, *фратре* братъ, *бунъ* хорошій и т. д. Поэтому легко заключить, что при небольшомъ знаніи латинскаго или итальянскаго языковъ и обладая порядочнымъ запасомъ терпѣнія и доброй воли, по молдавски выучиться нетрудно. Живой примѣръ наши солдаты, которые, проживъ годъ въ Бессарабіи, свободно разговариваютъ съ туземцами.

Разумѣется, проживъ нѣсколько дней въ Атакахъ, я не могъ замѣтить ничего, но какъ мнѣ приходилось не разъ проѣхать по всему протяженію Днѣстра, то я считаю не лишнимъ представить хоть въ краткомъ видѣ общій обзоръ молдавскаго племени.

Молдаване, понимается, живущіе въ Бессарабіи, особенно

мужчины, по наружности ни чѣмъ не отличаются отъ малоруссовъ—и даже сохраняютъ медленную и вялую походку, свойственную послѣднимъ; обстоятельство это, я полагаю, въ обоихъ племенахъ отъ того, что какъ то, такъ и другое съ малолѣтства отбываетъ свои полевыя работы съ помощью воловъ, которые, какъ извѣстно, отличаются медленностью движеній. Молдаванинъ вообще сухощавъ и черноволосъ, и черты его дышатъ простотой, такъ что трудно предположить въ немъ запасную мысль,—и дѣйствительно, онъ болѣе чистосердеченъ. На знакомство онъ довольно медленъ, но если прожилъ съ вами нѣкоторое время или разговаривалъ нѣсколько разъ, онъ уже перестаетъ дичиться и становится откровененъ. Но на господскихъ крестьянахъ, такъ называемыхъ царанахъ, лежитъ отпечатокъ какой то забитости, между тѣмъ какъ государственный крестьянинъ имѣетъ видъ гораздо благороднѣе, если можно такъ выразиться. Объ этомъ, впрочемъ, я уже имѣлъ случай говорить въ предъидущихъ главахъ своего путешествія.

Въ домашней жизни молдаванинъ замѣтно не такой деспотъ, какихъ вообще встрѣчаемъ между нашими простолюдинами,—и женщина пользуется значительною степенью свободы. Можетъ быть мнѣ не случилось встрѣтить грубости въ обращеніи непрекраснаго пола съ прекраснымъ,—но, подмѣтивъ какую то мягкость въ семейныхъ отношеніяхъ, я нарочно искалъ случая убѣдиться въ противномъ и не находилъ его, проживая по разнымъ селеніямъ приднѣстровья. Только развѣ въ пьяномъ видѣ молдаванинъ побурлитъ немного, да и то вспышка эта ограничится энергическими ругательствами, которыя, впрочемъ, ничего не доказываютъ, потому что молдаване, какъ и руснаки, ругаются на каждомъ шагу и столько имѣютъ бранныхъ фразъ, какъ ни одно племя въ мірѣ. Въ самомъ спокойномъ расположеніи духа молдаванинъ обругаетъ все—что ни попадется, отъ соломенки, лежащей на дорогѣ—до самаго дорогаго предмета въ мірѣ, и извѣстныя непечатныя фразы, только особой мѣстной конструкціи, срываются съ языка всего населенія, отъ дряхлыхъ стариковъ до ребенка, едва начавшаго лепетать. И наконецъ, самыя непристойныя ругательства до такой стапени сдѣлались въ краю обыкновенны и употребительны при каждомъ случаѣ, можно сказать, при каждомъ движеніи, что если молдаванинъ хочетъ уже рѣшительно обругать кого нибудь, онъ говоритъ

отрывисто: «ты чортъ! ты подлецъ!» что повидимому возбуждаетъ въ противникѣ больше злости и негодованія, нежели самая тяжелая фраза, обыкновенно обращаемая къ родительницѣ— у другихъ восточныхъ народовъ, а у молдаванъ — не только къ ней, но и ко всему дорогому и священному для человѣка. Безспорно, что ни на одномъ языкѣ нѣтъ такихъ ругательствъ, какъ на молдавскомъ, и если имъ можно придать прилагательное безнравственный, т. е. если это не покажется дикимъ, то ничего нельзя себѣ представить безнравственнѣе молдавскихъ ругательствъ, превышающихъ всякое понятіе нашихъ спеціалистовъ о фразахъ этого рода. Разумѣется, основной, дѣйствующій глаголъ въ этихъ ругательствахъ, тотъ же, что и на русскомъ и татарскомъ языкахъ, но приложенія его такъ чудовищны, что предъ ними станетъ въ тупикъ самое смѣлое воображеніе подгулявшаго ломоваго извощика,—а воображеніе послѣдняго, какъ извѣстно, весьма изобрѣтательно. Въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ у молдаванъ, на улицѣ ли, при встрѣчѣ, въ семействѣ ли, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ сходится нѣсколько человѣкъ, извѣстныя слова раздаются въ изобиліи, такъ что заразительный обычай этотъ перешелъ и на евреевъ, которые, говоря между собою на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ, вдругъ начинаютъ ругаться по молдавски. Сперва эти отвратительныя грязныя фразы производятъ на свѣжаго человѣка тяжелое впечатлѣніе, но послѣ къ нимъ привыкаешь, и иной разъ и не можешь не улыбнуться, если отецъ, напримѣръ, бранитъ молоденькую дочь и увлекшись пуститъ рѣченіе, смыслъ котораго до того безобразенъ, что превосходитъ всякое вѣроятіе.

Молдаванки отличаются своей миловидностью, прекрасными глазами и привѣтливостью. Въ рѣдкой деревнѣ вы не увидите одной, двухъ красавицъ, хорошенькихъ множество, такъ что почти можно сказать утвердительно: между молодыми дѣвушками и женщинами—трудно встрѣтить некрасивое лицо, какія попадаются сплошь и рядомъ у прочихъ племенъ. Не взирая на природную смуглость, лицо и шея у молдаванокъ бѣлыя и нѣжныя, потому что онѣ предохраняютъ ихъ отъ загара и вообще отъ всѣхъ атмосферныхъ вліяній бѣлымъ платкомъ, которымъ покрывается каждая молдаванка при выходѣ изъ дому. Кромѣ красивой наружности, въ чертахъ каждой, особенно молодой, молдаванки разлита необыкновенная пріятность, а въ глазахъ

такая привѣтливость, что самый застѣнчивый человѣкъ не по боится завести съ нею разговора. Мнѣ кажется, я не погрѣшу, сказавъ, что молдаванки не слѣдуютъ примѣру прочихъ сельскихъ жительницъ относительно строгости нравовъ, и хоть это конечно правило не безъ исключенія, однако подобный выводъ легко сдѣлать, кто проживетъ въ краю нѣсколько мѣсяцевъ. Я прежде много слышалъ объ этомъ отъ военныхъ, квартировавшихъ въ Бессарабіи, но когда началъ самъ проживать въ молдавскихъ деревняхъ и обратилъ на данный предметъ вниманіе, — для меня разсказы армейцевъ неказались уже преувеличенными. На нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло доходитъ даже до того, что не говоря мужья на поведеніе женъ, но женихи на поведеніе невѣстъ смотрятъ сквозь пальцы, особенно если здѣсь замѣшался какой бы то ни было интересъ и нѣтъ сильной любви, которая, конечно, не допускаетъ подобныхъ воззрѣній. Стоитъ только въ деревнѣ, гдѣ квартируетъ войско, поразговориться съ бойкимъ солдатикомъ—онъ разскажетъ любопытному очень много фактовъ, по которымъ можно судить—ошибочно или опрометчиво было мое мнѣніе о строгости нравовъ, и наконецъ, любопытный самъ, если только въ немъ есть способность наблюдательности, увидитъ не одну весьма незамысловатую интригу. Впрочемъ, не думайте, чтобы всѣ грѣшки не прикрывались завѣсой приличія,—напротивъ, ничья стыдливость не пострадаетъ на самой шумной сходкѣ молдавской молодежи.

Обыкновенно, въ праздникъ часа въ три, въ четыре возлѣ корчмы собирается все населеніе деревни — гдѣ бродячіе музыканты давно уже ожидаютъ случая пустить въ ходъ свои скрыпки и цымбалы. Молодежь танцуетъ, а пожилые группируются вокругъ и роспиваютъ водку и виноградное вино, преданные своимъ интересамъ или воспоминаніямъ. Молдаванскій танецъ не отличается отмѣнною живостью и ограничивается большимъ кругомъ, въ которомъ всѣ берутся за руки и притопываютъ ногами въ тактъ при поступательномъ движеніи. Ни ловкости, ни удали здѣсь выказать нельзя, и парни и дѣвушки берутъ только природной граціей или богатствомъ костюма, который тоже довольно несложенъ. Мужчины носятъ кафтаны и полукафтанья, женщины преимущественно ситцевыя платья, и походятъ на нашихъ горожанокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я съ удивленіемъ видѣлъ уже не народный молдавскій танецъ, а

пародію вальса и польки, которые, неизвѣстно какъ, могли забраться въ среду деревенскаго простаго люда. Одинъ только разъ въ селеніи Олонешты, мнѣ удалось видѣть мѣстнаго танцора, замѣчательнаго по стройности сложенія и по варіяціямъ самыхъ замысловатыхъ па; но какъ впослѣдствіи оказалось, танцоръ этотъ, ходившій по портамъ Чернаго и Азовскаго морей, выучился козачка и удивлялъ почтеннѣйшую публику. Онъ, впрочемъ, не могъ найти себѣ пары и носился одинъ, выдѣлывая такія мудреныя па, предъ которыми задумался бы и любой лезгинъ, отлично выплясывающій лезгинку. Помню, какъ подсѣвъ къ одному старику, я началъ хвалить ловкаго танцора.

— Э, сказалъ онъ, ломается и больше ничего. Развѣ такъ танцують! посмотрѣли бы вы, когда мы были парнями.

— Да вѣдь я видѣлъ молдавскіе танцы отъ Могилева до Олонешты.

— И что жъ?

— Все топчутся на одномъ мѣстѣ и топаютъ ногами.

— Въ томъ и штука, чтобъ топать да не сбиться какою когда ступить ногою. А то что же толку выбрасывать на воздухъ подошвы и носиться какъ угорѣлому.

— А погляди какъ смотрятъ женщины: онѣ, знать, довольны.

— Извѣстно довольны, потому что дуры.

Молодежь впрочемъ, была другаго мнѣнія, поила танцора водкой, и подъ конецъ нашлись уже ему подражатели, которые довольно недурно отплясывали въ присядку.

Обыкновенно парни и дѣвушки танцуютъ до изнеможенія, такъ что иныя пары, послѣ получасовой пляски, рѣшительно не въ состояніи вздохнуть и лежатъ гдѣ нибудь подъ плетнемъ, собираясь съ силами на новые подвиги. Мнѣ казалось непонятнымъ, отчего тихій, монотонный танецъ можетъ подобнымъ образомъ дѣйствовать на молодой здоровый организмъ,—но вопросъ разрѣшился весьма естественнымъ образомъ—подобное утомленіе происходитъ съ тѣми, которые танцуютъ нѣсколько танцевъ сряду, не отдыхая.

Во время этихъ веселыхъ сходокъ, на которыя собираются молодые парни верхами изъ другихъ деревень, какъ похвастать лошадьми и збруей, такъ и поухаживать за чужими дѣвушками,—случалось мнѣ видѣть и драки, непринимавшія, однакоже, характера свалки. Одна, другая затрещина, вмѣшательство род-

ныхъ или товарищей, и ссоры оканчивались обычнымъ возліяніемъ. Вообще, сколько я замѣтилъ, молдаване характера миролюбиваго, и вслѣдствіе то этой черты характера, вѣроятно давно подмѣченной, съ ними обходились не въ примѣръ хуже, нежели съ другими племенами на прочихъ мѣстностяхъ. Одинъ калараш (конный разсыльный) земскаго суда можетъ по собственному произволу переколотить всю деревню и послѣ заставить побитыхъ же подносить ему водку. Въ одной деревнѣ, гдѣ я жилъ нѣсколько дней, познакомился я довольно коротко съ сосѣдомъ по квартирѣ, почтеннымъ старикомъ молдаваниномъ, который помнитъ еще турецкое владычество и разсказывалъ мнѣ разные эпизоды изъ минувшаго. Бывалъ онъ въ Яссахъ и въ Букарестѣ, жилъ надъ Прутомъ по границѣ, и его бесѣды всегда мнѣ доставляли большое удовольствіе. Я пріучилъ старика не церемониться со мною, такъ что, приходя ко мнѣ, онъ уже садился безъ приглашенія и закуривалъ свою трубочку. Наканунѣ моего отъѣзда,—хозяинъ мой сказалъ, что старикъ не можетъ придти ко мнѣ, потому что болѣнъ и не подымается съ постели.

— Его вчера прибилъ каларашъ, прибавилъ онъ.

Я бросился къ старику и засталъ его въ печальномъ положеніи: лицо въ синякахъ, опухшее, и правая рука подвязана.

— Что съ тобою, дѣдушка? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Вчера каларашъ побилъ, отвѣчалъ онъ смиренно, безъ всякой жалобы и даже безъ обычной молдавану крѣпкой фразы.

— Какая же причина?

— А никакой! Развѣ вы не знаете, когда каларашъ пріѣзжаетъ въ деревню одинъ безъ начальства, такъ дѣлаетъ что хочетъ.

— Отчего же старшина не удержалъ его?

— Онъ и старшинѣ накостылялъ шею.

— Да какъ же ты ему попался?

— Видите ли, онъ оставлялъ у моего племянника свою лошадь, а самъ поѣхалъ дальше на царанской. Ну какъ возвратился,—ему и показалось, что конь его исхудалъ, что за нимъ не смотрѣли. Онъ хотѣлъ побить племянника, а племянникъ ходилъ въ другую деревню, вотъ не на комъ сорвать сердце, каларашъ и началъ бить жену его. Я вступился, а онъ и исколотилъ меня, да еще заставилъ купить око водки.

— Да вѣдь калараши не смѣютъ драться.

— У насъ смѣютъ. Куда пойдешь на него жаловаться! Онъ пожалуй наскажетъ на тебя начальству, и ты же послѣ будешь отвѣчать. Чортъ съ нимъ! Не я первый, не я послѣднiй. Я еще дешево отдѣлался. А вотъ намедни одного нашего царанина избилъ каларашъ до полусмерти и взялъ еще цѣлковый.

Все это было проговорено тономъ самаго полнаго равнодушiя.

Иногда до начальства доходятъ подобныя жалобы, и нѣкоторые начальники взыскиваютъ съ каларашей, но иные остаются довольны и тѣшатся мыслiю, что держатъ населенiе въ постоянномъ страхѣ.

Бытъ молдаванъ очень простъ, но нельзя не замѣтить, что внутренность и даже наружность ихъ хаты отличается необыкновенною чистотою. Когда вы выѣзжаете изъ Великороссiи на Украйну, васъ поражаетъ опрятность самой бѣдной малорусской хатки, но эта опрятность ничто въ сравненiи съ молдаванскою. Здѣсь она доведена до изящества, и войдя въ жилище молдавана, если только это въ первый разъ, вы не вѣрите, чтобы крестьянинъ, попадавшiйся вамъ на дорогѣ въ простой сермягѣ, перепачканный въ смолѣ, — могъ имѣть дома такую приличную обстановку. У стѣнъ хаты тянутся лавки, застланныя непремѣнно коврами, столъ накрытъ скатертью, ковры висятъ на стѣнахъ надъ постелью, на которой гора подушекъ въ вышитыхъ наволочкахъ, и цѣлая жердь увѣшана праздничнымъ платьемъ. У печки на всѣхъ выступахъ брошены коврики. Я не говорю уже о хатѣ достаточнаго крестьянина, въ которой онъ самъ не живетъ, а предназначаетъ для гостей, тамъ—ничего невидно за коврами, стоитъ шкафъ съ посудой, висятъ лубочныя картинки и торчитъ пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ,—но и тамъ, гдѣ живетъ все семейство, нечистота не представляется вашему взору.

Много значитъ въ этомъ случаѣ, что молдаванки готовятъ пищу въ сѣняхъ, гдѣ устроены очаги, и потому въ хатѣ вы не увидите слѣдовъ стряпни, которая больше всего грязнитъ крестьянское жилище. Притомъ же молдаванки съ дѣтства получаютъ, можно сказать, страсть къ чистотѣ и домашнему порядку. Я это замѣчалъ иногда по своимъ квартирамъ. Извѣстно, что самая копотливая и тяжелая работа для хозяйки—мазать гли-

ной свою избу снаружи; малороссіянки это дѣлаютъ раза два въ годъ подъ извѣстные праздники; но молдаванки, едва только запачкаются стѣны снаружи, тотчасъ же спѣшатъ побѣлить ихъ, считая неприличнымъ выставлять на показъ какую бы то ни было неопрятность. Внутри тѣмъ болѣе: здѣсь самая небольшая соринка не ускользнетъ отъ хозяйскихъ глазъ, и тотчасъ же уничтожается самомалѣйшій безпорядокъ. Подъ конецъ моего пребыванія въ Бессарабіи, я до того привыкъ уважать обычаи своихъ хозяекъ, что какъ бы иной разъ ни промокъ, ни усталъ, а не войдешь въ квартиру, пока не оставишь въ сѣняхъ грязной одежды и обуви. При видѣ этой наружной щепетильной опрятности, я обратилъ вниманіе и на то, въ какой долѣ входитъ она во всѣ условія домашней жизни, и замѣтилъ, что дѣйствительно молдаване, особенно молдаванки, чистоплотнѣе извѣстныхъ мнѣ племенъ и въ своихъ обыденныхъ обыкновеніяхъ. Во первыхъ, онѣ моются довольно усердно, не носятъ затасканнаго, грязнаго бѣлья, и только въ тяжелую страдную пору можно ихъ видѣть нѣсколько неопрятными, потому что нѣтъ физической возможности соблюдать чистоту въ это время. Но ни разу не случалось мнѣ видѣть, чтобы молдаванка, возвратясь съ работы, принималась не только за ѣду, но даже и за стряпню, съ немытыми руками, какъ это случается сплошь и рядомъ въ крестьянскомъ быту. Мужчины менѣе слѣдуютъ этому обыкновенію, особенно внѣ дома,—но, придя въ избу волею-неволею должны соблюдать опрятность, иначе имъ досталось бы порядочная натація, что мнѣ самому случалось видѣть.

У зажиточныхъ крестьянъ, напримѣръ у резешей (наши однодворцы), убранство въ избахъ то же, что и у прочихъ, но и ковры богаче, и утварь гораздо лучше; наконецъ обычаи смахиваютъ нѣкоторымъ образомъ на дворянскіе. У резеша не успѣешь войти въ домъ, какъ уже хозяйка хлопочетъ угостить васъ по молдавскому обычаю и предлагаетъ «дульчеца апа речи», т. е. варенья съ водою, въ какое ни пріѣхали бы время, хотя бы утромъ. И въ высшемъ классѣ молдаванъ не выводится это обыкновеніе, къ которому впрочемъ скоро привыкаешь и не находишь его страннымъ, какъ кажется съ перваго раза. Но проѣзжему странно иногда слышать, когда его приглашаютъ, напримѣръ, *на стаканъ воды*, и онъ, не смѣя разспросить подробнѣе,

невольно удивляется такому странному предложенію. Между тѣмъ, у молдаванъ безъ варенья и воды немыслимо не только принять гостя, но и у себя дома пробыть даже какихъ нибудь полчаса времени. Ложечка варенья и нѣсколько глотковъ воды составляютъ насущную потребность, такъ что если бы хозяинъ при вашемъ входѣ не велѣлъ подать того и другаго, его сочли бы человѣкомъ, незнающимъ самаго простаго правила приличія. Резеши живутъ вообще привольно, и хоть и на нихъ виднѣется отпечатокъ загнанности и забитости, свойственный нашимъ бессарабскимъ молдаванамъ, однако все таки между ними проскакиваетъ какой то намѣкъ на самостоятельность. Мелкіе эти собственники, занимаясь сами земледѣліемъ и скотоводствомъ и бывъ менѣе другихъ подвергнуты чиновничьей опекѣ, умѣютъ заботиться о своемъ благосостояніи, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ вести и роскошный образъ жизни, разумѣется относительно. Такъ напримѣръ иной имѣетъ серебрянныя ложки и порядочную посуду, у другаго жена и дочери носятъ шелковыя платья, тоже держитъ хорошихъ лошадей и щегольскую упряжь, и очень у многихъ вертятся небольшіе капитальцы. Этого сословія, впрочемъ, очень немного въ Бессарабіи; мало и государственныхъ крестьянъ, а все больше царане, бытъ которыхъ, какъ я уже говорилъ въ первыхъ статьяхъ, возбуждаетъ сожалѣніе.

По моему мнѣнію, хуже всѣхъ живутъ царане монастырскіе, т. е. въ имѣніяхъ, принадлежащихъ заграничнымъ монастырямъ, и которыхъ довольно много въ Бессарабіи. Цифра ежегоднаго дохода, вывозимаго звонкою монетою, весьма значительна, и доходы эти извлекаются нерѣдко съ отягощеніемъ народонаселенія. Обыкновенно управляютъ повѣренные или арендаторы; но верховный надзоръ принадлежитъ монахамъ, которые посланы блюсти свои земныя выгоды, и какъ это все преимущественно греки, то они и дѣйствуютъ, какъ приличествуетъ этому племени. Не входя здѣсь въ разсужденія о томъ, что горсть людей, обрекшихъ себя посту и молитвѣ, отказавшихся отъ всего мірскаго, тяготѣетъ надъ цѣлыми деревнями и извлекаетъ возможныя выгоды изъ тяжелаго труда земледѣльцевъ, мы замѣтимъ только, что порядочная часть Бессарабіи платитъ дань въ заграничныя монастырскія кружки. Ни болѣе, ни менѣе, заграничные монастыри владѣютъ въ Бессарабіи 282 961 десятиною земли на правѣ помѣщиковъ и, надо сказать правду, помѣщиковъ са-

мыхъ стяжательныхъ и негуманныхъ. Если бы еще эти имѣнія, состоящія изъ лучшихъ въ области земель, служили собственно для прокормленія и необходимаго содержанія общины, можно бы еще примириться съ мыслію, что тѣмъ или другимъ путемъ долженъ же существовать монастырь пожертвованіями государства, но есть заграничныя обители, имѣющія болѣе 50 000 десятинъ земли—и здѣсь уже дѣло идетъ о пріобрѣтеніи богатства. Для того, чтобы отшельникъ, обѣтомъ своимъ обязанный переносить во Имя Божіе труды и лишенія,—могъ ѣздить въ покойной коляскѣ, бѣдные царане, особенно въ неурожайные годы, должны лишать себя лишняго куска мамалыги, и за недостачу какихъ нибудь двадцати копѣекъ подвергаться различнымъ наказаніямъ. Монастырскіе царане уже и привыкли смотрѣть на своихъ господъ, какъ на самыхъ неумолимыхъ, безчувственныхъ арендаторовъ. Надсмотрщики и ревизоры, монахи, пріѣзжающіе изъ за границы, опираясь на покровительство, оказываемое имъ мѣстными властями, которыя въ Бессарабіи вообще покровительствуютъ помѣщикамъ, даже въ злоупотребленіяхъ, непохожи на тѣхъ суровыхъ отшельниковъ, какими должны быть люди подъ клобукомъ и рясой. Какъ то я разговорился объ этомъ съ офицерами, довольно долго квартировавшими въ Бессарабіи, и они разсказали мнѣ нѣсколько фактовъ, которымъ даже трудно было повѣрить. Я, разумѣется, не изъявилъ сомнѣнія, но спросилъ, не съ греками ли это происходило, и не принадлежали-ли эти греки къ сословію знаменитыхъ фанаріотовъ. Собесѣдники не умѣли мнѣ объяснить этого обстоятельства, но пожилой капитанъ, вдоль и поперегъ исколесившій Бессарабію, разсказалъ одно происшествіе, случившееся съ нимъ лично. Передаю этотъ разсказъ, по возможности, его словами.

«Возвращался я однажды изъ Кишинева въ роту. Было жарко, и я, каюсь не только былъ не въ сюртукѣ, а въ парусиномъ пальто, но и фуражку уложилъ въ чемоданъ, а надѣлъ соломенную шляпу. Сижу себѣ франтомъ, мнѣ прохладно, и я былъ спокоенъ, что ни гдѣ не попадусь на глаза начальству. Проѣзжая на молдавской повозкѣ парой по монастырскому лѣсу, встрѣтился я на узкой и глубокой дорогѣ съ экипажемъ, запряженнымъ хорошими лошадьми. Въ экипажѣ, прислонясь въ уголъ, сидѣлъ тучный монахъ, смуглый и обросшій весь черными волосами. Мы встрѣтились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разъѣхаться не

представлялось никакой возможности; поворотить же назадъ было нельзя и оставалось только тому, кто проѣхалъ меньшее разстояніе тѣснины, выпрячь лошадей и оттащить экипажъ на просторное мѣсто. Монахъ только что въѣхалъ въ тѣснину, и коляску его оставалось откатить нѣсколько сажень, между тѣмъ какъ мнѣ пришлось бы совершить эту операцію сажень болѣе пятидесяти. Казалось бы, такое обстоятельство не должно вызвать никакихъ непріятностей, тѣмъ болѣе, что извощики, при въѣздѣ въ подобныя мѣста, имѣютъ привычку громко кричать для предостереженія встрѣчныхъ, и мой дѣйствительно горланилъ во всю глотку, такъ что монашескій кучеръ не могъ этого не слышать, однако вышло иначе. Монахъ и его кучеръ разразились градомъ самыхъ грубыхъ молдавскихъ ругательствъ. Мой извощикъ струсилъ и, соскочивши съ повозки, хотѣлъ было распрягать лошадей. Я удержалъ его. Монахъ погрозилъ мнѣ кулакомъ и грозно приказалъ распрягать повозку. Привыкнувъ не возмущаться подобными выходками, я, сохраняя полное хладнокровіе, подошелъ къ монаху.

— Ты жидъ, или резешъ? спросилъ онъ меня по молдавски.

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ я по русски.

— Да ты чиновникъ или дворянинъ?

— Для чего тебѣ знать мое званіе, а я только скажу, что мнѣ тащить повозку гораздо дальше, нежели твой экипажъ, и потому: вели выпрячь своихъ лошадей.

Монахъ вспыхнулъ.

— Ты, кажется, вздумалъ учить меня или не видишь, что я духовная особа.

— По костюму вижу, но по обращенію не признаю за монаха, который, надѣвая клобукъ, обрекаетъ себя на смиреніе.

— Да вы кто такой?

— Опять таки вамъ до этого нѣтъ дѣла.

— Какъ нѣтъ дѣла! это наши имѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ мой открытый листъ.

— Я не умѣю читать по руски.

— Очень жалѣю.

— Я не велю выпрягать своихъ лошадей.

— И я тоже.

— Да какъ вы смѣете?

— Грозный тонъ ни къ чему не поведетъ. Вамъ стоитъ отодвинуться нѣсколько сажень, и я могу проѣхать.

Монашескій кучеръ шепнулъ, однако же, своему барину, что я долженъ быть офицеръ, и тогда монахъ выскочилъ изъ экипажа, велѣлъ распрячь лошадей, и мы общими силами отодвинули его коляску, въ которой лежало много съѣстныхъ припасовъ. Когда повозка моя проѣхала мимо, и я раскланялся съ монахомъ,—послѣдній не отвѣчалъ даже на мой поклонъ, отвернулся и проворчалъ какое-то ругательство. Можно себѣ представить каковъ долженъ быть подобный господинъ въ управленіи имѣніемъ.»

Собственно же молдавское бѣлое духовенство и монахи тѣхъ монастырей, которыхъ удавалось мнѣ видѣть, обходятся съ народомъ хорошо и не могутъ похвалиться особеннымъ благосостояніемъ. Не знаю я монастырей, лежащихъ въ «Кодрахъ» (огромные лѣса въ центральной Бессарабіи), но на берегу Днѣстра не замѣтилъ никакой пышности. Священники же по большой части живутъ бѣдно, а церкви повсемѣстно въ незавидномъ положеніи. Вообще, это менѣе нежели скромныя зданія; иконостасы ветхи, утварь самая простая, такъ что развѣ въ Грузіи можно найти такіе убогіе храмы.

Разживаются въ молдавскихъ деревняхъ собственно поссесоры и евреи, какъ люди, эксплуатирующіе народъ всевозможными способами, и находящіе поддержку въ потворствѣ, которымъ обезпечиваютъ ихъ многія власти, смотрящія на свою обязанность съ практической точки зрѣнія. Арендаторы выжимаютъ, что называется, изъ царанъ сокъ вслѣдствіе произвольно присвоеннаго права, а евреи—пользуясь простодушіемъ добряковъ, всегда нуждающихся въ деньгахъ и постоянно опутываемыхъ стяжательными ростовщиками. При обзорѣ руснацкаго племени, я говорилъ уже объ одномъ тягостномъ обычаѣ для царанъ, т. е. о десятой долѣ всѣхъ продуктовъ, отдаваемой въ пользу владѣльцевъ, или «о дыжмѣ», какъ называютъ ее въ Бессарабіи. По моему, это верхъ злоупотребленія, и порядочнымъ помѣщикамъ слѣдовало-бы принять мѣры къ искорененію крайне недобросовѣстнаго побора, неблагороднаго по принципу, а еще болѣе по примѣненію. Мало того, что царанинъ обязанъ отдать десятую долю всѣхъ продуктовъ, но во первыхъ, эту долю выберетъ еще самъ владѣлецъ или его откупщикъ еврей, выбе-

ретъ какъ самъ знаетъ, и во вторыхъ, — пока не отобрана десятина, царанинъ не смѣетъ убирать хлѣбъ съ поля, какъ-бы ни нуждался или ни терялъ самое удобное время. Если еврей заплатилъ за дыжму порядочныя деньги впередъ, а урожай не отвѣчалъ ожиданіямъ и не приноситъ тѣхъ процентовъ, на какіе откупщикъ разсчитывалъ, послѣдній, конечно, не остается въ накладѣ и наверстаетъ свой ущербъ различными притѣсненіями, чему сплошь и рядомъ бываютъ примѣры. Царанинъ никогда не будетъ правъ, если бы правота его была яснѣе солнца, въ силу того же обычая, какой и у насъ, до 19 февраля 1861 года, не допускалъ крѣпостному быть правымъ въ спорѣ съ помѣщикомъ. Если бы дѣйствительно придирка со стороны владѣльца была вопіющая, и жалоба царанина, несмотря ни на какія натяжки, требовала неоспоримаго удовлетворенія, то хоть послѣдній и окажется правымъ относительно собственности, однако его накажутъ какъ ослушника и даже бунтовщика, служащаго вреднымъ примѣромъ для прочихъ. Разумѣется, при подобной обстановкѣ, царанинъ предпочитаетъ лишиться собственности, которая и переходитъ въ карманъ арендатора или его откупщика, вѣрнаго и связаннаго общими интересами сателлита. Еврей и арендаторъ живутъ по возможности дружелюбно, и если при удобномъ случаѣ и стараются надувать другъ друга, то пробуютъ только свои силы, и молча ведутъ оборонительную войну, принимая мѣры крайней осторожности. При обоюдныхъ потеряхъ, они все таки не остаются въ накладѣ, потому что небольшой ущербъ возмѣстятъ имъ бѣдные царане тѣмъ или другимъ способомъ.

Молдавскій напѣвъ не походитъ ни на какіе другіе напѣвы, слышанные мною; въ немъ нѣтъ поражающихъ ухо европейца азіатскихъ диссонансовъ, но неслышно и той гармоніи, какая господствуетъ во всѣхъ мелодіяхъ славянскаго міра. Содержаніе — я говорю о пѣсняхъ бессарабскихъ надъ Днѣстромъ — вертится на любви молодыхъ людей и не отличается поэтической законченностью, какъ напр. въ пѣсняхъ малорусскихъ. Само собою, я не настолько понимаю по молдавски, чтобы судить о красотахъ поэзіи, но мнѣ буквально переводили множество пѣсень, — и на этомъ-то основаніи я позволилъ себѣ сдѣлать подобное заключеніе. Можетъ быть, мнѣ не удавалось слышать интересныхъ пѣсень, потому что нельзя же полагать, что и на из-

вѣстной мѣстности я изслѣдовалъ весь запасъ народныхъ поэтическихъ произведеній, однако первой моей заботой, по пріѣздѣ въ деревню, было тщательно записать пѣсни, слышанныя какъ отъ взрослыхъ, такъ и отъ дѣтей, не пренебрегая ни шуточными, ни скандальными. Относительно голосовъ не замѣтилъ ничего особеннаго, и хоть не могу сказать, чтобы не приходилось слышать порядочнаго тенора или сопрано, однако все это были голоса, постоянно встрѣчаемые на югѣ. И вообще молдаване какой-то не пѣвучій народъ: ѣдешь-ли полемъ, гдѣ кипитъ работа, лѣсомъ, гдѣ раздаются топоры дровосѣковъ, рѣдко когда услышишь пѣсни, и только развѣ подгулявшій крестьянинъ мурлычетъ себѣ какую нибудь монотонную или разудалую мелодію, смотря по расположенію духа. А чтобы заставить запѣть извощика, съ которымъ ѣдешь на обывательскихъ, то это стоило всегда порядочныхъ усилій.

Везъ меня одинъ парень изъ Телицы проселочнымъ трактомъ на Кишиневъ. Онъ говорилъ немного по русски, такъ что, смѣшавши оба языка, мы хорошо понимали другъ друга. Открытое и веселое лицо его не выражало обычной тупости, съ какой предстаетъ молдаванинъ предъ тѣмъ, кого считаетъ выше себя, и я тотчасъ же началъ съ нимъ дружелюбно бесѣдовать. По его бойкимъ отвѣтамъ, иногда нелишеннымъ деревенскаго юмора, я заключилъ, что имѣлъ дѣло съ богатой натурой, изъ которой могъ извлечь порядочный запасъ интересныхъ свѣдѣній.

— Да ты изъ фрунташей (изъ богатыхъ), что ли? спросилъ я его.

— Гдѣ ужъ изъ фрунташей, я просто голякъ — и служу у хозяина. Почему вы думали, что я богатый?

— Потому что одежа у тебя такая порядочная.

— Чисто хожу, больше ничего; эта одежа праздничная, а въ будни надѣваю такую, что срамъ посмотрѣть.

— Ты такой молодецъ, что и въ дрянномъ кафтанѣ, я думаю, дѣвушки на тебя засматриваются?

Парень улыбнулся.

— Молодецъ то я молодецъ, да за душой нѣтъ никогда ни копѣйки, а нынѣ дѣвушки этого не любятъ.

— Ну, не скромничай.

— Посматривать то посматриваютъ, а толку мало. Вы думаете,

у насъ въ деревняхъ дѣвушки не разбираютъ сколько у кого въ карманѣ.

— А если влюбится....

— Говорятъ старики, это прежде бывало.

— А теперь?

— Теперь онѣ умнѣе стали, да и нашъ братъ думаетъ иначе.

— Однако, у тебя вѣрно есть подруга?

— Какъ не быть,—да мы другъ другу не пара.

— Отчего?

— И я служу и она служитъ — значитъ, немного у обоихъ.

— Однако вы же сошлись?

— Стало быть, сошлись.

— Такъ какъ же послѣ?

— А кто ее знаетъ! Мнѣ надобно искать хозяйскую дочку, а ей хозяйскаго сына.

— А любовь?

— Забудемъ.

Здѣсь парень отпустилъ нѣсколько крѣпкихъ фразъ лошадямъ.

— И ты говоришь своей милой, что на ней не женишься?

— Она сама знаетъ. Жениться бы можно пожалуй, да гдѣ жить то.

Парень замолчалъ, и мнѣ уже не хотѣлось возобновлять этого разговора.

— Ты бы спѣлъ мнѣ что нибудь отъ скуки?

— А вы должно быть охотникъ до пѣсень.

— А ты почему знаешь?

— Какъ не знать, у насъ объ этомъ говорили и въ деревнѣ.

— Однако, я у васъ немного поживился пѣсьнями.

— Да какъ то совѣстно пѣть,—ни съ того ни съ сего. Поешь, когда хочется, или когда нужно по обычаю, а такъ ни одна пѣсня не придетъ на память. И мы вѣдь поемъ по просту.

— Того то мнѣ и надо. Видишь ли, я хочу записать побольше молдавскихъ пѣсень. Спой пожалуста.

— А какую же спѣть вамъ?

— Какую знаешь.

Парень ударилъ по лошадямъ и затянулъ довольно однообразную мелодію.

— Я эту пѣсню слышалъ.

— Ну, спою молодецкую.

Дѣйствительно, вторая пѣсня оказалась уже черезъ-чуръ молодецкая, въ которой не только содержаніе, но и каждое слово было уже черезъ чуръ.

— Это вы поете между собою? спросилъ я.

— Какъ случится.

— Нѣтъ я хочу сказать, не поете при дѣвушкахъ?

— Почему не поемъ? развѣ наши дѣвушки дворянки, да и дворянка иной разъ отпускаетъ такія слова, что держись....

— А вѣдь это нехорошо.

— У насъ на это не смотрятъ.

— Я удивляюсь, какъ въ самомъ дѣлѣ сынъ при матери, отецъ при дочери ругаются непристойно.

— А что же кому дѣлается отъ этого.

— Какъ, что дѣлается? Да вѣдь стыдно-же.

— Эхъ, странные вы какіе! Да у насъ дѣти уже все знаютъ то, что и взрослые. Я самъ былъ не больше какъ по десятому году, а ругался какъ большой.... Да вы послушайте иногда какъ соберутся дѣти, что они толкуютъ промежь себя.... Просто насмѣешься....

Я не нашелся что возражать своему собесѣднику. Онъ простой своей фразой отвѣтилъ мнѣ разомъ все то, что много лѣтъ казалось мнѣ неяснымъ — о чемъ не приходилось мнѣ подумать серьезно. Деревенскія дѣти неизбѣжные свидѣтели всего, что происходитъ въ избѣ, въ своемъ семействѣ, конечно, необходимо съ малолѣтства основательно знаютъ все то, что тщательно и долго скрывается отъ дѣтей другихъ сословій, и удивительно ли послѣ этого, если увидишъ въ нихъ притупленнымъ чувство стыда или услышишъ разговоръ, несвойственный дѣтскому возрасту. Ребенокъ вообще пытливъ и любопытенъ, и много ли нужно ему времени постигнуть значеніе всего, что совершается вокругъ, а при немъ въ избѣ совершается все и рожденіе, и смерть, и другія событія жизни человѣческой. Пострадаетъ ли отъ этого нрав ственность—вопросъ другой,—потому что мы видимъ въ средѣ крестьянъ чрезвычайно нравственныя личности, не смотря на низкую степень развитія, не смотря иногда на множество условій, способныхъ испортить самую лучшую душу. Крестьянинъ-ребенокъ съ малолѣтства смотритъ на жизнь какъ она есть, не предлагаетъ наивныхъ вопросовъ въ родѣ того, гдѣ нашли братца или сестрицу — подъ кустикомъ или въ птичьемъ гнѣздѣ, и на-

зываетъ всегда ихъ собственными именами и, разумѣется, не покраснѣетъ при какомъ нибудь нескромномъ словѣ, отъ котораго вспыхнетъ благовоспитанный юноша, вдвое его старѣе. Но это еще не значитъ, что онъ деморализованъ, если его семейство сохраняетъ правила чести, хоть и съ своей точки зрѣнія. Мальчикъ или дѣвочка, какъ бы ни были они посвящены въ тайны жизни, какихъ бы ни произносили неприличныхъ словъ, не усвоятъ ни воровства, ни лжи, ни жестокости, если не будутъ видѣть въ семьѣ приложенія этихъ качествъ, а тѣмъ болѣе не сдѣлаются развратными, принимая это слово въ тѣсномъ и общеупотребительномъ его смыслѣ.

И какъ задашь себѣ вопросъ:—когда то нашъ простолюдинъ выдетъ изъ этого рабски-дѣтскаго состоянія, когда онъ внесетъ въ свой бытъ болѣе смягченные нравы и болѣе человѣчные обычаи, когда онъ проникнется сознаніемъ гражданскаго долга?—на душѣ становится грустно, и какъ бы, кажется, былъ человѣкъ доволенъ, если бы подобные вопросы не лѣзли въ голову.

Школъ въ Бессарабіи почти нѣтъ, да и врядъ ли онѣ могутъ быть при существующемъ порядкѣ вещей, при этомъ взглядѣ на крестьянина, какъ смотрятъ на него мѣстныя власти и помѣщики. Въ Одессѣ въ 1861 году была учреждена особая коммисія для пересмотра правилъ объ отношеніяхъ царанъ къ помѣщикамъ; но что сдѣлала эта коммисія—неизвѣстно, а любопытно было бы знать—облегчилась ли участь бессарабскаго крестьянина, и измѣнился ли нормальный контрактъ, который, по видимому, освобождалъ царанина отъ крѣпостной зависимости, а на дѣлѣ тяготѣлъ надъ нимъ хуже крѣпостнаго права. Передовымъ людямъ въ Бессарабіи слѣдуетъ поднять вопросъ о народномъ образованіи, которое одно только можетъ подвинуть впередъ наше общественное благо. Конечно, для этого мало одной доброй воли, необходимы также матеріальныя средства, но неужели область, которая могла назначить своему губернскому предводителю жалованья 10 000 руб., откажется пожертвовать необходимую сумму на устройство сельскихъ школъ, сдѣлавшихся насущной потребностью каждаго общества. Здѣсь, безъ сомнѣнія, неминуемо послѣдуетъ вопросъ: на какомъ же языкѣ учить въ бессарабскихъ школахъ? потому что у насъ административныя власти смотрятъ не весьма

пріязненно на какую бы то ни было національность и требуютъ знанія русскаго языка отъ мѣстныхъ жителей, къ какому бы ни принадлежали они племени. Но мнѣ кажется, въ молдавскихъ школахъ и рѣчи не должно быть объ этомъ: молдаванинъ слушаетъ слово Божіе на своемъ языкѣ, слѣдовательно и грамотѣ долженъ учиться на немъ же, — а русскій языкъ, не дѣлая обязательнымъ, можно вводить только для желающихъ. Мнѣ кажется, ошибочно дѣлаютъ и то, что въ Бессарабію назначаютъ чиновниковъ, незнающихъ по молдавски, потому что можно ли вѣрить въ добросовѣстность подобнаго господина, который заключенія свои по дѣламъ всякаго рода основываетъ лишь на мнѣніи сельскаго и волостнаго начальства. Въ такомъ случаѣ для чего же существуетъ подобный господинъ, и какую пользу приноситъ онъ и службѣ, и обществу? Жители Бессарабіи, за исключеніемъ Хотинскаго уѣзда, наполненнаго руснаками, нѣсколькихъ колоній, и семидесяти тысячъ русскихъ, разбросанныхъ по области,—состоятъ изъ молдаванъ, которые рѣшительно не знаютъ по русски, а потому вводить въ школахъ изученіе грамотности на русскомъ языкѣ—значитъ испортить дѣло при самомъ началѣ, не достигнувъ ровно никакой цѣли. У насъ такъ называемые полицейскіе патріоты, на мѣстностяхъ населенныхъ иноязычнымъ племенемъ, обыкновенно пропагандируютъ русскій языкъ нагайками и зуботычинами, но это дѣлается даже и не съ вѣдома губернскаго начальства, а потому, что заведено изстари такими же предшественниками-патріотами. Сужденія такихъ чиновниковъ объ этомъ порой бываютъ возмутительны, и конечно, послѣднихъ надобно вовсе устранить отъ какого бы то ни было участія не только въ устройствѣ школъ, но и отъ посредства между школами и народомъ, иначе они будутъ загонять туда крестьянскихъ дѣтей палками для показанія начальству своей дѣятельности. Каждый изъ русскихъ чиновниковъ умѣетъ отлично ругаться по молдавски, но этимъ и ограничивается знаніе большей части изъ нихъ мѣстнаго языка, развѣ уже который долго служитъ въ Бессарабіи. Я говорилъ со многими объ устройствѣ школъ, и мнѣ всегда отвѣчали самымъ наивнымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Вотъ захотѣли еще, сказалъ мнѣ одинъ плотный чиновникъ, составившій себѣ «отъ трудовъ» изрядный капиталецъ:

молдаване и такъ порядочные мошенники,—а тутъ еще дать имъ въ руки грамоту.

— Но къ этому стремятся благомыслящіе люди во всѣхъ губерніяхъ, замѣтилъ я.

— Только не у насъ въ Бессарабіи. Къ чему это? Посмотримъ еще, какъ скажется грамотность въ другихъ мѣстахъ. Вы не знаете Бессарабію. Здѣсь и то нѣтъ отбою отъ тяжбъ и жалобъ, а тогда хоть волкомъ вой.

— Сколько я замѣтилъ, однако же, жалобы царанъ происходятъ вслѣдствіе притѣсненія поссесоровъ.

— Въ томъ то и штука: царанинъ безграмотенъ, однако же соблюдаетъ свои интересы.

— А вы же, какъ хотѣли бы, чтобъ онъ былъ равнодушенъ и къ своимъ интересамъ.

— А тогда, по вашему мнѣнію, каково было бы помѣщику? позвольте спросить.

— Но я не думаю, чтобы правительство не желало полноправія, какъ той, такъ и другой стороны.

— Положимъ, законъ написанъ для всѣхъ одинаково; но вѣдь для чего же данъ и умъ человѣку, какъ не для того, чтобы пользоваться имъ въ запутанныхъ обстоятельствахъ. Разумѣется, порядочный человѣкъ не покроетъ убійства, не сдѣлаетъ явно изъ чернаго бѣлое... но, понимаете—нельзя же царанина поставить на одну доску съ дворяниномъ...

— Но мы удалились отъ предмета разговора; я все не понимаю, какъ можетъ быть вредна грамота.

— А, Боже мой, какъ вы судите въ столицѣ неправильно о народѣ! Да грамотный мужикъ первый мошенникъ, хоть бы и въ Россіи.

— То есть, тѣмъ мошенникъ, что знаетъ больше другаго свои права...

— А хоть бы и поэтому? Развѣ крестьянину, да еще господскому, слѣдуетъ знать разныя законоположенія? Попробуйте-ка просвѣтить ихъ, тогда не только окружной или земскій начальникъ, а съ ними и самъ губернаторъ ничего не подѣлаетъ.

— А мнѣ кажется, если требованія окружнаго, земскаго начальника и самого губернатора будутъ законны, крестьянинъ никогда не ослушается...

— Да позвольте же васъ спросить—развѣ всѣ требованія могутъ быть законны?

— По крайней мѣрѣ, должны быть.

— Вотъ и видно, что вы не служите. Нѣтъ, если начальникъ прикрикнетъ: я такъ хочу, да еще топнетъ ногою, такъ согнешься невольно, и послѣ самъ будешь гнуть другихъ въ дугу, по пословицѣ «своя рубашка ближе». У насъ уже проскакивали мнѣнія о школахъ, правду сказать, но мы стараемся обращать это въ шутку...

— Вѣть это грѣхъ.

— Помилуйте, еслибъ еще затѣвало начальство или помѣщики, а то среди самого мужичья, начали были пробиваться толки.

— И что же?

Чиновникъ засмѣялся.

— А что? Да развѣ мы какіе лютые звѣри: станемъ желать худа отечеству.

Я счелъ нужнымъ прекратить разговоръ съ подобной личностью, и впослѣдствіи не разъ еще выслушивалъ такія разсужденія. Зато въ каждой деревнѣ наводилъ я крестьянъ на мысль заводить школы и заботиться о дѣтяхъ, и надо сказать правду, немного встрѣтилъ сочувствія. Всѣ они сознаютъ пользу грамотности, однако боятся, во-первыхъ, новыхъ денежныхъ поборовъ, утраты, на нѣкоторое время, лишняго работника и подчиненія еще одной власти, потому что учителя не могутъ представить себѣ иначе, какъ въ образѣ чиновника. Я намѣкалъ, что дѣтей могутъ учить священники, старался пропагандировать мысль о заведеніи школъ, однако не нападалъ ни на одно селеніе, гдѣ крестьянинъ подумывалъ бы объ этомъ, какъ говорилъ мнѣ толстый чиновникъ.

Говоря вообще о характерѣ молдаванъ, я не могу согласиться съ нѣкоторыми, утверждающими, что это племя лѣниво и апатично. Я этого не замѣтилъ. Трудятся они безъ устали, потому что, какъ напримѣръ, царане, отягощенные господской работой, успѣваютъ же и въ полѣ, и въ виноградникахъ, и на табачныхъ плантаціяхъ; касательно же апатіи, то я уже сказалъ при началѣ, что въ народѣ этомъ замѣтны забитость и загнанность. Въ нихъ нѣтъ энергіи въ настоящее время, но это не

служитъ доказательствомъ, чтобы она была невозможна въ молдаванинѣ, при ближайшемъ и внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ условій администраціи.

Мнѣ остается сказать еще о многихъ обычаяхъ—о свадьбахъ, похоронахъ и т. п., но я это предоставляю себѣ подальше и разскажу гдѣ нибудь при случаѣ, описывая различныя селенія Бессарабіи.

Проѣзжая черезъ мѣстечко Атаки и проживая въ немъ, я замѣтилъ одно, что тамошніе молдаване, отъ безпрерывныхъ сношеній съ руснаками и евреями, которыхъ такое множество, какъ въ мѣстечкѣ, такъ и въ Могилевѣ,—отличаются немного отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ по глухимъ деревнямъ, и болѣе или менѣе говорятъ по русски. Это, впрочемъ, не послужило мнѣ въ особенную пользу, потому что болѣе тѣсное знакомство съ этимъ племенемъ сдѣлалъ я гораздо позже, именно когда въѣхалъ уже въ область винограда. Объ Атакахъ могу только сказать, что торговля въ нихъ довольно оживленная; на базарахъ, не смотря на близость Могилева, всегда много народу, и вообще по мѣстечку замѣтно движеніе. Почтовые пути здѣсь хоть и не важные, однако все таки перекрещивается дорога изъ Сорокъ въ Хотинъ съ дорогою изъ Брацлава на Новоселицу, т. е. за границу; при разлитіи Днѣстра, когда нѣтъ переправы, все же въ Атакахъ останавливается довольно проѣзжающихъ—и вслѣдствіе этого, есть нѣсколько порядочныхъ постоялыхъ дворовъ, разумѣется еврейскихъ, гдѣ невозможно постороннему умереть съ голоду.

Черезъ Атаки же проходитъ и вся контробанда, слѣдующая отъ Прута и изъ-за Днѣстра на Брацлавъ и другіе города Малороссіи и дальше. Собственно въ мѣстечкѣ, я не замѣтилъ особыхъ сношеній съ контробандистами, потому что здѣсь, во первыхъ нѣтъ купцовъ, занимающихся этой торговлей; во вторыхъ, черезъ рѣчку лежитъ Могилевъ, гдѣ идетъ разсортировка и дальнѣйшая отправка различныхъ товаровъ. Только и видишъ вечеромъ, какъ упакованныя фуры пробираются по улицѣ и поскорѣе спѣшатъ къ перевозу. Казалось бы, по видимому, здѣсь уже бояться не, чего, и меня всегда занимало, отчего это нѣкоторые обозы проявляютъ такую лихорадочную дѣятельность на правомъ берегу, и

стремятся за нѣсколько десятковъ саженъ на лѣвый, какъ будто бы за этой заповѣдной чертой должны окончиться всѣ безпокойства. Въ Атакахъ некогда мнѣ было разспрашивать, и я пошелъ въ Могилевъ за разъясненіемъ загадки. Тамъ у меня было много знакомыхъ въ разныхъ сословіяхъ—и я очень скоро удовлетворилъ своему любопытству. Этимъ трактомъ идетъ преимущественно чай, который довольно громоздокъ, и на самой границѣ требуетъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Иногда партія чая не успѣетъ проникнуть чрезъ Бессарабію, какъ лазутчики дадутъ знать мѣстнымъ властямъ, и поэтому чай преслѣдуется по всей области.

Вотъ почему въ Атакахъ, какъ пограничномъ съ Подольской губ. мѣстечкѣ, контробанда можетъ еще быть конфискована, и контробандисты спѣшатъ поскорѣе избавиться отъ преслѣдованія. Но надо сказать правду, случаи конфискаціи довольно рѣдки: за все время пребыванія въ Бессарабіи, я видѣлъ только одну поимку, описанную въ предъидущихъ главахъ, а контробанда провозится внутрь имперіи, въ большомъ количествѣ черезъ Прутъ и черезъ Днѣстръ во всякое время года.

По чудному нагорному берегу ѣздилъ я изъ Атакъ въ монастырь, лежащій верстахъ въ пяти внизъ по Днѣстру, съ цѣлью порыться въ архивѣ и получить какія нибудь интересныя свѣдѣнія о старинѣ края или, наконецъ, о заселеніи этой мѣстности.

Настоятель принялъ меня очень вѣжливо, предложилъ варенья съ водою, повелъ по саду; но любознательность моя не увѣнчалась успѣхомъ. Я узналъ только, что монастырь этотъ былъ прежде раскольничій; что старинныя книги всѣ сложены гдѣ то на хорахъ; что отецъ, завѣдующій ими, въ отлучкѣ и т. д., что впрочемъ, весьма естественно при подобнаго рода посѣщеніяхъ. Трудно сказать, чтобъ раскольничьи книги были здѣсь уже очень любопытны, потому что вся ихъ литература приходила и приходитъ сюда съ сѣвера; но кто знаетъ—въ кипахъ рукописей не найдутся ли какіе нибудь рѣдкіе экземпляры, могущіе бросить новый свѣтъ на обычаи той или другой секты. Конечно, нельзя винить настоятеля—за недопущеніе каждаго въ книгохранилище; здѣсь, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ приказаніе свыше; но все мнѣ было очень грустно знать, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежатъ сотни старинныхъ рукописей, и не имѣть воз-

можности взглянуть на нихъ и просмотрѣть хоть нѣсколько фоліантовъ. Пишу это собственно для указанія нашимъ ученымъ, занимающимся исторіею раскола,—можетъ быть, кто нибудь изъ нихъ посѣтитъ Бессарабію и, запасшись нужнымъ разрѣшеніемъ, будетъ имѣть возможность осмотрѣть памятники, скрываемые подъ спудомъ. Одинъ заграничный раскольникъ изъ Буковины, котораго встрѣтилъ я недалеко отъ Липканъ (пограничнаго мѣстечка надъ Прутомъ), разсказывалъ мнѣ, что по упраздненнымъ монастырямъ въ Бессарабіи много осталось книгъ, но что важнѣйшія были вывезены до катастрофы; однако, по словамъ его,—должны быть и теперь еще рѣдкія рукописи, за которыя раскольники готовы бы заплатить порядочныя деньги. При этомъ, почесывая по русскому обычаю голову, онъ прибавилъ:

— Ужъ лучше бы книжки наши сгорѣли, чѣмъ быть имъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

— Да вѣдь у васъ онѣ всѣ имѣются, замѣтилъ я ему; особенно за границей.

— Вѣстимо всѣ, а какъ подумаешь, сколько благочестивыхъ молилось по нимъ, жаль станетъ, что находятся въ плѣненіи вавилонскомъ.

Я разспрашивалъ настоятеля, заходятъ-ли въ монастырь старообрядцы, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что единовѣрцы бываютъ иногда, хоть очень рѣдко и то по старой памяти.

— Впрочемъ, замѣтилъ онъ, всѣхъ не узнаешь, мало-ли бываетъ въ церкви народу. Да и чего имъ приходить сюда? Книгъ мы имъ не только не дадимъ, но и не покажемъ.

Я повелъ было рѣчь о раскольникахъ, живущихъ недалеко, но настоятель отдѣлывался неопредѣленными и уклончивыми фразами, изъ которыхъ я заключилъ, что предметъ ему былъ неслишкомъ по сердцу. Я даже не могъ узнать о первоначальномъ построеніи монастыря и возвратился домой, не пріобрѣтя ровно никакихъ свѣдѣній, но получивъ приглашеніе пріѣхать когда нибудь къ обѣднѣ.

Монастырь на прекрасномъ мѣстѣ, зданія въ немъ порядочны, возлѣ келій чистота, садикъ воздѣланъ прекрасно, но рукописи, спрятанныя подъ спудомъ, не давали мнѣ покоя, такъ что я не могъ даже полюбоваться живописными видами.

Возвращался я въ Атаки на молдавской таратайкѣ; меня везъ

бойкій мальчикъ, ругавшійся какъ истый молдаванинъ—и, вѣрный обычаямъ своего племени, гнавшій лошадей во всю прыть, не обращая вниманія на утесы и овраги.

— Часто бываешь въ монастырѣ? спросилъ я его.

Онъ уставилъ на меня глаза. Я повторилъ вопросъ.

— А что я тамъ забылъ, отвѣчалъ онъ, выставляя бѣлые, широкіе зубы.

— Какъ? а помолиться Богу!

— Намъ и въ свою церковь рѣдко удается за работой, а туда идти далеко. Я ни разу не былъ.

— Да какъ же ты знаешь дорогу?

— Иногда возимъ.

— Значитъ, былъ же.

— Возлѣ ограды.

Это подало мнѣ поводъ разузнать ближе: часто-ли ходятъ мѣстные жители въ монастырь на богомолье, но оказалось, что не слишкомъ. Съ лѣвой стороны изъ Подольской губ. появляется довольно богомольцевъ, но молдаване посѣщаютъ свои приходскія церкви, а если ходятъ по монастырямъ, то отправляются въ «Кодры». Я это дѣлалъ собственно для узнанія— имѣетъ-ли монастырь какіе нибудь посторонніе доходы, потому что богомольцы всегда носятъ дань, слѣдуя изстари заведенному правилу—отдавать часто послѣдній грошъ за молебны или панихиды. Многіе заказываютъ поминовенія на долго и непремѣнно въ монастыряхъ, вѣроятно предпочитая послѣдніе приходскимъ церквамъ, на томъ основаніи, что монахи, по уставу обязанные вести строгую и суровую жизнь, и молиться должны усерднѣе. Эти богомольцы, которые часто ходятъ по монастырямъ, питаясь именемъ Христовымъ, дѣйствительно бѣдные; но и тѣ, собравъ скудный запасъ мѣдныхъ монетъ, считаютъ обязанностью бросать ихъ въ различныя кружки. Для нашего простолюдина, немыслимо идти молиться—и не заплатить денегъ; иначе ему кажется, что молитва его неугодна Богу. Давно признано и рѣшено, что простонародье наше нуждается въ грамотности,—противъ этого даже не смѣютъ, по крайней мѣрѣ открыто, спорить самые закоренѣлые чиновники и дантисты; о религіозномъ же не-

вѣжествѣ, кажется, если не ошибаюсь, еще у насъ не говорили а если и намекали, то обходя вопросъ далекими, окольными путями. По уставу церкви, требуется отъ каждаго прихожанина знаніе извѣстныхъ молитвъ, но ни въ одномъ уставѣ не показано способовъ, посредствомъ которыхъ простолюдинъ можетъ пріобрѣсть это знаніе. И вотъ, мать или отецъ учатъ дѣтей молиться со словъ, нерѣдко передаваемыхъ съ ошибками,— а то, что крестьянинъ заучилъ въ дѣтствѣ, такъ и остается на всю жизнь, хотя бы въ заученномъ не было никакого смысла. Отъ безграмотнаго и требовать нельзя, чтобы онъ со словъ выучилъ такую вещь, какъ напр. Символъ вѣры или извѣстный псаломъ «Помилуй мя Боже». Во первыхъ, молитвы составлены на языкѣ, недоступномъ большинству; во вторыхъ, значительная часть выраженій ему непонятна. Для религіознаго развитія народа необходимо употреблять живой языкъ и подобно тому, какъ переведено теперь евангеліе, перевести и все остальное. Съ распространеніемъ грамотности простолюдинъ хоть сколько нибудь ознакомится съ основаніемъ христіанства, потому что теперь весь безграмотный народъ, несмотря на свое усердіе къ Богу, отданъ однимъ только наружнымъ обрядамъ, незная самыхъ простыхъ евангельскихъ истинъ. Доказательствъ этому такъ много, что приводить ихъ будетъ излишнимъ. Посмотрите на человѣка, который не пропускаетъ ни одной обѣдни, бьетъ земные поклоны, постится по средамъ и пятницамъ, въ малѣйшій праздникъ ничего не работаетъ, а пропиваетъ заработокъ и въ домашней жизни ведетъ себя лютымъ звѣремъ. На допросѣ, одинъ убійца сознался, что зарѣзалъ 19 душъ, но когда спросили его — соблюдаетъ-ли онъ посты, онъ обидѣлся и сказалъ: «помилуйте! да развѣ же я не христіанинъ»? Мнѣ кажется, что обязанностью сельскихъ священниковъ было бы послѣ обѣдни говоритъ не проповѣди, наполненныя реторическими фигурами, недостигающія своей цѣли, а разъяснять народу простыя основанія религіи, которыхъ такъ не много и которыя были бы доступны неразвитому человѣку. Не лучше-ли было бы втолковывать народу, чтобы онъ любилъ ближняго, любилъ врага, творилъ добро ненавидящимъ, дѣлился достаткомъ съ неимущимъ. Безъ этого не будутъ дѣйствительными заученныя

со словъ молитвы на непонятномъ языкѣ и тщательное исполненіе всѣхъ наружныхъ обрядовъ.

Въ этомъ отношеніи и молдаване стоятъ на такойже низкой степени, какъ и наше простонародье; а если еще заглянуть поглубже въ бытъ деревенскаго населенія, вникнуть во взаимныя отношенія крестьянъ и большинства священниковъ, то не знаю, кто, положа руку на сердце, можетъ сказать, что въ дѣйствительности у насъ повсемѣстно исполняютъ завѣты Спасителя.

Изъ Атакъ я отправился по тракту на Сороки, въ област табачнаго производства.

ГЛАВА VIII.

Красота мѣстоположенія. Неисправность новороссійскаго календаря. Базаръ. Сцены. Евреи. Отношенія ихъ къ туземцамъ. Проводникъ. Аріанешты. Памятникъ Жолкѣвскому. Кременчукъ. Бесѣда у корчмы. Косоуцы. Лоцманъ. Порогъ. Встрѣча съ евреемъ.

Кто путешествуетъ по Днѣстру, начиная отъ верховьевъ до Лимана, тому нельзя не восхищаться красотою мѣстоположенія, а встрѣчая поминутно то великолѣпные, то дикіе и угрюмые пейзажи, чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ желанія передать читателямъ свои впечатлѣнія. И вотъ, сообщая и приводя въ порядокъ свои путевыя замѣтки, съ грустью видишь, какъ все это однообразно, и выпускаешь цѣлыя страницы, которыя могли бы быть интересны въ отдѣльной статьѣ, но отъ частаго повторенія которыхъ, на читателя легко можетъ напасть скука и онъ вправѣ заподозрить автора въ угощеніи одними общими мѣстами. Что касается лично меня, впродолженіе долговременнаго путешествія по днѣстровскимъ прибережьямъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ любовался живописными видами и незнаю почему они казались мнѣ всегда новыми и разнообразными, хотя вездѣ тотъ же лѣсъ, тѣже скалы, тѣже разбросанныя въ безпорядкѣ деревни. Не оттого ли красоты природы дѣйствовали такъ успокоительно на мою душу, что бытъ народа не представлялъ ничего отраднаго и что всматриваясь глубже въ жизнь добродушнаго племени, которое, населяя плодородную страну, терпитъ недостатки и нужду по своей общественной обстановкѣ,

идешь бывало въ окрестность забыться подъ ропотъ волны, подъ шумъ уединеннаго лѣса. Но читателю нѣтъ дѣла до личныхъ впечатлѣній путешественника; ему нужны не описанія природы, къ которымъ впрочемъ туристы часто прибѣгаютъ для наполненія страницъ, а подавай картины быта со всѣми подробностями, да и эти подробности укладывай такъ, чтобъ онѣ не лишены были занимательности. Не знаю многимъ ли изъ читателей приходитъ на мысль, во первыхъ какое разнообразіе представляютъ села и деревни, въ нашемъ отечествѣ а во вторыхъ и то обстоятельство—сколько иногда занимательныхъ вещей приходится опускать, когда дѣло коснется фактовъ, хоть и совершающихся, но не такъ какъ имъ слѣдовало бы совершаться. Есть конечно уловка для приданія разнообразія какому угодно путешествію,— это присочинить малую толику, но я никогда не прибѣгалъ къ подобнаго рода ресурсамъ и лучше считаю прослыть скучнымъ разскащикомъ, нежели описывать небывалыя вещи въ надеждѣ что никто не пойдетъ меня контролировать по глухимъ отдаленнымъ захолустьямъ.

Блуждая по Новороссійскому краю и Бессарабіи, я постоянно справлялся съ Новороссійскимъ календаремъ, въ которомъ постоянно каждый годъ помѣщаются свѣдѣнія о мѣстностяхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ въ древности. Конечно свѣдѣнія эти не отличаются полнотою, однако все же онѣ знакомятъ путешественниковъ съ исторіей края и даютъ возможность взглянуть своими глазами на какой-нибудь памятникъ старины, который легко можетъ быть пропущенъ при разъѣздахъ, тѣмъ болѣе что мѣстные жители не всегда сообщаютъ о существованіи вблизи, положимъ какого-нибудь камня, для нихъ совершенно неинтереснаго. Пробѣгая еще въ Атакахъ повременный календарь я увидѣлъ, что на половинѣ пути оттуда къ Сорокамъ, не вдалекѣ отъ большой дороги, стоитъ памятникъ Жолкѣвскому, погибшему подъ Цецорой въ сраженіи съ турками въ 1620 году.

Жолкѣвскаго я зналъ по исторіи, но никогда мнѣ не приходилось прежде слышать, что соотечественники поставили ему памятникъ, и потому хоть я и не слѣдовалъ на почтовыхъ, но рѣшился, кочуя по береговымъ селеніямъ, не пропустить случая взглянуть на уединенный монументъ въ полѣ, если бы мнѣ пришлось сдѣлать хорошую прогулку пѣшкомъ, такъ какъ у меня

было вдоволь свободнаго времени. Со мной было нѣсколько польскихъ сочиненій, относящихся и къ этой мѣстности, и этой эпохѣ, и я предположилъ на первомъ же ночлегѣ отъ Атакъ подготовить себя чтеніемъ для знакомства съ личностью гетмана и съ исторіею битвы, стоившей ему жизни на поляхъ Цецоры. Такимъ образомъ, имѣя хоть что нибудь въ виду на другой день и потомъ, разсчитывая посмотрѣть днѣстровскіе пороги и царство табаку въ окрестностяхъ города Сорокъ, я безъ сожалѣнія покинулъ Атаки, и отправивъ вещи свои на обывательскихъ въ с. Аріанешты за двѣнадцать верстъ,—самъ съ ружьемъ за плечами и съ маленькимъ проводникомъ, пустился по образу пѣшаго хожденія береговой дорогой надъ Днѣстромъ—обѣщая себѣ отличную прогулку и великолѣпный аппетитъ, который не могъ не явиться ко мнѣ послѣ такого моціону.

Было часовъ шесть утра, когда я вышелъ изъ своей квартиры и, по случаю базарнаго дня, принужденъ былъ съ трудомъ пробираться сквозь толпы поселянъ, загромоздившихъ дорогу по нижней улицѣ своими повозками. Вокругъ суетилось вдвое большее количество евреевъ мѣстныхъ и могилевскихъ, которые считаютъ обязанностью пересмотрѣть всѣ деревенскія произведенія, иному совершенно ненужныя, а такъ собственно, изъ любви къ искусству. Есть впрочемъ евреи, которые покупаютъ все, что подвертывается подъ руку, особенно неусвоившіе еще спеціальной торговли, но почувствовавшіе силы и возможность нажить копѣйку. Такой еврей обыкновенно, захвативъ съ собою весь свой наличный капиталъ, идетъ или ѣдетъ за нѣсколько верстъ на базаръ, безъ всякой опредѣленной цѣли, строя цѣлую дорогу воздушные замки. Отправляется онъ до разсвѣта, торопясь предупредить собратовъ, спекулянтовъ, разумѣется вовсеоружіи уловокъ и пріемовъ самаго хитраго надувательства. И зрѣніе и слухъ и обоняніе развиты у него въ высшей степени, такъ что онъ еще издали узнаетъ съ какимъ продуктомъ ѣдетъ крестьянинъ и между тѣмъ ловитъ вокругъ отдѣльныя фразы другихъ евреевъ, извлекая изъ послѣднихъ свою пользу. Нѣсколько спеціалистовъ не успѣютъ еще сдѣлать стачку относительно цѣны того или другаго предмета, а уже ловкій спекулянтъ юркнулъ въ какой-нибудь переулокъ, забѣжалъ впередъ, овладѣлъ извѣстнымъ продуктомъ и получаетъ барышъ со своихъ же собратовъ. Поку-

паетъ онъ положимъ кукурузу, но замѣтивъ, что къ базару подъѣзжаетъ возъ, на которомъ лежитъ нѣсколько паръ курей, онъ, не окончивъ спора, суетъ продавцу кукурузы какой-нибудь двугривенный въ задатокъ, а самъ въ три прыжка очутился возлѣ вновь пріѣзжей крестьянки и съ видомъ знатока щупаетъ куръ и входитъ въ переговоры. Въ это время, ругаясь страшнымъ образомъ, молдаванинъ проводитъ мимо упрямую корову, которая упираясь машетъ хвостомъ и головой, и уже два еврея заинтересованы ея покупкой. Спекулянтъ живо даетъ гривеникъ задатка владѣлицѣ куръ и вступаетъ въ конкуренцію, разсчитывая или пріобрѣсть корову, или сорвать со своихъ отступнаго, какъ дѣлывали въ прежнее блаженное время откупщики на торгахъ, разумѣется въ гораздо большемъ размѣрѣ. Честность крестьянъ служитъ ему гарантіей во-первыхъ въ цѣлости его задатка, а во-вторыхъ и въ томъ что ни кукуруза, ни куры не уйдутъ отъ его рукъ, потому что добродушный молдаванинъ или руснакъ, получившіе задатки, считаютъ безчестнымъ сдѣлку съ другими покупателями. Между тѣмъ, пока спекулянтъ выдѣлываетъ свои штуки, первоначальный жаръ коммерціи охладѣваетъ, евреи мигомъ накупили порядочное количество разныхъ продуктовъ. Тогда, зная очень хорошо топографію базара, спекулянтъ начинаетъ обходить возы, гдѣ онъ оставилъ задатки. Но вы думаете отъ плотитъ деньги, беретъ товаръ,—и дѣло съ концомъ? Нисколько. Онъ преспокойно начинаетъ торговаться и непремѣнно еще выжметъ нѣсколько копѣекъ. Напрасны представленія крестьянина, что они уже сошлись въ цѣнѣ, еврей ничего слышать нехочетъ, онъ преспокойно отговаривается тѣмъ, что не разслушалъ, поспѣшая къ другому возу. Продавецъ ругается, а между тѣмъ онъ упустилъ уже выгодныхъ покупателей, и такимъ образомъ спекулянту достается товаръ по выгодной цѣнѣ, за который онъ непремѣнно получитъ порядочные барыши. Хотя для меня и не были новы подобныя сцены, однако я любилъ толкаться по базарамъ, гдѣ легче всего изучаются нравы и обычаи. Меня всегда занимало и то еще обстоятельство, что по губерніямъ, въ которыхъ разрѣшено жить евреямъ и гдѣ разумѣется вся торговля находится въ рукахъ послѣднихъ, поселяне, имѣя столько случаевъ и столкновеній съ евреями, не учатся въ свою очередь разнымъ продѣлкамъ и сохраняютъ не-

возмутимую честность. И руснакъ и молдаванинъ очень хорошо знаютъ что ихъ обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ и обсчитываютъ. Положимъ имъ извѣстно, что кромѣ евреевъ нѣтъ покупателей на ихъ произведенія; положимъ бѣдняки остерегаются по возможности отъ плутней, а между тѣмъ не было еще или покрайней мѣрѣ не попадалось мнѣ случаевъ, гдѣ поселянинъ старался бы неисполнить самаго тягостнаго для себя условія, иногда вынужденнаго горькой необходимостью. При выходѣ изъ мѣстечка я натолкнулся на сцену, которая подкрѣпляетъ мысль только что высказанную. У крайняго дома, гдѣ мнѣ нужно было поворачивать на лѣво,—стояла повозка, запряженная тощей дрянной лошаденкой, на которой сидѣлъ бѣдно одѣтый крестьянинъ съ лѣваго берега и потупивъ глаза, помахивалъ кнутикомъ, лаконически отвѣчая высокому еврею, который облокотясь о повозку истощалъ передъ нимъ краснорѣчіе. Я сѣлъ тутъ же на камнѣ и закурилъ папироску.

— Тыжъ мнѣ виноватъ (долженъ)? спрашивалъ онъ.

— А виноватъ.

— И повиненъ отдать.

— А повиненъ: я не беру безъ отдачи.

— Ты сказалъ: умолочу пшеницы и привезу.

— Та я же такъ и сдѣлалъ.

— Нѣтъ, Омелько (Емельянъ), не такъ дѣлаютъ честные люди.

— Не знаю.

— А я знаю. Тебѣ нужны были гроши (деньги). Такъ?

— А уже жъ нужны.

— Ну ты пришолъ ко мнѣ?

— Пришолъ.

— И говоришь: Лейба, позычь мнѣ два кербеля! Такъ?

— Такъ.

— А я что говорю?

— Ну ты сказалъ, дай заставу (закладъ).

— Ага, помнишь. А что ты сказалъ на это?

— Что я сказалъ? Говорилъ: нѣтъ заставы.

— А! Ну!

— И больше ничего.

— Неправда, Омелько, Богъ покараетъ за неправду. Ты говорилъ: Лейба, поратуй спаси: меня тянутъ за подушное.

— И правда, меня тянули...

— Видишь! Ну я и говорю: не дамъ. А ты говоришь: я смолочу пшеницы и привезу.

— Что-жъ, сказалъ.

— А я пожалѣлъ тебя, зная твою нужду—и сторговался за пудъ...

— Тогда была такая цѣна.

— Ты опять за свое.

— Какой ты чудакъ, Лейба, подумай—какъ вздорожала пшеница...

— Мнѣ дѣла нѣтъ. Я тебѣ давалъ деньги.

— Я и отдамъ.

— Отдашь. А еслибъ я не вызволилъ, что было бы съ тобою...

— Отвяжись ты отъ меня...

— Ну теперь и отвяжись! Развѣ деньги полова? И развѣ такъ дѣлаютъ честные люди?

— Какъ?

— Да такъ. Обѣщалъ смолотить пшеницу и привезти.

— Я и привезъ.

— Да только не въ Могилевъ, а въ Атаки. Нѣтъ, знать Омелько, Богъ тебя накажетъ.

— Да ты подумай—почемъ мы сторговались и почемъ теперь..., я лучше дамъ тебѣ камату (процентъ)..

— А какую ты дашь камату? спросилъ еврей, и глаза его заблистали.

— Дамъ два злота...

— Бога ты небоишся—два злота, за три мѣсяца! Да знаешь ли ты, что я нажилъ бы уже рубль на рубль за это время. Видишь съ чѣмъ подъѣхалъ! Это у васъ такъ дѣлаютъ по христіански.

— Да развѣ же я отказываюсь отъ долга...

— А вспомни, какъ ты божился, а?..

— Омелько видимо смѣшался и перемѣнилъ тонъ...

— Эхъ Лейба, да вѣдь и тебѣ грѣхъ обижать меня.

— Я тебя не обижаю, а ты подай мнѣ мою пшеницу...

— Вѣдь я заработалъ бы себѣ на сапоги, а то видишь—переды каши просятъ.

И Омелько протянулъ ногу, которая дѣйствительно была обута въ какія-то обноски.

— Ну, слушай, я человѣкъ, не собака;—я тебѣ поставлю око доброй гарѣлки, мнѣ Шмуль по знакомству отпуститъ.

Омелько почесался въ затылкѣ.

— А тамъ и въ другой разъ придется до крута, продолжалъ еврей—куда же ударишся съ просьбой какъ не къ Лейбѣ...

— Оно такъ, да что дома скажутъ...

— А дома какое дѣло?.

— Нѣтъ соли ни крошки.

— Я тебѣ позычу чвертку (четверть пуда). Послушай Омелько, будь честнымъ человѣкомъ.

И вѣроятно замѣтивъ на лицѣ своего собесѣдника—готовность исполнить вынужденное обѣщаніе, Лейба схватилъ за узду лошаденку и уже поворачивалъ ее. Омелько слабо сопротивлялся. Въ это время подошли два еврея, издали наблюдавшіе эту сцену, но Лейба энергически закричалъ на нихъ и быстро повлекъ жертву свою къ переправѣ.

Занятый предшествовавшимъ разговоромъ, я и незамѣтилъ, что проводникъ мой отлучился и когда я всталъ съ камня, намѣреваясь отправиться въ путь, мальчуганъ мой бѣжалъ вдали по улицѣ, поминутно оглядываясь. Народъ не обращалъ на это вниманія, но скоро по слѣдамъ моего проводника показались два или три мальчика, съ ужасными криками, и близъ стоявшіе евреи начали тревожно осматриваться. Проводникъ добѣжалъ прямо ко мнѣ и остановился, едва переводя духъ. Не успѣлъ я спросить его о причинѣ отлучки, какъ явились еврейскіе мальчики, въ сопровожденіи нѣсколькихъ взрослыхъ своихъ единоплеменниковъ, изъ которыхъ у одного въ рукахъ была порядочная хворостина. Изъ бѣглаго разговора по молдавски я ничего не могъ понять и потому просилъ еврея, постарше, разъяснить мнѣ дѣло на языкахъ русскомъ или польскомъ. Оказалось, что проводникъ, пользуясь моимъ отдыхомъ, побѣжалъ недалеко купить себѣ какого-то лакомства и, какъ говоритъ онъ, нашелъ на дорогѣ, а по словамъ еврейскихъ мальчиковъ, отнялъ у одного изъ нихъ три копѣйки. Вслѣдствіе этого произошла ссора, окончившаяся дракою, изъ которой молдаванъ вышелъ побѣдителемъ, что подтверждалось разорваннымъ жилетомъ одного противника и плачевнымъ состояніемъ физіономіи другаго. Обѣ стороны доказывали свою невинность и, повидимому, на сторонѣ

евреевъ было больше справедливости, потому что, кромѣ двухъ побитыхъ и замѣшанныхъ въ дѣлѣ, явились еще три свидѣтеля. Между тѣмъ, молдаванъ крѣпко стоялъ на своемъ, что нашелъ три копѣйки и, твердо полагаясь на мою защиту, дразнилъ мѣдной монетой своихъ непріятелей.

— Чего же вы хотите? спросилъ я у еврея, вступившаго со мною въ переговоры.

— Хотимъ наказать разбойника.

— Во первыхъ, любезнѣйшій, проступокъ моего проводника не доказанъ, а во вторыхъ, если бы и дѣйствительно онъ отнялъ три копѣйки, то вы наказывать своимъ судомъ не имѣете права. У него есть родители. Но мнѣ некогда, не лучше ли кончить дѣло миролюбиво.

— За что же онъ прибилъ?..

— И меня били, бойко отвѣчалъ черноглазый мальчуганъ— видишь ихъ двое...

Желая поскорѣе покончить сцену, я предложилъ обиженнымъ по пятачку, но враги не помирились, и обѣщали, при случаѣ, перевѣдаться. Пустившись въ дорогу, я хотѣлъ вывѣдать у своего проводника чистую правду и при этомъ, разумѣется, почерпнуть что нибудь изъ дѣтскаго быта. Вообще, въ деревняхъ я у дѣтей пріобрѣталъ большую популярность, которая достается такъ легко ласковымъ словомъ и какимъ нибудь грошевымъ пряникомъ. Мой проводникъ забожился и перекрестился, что нашелъ три копѣйки, но когда онъ подымалъ монету съ земли, къ нему подбѣжали два еврейскихъ мальчика и начали оспаривать право на дѣлежъ добычи. Молдаванъ не соглашался, конкуренты приставали,—и онъ, чтобъ покончить, вступилъ съ ними въ драку. Случай этотъ заставилъ моего проводника, который бойко говорилъ по руснацки, передать мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ своей жизни, и я убѣдился, что еврейскія дѣти не только не ведутъ знакомства, или не вступаютъ въ игру съ дѣтьми туземцевъ, а напротивъ, стараются, при малѣйшей возможности, сдѣлать другъ другу пакость и нерѣдко выходятъ на побоище. Обыкновеннымъ поводомъ къ ссорѣ, какъ водится, служатъ бранныя слова, непріятныя каждому племени, и именно съ этой цѣлью изобрѣтаемыя, которыхъ, конечно, въ простонародьи, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей, многое множество.

Кромѣ этого, молдаване еще дразнятъ евреевъ особеннымъ способомъ, вѣроятно перенятымъ отъ русиновъ. Стоитъ только свернуть треугольникомъ полу платья и показать еврею, особенно между дѣтьми, какъ послѣдній выходитъ изъ себя, потому что подобный треугольникъ изображаетъ свиное ухо. Но молдаванскимъ дѣтямъ приходится иногда жутко; можетъ быть они и болѣе задирчивы и всегда зачинщиками въ ссорахъ, но дѣло въ томъ, что взрослые евреи вмѣшиваются постоянно. Довольно еврею по улицѣ закричать «гвалтъ!» равносильное нашему: «караулъ!» какъ въ нѣсколько минутъ соберется порядочная толпа единоплеменниковъ,—и поэтому и дѣти ихъ прибѣгаютъ къ подобному средству, если не могутъ одолѣть противниковъ. Хорошо, если молдаване успѣютъ скрыться во время, а то имъ частенько достается, что, впрочемъ, не мѣшаетъ шалунамъ, при первой же возможности, возобновлять нападеніе. Мой проводникъ однакоже, былъ, покрайней мѣрѣ, лѣтъ двѣнадцати, и когда онъ передавалъ мнѣ свои подвиги—идя по дорогѣ, я началъ стыдить его и доказывать, что въ его годы надобно бы подумать о какой нибудь работѣ, а не о дракѣ съ евреями, которые такіе же люди и проч.

— Нѣтъ не такіе, отозвался мальчуганъ, серьезно качая головою.

— Ты ошибаешся...

— Да развѣ же они вѣруютъ въ Христа.

— Конечно не вѣруютъ.

— Такъ чего же вы хотите. У нихъ и игрушки совсѣмъ другія, и какой есть самый маленькій, а уже умѣетъ мошенничать.

Очевидно, что мальчуганъ повторялъ слышанное отъ взрослыхъ, но мнѣ все-таки хотѣлось подѣйствовать на него примиряющимъ образомъ.

— Вѣдь если бы вы не затрогивали еврейскихъ дѣтей, сказалъ я, не насмѣхались надъ ними, они, вѣроятно, съ удовольствіемъ играли-бы съ вами.

— Какъ же! Они будутъ играть до тѣхъ поръ, пока вымангутъ у тебя послѣдній грошъ, если есть, а тамъ сейчасъ поды-

мутъ на смѣхъ. Вы думаете, что оба жиденка, которымъ вы дали денегъ, забудутъ мои три копѣйки. Они засядутъ гдѣ нибудь за камнемъ и будутъ ожидать пока ворочусь назадъ.

— Значитъ могутъ отнять.

— Чорта съ два! Я пріѣду завтра съ кѣмъ нибудь изъ Аріанештъ, а если не случится, то пройду горою мимо батареи.

Сколько мнѣ кажется, то все это стремленіе, очень, разумѣется, похвальное, къ сближенію туземцевъ съ евреями, весьма не скоро еще принесетъ благотворные результаты, потому, если образованные евреи и пойдутъ навстрѣчу къ тѣмъ образованнымъ людямъ, то масса, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, не имѣя даже понятія объ этомъ сближеніи, надолго останется на степени вѣковой неприязни, вошедшей въ плоть и кровь—и поддерживаемой житейскими выгодами. Отрѣшимся отъ всякихъ запасныхъ мыслей и безпристрастно взглянемъ на отношенія у насъ еврейскаго племени къ туземному въ простомъ классѣ народа, и мы увидимъ, что никакіе гуманные журналы, предпринимаемые съ цѣлью сближенія, недостигнутъ желаемаго результата. Нашъ крестьянинъ вообще, и молдованинъ напримѣръ въ особенности, безграмотенъ, а евреи, живущіе по деревнямъ мелкой торговлей и спекуляціями, не отстанутъ отъ своихъ привычекъ, дающихъ имъ возможность существовать съ семействомъ, какъ бы краснорѣчиво ни проповѣдывали передовые люди о честности, любви къ ближнему и проч. Стремленіе къ прогрессу, высказавшееся въ послѣднее время, безъ сомнѣнія принесетъ и принесло уже громадную пользу въ средѣ евреевъ, поддающихся общечеловѣческому образованію, и современемъ окажетъ еще больше благотворнаго вліянія. Можно даже утверждать, что и наши высшій и средній классы въ послѣдніе годы ослабили въ себѣ историческую антипатію къ евреямъ, при видѣ многихъ почтенныхъ личностей изъ этого племени. Но нашъ простолюдинъ, при своей неразвитости и при своемъ невѣжествѣ, а еврейскій—при своемъ фанатизмѣ и при особенно выработавшемся спекулятивномъ духѣ—нескоро увидятъ другъ въ другѣ «ближняго». Я не говорю объ украинцѣ, издавна питающемъ ненависть къ евреямъ, но посмотрите на молдаванъ, которые не имѣли историческихъ причинъ видѣть въ евреѣ исконнаго врага, и вы увидите какая бездна лежитъ между этими племенами, и легко убѣди-

тесь, что этимъ тысячамъ еврейскихъ семействъ, наполняющимъ городки и мѣстечки, не съ руки проповѣдуемый прогрессъ, когда надо выбирать между прокормленіемъ семействъ извѣстными продѣлками—и голодомъ. Я не слѣдилъ за всѣми статьями ученыхъ и образованныхъ евреевъ и незнаю ставили ль они этотъ вопросъ съ моей точки зрѣнія, но полагаю, что человѣку, знакомому напримѣръ хоть съ бытомъ Бессарабіи, не можетъ онъ представляться иначе. Мы выдѣлимъ изъ массы евреевъ личности, пріобрѣвшія какое-нибудь состояніе и позволимъ себѣ даже предположеніе, что личности эти, усвоивъ мысли образованныхъ единоплеменниковъ, пойдутъ отнынѣ другими путями къ расширенію своего матерьяльнаго благосостоянія. Но что будутъ дѣлать тѣ многочисленные евреи, которые богатые только большими семействами, гнѣздятся по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, должны пріобрѣтать столько, чтобы прокормить, одѣть и обуть дѣтей и уплачивать исправно подати. У такихъ евреевъ въ рукахъ или ремесло или мелочная торговля. Ремесленникъ въ какомъ-нибудь захолустьи, при всей добросовѣстности, заработаетъ очень не много, да и торговлей, ведя ее на честныхъ началахъ, пріобрѣтетъ не Богъ знаетъ что, и потому единственное пока для него средство—плутни и обманъ на счетъ темнаго туземнаго простонародья. Мнѣ кажется, единственный способъ къ сближенію племенъ и къ гуманизированію массы евреевъ заключается въ дозволеніи послѣднимъ селиться по всей имперіи. Племя это обладаетъ въ высшей степени торговыми способностями и умѣетъ пользоваться малѣйшимъ случаемъ наживать копѣйку. Почему же, если признается это племя вреднымъ для великорусскихъ губерній, ему дано право обитать на югѣ и западѣ? Если пребываніе евреевъ зло, то за чѣмъ же ему предоставлена одна только половина имперіи? Предположивъ присутствіе еврея вреднымъ—небудетъ ли справедливѣе раздѣлить этотъ вредъ поровну на всѣ области имперіи, и тогда со временемъ онъ уменьшится самъ по себѣ. А между тѣмъ съ дозволеніемъ евреямъ селиться гдѣ угодно, много пролетаріевъ вышли бы охотно на новыя мѣста, разнеся съ собою духъ предпріимчивости и промышленности и мало по малу, теряясь въ большинствѣ новыхъ элементовъ, усвоивали бы и другія начала, забывая многіе недостатки, свойственные конечно и прочимъ пле-

менамъ, но приписываемые обыкновенно еврейскому. Евреи отличные конкуренты, и тамъ гдѣ они появляются, товары тотчасъ же дѣлаются дешевы, въ силу того простаго правила, что малый процентъ, при болѣе частомъ оборотѣ капитала, даетъ значительнѣйшую выгоду, нежели огромные проценты, если капиталъ лежитъ мертвымъ и ожидаетъ большихъ барышей. Послѣднему способу слѣдуютъ наши торговцы въ провинціи, и потому дѣла ихъ никакъ немогутъ сравниться съ дѣлами еврейскаго купечества. Самый наглядный и безспорный фактъ у насъ передъ глазами. До 1830, кажется, года Кіевъ, по дешевизнѣ и удобствамъ стоялъ наравнѣ съ прочими губернскими городами западнаго края и даже превосходилъ ихъ, потому что въ немъ бываетъ громадный приливъ посторонняго народа, особенно лѣтомъ. Генералъ-губернаторъ графъ Левашовъ исходатайствовалъ повелѣніе изгнать евреевъ изъ Кіева, и чрезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ дороговизна сдѣлалась ощутительною, а черезъ двадцать, въ Кіевѣ жить было уже гораздо дороже, нежели въ Петербургѣ. Относительно лавочной торговли—я не нахожу разницы между нашими и евреями, и укорять послѣднихъ въ плутняхъ и мошенничествѣ было бы несправедливо, если тѣми же эпитетами не назвать и значительное большинство нашихъ лавочниковъ. А что касается провинціальныхъ ремесленниковъ, я всегда отдамъ преимущество евреямъ, которые всегда сдѣлаютъ все и лучше и дешевле. Съ ними только надо умѣть торговаться. Впрочемъ, я полагаю, каждому извѣстно, какъ и нашъ православный людъ запрашиваетъ и не только въ провинціи, но въ самой столицѣ, гдѣ за вещь стоющую гривенникъ, не задумавшись попросятъ у васъ рубль и, при вашей усиленной настойчивости, возьмутъ настоящую цѣну, истощивъ весь запасъ божбы и всевозможныхъ заклятій. Возвращаясь къ мысли сближенія этихъ двухъ племенъ, мнѣ кажется, на сколько я понимаю это дѣло, оно въ настоящемъ представляетъ чистѣйшую фантазію—пока не проникнетъ въ обѣ массы хоть какое нибудь просвѣщеніе и пока экономическіе интересы областей не примутъ другаго направленія.

Довольно прожить нѣсколько времени на мѣстностяхъ, обитаемыхъ евреями, довольно присмотрѣться къ настоящимъ отношеніяхъ послѣднихъ къ туземцамъ, чтобы видѣть всю глубину уто-

нія о возможности какой-то братской пріязни—между племенами, изстари враждебными другъ другу. Конечно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ необходимо и дѣйствовать энергически съ цѣлью принести пользу потомкамъ, вѣроятно не очень близкимъ, и каждый благомыслящій органъ и каждый честный литераторъ обязанъ проводить примиряющія идеи,—но на самыхъ гуманныхъ и дѣльныхъ статьяхъ основыватъ надежды на скорое искорененіе какъ дурныхъ качествъ, привитыхъ Богъ знаетъ съ которыхъ поръ, такъ и племенныхъ разсчетовъ, значитъ не знать ни того ни другаго народа. Заводите школы, просвѣщайте темныя массы, показывайте на дѣлѣ примѣры терпимости и гуманности, дѣйствуйте на грубую оболочку предрасудковъ проведеніемъ здоровыхъ понятій въ формѣ доступной простолюдину—и главное добейтесь, чтобъ онъ вѣрилъ въ искреность вашихъ стремленій, въ искреность желанія добра ему и его интересамъ: тогда внуки наши будутъ приближаться къ такому идеалу, и трудъ вашъ принесетъ пользу сторицею. Все прочее будетъ похоже на холостые выстрѣлы по воробьямъ. Мы изгнали слово жидъ изъ печати—это правда, но я не знаю всѣ ли мы перемѣнили и прежнее мнѣніе объ этомъ народѣ,—а простолюдинъ нашъ не сдѣлалъ ни того ни другаго. Да и на какомъ основаніи онъ это сдѣлаетъ: ни онъ, ни еврей, съ которымъ не прекращаются его сношенія, нисколько не измѣнились послѣ многихъ очень хорошихъ статей, по естественной причинѣ, что ни тотъ ни другой незнаютъ о существованіи этихъ статей, которыя «не при нихъ писаны». Передовые евреи пошли путемъ цивилизаціи и жалѣютъ только человѣка, несмотря на его религію. Но много ли такихъ евреевъ, а масса все смотритъ на христіанина съ фанатической точки зрѣнія и, не стѣсняясь ничѣмъ, пользуется простотой нашего крестьянина. Гдѣ же тутъ можетъ быть сближеніе! Низшаго сословія еврей, не смотря на грамотность, точно также необразованъ какъ и нашъ крестьянинъ, но онъ развитъ въ промышленномъ и въ торговомъ отношеніяхъ, и пріучаясь съ дѣтства зашибать копѣйку, впослѣдствіи всю жизнь только и преданъ этому занятію. Онъ и не читаетъ ничего кромѣ духовныхъ книгъ, которыхъ впрочемъ очень мало понимаетъ, потому что древне-еврейскій языкъ ему почти незнакомъ,—а по нѣмецки читаютъ только евреи образованные, состав-

ляющіе весьма небольшой процентъ въ массѣ своего племени. Моральная испорченность низшаго еврейскаго слоя представляетъ значительную степень крѣпости еще и съ другой стороны. Постоянно притѣсняемые многими мѣстными властями, евреи не только отвыкли уважать законъ, но научились обходить его разными лазейками, и въ особенности подкупами, что, какъ извѣстно, вошло въ обычай въ довольно широкихъ размѣрахъ. Каждый самый бѣдный еврей, проживающій беззаконно въ деревнѣ, долженъ платить извѣстный косвенный налогъ кому надлежитъ, и вслѣдствіе этого долженъ достать необходимую сумму какими бы то ни было путями. Еврей знаетъ, что не смотря на всю правоту своего дѣла онъ долженъ «задобрить» не одно лицо, и поэтому у нихъ существуетъ тѣсная связь между собою и постоянно поддерживаются сношенія со всѣми присутственными мѣстами чрезъ своихъ довѣренныхъ агентовъ. Еще не такъ давно у евреевъ существовала своя тайная почта, посредствомъ которой, словно по телеграфу, передавались извѣстія. Перебравши все это въ умѣ, разумѣется при близкомъ знакомствѣ съ бытомъ южныхъ и западныхъ губерній, невольно приходишь къ заключенію, что евреи, покрайней мѣрѣ большинство, нескоро сблизятся съ туземцами, потому что главнымъ препятствіемъ служатъ матеріяльныя выгоды, а это такой двигатель, который не скоро подается вліянію гуманности и цивилизаціи, разумѣется при настоящемъ порядкѣ вещей. Открытое, гласное судопроизводство, смерть откупной системы, уничтоженіе крѣпостнаго права со всѣми его воспоминаніями, и разумно проведенные и улучшенные пути сообщенія—дадутъ другой оборотъ дѣлу; но для достиженія этого оборота много еще нужно подготовки и относительно нашего простолюдина. Здѣсь такъ много комбинацій, вяжущихся одна за другую, что, кажется, двадцать, тридцать лѣтъ переходнаго времени необходимо для вступленія въ болѣе свѣтлую, отрадную эпоху. Теперешнія дѣти будутъ конечно воспитаны на другихъ началахъ, они, можетъ быть выработаютъ себѣ иныя начала и воззрѣнія, да и то многія изъ нихъ вынесутъ съ собою нѣкоторыя наслѣдственныя болѣзни своихъ отцовъ и наставниковъ. Сладкія маниловскія фантазіи о скоромъ перевоспитаніи народа сами собою разбиваются о дѣйствительность, тѣмъ болѣе что иные изъ этихъ перевоспитателей совершенно съ нимъ незна-

комы, другіе дѣлаютъ это не по призванію, третьи просто съ пушкомъ на рыльцѣ, суетятся по пословицѣ «куда вѣтеръ подуетъ». Остается небольшая часть свѣтлыхъ, добросовѣстныхъ людей, которые и дѣлаютъ свое дѣло въ тѣсной сферѣ, и эта-то почтенная дѣятельность принесетъ современемъ свои благотворные результаты. Надобно только стараться искоренять предразсудки, фанатизмъ и смягчать грубые нравы простолюдина живымъ словомъ и примѣрами проповѣдуемыхъ стремленій. Конечно народные журналы и газеты были бы однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для образованія массы, если бы нашлись люди, которые, сперва употребивъ нѣсколько лѣтъ на изученіе быта простолюдина, посвятили бы потомъ жизнь свою на добросовѣстное веденіе дѣла. Но для того чтобы здоровыя понятія нашли доступъ путемъ прессы въ темный народъ, наконецъ для того, чтобы этому темному народу привить потребность чтенія дешевыхъ и толковыхъ изданій, сколько нужно хлопотать объ устройствѣ школъ и объ окончательномъ разрѣшеніи вопроса чему и кому учить народъ и т. п.

Относительно евреевъ нельзя сказать, чтобы они были безграмотны, всѣ они учатся съ дѣтства; но какую пользу въ нравственномъ отношеніи приноситъ массѣ эта грамотность? Гдѣ у нихъ народная литература, гдѣ хоть попытка дѣйствовать на грубую скорлупу закоренѣлыхъ предразсудковъ,—путями доступными всѣмъ, языкомъ понятнымъ безъ толкованій. Издававшійся въ Одессѣ «Разсвѣтъ» подъ редакціей талантливаго и образованнаго О. Рабиновича—началъ было выполнять эту задачу, но прекратился, не вызвавъ сочувствія и кромѣ того, сколько мнѣ кажется, направленъ былъ не по тому пути, по какому слѣдовало. Почтеннѣйшій редакторъ—задалъ себѣ задачу показать единопленникамъ, что живя въ Россіи и пользуясь въ ней правомъ гражданства, они должны бросать ломаный нѣмецкій языкъ, вынесенный предками изъ Германіи, — и учиться по русски. Мысль дѣйствительно справедлива, потому что евреи всего міра, сохраняя древній языкъ лишь въ дѣлахъ религіи, говорятъ между собою обыкновенно на языкѣ страны, въ которой обитаютъ. Кромѣ этого г. Рабиновичъ постоянно стремился показать единовѣрцамъ вредъ многихъ предразсудковъ, укорененныхъ въ массѣ, и началъ дѣло съ любовью и знаніемъ. Но въ

изданіи газеты по русски и состояла главная ошибка почтеннаго редактора. Ему слѣдовало печатать «Разсвѣтъ» на томъ исковерканномъ нѣмецкомъ языкѣ, — которымъ у насъ повсемѣстно говорятъ евреи, потому что русскую грамоту знаютъ изъ нихъ немногіе и наконецъ не въ такой степени, чтобы понять статью, требующую извѣстной уже подготовки. Здоровыя понятія, приводимыя въ журналѣ, положимъ встрѣтили бы противодѣйствіе невѣжества, но все таки оказывали вліяніе и на польскаго еврея, и на бессарабскаго, почти не знающихъ русской грамотѣ. Прежде всего надобно бы дѣйствовать на учителей, чтобъ они учили дѣтей по русски, чтобы тамъ, на школьныхъ скамейкахъ, имъ внушаема была необходимость сближаться съ туземцами и гуманность.

Все это не разъ приходило мнѣ въ голову, когда подумаешь серьозно—о возможности сближенія нашего племени съ еврейскимъ. Давно ли еще, въ образованномъ кругу, изъ благороднаго собранія удаляли дѣвицъ за еврейское происхожденіе; давно ли еще печатно толковали о томъ, что евреямъ для какихъ-то религіозныхъ обрядовъ нужна христіанская кровь; давно ли слово жидъ не служило, да не служитъ ли и теперь самымъ ругательнымъ терминомъ? Это съ одной стороны. Возьмите же съ другой — фанатическую вражду массы къ гоямъ (христіанамъ), ловкія плутни мелкихъ промышленниковъ, притѣсненія малѣйшей власти,—встрѣчаемыя евреями на каждомъ шагу, отдѣльность евреевъ отъ интересовъ туземнаго племени, жажду пріобрѣтенія денегъ всевозможно нечистыми путями,—и вы увидите насколько возможна степень сближенія. Въ то время, когда передовые люди подняли этотъ вопросъ и появилось даже много статей съ заявленіемъ дѣлу сочувствія,—я не знаю сказалъ-ли хоть кто-нибудь нашему или еврейскому простолюдину—что они братья граждане одного государства и т. д., а если и сказалъ, то какими глазами посмотрѣлъ на того напр. малоруссъ, считающій еврея не человѣкомъ, или простой еврей, привыкшій смотрѣть враждебными глазами на иновѣрца. По моему, безплодны всѣ усилія перевоспитать народъ пока не измѣнятся основныя его начала, такъ точно какъ нельзя довести дикій плодъ до извѣстныхъ формы и вкуса пока не пересадятъ дерево на другую почву.

Но пора приниматься за дѣло. Я шелъ довольно скоро, а

проводникъ мой необращая вниманія, что намъ предстояло не менѣе десяти верстъ, отбѣгалъ, на право и на лѣво, разсмотрѣть что-нибудь возбуждавшее его любопытство. Двѣ сцены еще не вышли у меня изъ памяти.

— И вы часто деретесь съ евреями? спросилъ я.

— По нѣсколько разъ на день, отвѣчалъ онъ.

— И порядочно?

— Какъ случится: иной разъ мы отколотимъ, а бываетъ и намъ достается. Ну да наше чаще сверху.

— Чтожъ ты думаешь, это хорошо?

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

Я повторилъ.

— Да какъ же иначе: еврей идетъ, мы дразнимъ, изъ насъ кто нибудь идетъ, евреи дразнятъ: ну и затѣвается драка.

— А не подразнить нельзя?

— Обыкновенно нельзя.

— А ссорятся ли взрослые?

— Почему не ссорится! только у нихъ рѣдко бываетъ драка. Наши еще колотятъ, а евреи тотчасъ идутъ жаловаться и судятся за обиду.

Пройдя мимо живописный монастырь, о которомъ я упоминалъ уже въ предъидущей главѣ, мы углубились въ лѣсъ и скорѣе нежели я думалъ—подошли къ селенію Аріанештамъ, которое раскинуто по широкому берегу. Вещи мои давно уже прибыли и хозяйка усердно хлопотала объ обѣдѣ, получивъ извѣстіе, что я за все плачу деньги. Проводникъ мой, которому далъ я три лева (30 к.) не помнилъ себя отъ радости и признался, что въ жизнь свою не имѣлъ въ рукахъ подобной суммы. Онъ показывалъ всѣмъ и каждому три гривенника и къ большему удовольствію могъ воспользоваться случаемъ уѣхать домой съ обратнымъ подводникомъ. Я тотчасъ же принялся перечитывать польскіе источники о гетманѣ Жолкѣвскомъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ какъ нашихъ такъ и польскихъ, упоминается, что Жолкевскій погибъ подъ Цецорой, исключая Нѣмцевича, который въ Podróże Hystoryczne po ziemiach Polskich урочище это называетъ Цекора. Впрочемъ и этотъ авторъ въ своемъ Spiewie Hystorycznem въ думѣ о Сѣнявскомъ пишетъ:

Nad brzegiem Dniestra na *cecorskiem* błonin
Gdzie Żołkiewskiego spotkał los okrutny и т. д.

Во второмъ томѣ Starożytnej Polski на стр. 604—вотъ что говорится о Жолкѣвскомъ: «Въ храмѣ этомъ (въ мѣстечкѣ Жолквѣ) много прекрасныхъ мраморныхъ памятниковъ. Станиславъ Жолкѣвскій гетманъ и великій коронный канцлеръ — почтенъ былъ длинной надписью, въ которой находилось слѣдующее: «Quam dulce et decorum sit pro patria mori, ex me disce—Tibi hostis ad terrorem, tibi hospes ad exemplum». Приказавъ стереть эту древнюю надпись, король Янъ (Собѣскій) приказалъ положить слѣдующую, относившуюся къ нему какъ родственнику и мстителю Жолкѣвскаго: «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor.»

Значитъ Станиславъ Жолкѣвскій похороненъ въ помѣстьѣ своемъ Жолквѣ въ Галиціи.

Леонъ Рогальскій, въ сочиненіи своемъ Dzieje Iana III,—на стр. 3, говоритъ, что Станиславъ Жолкѣвскій погибъ подъ Цецорой. Но здѣсь встрѣчаются на стр. 6 любопытныя подробности: «Якову Собѣскому удалось наконецъ выкупить у Османа голову побѣдителя подъ Клушиномъ и Цецорой, которая долго висѣла на воротахъ сераля.»

Ю. Нѣмцевичь, путешествовавшій по краю въ 1811—1828 г. посѣтилъ Жолкву,—изъ описанія которой видно, какимъ этотъ гетманъ пользовался почетомъ у образованныхъ земляковъ. Изъ Львова ѣздилъ онъ въ Жолкву.

«Кто же, говоритъ онъ, имѣя возможность, не отправился бы воздать долгъ могилѣ Жолкѣвскаго, осмотрѣть жилище мужа, который не добиваясь власти, не мѣшаясь въ распри сильныхъ и усобицы, провелъ юность, зрѣлый возрастъ и посѣдѣлъ подъ шлемомъ. При жизни, служа цѣлью клеветы людей подлыхъ и завистливыхъ, онъ свою раздраженную несправедливостями, но пламенно преданную отечеству, душу отдалъ за отечество. При жизни славу его раздирали, также какъ имѣніе по смерти, даже останковъ его не щадила злоба и стерла съ гроба надписи, какъ будто его слава и жила только въ однѣхъ надписяхъ, а чрезъ два вѣка равнодушіе и невѣжество самый прахъ его смѣшали съ прахомъ прочихъ мертвецовъ. Такова судьба мужей

заслуженныхъ и знаменитыхъ! Ругаются надъ ними невѣжество и гнусная зависть, и душамъ чувствительнымъ, чтущимъ добродѣтель, слѣдуетъ защищать ихъ память отъ забвенія и отъ зависти злодѣевъ.» (Juliana Ursyna Niemcewicza Podróże Historyczne po Ziemiach Polskich str. 448).

«Предъ выходомъ изъ церкви,—продолжаетъ Нѣмцевичъ,—я палъ на колѣни на крышкѣ гроба Жолкѣвскаго, надъ прахомъ мужа, сложившаго голову за Бога, взывая къ небу о милосердіи надъ долго бѣдствующимъ народомъ. Вставъ съ колѣнъ я спросилъ костельнаго сторожа—въ какомъ положеніи останки Жолкѣвскаго?—Тяжело признаваться, отвѣчалъ старикъ: Ксензъ Братковскій, бывшій здѣшній пробощъ, приказавъ ихъ вынуть изъ оловянаго гроба, смѣшалъ съ костями другихъ покойниковъ и всѣ вмѣстѣ заколотилъ въ одномъ деревянномъ гробѣ; изъ олова же заказалъ вылить подсвѣчники, которые видите на алтаряхъ. «Что за безчувствіе, невѣжество, что за мертвенность души на всѣ великія воспоминанія.» (id. стр. 450).

Изъ приведенныхъ здѣсь ссылокъ видно, что прахъ Жолкѣвскаго покоится въ Галиціи. Не мѣсто здѣсь приводить біографію гетмана, но любопытно то, что кромѣ надгробнаго памятника на родинѣ, ему поставленъ монументъ на боевомъ полѣ, гдѣ онъ сложилъ голову.

Признаюсь откровенно, что когда я прочелъ въ разныхъ сочиненіяхъ подвиги Жолкѣвскаго, мнѣ чрезвычайно захотѣлось увидѣть поскорѣе пустынный памятникъ въ степяхъ бессарабскихъ, существующій почти два съ половиной вѣка, если его поставили вскорѣ послѣ смерти гетмана. По Одесскому календарю—онъ долженъ находиться на половинѣ пути между Сорокой и Атаками, — и я началъ собирать необходимыя свѣдѣнія, чтобы на другой день не пропустить этой замѣчательный вещи въ пустынѣ.

Отдохнувъ значительно отъ пѣшей прогулки и подкрѣпивъ силы незатѣйливымъ обѣдомъ, я вышелъ въ село съ цѣлью потолковать со стариками о предметѣ меня занимавшемъ. Одинъ изъ ямщиковъ земской почты хорошо говорившій по русски, взялся быть моимъ чичероне и переводчикомъ и повелъ меня прямо къ молдавану лѣтъ семидесяти, который сперва встревожился мо-

имъ посѣщеніемъ, — но потомъ сдѣлался разговорчивѣе. Представьте же мое удивленіе, когда онъ не только не зналъ, но и никогда неслыхалъ объ урочищѣ Цецорѣ, хотя перечелъ мнѣ всѣ деревни на разстояніи какихъ-нибудь двадцати верстъ въ окружности.

— Да начто вамъ эта Цецора! спросилъ онъ.

— Видишь ли, дѣдушка, тамъ стоитъ камень въ память одного сраженія.

— А! это могила поляка.

— Ну, да—вѣдь онъ на поляхъ Цецоры.

— Какой Цецоры! Это на поляхъ деревни Савки.

— Верстъ десять впередъ къ Сорокѣ.

— Совсемъ нѣтъ, назадъ, и только черезъ большую дорогу— верстахъ въ двухъ отсюда.

— Какъ? а у меня въ книгѣ писано на половинѣ пути между Сорокой и Атаками.

— Не знаю какъ у васъ въ книгахъ, можетъ быть тамъ такъ надобно, а могилу поляка знаетъ каждый мальчишка.

— Она видна съ дороги, отозвался мой ямщикъ.

— Я хочу посмотрѣть ее непремѣнно.

Велите запречь лошадь и поѣзжайте. Да тамъ ничего нѣтъ, только высокій каменный столбъ.

Черезъ полчаса я переходилъ большую дорогу ипо указанію проводника увидѣлъ каменый столбъ на небольшомъ курганѣ, можетъ быть въ полу-верстѣ разстоянія. Сомною былъ бинокль, при помощи котораго я могъ разсмотрѣть мѣстность на далекое разстояніе, но нигдѣ не видѣлъ присутствія окоповъ, шанцевъ, которые засвидѣтельствовали бы о минувшей битвѣ. Подхожу ближе. На курганѣ, подножіе котораго обросло терновикомъ, возвышается колонна около трехъ сажень вышиною. Памятникъ сложенъ изъ мѣстнаго камня. Это четыреугольный столбъ въ два квадратныхъ аршина. Нижняя часть, служащая пьедесталомъ, положена плотно, гладко, а верхняя, которая поуже, имѣетъ отъ стороны Днѣстра, родъ впадины, какія дѣлаются надъ каминами. Разсказываютъ, что въ ней вдѣлано было зеркало, для отраженія родины, и конечно это производило чудный эффектъ, особенно во время солнечныхъ дней, когда въ зеркалѣ обрисо-

вывалась синяя даль лѣваго берега. Сверху вѣроятно были какія нибудь украшенія, и все это разрушилось. На плитѣ можно еще прочесть: Oginski H. W. L. (Hetman wielki Litewski). Повыше замѣтны слѣды буквъ, испорченныхъ временемъ. Сѣверозападный уголъ отваливается по немногу. Вѣроятно пастухи изъ шалости выламываютъ камни, и если уничтожится столько, сколько уже уничтожено, то колонна рухнетъ. Говорили мнѣ впослѣдствіи, что лѣтъ, кажется, десять назадъ подаваема было просьба о возобновленіи памятника, но дозволенія не послѣдовало.

Удовлетворивъ любопытство осмотрѣть степной монументъ, я все-таки не узналъ, гдѣ же была Цецора, извѣстная по кровопролитному сраженію. Одинъ молдаванъ, въ Кишиневѣ, разсказывалъ мнѣ послѣ, что дальше къ Пруту есть деревенька подобнаго названія, но я уже не имѣлъ ни средствъ, ни время посѣтить эту мѣстность. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я провелъ съ недѣлю надъ Прутомъ, собственно съ цѣлью посмотрѣть контрабандистовъ, но мнѣ не попадалась тамъ Цецора, хотя, конечно, потому что я не искалъ ее, разсчитывая найдти надъ Днѣстромъ. Изслѣдователямъ украинской старины не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ предметъ, тѣмъ болѣе, что цецорская битва близко касается козаковъ.

Изъ Аріанештъ выѣхалъ я въ соленіе Косоуцы, лежащее у днѣстровскихъ пороговъ. Желаніе видѣть поскорѣе эту любопытную мѣстность было такъ велико, что я не останавливался уже въ береговыхъ деревняхъ, исключая Кременчукъ, заинтересовавшій меня какъ великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ, такъ и названіемъ. Слово, какъ видите, почти славянское и тождественно съ названіемъ города Полтавской губерніи. Положимъ, послѣдній называется Кременчугъ, но это офиціально, что, какъ я уже и прежде замѣчалъ, указываетъ только на обычное извращеніе приказнымъ людомъ народныхъ названій. Малорусъ и теперь говоритъ: Кремнчукъ и даже есть народная загадка: плыве щука зъ Кременчука, куды гляне, трава вьяне. Какъ водится, я ничего не могъ узнать о происхожденіи бессарабскаго Кременчука, и только догадывался, что селеніе это населено не коренными молдаванами. Настоящіе жители его или омолдаванившіеся украинцы, выходцы изъ за Днѣпра, или руснаки, утратившіе свою народность.

Самые Косоуцы (по руснацки Косовці) показываютъ, что мѣстность эта встарину населена была славянскимъ племенемъ.

Кременчукъ — большое село, раскинулось по равнинѣ, между рѣкой и отступившимъ отъ нее нагорнымъ берегомъ, и обставлено такими живописными скалами, и такъ артистически сгруппированными, что передъ ними невольно остановится и тотъ, кому это не въ диковину. Необыкновенно интересенъ одинъ отдѣльный утесъ съ огромными камнями, который придаетъ оригинальный характеръ всему ландшафту. Не смотря на желаніе поскорѣе видѣть пороги, я остался ночевать въ Кременчукѣ, разсчитывая обойти, во первыхъ, прибрежье, во вторыхъ темное ущелье, съ котораго можно было подняться на господствующую высоту, гдѣ мнѣ показались какія-то развалины. Былъ праздничный день и недалеко отъ моей квартиры, у корчмы, молдаване собрались на танцы. Съ того берега прибыло нѣсколько подолянъ, не вмѣшивавшихся въ бессарабскія увеселенія, но тутъ же присутствовавшихъ, распивая кременчукскую горѣлку. Обрадовавшись случаю поболтать по малорусски, я угостилъ ближайшую группу подолянъ, пригласивъ также своего хозяина, и у меня закипѣла оживленная бесѣда. Я, по обычаю, началъ разспрашивать о старинѣ, о которой, однакоже, у туземцевъ не оказалось почти никакихъ свѣдѣній. Отцы и дѣды разсказывали, что по правую сторону господствовалъ турокъ, а по лѣвую ляхъ—и только. А дальше, въ городѣ Сорокѣ, жила какая-то воинственная царица, обладавшая волшебною силою, которая, на своей золотой галерѣ, плавала даже въ Хотинъ, переправляясь вверхъ по теченію черезъ пороги. Понятно, что это та же самая таинственная личность, о которой разсказывали мнѣ за Хотиномъ, подъ именемъ Домны, но болѣе подробныхъ воспоминаній не сохранилось о ней въ народѣ. Очевидно, что золотая галера появилась, уже впослѣдствіи, въ воображеніи какого нибудь досужаго сказочника.

Видя нашу бесѣду и, вѣроятно, замѣтивъ, что бесѣда наша велась не на сухо, къ намъ подошли человѣка три молдаванъ, такъ что я велѣлъ еще подать водки. Одинъ изъ подолянъ отлично говорилъ по молдавски, два кременчугца недурно говорили по русски, и для меня ни одно слово не оставалось необъясненнымъ.

Припоминая недавнюю поѣздку свою на днѣпровскіе пороги, въ окрестностяхъ которыхъ жители, въ особенности старики, разсказываютъ разные эпизоды изъ жизни судоходовъ, замѣчательныя крушенія, подвиги извѣстныхъ лоцмановъ и т. п., я обратился и къ кременчугскимъ собесѣдникамъ съ просьбой познакомить меня предварительно съ днѣстровскими порогами.

Изъ всѣхъ разсказовъ я вывелъ заключеніе, что ямпольскіе пороги хотя и меньше днѣпровскихъ, однако все же должны быть грозны, чему, по моему мнѣнію, способствовали и скалистые берега и необыкновенная быстрота Днѣстра, который быстрѣе всѣхъ нашихъ судоходныхъ рѣкъ. Но, во всякомъ случаѣ, легенды окрестныхъ жителей были сухи, лишены поэзіи, и каждый разсказчикъ относился къ предмету съ совершеннымъ равнодушіемъ, безъ того даже, свойственнаго туземцу, хвастовства, съ которымъ онъ сообщаетъ пришельцу о какихъ нибудь особенностяхъ своей родины.

— А шумъ отъ пороговъ слышенъ далеко? спросилъ я.

— Какъ же, далеко, отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ: извѣстное дѣло—пороги.

— Года два тому назадъ разбилась одна галера, говорилъ старикъ молдаванинъ: я въ то время былъ на берегу и видѣлъ. Просто страхъ.

— И не погибъ никто?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ — галеру прибило къ камню и мы бросились спасать.

— Значитъ, не совсѣмъ разбилась?

— Проломился бокъ, она и сѣла на дно.

— Значитъ, неглубоко?

— Нѣтъ, по грудь будетъ.

Фактъ для меня довольно странный, потому что я видѣлъ крушенье судовъ на днѣпровскихъ порогахъ, гдѣ во время катастрофы мало шансовъ на спасеніе

— Что же лоцманъ? спросилъ я: зналъ ли онъ плохо проходъ, или случился вѣтеръ?

— А кто его знаетъ! Должно быть не управилъ и баста: вѣдь это порогъ!

Цѣлый часъ толковалъ я съ собесѣдниками, и мнѣ все представлялось, что они разсказывали слышанное, а не какъ само-

видцы, потому что на разспросы мои о подробностяхъ, которыя интересовали меня, какъ человѣка знакомаго съ плаваніемъ въ порогахъ, они или отдѣлывались общими мѣстами, или просто говорили вещи не идущія къ дѣлу. Я вскорѣ перемѣнилъ разговоръ и свелъ рѣчь на житье-бытье, служащую всегда обильной темой при встрѣчѣ съ нашимъ простолюдиномъ. Народъ, однакоже, былъ доволенъ хорошимъ урожаемъ папушоя (кукурузы) и обильнымъ сборомъ табаку и винограду, — такъ какъ эти три продукта составляютъ источникъ существованія и наслажденій для приднѣстровскаго жителя. Папушой кормитъ его, виноградъ опьяняетъ, а табакъ, употребленіе котораго на югѣ вошло въ повсемѣстный обычай, служитъ ему не только предметомъ удовольствія, но и предохраняетъ его отъ цынги, которая развивается въ бѣднѣйшемъ населеніи при плохой пищѣ и за отсутствіемъ огородныхъ овощей. Одинъ изъ поселянъ оказался чрезвычайно веселый малый и смѣшилъ меня, разсказывая съ особеннымъ юморомъ самыя неутѣшительныя вещи. Это было еще до 19 февраля 1861 года, когда въ западномъ краѣ дѣйствовала еще такъ называемая инвентарная система, которая de jure, хоть и была уже шагомъ впередъ къ освобожденію, однако de facto тяготѣла надъ крестьянами всѣмъ гнетомъ крѣпостнаго права. Юморъ сроденъ украинцу и не покидаетъ его въ самыя трагическія минуты, чему можно бы много привести примѣровъ. Молодой подолянинъ разсказывалъ какъ однажды экономъ сѣкъ его три раза на день, заставляя самого считать удары, и какъ ему удавалось каждый разъ ошибаться счетомъ въ свою пользу.

Между тѣмъ скрыпки гудѣли монотонную плясовую, и молдаванская молодежь исполняла свой народный танецъ, о которомъ я упоминалъ уже выше. Нѣсколько хорошенькихъ женскихъ личикъ мелькали въ кругу танцующихъ, и разодѣтые молодые парни показывали передъ ними свое удальство и искусство. Подальше дѣти обоихъ половъ составили свои танцы и надо было видѣть какъ дѣвочки и мальчики, которые недавно еще рѣзвились и дрались, — составляя кругъ, серьезно, въ тактъ подавались изъ одной стороны въ другую. Каждое неловкое движеніе неумѣющаго тотчасъ же исправлялось болѣе опытными танцорами или танцорками, и порой родители подавали совѣты,

вмѣшиваясь въ толпу подростковъ. Но я не знаю ничего скучнѣе и однообразнѣе молдавскихъ танцевъ. У всѣхъ прочихъ племенъ, танецъ представляетъ болѣе или менѣе оживленія, между тѣмъ какъ у молдаванъ это какіе то размѣренные шаги изъ одной стороны въ другую, съ соблюденіемъ извѣстнаго притопыванія въ тактъ,—развѣ уже какой нибудь лихачъ выкинетъ мудреное па, которое, однако же, какъ-то некстати въ серьезномъ и чинномъ кругѣ танцующихъ. Но вкусы бываютъ разные, и если люди находятъ удовольствіе топтаться и кружиться на одномъ мѣстѣ, то значитъ никто не имѣетъ права охуждать молдавскіе танцы, которымъ молодежь предается нѣсколько часовъ сряду.

Я не дождался окончанія деревенскихъ увеселеній и, сопутствуемый проводникомъ, пошелъ по окрестнымъ горамъ, гдѣ не нашелъ ничего любопытнаго, но откуда долго любовался окрестными видами, разстилавшимися предо мною на далекое пространство. Кременчукъ въ особенности хорошъ съ южныхъ скалъ и могъ бы послужить хорошимъ оригиналомъ для пейзажиста и если выбрать именно моментъ вечерняго освѣщенія—картина выйдетъ чрезвычайно интересная.

Помню, какъ долго я не могъ уснуть при мысли, что на другой день утромъ мнѣ предстояло очутиться у днѣстровскихъ пороговъ. Не знаю, многимъ ли понятно это чувство нетерпѣнія, но оно такъ законно въ человѣкѣ, посвятившемъ себя путешествію по краю, гдѣ селенія похожи одно на другое, что я не считаю стыдомъ признаваться въ этой маленькой слабости. Еще во мнѣ было живо впечатлѣніе, оставленное днѣпровскими порогами, и мнѣ очень хотѣлось еще разъ увидѣть что нибудь подобное. Я только жалѣлъ, что у меня не было подъ рукой описанія ямпольскихъ пороговъ, но, какъ оказывается, жалѣлъ напрасно, ибо и впослѣдствіи не нашелъ ни его, ни даже указанія на источникъ, гдѣ могъ бы почерпнуть эти свѣдѣнія. Во второмъ томѣ Staro'zytnej Polski на стр. 1348 упоминается о нихъ очень глухо. «Осматривалъ (пороги) нунцій Коммендони во времена Сигизмунда-Августа и, признавъ ихъ малозначущими для судоходства, совѣтовалъ заключить торговый трактатъ съ Венеціей. Королю и сенату это понравилось, но посланные для осмотра рѣки комми-

сары нашли плаваніе через пороги невозможнымъ, и дѣло осталось безъ результата, при одномъ желаніи.» На зарѣ выѣхалъ я изъ Кременчука и довольно еще рано подъѣзжалъ къ Косоуцамъ. Черезъ Днѣстръ видѣнъ городишко Ямполь, Подольской губерніи, но посѣщеніе его я отложилъ надальше, такъ какъ мнѣ хотѣлось сперва познакомиться съ порожистой мѣстностью. Однимъ словомъ, я готовилъ себѣ нѣсколько дней наслажденія— и потому съ особеннымъ любопытствомъ ожидалъ увидѣть хороша ли квартира, чтобы прожить нестѣсняясь. Изба, куда привезъ меня возница, оказалась великолѣпная, съ большимъ столомъ, увѣшанная коврами, съ чистыми стеклами въ окнахъ и съ отличнымъ видомъ на береговыя горы. Давно уже у меня не было такой уютной избы, при одномъ взглядѣ на которую я уже былъ расположенъ писать и чувствовалъ присутствіе вдохновенія. Разложивъ свои вещи и книги, какъ я раскладывалъ ихъ, если намѣревался гдѣ пробыть довольно долго, я тотчасъ же позаботился отыскать какъ нибудь лоцмана, который проводилъ бы меня хоть къ первому порогу и, разумѣется, сообщилъ нѣсколько свѣдѣній. Хотѣлось мнѣ и чаю и позавтракать, и я готовъ былъ отказаться отъ того и другаго чтобъ только поскорѣе удовлетворить свое любопытство, но, услыхавъ какъ въ сѣняхъ слуга мой усердно раздувалъ самоваръ, я рѣшился подождать чаю тѣмъ болѣе, что много еще было впереди времени. Между тѣмъ хозяинъ привелъ мнѣ лоцмана, высокаго молдавана, который робко вошелъ въ избу и, поклонившись, неподвижно остановился у прилавка. Первымъ дѣломъ моимъ было освѣдомиться говоритъ ли онъ по русски. Лоцманъ посмотрѣлъ на меня какъ то недовѣрчиво и немного замялся, но когда я, замѣтивъ его нерѣшительность, поспѣшилъ объяснить, что я не чиновникъ и ничего не могу отъ него требовать, онъ заговорилъ бойко по руснацки и спросилъ чего мнѣ надобно. Поднесенная чарка водки и приглашенье садиться успокоили окончательно лоцмана, и я, вкратцѣ объяснивъ ему цѣль своей поѣздки—обратился съ просьбой съѣздить со мной на пороги.

— Отчего же, можно, сказалъ онъ; это наше дѣло, мы постоянно проводимъ плоты и галеры.

— Ты уже, любезный, пожалуйста побудь сегодня со мною,

я тебя поблагодарю. Вотъ мы напьемся чаю, и пойдемъ на рѣку, а можетъ быть далеко, такъ возьмемъ повозку.

— Хотите поѣдемъ въ каюкѣ.

— Нѣтъ, я сегодня хочу лучше осмотрѣть съ берега, а завтра отправимся водою.

— Здѣсь очень близко.

Пока приготовили чай, я принялся разспрашивать лоцмана о разныхъ преданіяхъ и легендахъ относительно пороговъ, разсчитывая не упустить и самомалѣйшихъ свѣдѣній. По народному повѣрью пороги существуютъ съ-поконъ-вѣку. Происхожденіе ихъ приписываютъ какому-то волшебнику, который жилъ въ приднѣстровскихъ скеляхъ (скалахъ). Царица, жившая въ верховьяхъ Днѣстра, воевала съ царемъ, котораго царство простиралось въ низовьяхъ до лимана. У царя было больше войска и огромныя галеры, съ которыми онъ пошелъ, чтобы окончательно покорить противницу. Узнавъ объ этомъ, царица обратилась къ сѣдому волшебнику, который жилъ въ ея владѣніяхъ. Волшебникъ этотъ полгода спалъ, полгода бодрствовалъ. Когда царица подошла къ его пещерѣ, онъ храпѣлъ богатырски. А нравъ у него былъ такой, что приди кто хочешь его попроси, если не спитъ, рѣдко откажетъ; если же разбудить —съѣстъ непремѣнно, а кого не съѣстъ, то какъ нибудь акалѣчитъ. Царица это знала, однако рѣшилась разбудить, потому что непріятель приближался и грозилъ не оставить камня на камнѣ въ ея городѣ. Она приказала одному воину разбудить спящаго, тотъ растолкалъ волшебника, но поплатился жизнью. Тогда явилась царица и просила чародѣя избавить ее отъ нашествія непріятеля. Волшебникъ умилостивился и обѣщалъ пособить горю. Въ то время вражеское войско плыло на галерахъ и миновало уже Сороку. Когда флотилія поравнялась съ однимъ переднимъ утесомъ, чародѣй пихнулъ этотъ утесъ и потопилъ вражеское войско. Съ тѣхъ поръ поперегъ Днѣстра лежатъ пороги. Легенду эту передавалъ мнѣ одинъ судорабочій уже впослѣдствіи, въ м. Маякахъ, который въ дѣтствѣ слышалъ ее отъ стариковъ; но жители Косоуцъ, сколько я ни разспрашивалъ, не могли сообщить мнѣ никакого преданія.

— Не можетъ же быть, сказалъ я лоцману, чтобы отцы ваши не слыхали чего нибудь отъ дѣдовъ или прадѣдовъ.

— Отцы разсказывали, что встарину пороги были больше, а кто ихъ дѣлалъ—не знаемъ. Видно такъ уже они и были сначала свѣта. Недавно, должно быть, какой-то землемѣръ сымалъ ихъ на планъ и говорилъ, что надобно ихъ взорвать порохомъ.

— Ну, а вы же, лоцманы, какъ объ этомъ думаете?

— Да что мы думаемъ? Значитъ, нашему брату будетъ плохо. Теперь все таки есть кое какой заработокъ, а прочистятъ проходъ, тогда каждый спустится по теченію. А то мы слышали, что хотятъ прокопать обходную канаву.

Для меня все это было ново, и хоть я часто посѣщалъ Одессу, однако ничего не слышалъ относительно улучшенія днѣстровскаго судоходства. Были какіе то проэкты въ черноморской пароходной коммисіи, даже ѣздилъ одинъ морякъ дѣлать промѣры, но какіе отъ этого результаты—неизвѣстно. Путейское же вѣдомство не занималось расчисткой пороговъ, полагая ли невозможнымъ это обстоятельство для сообщенія, или не желая убить безполезно милліоновъ, какъ это сдѣлано на днѣпровскихъ порогахъ.

Разговорившійся лоцманъ выразилъ желаніе, чтобы дѣло оставалось на прежнемъ порядкѣ, по двумъ причинамъ—первая, что суда не подвергаются вообще большой опасности, а вторая, что сословіе лоцмановъ не лишится выгодъ. Считая меня, однакоже, заинтересованнымъ въ дѣлѣ и предполагая во мнѣ инженера или подрядчика, онъ старался наводить на ту мысль, что Днѣстръ и теперь въ верховьяхъ мелокъ, а если порвать пороги, то онъ можетъ обмелѣть окончательно, такъ что сдѣлается невозможнымъ для судоходства.

Напившись наскоро чаю, я собрался въ дорогу и, сопутствуемый лоцманомъ, вышелъ къ Днѣстру, который между Косоуцами и Ямполемъ довольно узокъ, но быстръ и течетъ въ плоскихъ берегахъ. Въ разныхъ мѣстахъ стояли неуклюжія лодки, въ родѣ корытъ, свойственныя одной этой рѣкѣ, и какихъ, конечно, нигдѣ болѣе вы не встрѣтите. По обычаю въ нихъ лежатъ и лопатки, замѣняющія весла.

— Неужели и вы, лоцмана, ѣздите на такихъ челнахъ? спросилъ я у своего спутника.

— А какихъ же еще надобно? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— И въ порогахъ?

— И въ порогахъ.

Мнѣ показалось страннымъ, что въ страшной быстротѣ между камнями можно безопасно плавать въ четыреугольномъ плоскодонномъ корытѣ. Мнѣ казалось, что въ самой ничтожной днѣпровской заборѣ не проѣхалъ бы въ этакой лодкѣ. Это меня сильно заинтересовало.

— Съ этакимъ каюкомъ управляться трудно?

— Еще какъ ловко, а ужъ не боишься опрокинуться.

— Ты видѣлъ какую нибудь другую рѣку?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— И въ Одессѣ не былъ?

— Дальше Бендеръ не ходилъ.

— Значитъ, не знаешь постройки легкихъ челноковъ.

— Наши дѣды и отцы ѣздили на такихъ — зачѣмъ же намъ вводить новые порядки.

Подобный отвѣтъ нисколько не удивилъ меня, потому что, сколько людей и въ высшихъ сословіяхъ боятся каждаго нововведенія и считаютъ его вреднымъ, на основаніи того, что наши дѣды и отцы такъ не дѣлали. На Днѣстрѣ же дѣйствительно все сохраняетъ патріархальные обычаи, особенно судоходство, пріемы котораго остались безъ всякаго сомнѣнія въ наслѣдство отъ даковъ. Не понимаю я только одного—какимъ образомъ генуэзцы, имѣвшіе по Днѣстру торговыя конторы въ Аккерманѣ, Бендерахъ, Сорокѣ и Хотинѣ—не улучшили допотопныхъ галеръ, или, наконецъ, не выучили прибрежныхъ жителей строить небольшія удобныя лодки.

Миновавъ на противоположномъ берегу послѣднія строенія Ямполя, мы вышли въ подобіе долины, образуемой порядочнымъ отдаленіемъ праваго гористаго берега, который уходилъ покатою возвышенностью, изрѣзанною впрочемъ разнообразными оврагами.

Вскорѣ до слуха моего дошелъ шумъ волнъ, разбивающихся о камни, и я прибавилъ шагу отъ нетерпѣнія увидѣть Ямпольскіе пороги. Днѣстръ въ этомъ мѣстѣ узокъ, но я не замѣтилъ, чтобъ его быстрота была значительнѣе обыкновенной. Впереди показалась ничтожной гряда черезъ рѣку, и я остановилъ на ней вниманіе, считая ее заборой, какъ называются на Днѣпрѣ подобныя гряды,—и спѣшилъ дальше.

— Куда же вы? спросилъ лоцманъ.

— Поскорѣе къ порогамъ...

— Да развѣ вы не видите—мы у самого порога...

Я остановился въ изумленіи. Неужели же это тѣ подводныя скалы, служащія непреоборимымъ препятствіемъ для судоходства И да не подумаетъ читатель, что я съ какой нибудь цѣлью или такъ, ради эффекта, отношусь къ ямпольскимъ порогамъ съ такимъ презрѣніемъ: гряда эта до того незначительна, что ее просто можно незамѣтить. Представте себѣ рядъ камней, лежащихъ поперекъ Днѣстра, которые едва видны, и то не вездѣ, и вы будете имѣть понятіе о пресловутомъ порогѣ, имѣющемъ много-много какой нибудь футъ паденія. Самый несчастный изъ днѣпровскихъ пороговъ, сурскій, показался бы просто грозою передъ ямпольскимъ, и я убѣжденъ, что каждый днѣпровскій лоцманъ не рѣшился бы назвать послѣдняго порогомъ. Положимъ, судохозяева смиряются передъ этимъ ничтожнымъ препятствіемъ, мѣстные лоцмана находятъ выгоду, туземцы преувеличиваютъ опасность плаванія въ своихъ разсказахъ... Но за чѣмъ же смотрятъ люди, понимающіе дѣло? Подобный порогъ положительно не можетъ служить препятствіемъ къ судоходству, во-первыхъ потому, что онъ единственный; во-вторыхъ до того жалокъ, что его весьма легко уничтожить; въ-третьихъ на уничтоженіе его потребуется очень немного расходовъ. Существованіе этого порога въ видѣ непреодолимой преграды для плаванія, доказываетъ только, что Днѣстръ не былъ еще изслѣдованъ основательно, и что печальная рутина сопровождала всѣ изслѣдованія разными специалистами. Покрайней мѣрѣ, я не могу понять иначе упорно поддерживаемаго мнѣнія о непредолимыхъ препятствіяхъ. Отчего же на Днѣпрѣ, гдѣ пороги разбросаны на 70 верстъ разстоянія, изъ которыхъ, какъ напр. Ненасытецъ имѣетъ 16 фут. паденія, при такой большой ширинѣ рѣки,—отчего же

тамъ десятки лѣтъ уже какъ хлопочутъ о возможности судоходства. Кто читалъ мои Очерки Днѣпра, тотъ, конечно, знаетъ, что днѣпровскіе пороги неулучшены, но покрайней мѣрѣ видитъ— какія громадныя суммы пошли на это улучшеніе. Значитъ, обращено же было вниманіе приложить къ дѣлу науку. Почему же Днѣстръ не заслуживаетъ ничьей заботы! Если на Днѣпрѣ рвали гранитныя скалы—на протяженіи версты длины и 15 сажень ширины, то на Днѣстрѣ и Богъ велѣлъ, потому что на это стоитъ употребить лишь нѣсколько пудовъ пороху. Безполезность днѣпровскихъ пороговыхъ сооруженій происходитъ не оттого, что каналы выстроены дурно, но во-первыхъ потому, что строители не хотѣли послушать опытныхъ лоцмановъ, совѣтовавшихъ очистить старинный фарватеръ, а во-вторыхъ еще и потому, что каналы сооружены на тихой водѣ. Здѣсь у Ямполя, на этомъ жалкомъ порожкѣ, лежащемъ въ ширину на нѣсколько сажень, ничего нѣтъ легче сдѣлать искусственный фарватеръ — и сдѣлать какъ можно скорѣе въ видахъ развитія торговли, хотя бы собственно и для сплава. О взводномъ судоходствѣ, мнѣ кажется, мечты напрасны, не потому, что это невозможно, а принимая во вниманіе отсутствіе предметовъ, которые моглибъ отправляться въ Австрію. Пассажирное пароходство, конечно, разовьется со временемъ, но здѣсь главное улучшить сплавное судуходство—и sine qua non похлопотать о сухопутныхъ средствахъ сообщенія. Къ Днѣстру необходимы двѣ, три линіи хоть узенькаго шоссе, по которому едва разъѣдутся двѣ повозки и все таки оно подвинетъ какъ торговлю и промышленность, такъ и производительность края. Посмотрите въ Австріи въ пограничныхъ селахъ— вездѣ отличныя дороги, а государство это не можетъ похвалиться хорошимъ состояніемъ своихъ финансовъ. Мы тоже не отстаемъ отъ Европы, и порой по видимому стараемся перещеголять ее: то строимъ шоссе, то хлопочемъ о его ширинѣ, красотѣ, воздвигаемъ не станціи, а палаты и порой ведемъ параллельно съ нимъ желѣзныя дороги. Если бы вообще къ судоходнымъ рѣкамъ —я говорю о южныхъ—примыкали полоски шоссированныхъ дорогъ въ двѣ сажени шириною, безъ образцовыхъ мостовъ, безъ этихъ украшеній, выдѣлываемыхъ у каждой версты изъ камней, безъ этихъ красивыхъ садиковъ, разводимыхъ у большихъ станцій, хлѣбъ нашъ—одинъ изъ главныхъ предметовъ отпуска—зна-

чительно дешевле продавался бы въ портовыхъ городахъ, и мы все еще могли бы соперничать съ земледѣльческими областями другихъ государствъ. Между тѣмъ у насъ ни изъ балтійскихъ, ни изъ черноморскихъ портовъ хлѣбъ не можетъ продаваться дешево, потому что доставка сухимъ путемъ какъ въ самые порты, такъ и къ пристанямъ судоходныхъ рѣкъ, обходится какъ нигдѣ въ мірѣ. Возвращаясь къ Днѣстру, можно сказать утвердительно, что прикасайся онъ къ обезпеченнымъ сухопутнымъ сообщеніямъ, плаваніе по немъ улучшилось бы само собою, и эти жалкія допотопныя галеры исчезли бы сами собою, уступивъ мѣсто судамъ, болѣе удобнымъ для траспортированія грузовъ.

Испытавъ полнѣйшее разочарованіе относительно ямпольскихъ пороговъ, я присѣлъ на камнѣ отдохнуть и попросилъ лоцмана послѣдовать моему примѣру.

— Мнѣ кажется, сказалъ я ему, что черезъ этотъ порогъ и я провелъ бы галеру.

— Не мудрено, если ходили около этого дѣла!

— Да въ чемъ же здѣсь трудность?

— Неровенъ часъ—натолкнетесь на камни, а то пожалуй и по выходѣ изъ порога ударитесь вонъ о ту скалу пониже.

Я началъ разсказывать своему собесѣднику объ опасностяхъ плаванія по днѣпровскимъ порогамъ и о положеніи тамошнихъ лоцмановъ, которые провожаютъ судно черезъ девять пороговъ и кромѣ того проходятъ четыре заборы, да множество отдѣльныхъ каменьевъ, торчащихъ по фарватеру.

Повѣрилъ ли молдаванъ или не повѣрилъ моему описанію, только усмѣхнулся и замѣтилъ:

— Хотѣлъ бы я видѣть этихъ лоцмановъ какъ бы они справились съ нашимъ порогомъ.

Затронутое самолюбіе вообще, а тѣмъ болѣе въ подобномъ случаѣ, неподатливо, а потому я пересталъ говорить о сравненіи дѣйствительныхъ пороговъ съ порогомъ, незаслуживающимъ этого названія; я просилъ его разсказать какіе нибудь эпизоды. Но разспросы мои не увѣнчались успѣхомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть особеннаго въ плаваніи на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, тамъ, гдѣ во время половодія

мелко сидящія суда спускаются безпрепятственно и гдѣ только въ межень нужно знать фарватеръ. Днѣстръ, вообще быстрый, въ порогѣ едва замѣтно увеличиваетъ быстроту свою, по причинѣ самаго незначительнаго паденія, и потому мнѣ кажется, что галерамъ не менѣе предстоитъ опасностей въ мѣстахъ, гдѣ эта рѣка дѣлаетъ крутыя извилины, прибрежья которыхъ нерѣдко усѣяны каменьями.

Вообще видъ ямпольскаго порога не представляетъ ничего живописнаго и только пониже отвѣсныя скалы и на нихъ группы деревьевъ представляютъ красивый ландшафтъ, которые впрочемъ по Днѣстру на каждомъ шагу встрѣчаетъ путешественникъ.

Я однако же не поддался первому грустному впечатлѣнію и съ упорствомъ продолжалъ жить въ Косоуцахъ, отправляясь ежедневно къ порогу присутствовать при спускѣ галеръ и плотовъ; но въ этомъ плаваніи не видѣлъ рѣшительно ничего интереснаго. Судно идетъ по обычаю, только лоцманъ командуетъ, да рабочіе покрикиваютъ громче другъ на дружку. Проходъ въ порогѣ не узокъ и, подойдя къ нему, галера въ нѣсколько секундъ уже на вольной водѣ, гдѣ еще употребляютъ усилія— отвесть ее отъ угрожающей скалы на берегу, куда стремится нѣсколько усиленное теченіе—и вотъ вся исторія.

Конечно, я жилъ тамъ недолго; можетъ быть и встрѣчаются катастрофы; покрайней мѣрѣ я, изучивъ плаваніе по днѣпровскимъ порогамъ, не понималъ какимъ образомъ у порога ямпольскаго можетъ произойти крушеніе. И я полагаю, если бы только было обращено серьезное вниманіе на это препятствіе, оно давно не существовало бы. Какой то господинъ, желавшій поступить на службу въ Русское общество пароходства и торговли, написалъ проэктъ объ уничтоженіи порога и приложилъ планъ для предполагаемыхъ работъ; но брошюра эта напечатана была съ цѣлью показать лишь обществу предварительное знакомство съ Днѣстромъ; въ сущности же не выдерживаетъ критики. Предлагали прорыть обводный каналъ, что на этой мѣстности равносильно перемѣнѣ фарватера въ Днѣстрѣ, а это не бездѣлица. Притомъ же каналъ пришлось бы выкопать въ кряжѣ подводныхъ скалъ, идущихъ отсюда чрезъ Бугъ, Днѣпръ до

самой рѣчки Берды въ Таврической губерніи, между тѣмъ какъ дѣло очень просто—прочистить рѣку посредствомъ пороховыхъ взрывовъ, какъ мы уже говорили. Если бы этому способу послѣдовали и на днѣпровскихъ порогахъ, то и тамъ судоходство было бы радикально улучшено и не истратили бы безъ пользы столько мильоновъ.

Присутствіе мое въ Косоуцахъ, какъ человѣка, ежедневно отправлявшагося къ порогу, не могло не возбудить толковъ, особенно между близъ живущими евреями, которые въ каждомъ пріѣзжемъ, а тѣмъ болѣе изъ Петербурга, что встрѣтить тамъ очень рѣдко — видять лицо, снабженное разными полномочіями. Человѣка два или три изъ нихъ являлись ко мнѣ въ Косоуцы съ просьбами, а одинъ съ формальнымъ доносомъ на мѣстныя власти; но какъ жалобщикамъ, такъ и доносчикамъ, я объявилъ положительно, что занятія мои совершенно другаго рода и что я не имѣю никакого права вмѣшиваться во что бы то ни было.

Отправясь однажды подъ вечеръ къ порогу одинъ—посидѣть съ сигарой на прибрежныхъ камняхъ и оттуда обойти окрестность съ цѣлью отыскать мѣсто гдѣ стоялъ обозомъ Тимофей Хмѣльницкій, я набрелъ на какіе-то окопы—почти на половинѣ пути между Косоуцами и Сорокой. По всѣмъ соображеніямъ, какъ я убѣдился впослѣдствіи, это и было искомое мѣсто,— потому что Хмѣльницкій нигдѣ не могъ удобнѣе стоять укрѣпленнымъ лагеремъ. Не успѣлъ я расположиться на валу, какъ по тропинкѣ взобрался туда же красивый, среднихъ лѣтъ еврей—и почтительно со мною раскланялся. Онъ говорилъ по русски довольно неправильно, частью съ польскимъ акцентомъ, частью съ оригинальной разстановкой словъ, но бойко и для меня понятно. Разумѣется, онъ титуловалъ меня какъ лицо, по его мнѣнію занимавше важное мѣсто въ служебной іерархіи, и не только не хотѣлъ сѣсть со мною рядомъ, а даже не рѣшался надѣть шапку, несмотря на всѣ мои просьбы. Еврей никогда не начнетъ разговоръ прямо о дѣлѣ, и потому прошло четверть часа въ различныхъ общихъ мѣстахъ. Наконецъ я дождался.

— Вы присланы изъ Петербурга? спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— По водяной комуникаціи?

— Почему такъ думаешь?

— Вы каждый день ходите къ порогамъ, разговариваете съ лоцманами...

Я понялъ, что новому знакомцу моему извѣстны всѣ малѣйшія подробности моего быта.

— И все-таки я не состою въ вѣдомствѣ путей сообщенія, сказалъ я.

— Видите-ли, мы въ толкъ не возьмемъ, зачѣмъ собственно вы пріѣхали.

— Если бы ты давно спросилъ меня, я тотчасъ бы удовлетворилъ твое любопытство. Пріѣхалъ я посмотрѣть какъ живетъ народъ, какъ на Днѣпрѣ ловятъ рыбу, какія по немъ плаваютъ суда....

— А на счетъ евреевъ? спросилъ мой собесѣдникъ, плутовски подмигивая правымъ глазомъ.

— Въ числѣ береговыхъ жителей наблюдаю и евреевъ.

— Такъ.

И еврей замялся, очевидно желая предложить какой нибудь щекотливый вопросъ.

— У насъ, я вамъ скажу, нѣтъ никакой контрабанды, сказалъ онъ вдругъ, смотря мнѣ прямо въ лицо,—потому что здѣсь граница очень далеко. Въ Аккерманѣ и Бендерахъ еще бываютъ случаи, а нашъ городокъ въ сторонѣ. Мы больше промышляемъ хлѣбомъ, табакомъ...

Я невольно засмѣялся.

— Скажи пожалуйста, отчего тебѣ вздумалось говорить со мной о контрабандѣ? спросилъ я.

— Видите-ли, на насъ, евреевъ, всегда падаетъ подозрѣніе, что мы ведемъ запрещенную торговлю.

— Потому что дѣйствительно евреи съ успѣхомъ занимаются контрабандой въ Липканахъ, Хотинѣ, Бричанахъ, Сокирянахъ...

— Можетъ быть, только не у насъ.

— Наконецъ, если бы и у васъ, какое же мнѣ дѣло до этого....

— Помилуйте! Вамъ могутъ наговорить Богъ знаетъ чего. Знаете, что я вамъ скажу: какъ я вижу, что вы лицо важное..

— Не знаю, почему ты предполагаешь во мнѣ важное лицо, но увѣряю тебя честнымъ словомъ, что не имѣю никакого по-

ученія преслѣдовать контрабанду и, наконецъ, скажу болѣе: я совсѣмъ не состою на службѣ.

— Не состоите на службѣ! Да что же васъ привело въ нашу сторону?

— Я уже сказалъ, что осматриваю берега Днѣстра.

— Здѣсь недавно осматривалъ одинъ полковникъ, такъ онъ плылъ въ лодкѣ и ни до чего не касался. Ему только начальство давало записки, сколько, примѣромъ, въ уѣздѣ хлѣба, сколько отправляется судовъ...

— А я никогда не прошу у начальства никакихъ записокъ.

— Вы, т. е., сами хотите знать, но только увѣряю васъ, что у насъ нѣтъ контрабанды. Грѣхъ будетъ сказать, чтобъ иногда не проскочилъ какой нибудь фунтикъ чаю.... Но никто здѣсь не занимается этой торговлей.

— Увѣряю тебя, что если бы и весь городъ занимался, то мнѣ рѣшительно нѣтъ никакой надобности.

— А съ порогомъ что вы думаете дѣлать?

— Я думалъ бы разчистить его порохомъ.

— Мы слышали,—не знаю только навѣрно, будто хотятъ обойти каналомъ.

— По моему, очень трудно.

— Позвольте вамъ доложить: порогъ взорвать недолго, и тутъ подрядчику не будетъ никакой выгоды. А копать каналъ— все-таки бѣдный человѣкъ что нибудь заработаетъ.

— Грунтъ вѣдь каменный.

— Оттого и работа трудная, дешево взяться нельзя. И если вамъ поручено осмотрѣть порогъ, то мы просили бы васъ доложить дѣло такъ, что каналъ для казны выгоднѣе. Вѣдь это въ вашихъ рукахъ, прибавилъ онъ, съ многозначительной улыбкой.

— Значитъ, ты не прочь отъ подряда?

— Поторговаться можно. А вы повѣрьте, что наши знаютъ свою должность, сказалъ еврей, помахивая фуражкой.

— То есть, какую должность?

— Стало быть, вы только выведите планъ, чтобъ каналъ вышелъ подлиннѣе, а подрядчикъ не постоитъ...

— Значитъ, человѣкъ бывалый...

— На свѣтѣ всего бываетъ. А вы, я вамъ скажу, не вѣрьте

лоцманамъ: они говорятъ, что порогу дѣлать ничего ненадобно. Имъ, конечно, интересъ, значитъ, имѣютъ заработокъ.

Какъ ни старался я вывести еврея изъ заблужденія, относительно своей командировки, онъ настаивалъ на своемъ и готовъ былъ предложить мнѣ предварительную взятку, чтобъ только расположить меня въ свою пользу.

— Чтобъ кончить этотъ разговоръ, сказалъ я ему, то я долженъ замѣтить, что очень хорошо понимаю, къ чему клонятся твои намеки. Но я не въ претензіи: вы привыкли дѣйствовать такимъ образомъ—по пословицѣ «горбатаго могила исправитъ». Говорю тебѣ въ послѣдній разъ, какъ честный человѣкъ, что я не имѣю никакого порученія, ни на счетъ изслѣдованія контрабанды, ни относительно разчистки пороговъ. На мои описанія ни министерство финансовъ, ни вѣдомство путей сообщенія, можетъ быть, не обратятъ никакого вниманія, потому что я посланъ морскимъ министерствомъ и труды свои посылаю въ Морской Сборникъ.

— Да ваше слово много значитъ.

— Ты крайне ошибаешься: мое слово ничего не значитъ. А вотъ, если ты будешь такъ добръ и сообщишь мнѣ свѣдѣнія о торговлѣ лѣсомъ, хлѣбомъ или табакомъ, поразскажешь — какъ это все здѣсь дѣлается, я буду тебѣ очень благодаренъ.

— А на планѣ же вы какъ покажете: выгоднѣе-ли рвать порогъ или рыть каналъ?

— Плана я никогда дѣлать не буду, потому что не умѣю, а о разчисткѣ порога скажу, что удобнѣе всего прочистить камни порохомъ.

Еврей посмотрѣлъ на меня не очень привѣтливо.

— Въ такомъ случаѣ извините, что я васъ побезпокоилъ.

— Ничего, любезный.

— Вы и въ Сороку пріѣдете?

— Я думаю завтра же переѣду.

— Ну, прощайте. Я шелъ по дѣлу въ Ямполь, да завернулъ поговорить.

— Спасибо.

Еврей торопливо спустился съ окоповъ и потомъ я нигдѣ не видѣлъ его на тропинкѣ, ни надъ Днѣстромъ, ни по косогору.

Между тѣмъ, начало вечерѣть и весь западъ облился яркимъ багрянцемъ. Ввечеру весь Днѣстръ словно одѣлся въ роскошную золотистую матерію. Спускаясь съ горы, къ нему подходили стада, наполняя окрестность довольно дикими голосами.

ГЛАВА IX.

Городъ Сорока. Постоялые дворы. Торговля. Население. Табачный промыселъ. Нѣсколько замѣтокъ о табачной торговлѣ поперечная улица. Прiѣздъ Раввино и его проводы. Встрѣча съ знакомымъ. Пещера. Жабканскiй монастырь. Мѣстечко Рашковъ. Рыболовство. Мѣстечко Резани. Поѣздковъ Резешамъ. Быть ихъ. Знакомства.

Городъ Сорока, извѣстный въ древности подъ именемъ Ольхiонiи, принадлежитъ, подобно Хотину, къ генуэзскимъ факторiямъ. Неизвѣстно какую роль играла во времена оны Ольхiонiя, а теперь это довольно жалкiй, тѣсный и скучный городишко. Названiе, чисто повидимому славянское, производится, однакоже, отъ молдавскаго слова *сарака*—бѣднякъ, и за послѣднее мнѣнiе стоятъ болѣе образованные туземцы, ссылаясь на какiе-то письменные документы, которыхъ я, впрочемъ, нигдѣ не видѣлъ. На сколько тутъ истины—предоставляю судить спецiалистамъ, но, покрайней мѣрѣ въ малорусскихъ лѣтописяхъ городъ этотъ назывался Сорокою, какъ весьма памятный по битвѣ Тимоша Хмельницкаго. Какъ водится, у насъ о жизни этого города не упомянуто нигдѣ, и какъ онъ стоитъ почти не на проѣзжемъ трактѣ (путь сюда лежитъ изъ Кишинева на Могилевъ и т. д.), то мало кто имѣетъ о Сорокѣ понятiе. Впрочемъ, и жизнь-то его не имѣетъ большаго интереса, и если бы не дивная окрестность, да не оригинальныя развалины генуэзской крѣпости, то воспоминанiе собственно о городкѣ недолго бы тревожило проѣзжаго человѣка. Издали, въ особенности при въѣздѣ по могилевской дорогѣ, когда вы остановитесь надъ крутымъ обрывистымъ берегомъ Днѣстра и со страхомъ начнете спускаться, вамъ представляется очень красивое, съ птичьяго полета, небольшое пространство, застроенное недурными домиками, которые особенно уютнѣе и веселѣе по окраинамъ, потому что окружены деревьями, хотя, правду сказать, панорама города не столько

васъ будетъ занимать, сколько великолѣпныя окрестности, тянущіяся далеко, сколько захватываетъ взоръ, за прихотливыми изгибами самой змѣеобразной рѣки въ мірѣ. Днѣстръ то приближается къ берегу, то бросается отъ него въ разныхъ направленіяхъ, а берегъ этотъ, состоя изъ крутыхъ нависшихъ скалъ, кремнистой породы, рисуется или сѣрыми и бѣловатыми массами камня, или поросъ большими деревьями, между которыми, во многихъ мѣстахъ, правильными рядами, зеленѣютъ виноградныя плантаціи. За рѣкой, по той сторонѣ, на большое пространство, виднѣются воздѣланныя поля, засѣянныя преимущественно кукурузой—этой общей кормилицей приднѣстровскихъ жителей—принадлежатъ-ли они къ молдавскому, славянскому и даже іудейскому племени. Но когда, спустясь съ горы, вы въѣдете въ узкую и, безспорно, лучшую улицу, застроенную еврейскими домами, упирающуюся въ Днѣстръ, по которой вмѣсто искусственной мостовой и всякаго макадама, насыпано, со временъ потопа, колючихъ кремней, все впечатлѣніе, полученное на вершинѣ горы, исчезаетъ, фантазія стушевывается и вы очутитесь среди грязной и довольно бѣдной дѣйствительности. Тутъ же стоятъ два или три еврейскихъ заѣздныхъ дома, въ одномъ изъ которыхъ, за умѣренную цѣну, можно пріютиться путешественнику. Кромѣ этой улицы, есть еще три или четыре продольныхъ; есть какіе-то извилистые маленькіе переулки, густо заставленные домишками и лачужками, на которыхъ, впрочемъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ привѣшены вывѣски, свидѣтельствующія о производствѣ того или другаго ремесла, конечно вслѣдствіе духа подражанія, потому что въ подобномъ крошечномъ городишкѣ обыватели съ завязанными глазами отыщутъ и Шмуля, который смастеритъ сякое-такое пальто, и Янкеля, могущаго сшить сапоги, и Лейбу, который починитъ вамъ часы, конечно такъ, что на первой же станціи они не будутъ вамъ болѣе полезны.

Поперечная улица, какъ лучшая, чѣмъ ниже къ Днѣстру, тѣмъ тѣснѣе обстроилась небольшими лавчонками, въ которыхъ, однакоже, благодаря предпріимчивости евреевъ, можно найти не только все необходимое, но и небольшое количество предметовъ роскоши, проникающихъ сюда изъ-за прусской границы, вѣроятно не всегда обогативъ казну таможенными пошлинами.

Городокъ обойти можно въ часъ времени, отъ пригородной

деревеньки, лежащей у ручья Цекиновки, до городской больницы и дома земскаго начальника, стоящихъ на противуположномъ концѣ, и отъ почтовой конторы до развалинъ генуэзской крѣпости, которая, не смотря на всѣ усилія времени и жителей, стоитъ еще незыблема въ своемъ основаніи. Объ этомъ древнемъ памятникѣ я не собралъ на мѣстѣ никакихъ интересныхъ свѣдѣній, и современные обитатели Сороки смотрятъ на него, какъ на массу крѣпкаго кирпича и камня, которые могли бы пригодиться на что нибудь полезное, а иные, въ томъ числѣ инвалидная команда, доказываютъ на дѣлѣ истину, тридцать лѣтъ назадъ высказанную Гоголемъ относительно нашихъ монументовъ. Истина эта до такой степени ощутительна, что, войдя во внутренность развалинъ, спѣшишь поскорѣе назадъ. Для меня, впрочемъ, въ этихъ башняхъ не было уже ничего новаго, потому что я видѣлъ въ Хотинѣ почти такую же постройку. Конечно, можно бы при этомъ удобномъ случаѣ помечтать о прежнемъ бытѣ генуэзской факторіи, набросать нѣсколько предположеній, но археологія не моя специальность. Безспорно, что меня постоянно занимала мысль, какъ и на чемъ генуэзцы плавали по Днѣстру, но самые поиски подобныхъ данныхъ были бы толченіемъ воды, даже и при тѣхъ гипотезахъ, которыя проявляются иногда у изслѣдователей древности.

Хотя Сорока и не представляла для меня особаго интереса, однако, проживъ въ ней нѣсколько дней и посѣтивъ ее впослѣдствіи еще раза два или три, я постарался вникнуть, на сколько было можно, въ бытъ и средства городка, почти полууѣзднаго. Послѣдній эпитетъ придаю ему на томъ основаніи, что уѣзда Сорокскаго собственно нѣтъ, а существуетъ Сороко-Ясскій, и Сорока не имѣетъ, напримѣръ, уѣзднаго суда, который находится въ городѣ Бельцахъ. Прочіе чиновники, какъ-то: земскій исправникъ, стряпчій, городничій, почтмейстеръ и смотритель училищъ существуютъ въ полномъ составѣ, съ приличнымъ количествомъ засѣдателей, помощниковъ и канцелярскихъ. Объ этихъ господахъ я говорить ничего не буду, потому что совершенно незнакомъ съ ихъ служебною дѣятельностью; но немогу не упомянуть, что всѣ они чрезвычайно гостепріимны и стараются не дать пріѣзжему умереть съ голоду, что въ этой благословенной Сорокѣ весьма можетъ случиться, при отсутствіи ресторацій и другихъ заведеній подобнаго рода. Въ заѣздномъ домѣ, въ которомъ я

постоянно останавливался, да и въ прочихъ, какъ-то не принято готовить обѣдъ для пріѣзжающихъ, на томъ основаніи, что послѣдніе обѣдаютъ у кого нибудь изъ знакомыхъ. Нѣтъ надобности,—слѣдовательно, хозяева постоялыхъ дворовъ совершенно правы съ своей точки зрѣнія. Безъ сомнѣнія, они готовятъ еврейскія блюда для своихъ единовѣрцевъ, какъ извощиковъ, такъ и разныхъ промышленниковъ, и эти еврейскія блюда на другихъ мѣстностяхъ, если и неизящны, то могутъ, при необходимости, утолить голодъ невзыскательнаго человѣка; но моя хозяйка, представлявшая мнѣ образчики своей кухни, отличалась необыкновенной способностью отталкивать стремленія самаго голоднаго желудка. Не говоря уже о крайней, можно сказать, цинической неопрятности, но самое содержаніе своихъ кушаньевъ она умѣла составлять по такому рецепту и, конечно по недосмотру, подкрашивала ихъ нѣкими, неидущими къ дѣлу, прибавленіями, что нельзя было безъ тошноты уже смотрѣть на пищу, не только что рѣшиться ее испробовать. Со мной былъ слуга, который, во время моихъ постоянныхъ кочевокъ, навострился готовить необходимыя блюда, но въ еврейскомъ домѣ это немыслимо, за отсутствіемъ особой кухни и при существованіи обычая, въ силу котораго христіанину нельзя прикоснуться къ еврейской посудѣ. Первый день я такъ и провелъ на пищѣ св. Антонія и рѣшился было на будущее время адресоваться къ молдаванамъ за молокомъ и мамалыгой, но, къ счастію, получилъ нѣсколько приглашеній обѣдать, чѣмъ и пользовался безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Впрочемъ, съѣдобная часть въ запустѣніи не въ одной Сорокѣ, и мнѣ случалось не разъ терпѣть лишенія и въ гораздо бо́льшихъ городахъ, имѣющихъ по нѣскольку рестораций. Напримѣръ Бердянскъ, портовый, довольно большой городъ, а общественная жизнь до того въ немъ неразвита, что когда я пріѣхалъ туда зимой и остановился въ холодномъ номерѣ, усталый, голодный, перезябшій, то хозяинъ, приказавшій топить у меня печку, послалъ покупать уголья на самоваръ и велѣлъ собственно для моей особы готовить обѣдъ, за который и взялъ тоже почти, что возьмутъ у Дюссо или Бореля. Но тамъ есть, по крайней мѣрѣ, клубъ, гдѣ можно остановиться и поѣсть (чего я не зналъ прежде), а въ Сорокѣ рѣшительно приходится мучиться голодомъ. Мнѣ пришло на мысль, что напрасно австрійское правительство осуждаетъ нѣкоторыхъ редакторовъ и литераторовъ

на тюремное заключеніе, съ условіемъ оставаться извѣстные дни на пищѣ св. Антонія. Такою не гуманной и не современной мѣрой, особенно для конституціоннаго государства, оно только раздражаетъ общественное мнѣніе. Ему можно бы посовѣтовать достиженіе своей цѣли самымъ либеральнымъ образомъ, именно командировать подобныхъ опальныхъ для посѣщенія, положимъ съ этнографической цѣлью, нашихъ мелкихъ городишекъ. Ручаюсь, что если только въ австрійскихъ тюрьмахъ, за исключеніемъ дней обязательнаго поста, кормятъ хорошо, командированный литераторъ значительно утратилъ бы изъ своего объема. Смѣшно сказать, и теперь это для меня уже перешло въ область прошедшаго, но, путешествуя на казенный счетъ, слѣдовательно всѣмъ обезпеченный, нерѣдко, съ порядочнымъ запасомъ денегъ въ карманѣ, я по цѣлымъ днямъ не ѣлъ ничего, кромѣ молока, потому что (напр. въ Бессарабіи) и хлѣба достать невозможно. Но объ этихъ вещахъ сколько ни пиши, мнѣ кажется, гласность здѣсь рѣшительно не поможетъ, потому что тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, ничего не читаютъ, да, наконецъ, еслибъ и читали, то врядъ ли бы измѣнили свои вѣковые обычаи. Не знаю даже, удастся ли и внукамъ нашимъ не голодать не только въ захолустьяхъ, но и на самыхъ проѣзжихъ трактахъ.

Сорока населена отчасти молдаванами, но преимущественно евреями, которые, и конечно по праву, овладѣли всей мѣстной торговлей, такъ какъ коренные жители рѣшительно къ ней неспособны. Въ самомъ дѣлѣ, я нигдѣ въ Бессарабіи (говорю о мѣстностяхъ, мною посѣщенныхъ) не видѣлъ торговаго молдавана, а вездѣ въ лавкахъ сидятъ евреи, греки или армяне. Вся поперечная улица застроена, если не ошибаюсь, еврейскими домами, и въ каждомъ домѣ по обѣимъ сторонамъ въ открытыя окна цѣлые дни могъ я наблюдать весь домашній бытъ этого племени. Противъ моей квартиры копошилось какое то огромное семейство и въ этомъ домикѣ постоянно происходилъ такой гамъ, который могъ довести новичка до отчаянія. И большіе, и дѣти, и старики, все это одарено было въ высшей степени пронзительными, крикливыми голосами—и происходилъ ли обыкновенный разговоръ, подымалась ли руготня, завязывался ли споръ — рѣшить было трудно, потому что изъ оконъ домика постоянно вылеталъ какой то одуряющій хоръ совершенно въ оригинальномъ вкусѣ.

Всѣ ремесленники, по восточному обычаю, отправляли каждый свое ремесло также на улицѣ—и потому наблюдать ихъ и присматриваться къ нимъ было очень легко, еслибъ они представляли что нибудь особенно интересное. Мнѣ все хотѣлось посмотрѣть того еврея, который являлся ко мнѣ на прибрежную скалу толковать объ улучшеніи порога, но сколько я ни присматривался къ физіономіямъ торговцевъ на поперечной улицѣ, поиски мои были напрасны. Между тѣмъ, на другой же день моего пріѣзда нѣсколько евреевъ приходили къ моему хозяину освѣдомиться обо мнѣ, такъ что хозяинъ пришелъ, наконецъ, и началъ меня разспрашивать, разумѣется, приступая къ этому окольными путями. Я уже понималъ въ чемъ дѣло, и потому на первыхъ же порахъ старался изъяснить свои занятія во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые евреи приходили ко мнѣ *за совѣтами* и посредствомъ этой хитрости излагали подчасъ замысловатыя козни въ видѣ доносовъ. Не безъ любопытства я выслушивалъ словоохотливыхъ посѣтителей, но остерегался даже и совѣтовать что либо, во-первыхъ зная, какъ иногда излагается жалоба одною стороною, а во-вторыхъ изъ боязни запутаться въ ябедническую исторію. Очевидно, меня приняли за важную особу, и хоть я увѣрялъ, что порученіе мое очень далеко отъ какого бы то ни было вмѣшательства и что я лицо неслужащее, однако, убѣдить никого не могъ, что и оказалось впослѣдствіи. Впрочемъ, мнѣ уже не разъ приходилось говорить о подобныхъ quiproquo, и потому я боюсь наскучить читателю описаніемъ своихъ приключеній въ этомъ родѣ.

Торговля Сороки не представляетъ никакого интереса, потому что состоитъ изъ такого же мелочнаго маклачества, изъ какого состоитъ она и въ прочихъ плохихъ городишкахъ, лежащихъ, пожалуй, и на судоходныхъ рѣкахъ. Нѣсколько евреевъ скупаютъ хлѣбъ, нѣсколько занимаются лѣсомъ, а остальные удовлетворяютъ мѣстной городской потребности, размѣры которой конечно ограничены. Пристань представляетъ весьма жалкій видъ, да и то вы узнаете ее лишь по нѣсколькимъ галерамъ, находящимся у берега, но не думайте, чтобъ здѣсь было какое нибудь устройство, хотя уже собственно отсюда галеры внизъ по теченію могутъ идти почти безпрепятственно. Это—почти, относится къ мелямъ, которыя встрѣчаются къ Дубоссарамъ, от-

куда уже Днѣстръ постоянно глубокъ и многоводенъ. Покамѣстъ самый способъ плаванія этихъ несчастныхъ галеръ не внушаетъ никакого довѣрія предпринимателямъ, особенно съ зерновымъ хлѣбомъ, который проростаетъ во время путины.

У насъ вообще (тѣмъ болѣе нѣсколько лѣтъ назадъ, когда о внутренней жизни провинцій имѣли изрѣдка лишь случайныя свѣдѣнія) бываетъ нерѣдко, что, проѣзжая какую нибудь мѣстность, и не подозрѣваешь, что въ нѣсколькихъ верстахъ существуетъ такая вещь, которую слѣдовало бы посмотрѣть съ особеннымъ удовольствіемъ. Я жилъ въ Сорокѣ дня три, и рѣшительно не зналъ о присутствіи вблизи города нетолько обширныхъ, но и знаменитыхъ табачныхъ плантацій турецкаго табаку, пользующагося извѣстностью только у недальнихъ жителей, но расходящагося въ огромномъ, сравнительно, количествѣ по имперіи. Конечно я не рисковалъ уѣхать изъ Сороки, не посѣтивъ плантацій, потому что у меня уже такая натура — рыскать по окрестностямъ и осматривать всѣ особенности; но случай навелъ меня раньше на это открытіе. Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что турецкимъ табакомъ я запасался въ Одессѣ, и рѣшительно не заботился о различныхъ фабрикаціяхъ; зналъ только, что фабриканты подмѣшиваютъ значительную часть сурогату, который полагалъ всегда крымскимъ табакомъ, и заботился лишь о томъ, чтобы мнѣ крошили чистый турецкій. Извѣстно обыкновеніе на югѣ, гдѣ каждый нося съ собой табакъ и бумажки, свертываетъ папироски, и вотъ почему мнѣ не приходилось прежде знакомиться съ табаками небольшихъ городковъ. Но въ Сорокѣ, знакомые, несмотря намою привычку свертывать папироски изъсобственнаго табаку, предлагали попробовать туземнаго «цепиловскаго». По виду, табакъ этотъ ничѣмъ не разнится отъ турецкаго, но имѣетъ и свой собственный запахъ, лишенный аромата, отдѣляемаго турецкимъ, и свой вкусъ какой то горечи, и жиръ, отъ котораго чернѣетъ бумага, и наконецъ, особенное свойство драть горло, привыкшее къ табаку чисто турецкому. Разумѣется, привыкнуть можно, какъ привыкаютъ ко всему, но кто курилъ табаки, произрастающіе въ европейской Турціи, тому вкусъ цепиловскаго покажется точно такимъ же, какъ вкусъ рижской сигары послѣ гаванской. По наружности же цепиловскій табакъ ничѣмъ не отличается отъ турецкаго — и, скажу лучше, въ продажѣ онъ распространенъ у насъ вездѣ или просто подъ име-

немъ послѣдняго или въ соединеніи съ нимъ, порой въ значительной пропорціи. Въ комнатѣ послѣ него остается сильный, какой то прогорклый запахъ гари, проницающій съ необыкновенной силою ваше платье, такъ, что если провести какую нибудь недѣлю между курильщиками, и вашъ сюртукъ или ваше платье будутъ уже, до конца своего существованія, разносить вездѣ свой особенный, весьма непріятный запахъ.

Вся окрестность Сороки покрыта преимущественно табачными плантаціями; особенно селенія Цепиловка и Полуцепиловка, только и занимаются разведеніемъ табаку, что доставляетъ порядочный доходъ сравнительно, и что, конечно, доставляло бы еще большія выгоды, еслибы воздѣлываніе этого растенія производилось другими, нерутинными способами. Я упомянулъ только Цепиловку и Полуцепиловку, но и кромѣ ихъ многія селенія занимаются преимущественно табаководствомъ, потому что запросъ на табакъ съ каждымъ годомъ увеличивается болѣе и болѣе. Здѣсь, я полагаю, будетъ кстати упомянуть о табачной торговлѣ вообще и относительно южнаго края въ особенности,—потому что исключительно отсюда, т. е. черезъ черноморскіе и азовскіе порты доставляется табакъ внутрь имперіи.

Какихъ нибудь лѣтъ двадцать назадъ, курильщики, которыхъ тогда было не очень много, раздѣлялись на сигаристовъ и трубочниковъ. Южныя и западныя губерніи потребляли табакъ турецкій, остальныя довольствовались такъ называемыми вакштафами, изобрѣтеніемъ германской промышленности.

Чистый американскій табакъ составлялъ роскошь и для многихъ былъ недоступенъ. Считаю обязанностью оговориться, что изъ массы потребителей я выдѣляю простонародье, которое совсѣмъ не куритъ въ иныхъ великорусскихъ губерніяхъ, а украинцы довольствуются мѣстнымъ аммерсфордскаго происхожденія табакомъ, слывущимъ подъ названіемъ «махорки». Табаки, особенно турецкіе, были въ то время отличнаго качества и продавались по баснословно дешевой цѣнѣ, хотя потребленіе ихъ на востокѣ было огромное и повсемѣстное. Но эти табаки почти что не шли въ Великороссію. Введеніе папиросъ быстро измѣнило характеръ табачной промышленности, и хотя сперва, напр. въ Петербургѣ и Москвѣ, папиросы начали выдѣлывать изъ мариланду, однако, попытались насыпать ихъ и изъ турецкаго, давая такимъ образомъ послѣднему возможность войдти въ запо-

вѣдный для него кругъ любителей вакштафа, на что вакштафные фабриканты и не обратили сперва вниманія, крѣпко вѣруя во вкусъ и привычки своихъ потребителей. Любопытно было бы прослѣдить статистическія цифры, чтобы судить о прогрессѣ турецкаго табаку, который въ настоящее время вытѣсняетъ уже и американскаго собрата и всѣ сорты высокаго вакштафа, изрѣдка еще употребляемые нѣмцами, иными стариками и рутинистами, тѣми курильщиками, которые съ одинаковымъ вкусомъ будутъ курить—положите ли вы имъ въ трубку табаку, моху, капусты, соломы и т. д.

Собственно на югѣ по прибрежьямъ морей давно уже самодѣльные папиросы смѣнили трубку—этотъ нелѣпый инструментъ, неудобный для ношенія и требующій извѣстнаго ухода, но все еще и въ южномъ краю долго было множество трубкокурильщиковъ и даже въ Одессѣ попадались въ лавкахъ различные вакштафы петербугскихъ и московскихъ фабрикъ. Но какихъ нибудь десять лѣтъ назадъ, особенно же съ крымской кампаніи, турецкій табакъ разомъ вошелъ въ повсемѣстное употребленіе. Притомъ же папироски произвели такую революцію въ нашемъ обществѣ, что по удобству проникли не только въ карманъ гимназиста, но и молоденькой пансіонерки, и страсть къ куренію охватила и юношество и подъ часъ отрочество. Значитъ потребленіе табаку приняло громадные размѣры.

Съ развитіемъ этой потребности правительство увидѣло въ ней выгодную статью дохода, и, кромѣ извѣстной пошлины на привозный табакъ,—обложило акцизомъ и внутреннее его производство, т. е., говоря по просту, крошку, потому что фабрика турецкаго табаку занимается только его сортировкой, крошкой и набивкой въ картузы различнаго объема.

Табачная торговля во многихъ западныхъ государствахъ составляетъ казенную монополію, и мы еще не можемъ пожаловаться на стѣсненія, какъ напр. въ Австріи, гдѣ волей, неволей вы должны курить табакъ мѣстнаго произрастенія, если не желаете заплатить чудовищную пошлину за иностранный, который везете съ собой. У насъ акцизъ сравнительно недорогъ, но онъ или лучше сказать форма его полученія довольно неудобна для потребителя. Табакъ—роскошь, безъ которой можно обойтись —слѣдовательно, налогъ и нѣсколько большій не былъ бы такъ отяготителенъ, какъ мѣра, вслѣдствіе которой я долженъ поку-

пать табакъ не тотъ, который вижу и выбираю, а тотъ, какой дадутъ мнѣ въ лавкѣ или на фабрикѣ,—мѣста, которыя не вездѣ могутъ похвалиться безупречностью. Я уже не говорю, что у насъ нѣтъ раздробительной продажи (не давно только дозволено продавать табакъ въ осьмушкахъ), какъ напр. во Франціи, гдѣ вы можете въ лавкѣ спросить одну сигару, но собственно замкнутость и тайна и обязательное для меня довѣріе къ добросовѣстности фабриканта—вотъ условія, стѣсняющія потребителя при существующей формѣ взиманія акциза. И вслѣдствіе этого стѣсненія, у насъ произволъ иныхъ фабрикъ достигъ до такой степени, что не только низшіе сорты табаку, но даже высшіе, такъ называемые отборные, продаваемые просто по баснословнымъ цѣнамъ (4 р. 50 до 5 р.), бываютъ чрезвычайно дурнаго качества. А позвольте спросить, какъ вы, при всемъ знаніи дѣла, избѣжите надувательства, разумѣется, самаго безсовѣстнаго, когда картузъ обклеенъ бандеролью? Есть фабриканты, которые приготовляютъ коробки съ стеклянной крышкой, но тутъ вы можете видѣть одинъ цвѣтъ, ничего недоказывающій. Вы не можете даже приложить къ дѣлу обонянія, убѣждающаго иногда въ положительныхъ или отрицательныхъ качествахъ. Правда, вамъ порою выкроютъ треугольничекъ и вы имѣете возможность дѣлать свои наблюденія надъ какой нибудь щепоткой; но кто же васъ увѣритъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ не положатъ немного хорошаго табаку и не набьютъ весь фунтъ такой мерзостью, какую по большей части куритъ столичное человѣчество. Наклейка бандероли, прикрывающей товаръ, или лучше сказать дѣлающей товаръ недоступнымъ для испытанія покупателя, породила на многихъ фабрикахъ цѣлую стройную систему злоупотребленій, падающихъ всей тяжестью единственно на покупателей. Чистаго, хорошаго турецкаго табаку вы рѣдко, очень рѣдко гдѣ найдете, а непремѣнно всѣ высшіе сорты заключаютъ въ себѣ много процентовъ крымскаго и бессарабскаго, которые, по условіямъ ли почвы, по неправильному ли уходу, имѣютъ непріятный вкусъ и запахъ. По наружному виду отличить подмѣсь эту довольно трудно, но стоитъ понюхать и подлогъ легко можетъ быть открытъ, при небольшой даже опытности. На югѣ мнѣ разсказывали иные фабриканты, что безъ подмѣси обойтись нельзя, вслѣдствіе положенія, установившагося разъ навсегда одну норму для 1, 2, 3 и 4 сорта. Здѣсь, если хотите, есть своя доля справедливости. Ка-

кимъ образомъ назначить таксу на товаръ, цѣны на который не только подвержены колебанію, но могутъ возвышаться иногда въ значительной пропорціи, какъ и случилось съ турецкимъ табакомъ послѣ крымской кампаніи. Что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ стоило 50 к., то въ 1857 и 1858 продавалось по два рубля! Разница не малая. Какимъ образомъ, если въ Константинополѣ пудъ табаку обходится 60 р., значитъ фунтъ 1 р. 50 к., одесскій фабрикантъ, оплативши еще фрахтъ, таможенныя пошлины и употребивши капиталъ на крошку, упаковку и проч., можетъ продавать его по таксѣ 1-й сортъ 1 р. 8, к. 2-й 72 к., и т. д. Конечно, онъ изъ пуда выберетъ десять фунтовъ, которые продать можетъ по три рубля, еще даже по 2, но остальное количество покроетъ ли его расходы?

Вотъ, вслѣдствіе чего фабриканты и употребляютъ суррогатъ изъ крымскихъ и бессарабскихъ табаковъ, пудъ которыхъ обходится имъ рублей по десяти или двѣнадцати. Но необходимость обходить законъ, во избѣжаніе очевидныхъ убытковъ, подала имъ также мысль употребить ее и для порядочной наживы, и вотъ почему въ самые высокіе сорты кладутъ они значительный процентъ суррогату. А штука выходитъ хорошая. Напримѣръ, является покупатель и предлагаетъ за отборный табакъ два рубля за фунтъ. Ему на пять фунтовъ настоящаго турецкаго табаку, стоющаго этой цѣны, фабрикантъ положитъ столько же крымскаго или бессарабскаго по 30 к. Смѣсь эту можно курить, но она въ сложности обойдется фабриканту менѣе чѣмъ въ рубль двадцать копѣекъ, а идетъ за два рубля. Въ самый трехрублевый табакъ кладутъ процентовъ 30 суррогату, а изъ низшихъ сортовъ, еще въ 1-мъ есть частичка турецкаго, но во второмъ и т. д. врядъ ли будетъ хоть одинъ стебель. Такимъ образомъ акцизная система причинила не малый вредъ табачной промышленности, стѣснила потребителей и все-таки не избавила казну отъ ущерба въ полученіи слѣдуемыхъ доходовъ. Очень долго, покрайней мѣрѣ два года тому назадъ, во время пребыванія моего на югѣ на любой фабрикѣ можно было купить табакъ безъ бандероли. Впрочемъ этого невозможно избѣжать никакими штрафами, никакими строгостями. Довольно сказать, что акцизные табачные надзиратели, если не всѣ, то многіе, находятъ свою должность невредною. Мнѣ кажется, этого можно было бы избѣжать самымъ легкимъ спосо-

бомъ: взыскивать акцизъ по разсчету при очищеніи пошлины на таможняхъ. Со введеніемъ этой мѣры, можетъ быть, закрылись бы нѣкоторыя фабрики, но установлено было бы справедливое равновѣсіе: казна получила бы что ей слѣдуетъ, а потребитель покупалъ бы то, что онъ хочетъ. Съ крошенаго же табаку внутренняго произрастенія пошлину взыскать тоже не трудно, если взять во вниманіе среднее годовое приготовленіе фабрики и обложить послѣднюю слѣдуемымъ акцизомъ. Одинъ годъ больше, другой меньше, но косвенный налогъ все-таки не былъ бы меньше той цифры, какая поступаетъ нынѣ въ казну, особенно, если исключить содержаніе опекуновъ, т. е. чиновниковъ, канцелярскіе расходы, печатаніе бандеролей, пересылку ихъ по почтѣ. При системѣ, мной предлагаемой, ненужно никакихъ непроизводительныхъ расходовъ. Конечно, съ этою мѣрой прекратились бы большіе барыши, но неужели же для поощренія нѣсколькихъ сотъ человѣкъ стѣснять нѣсколько сотъ тысячъ и даже, можетъ быть, цѣлый милліонъ курильщиковъ.

Высказавъ свой бѣглый взглядъ на табачную торговлю, возвращаюсь къ Сорокѣ или вѣрнѣе къ ея окрестностямъ—этому Эльдорадо россійскихъ табачныхъ фабрикантовъ, Эльдорадо, безвѣстному за предѣлами Бессарабіи, но дающему огромные доходы нѣкоторымъ счастливцамъ промышленнаго міра. Но собственно владѣльцы плантацій не получаютъ значительныхъ доходовъ, особенно крестьяне, изъ которыхъ многіе, запродавъ евреямъ табакъ еще на корнѣ и разумѣется получивъ самую ничтожную сумму, обработываютъ его въ пользу своего заимодавца. Я отправился осматривать эти плантаціи и при помощи одного очень умнаго господина учителя Х—го, мнѣ удалось узнать нѣкоторыя подробности. Въ особенности принятъ радушно былъ я владѣльцемъ Полуцепиловки, отставнымъ инженеромъ путей сообщенія, который, какъ человѣкъ образованный, хоть и при небольшихъ средствахъ, съ любовью занимается сельскимъ хозяйствомъ. Свѣдѣнія, имъ сообщенныя, для меня интереснѣе другихъ, потому что онъ ихъ пріобрѣлъ не разспросами, не поверхностнымъ наблюденіемъ, а прилагая опытъ и къ рутинному способу обработки табаку и употребляя различныя нововведенія. Первое, что сообщилъ онъ мнѣ важнаго—это особенное свойство почвы, на которой сѣмена самыхъ лучшихъ сортовъ турецкаго табаку, при какомъ бы старательномъ уходѣ не было, даютъ продуктъ, непремѣнно раз-

нящійся отъ своего прототипа. Дѣйствительно, я курилъ у него отборный мѣстный табакъ и получилъ въ подарокъ нѣсколько фунтовъ, которые постоянно испытывалъ впослѣдствіи, и находилъ и вкусъ и запахъ, прирожденный бессарабской почвѣ. Положимъ, въ немъ было меньше горечи и свойства, дерущаго въ горлѣ, но привыкнуть къ нему я не могъ, не смотря на все желаніе. Пробовали и пробуютъ разводить сѣмена американскаго табаку, который, какъ извѣстно, вкусомъ и запахомъ совершенно не походитъ на турецкій, но черезъ годъ, черезъ два изъ сѣмянъ этихъ въ Бессарабіи выростаетъ табакъ, подходящій къ турецкому, теряя свои американскія особенности. Но этотъ вкусъ и запахъ непріятны собственно тому, кто привыкъ постоянно курить чистый турецкій табакъ безъ подмѣси—а такихъ курильщиковъ немного; начавъ же прямо съ бессарабскаго и войдя въ его вкусъ, можно безъ нужды довольствоваться его употребленіемъ, что и испытываютъ курильщики низшихъ сортовъ табаку, извѣстнаго въ продажѣ подъ названіемъ турецкаго. Но развитіе этой промышленности и значительное требованіе на табакъ можетъ произойти лишь тогда, когда онъ будетъ продаваться за бессарабскій и разумѣется по цѣнѣ значительно пониженной. А послѣднее обстоятельство очень возможно, принявъ во вниманіе дешевизну табаку на мѣстѣ и недорогую доставку хоть и къ отдаленнымъ нашимъ рынкамъ. Самый высшій сортъ фабрикантъ легко можетъ продавать по шестидесяти копѣекъ, а это уже будетъ огромная разница. Слова нѣтъ, что здѣсь нарушится система продажи турецкаго табаку и уменьшатся выгоды фабрикъ,—но вѣдь и теперь послѣднія выпускаютъ въ низшихъ сортахъ табакъ не турецкій, а берутъ съ потребителей огромную сравнительно цѣну. Покрайней мѣрѣ, тогда покупатель будетъ поставленъ внѣ обмана, потому что если фабриканты турецкаго табаку угостятъ его смѣсью съ преобладаньемъ бессарабскаго, то увидитъ подлогъ и охотнѣе примется за табакъ туземный, который обойдется ему дешевле на 50%.

И въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время какъ то странно допускать такой явный обманъ, какъ фабрикація турецкаго табаку и въ большихъ городахъ и особенно въ столицахъ. Конечно, отъ этой смѣси вреда нѣтъ никакого, какъ не было его и отъ воды, вливаемой въ откупную водку, но зачто же платить рубль за вещь, которая стоитъ тридцать копѣекъ, потому только, что

эта вещь идетъ подъ названіемъ привозной. Слова нѣтъ, что турецкій табакъ вздорожалъ въ послѣдніе годы значительно, однако и продаютъ же его у насъ не дешево подъ видомъ отборнаго (отъ 2 руб. 50 к. до 5 руб.). Въ Одессѣ мнѣ разсказывали, что вздорожалъ онъ въ Турціи во время крымской кампаніи вслѣдствіе знакомства съ нимъ союзныхъ войскъ, которыя, по возвращеніи въ отечество, продолжаютъ курить его съ большимъ удовольствіемъ. Не знаю въ какой мѣрѣ это справедливо—и какъ пріобрѣтаютъ его французы при стѣснительной казенной монополіи, но мнѣ привозили знакомые табакъ изъ Константинополя, плаченный на мѣстѣ фунтъ около 40 піастровъ. Правда, что то былъ табакъ превосходнаго качества—однако нѣсколько лѣтъ назадъ его продавали въ десять разъ дешевле.

Табачныя плантаціи въ окрестности Сороки воздѣлываютъ болѣе или менѣе допотопнымъ способомъ, и почва почвой, а все же мнѣ кажется, если бы приняться за дѣло съ энергіей и знаніемъ, то эта отрасль хозяйства давала бы значительный доходъ хозяину. Еще помѣщики стараются по возможности, обновляютъ сѣмена подготовляютъ землю, но царане поступаютъ рѣшительно очертя голову и извлекаютъ самыя скудныя выгоды, особенно имѣя дѣло съ мѣстными евреями, которые разумѣется, наровятъ купить продуктъ за безцѣнокъ. Пріѣзжіе агенты большихъ фабрикъ изъ Одессы и Москвы предпочитаютъ имѣть дѣло съ евреями, которые приготовляютъ табакъ заблаговременно. При этомъ я не могу не вспомнить одного происшествія, подавшаго мнѣ поводъ пристальнѣе взглянуть на торговлю турецкимъ табакомъ и вникнуть въ ея тайны. Въ Сорокѣ я встрѣтилъ молодаго человѣка, довольно приличнаго, коммисіонера или прикащика одной изъ одесскихъ фабрикъ. Если не ошибаюсь, онъ покупалъ около шести тысячъ пудовъ цепиловскаго табаку и держалъ себя весьма шикарно *въ провинціи*. Надобно замѣтить, что одесситы не только считаютъ Одессу городомъ, неуступающимъ столицѣ, но иные вполнѣ убѣждены, что она гораздо лучше Петербурга. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, очутясь въ Одессѣ, я позабылъ, что одинъ мой пріятель поручилъ мнѣ привезти ему для пробы цепиловскаго табаку и рѣшился хоть въ Одессѣ исполнить его порученіе. Удобнѣе всего показалось мнѣ отправиться въ фабрику, агентъ которой дѣлалъ такую большую покупку въ Бессарабіи. Прихожу. На фабрикѣ было много покупателей;

нѣкоторые пріѣзжіе помѣщики запасались табакомъ по полпуда и все это требовало хорошаго, отборнаго. Прикащики едва успѣвали исполнять требованіе. Я обратился къ одному господину, который былъ посвободнѣе и только отрывисто отдавалъ приказанія.

— Мнѣ нужно табаку, сказалъ я.

— Какого и сколько будетъ угодно?

— Пять фунтовъ самаго лучшаго цепиловскаго.

— Извините, я не разслушалъ какого!

— Цепиловскаго.

— Очень жаль, но не могу исполнить вашего желанія—у насъ только табакъ турецкій.

Фраза эта была произнесена съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Я посмотрѣлъ прямо въ глаза щеголеватому господину.

— Какъ же, началъ я съ маленькой досадой: еще такъ недавно для васъ куплено въ Сорокѣ нѣсколько тысячъ пудовъ..

— Извините, вы вѣроятно ошиблись: мы приготовляемъ только табакъ турецкій.

— И табакъ я вамъ скажу отличный, отозвался какой-то помѣщикъ. Я уже лѣтъ шесть какъ беру у нихъ постоянно.

Послѣ этого я, разумѣется, не настаивалъ—и скоро нашелъ въ одной лавочкѣ цепиловскаго табаку, за который однако же съ меня взяли порядочную цѣну.

Тогда то я узналъ какъ крымскій и бессарабскій табакъ смѣшиваютъ съ турецкимъ, а иногда и въ чистомъ состояніи развѣшиваютъ подъ именемъ дюбека, бафры, македонскаго и т. д. Фактъ, совершающійся въ-очію и въ настоящее время. Извѣстенъ подлогъ сигаръ, какъ въ торговлѣ надуваютъ любителей нѣмецкими сигарами вмѣсто гаванскихъ и нѣсколько лѣтъ назадъ напечатана была продѣлка европейскихъ фабрикантовъ, которые отправляли свои сигары на корабляхъ въ Гаванну, откуда онѣ разумѣется приходили снова въ Европу за настоящія гаванскія. Не знаю, правда ли, но одинъ знакомый увѣрялъ меня, будто бы въ Одессѣ пробовали такую же штуку съ цепиловскимъ табакомъ, отправляя его въ Константинополь. Мнѣ кажется, впрочемъ, что если дѣйствительно фрахтъ не дорогъ, то можно безъ большаго ущерба выкинуть подобную штуку, но не будетъ никакого смыслу, потому что покупатели и безъ того преспокойно курятъ бессарабскій табакъ вмѣсто турецкаго, хотя и

платятъ за него какъ за привозный. Спеціалисты меня научили какъ различать на фабрикѣ настоящій товаръ отъ поддѣльнаго, и я охотно дѣлюсь этимъ урокомъ съ моими читателями, если онъ можетъ сколько нибудь послужить имъ въ пользу. Турецкій табакъ доставляютъ изъ за границы плотно сложенными листами въ кипахъ, обтянутыхъ холстомъ, такъ что обертка эта не покрываетъ всей кипы, и перевязанныхъ *шерстяными шнурками.* Нашъ мѣстный табакъ привозятъ или въ мѣшкахъ или въ рогожахъ, связанный только въ небольшіе пучки (папуши), перевязанные туго около корня.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, за вѣрность которыхъ разумѣется ручаться невозможно, есть фабрики, требующія по осьми тысячъ пудовъ бессарабскаго табаку, и хотя вы его встрѣтите по всей имперіи, однако не найдете нигдѣ подъ настоящимъ именемъ. Повторяю, что эта отрасль промышленности могла бы принесть значительную пользу краю, если бы за нее приняться на болѣе разумныхъ основаніяхъ, и сбыту дать другой, добросовѣстный характеръ. Вѣдь потребителю, который платитъ, положимъ рубль за фунтъ табаку, извѣстнаго ему подъ именемъ турецкаго и удовлетворяющаго неприхотливый вкусъ,—совершенно все равно, если этотъ табакъ назовутъ напримѣръ цепиловскимъ, но ему не все равно платить только шестьдесятъ копѣекъ, и въ силу послѣдняго обстоятельства потребленіе увеличится непремѣнно. Наконецъ, кто знаетъ: можетъ быть всѣ опыты, производившіеся доселѣ съ выписными сѣменами, дали бы результатъ гораздо удовлетворительнѣе, если бы пригласить разумныхъ и искусныхъ спеціалистовъ. А въ наше время табачная промышленность можетъ назваться весьма выгодною статьею, при умножающейся въ сильной прогрессіи массѣ курильщиковъ. Я не говорю уже на югѣ, гдѣ чуть не грудныя дѣти умѣютъ свертывать папироску, но вы посмотрите хоть бы и въ Петербургѣ напр. на пароходахъ, на загородныхъ гуляньяхъ. Кто не куритъ? Вотъ почему необходимо улучшать наши табачныя плантаціи, потому что лѣтъ черезъ десять, смѣло можно сказать, потребленіе табаку будетъ огромное. И разумѣется, кому же удобнѣе заняться улучшеніемъ, какъ не крымскимъ и бессарабскимъ плантаторамъ, какъ людямъ привычнымъ къ дѣлу и которыхъ интересъ главнѣйше заключается въ возможно большемъ распространеніи своего продукта. Между тѣмъ у насъ о мѣстно-

стяхъ, производящихъ табакъ, почти неизвѣстно. Была когда то дѣльная брошюрка, изданная въ Одессѣ, о воздѣлываніи табаку въ Бессарабіи, но врядъ ли она доходила до столицъ, какъ и многія еще другія провинціальныя изданія. Конечно, всѣ почти знаютъ, что существуетъ табакъ крымскій или бессарабскій, но каждый вполнѣ увѣренъ, что это дрянь; даже большинство изъ тѣхъ которые курятъ эти же самые табаки подъ названіемъ турецкаго.

Въ заключеніе не могу не сказать, что при взиманіи съ турецкаго табаку акциза вмѣстѣ съ таможенными пошлинами, табакъ обходился бы дешевле потребителю еще и потому, что фабриканты не обязаны были бы заказывать коробокъ и платить за упаковку, что разумѣется падаетъ нынѣ на долю покупателя.

Я не спорю, что городъ Сорока не представляетъ обильной пищи для наблюдателя, но все же имѣетъ кое-что оригинальное. Такъ напримѣръ, поперечная улица, заселенная преимущественно евреями, представляетъ въ пятницу вечеромъ чрезвычайно живое и не лишенное пріятности зрѣлище. Конечно во всѣхъ городахъ, гдѣ живутъ евреи, наканунѣ шабаша у нихъ увидите и усиленное освѣщеніе и огромныя толпы, расхаживающія по городу. Но въ Сорокѣ этотъ вечеръ оригиналенъ собственно тѣмъ, что поперечная улица эта, во первыхъ, спускается съ крутой горы, и во вторыхъ, что тутъ нѣтъ, если не ошибаюсь, ни одного не еврейскаго дома. Значитъ, всѣ окна освѣщены, открыты (весною, лѣтомъ и осенью) и вы можете смотрѣть на семейный ужинъ, нестѣсняясь. Попадаются группы очень интересныя и въ высшей степени типичныя, особенно если въ нихъ есть старики, лица которыхъ въ этомъ племени обладаютъ необыкновенною выразительностью. И вообще всѣ эти трапезующія семейства, за столами, озаренными большимъ количествомъ свѣчей, при этой серьезности, гдѣ младшіе члены слова не смѣютъ говорить при старшихъ, и гдѣ всѣ проникнуты благоговѣніемъ, представляютъ рельефную картину для проѣзжаго. Къ тому же бессарабскіе евреи, какъ я замѣтилъ уже въ прежнихъ главахъ, сохранили свой старинный костюмъ, свои пейсы, и мохнатыя шапки ихъ придаютъ цѣлому нѣчто средневѣковое. Какъ нарочно, въ описанную ночь съ пятницы на субботу—погода стояла чудная, вѣтру не было совсѣмъ, и изъ открытыхъ оконъ вы-

рывались тихіе голоса, сливаясь будто бы въ согласный хоръ, нелишенный своей пріятности. И это не былъ тотъ крикливый шумный гвалтъ, который мы привыкли слышать даже при малочисленномъ сборищѣ евреевъ, но скорѣе можно назвать голоса эти гудѣньемъ пчелъ въ огромномъ ульѣ. Во время этого ужина евреи какъ то удерживаются отъ вскрикиваній, отъ которыхъ они не удерживаются въ прочее время, и говоръ ихъ, доведенный до возможно тихихъ нотъ, не дѣйствуетъ на нервы. Я замѣтилъ двѣ, три чрезвычайно красивыхъ женскихъ головокъ, нѣсколько благообразныхъ стариковъ и не одну группу дѣтей, прекрасныя личики которыхъ годились бы въ любой кипсекъ. Все это выигрывало отъ освѣщенія, сосредоточеннаго на столѣ и бросавшаго яркій колоритъ на физіономіи.

У моего хозяина также собралось большое общество, но здѣсь кромѣ его семьи было еще довольно пріѣзжихъ евреевъ, которые съ пятницы на субботу, какъ бы ни спѣшили по самому экстренному дѣлу, непремѣнно останавливаются въ городкѣ или мѣстечкѣ, гдѣ живутъ ихъ единовѣрцы. Въ шабашъ еврей не только обязанъ ничего недѣлать, но даже не можетъ ѣхать, и вслѣдствіе этого они шабашуютъ гдѣ придется, хотя бы и на почтовой станціи. На постояломъ дворѣ собрались евреи изъ разныхъ губерній, и по этой небольшой кучкѣ можно было судить какъ велика дѣятельность іудейскаго племени, когда на такомъ непроѣзжемъ трактѣ встрѣчались и жители Царства польскаго, и обитатели Черниговской губерніи, и мѣщане изъ далекаго азовскаго поморья. Что привело ихъ сюда—узнать было невозможно, потому что на разспросы любопытнаго слѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: «по своимъ дѣламъ»; но какія это дѣла, разумѣется, оставалось тайною. Еврей напримѣръ изъ Люблинской губерніи могъ еще ѣхать въ Одессу чрезъ Бессарабію, но жителю какого нибудь Новгородъ-Сѣверска, отправлявшемуся въ Крымъ, ужъ никакъ не лежитъ дорога черезъ Сороку; но онъ ѣхалъ на своихъ лошадяхъ этимъ трактомъ и зналъ молдавскій языкъ не хуже бессарабскихъ единовѣрцевъ. Меня сильно подмывало проникнуть хоть сколько нибудь въ интересы этихъ проѣзжихъ, но подобный людъ необыкновенно остороженъ, тѣмъ болѣе, что вѣроятно хозяинъ постоялаго сообщилъ на мой счетъ какія нибудь догадки, располагающія къ усиленной осторожно-

*

сти. Это я замѣтилъ собственно потому, что когда я обратился къ еврею, называвшемуся мѣщаниномъ Черниговской губерніи, и началъ его разспрашивать о лѣсной торговлѣ, какъ онъ самъ разговаривалъ о плотахъ и судорабочихъ, то онъ неизвѣстно вдругъ почему началъ увѣрять меня, что *пращпортъ* у него въ исправности. Послѣ подобнаго заявленія трудно уже было предпринимать дальнѣйшіе разспросы, и я ограничивался пустымъ и не интереснымъ для меня разговоромъ.

Дня два послѣ этого, я былъ въ разъѣздахъ по окрестностямъ, возвращался довольно поздно и не обращалъ вниманія собственно на городскую жизнь, но проснулся на другой день утромъ — отъ ужаснѣйшаго шума. Первымъ движеніемъ моимъ было подойти къ окну, открыть его и выглянуть на улицу. Все еврейское населеніе было въ необыкновенномъ движеніи, и на этотъ разъ самые крикливые голоса слышались отовсюду, составляя гвалтъ, какой можно услышать только во время пожара или другаго подобнаго бѣдствія. Недалеко мужчины ходили и суетились, но женщины съ грудными младенцами перебѣгали съ одной стороны на другую, наполняя воздухъ крикливыми фразами, и кучи дѣтей вмѣшивались въ толпу, суетились подобно взрослымъ. Но вообще въ этомъ шумномъ, визгливомъ говорѣ не было ничего ни угрожающаго, ни непріязненнаго, а очевидно происходило что нибудь необыкновенное, заслуживавшее всеобщаго вниманія. Я отправился къ хозяевамъ, но комнаты ихъ были заперты, и во всемъ домѣ находился только приглуповатый мальчикъ, который объяснилъ мнѣ, что пріѣхалъ какой-то очень важный раввинъ. Любопытство овладѣло мною, и я вышелъ за ворота. Вся поперечная улица была буквально затоплена евреями, ходившими въ небольшихъ кучахъ, но главное стремленіе толпы направлялось въ переулокъ налѣво, куда проникнуть не оказалось возможности. Въ открытыхъ лавкахъ не сидѣлъ никто, такъ что покупателю предстояло или ожидать или освѣдомляться отъ толпы — не видалъ ли кто хозяина той или другой лавочки. Побродивъ нѣсколько времени по шумной улицѣ, я отправился внизъ и поворотилъ направо съ цѣлью зайти къ кому нибудь и получить свѣдѣнія о причинѣ такого шумнаго движенія. Чѣмъ болѣе я удалялся отъ поперечной улицы, тѣмъ меньше встрѣчалъ евреевъ, а когда поднялся опять по направленію къ почтовой конторѣ, тогда уже все нашелъ въ прежнемъ

апатическомъ положенiи, и только говоръ, доносившiйся издали, давалъ мнѣ знать, что митингъ былъ въ полномъ разгарѣ. Заходилъ я въ два мѣста узнать подробности о прiѣзжемъ раввинѣ, но мнѣ сообщили въ очень короткихъ словахъ, что прiѣзжiй пользуется большой извѣстностью между евреями и тѣмъ ограничились всѣ мои попытки. Оставалась еще у меня надежда на хозяина, очень не глупаго человѣка, къ которому я и приступилъ съ разспросами, совершивъ значительную прогулку по берегу Днѣстра. Хозяинъ оказался не весьма разговорчивымъ, такъ что личность прiѣзжаго раввина и причина прiѣзда его въ Сороку, гдѣ есть свой раввинъ — оставалась для меня тайной. Отъ хозяина я могъ узнать только одно обстоятельство, что прiѣзжiй пользовался репутацiей ученаго и необыкновенно религiознаго человѣка. Подобные отзывы мало однакоже удовлетворили мое любопытство, но мнѣ оставалась только одна надежда на «авось» и «какъ нибудь» хоть впослѣдствiи разъяснить это происшествiе.

Часа только на три движенiе евреевъ утихло, но къ вечеру возобновилось, какъ мнѣ казалось, съ большей энергiей. Въ сумерки дома начали освѣщаться, словно передъ праздникомъ, а между тѣмъ ихъ обитатели постоянно находились на улицѣ и бѣгали съ необыкновеннымъ проворствомъ, перекидываясь отрывчатыми, громкими фразами. Я все время сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на это движенiе. Когда уже совершенно стемнѣло — народу привалило несмѣтное множество и евреи обоего пола, всѣхъ возрастовъ, составили по обѣимъ сторонамъ улицы густую шпалеру. Гвалтъ сдѣлался чудовищный — и шумѣлъ словно громаднѣйшiй каскадъ низвергался съ вершины горы и спускался внизъ. Потомъ вдругъ все утихло, и при свѣтѣ отворенныхъ оконъ, я увидѣлъ телѣгу, запряженную парой, въ которой сидѣли два человѣка, но за которой валила огромная толпа, кланяясь и хватаясь за колеса. По мѣрѣ какъ телѣга подымалась въ гору, ряды евреевъ присоединялись къ толпѣ и устремлялись за отъѣзжавшимъ. Густой сиповатый голосъ говорилъ какимъ то речитативомъ, и одинъ только онъ раздавался въ тишинѣ, несмотря, что вокругъ толпилось нѣсколько тысячъ народу. Мнѣ очень хотѣлось поглядѣть на знаменитаго раввина, но подойти къ нему близко было невозможно, да и не безопасно, если не за жизнь, то покрайней мѣрѣ за бока, особенно, въ ночное время. Но что

можетъ сравниться съ тѣмъ ураганомъ, который пронесся мимо моихъ оконъ, когда евреи, проводивъ раввина на гору, возвращались по своимъ домамъ, спускаясь многочисленною толпою. Въ невообразимомъ вихрѣ криковъ я слышалъ, однакоже, какъ въ нѣкоторыхъ звучалъ плачь, хотя и трудно было сообразить хоть что нибудь въ этомъ одуряющемъ хаосѣ. Но прошло нѣсколько минутъ, толпа исчезла, сквозь открытыя окна въ домикахъ стали мелькать фигуры ихъ обитателей, и скоро поперечная улица приняла свой обычный, вечерній видъ со своимъ гудѣньемъ, напоминающимъ гудѣнье пчелъ въ огромномъ ульѣ.

На другой день, довольно рано утромъ, я отправился на поиски и, спустившись къ Днѣстру, первый, кого увидѣлъ, былъ еврей, бесѣдовавшій со мной у порога объ обводномъ каналѣ. Мы встрѣтились какъ старые знакомые. На довольно униженный его поклонъ я заявилъ свое сожалѣніе, что не увидѣлся съ нимъ гораздо раньше.

— Я живу не въ городѣ, а верстахъ въ двадцати, сказалъ онъ, и еще бы нѣсколько дней не пріѣхалъ, но особенный случай....

— Я полагаю, что особенный этотъ случай былъ раввинъ....

— Вы угадали: такой гость случается не часто.

— Чѣмъ же онъ отличается отъ другихъ?

— О, проговорилъ еврей, сдѣлавъ какой то замысловатый жестъ рукою повыше головы: это умнѣйшій человѣкъ и онъ далеко извѣстенъ.

— Я слышалъ, что онъ изъ Подольской губерніи.

— Да, изъ Подольской, но это все равно хоть бы изъ Волынской или Херсонской: такого человѣка не найдется кажется по всему царству.

— Такой ученый, что ли?

— И какой ученый! Видите ли, уже мы и не будемъ говорить о законѣ. Тѣ раввины, которые выходятъ изъ училищъ, ему и въ подметки негодятся. Но кромѣ того, онъ разсудитъ всякое дѣло.

— Какъ, дѣло? Да вѣдь же для этого есть суды.

— Помилуйте! Всѣ — дѣла семейныя, самыя запутанныя —онъ разберетъ и выложитъ какъ на ладони.

— И ужъ если рѣшитъ, то и дѣло съ концомъ?

— А кто же можетъ перемѣнить его рѣшеніе. Хотятъ ли

мужъ съ женою развестись, повздоритъ ли женатый сынъ съ отцомъ, выйдутъ ли между родными несогласія въ наслѣдствѣ, — онъ вамъ разберетъ какъ по ниточкѣ.

— Да будто же здѣшній раввинъ этого сдѣлать не въ состояніи?

— Помилуйте! Надобно, чтобъ человѣкъ былъ угоденъ Богу.

— Почему же вы увѣрены, что пріѣзжій ему угоденъ?

— Слухомъ земля полнится. Вотъ посмотрѣли бы вы вчера какъ его принимали.

— Я видѣлъ только проводы....

— Что проводы! Надо было видѣть какъ являлись къ нему на квартиру. Что губернаторъ; передъ самимъ генералъ-губернаторомъ нѣтъ такого почтенія.

— Но я одного не понимаю: онъ эти объѣзды дѣлаетъ даромъ что ли, изъ любви къ единовѣрцамъ?

— Ну, какъ же даромъ? нельзя даромъ!

— Но если онъ святой человѣкъ, такъ я полагаю, что ему нечего хлопотать о деньгахъ.

— Онъ о себѣ и не хлопочетъ, а беретъ для бѣдныхъ: вѣдь много у насъ бѣдныхъ.

— Чтожъ, назначается сумма отъ каждаго, или какъ?

— Жертвуютъ всѣ по усердію.

— И много.

— Кто сколько дастъ, иной и десять, другой три рубля, кто и пять левовъ — все хорошо.

— Значитъ, онъ много собираетъ при разъѣздахъ?

— О, очень много.

— Но куда же поступаютъ суммы? кто имъ ведетъ расходъ?

— Что вы? Кто же можетъ требовать разсчетъ съ такого святаго человѣка.

Я принялъ этотъ отвѣтъ безъ всякаго возраженія, но невольно подумалъ, что безконтрольное распоряженіе суммами, и конечно значительными, не всегда можетъ идти правильнымъ путемъ, и не всѣ безупречныя репутаціи, созданныя обществомъ, да еще такимъ фантастическимъ, выдерживаютъ строгую критику. Но удержался отъ замѣчаній и спросилъ: гдѣ же пріѣзжій раввинъ почерпнулъ такую глубокую премудрость. Оказалось что онъ не изъ *ученыхъ*, но все самъ вычиталъ въ божественныхъ книгахъ и затакнетъ за поясъ какаго угодно заграничнаго раввина.

Впослѣдствіи отъ образованныхъ евреевъ я узналъ, что подобныя личности появляются иногда, въ особенности въ западныхъ губерніяхъ, и при фанатизмѣ массы обдѣлываютъ свои дѣла отличнымъ образомъ. Кто ихъ знаетъ, откуда у этихъ раввиновъ составляется громадная репутація и имъ наконецъ приписываются такія добродѣтели, которыхъ они никогда не имѣли; но они знаютъ объ этомъ и ловко пользуются своимъ положеніемъ. Торжественныя же свои путешествія они совершаютъ, если не ошибаюсь, преимущественно по ночамъ, потому что подобные люди боятся свѣта и гласности.

Покончивъ разговоръ о раввинѣ, знакомецъ мой еврей не преминулъ освѣдомиться о разчисткѣ днѣстровскаго порога, о которомъ, разумѣется я, ничего не могъ сообщить ему. Приглашалъ я его къ себѣ пить чай и часа два очень пріятно провелъ въ его обществѣ, потому что еврей дѣйствительно умный и смотрящій на все съ чрезвычайно практической точки зрѣнія. У него нѣтъ спеціальной коммерціи, онъ занимается чѣмъ попало, но высказалъ откровенно, что не любитъ тѣхъ операцій, которыя не приносятъ рубль на рубль выгоды. О помѣщикахъ онъ отзывался съ большой ироніей и доказывалъ, что они хозяйничаютъ очень плохо, и что если бы у него была земля вблизи Сороки, то онъ отъ одного табаку разбогатѣлъ бы непремѣнно. И взглядъ его въ этомъ случаѣ совершенно практиченъ. Хозяйство бессарабскихъ помѣщиковъ (за малыми исключеніями) до такой степени проникнуто рутиной, что и непосвященному въ эту премудрость легко видѣть всю несообразность какъ самыхъ основаній, такъ и пріемовъ.

При выѣздѣ изъ Сороки, верстахъ въ двухъ, гдѣ кишиневская дорога подымается въ огромное и живописное ущелье, въ отвѣсной скалѣ показываютъ пещеру. Когда-то, по разсказамъ туземцевъ, здѣсь жилъ суровый отшельникъ, но ни какихъ подробностей вы больше не узнаете. Входъ въ пещеру довольно труденъ и она не представляетъ ровно никакого интереса, но какъ послѣ генуэзскихъ развалинъ это вторая достопримѣчательность города, то каждый путешественникъ, одаренный любопытствомъ, считаетъ обязанностью вскарабкаться въ эту пещеру.

Слѣдуя внизъ по Днѣстру и пропустивъ два селенія, Вертюжены и Сеннатовку, нельзя не остановиться на деревенькѣ Жабкѣ, которая какъ орлиное гнѣздо пріютилась на высокой горѣ и выгля-

дываетъ оттуда бѣленькими домиками сквозь чащу деревьевъ. Но здѣсь будетъ главную роль играть не деревенька, убогая, какъ и множество ихъ по Бессарабіи, а дивная мѣстность. Пространство между рѣкой и удалившимся отъ нея нагорнымъ берегомъ, который возвышается постепенно, поросло густымъ превосходнымъ лѣсомъ, доходящимъ почти до вершины, тянущейся, то отдѣльными утесами, то сплошными массами скалъ, усѣянныхъ огромными каменьями. По лѣсу пролегаетъ нѣсколько битыхъ дорогъ, по которымъ чѣмъ дальше проникаете вглубь, постепенно встрѣчаете заботливый уходъ за деревьями и наконецъ идете уже по саду. Здѣсь въ лѣсу стоитъ жабкинскій монастырь, архивъ котораго мнѣ однакоже былъ недоступенъ, по той простой причинѣ, что церковные и монастырскіе архивы у насъ открываются только съ разрѣшенія мѣстнаго эпархіальнаго архіерея. Я упоминаю собственно объ этомъ монастырѣ потому, что здѣсь я видѣлъ какъ монашествующая братія, трудится, не въ монашескомъ, а въ общемъ значеніи этого слова. Личная ли это инициатива настоятеля, правила ли обители—незнаю, но проѣзжая впослѣдствіи нѣсколько разъ мимо монастыря и заходя иногда въ обитель, я видѣлъ постоянно какъ братія исполняетъ всевозможныя работы и дѣйствительно въ потѣ лица снѣдаетъ хлѣбъ свой. Въ монашескомъ же смыслѣ глаголъ трудиться имѣетъ совершенно другое значеніе, и первый разъ съ нимъ я познакомился далеко, на берегахъ Дона. Есть въ Воронежской губерніи очень плохой городишка Коротоякъ, извѣстный обильнымъ ловомъ стерлядей. Въ семи верстахъ отъ него въ живописныхъ горахъ стоитъ небольшой Дивногорскій монастырь, посѣщаемый какъ мѣстными жителями, такъ и проѣзжими, хотя трактъ этотъ глухой, ведущій только изъ Воронежа на Валуйки. Однажды лѣтомъ вмѣстѣ съ пріятелемъ В. И. І-мъ осматривали мы нѣсколько городовъ Воронежской губерніи и начали съ Коротояка. Пребываніе въ этомъ городишкѣ мнѣ очень живо по комической обстановкѣ,—но эти воспоминанія въ настоящей статьѣ были бы неумѣстны, хотя одинъ торжественный обѣдъ, на которомъ угощали насъ стерлядями подъ соусомъ, и мороженнымъ изъ овечьяго молока, стоилъ бы хотя краткаго описанія. Намъ столько наговорили о Дивногорскомъ монастырѣ, что на другой же день мы посѣтили уединенную обитель. Дѣйствительно, во всемъ томъ краю нельзя найти подобнаго красиваго мѣстоположенія. Самая церковь и келіи убоги и ничѣмъ особеннымъ не замѣчательны.

Игуменъ посовѣтовалъ намъ выдти за садъ и полюбоваться каменными скалами, для чего поручилъ одному монаху быть нашимъ путеводителемъ. Въ скалахъ ничего нѣтъ необыкновеннаго, но въ краю конечно это большая рѣдкость. Я замѣтилъ въ одномъ утесѣ неправильныя углубленія, сдѣланныя какимъ нибудь острымъ орудіемъ, и меня заняла мысль о цѣли этой непонятной и неоконченной работы. Я обратился къ монаху съ вопросомъ.

— Это уже давно, лѣтъ двадцать назадъ *трудилась* братія, отвѣтилъ онъ.

— Для какой же надобности?

— Изъ усердія, отвѣчалъ монахъ, смотря на меня съ недоумѣніемъ.

— Хотѣли вырубить пещеру вѣроятно?

— Нѣтъ, просто трудились. Мы тоже трудимся. Развѣ вы не знаете?

— Извините, даже не понимаю.

— Возьмешь топоръ и дуешь въ стѣну—и этакъ трудишся часа два, три, пока взопрѣешь, такъ что волосы сдѣлаются мокры.

— Но съ какой же цѣлью?

— Изъ усердія.

И это было не больше 15 лѣтъ тому назадъ, да и теперь еще встрѣчается на разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Изнуреніе тѣла конечно очень важно человѣку, который желаетъ отрѣшиться отъ всего земнаго и не имѣетъ на столько силы воли, чтобы заглушить въ себѣ всѣ человѣческія стремленія; но въ такомъ случаѣ все таки можно дѣлать что нибудь полезное хоть ближнимъ, хоть копать огородъ, рубить дрова и т. п. Но выкопать безъ всякой цѣли углубленія въ скалѣ изъ усердія—тоже, что и *толочь воду*. Послѣднее впрочемъ было однимъ изъ наказаній въ монастырскомъ уголовномъ кодексѣ—не знаю, теперь употребляется ли эта форма.

Жабкинскіе монахи много трудятся, но трудъ ихъ производителенъ, и я убѣжденъ, что это усердіе гораздо дѣйствительнѣе усердія дивногорскаго. Сколько я ни видѣлъ здѣсь братіи, я не замѣтилъ ни одной личности, которая показывала бы даже наклонность къ завидной полнотѣ или даже одутловатости. Все это народъ худощавый, по большой части изнуренный. Безъ сомнѣ-

нія, я не могу сказать, что видѣлъ *всѣхъ*, но покрайней мѣрѣ говорю о тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался. Мнѣ кажется, и самая справедливость требуетъ того, чтобы кучка людей, отрекшихся отъ міра, отказавшихся отъ интересовъ государства и отъ всякой солидарности съ обществомъ,—не была въ тягость ни государству, ни обществу. Завидна цѣль человѣка, покинувшаго все земное и стремящагося лишеніями и добровольными страданіями купить себѣ благо вѣчности; но такой человѣкъ не долженъ уже заботиться о благахъ матеріальныхъ, а главное не требовать никакихъ услугъ отъ общества, съ которымъ разорвалъ всякія связи. Въ обществѣ много и собственныхъ вопіющихъ нуждъ, а потому желательно, чтобы побольше встрѣчалось монастырей, которые въ потѣ лица снѣдали бы хлѣбъ свой, не эксплуатируя труда ближнихъ, какъ это дѣлаютъ монастыри заграничные, владѣющіе въ Бессарабіи населенными имѣніями. Много ли надо монаху для поддержки существованія, много ли надо человѣку, обрекшему себя на служеніе Богу и на бытъ, по уставу требующій всевозможныхъ лишеній? Мысль эта очень проста и естественна, но я удерживаюсь разсказывать о своихъ наблюденіяхъ касательно этого предмета, потому что довольно еще у насъ Аскоченскихъ, которые въ подобныхъ описаніяхъ увидятъ пожалуй посягательство на религію, хотя гг. асконченствующіе на каждомъ шагу попираютъ самыя святыя евангельскія истины.

Я не могъ подробно изучить быта жабкинской братіи и потому не буду распространяться, но заявляю очевидный фактъ, какъ онъ есть, и признаюсь, что мнѣ пріятно было встрѣтиться съ подобнымъ фактомъ, бывшимъ доселѣ, покрайней мѣрѣ для меня, чрезвычайною рѣдкостью.

Наискось отъ монастыря, почти противу селенія Сенатовки, на подольскомъ берегу, лежитъ мѣстечко Каменка, принадлежащая князю Витгенштейну. Замѣчательнѣе всего здѣсь господскій домъ, красивый и огромный, и великолѣпнѣйшій садъ, которому подобнаго нѣтъ на всемъ протяженіи Днѣстра. Здѣсь же воздѣлывается и виноградъ въ такомъ количествѣ, что изъ него добываютъ вино даже для продажи. При жизни покойнаго фельдмаршала, какъ говорятъ, имѣніе это было отлично устроено, потому что владѣлецъ, отдыхая послѣ многолѣтней службы, любилъ заниматься своей вотчиной.

Пониже лежитъ торговое мѣстечко Рашковъ, заселенное множествомъ промышленныхъ евреевъ. Замѣчательно оно тѣмъ, что на противоложномъ подольскомъ берегу, только черезъ Днѣстръ имѣюшій десятка два сажень ширины, раскинулось такое же мѣстечко подъ тѣмъ же названіемъ, и можно себѣ представить какая усиленная происходитъ дѣятельность, при столкновеніи и соперничествѣ бессарабскихъ съ подольскими евреями. Предметы промышленности, разумѣется, одни и тѣ же, и какъ жители одного мѣстечка знаютъ до мельчайшихъ подробностей средства жителей другаго, то и стараются всѣми возможными средствами перехитрить и перенадуть другъ дружку. Евреи подольскаго Рашкова шатаются по Бессарабіи и завязываютъ сношенія съ молдаванами; евреи же Рашкова бессарабскаго устремляются въ Подолію и стараются обдѣлывать свои дѣлишки, вслѣдствіе чего между обѣими сторонами возникаютъ частыя несогласія, даже существуетъ нѣчто въ родѣ вендеты, которая впрочемъ не ведетъ за собою кровавыхъ послѣдствій. Раза три, по нѣсколько дней проживалъ я въ Рашковѣ (бес.) и меня постоянно занимало соперничество евреевъ, которые обыкновенно ссорились въ продолженіе недѣли, а въ шабашъ дружелюбно разговаривали черезъ рѣку.

На этой мѣстности, не смотря на узкое пространство, Днѣстръ принимаетъ видъ болѣе судоходной рѣки, потому что по берегу вездѣ видны порожнія галеры, которыя ожидаютъ только полноводья, чтобъ грузиться товаромъ и спускаться въ низовья къ лиману. Сюда, какъ къ двумъ торговымъ пунктамъ, съ противоположныхъ сторонъ свозятся пшеница и кукуруза, скупаемыя мѣстными евреями. О промышленности этого племени очень много уже было писано, но я немогу не привести еще одного убѣдительнаго доказательства. Во время послѣдняго моего посѣщенія этой мѣстности, черезъ Балту проведена уже была телеграфная проволока, и въ Балтѣ открыта станція. Неизвѣстно мнѣ много-ли евреи пользовались телеграфнымъ сообщеніемъ, но одинъ мой знакомый изъ бессарабскаго Рашкова ѣздилъ за семьдесят верстъ въ Балту подавать депешу. Еврей этотъ очень разумный и съ большимъ тактомъ, такъ что по крайней мѣрѣ мнѣ не попадался другой такой въ Бессарабіи. У него при въѣздѣ въ Рашковъ свой собственный хорошенькій домикъ, убранный довольно щеголевато. Съ нимъ я съ удовольствіемъ бесѣдовалъ какъ о мѣстной тор-

говлѣ, судоходствѣ, рыболовствѣ, такъ и вообще о промышленныхъ средствахъ края, что ему было знакомо какъ пять пальцевъ. По его словамъ прилегающія мѣстности и Подоліи и Бессарабіи—золотое дно, изобилующее прекрасною растительностью, но хозяева не умѣютъ извлекать настоящей выгоды. О судоходствѣ онъ мнѣ сообщилъ, что недавно пониже къ Бендерамъ одинъ предпріимчивый г. Поповъ началъ строить особенныя суда съ мачтой, которыя подымаютъ грузъ гораздо больше галеры и значительно безопаснѣе послѣдней. Суда эти здѣсь называются плашкотомъ, не знаю уже на какомъ основаніи, потому что это просто палубныя лодки, какъ я увидѣлъ впослѣдствіи. Но плашкоты эти имѣютъ всѣ неудобства по причинѣ дороговизны фрахта, вслѣдствіе чего они и не прививаются. Плашкотъ же дешево взять не можетъ, во первыхъ, самъ стоя дорого, во вторыхъ, требуя расходовъ по поднятію его вверхъ по рѣкѣ, особенно на большомъ разстояніи — такъ какъ снизу не отправляется ни какихъ товаровъ. Парусъ его, придѣланный скорѣе для красы, не можетъ принести существенной пользы, потому что, кромѣ необыкновенной извилистости Днѣстра, въ силу котораго при самомъ попутномъ вѣтрѣ пришлось бы постоянно маневрировать и при малѣйшей оплошности посадить судно на мель, какихъ по рѣкѣ довольно и отъ затонувшихъ галеръ и плотовъ и отъ наноснаго ила при крутыхъ колѣнахъ. Плашкоты эти строены съ очень хорошимъ намѣреніемъ; строитель руководился мыслью придать имъ свойство, при возможно большемъ грузѣ—возможно меньшей осадки, но грузовая ватерлинія значительно возвышается на практикѣ, и плашкотъ, принявшій полный грузъ, не можетъ проходить на многихъ мѣстностяхъ. Конечно удобнѣе всего было бы выстроить желѣзныя баржи, но никакое улучшеніе судоходства на Днѣстрѣ немыслимо, пока не будетъ расчищенъ фарватеръ—отъ Бендеръ до Сороки. Ниже Бендеръ, при значительной глубинѣ, рѣка уже представляетъ удобный и безопасный путь для плаванія.

Рыболовство и здѣсь не представляетъ ровно никакого интереса. Напрасно по обоимъ берегамъ Днѣстра искалъ я рыбаковъ въ смыслѣ, какой мы привыкли придавать этому сословію. Молдаване даже какъ то неохотно ловятъ рыбу и для собственнаго употребленія. На подольской сторонѣ я слышалъ отъ стариковъ, что прежде въ Днѣстрѣ было очень много рыбы, что сюда

пріѣзжали промышленники, но вотъ уже лѣтъ около тридцати, какъ промыселъ этотъ прекратился и имъ занимаются мѣстные жители между прочимъ. Подобное извѣстіе ставило меня всегда въ-тупикъ. Мнѣ уже было не новость слышать объ уменьшеніи рыбы, при моихъ поѣздкахъ по берегамъ Днѣпра, гдѣ, не смотря на это, существуютъ рыбные заводы и подъ часъ ловится огромное количество рыбы. Жалоба на оскудѣніе рыбы у нѣкоторыхъ прирѣчныхъ жителей сдѣлалась стереотипной фразой, и если на иной мѣстности этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, то на другихъ оказывается несостоятельнымъ. Дѣйствительно, есть множество злоупотребленій, мѣшающихъ размноженію рыбы, хотя, не смотря и на это, ее выводится все таки большое количество,— но это не рѣдкость, гдѣ существуетъ множество заводовъ; а на Днѣстрѣ, рыболовная сѣть большая рѣдкость. Чего лучше—приморскіе рыбаки будутъ вамъ непремѣнно жаловаться на оскудѣніе рыбы, хотя уже тамъ этому злу рѣшительно не могутъ способствовать ни какія человѣческія злоупотребленія. Отсутствіе рыболовной промышленности на Днѣстрѣ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ приписать той апатіи, той неподвижности, съ которой истребляются драгоцѣнные лѣса, истощается почва, ведется хозяйство. По крайней мѣрѣ я, на сколько удавалось мнѣ собрать объ этомъ свѣдѣнія, не могу придти къ другому заключенію. Рыба есть, сбытъ не подлежитъ сомнѣнію, и недостаетъ главнаго — охоты заняться этимъ промысломъ. И здѣсь встрѣчается какое то странное, необъяснимое противорѣчіе въ отсутствіи черты, прирожденной всѣмъ прибрежнымъ жителямъ различныхъ націй. Возьмите какую угодно, даже дрянную рѣченку, мѣстное населеніе непремѣнно занимается рыбной ловлей—и при малѣйшей возможности развиваетъ этотъ промыселъ, потому что рыба—любимая и подъ часъ необходимая пища нашего простолюдина. Въ Днѣстрѣ же если и существуетъ рыболовство, то пониже—но на многія мѣстности, населенныя молдаванами, пріѣзжаютъ русскіе промышленники со своими снарядами и покупаютъ право заниматься ловлей рыбы. Объ этомъ обстоятельствѣ я много разговаривалъ съ моимъ знакомцемъ, рашковскимъ евреемъ. Онъ положительно утверждаетъ, что съ молдаванами ничего не подѣлаешь и приводитъ множество примѣровъ ихъ неподвижности въ промышленномъ отношеніи. О подолянахъ же онъ выразился, что хотя послѣдніе и дѣлаютъ попытки къ

рыболовству, но какъ рѣчки принадлежатъ помѣщикамъ, и помѣщики считаютъ невыгоднымъ это занятіе, то и промыселъ не получаетъ никакого развитія. Между тѣмъ рыба на мѣстѣ продается очень дорого, и уловъ ея только что въ состояніи удовлетворить весьма немногихъ гастрономовъ. Впослѣдствіи однакоже, я видѣлъ и молдаванъ рыболововъ.

За Рашковымъ верстахъ въ тридцати слишкомъ, лежитъ довольно торговое мѣстечко Резина, недоѣзжая до котораго встрѣчается необыкновенно крутой спускъ, огромнѣе и чуть ли не опаснѣе, описаннаго мною въ первыхъ главахъ, возлѣ селенія Молодовой. Гора эта при деревнѣ Черной, которая лежитъ тутъ же на берегу. Въ Резинѣ и лежащемъ на подольской сторонѣ мѣстечкѣ Рыбницѣ, какъ торговля, такъ и промышленность таже что и въ Рашковѣ. За то мѣстоположеніе Резины гораздо красивѣе. У меня остались два воспоминанія объ окрестностяхъ этихъ мѣстечекъ—и одно изъ нихъ относится къ области художественной, а другое къ особенному условію народнаго быта. О первомъ могъ бы и не говорить, но какъ пришлось къ слову, то упомяну вскользь, что верстахъ въ пяти внизъ по Днѣстру лежитъ монастырь въ такомъ великолѣпномъ ущельи, какого я не видалъ даже въ Буковинѣ, которая сплошь и рядомъ представляетъ путешественнику живописные виды. Представьте себѣ отвѣсныя скалы не менѣе полутораста сажень вышины, на которыхъ, гдѣ только можно бы уцѣпиться дереву, зеленѣетъ пышная растительность—и изъ глубины ущелья, откуда то далеко, бѣжитъ свѣтлый, прозрачный горный ручей, который при выходѣ однакоже охваченъ нѣсколькими мельницами и превращенный въ грязный потокъ ворочаетъ жернова въ пользу братіи. Старинныя келіи, высѣченныя въ утесѣ, доказываютъ, что монастырь прежде находился въ ужаснѣйшемъ захолустьи. Кто, проѣзжая по этимъ мѣстамъ — хотя и трудно предположить здѣсь путешественниковъ,—захочетъ полюбоваться чудными пейзажами, хотя бы въ этомъ случаѣ и избаловали его прибрежья Днѣстра, — тотъ все-таки пусть съѣздитъ въ монастырь и пройдется по ущелью.

Жизнь въ Резинѣ, какъ и вообще въ прибрежныхъ деревняхъ, была для меня въ высшей степени однообразна и хоть я посѣщалъ по временамъ поссесора грека, отъ котораго мало впрочемъ получилъ интересныхъ свѣдѣній, — однако меня начало

одолѣвать уныніе. На томъ берегу тоже не весело; какъ подольскіе крестьяне, такъ и бессарабскіе царане не могутъ похвастаться своимъ благосостояніемъ. Сцены грубаго произвола, система угнетенія простаго люда и невозможность послѣдняго пользоваться даже тѣми немногими гарантіями, которыя должны ограждать его отъ притѣсненій, все это, повторяясь повсемѣстно, начинало сильно дѣйствовать на мое настроеніе. Мнѣ постоянно попадались помѣщичьи деревни, а я уже и въ первыхъ главахъ довольно говорилъ объ администраціи бессарабскихъ помѣстій. На томъ берегу дѣйствовала тогда—это было въ 1859 г.—такъ называемая инвентарная система, введенная въ западныхъ губерніяхъ, на бумагѣ дѣйствительно облегчившая положеніе господскихъ крестьянъ, но въ жизни рѣдко развѣ гдѣ избавившая его отъ гнета крѣпостнаго права. Я увѣренъ, что читатель даже не спроситъ меня—почему же такая разладица между закономъ и его приложеніемъ, но убѣжденъ также, что и не заподозритъ меня въ крайнемъ пессимизмѣ. Говорю это, разумѣется, о людяхъ, знающихъ хоть какой нибудь уголокъ провинціи. Всѣ столкновенія по поводу инвентарей у крестьянъ съ помѣщиками вершила земская полиція и этого, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ западными губерніями, весьма достаточно, чтобы не быть оптимистомъ.

Зная по слухамъ о привольномъ сравнительно бытѣ *резешей* (мелкихъ собственниковъ), я все ожидалъ, что наконецъ встрѣтятся же мнѣ гдѣ нибудь надъ Днѣстромъ эти бессарабскіе однодворцы. Но я посѣтилъ половину рѣки, а о резешахъ все еще не было помину. Наконецъ, одинъ бывалый еврей объяснилъ мнѣ, что я не встрѣчу ихъ и до самаго лимана, и если хочу познакомиться съ этимъ сословіемъ, то могу отправиться куда нибудь въ сторону, хоть даже изъ Резины верстъ за двадцать, въ резешскую деревню. На другой же день я рѣшился исполнить давнишнее свое желаніе и рано утромъ въ простой чертопхайкѣ, съ удалымъ молдаваномъ, который мараковалъ по русски, на бойкихъ лошаденкахъ выѣхалъ назадъ по рашковской дорогѣ. Мнѣ предстоялъ подъемъ на ту ужасную гору, о которой я упоминалъ, и хоть проводникъ мой увѣрялъ, что живо вывезетъ меня на вершину, однако изъ жалости къ лошадямъ и нѣкоторому чувству самохраненія я предпочелъ взбираться пѣшкомъ на длинную и извилистую гору.

Я уже, кажется, описывалъ какъ молдаване и русскіе обращаются съ самыми неудобными спусками и подъемами и довольно таки привыкъ подыматься и спускаться самымъ бѣшенымъ галопомъ, но при такихъ высотахъ, какъ въ Молодавой и Чорной— нельзя не посовѣтоваться и съ благоразуміемъ. За то же на вершинѣ, давъ только вздохнуть немного лошадямъ и то потому, что я замѣшкался, оборачиваясь полюбоваться видами, мой возница пустилъ свою пару въ карьеръ—и черезъ часъ или даже менѣе примчалъ меня къ цѣли желаній. Передо мной вся въ садахъ лежала красивая молдавская деревня.

— Гдѣ же мы пристанемъ? спросилъ я.

— А гдѣ угодно—у дворника (старшины), а не то поѣдемъ на земскую почту. Пристать можно вездѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы подальше отъ этихъ дворниковъ и писарей.

— Видите ли, много хозяевъ нѣтъ дома,—а ужъ на земской почтѣ вѣрно есть.

— Ну, пожалуй хоть на земскую почту.

Я не хотѣлъ останавливатьяся въ Каза-ди-обшти, чтобы удалить всякую офиціальность.

Поворотивъ раза два то вправо, то влѣво, мы очутились во дворѣ, возлѣ чисто вымазанной просторной хаты. Вышла довольно пожилая женщина и объявила, что хозяина нѣтъ дома, лошадей нѣтъ. Это я понялъ, но я не понялъ дальнѣйшаго съ ней разговора моего возницы, потому что они говорили очень быстро, и наконецъ я плохо понималъ по молдавански.

— Хозяйка проситъ отдохнуть въ горницу, сказалъ мнѣ проводникъ.

Дѣйствительно и мнѣ хозяйка выговорила свое «добро пожаловать.»

О чистотѣ молдавскихъ жилищъ нечего и говорить, но здѣсь кромѣ чистоты замѣтна была уже нѣкоторая роскошь, и самые размѣры хаты были гораздо больше. Кромѣ обычныхъ ковровъ, разложенныхъ и развѣшенныхъ, гдѣ только можно, въ углу стоялъ шкафъ съ посудой и серебряными ложками, по стѣнамъ висѣли дешевыя заграничныя литографіи. Не успѣлъ я снять дорожной сумки, какъ уже хорошенькая дѣвушка принесла въ двухъ банкахъ варенье, стаканъ воды, серебряную ложечку и проговорила:

— Дульчеца апа речи (варенья съ водою).

Но я пріѣхалъ къ резешамъ не сидѣть въ горницѣ, а осмотрѣть деревню, потолковать, если можно, съ жителями и сравнить ихъ бытъ съ бытомъ царанъ. Отсутствіе хозяина сильно меня обезкуражило, но случай помогъ мнѣ исполнить мое желаніе. Въ горницу вошелъ высокій, сѣдоватый молдаванъ, въ халатѣ, подпоясанный цвѣтнымъ поясомъ—и поздоровался довольно чисто по русски. Я предложилъ гостю табаку, онъ самъ распорядился попотчивать себя хозяйскимъ вареньемъ, и я откровенно объяснилъ ему причину своего посѣщенія.

Молдаванъ съ гордостью замѣтилъ мнѣ, что резеши почти тѣже бояре (дворяне), и что порядочный резешъ не ударитъ лицемъ въ грязь передъ какимъ нибудь *посессоромъ*. Но мнѣ нужны были не хвастливыя фразы, а хоть какіе нибудь факты, изъ которыхъ я могъ бы иногда посудить о степени благосостоянія этого сословія.

Гость мой былъ словоохотенъ и вызвался быть моимъ путеводителемъ. Около двухъ часовъ странствовали мы по деревнѣ, заходили въ ихъ избы по моему указанію, гдѣ хозяева, а больше хозяйки, приняли меня радушно и угощали неизбѣжнымъ «дульчеца апа речи.» Вездѣ замѣтно нѣкоторое довольство, ни гдѣ я не видѣлъ убожества. Резеши, владѣя собственными участками, занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ; женщины ткутъ ковры, играющіе немаловажную роль въ быту молдаванина; виноградники и табачныя плантаціи составляютъ только подспорье. Особеннаго богатства я не замѣтилъ, двѣ три хаты убраны нѣсколько щеголѣватѣе прочихъ,—но вся деревня смотритъ какъ то весело, и у каждой хаты возвышаются довольно большія кошницы, у иной даже по нѣскольку. Но и при недостаткахъ, резешъ не унываетъ, на томъ основаніи, что все же его уголъ лучше не только царанина, но и самаго государственнаго крестьянина, точно также, какъ и однодворцы, о которыхъ поется въ пѣсни:

Самъ крестьянинъ,
Самъ и баринъ,
Самъ и пашетъ и оретъ,
Самъ и пѣсенку поетъ.

Чичероне мой, по обычаю, хвалилъ прежнее время и утверждалъ, что въ старину было гораздо лучше, а когда я

потребовалъ доказательствъ, то это лучшее ограничивалось дешевизною жизни. Резешамъ вообще и теперь не худо, и если сравнитъ ихъ бытъ съ бытомъ царань, то первые просто благоденствуютъ. Конечно, читатель согласится со мною, что въ нѣсколько часовъ я не могъ не только вникнуть въ дѣло, но даже и поверхностно обозрѣть его, и потому, воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было заключенiй, я имѣю право только сказать, что посѣщенiе резешей, лично на меня, произвело очень прiятное впечатлѣнiе. Впослѣдствiи я жилъ въ селахъ государственныхъ имуществъ и все таки не находилъ ни того всеобщаго довольства, ни даже той обстановки.

Изъ Резины ѣхалъ я вдоль крутаго берега красивой дорогой до мѣстечка Кривулянъ, наискось отъ которыхъ, лѣвѣе, стоитъ заштатный городокъ Херсонской губернiи Новые Дубоссары, куда и завернулъ познакомиться съ новой для меня мѣстностью.

ГЛАВА X.

Дубоссары. Свѣдѣния изъ путешествія Нѣмцевича. Наши пути сообщенія. Вольные матросы. Ходатайство мое объ этомъ сословіи у Е. И. В. Генералъ-Адмирала. Поѣздка по этому случаю. Григоріополь. Его обитатели. Чичероне. Городничій. Пожаръ. Дѣйствіе пожарной команды. Бендеры. Возница. Шведскій лагерь. Могила Мазепы. Пребываніе Карла XII въ Бендерахъ. Осада королевской резиденціи.

Дубоссары, заштатный городъ Херсонской губерніи, не представляетъ ничего интереснаго, хотя и отстроенъ довольно сносно, даже лучше многихъ уѣздныхъ городишекъ, особенно произведенныхъ изъ какого нибудь селенія. Когда Дубоссары возникли, для какой цѣли сдѣланы городомъ и потомъ оставлены за штатомъ — доискаться трудно, и несомнѣнно лишь одно, что они играли роль въ то время, когда Днѣстръ составлялъ пограничную линію. И теперь еще близъ моста, ведущаго въ Кріуляны, виднѣется упраздненное зданіе, не то карантинъ, не то таможня— но только одно изъ двухъ, не помню. Впрочемъ, ту или другую роль играло упраздненное зданіе—для читателя все равно, потому что оно приходитъ въ разрушеніе. Дубоссары, не смотря на свою видимую порядочность, состоящую, впрочемъ, изъ нѣсколькихъ сносныхъ домиковъ, все-таки принадлежатъ къ тѣмъ городкамъ, наводящимъ на пріѣзжаго уныніе, которыхъ такъ изобильно во всѣхъ губерніяхъ имперіи. Единственное упоминаніе о Дубоссарахъ нашелъ я въ путешествіи Нѣмцевича, и какъ это было въ 1818 г., то я и считаю не лишнимъ привести небольшой отрывокъ. Нѣмцевичъ ѣхалъ изъ Балты въ Одессу.

«Первый ночлегъ мой, говоритъ онъ, былъ въ Дубоссарахъ. Вечеромъ шелъ проливной дождь, и дорога сдѣлалась скользкая, непріятная и тяжелая. Было десять часовъ, когда экипажъ мой остановился предъ постоялымъ дворомъ какого-то нѣмца. Измученный, обмокшій, я заранѣе утѣшалъ себя мыслью о спокойномъ отдыхѣ, какъ хозяинъ объявилъ, что не могъ принять меня по случаю большаго съѣзда гостей, прибывшихъ на завтрашній базаръ. Я тотчасъ же обратился къ обычному средству, и рубль серебромъ такъ расположилъ въ мою пользу *нѣмца*, хозяина, что нѣмецъ уступилъ мнѣ нетолько свою комнату, но и постель. Впрочемъ, это ложе небольшую мнѣ принесло выгоду. Несчастный и бубенъ и флейта до такой степени одушевляли молодежь, прибывшую изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ колоній, что вальсамъ не было счету, и хоть хозяйка, въ благодарность за мой рубль, старалась о прекращеніи бала, однако дочери ея безпрерывно просили noch nur einen Waltz. И этотъ *одинъ еще вальсъ* повторялся постоянно; но возможно ли было отказать дамамъ. Родившіеся уже здѣсь нѣмцы сохранили и типъ, и движеніе, и одежду своего племени. Смотря на молодыхъ нѣмчиковъ, вертѣвшихся въ вальсѣ, я подумалъ: внуки ихъ разбогатѣютъ и сдѣлаются, можетъ быть, баронами, графами.

«На другой день городъ наполнился народомъ: пригнали множество быковъ для продажи. Въ ужаснѣйшей грязи топтались нѣмецкіе колонисты, цыгане, молдаване, евреи. Двадцать лѣтъ назадъ здѣсь было развѣ нѣсколько татарскихъ землянокъ, а теперь 350 домовъ, которые, впрочемъ, весьма жалки и покрыты тростникомъ. Топливомъ служитъ здѣсь торфъ, но не такой, какъ на другихъ мѣстностяхъ: а просто навозъ, нарѣзанный квадратиками и высушенный на солнцѣ. По недостатку пива, нѣмцы вошли во вкусъ туземной водки; я даже видѣлъ какъ семилѣтняго мальчика пріучали къ этому напитку. Пара воловъ стоитъ здѣсь отъ 150 до 200 р. ассигнаціями» (Podroze Historyczne str. 306).

Конечно, со временъ Нѣмцевича построилось много домиковъ, изъ которыхъ лучшіе принадлежатъ евреямъ,—но грязь осталась та же, потому что хотя я пріѣхалъ и въ сухое время, однако лужи и топи заливали улицы и площадь, требуя отъ прохожаго знанія

мѣстности, чтобъ не увязнуть по колѣни. Есть и трактиръ, въ которомъ, должно быть, останавливался путешественникъ, но не знаю танцуютъ ли во время базаровъ нѣмцы—покрайней мѣрѣ мнѣ этого видѣть не случалось. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ окрестные колонисты много измѣнились; они не оправдали пророчества Нѣмцевича и не сдѣлались баронами и графами, но разбогатѣли дѣйствительно, и живутъ вообще далеко лучше всѣхъ нашихъ земледѣльцевъ.

Дубоссары ведутъ торговлю сырыми произведеніями, благодаря еврейскому населенію, которое, какъ и вездѣ, не лежитъ сложа руки, и пользуется малѣйшею возможностью зашибать копѣйку.

Днѣстръ здѣсь представляетъ уже небольшія препятствія къ судоходству, состоящія въ меляхъ, которыя, конечно, моглибъ быть устранены, но торговля преимущественно пользуется сухопутнымъ сообщеніемъ по случаю недальняго разстоянія отъ Одессы, хотя иногда разстояніе это требуетъ очень много времени, по причинѣ глубокой и можно сказать чудовищной грязи. Лѣвый берегъ Днѣстра, начиная съ Подольской губерніи и вплоть до самаго Чернаго моря, отличается какъ-то невылазной грязью: во время продолжительныхъ дождей, особенно весною и осенью— здѣсь рѣшительно нѣтъ возможности ѣхать даже въ самой легкой повозкѣ, а города, неисключая и Одессы — дѣлаются буквально непроходимыми. Теперь проэктируется желѣзная дорога отъ Одессы къ Днѣстру у сел. Парканъ, и желѣзноконная до Хотина чрезъ всю Бессарабію. О пользѣ этихъ улучшенныхъ путей сообщенія распространяться нечего; но я стою на своемъ— что высказывалъ не разъ, какъ и въ первыхъ главахъ своей поѣздки, такъ и въ другихъ статьяхъ, что для описываемой мѣстности прежде всего необходимы хоть узенькія шоссе, но которыя перерѣзывали бы край въ разныхъ направленіяхъ. Шоссированныя дороги оказали бы для обѣихъ сторонъ Днѣстра неисчислимую пользу, а безъ нихъ паровые и желѣзноконные пути не достигнутъ своей цѣли—по причинамъ, о которыхъ даже распространяться считаю излишнимъ. Допустимъ, что мы находимся въ исключительномъ положеніи, что западное развитіе торговли и путей сообщенія застало насъ въ патріархальномъ бездѣйствіи, что когда въ Европѣ не только города, но даже села давно

соединены были шоссейными дорогами — и потомъ уже стали прокладываться желѣзные пути; что мы наконецъ прозрѣли и вздумали у себя заводить чугунки. Все это такъ, но скоро ли мы дождемся желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ огромныя наши пространства, всѣ наши хлѣбородныя, богатыя мѣстности сплошь и рядомъ представляютъ препятствія для сообщеній. Конечно, это сдѣлалось уже общимъ мѣстомъ, но какъ же избѣжать его, если приходится говорить о нашихъ провинціяхъ? Я не буду здѣсь касаться проэктируемыхъ дорогъ и говорить за и противъ, но полагаю обязанностью замѣтить, что безъ шоссированныхъ дорогъ ни торговля наша, ни промышленность немыслимы. Какъ ни могущественны паровыя сообщенія, но чугунка не можетъ удешевить хлѣба въ портовыхъ городахъ — а это для насъ настоятельная необходимость — потому что громоздкій хлѣбный товаръ требуетъ значительной перевозочной платы. Для сбыта земледѣльческихъ произведеній южной и средней полосы не столько нужна быстрота, какъ возможность сообщенія, которая, во первыхъ, обезпечивала бы самую доставку, такъ и во вторыхъ, давала средство заключать и исполнять поставку хлѣба. Недорогія, но частыя шоссе лучше всего способствовали бы какъ развитію земледѣлія, такъ и вообще преуспѣянію нашей торговли и промышленности. Я налегаю въ особенности на шоссе, какъ на средство поднять благосостояніе южнаго края, еще и потому, что устройство его по краю, изобилующему камнемъ, не можетъ обойтись дорого, разумѣется, если сооруженіе его будетъ произведено мѣстными средствами и мѣстными строителями. Система должна быть самая упрощенная и безъ всякаго поползновенія къ роскоши и щегольству, какія видимъ мы, напр., по варшавско-московской, и даже по бѣлорусско-петербургской дорогѣ. Тамъ шоссе великолѣпны и поглощали громадныя суммы, хотя для торговли и не представляютъ не только особеннаго, но и никакого подспорья. Одна первоклассная станція, т. е. ея устройство, меблировка и содержаніе на московско-варшавскомъ пути — стоитъ, я думаю, столько денегъ, сколько нужно на проведеніе скромнаго шоссе верстъ на сто, если не больше. Выбирать пункты и направленіе тамъ не трудно: стоитъ только предоставить этотъ выборъ мѣстнымъ жителямъ, и одно, что необходимо

наблюсти это облегчить послѣднихъ отъ разныхъ формальностей въ осуществленіи полезныхъ проэктовъ. При содѣйствіи шоссе и самыя паровыя дороги розовьютъ шире свою дѣятельность, а безъ этого удобства дѣло въ нашихъ южныхъ провинціяхъ не подвинется впередъ, не смотря ни на какія выгодныя линіи желѣзныхъ дорогъ. Весною и осенью, а на югѣ и зимою, часто нѣтъ возможности доставить хлѣбъ и за пятьдесятъ верстъ, во первыхъ, по случаю распутицы, вовторыхъ, за неисправностью мостовъ и гатей. Отчего у насъ шоссе вообще стоятъ неизмѣримо дорого, если даже и непринимать во вниманіе великолѣпныхъ станцій съ паркетами и щегольской мебелью? Отъ желанія показать товаръ лицомъ. Посмотрите на эти канавки, выложенныя дерномъ, на эти красивыя кучки изъ разноцвѣтныхъ камней, означающія каждыя сто сажень, на эти полисадники, разбитые такъ артистически при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, — и вы убѣдитесь сколько денегъ истрачено самымъ непроизводительнымъ образомъ. Деревянныя перилы, напримѣръ, вещь очень красивая, но не вездѣ необходимая—и на лѣсистыхъ мѣстностяхъ обходятся казнѣ не дешево, а если поставить ихъ по степямъ Новороссіи, да еще непремѣнно изъ сосноваго лѣса—во что они обойдутся? Шоссейныя дороги, предназначенныя соединять торговыя и промышленныя мѣстности, могутъ обходиться рѣшительно безъ всякихъ украшеній, да и недолжны требовать и ширины больше той, какая нужна для свободнаго разъѣзда двухъ повозокъ. Сѣтью желѣзныхъ дорогъ Россія скоро покрыться не можетъ, но должна какъ можно скорѣе построить побольше путей шоссейныхъ, и тогда, нѣтъ никакого сомнѣнія, что видимо начнутъ процвѣтать области, которыя и созданы для цвѣтущаго состоянія, но разными условіями общества поставлены почти въ безвыходное положеніе. Самый лучшій примѣръ—малорусскія губерніи, гдѣ не такъ еще давно рожь, напримѣръ, въ урожайные годы стоила за пудъ 5 к. сереб., а во время голода тотъ же пудъ продавался по цѣлковому. Разумѣется, хотя не въ такой пропорціи, однако съ незначительной разницей, идетъ наша хозяйственная промышленность въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ портовыхъ городовъ. Помѣщики южной полосы имѣли еще выгоду доставлять хлѣбъ, положимъ, въ Одессу, потому что пользовались да-

ровымъ извозомъ, наряжая крестьянъ; но съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права—эта выгода рухнула,—и теперь они принуждены продавать свою пшеницу мѣстнымъ спекулянтамъ по цѣнѣ весьма незавидной.

Какъ правый, такъ и лѣвый берега Днѣстра нуждаются въ шоссе, которое соприкосалось бы къ нему въ разныхъ мѣстахъ и давало развитіе дѣятельности въ этомъ благодатномъ климатѣ, на великолѣпной почвѣ, требующей только разумной обработки. Мнѣ кажется, и врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что если бы бессарабское дворянство, вмѣстѣ желѣзно-конной дороги отъ Хотина до Одессы, которая все таки поглотитъ большіе капиталы, взялось покрыть область сѣтью шоссе, оно принесло бы краю громадную пользу и скоро выручило бы затраченныя суммы, взимая умѣренную поверстную плату. Огромнаго же движенія по одному только направленію,—когда не сегодня, завтра улучшится судоходство по Днѣстру, по которому изъ того же Хотина можно сплавлять грузы, — ожидать нельзя; а обратные поѣзды изъ Одессы, вѣроятно, часто будутъ ходить пустыми. Но предоставимъ времени показать нашимъ экономистамъ, что необходимо для благоденствія страны, и возвратимся къ Дубоссарамъ.

Городишко этотъ памятенъ для меня тѣмъ, что въ немъ первый разъ встрѣтился я съ днѣстровскими вольными матросами. Кто читалъ мою «Поѣздку по Днѣпру», тотъ знакомъ уже съ этимъ интереснымъ сословіемъ; но если днѣстровскіе вольные матросы организованы на одинаковыхъ основаніяхъ съ днѣпровскими и тѣми, которые населяютъ портовые города Чернаго и Азовскаго морей, то поставленные въ совершенно исключительное положеніе, обусловленное неудобной мѣстностью, они рѣдко занимаются мореходствомъ и вообще судоходствомъ. Изрѣдка только иные изъ нихъ отправляются по портамъ искать работы, а большая часть занимаются преимущественно земледѣліемъ. Здѣсь они сплошь и рядомъ молдаване, потому что весь лѣвый берегъ Днѣстра, начиная отъ границы Херсонской губерніи, населенъ этимъ племенемъ, исключая г. Тирасполя, м. Маякъ, наполненныхъ великорусскими старовѣрами, до одной нѣмецкой колоніи, уже на лиманѣ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ привести одинъ эпизодъ изъ моей поѣздки въ южную Россію, который, конечно, не можетъ быть безъинтересенъ для читателя, но для меня составляетъ самую свѣтлую страницу въ моей жизни, и я отрадно отдыхаю на ней, когда переношусь въ минувшее. Познакомившись на среднемъ Днѣпрѣ съ вольными матросами и вникнувъ съ особеннымъ вниманіемъ въ ихъ бытъ, я нашелъ такія вещи, которымъ трудно повѣрить, но представившіяся мнѣ во всей наготѣ дѣйствительности. При началѣ крымской кампаніи всѣ вольные матросы, окончившіе ученье и занимавшіеся промыслами, единодушно пошли охотниками въ черноморскій флотъ, и многіе изъ нихъ были подъ Синопомъ. Когда высадились въ Крыму союзники, и моряки наши не могли уже быть полезными на своей родной стихіи, а обязаны были защищать Севастополь на берегу,—вольные матросы поступили на бастіоны. Много этихъ охотниковъ легло костьми при мужественной оборонѣ, но гораздо больше получило тяжелыя раны и увѣчье. Немногіе изъ нихъ получили единовременныя денежныя награды, а остальные потащились безъ всего по домамъ, вдоль Днѣпра, почти до Кременчуга, по Днѣстру и по портамъ Черноморскаго и Азовскаго морей до самыхъ низовьевъ Дона—кто безъ руки, кто безъ ноги, кто съ простреленною грудью, кто съ разбитою головою. Какъ волонтеры, они были выключены изъ списковъ, и вся ихъ многотрудная служба на бастіонахъ осталась только въ памяти ихъ ближайшихъ временныхъ командировъ. Многіе, впрочемъ, понесли съ собою георгіевскіе кресты, а всѣ получили по медали. Между тѣмъ, смерть, тяжелыя раны и увѣчье вольныхъ матросовъ внесли въ ихъ семейства положительное бѣдствіе, которое, развиваясь быстро, обнаруживалось въ 1858 году уже значительными симптомами. Народъ это все болѣе или менѣе бѣдный, живущій судоходствомъ или земледѣліемъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимы здоровье и физическія силы. Иная семья, по случаю болѣзни или увѣчья одного своего члена, приходила въ совершенное разстройство, и не видѣла выхода. Были и такія семейства, послѣ убитыхъ матросовъ, которыя состояли изъ вдовы и малолѣтныхъ дѣтей, и начинали уже нищенствовать...

Всѣ дѣла о вольныхъ матросахъ сосредоточены въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора, гдѣ и находится особый чиновникъ, ими завѣдующій, и хоть вольные матросы подчинены мѣстнымъ властямъ въ полицейскомъ отношеніи, однако этотъ чиновникъ считается главнымъ ихъ начальникомъ; обязанность послѣдняго, конечно, не маловажная, если смотрѣть на нее, по теоріи, но на практикѣ заключается въ томъ, что чиновникъ разъ въ годъ объѣдетъ, да и то пожалуй не всѣ мѣстности, разберетъ кое какія жалобы и отправляется въ Одессу, разсылая оттуда различныя предписанія за №№—. Вникнувъ ближе въ бытъ бѣдняковъ, я могъ только имъ сочувствовать, но какъ лицо неофиціальное не могъ даже хорошенько освѣдомиться— были-ль какія нибудь попытки улучшить это сословіе. Проѣздомъ чрезъ Одессу, я освѣдомлялся, однако получилъ въ отвѣтъ, что вольные матросы пьяницы, народъ буйный и что съ ними нѣтъ никакихъ средствъ управиться. Между тѣмъ я видѣлъ, что это совершенно не такъ, и признаюсь, мысль о бѣдствіи нѣсколькихъ сотъ семействъ не выходила у меня изъ головы. Я былъ убѣжденъ, что высшее правительство не знаетъ объ этомъ, что мѣстныя власти не писали въ Петербургъ, но твердо вѣрилъ, что бѣдняки не останутся безъ помощи не только по чьему нибудь ходатайству, но даже просто по заявленіи. Взвѣсивъ всѣ шансы на успѣхъ, я рѣшился, наконецъ, безъ всякихъ околичностей, довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, и переѣхавъ на Днѣстръ, въ короткихъ словахъ описалъ дѣло. Я считалъ себя обязаннымъ исполнить это—и немедля ни мало, послалъ въ С.-Петербургъ свое донесеніе. Не прошло нѣсколько недѣль, какъ я получилъ изъ канцеляріи морскаго министерства отвѣтъ, въ которомъ не только благодарили меня, но еще мнѣ же поручили записать лично всѣхъ раненыхъ и увѣчныхъ. Смѣло могу сказать, что я давно уже не ощущалъ подобной радости, какую чувствовалъ, читая это письмо, и хоть порученіе отвлекало меня отъ моихъ занятій, хоть я осенью и зимою долженъ былъ совершить нѣсколько тысячъ верстъ по пустынямъ и снова отправляться на пройденный уже Днѣпръ, — однако мысль, сдѣлать доброе дѣло, вытѣснила у меня всѣ другія мысли. Я упо-

требилъ семь мѣсяцевъ на поѣздку по прибрежьямъ рѣкъ, морей и по степямъ донскимъ и новороссійскимъ. Результатомъ моихъ изысканій было то, что когда я возвратился въ Петербургъ и представилъ списки раненыхъ и увѣчныхъ вольныхъ матросовъ, Его И. В. Генералъ-Адмиралъ принялъ это близко къ сердцу, исходатайствовалъ увѣчнымъ пенсіоны, а тяжело-раненымъ единовременныя пособія, которыя и были посланы съ нарочнымъ чиновникомъ морскаго министерства. (*).

(*) «Государю Великому Князю Генералъ-Адмиралу угодно было поручить еще въ 1858 г. командированному отъ морскаго министерства въ Новороссійскій край писателю Афанасьеву-Чужбинскому собрать возможно подробныя свѣдѣнія о вольныхъ матросахъ, участвовавшихъ въ оборонѣ Свастополяе, и привести въ извѣстность кто изъ нихъ наиболѣе нуждается, вслѣдствіе увѣчья, ранъ или смерти членовъ семейства. Этотъ обширный трудъ, возможный лишь при близкомъ знакомствѣ со всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, по которому разбросаны селенія вольныхъ матросовъ, былъ оконченъ осенью 1860 г.

«Въ простой формѣ именныхъ списковъ онъ содержитъ множество краснорѣчивыхъ и трогательныхъ фактовъ. Раскройте эти списки: въ нихъ занесены только раненые въ Севастополѣ или убитые, послѣ которыхъ остались семейства. Вы насчитаете до тысячи именъ неизвѣстныхъ, незвучныхъ, никогда не попадавшихъ ни въ какую реляцію, а между тѣмъ взгляните на отмѣтки:—вотъ одинъ, который простоялъ 11 мѣсяцевъ на Малаховомъ курганѣ. Онъ былъ три раза раненъ. Послѣ первой раны его отнесли въ госпиталь; двѣ недѣли спустя, онъ, едва стоя на ногахъ, упросилъ доктора отпустить его снова на батарею. Вторую рану онъ скрылъ, чтобы его снова не отправили въ больницу, и простоялъ у орудія, пока ему не разбило праваго плеча осколкомъ. Подобныхъ случаевъ можно насчитать много. Почти всѣ контужены и ранены по нѣскольку разъ.

«У старухи матери было три сына и замужняя дочь, всѣ три сына и зять пошли въ Севастополь—ни одинъ не вернулся.

«За такія утраты, за такіе подвиги нѣтъ вознагражденія, но матеріальныя потери, къ счастію, можно было хотя отчасти поправить».

«Для этой цѣли Великій Князь Генералъ-Адмиралъ испросилъ, въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года, Высочайшее соизволеніе на отпускъ 15000 р. с. для раздачи раненымъ вольнымъ матросамъ и семействамъ убитыхъ. Распредѣленіе этихъ денегъ между наиболѣе нуждающимися было поручено чиновнику морскаго министерства, надворному совѣтнику Рачинскому, который, будучи снабженъ всѣми собранными уже свѣдѣніями и посѣщая всѣ селенія вольныхъ матросовъ, легко могъ соразмѣрять сумму пособія съ дѣйствительными нуждами каждаго. Хотя, при большомъ числѣ лицъ, имѣвшихъ право на вспомоществованіе, доля каждаго не могла быть очень значительна, но и этой суммы, преимущественно въ селахъ, было часто достаточно, чтобы оказать нуждающимся дѣйствительную помощь. (Офиц. отдѣлъ № 7 М. Сб. 1861 года: О выдачѣ пособій вольнымъ матросамъ.)

Въ двадцати верстахъ ниже Дубоссаръ лежитъ тоже заштатный городокъ Григоріополь, населенный преимущественно армянами. Въ просторѣчіи онъ, впрочемъ, называется «Чорная» и названіе это повсемѣстно, какъ въ Херсонской губерніи, такъ и въ Бессарабіи. По наружности Григоріополь превосходитъ многіе уѣздные города Херсонской губерніи, и по своему прекрасному гостиному двору покажется, особенно съ перваго раза, весьма торговымъ,—но если вы въ немъ проживете нѣсколько дней, то увидите обычное затишье. Гостиный дворъ выстроенъ собственно потому, что армяне преимущественно занимаются торговлей; каждый армянинъ считаетъ обязанностью торговать чѣмъ нибудь — и если наконецъ и не кому продавать, онъ все таки полагаетъ священнымъ долгомъ сидѣть въ лавочкѣ. Такое уже племя. И относительно мѣстной продажи дѣйствительно григоріопольскіе торговцы не могутъ похвалиться, но за то въ базарные дни они вознаграждаютъ себя при съѣздѣ и сходкѣ разнообразныхъ національностей.

Располагая остаться нѣсколько дней въ этомъ городкѣ, весело подъѣзжалъ я къ обширной гостиницѣ на площади, въ надеждѣ найти порядочное, покойное помѣщеніе. Но довольно было войдти въ большую комнату, чтобы надежды мои разсѣялись: давно позабытый запахъ тифлисскаго армянскаго базара поразилъ мое обоняніе, и я тотчасъ же безошибочно предсказалъ себѣ всѣ удобства и все спокойствіе, меня ожидавшія. Нумера были и довольно недороги, — но это нечистыя, темныя канурки, почти безъ всякой мебели, окнами на грязный дворъ и достаточно населенныя тѣми безпощадными кровопійцами, которые сродни и нашимъ русскимъ гостинницамъ. Дѣлать было нечего, и я поселился въ печальной и темной каморкѣ, разсыпавъ весь мой запасъ персидской ромашки. Надъ городомъ какъ нарочно нависли тучи и грозили хлынуть ливнемъ, что было бы для меня сущимъ несчастьемъ. Въ моемъ пріютѣ распространился печальный сумракъ, а косой столъ былъ такого свойства, что не представлялъ возможности, не только писать, но и разложить необходимыя вещи. Кто не странствовалъ долго и много по нашимъ любезнымъ захолустьямъ, тотъ даже не пойметъ, какое вліяніе погода и обстановка имѣютъ на расположеніе духа; но должно

сказать откровенно, что мрачная григоріопольская канура и нависнувшія тучи подѣйствовали на меня самымъ печальнымъ образомъ. Оставалось прибѣгнуть къ единственному утѣшителю — самовару и подъ однообразный напѣвъ его коротать скучное время. На случай дождливой погоды мнѣ предстояло выдержать не малую пытку и потому я началъ собираться съ духомъ къ примиренію себя съ незавидной долей. Но не успѣли мнѣ внести самоваръ, какъ уже судьба послала мнѣ утѣшеніе. Въ мою комнату вошелъ незнакомецъ, не то въ балахонѣ, не то въ шинели, и остановился у порога. Я счелъ его за какого нибудь члена трактирной администраціи и ожидалъ чего ему отъ меня надобно.

— Имѣю честь поздравить, проговорилъ незнакомецъ, кланяясь довольно развязно и съ добродушной улыбкой.

— Съ чѣмъ? спросилъ я, невольно недоумѣвая о предметѣ поздравленія.

— Съ благополучнымъ пріѣздомъ.

«Что жъ это—онъ подъѣзжаетъ къ милостинѣ?» мелькнуло у меня въ головѣ.

— Очень благодаренъ! проговорилъ я, замѣчая по акценту, что имѣлъ дѣло съ армяниномъ.

— Ви у первый разъ здесь пришолъ?

— Да, въ первый разъ.

— Хорошъ городъ! произнесъ незнакомецъ, мотнувъ головой и дѣлая знакъ глазами, свойственный одному только армянскому племени.

— А вы кто? спросилъ я.

— Ми издѣшни, гріорипоски.

— Очень радъ. Но что же вамъ угодно?

— Ми пришолъ по чесности спросить,—можетъ нужно какой дэло, такъ ми издѣшни.

— Благодарю. Мнѣ, дѣйствительно, будетъ кое-что нужно. Чтожъ вы не садитесь?

—Ми маленьки человикъ; ми постоимъ передъ большой господинъ.

— Въ томъ то вотъ и штука, что я не большой господинъ.

Армянинъ улыбнулся.

— Питербурски! проговорилъ онъ съ новымъ подмигиваньемъ.

— Да кто же вамъ сказалъ: кто я и откуда?

— Ми бумага читалъ.

— Во всякомъ случаѣ садитесь, — можетъ быть мнѣ и понадобится посмотрѣть городъ, вотъ вы меня и проводите. Только дождь пойдетъ.

— Городъ нашъ — хорошъ городъ, говорилъ армянинъ, несмѣло усаживаясь на стулѣ: потому, знаешъ, арменъ не луби руки складай, не луби погулай.

И не смотря на вычурный и неудобопонятный языкъ моего собесѣдника, я проболталъ съ нимъ до самаго вечера, разспрашивая о городѣ, о нравахъ и обычаяхъ жителей. Григоріопольскіе армяне между собою говорятъ по турецки, и многіе изъ нихъ не понимаютъ даже роднаго языка, хотя богослуженіе отправляется у нихъ по армянски. Таковъ ужъ обычай, укоренившійся еще подъ турецкимъ владычествомъ. Я бесѣдовалъ объ этомъ со стариками и спрашивалъ отчего же не обращаются они къ природному языку, когда въ этомъ нѣтъ уже никакого затрудненія. Старики высказали мысль, что пусть уже молодежь переучивается, а имъ и не для чего, да и трудно. Старики почти не знаютъ по русски. Племенной типъ однако же у армянъ сохранился въ цѣлости, такъ что въ этой небольшой горсти григоріопольскихъ жителей я не нашелъ особенной разницы съ армянами крымскими, донскими, кавказскими и закавказскими. И не только типъ, но движенія, ухватки у нихъ одинаковы, даже манера коверкать русскій языкъ та же самая, что напримѣръ и у армянъ закавказскихъ. И странное обстоятельство: племя это обладаетъ необыкновенною способностію къ усвоенію, съ малѣйшими оттѣнками, разнообразныхъ языковъ, а по русски говорятъ они отмѣнно дурно. Что можетъ быть труднѣе нѣкоторыхъ горскихъ нарѣчій? а между тѣмъ армяне на Кавказѣ усвоютъ ихъ, какъ свое природное, и объясняются съ необыкновенною ловкостью и быстротою. Спеціалисты говорятъ, что по разговору армянина невозможно отличить отъ горца, а послушайте, какъ говоритъ онъ по русски, даже послѣ долговременной практики, — невозможно удержаться отъ смѣха! Что можетъ быть труднѣе грузинскихъ гортанныхъ звуковъ? — армянинъ передаетъ ихъ съ замѣчательною отчетливостью; по русски же — ни

одного слова не произнесетъ какъ слѣдуетъ. Этого мало; онъ будетъ склонять и спрягать неправильно. Вотъ вамъ образчикъ разсказа довольно богатаго армянина, который не одинъ десятокъ лѣтъ прожилъ въ близкихъ отношеніяхъ съ русскими:

«По милости богомъ великимъ творцомъ, намъ есть два синъ Карпушька и Давидушька. Карпушька какъ петичка пѣстъ и скоро, скоро пишетъ—балшая галова. А Давидушька—руменый куруглый, ну точно такой падлэцъ, какъ я!»

Разумѣется, послѣднее существительное надобно принимать за выраженіе крайней похвалы.

Григоріопольскіе армяне занимаются преимущественно мелочной торговлей въ многочисленныхъ лавкахъ роднаго городка и на ближайшихъ ярмаркахъ. Разумѣется, они же заняты и ремеслами всякаго рода. Порядочное ихъ количество разбрелось и по другимъ городамъ, а одесскіе цирюльники, напримѣръ, всѣ безусловно григоріопольскіе армяне. Это уже ихъ ремесло по преимуществу, и надо отдать имъ справедливость: они очень искусные цирюльники.

На другой день погода была превосходная, знакомецъ мой явился утромъ рано и мы пошли осматривать городъ, въ которомъ осматривать ровно нечего. Но для успокоенія совѣсти мы обошли немногочисленныя улицы, заглянули въ двѣ-три лавки, и я отправился потомъ познакомиться къ городничему, отъ котораго надобно было достать кое-какія числовыя данныя. Въ захолустныхъ мѣстахъ, появленіе каждаго пріѣзжаго, особенно изъ столицы, возбуждаетъ нетолько любопытство, но и опасеніе, такъ что всѣ мѣстныя власти порой чувствуютъ себя довольно неловко. Но въ Григоріополѣ власти заключаются въ одномъ городничемъ, и потому пріѣздъ мой надѣлалъ тревоги только въ его домѣ. Порученіе мое очень хорошо было извѣстно по всѣмъ мѣстамъ новороссійскаго края, потому что генералъ-губернаторъ писалъ къ властямъ объ оказываніи мнѣ содѣйствія, за которымъ, впрочемъ, я рѣдко обращался, однако, тѣмъ не менѣе, во многихъ городишкахъ на путешествіе мое смотрѣли другими глазами и видѣли въ немъ цѣль не просто этнографическую. Нѣкоторые уѣздные разумники и ораторы подозрѣвали, что подъ видомъ изученія быта прибрежныхъ жителей, я изучаю вмѣстѣ

ихъ служебные грѣшки, и потому старались въ моемъ присутствіи казаться не тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Разумѣется, мнѣ это доставляло иногда очень веселыя минуты, служило забавными qui pro quo и пополняло безцвѣтную жизнь среди заброшенныхъ, позабытыхъ закоулковъ.

Григоріопольскій городничій—высокій старикъ, изъ военныхъ, принялъ меня чрезвычайно радушно и, пригласивъ садиться, заявилъ тотчасъ же, во-первыхъ, что онъ собирался ко мнѣ самъ и уже одѣлся въ томъ вниманіи, а во-вторыхъ, что онъ тугъ на ухо. Свѣдѣній, необходимыхъ для меня, не оказалось, что подтвердилъ и письмоводитель, очутившійся тутъ же, но за то я получилъ приглашеніе на обѣдъ и на вечеръ и узналъ, что въ Григоріополь прибылъ также и губернаторскій чиновникъ. Я не утерпѣлъ спросить не будетъ ли кто изъ мѣстныхъ жителей, которыхъ, разумѣется, любопытно было видѣть въ обществѣ; но мнѣ отвѣчали, что все это народъ неотесанный и необразованный, неумѣющій даже войдти въ гостиную.

Обѣдъ въ тѣхъ блаженныхъ странахъ происходитъ не позже часа пополудни, и потому, когда минутъ за двадцать до назначеннаго времени явился я къ городничему,—всѣ гости были уже на лицо, неисключая и губернаторскаго чиновника. Семейство градоправителя принимало насъ очень привѣтливо, а обѣдъ былъ весьма недуренъ, соображаясь съ мѣстными средствами. Разговоръ шелъ о бытѣ и увеселеніяхъ губернскаго города, который, по словамъ пріѣзжаго чиновника, хоть и отсталъ отъ Одессы, однако отличался зимой разнообразіемъ своихъ увеселеній. Мнѣ хорошо былъ извѣстенъ Херсонъ съ его общественной жизнью, но я не старался разочаровывать ни разсказчика, ни его слушателей, даже и тогда, когда чиновникъ описывалъ спектакли, устроенные съ благотворительной цѣлью.

Городничій вслушивался внимательно, и когда разсказчикъ заключилъ, что самъ его п—во принималъ въ спектакляхъ дѣятельное участіе, онъ воскликнулъ:

— Какъ, самъ его п—во участвовалъ на сценѣ?

— Т. е. принималъ большое участіе.

— И разумѣется ему всѣ аплодировали?

— Его п—во только заботился вмѣстѣ съ губернскимъ пред-

водителемъ, чтобы все было прилично, такъ какъ спектакль составлялся благородный.

— А мнѣ, признаться, и самому показалось странно, что губернаторъ выступаетъ на сцену. Значитъ, и г. вице-губернаторъ не игралъ?

— И тотъ не игралъ; даже никто изъ предсѣдателей.

— Веселятся себѣ, замѣтилъ городничій, обращаясь ко мнѣ; а вотъ у насъ хоть бы какой шальной фокусникъ заѣхалъ. Просто, я вамъ скажу, смертная скука. Въ военное время привыкли, что много было войска, ну и веселились кое-какъ, а теперь, хоть и стоитъ артиллерія, да вѣдь въ батареѣ не Богъ знаетъ сколько офицеровъ.

Разговоръ все вертѣлся въ этомъ родѣ и начиналъ мнѣ надоѣдать, такъ что я уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ пирожнаго, которое и появилось послѣ порядочнаго антракта.

Послѣ обѣда мы еще усѣлись за кофе и закурили.

Вдругъ раздались мѣрные протяжные звуки колокола. Всѣ вздрогнули, потому что звуки эти не въ урочное время въ провинціи обыкновенно означаютъ тревогу....

Городничій встрепенулся.

— Пожаръ! проговорилъ кто-то.

— Не можетъ быть! сказалъ городничій: вотъ уже пять лѣтъ, кажется даже больше, какъ у насъ не было ничего подобнаго.

Но появившійся десятскій разувѣрилъ старика, прокричавъ:

— Пожаръ, ваше в—іе! прикажете готовить трубу?..

— Живо, живо готовить... Эй! запрягать лошадь!.

— Да нескорѣе ли дойдемъ пѣшкомъ, замѣтилъ я, сообразивъ, что если пожаръ и на концѣ города, то все можно дойдти прежде чѣмъ запрягутъ дрожки..

— И точно правда! Если угодно, господа, пойдемъ-те: вы кстати увидите какъ дѣйствуетъ моя команда.

И мы отправились. Пожаръ въ маленькихъ городкахъ представляетъ хоть и печальное, однако тѣмъ не менѣе любопытное зрѣлище. При этомъ случаѣ вы можете видѣть всѣ власти во всемъ величіи, и тутъ же иной разъ недоумѣваете какъ могутъ люди имѣть столь здраваго смысла, чтобы отдавать самыя нелѣпѣйшія приказанія. Обыкновенно порядку никакого, воды нѣтъ, хотя каждый домохозяинъ обязанъ, по росписанію, яв-

ляться, кто съ бочкой, кто съ ведромъ, кто съ топоромъ или съ лѣстницей, однако росписаніе это зачастую остается мертвой буквой, во первыхъ потому, что лошади, обязанныя везти бочку, лѣтомъ всегда на подножномъ корму, хозяева по большей части если не въ отлучкѣ изъ городу, то шныряютъ гдѣ нибудь по торговымъ и маклаческимъ дѣламъ—и главныя силы составляютъ голыя руки, которыми и работаютъ добрые люди.

Когда мы вышли изъ воротъ городничаго, по улицѣ и на площади шевелился народъ. За гостинымъ дворомъ виднѣлся дымокъ, а на колокольняхъ продолжался набатъ, мѣрные, протяжные звуки котораго не заглушали отдаленнаго говора и покрикиваній на мѣстѣ пожара.

Поравнявшись съ полиціей, мы увидѣли, что десятскіе суетились запрягать трубу, а телѣги съ крючьями были уже готовы.

— Шевелись у меня, разбойники! прикрикнулъ городничій.

— Сейчасъ, ваше в—іе. Надо бы подмазать, да ужъ и такъ обойдемся.

— Что онъ говоритъ? обратился городничій къ письмоводителю, не укорачивая шага.

— Сказываетъ, что надо бы подмазать.

— Вотъ я васъ, ракаліи подмажу! Живо, чтобы поспѣли прежде меня непремѣнно.

— Однако пламени невидно, да и дымъ не очень большой, замѣтилъ я, не зная почему радуясь, что городничій замедлилъ. Мнѣ не шелъ съ ума пожаръ въ одномъ дрянномъ городишкѣ, гдѣ до пріѣзда властей сосѣди очень умно распорядились, а какъ прибылъ градоправитель и перемѣнилъ распоряженіе, то сгорѣли три лишнихъ домика.

— Это огня не видно за лавками, отозвался письмоводитель, а только выйдемъ на поперечную улицу,—все будетъ какъ наладони.

Мы поспѣшили. Набатъ началъ умолкать, и хоть намъ лавки уже не мѣшали, однако, выйдя на поперечную улицу, мы все таки огня не увидѣли. Черезъ минуту сзади раздался шумъ, какъ бы отъ разсохшагося и разбитаго экипажа, и мимо насъ пронеслась на рысяхъ пожарная труба, сопровождаемая телѣгою съ крючьями. Десятники—надо отдать справедливость ихъ примѣрному рвенію—опережали даже лошадокъ и бѣжали впереди,

размахивая руками точь въ точь какъ воины, идущіе на приступъ на сценѣ провинціальнаго театра.

— Шевелись! прокричалъ имъ городничій, и прибавилъ, обращаясь къ намъ: труба эта на прошлой губернаторской ревизіи удивляла публику.

Наконецъ, мы подошли къ одному небольшому дворику, у воротъ котораго толкались люди и гдѣ въѣхавшіе пожарные инструменты причинили ужаснѣйшій безпорядокъ, потому что мѣшали артиллеристамъ оканчивать тушеніе небольшаго сарайчика.

— Прочь всѣ! крикнулъ градоправитель. Эй! поставить народъ къ трубѣ.

— Да уже все потушено, отозвался одинъ офицеръ.

— Помилуйте, все должно происходить по положенію. Эй! вонъ дымъ выходитъ изъ угла—катай, ребята!

Высокій десятскій, должно быть спеціалистъ, направилъ кишку на легкій дымокъ, выходившій изъ мокрой кучи, и крикнулъ:

— Навались, ребята!

Ребята навалились. Что-то зашипѣло и запыхтѣло, и вода, по случаю скважины въ рукавѣ трубы устремилась не на догоравшій предметъ, но брызнула въ сторону, поливая носатыя армянскія физіономіи и даже зацѣпивъ письмоводителя.

— Ломай, ребята, стѣны! командовалъ между тѣмъ городничій, невидѣвшій эффекта, производимаго трубою, которая на послѣдней ревизіи удивляла публику.

— Да зачѣмъ же ломать, в. в—іе, сказалъ хозяинъ; вѣдь, спасибо артиллеристамъ, пожаръ потушенъ.

— Ломать безполезно—замѣтилъ офицеръ, подойдя близко къ городничему: опасность миновала.

Въ это время десятскій, замѣтивъ неисправность въ рукавѣ трубы, зажалъ рукою скважину, и кое-какая струя воды, шипя, проливалась на курившуюся солому.

— Вотъ такъ! вотъ такъ! приговаривалъ городничій.

И еще по крайней мѣрѣ съ четверть часа мы любовались дѣйствіями трубы, которая истощала всѣ свои юмористическія средства. Артиллеристы просто смѣялись.

Положеніе городничаго для меня казалось просто безвыходнымъ, потому что смѣхъ артиллеристовъ началъ уже понемногу сообщаться и прочимъ зрителямъ; но какъ нарочно въ

этотъ моментъ случилось маленькое происшествіе, давшее новый толчекъ всеобщей дѣятельности. Такъ какъ по случаю прибытія во дворъ пожарной трубы и въ силу новыхъ распоряженій, артиллеристы не успѣли затушить совершенно огня, то онъ и вспыхнулъ въ одномъ уголку и хоть справедливость требуетъ сказать, что проявленіе этого пламени моглобъ быть уничтожено однимъ ведромъ воды, однако городничій ловко воспользовался случаемъ, чтобы весь успѣхъ дѣла приписать дѣйствію своей пожарной команды. По его приказанію нѣсколькихъ десятскихъ бросились съ крючьями на горѣвшій куль соломы, а брантмейстеръ, изо всѣхъ силъ зажимая постороннее отверстіе въ рукавѣ трубы, съ успѣхомъ поливалъ огонь водою, такъ что въ нѣсколько минутъ не осталось и слѣда пожара.

Когда все было кончено и городничій, въ знакъ своего удовольствія, пожалъ всѣмъ намъ руки, онъ велѣлъ выстроиться десятскимъ и торжественно обошелъ согбенныхъ и неуклюжихъ служителей.

— Спасибо, молодцы! сказалъ онъ имъ, становясь въ ультраначальническую позу.

— Ради стараться, в. в—іе, гаркнули молодцы, изъ которыхъ иные, незнакомые съ фронтовой дисциплиной, сняли свои фуражки.

— Я вами очень доволенъ; только смотрите въ другой разъ запрягать живѣе, а то велю отпустить всѣмъ безъ исключенія по двадцати пяти лозоновъ.

— Надобно упряжь исправить, в. в—іе, отозвался брантмейстеръ, а то не ровенъ часъ...

— Болванъ! Нашелъ гдѣ толковать объ упряжи! Если бы не такой случай, я тутъ же наколотилъ бы тебѣ зубы.

— Слушаю, в. в—іе!

— Ступайте домой, да оставить одного десятскаго и бочку воды на мѣстѣ пожара на всякій случай. А о пожарѣ будетъ произведено строжайшее слѣдствіе.

— Ужъ отъ слѣдствія помилуйте, в. в—іе, сказалъ съ низкимъ поклономъ хозяинъ дома. Я какъ нибудь построю новый сарайчикъ.

— Нельзя—на все есть законъ. Ты вѣдь не понимаешь, что объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи я долженъ донести выс-

шему начальству. Вотъ здѣсь и губернаторской чиновникъ, а вотъ—при этомъ городничій указалъ на меня—они изъ самаго изъ Петербурга.

— Оно такъ, в. в—іе, только какъ бы не таскали меня...

— Все будетъ сдѣлано по закону. Теперь, г.г., обратился къ намъ городничій, послѣ обѣда уже спать не приходится, а потому милости просимъ ко мнѣ—будемъ чай пить.

Цѣлый вечеръ потомъ разговоръ у насъ шелъ о дѣйствіяхъ григоріопольской пожарной команды. Городничій напиралъ преимущественно на то, что губернское начальство никогда не цѣнитъ дѣятельности властей въ отдаленныхъ городишкахъ, гдѣ съ помощію какой нибудь одной трубы прекращаютъ пожары, и что никогда не бываетъ никакого поощренія.

Чиновникъ при этомъ замѣчалъ, что и въ Херсонѣ пожарная часть была въ порядочномъ пренебреженіи, но что губернаторъ первымъ долгомъ поставилъ улучшить ее и довелъ можно сказать до степени совершенства.

И странное обстоятельство! Мы очень хорошо видѣли какое участіе въ тушеніи пожара принимала труба и вообще полицейская команда, а между тѣмъ городничій постоянно больше и больше убѣждался, что безъ него сгорѣлъ бы не только одинъ домъ, но пожалуй и цѣлая улица. Часа черезъ два, когда уже напились чаю, старикъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: видѣлъ ли я въ уѣздныхъ городахъ подобную исправность? Мнѣ оставалось только похвалить какъ распоряженія, такъ и дѣйствія, что я и исполнилъ къ величайшему удовольствію городничаго. Но мнѣ страшно наскучила эта однообразная бесѣда и надо было отправиться во свояси. У дверей меня ожидалъ мой утренній чичероне, который совершенно прикомандировался ко мнѣ и за воротами вручилъ мнѣ палку. Я замѣтилъ, что и въ его рукахъ имѣлось подобное же орудіе.

— Для чего же намъ палки? спросилъ я.

— Здесь бизъ палка не можно—такая много собака и штанамъ порветъ и болна сделаитъ.

— Днемъ вѣдь мы не видѣли.

— Днемъ она не выходитъ, а ночомъ звесно шляится. Здесъ на уголъ естъ адынъ у! очинъ злой сабакъ съ такимъ балшимъ мордомъ.

Признаюсь, это извѣстіе было мнѣ не слишкомъ пріятно, и хотя мы шли вдвоемъ, однако непріятно вступать въ бой со свирѣпыми псами уѣздныхъ городовъ, которые имѣютъ обыкновеніе собираться на мѣстѣ базара, гдѣ они подбираютъ разныя крохи и остатки. Путь нашъ лежалъ какъ разъ черезъ подобное опасное мѣсто. Не успѣли мы отойти десятка саженъ, какъ впереди послышалось непріятное ворчанье, изобличавшее присутствіе многихъ собакъ, которыя собирались грызться за какую нибудь добычу. Но извѣстно, что въ собачьихъ нравахъ есть свои оригинальныя странности. Такъ напримѣръ, если два пса кусаютъ третьяго, то четвертый и пятый, появляясь на драку, вмѣсто того, чтобы вступиться за обиженнаго, бросаются на него же и рвутъ, не разбирая дѣла. Или, положимъ, собаки грызутся за какую нибудь кость, за предпочтеніе, оказанное самкой, наконецъ, просто, напавъ на незнакомую собаку, а въ это время проходитъ мимо человѣкъ, особенно ночью,—достаточно какой нибудь собаченкѣ напасть на послѣдняго, чтобы вся стая, позабывъ свои счеты, бросилась на него съ ужасающимъ лаемъ. Вотъ почему въ провинціальныхъ городахъ и городкахъ опасно ходить ночью черезъ мѣсто, гдѣ продаются съѣстные припасы или возлѣ боень. Конечно, я не слыхалъ о людяхъ, растерзанныхъ собаками, но раненыхъ видѣлъ многое множество.

Все это мелькнуло у меня въ головѣ, когда мы съ армяниномъ подходили къ гостинному двору. Цѣлое общество собакъ лежало и сидѣло на самой дорогѣ, миновать которую намъ не было никакой возможности.

— Ви баитса? спросилъ меня армянинъ.

— Я боюсь, а вы?

— Я тоже баится.

— Значитъ плохо. Какъ же быть то?

— А будемъ ихъ бить съ палкомъ.

— Конечно дѣлать нечего, только ихъ что-то много.

Но уже двѣ, три собаки поднялись съ своихъ мѣстъ и начали громко лаять при нашемъ приближеніи. Лай этотъ подѣйствовалъ и на остальныхъ, такъ что въ нѣсколько минутъ цѣлая стая поднялась на ноги и нѣкоторые псы отправились съ цѣлью зайти намъ въ тылъ. Предстояло два исхода—слѣдовать прямо къ гостиницѣ, которая была недалеко, для чего требовалось

дѣйствовать наступательно, или поворотить назадъ подъ защиту домовъ и заборовъ. Но мы рѣшились показать свою храбрость, на томъ основаніи, что, замѣтивъ наше отступленіе, стая собакъ непремѣнно бросилась бы за нами, тогда какъ при движеніи впередъ псы дѣйствуютъ болѣе или менѣе осторожно. Не уменьшая и неускоряя шагу, продолжали мы свой путь, собаки начали бросаться съ разныхъ сторонъ, и я не знаю что произошло бы, если не съ нами, то съ нашимъ платьемъ, еслибы на базарѣ не показалась почтовая телѣга. Звонъ колокольчика и стукъ колесъ подѣйствовали на нашего непріятеля, а мы, почуявъ въ себѣ новую бодрость, поспѣшно пустились къ гостиницѣ, до самаго крыльца которой собаки гнались за нами. Ованезъ однакоже обнаруживалъ нѣкоторую храбрость и надѣлялъ преслѣдователей довольно энергическими ударами.

На другой день утромъ я спрашивалъ Ованеза о какой нибудь достопримѣчательности, которую слѣдовало бы осмотрѣть, такъ какъ въ Григоріополѣ для меня рѣшительно не предстояло занятій, и я собирался выѣхать. Чичероне мой посовѣтовалъ сходить къ обѣднѣ въ сосѣднюю армянскую церковь, въ которой находился чудотворный желѣзный крестъ, которому ровнаго нѣтъ въ самомъ Эчміадзинѣ. Это было въ воскресенье, и я послѣдовалъ совѣту Ованеза. Въ церкви собралось такъ много народу, что я съ трудомъ могъ пробраться къ алтарю, но меня удивили не многочисленность посѣтителей, а смѣшенье племенъ, потому что армяне не составляли большинства, но были здѣсь и великорусы, и малорусы, и молдаване, и окрестные помѣщики. Многіе изъ пришельцевъ стояли на колѣнахъ и усердно молились. Мнѣ это показалось тѣмъ болѣе страннымъ, что въ Григоріополѣ есть и православная церковь, слѣдовательно въ армянскую влекло не одно любопытство послушать богослуженіе на непонятномъ языкѣ. Пѣніе по восточному обычаю производилось въ носъ и непріятно дѣйствовало на слухъ и нервы. По окончаніи обѣдни священникъ вынесъ небольшой желѣзный крестъ, къ которому и устремились присутствовавшіе, иные съ земными поклонами, другіе стоя на колѣнахъ. Осѣняя каждаго крестомъ, священникъ армянамъ говорилъ по армянски, а прочимъ по русски слова: «Вѣра твоя спасетъ тебя».

Впослѣдствіи я узналъ, что на поклоненіе къ этому кресту

приходятъ люди за сто верстъ и болѣе, вслѣдствіе обѣщаній, и что къ храмовому празднику церкви стекаются богомольцы изъ губерній Херсонской, Подольской и изъ глубины Бессарабіи.

Крестъ четырехконечный, гладкій, безъ всякой надписи. Его вынесъ какой-то армянинъ изъ древней Арменіи.

Послѣ обѣдни зашелъ я попрощаться къ городничему и разсказалъ о ночной встрѣчѣ съ собаками. Старикъ окончательно пришелъ уже къ убѣжденію, что вчера спасъ городъ своею трубою, и болѣе собственною распорядительностью и сообщилъ мнѣ, что цѣлое утро занимался сочиненіемъ рапорта высшему начальству. Собаки, по его мнѣнію, были плевое дѣло и не представляли существенной опасности, во-первыхъ потому, что онѣ собираются ночью, а жители по ночамъ не ходятъ, во-вторыхъ, каждый, кому встрѣчается надобность выдти изъ дому, беретъ большую палку.

— Съ доброю палкой, прибавилъ градоправитель, мужчинѣ стыдно бояться.

— А женщина?

— Женщина пускай не таскается ночью.

— Но вѣдь собакъ очень много.

— А что будете дѣлать? Я когда-то сдѣлалъ и распоряженіе, чтобъ собакъ держали на цѣпи, но вѣдь за всѣми не усмотришь. Опять же безъ нихъ нельзя: можетъ произойти воровство. Въ маленькихъ городкахъ нельзя заводить строгихъ порядковъ; хорошо, что хоть пожарная часть въ исправности. А? Каково вчера дѣйствовали?

— Превосходно.

— То-то и есть. Посмотримъ, какъ взглянетъ высшее начальство. Вѣдь подумайте, еслибы не было трубы: строенія деревянныя, крытыя соломою—долго-ли до несчастья.

Наконецъ старикъ не вытерпѣлъ и когда я, отказавшись отъ обѣда, раскланивался, онъ намѣкнулъ, что не мѣшало бы при случаѣ разсказать о его подвигѣ въ Одессѣ и въ Херсонѣ.

Изъ Григоріополя я переправился въ Бессарабію и поѣхалъ колесить по молдавскимъ селеніямъ, стоящимъ по берегу Днѣстра, уже болѣе или менѣе способнаго къ правильному судоходству. Самый обильный матерьялъ для описанія — это красота мѣстности, но я уже столько разъ пользовался имъ, что

становится наконецъ совѣстно употреблять во зло терпѣніе читателя. Днѣстръ, однакоже, здѣсь течетъ не въ крутыхъ берегахъ, а извивается довольно глубокимъ русломъ по широкой долинѣ, поросшей разнообразнымъ лѣсомъ. Правая сторона окаймлена высокими горами, и каждую деревню можно назвать сплошнымъ виноградникомъ.

Эту часть Днѣстра проѣхалъ я довольно быстро, потому что мнѣ предстояло еще далекое путешествіе по дѣлу вольныхъ матросовъ, объѣздивъ которыхъ, мнѣ уже было невозможно вернуться въ Бессарабію. Пробираясь въ Бендеры правой стороной, я очень хотѣлъ взглянуть на верфь, на которой строятся одномачтовыя суда—необыкновенная рѣдкость на Днѣстрѣ, и хоть узналъ въ какой деревнѣ идетъ постройка, однако во время моего посѣщенія—ни одного судна не было въ работѣ. Разумѣется, верфи нѣтъ никакой, а просто выстроено нѣсколько плашкотовъ (по мѣстному названію), которые и пошли внизъ съ различнымъ грузомъ. Впрочемъ, вверхъ они не подымались еще, покрайней мѣрѣ не ходили они не только къ Сорокѣ, но и въ Дубоссары. При жалкомъ состояніи судоходства на Днѣстрѣ, я даже не знаю будутъ ли подражатели г. Попова, а я полагаю, что если послѣдуетъ улучшеніе по этой части, то предприниматели начнутъ прямо съ пароходовъ и плоскодонныхъ баржь, съ возможно-меньшей осадкой.

Раннимъ осеннимъ утромъ изъ селенія Гура Быкулуй по чудному нагорному берегу подъѣзжалъ я къ Бендерамъ. Влѣвѣ разстилалась превосходная панорама рѣки, поросшей красивыми лѣсами, увѣнчанными еще свѣжей листвой, а передо мной вдали обрисовывались бастіоны крѣпости и древнія башни генуэзской цитадели. Но меня занимала не та глубокая древность, отъ которой усиленно бьется сердце археолога, а сцены, происходившія здѣсь вначалѣ прошлаго столѣтія; когда я выѣхалъ изъ послѣдней деревеньки—вправо показалось множество мельницъ, и я не могъ не вспомнить стиховъ Пушкина изъ его Полтавы.

Дальше мелькнулъ огромный курганъ. Къ несчастью, возница мой ни слова не говорилъ по русски и даже былъ такъ глупъ, что, не смотря на кое-какія мои познанія въ молдавскомъ языкѣ, не могъ сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній.

— Что это? спрашивалъ я его, указывая на высокій курганъ,

виднѣвшійся въ отдаленіи, разсчитывая видѣть воспоминанія отъ шведовъ.

— Сувора дялу (гора).

И я уже больше не разспрашивалъ, а спѣшилъ въ городъ, въ надеждѣ найдти кого нибудь, кто могъ бы облегчить мои розысканія.

Миновавъ крѣпость, мы черезъ небольшую эспланаду въѣхали въ улицу, обставленную деревянными домишками, которые походили не то на форштадтъ, не то на городъ, и я уже хотѣлъ отдаться на волю судьбы, какъ ловкій еврей подскочилъ ко мнѣ отъ воротъ довольно длиннаго строенія—и поздоровался со мною по молдавски.

— Бояръ нушти молдаванешти, отозвался мой возница, оскорбляя мое самолюбіе, потому что я все таки зналъ на столько по молдавски, чтобы спросить о гостиницѣ.

Еврей тотчасъ же по русски предложилъ мнѣ услуги и сказалъ, что во всемъ городѣ нѣтъ такой гостиницы и предложилъ самый лучшій нумеръ, изъ котораго только что выѣхалъ полковникъ. Выбирать было не изъ чего, и я велѣлъ поворотить въ гостиницу.

Не стану описывать ни того нумера, въ которомъ жилъ полковникъ, ни тѣхъ печальныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаютъ въ уѣздахъ на каждомъ шагу путешественника, а скажу только, что самая лучшая комната, мнѣ отведенная, изобиловала всѣми гадостями, на какія только способны подобныя гостиницы.

Первымъ дѣломъ моимъ было отправиться осмотрѣть городъ и непремѣнно добыть себѣ чичероне, который могъ бы свести меня на мѣсто бывшаго шведскаго лагеря. Я бродилъ наугадъ, потому что не зналъ ни одной души въ Бендерахъ, и случайно попалъ въ небольшую улицу, обстроенную небольшими домиками, у воротъ которыхъ замѣтилъ осьмиконечные кресты, какъ у нашихъ старовѣровъ. Дѣйствительно, здѣсь жили русскіе раскольники, по мѣстному «липоване». Я вошелъ въ первый попавшійся домикъ, но былъ непривѣтливо встрѣченъ сердитой старухой, которая объявила, что хозяинъ въ отсутствіи и она не намѣрена вступать ни въ какіе разговоры. Въ другомъ дворѣ я засталъ дома разумнаго старика, который хотя и не оказалъ особаго радушія, однако, узнавъ въ чемъ дѣло, посовѣтовалъ от-

правиться въ д. Варницу, гдѣ жители показываютъ пріѣзжимъ шведскій лагерь, и указалъ мнѣ дорогу. Оказалось, что я проѣзжалъ эту деревеньку, до которой было версты двѣ отъ крѣпости.

Варница расположена по крутому берегу Днѣстра и, представляя довольно жалкую деревушку въ настоящее время, конечно не была значительнѣе и при Карлѣ XII. Послѣ недолгихъ исканій, я нашелъ двухъ провожатыхъ, которые съ удовольствіемъ повели меня на мѣсто шведскаго лагеря. Нѣсколько окоповъ и слѣды кирпичнаго фундамента, гдѣ стоялъ домикъ отчаяннаго короля—вотъ все, что осталось для любознательнаго путешественника. Чичероне, по видимому, нѣсколько уже десятковъ разъ сопровождали путешественниковъ на это мѣсто, потому что рѣчи ихъ были затвержены, и оба проводника не ожидали вопросовъ, а сами прямо начинали разсказывать, что слыхали отъ отцовъ и дѣдовъ. Окончивъ осмотръ этихъ жалкихъ остатковъ, я поблагодарилъ молдаванъ и спросивъ могу ли пройдти свободно по берегу Днѣстра, какъ одинъ изъ молдаванъ удержалъ меня за руку.

— А вотъ еще могила надъ Днѣстромъ—надо посмотрѣть.

— Посмотримъ, да развѣ она замѣчательна.

— Тамъ похороненъ Мазепа...

— Мнѣ говорили, что въ городѣ, и я хотѣлъ тамъ искать ее...

— Нѣтъ здѣсь, и вотъ смотрите—уже много обрушилось..

Дѣйствительно, большой курганъ со стороны Днѣстра началъ осыпаться. Трудно было выбрать болѣе поэтическое мѣсто для могилы такой замѣчательной личности, какъ Мазепа. Съ приближеніемъ къ его могилѣ у меня пошли въ головѣ смѣшиваться стихи изъ Полтавы и изъ Войнаровскаго, и я былъ такъ поэтически настроенъ что около часа просидѣлъ надъ обрывомъ Днѣстра, припоминая всѣ яркіе эпизоды изъ жизни какъ отчаяннаго короля, такъ и загадочнаго гетмана.

Я полагаю, читатели не посѣтуютъ на меня, если я приведу нѣсколько страницъ изъ исторіи собственно объ эпизодѣ изъ жизни Карла во время пребыванія его въ Бендерахъ. Матерьялы эти даетъ намъ Вольтеръ, который воспользовался подробностями отъ одного очевидца.

«Послѣ бѣгства изъ-подъ Полтавы, раненый и измученный уста-

лостью, Карлъ XII остановился надъ Днѣпромъ въ ночь съ 9 на 10 іюля н. с. Левенгауптъ прибылъ съ остатками разбитаго войска и шведы увидѣли своего короля, котораго не считали въ живыхъ. Приближался непріятель. Не было ни моста для переправы черезъ рѣку, ни времени его построить, ни боевыхъ снарядовъ для защиты, ни продовольствія для солдатъ, не ѣвшихъ двои сутки. Всѣ почти офицеры были увѣрены, что Карлъ храбро встрѣтитъ русскихъ и умретъ на берегу Днѣпра или одержитъ побѣду. Карлъ и сдѣлалъ бы это, еслибы не чрезмѣрная болѣзненная усталость одолѣла его: онъ былъ непохожъ на себя, и имъ распоряжались какъ съ больнымъ, потерявшимъ сознаніе. Къ счастью, случился плохой экипажъ, который и поставили на одну лодку. Въ другую Карлъ помѣстился съ Мазепой. Послѣднему удалось захватить нѣсколько шкатулокъ съ деньгами, но когда лодки уносилися теченіемъ и качаемыя вѣтромъ начали тонуть, гетманъ выбросилъ за бортъ три четверти своихъ сокровищъ. Королевскій канцлеръ Миллернъ и Понятовскій съ остатками придворныхъ сѣли на другія лодки.

«Триста всадниковъ, значительная часть козаковъ и поляковъ рѣшились ввѣриться конямъ и переправиться вплавь, сбиваясь въ кучу для сопротивленія быстротѣ; но, снесенные теченіемъ ниже, они потонули. Изъ пѣшихъ пробовали многіе, но никто не могъ переплыть на другую сторону. Между тѣмъ какъ одна часть остатковъ арміи достается въ плѣнъ, а другая гибнетъ въ Днѣпрѣ, Карлъ XII въ уцѣлѣвшемъ экипажѣ уходитъ дальше съ опасно раненымъ генералъ-маіоромъ Горномъ. Остатки двора и войско пѣшкомъ, верхомъ и на повозкахъ тянутся за нимъ безъ дороги, по обнаженной и безводной степи. Это было въ первыхъ числахъ іюля; степь горѣла, солнце жгло, лошади падали, люди умирали отъ ранъ, изнуренія, голода и жажды. Наконецъ, подъ вечеръ, попали они на одинъ изъ болотныхъ ручьевъ, бѣгущихъ по степнымъ банкамъ, и вода, набранная въ кожаные мѣшки, сохранила жизнь многимъ изъ этихъ несчастныхъ.

«Черезъ пять дней подошли они къ Бугу и приблизились къ Очакову, пограничному турецкому городу. При видѣ толпы неизвѣстныхъ людей, говорящихъ на непонятномъ языкѣ, жители не хотѣли впустить ихъ въ городъ безъ позволенія очаковскаго правителя Мегмеда паши. Король послалъ къ нему нарочнаго, но

правитель, зная, что за малѣйшую ошибку могъ лишиться головы, не рѣшался на этотъ смѣлый шагъ безъ разрѣшенія сераскира, жившаго въ Бендерахъ. Между тѣмъ русскія войска, перейдя Днѣпръ, приближались, настигая короля, уходившаго въ Очаковъ. Наконецъ, паша обѣщалъ дать лодку для короля и нѣсколькихъ особъ его свиты. Тѣснимые необходимостью, шведы рѣшились переправиться силою: нѣкоторые изъ нихъ, переплывъ въ челнокѣ рѣку, овладѣли лодками, привели на другой берегъ и начали переправляться, что́ и спасло ихъ, потому что турецкіе лодочники, боясь утерять хорошій заработокъ, явились со своими судами. Въ это же время подоспѣлъ благопріятный отвѣтъ отъ бендерскаго сераскира.

«Непріятель захватилъ 500 человѣкъ въ глазахъ Карла. Очаковскій паша извинялся въ промедленіи, бывшемъ причиною этой катастрофы, и просилъ короля не жаловаться султану, и хотя Карлъ обѣщалъ это, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ, словно своему подданному.

«Бендерскій сераскиръ на встрѣчу Карлу выслалъ агу съ богатымъ шатромъ, конвоемъ, багажемъ, возами, продовольствіемъ,— однимъ словомъ, со всѣмъ необходимымъ для путешествія въ Бендеры.

«Карлъ XII дѣйствительно былъ въ Турціи не болѣе какъ плѣнникъ, съ которымъ обращались почтительно; однакоже онъ питалъ намѣреніе вооружить Турцію противъ враговъ своихъ; онъ льстилъ себя надеждно покорить Польшу и Россію. У него былъ посланникъ въ Константинополѣ; но кто болѣе всѣхъ служилъ его обширнымъ замысламъ, такъ это Понятовскій, который поѣхалъ въ Стамбулъ безъ всякой офиціальной цѣли, но вскорѣ сдѣлался необходимъ королю, пріятенъ Портѣ и страшенъ самому великому визирю.»

Вольтеръ заявляетъ, что этому то Понятовскому самъ онъ обязанъ многими интересными подробностями.

Карлъ XII пустился степью, которая, по словамъ Вольтера, называлась прежде пустыней Гетовъ (solitude des Gétes). Турки заботились обо всемъ въ дорогѣ. Множество уходившихъ шведовъ, козаковъ и поляковъ присоединялись къ королю. Въ Бендеры прибыло около 1800 человѣкъ, которыхъ турки продовольствовали въ дорогѣ.

Не желая жить въ городѣ, Карлъ рѣшился остановиться лагеремъ подъ Бендерами. Сераскиръ Юсуфъ паша приказалъ разбить для него и придворныхъ палатки, а впослѣдствіи былъ выстроенъ домъ для этой цѣли. Солдаты поставили себѣ шалаши, и лагерь началъ походить на мѣстечко. Король страдалъ еще отъ раны въ ногѣ, изъ которой была вынута кость, но какъ только закрылась рана, онъ тотчасъ принялся за прежній образъ жизни: вставалъ съ зарей, ѣздилъ верхомъ, ежедневно перемѣняя по три лошади, и безпрерывно производилъ ученье солдатамъ. Въ свободное время игралъ иногда въ шахматы. Вольтеръ прибавляетъ, что Карлъ XII, играя въ шахматы, чаще всего дѣйствовалъ королемъ и оттого проигрывалъ всѣ партіи.

Въ Бендерахъ было ему изобиліе во всемъ: Карлъ получалъ разную провизію и 500 талеровъ ежедневно, да сверхъ того занималъ деньги у константинопольскихъ купцовъ и во Франціи. Одна часть ихъ шла на серальскія интриги, а другую король щедро раздавалъ офицерамъ, и янычарамъ составлявшимъ его стражу въ Бендерахъ. Любимецъ его и казначей Гротгузенъ былъ исполнителемъ этой щедрости: человѣкъ этотъ, въ противоположность всѣмъ казначеямъ, любилъ раздавать также какъ и государь его. Однажды онъ принесъ Карлу въ двухъ строчкахъ отчетъ въ 60 000 червонцевъ. «Десять тысячъ дано шведамъ и янычарамъ по приказанію вашего величества, а остальные съѣдены мною».

— Вотъ какіе отчеты я люблю отъ пріятелей, сказалъ король. Министръ, напримѣръ, заставляетъ меня читать цѣлыя страницы о какихъ нибудь 10 000 франкахъ. Я предпочитаю лаконическій слогъ Гротгузена.

Одинъ изъ его старыхъ офицеровъ, подозрѣваемый нѣсколько въ скупости, жаловался, что его величество все отдавалъ Гротгузену.

— Я даю деньги только тѣмъ, кто умѣетъ ими пользоваться, отвѣчалъ король.

Эта щедрость часто доводила его до того, что и давать ужъ было нечего.

Различные чужеземцы пріѣзжали изъ Константинополя видѣть его. Турки и татары собирались изъ окрестностей въ Бендеры, дивясь и смотря съ уваженіемъ на Карла. Мусульманамъ въ осо-

бенности нравилась его трезвость и присутствіе два раза въ день на молитвѣ.

Скучая бездѣйствіемъ въ Бендерахъ, которое продолжалось болѣе нежели онъ думалъ, Карлъ незамѣтно пристрастился къ чтенію. Ему умѣлъ понравиться присланный принцемъ Голштинскимъ дворянинъ послѣдняго, баронъ Фабриційй, и читывалъ ему по временамъ Расина и Корнеля. Вольтеръ приводитъ анекдотъ, что найдя въ одной сатирѣ Буало выраженіе, что Александръ великій былъ бѣшеный и безумный, Карлъ разорвалъ страницу. Изъ трагедій онъ предпочиталъ Митридата. Зная хорошо французскій языкъ, онъ никогда не говорилъ на немъ,—даже съ французскимъ посланникомъ, отправленнымъ въ Константинополь, не захотѣлъ разговаривать иначе какъ черезъ переводчика.

Разсчитывая на непремѣнную помощь Турціи, такъ проводилъ Карлъ XII время въ Бендерахъ, бывъ убѣжденъ, что серальскими интригами возбудитъ порту противъ Россіи. Но султанъ молчалъ на всѣ его просьбы и жалобы. Однажды только отвѣчалъ присылкою въ подарокъ двадцати пяти лошадей, изъ которыхъ одна, на которой ѣздилъ самъ султанъ, была покрыта сѣдломъ съ золотыми стременами, унизаннымъ драгоцѣнными камнями. При этомъ подаркѣ находилось и любезное письмо. Врагъ Карла XII Чурлули прибавилъ и отъ себя пять красивыхъ коней, но король ихъ не принялъ, отвѣчавъ съ гордостью, что отъ врага не возьметъ никакихъ подарковъ.

Между тѣмъ и Понятовскій хлопоталъ въ Стамбулѣ, но все было напрасно. Карла рѣшились отправить непремѣнно на родину чрезъ Германію. Ему послали 800 кошельковъ (каждый въ 500 талеровъ), желая возвращенія черезъ Германію или на французскихъ корабляхъ до Марселя. Послѣдніе обѣщалъ доставитъ французскій посланникъ Феріоль. Напрасно Карлъ грозилъ Турціи возраставшимъ могуществомъ Россіи и претензіями царя на Крымъ или Черное море, и въ то время, когда въ Швеціи и Польшѣ происходили важныя перемѣны и Петръ I-й пользовался плодами побѣды, Карлъ XII, одинъ въ Бендерахъ, боролся и съ серальскими интригами и съ дурнымъ расположеніемъ дивана. Но Киприэли былъ смѣщенъ, и въ Бендерахъ начали ходили слухи, что Карлъ XII дѣлаетъ что хочетъ въ Стамбулѣ. Наконецъ объявлена война Россіи. Крымскій ханъ

получилъ приказанiе выступить съ 40 000 татаръ крымскихъ, ногайскихъ и буджакскихъ.

Подкупленный подарками шведскаго короля, ханъ выхлопоталъ сборъ войскъ въ Бендерахъ передъ глазами Карла XII, для большаго убѣжденiя послѣдняго, что война для него начиналась. Новый визирь впрочемъ измѣнилъ пунктъ и назначилъ Адрiанополь, гдѣ обыкновенно собирались турецкiя силы. Но, простоявъ въ Адрiанополѣ только три дня, армiя вступила въ Бессарабiю. Не станемъ описывать этой кампанiи и въ особенности похода на Прутъ, изъ котораго Петръ I вышелъ такъ счастливо. Въ условiяхъ прутскаго договора былъ помѣщенъ свободный выходъ Карла. Въ то время, именно когда Петръ отступалъ по заключенiи мира, Карлъ XII, жаждавшiй битвы, проскакалъ верхомъ болѣе 50 миль изъ Бендеръ въ Яссы. Чтобы проѣхать въ турецкiй лагерь, надо было переправиться черезъ Прутъ по мосту, лежавшему ниже въ трехъ миляхъ. Карлъ XII, который ничего не дѣлалъ, какъ дѣлаютъ прочiе, переправился вплавь черезъ Прутъ, рискуя утопиться, и проскакалъ черезъ русскiй лагерь, рискуя попасть въ плѣнъ; достигъ турецкой армiи и прiѣхалъ въ шатеръ Понятовскаго (*), который встрѣтилъ его печальной новостью. Послѣ этого Карлъ бросился къ визирю и дерзко упрекалъ его за миръ съ Петромъ.

— Я имѣю право, отвѣчалъ спокойно визирь какъ на объявленiе войны, такъ и на заключенiе мира.

— Но, возразилъ король, развѣ не вся русская армiя находилась у тебя во власти?

— Законъ нашъ повелѣваетъ, отвѣчалъ серьезно визирь: даровать миръ врагу, если онъ прибѣгаетъ къ нашему милосердiю.

— А приказываетъ ли онъ тебѣ, настаивалъ въ гнѣвѣ король: заключать дурной миръ, когда ты могъ предписывать какiя угодно условiя? Не отъ тебя ли зависѣло отвести царя плѣннымъ въ Константинополь?

Оскорбленный турокъ отвѣтилъ сухо:

— А кто управлялъ бы царствомъ въ его отсутствiе? Нельзя же, чтобы всѣ государи находились внѣ своихъ владѣнiй.

Карлъ отвѣчалъ улыбкой презрѣнiя. Онъ бросился на софу и,

(*) Фактъ этотъ переданъ Понятовскимъ.

смотря сердито на визиря, протянулъ къ нему ноги, потомъ, зацѣпивъ нарочно шпорой его халатъ, разорвалъ полу, всталъ съ дивана, въ ту же минуту вскочилъ на лошадь и съ отчаяніемъ въ сердцѣ помчался въ Бендеры.

Здѣсь онъ нашелъ лагерь свой залитый наводненіемъ Днѣстра и подвинулся немного выше по берегу къ Варницѣ, гдѣ, какъ бы предчувствуя будущее, велѣлъ построить большой каменный домъ, способный въ случаѣ надобности выдержать нѣсколько часовъ нападеніе. Онъ даже, противъ обыкновенія, убралъ его роскошно, чтобы внушить туркамъ болѣе уваженія.

Тутъ же еще построены были два меньшихъ дома—одинъ для канцеляріи, а другой для Гротгузена.

Въ это время Балтази-магометъ послалъ въ Австрію резидента просить о свободномъ проходѣ Карла чрезъ наслѣдственныя австрійскія владѣнія. Черезъ три дня пришелъ отвѣтъ, что король можетъ безопасно слѣдовать до Помераніи. Визирь послалъ къ королю трехъ пашей съ предложеніемъ удалиться изъ владѣній Оттоманской Порты.

Карлъ, знавшій прежде объ этомъ порученіи, приказалъ предварительно объявить этимъ посланнымъ, что велитъ ихъ всѣхъ повѣсить, если предложеніе ихъ будетъ для него чѣмъ нибудь оскорбительно. Салоникскій паша, который держалъ рѣчь, замаскировалъ обидное предложеніе самыми почтительными фразами, но Карлъ окончилъ аудіенцію, не удостоивъ даже пашей отвѣтомъ, и уже канцлеръ Мюллернъ, оставшись наединѣ съ посланными, объяснилъ отказъ Карла XII.

Не обращая на это вниманія, визирь приказалъ новому бендерскому сераскиру Измаилу-пашѣ, въ случаѣ упорства Карла, погрозить ему гнѣвомъ падишаха. Паша очень вѣжливо поговорилъ съ королемъ и получилъ отвѣтъ, что до тѣхъ поръ не уступитъ, пока султанъ не исполнитъ двухъ вещей: не накажетъ визиря и не дастъ 100 000 войска для обратнаго похода на Польшу. Предчувствуя противъ себя интриги короля, визирь постарался распорядиться, чтобъ перехватывать всѣ его письма, и королю перестали выдавать содержаніе.

Какъ только послѣдній узналъ объ этомъ, тотчасъ же приказалъ своему гофъ-маршалу вмѣсто двухъ открытыхъ столовъ держать ежедневно четыре. И начали брать взаймы у кого толь-

ко было можно, и у своихъ, и у посланника голштинскаго принца, и у англійскаго министра, и у секретарей, и даже у янычаровъ, разбогатѣвшихъ отъ щедротъ королевскихъ. Король ни мало объ этомъ не безпокоился; наконецъ пришлось, обманывая бдительность надзора, посылать за деньгами въ самый Константинополь; но и тамъ никто уже не имѣлъ охоты давать, и только нашелся одинъ англійскій купецъ Кукъ, рѣшившійся повѣрить 40 000 талеровъ. Сумма эта пришла въ королевскій лагерь именно въ самую пору, когда уже во всемъ чувствовался недостатокъ. Между тѣмъ въ Стамбулѣ происходили переговоры: графъ Дезалеръ, посланникъ французскій, обстаивалъ Карла XII и польскаго короля Станислава, а министръ австрійскій дѣйствовалъ противъ. Великій визирь былъ смѣненъ и резиденты англійскій и австрійскій выхлопотали скорое удаленіе Карла XII изъ Турціи.

Въ это время Карлъ XII все-таки домогался значительной арміи, а Порта предлагала лишь нѣсколько тысячъ конвоя. Наконецъ самъ султанъ, письмомъ отъ 19 апрѣля 1712 г., увѣдомилъ Карла, что онъ можетъ исполнить свое желаніе и отправиться изъ его владѣній черезъ Польшу.

Король отвѣтилъ письмомъ, выражая благодарность, но напиралъ на то обстоятельство, что его хотятъ отослать съ малочисленнымъ конвоемъ чрезъ Польшу, гдѣ Петръ I легко могъ взять его въ плѣнъ. Послѣ этого письма затѣялись вновь декларацiи, приготовленія къ войнѣ съ Россіей, и польскіе послы были заключены въ семибашенный замокъ. Но приготовленія эти окончились ничѣмъ, а со всѣхъ сторонъ приступали къ султану, чтобъ онъ выслалъ непремѣнно Карла изъ Турціи. Въ трактатѣ съ Россіей опять постановлено было — предоставить королю безопасный переходъ черезъ Польшу.

Бендерскій сераскиръ Измаилъ-паша отправился въ Варницу и увѣдомилъ объ этомъ короля, давая понять, что слѣдовало удалиться немедленно. Король отвѣчалъ съ упорствомъ, что султанъ обѣщалъ ему не конвой, а войско, и что монархи обязаны сдерживать свое слово.

Генералъ Флемингъ, любимецъ Августа, былъ въ перепискѣ съ крымскимъ ханомъ и съ бендерскимъ сераскиромъ. Французъ Демаркъ, полковникъ саксонской службы, нѣсколько разъ ѣздилъ

изъ Бендеръ въ Дрезденъ и его подозрѣвали въ тайныхъ переговорахъ. Посланный Флеминга былъ задержанъ, письма перехвачены, изъ которыхъ убѣдились о сношеніяхъ съ татарами, и начали бояться, чтобы крымскій ханъ не выдалъ Карла саксонцамъ.

По прочтеніи перехваченныхъ писемъ Гротгузенъ, Мильнеръ и король держали совѣтъ и рѣшили только одно, что положеніе было опасно во всѣхъ отношеніяхъ. Отъѣздъ Сапѣги, перешедшаго отъ Карла XII на сторону Августа и уѣхавшаго изъ Бендеръ, подтверждалъ мысль о какомъ-то соглашеніи съ татарами относительно особы короля. Между тѣмъ, Карлъ XII постоянно питалъ странную увѣренность въ помощь Турціи, и единственно для выигрыша времени отвѣчалъ сераскиру, что не можетъ выѣхать пока не расплатится съ долгами, для чего требовалось 1000 кошельковъ. Хотя ему снова возвратили содержаніе, однако его никогда не хватало. Паша написалъ въ Стамбулъ, а султанъ прислалъ 1200 кошельковъ вмѣсто 1000. Въ это время Карлъ XII жаловался на измѣну татаръ, но письмо было перехвачено и не дошло по назначенію.

Видя себя въ нѣкоторомъ родѣ плѣнникомъ, король рѣшился остаться. Когда присланы были 1200 кошельковъ, канцлеръ Гротгузенъ выманилъ ихъ у сераскира обѣщаніемъ скораго отъѣзда, разсчитывая, что съ деньгами можно интриговать въ сералѣ, и неперестая разсчитывать на помощь Порты.

Сераскиръ сперва не хотѣлъ давать денегъ, но наконецъ поддался на маневры Гротгузена. Какъ только получены были деньги, король тотчасъ же заявилъ, что не поѣдетъ. Паша испугался, потому что имѣлъ положительное приказаніе не давать денегъ иначе какъ наканунѣ выѣзда и боялся гнѣва султана, защитить отъ котораго было безсильно обѣщаніе короля исходатайствовать прощеніе. Сераскиръ вмѣстѣ съ татарскимъ ханомъ послалъ донесеніе въ Стамбулъ, что денегъ не давали пока не получили обѣщанія отъѣзда, но что король снова раздумалъ и остается.

Подозрѣвая постоянно, что ханъ и сераскиръ хотѣли выдать его врагамъ, Карлъ XII жаловался на нихъ въ Стамбулѣ чрезъ посланника своего Функа и снова просилъ 1000 кошельковъ. Но какъ только Функъ явился съ этой новой просьбой, его тотчасъ посадили въ темницу. Въ Бендеры съ конюшимъ Буюкъ

Имрамуромъ и Чаушъ-пашою былъ посланъ приказъ немедленно отправить Карла. Получивъ это повелѣніе, сераскиръ поѣхалъ въ Варницу спросить у короля желаетъ ли онъ уступить дружески или упорствомъ своимъ хочетъ принудить его къ строжайшему исполненію повелѣній султана.

Карлъ XII сильно разгнѣвался.

— Слушайся своего государя, если достанетъ у тебя смѣлости, и прочь съ глазъ моихъ! сказалъ онъ.

Сераскиръ поскакалъ назадъ и, проѣзжая мимо Фабриція, закричалъ послѣднему:

— Король не слушается, и потому вы увидите странныя вещи.

Въ то же время прекратили королю содержаніе, отняли янычарскій караулъ, и объявили козакамъ и полякамъ, если они хотятъ продовольствія, то чтобы удалились изъ варницкаго лагеря и переходили къ Бендерамъ подъ покровительство Порты. Всѣ послушались и покинули Карла съ его придворными и 300 шведовъ противъ 20 000 татаръ и 6000 турокъ. Въ лагерѣ не было корма ни для людей, ни для лошадей, и Карлъ велѣлъ вывесть въ поле и перестрѣлять двадцать арабскихъ коней, полученныхъ въ даръ отъ султана.

— Не хочу имѣть отъ нихъ ни лошадей, ни продовольствія.

Татары съ наслажденіемъ съѣли конину и со всѣхъ сторонъ окружили лагерь.

Карлъ XII равнодушно приказалъ своимъ 300 шведамъ насыпать правильные окопы, работая самъ со всѣми придворными. Иные задѣлывали окна, другіе закладывали бревнами двери.

Укрѣпивъ домъ, Карлъ обошелъ вокругъ окоповъ, и какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ играть въ шахматы съ Гротгузеномъ. По счастью, посланникъ принца голштинскаго Фабрицій и англійскій министръ Джефри жили не въ лагерѣ, но въ деревенькѣ между Варницей и Бендерами и, видя подобныя приготовленія, предложили себя въ посредники. Ханъ и сераскиръ охотно приняли предложеніе. Въ Бендерахъ происходили двѣ конференціи, на которыхъ присутствовали и константинопольскіе посланники.

Фабрицій представлялъ, что Карлъ имѣлъ основаніе бояться быть выданнымъ непріятелю. Ханъ, паша и другіе поклялись головами, что подобное опасеніе было несправедливо. Фабри-

цій убѣдился и спросилъ—думаютъ ли употребить силу для понужденія Карла къ отъѣзду. Ему отвѣчали, что исполнятъ приказъ, если бы пришлось даже пролить кровь, потому что такова была воля султана.

Начали приготовляться къ штурму, и гибель Карла казалась неизбѣжна. Послали еще за положительными приказаніями къ султану, который былъ въ Адріанополѣ.

Выхлопотавъ отсрочку, Фабрицій и Джефри поспѣшили увѣдомить Карла объ этомъ. Король принялъ ихъ холодно и утверждалъ, что приказаніе было вымышлено, когда послали за новымъ, болѣе положительнымъ. Оскорбленный Джефри ушелъ, не желая ни во что вмѣшиваться. Фабрицій остался съ королемъ, убѣждая послѣдняго не рисковать напрасно жизнью изъ одного упрямства. Вмѣсто отвѣта Карлъ XII указалъ на окопы и просилъ только, чтобы тотъ своимъ посредничествомъ выхлопоталъ ему жизненныхъ припасовъ. Турки допустили себя смягчить и доставили продовольстіе въ ожиданіи возвращенія гонца изъ Адріанополя. Даже Ханъ приказалъ своимъ татарамъ, алкавшимъ добычи, не трогать шведовъ, такъ что Карлъ въ сопровожденіи сорока всадниковъ выѣзжалъ изъ лагеря и проносился между татарами, которые безпрепятственно его пропускали.

Пришелъ наконецъ категорическій приказъ султана, въ случаѣ сопротивленія шведовъ—вырѣзать ихъ, не исключая и Карла. Сераскиръ показалъ бумагу Фабрицію, желая, чтобы послѣдній попытался убѣдить Карла.

— Ты самъ видѣлъ повелѣніе? спросилъ король.

— Видѣлъ.

— Ну поди же скажи имъ, что и это повелѣніе вымышлено, и я не уѣду.

Фабрицій упалъ къ ногамъ его, умоляя не сопротивляться, но все было напрасно.

— Ступай къ туркамъ и объяви, что я съумѣю защищаться въ случаѣ нападенія.

Королевскіе капеланы стали передъ королемъ на колѣни и упрашивали, чтобы не отдавалъ на жертву уцѣлѣвшихъ подъ Полтавой, а главное не подвергалъ опасности своей особы, доказывая безполезность сопротивленія и что этимъ упорствомъ онъ нарушаетъ права гостепріимства.

— Я взялъ васъ для молитвы, а не для совѣтовъ.

Генералы Гордъ и Дордовъ, указывая на свои раны, увѣряли, что охотно умрутъ за него, но вмѣстѣ умоляли подвергать себя опасности не здѣсь, но въ случаѣ болѣе необходимомъ.

— Знаю по вашимъ и своимъ ранамъ, отвѣчалъ Карлъ XII, что мы бились мужественно, до сихъ поръ вы честно исполняли свою обязанность—надѣюсь, что исполните и нынѣ.

Оставалось, значитъ, слѣпое повиновеніе, и каждому уже стыдно было — отказаться умереть за своего государя. Приготовляясь къ штурму, Карлъ XII утѣшался мыслью, что какихъ нибудь триста шведовъ будутъ сопротивляться цѣлой непріятельской арміи.

Всѣмъ, начиная отъ канцлера и до послѣдняго поваренка поназначалъ онъ посты: у него каждый обязанъ былъ служить солдатомъ. Самъ онъ объѣзжалъ верхомъ окопы, обѣщая всѣмъ награды и производства въ чины за храбрость.

Вскорѣ турки и татары съ десятью орудіями и двумя мортирами подошли къ лагерю. Развѣвались бунчуки, гремѣла музыка и вокругъ слышались мусульманскіе клики: Алла! Алла! Баронъ Гротгузенъ замѣтилъ, что въ воинственныхъ крикахъ не было ничего оскорбительнаго для короля, котораго называли только «желѣзною головою» (Демирбашъ).

Пользуясь этимъ расположеніемъ, Гротгузенъ, одинъ, безъ оружія вышелъ къ янычарамъ, недавно еще получавшимъ отъ короля жалованье и подарки, и сказалъ, что они конечно не захотятъ умертвить трехсотъ безоружныхъ солдатъ и короля, который такъ ласкалъ ихъ.

— Друзья! прибавилъ онъ: король проситъ только три дня отсрочки, а султанское повелѣніе не такъ жестоко, какъ васъ увѣряютъ.

Смягченные янычары поклялись бородами не нападать на Карла и объявили готовность подождать три дня.

Напрасно подаваемъ былъ сигналъ къ штурму, янычары не только не хотѣли повиноваться, но грозили броситься на своихъ начальниковъ, въ случаѣ отказа королю въ трехдневной отсрочкѣ. Они толпою отправились къ палаткѣ бендерскаго паши и кричали, что повелѣніе султана было вымышлено.

Сераскиръ нашелся въ необходимости запастись терпѣніемъ. Изъявивъ притворное согласіе, онъ велѣлъ янычарамъ отступить

къ Бендерамъ. Ханъ татарскій хотѣлъ тотчасъ же идти на приступъ, но паша уговорилъ его отложить до утра. По возвращеніи въ Бендеры, сераскиръ велѣлъ собрать старшихъ янычаръ и болѣе заслуженныхъ воиновъ и показалъ имъ султанское повелѣніе. Шестьдесятъ сивобородыхъ стариковъ вызвались идти къ королю, убѣдить его и просить отдаться имъ на ихъ честное слово. Паша согласился, и старики отправились въ Варницу съ одними только бѣлыми палками въ рукахъ—единственное оружіе янычаръ внѣ сраженія.

Прибывъ въ лагерь, они обратились къ Гротгузену и Мильнеру, заявляя, что если бы король захотѣлъ имъ ввѣрить себя, они сами проводили бы его въ Адріанополь на свиданіе съ султаномъ. Въ то время, когда дѣлалось это предложеніе, король читалъ письмо изъ Константинополя, тайно пересланное Фабриціемъ чрезъ одного изъ янычаровъ. Письмо было отъ Понятовскаго, котораго задержали въ Стамбулѣ, послѣ новой просьбы о тысячѣ кошелькахъ. Онъ увѣдомлялъ, что дѣйствительно было отдано султаномъ повелѣніе схватить Карла а въ случаѣ сопротивленія и умертвить его; что слѣдовало покориться и т. д., предоставляя остальное времени.

Но ни почтительныя просьбы янычаровъ, ни письмо Понятовскаго не могли склонить короля на подчиненіе чужой волѣ. Онъ предпочиталъ смерть турецкому плѣну, и отправилъ стариковъ янычаръ, даже не увидѣвшись съ ними, и приказалъ сказать, что если не удалятся, то велитъ обрѣзать имъ бороды.

Оскорбленные старики ушли съ криками:

— О, желѣзная голова! Хочетъ своей погибели; ну, пусть же и погибаетъ.

Возвратясь въ Бендеры, они передали это Сераскиру и товарищамъ, объявивъ, что готовы на другой день идти на приступъ.

Поданъ знакъ штурма. Турки бросились на окопы, татары только и ждали этого; открытъ огонь изъ орудій, и янычары съ одной, а татары съ другой стороны овладѣли небольшими шанцами. Изъ трехсотъ шведовъ едва успѣли 20 употребить оружіе, какъ были окружены и взяты въ плѣнъ. Король съ генералами Гордомъ, Дордофомъ и Спарре стоялъ на конѣ между своимъ домомъ и лагеремъ, и видя какъ солдаты въ его присутствіи всѣ сдались плѣнными, сказалъ окружавшимъ хладнокровно:

— Пойдемъ защищать домъ! и потомъ съ улыбкой прибавилъ: будемъ сражаться pro aris et focis.

Проговоривъ это, онъ поскакалъ къ дому, гдѣ поставилъ на стражѣ около сорока служителей. Домъ былъ укрѣпленъ по возможности. Хотя генералы и привыкли къ упорству и храбрости Карла, однако не могли не дивиться хладнокровію и рѣшимости, съ какими онъ думалъ, при помощи нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, бороться противъ нѣсколькихъ детятковъ тысячъ и противъ десяти орудій.

У двери дома произошла стычка съ янычарами; около двухсотъ турокъ и татаръ проникли чрезъ окно внутрь и овладѣли комнатами, за исключеніемъ одной залы, куда заперлись королевскіе служители. Зала эта была близъ главной двери—куда устремился Карлъ съ двадцатью окружавшими. Спрыгнувъ съ коня, съ пистолетомъ въ одной рукѣ, со шпагой въ другой, бросился король—и за нимъ его свита.

Вдругъ его окружили янычары, оживленные обѣщаніемъ паши—восемь червонцевъ тому, кто хоть коснется до платья Карла, если послѣдній будетъ взятъ живымъ. Карлъ билъ направо и налѣво. Одинъ раненый янычаръ приложилъ мушкетъ къ его лицу, и если бы не толкнулъ кто-то случайно руки янычара, Карлъ не миновалъ бы смерти. Пуля скользнула у него по носу, оторвала кусочекъ уха, и раздробила руку генералу Горду, которому выпадало на долю всегда получать раны за своего государя. Король вонзилъ шпагу въ брохо янычару, а служители, запертые въ залѣ, отворили дверь, куда Карлъ и вскочилъ со своей свитой. Дверь снова была заперта и заложена какъ только позволяли средства. Карлъ остался въ этой залѣ со всѣми своими офицерами, секретарями, служителями и придворными.

Янычары и татары, наполняя комнаты, предавались грабежу.

— Пойдемъ выгонимъ эту толпу варваровъ! сказалъ Карлъ, становясь впереди, самъ отворилъ дверь спальной, вошелъ и выстрѣлилъ по хищникамъ.

Обремененные добычей и при видѣ Карла, котораго привыкли уважать, турки бросили оружіе, выскакивали въ окна и бѣжали къ погребамъ. Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на непріятеля, Карлъ и свита начали ихъ гнать по комнатамъ, нанося раны и убивая, такъ что въ четверть часа домъ былъ

очищенъ. Въ пылу этой оригинальной битвы Карлъ замѣтилъ двухъ янычаровъ, укрывшихся подъ его кроватью, — и одного закололь шпагой. Другой попросилъ пощады.

— Дарую тебѣ жизнь, закричалъ король, съ условіемъ, что пойдешь разсказать пашѣ все здѣсь видѣнное.

Турокъ выскочилъ въ окошко. Шведы снова овладѣли домомъ, заперли и закладывали окна. Одна комната, наполненная оружіемъ и боевыми припасами, оставалась нетронута, потому что янычары ея не замѣтили. Шведы стрѣляли чрезъ окна почти въ упоръ нападавшимъ туркамъ, которыхъ убили около двухсотъ въ теченіе четверти часа.

Раздались выстрѣлы изъ орудій, но мѣстный камень такъ мягокъ, что ядра въ немъ дѣлали отверстія, а не разворачивали стѣнъ. Ханъ и паша рѣшились непремѣнно овладѣть Карломъ; имъ уже стало стыдно потерять столько людей, штурмуя строеніе съ шестидесятью защитниками. Наконецъ зажгли домъ, бросая на крышу стрѣлы, обмотанныя горящими фитилями. Домъ загорѣлся, пылавшая кровля ежеминутно готова была обрушиться на осажденныхъ. Между тѣмъ Карлъ хладнокровно отдавалъ приказанія тушить огонь; найдя какой-то боченокъ съ жидкостью и незная, что это была водка, онъ съ помощью двухъ шведовъ бросилъ его на мѣсто, гдѣ горѣло сильнѣе. Въ попыхахъ никто не замѣтилъ, что это былъ горючій матеріалъ, и пожаръ усилился. Комнаты горѣли, зала наполнилась дымомъ изъ сосѣднихъ дверей, изъ которыхъ показывалось пламя. Полкрыши обрушилось, а другая осѣла снаружи, разбрасывая головни и искры.

Одинъ шведъ, Вальбергъ, закричалъ:

— Надо поддаться!

— Странный человѣкъ, отвѣтилъ король: ему лучше идти въ плѣнъ, нежели сгорѣть честнымъ образомъ.

— Домъ канцеляріи въ пятидесяти шагахъ, отозвался Розенъ: крыша на немъ черепичная—можетъ выдерживать огонь, надобно сдѣлать вылазку, пробиться и тамъ защищаться.

— Вотъ такъ настоящій шведъ! воскликнулъ Карлъ XII, обнялъ его и тотчасъ же произвелъ въ полковники. Друзья! продолжалъ онъ: набирайте побольше пуль и пороху, и съ оружіемъ въ рукахъ пробьемся въ канцелярію.

Турки, окружавшіе горѣвшій домъ, удивлялись, что изъ него не выходили шведы, но изумленіе ихъ усилилось, когда отворилась дверь, и Карлъ со своими напалъ на нихъ съ отчаянною храбростью. Шведы вооружены были шпагами и пистолетами: каждый изъ нихъ при выходѣ изъ двери далъ по два выстрѣла, потомъ бросили пистолеты, и всѣ, обнаживши шпаги, кинулись на турокъ, такъ что отогнали послѣднихъ шаговъ на пятьдесятъ, но разумѣется тотчасъ же были окружены многочисленною толпою. Карлъ, бывшій по обычаю въ сапогахъ со шпорами, зацѣпился за что то и упалъ. Двадцать янычаровъ кинулись на него. Король бросилъ вверхъ шпагу, чтобы не отдавать ее, а турки отвели его къ сераскиру, одни держа за ноги, другіе подъ руки, осторожно, словно больнаго.

Карлъ тотчасъ же смягчился, остылъ отъ боеваго жару, молчалъ, и не оказывая признака гнѣва, смотрѣлъ съ улыбкой на янычаровъ, которые неслись съ криками: Алла! поглядывая на него съ уваженіемъ и вмѣстѣ съ досадою.

Королевскій дворъ былъ взятъ и ограбленъ турками. Дѣлалось это 12 февраля 1713 г.

Паша ожидалъ Карла въ палаткѣ, призвавъ переводчика Марка. Принявъ короля почтительно, онъ просилъ его отдохнуть на диванѣ. Король не измѣнялъ положенія.

— Слава Богу, ваше величество живы; я былъ въ отчаяніи, но не могъ не исполнить повелѣнія султана.

Король не въ состояніи былъ позабыть плѣна своихъ трехсотъ солдатъ въ лагерѣ.

— Если бы они защищались, какъ слѣдуетъ, воскликнулъ онъ, и въ десять дней вамъ бы не овладѣть мною.

— Это была бы напрасно потраченная храбрость, отвѣчалъ турокъ.

Короля отправили въ Бендеры на богато-осѣдланной лошади. Всѣ шведы частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ; вещи, бумаги, платье разграблены, сожжены; офицеры почти нагіе, связанные попарно, слѣдовали пѣшкомъ за турками и татарами. Та же участь постигла канцлера и генераловъ; они сдѣлались невольниками солдатъ, которые забрали ихъ въ плѣнъ.

Измаилъ-паша уступилъ Карлу свою комнату въ бендерскомъ дворцѣ и угощалъ по королевски, но у двери поставилъ кара

отъ янычаровъ. Карлу приготовили постель; однако, онъ, не раздѣваясь, въ сапогахъ, бросился на софу и уснулъ глубокимъ сномъ. Офицеръ, находившійся возлѣ, накрылъ ему голову шапкой, которую король отбросилъ, проснувшись отъ перваго сна, и турокъ съ изумленіемъ увидѣлъ монарха, спавшаго въ сапогахъ и съ непокрытой головою. На утро Измаилъ-паша ввелъ въ королевскую комнату Фабриція, которому Карлъ представился въ разорванномъ платьѣ; сапоги и все на немъ покрыто слѣдами крови и дыму, брови обожжены, но лицо сохраняло спокойствіе, не смотря на это состояніе. Не могши проговорить ни слова, Фабриції упалъ передъ нимъ на колѣни; но, ободренный спокойной манерой короля, онъ принялъ прежнюю фамильярность, и оба пошли смѣясь бесѣдовать о бендерскомъ сраженіи.

— Говорятъ, ваше величество, сказалъ Фабриції, что вы убили собственноручно двадцат янычаровъ.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ король, такія вещи прибавляются всегда на половину.

Среди этого разговора Измаилъ-паша представилъ королю его любимца Гротгузена и полковника Риббинга, которыхъ имѣлъ великодушіе выкупить на свой счетъ, остальныхъ плѣнныхъ позаботился выкупить Фабриції. Къ нему присоединился англійской посланникъ Джефри. Одинъ французъ, привлеченный любопытствомъ въ Бендеры и писавшій часть приключеній, здѣсь разсказанныхъ, съ своей стороны далъ что могъ, и такимъ образомъ эти иностранцы, вспомоществуемые заботливостью и даже деньгами паши выкупили, изъ рукъ турокъ и татаръ,—не только офицеровъ, но даже ихъ платья.

На другой день повезли плѣннаго короля, въ повозкѣ, покрытой пурпурнымъ ковромъ, по дорогѣ въ Адріанополь; казначей его Гротгузенъ былъ съ нимъ. Канцлеръ Миллернъ и нѣсколько офицеровъ ѣхали въ другой телѣгѣ; многіе слѣдовали верхомъ, и когда бросали взоры на повозку, въ которой сидѣлъ король—всѣ не могли удержаться отъ слезъ. Паша ѣхалъ въ главѣ конвоя. Фабриції представлялъ ему, что неприлично было оставить короля безъ шпаги, и просилъ дать королю это оружіе.

— Боже сохрани, отвѣчалъ паша: онъ всѣмъ намъ отрѣжетъ бороды.

Однакоже через нѣсколько часовъ знаменитому плѣннику возвращена была шпага.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшей судьбой Карла XII, этой оригинальной личности, которая уже не можетъ повториться въ наше время. Мы имѣли только въ виду показать эпизодъ пребыванія его въ Бендерахъ. Любопытныхъ отсылаемъ къ Oeuvres complètes de Voltaire T. V. pp. 208—262.

Къ сожалѣнію, о пребываніи Мазепы въ Бендерахъ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній, а любопытно было бы прослѣдить послѣдніе дни жизни человѣка, болѣе намъ близкаго, нежели Карлъ XII.

Отъ турокъ осталась еще крѣпость съ древней генуэзской цитаделью, но какъ она еще не упразднена, то и осмотръ ея сопряженъ для частнаго лица съ большими затрудненіями. Я не могу сказать, что я ея не видѣлъ: комендантъ уважилъ мою просьбу и дозволилъ осмотрѣть, но офицеръ, которому поручено было удовлетворить мое любопытство—провелъ меня едва не на рысяхъ, а въ цитадели, ко многимъ дверямъ не нашлось ключей, за отсутствіемъ разныхъ личностей. О томъ, какъ жили турки, каково было внутреннее расположеніе, никто не сообщилъ мнѣ никакихъ подробностей, и хотя, взамѣнъ этого, провожатый офицеръ разсказывалъ мнѣ о мѣрахъ, принимавшихся во время послѣдней кампаніи, однако эти свѣдѣнія не заключатъ никакого интереса.

Собственно Бендеры (въ древности *Тегинъ*) довольно плохой городишко. Козаки называли его Тягынь или Тягиня, что видно изъ сохранившейся думы о Коновченкѣ:

«Пусты мене, маты,
Пидъ городъ Тягыню гуляты».

Впрочемъ, есть въ Херсонской губерніи селеніе Тягинка надъ Днѣпромъ, съ остатками очень древнихъ развалинъ, къ которой тоже можетъ относиться эта строфа. (См. Поѣздка въ Южную Россію, часть 1, стр. 298). Торговаго значенія Бендеры не имѣютъ, и если удерживаются отъ окончательнаго паденія, то единственно потому, что лежатъ на пути изъ Кишинева въ Одесу. Правда, здѣсь грузятъ галеры, и останавливаются плоты, но все это въ довольно жалкихъ размѣрахъ, такъ какъ мѣстные жители имѣютъ

возможность сами доставлять свои произведенія прямо сухимъ путемъ въ Одессу, гдѣ на все стоятъ высокія цѣны. Мѣстная торговля поддерживается въ значительной степени присутствіемъ крѣпостнаго управленія и гарнизона.

Лучшія строенія и лавки группируются вокругъ собора, а остальныя улицы обстроены плохо, содержатся, разумѣется, неопрятно. Кое-какое движеніе замѣтно еще потому, что въ городкѣ живетъ довольно евреевъ, которые если не ходятъ за дѣломъ, то все-таки шныряютъ, выискивая какого нибудь занятія, и, обыкновенно, придаютъ жизнь занимаемой ими мѣстности.

Въ лавкахъ, однакожъ, я не замѣтилъ предметовъ роскоши, потому ли, что бендерскіе жители скромны въ своихъ привычкахъ, потому ли, что близость Одессы мѣшаетъ купцамъ заводиться этого рода товарами. Впрочемъ, къ удивленію, въ Бендерахъ есть нѣсколько извощиковъ,—обстоятельство, до сихъ поръ для меня необъяснимое. Не было бы надобности,—не существовали бы извощики, какъ ихъ и нѣтъ обыкновенно въ плохихъ уѣздныхъ городишкахъ, тѣмъ болѣе, что въ Бендерахъ нѣтъ разстояній, которыя переходить пѣшкомъ было бы утомительно. Не можетъ быть причиной здѣсь и присутствіе крѣпости, и только остается любопытство проѣзжихъ, да и то устремленное на одинъ пунктъ —на слѣды шведскаго лагеря.

На одной изъ боковыхъ улицъ отстроивалась небольшая католическая церковь красивой архитектуры, иждивеніемъ коменданта. И это была единственная новая постройка во всемъ городкѣ.

Верстахъ въ четырехъ на горѣ надъ аккерманской почтовой дорогой лежитъ огромный продолговатый курганъ, называемый суворовскимъ. Никто не могъ объяснить мнѣ этого названія. Суворову не было надобности насыпать такую гору, скорѣе онъ велѣлъ бы сдѣлать какое нибудь правильное укрѣпленіе, а развѣ не стояла ли на этомъ курганѣ походная палатка полководца? Виды оттуда на городъ, на панораму Днѣстра и на живописный Тирасполь по ту сторону—великолѣпны.

ГЛАВА XI.

Парканы. Болгары. Образъ жизни. Пчельникъ. Скандалъ. Тирасполь. Долина Днѣстра. Виноградники. Маяки. Торговля. Старообрядцы. Чумакъ Сова. Разсказъ его о табакѣ. Каналъ. Овидеополь. Переправа чрезъ Лиманъ на дубкѣ. Штормъ. Аккерманъ. Мѣщане. Древности. Суровцовъ. Баня. Шаба. Колонисты. Винодѣліе. Саранча. Шабалатъ

Между Бендерами и Тирасполемъ, на берегу Днѣстра, лежитъ большая болгарская колонія Парканы, почти утонувшая въ густой зелени деревьевъ. Это, впрочемъ, необходимая принадлежность каждой колоніи на югѣ, даже тамъ, гдѣ туземцы убѣждены въ невозможности разводить деревья. Въ Парканахъ, кромѣ бѣлыхъ акацій, растущихъ по улицамъ, у многихъ болгаръ встрѣчаются большіе сады, изобилующіе разнообразными плодами. Болгары же преимущественно занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, и между ними я видѣлъ мало бѣдняковъ, что конечно и неудивительно въ быту колонистовъ, пользовавшихся значительными льготами. Въ особенности Парканы понравятся, если прожить въ нихъ нѣсколько сутокъ между радушными и привѣтливыми жителями. Квартира моя была на большой поперечной улицѣ у зажиточнаго болгара и отличалась, кромѣ чистоты, роскошью нѣкотораго рода. Конечно, по достаточности моего хозяина невозможно судить обо всѣхъ колонистахъ, но я заходилъ въ нѣсколько десятковъ избъ—и вездѣ видѣлъ и опрятность и довольство, и замѣчательное трудолюбіе, съ какимъ всѣ члены семейства предавались какому нибудь занятію. По вечерамъ все населеніе высыпало на улицу, дѣти играли, молодежь пѣла пѣсни, старики бесѣдовали, сидя у воротъ группами. Національный костюмъ сохраняется только у женщинъ, а мужчины болѣе примѣняются къ мѣстности, но языкъ остался нетронутымъ, хотя колонисты и говорятъ какъ по малорусски, такъ и по молдавски. Сколько я слышалъ, странствуя по нашему крайнему югу, болгары народъ честный и дѣятельный, и хоть пребываніе мое въ Парканахъ было кратковременно, однако же я имѣлъ случай видѣть на опытѣ справедливость этого мнѣнія,

Типъ колонистовъ почти славянскій, разумѣется южно-славянскій, но въ обычаяхъ или лучше сказать въ пріемахъ есть что-то азіатское,—какъ бы наслѣдіе, вынесенное изъ подъ турецкаго гнета, неуспѣвшее исчезнуть, даже и въ теченіе долговременнаго пребыванія въ Россіи. Женщины хотя и не ведутъ затворнической жизни, хотя повидимому пользуются совершенной свободой, однако избѣгаютъ всякихъ разговоровъ съ посторонними мужчинами, неговоря о пріѣзжихъ, но и съ туземцами. Чистота нравовъ должно быть у нихъ въ высшей степени строгая, а въ отношеніяхъ молодежи я не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда того безцеремоннаго обращенія, которое такъ нормально въ деревняхъ и русскихъ и украинскихъ.

За деревней къ Днѣстру тянутся болгарскіе сады и тутъ же между ними есть поемные луга, изъ которыхъ иные отгорожены для сѣнокоса, а другіе оставлены для пастбища. Черезъ это мѣсто проходитъ почтовая дорога изъ Тирасполя въ Бендеры, значительно возвышенная и съ нѣсколькими мостами на случай днѣстровскихъ разливовъ, случающихся иногда и не въ урочное время. Я любилъ ходить въ эту сторону и, блуждая между садами, неразъ попадалъ на группы пастуховъ и пастушекъ, которые пріютившись подъ развѣсистымъ деревомъ или подъ высокимъ пролетомъ дорожнаго моста, пѣли пѣсни или занимались какой нибудь работой. Разумѣется, послѣднее относится къ дѣвушкамъ, потому что парни вообще не знаютъ нигдѣ никакого рукодѣлія. По получасу и больше случалось мнѣ сидѣть незамѣченнымъ, но я не видѣлъ ни разу не только сцены нескромнаго обращенія, но даже свободныхъ жестовъ, могущихъ навести на мысль эротическаго содержанія. Между тѣмъ молодые люди и дѣвушки сидѣли близко другъ друга, болтали, смѣялись, хотя, къ сожалѣнію, я и не могъ понимать ихъ разговоровъ, незная по болгарски.

Дочь моего хозяина, миловидная дѣвочка, умѣющая объясняться по малорусски, видимо избѣгала разговоровъ со мною, особенно если не было матери, да и въ присутствіи послѣдней старалась несмотрѣть мнѣ прямо въ глаза и какъ бы выискивала предлоговъ удалиться.

Изъ одного случая я убѣдился, что общественное мнѣніе парканцевъ строго преслѣдуетъ такъ называемое легкое поведеніе,

и что болгары, а въ особенности болгарки, отнюдь не сквозь пальцы смотрятъ на легкіе грѣшки, даже и самаго невиннаго свойства. Передъ отъѣздомъ уже изъ колоніи, я узналъ, что нѣкоторые болгаре съ любовію занимаются пчеловодствомъ и упросилъ одного зажиточнаго колониста свести меня на его пчельникъ. Это было въ іюнѣ, когда я подымался вверхъ по Днѣстру, и пчелы по обыкновенію находились въ полѣ между хлѣбовъ на значительномъ разстояніи отъ деревни. Болгаръ заинтересовалъ меня разсказами о красотѣ мѣстности, о великолѣпной жатвѣ, объ охотѣ, такъ что я положилъ себѣ въ сумку разныхъ запасовъ на цѣлый день, располагая пробыть въ полѣ до вечера. Мы отправились не пѣшкомъ, какъ я думалъ, а поѣхали на телегѣ и по разнымъ извилистымъ дорожкамъ прибыли въ широкую долину, исколесивъ болѣе десяти верстъ по отлично воздѣланнымъ участкамъ, покрытымъ высокими и пышными хлѣбами. Болгарскіе пчельники тоже что лѣтомъ и въ Малороссіи, гдѣ обыкновенно во время цвѣтенія травъ вывозятъ пчелъ въ поля, наблюдая притомъ, чтобы по сосѣдству была гречиха. Тѣже небольшіе допотопные ульи, также сверху прикрыты частью корой, частью глиняными мисками, съ тою только разницею, что тутъ же были посѣяны дыни и арбузы, чего въ Малороссіи не встрѣчается, потому что малорусъ считаетъ *пасѣку* (пчельникъ) чѣмъ-то священнымъ. Болгаръ, которому ввѣрено было смотрѣніе за пчелами, бодрый старикъ лѣтъ около шестидесяти, повидимому, зналъ свое дѣло, потому что безъ церемоніи обращался съ ульями, переворачивалъ ихъ, показывая мнѣ ихъ устройство и вообще показывалъ короткое знакомство съ невесьма безопасными насѣкомыми. Подчивали меня сыромъ, сотами, ѣздилъ я потомъ съ хозяиномъ къ Днѣстру, гдѣ на привольѣ хотѣлось поохотиться, опять возвращались на пчельникъ,—такъ что въ Парканы попалъ я только передъ вечеромъ. По всей улицѣ возлѣ моей квартиры стояли кучки колонистовъ, преимущественно женщинъ, что я сперва принялъ за обыкновенныя вечернія сходки,—но говоръ показался громче обыкновеннаго. Въ домѣ, однакоже, никого небыло, исключая дѣвочки лѣтъ десяти, которая говорила только по болгарски, и мнѣ пришлось подождать возвращенія хозяевъ. Выйдя за ворота, я видѣлъ какъ болгарки перебѣгали изъ одной кучки въ другую и разводя руками гово-

рили съ увлеченіемъ, но, не смотря на все любопытство, я не могъ узнать причины этого оживленнаго митинга. Хозяйка моя тоже въ свою очередь жестикулировала не менѣе прочихъ и въ голосѣ ея слышались рѣзкія ноты, которыхъ я не замѣчалъ прежде. Слуга мой не зналъ ничего и какъ онъ по своей флегматической натурѣ не былъ любопытенъ, то и не обращалъ вниманія на происходившее на улицѣ.

— О чемъ это они спорятъ? спросилъ я у него, когда онъ вынесъ самоваръ въ сѣни.

— А дідько (дьяволъ) іхъ зна, отвѣчалъ онъ съ своей добродушной улыбкой: *джеркотять* (таряторятъ) по своему, такъ що нічого й невторопаешъ (непоймешь).

— Да вѣдь это вѣроятно уже давно происходитъ?

— Давненько; я думавъ що воны будутъ быться, та й собі вызыравъ (высматривалъ) за ворота, ажъ тількы жіноцьки сварки (ссоры).

Самоваръ уже давно закипѣлъ и я сдѣлалъ себѣ чаю, какъ хозяйка возвратилась съ минтига. Дверь моей хаты была отворена, и я замѣтилъ на лицѣ болгарки явственное неудовольствіе.

— Хозяюшка, войдите чайку попьемъ.

— Спасибо, драгій, у меня точно горло пересохло—промочить не мѣшаетъ.

— Садитесь же,

Хозяйка вошла, и вся физіономія ея приняла обычную привѣтливость.

— Ну, что, какъ ѣздили? понравилось у насъ въ полѣ?

— Славныя ваши поля, хозяюшка, и пчельники богатые.

— Посмотрѣли бы вы какіе были прежде.

Болгарка махнула рукою.

— Теперь все не то, драгій, продолжала она, да и люди стали совсѣмъ другіе.

— Конечно другіе, подхватилъ я, предчувствуя, что старуха сама разговорится о необыкновенномъ сборищѣ.

Ожиданіе меня не обмануло.

— А у насъ вышелъ такой случай, такой скверный случай.

— Что такое, хозяюшка?

— Не знаю какъ и сказать... Еслибъ это вышло тамъ, въ Болградѣ, я не знаю...

— Вѣроятно воровство какое нибудь.

— Хуже. Есть у насъ одна молодая женщина, недурная собой...

Хозяйка остановилась.

— Ну?

— Ну, мужъ въ отлучкѣ, — и она до сихъ поръ вела себя честно.

— А теперь?

— Должно быть спозналась съ какимъ-то солдатомъ въ Бендерахъ. Намъ и не въ домекъ, что есть ли нужда, нѣтъ ли, она каждый день ходитъ на рынокъ.

— Это еще не бѣда—мало-ли у кого надобностей.

— Не говорите этого! Сегодня видѣли какъ солдатъ провожалъ ее черезъ паромъ... И представьте—въ кустахъ онъ поцѣловалъ ее.

Хозяйка вскочила съ мѣста. Я хотѣлъ уже замѣтить, что это еще небольшая важность; но болгарка продолжала:

— Посторонній поцѣловалъ замужнюю женщину!

— А можетъ быть это напраслина?

— Кто же станетъ лгать въ такомъ важномъ дѣлѣ?

И болгарка пустилась при этомъ доказывать, что нравы у нихъ начинаютъ портиться, что молодежъ склонна забывать дѣдовскіе обычаи—и т. п.

Возвратившійся хозяинъ, однакоже, разъяснилъ дѣло и сказалъ, что дѣйствительно нельзя судить о виновности молодой женщины, потому что вѣсть пущена въ ходъ ея непріятельницей, и что кромѣ послѣдней никто не видѣлъ зловреднаго поцѣлуя. Старикъ прибавилъ, что стыдъ и грѣхъ обвинять христіанскую душу по одному подозрѣнію, и что всѣ благоразумные рѣшили ожидать болѣе положительныхъ данныхъ. Хозяйка, однакоже, не соглашалась на мнѣніе благоразумныхъ и разсказала при этомъ нѣсколько преданій, занесенныхъ изъ Болгаріи, гдѣ подобныя вещи не проходятъ даромъ.

Воровство у болгаръ тоже считается однимъ изъ тяжкихъ пороковъ, и вообще племя это, какъ говорятъ сосѣди, ведетъ себя спокойно и добросовѣстно.

На лѣвомъ же берегу Днѣстра, дѣлающаго здѣсь невѣроятные зигзаги, стоитъ Тирасполь, уѣздный городъ Херсонской гу-

берніи. Замѣчательнаго въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ развѣ того, что вездѣ встрѣчаете великорусскій говоръ и костюмъ, какъ мужской, такъ и женскій. Въ Тираспол҄ѣ живетъ много старообрядцевъ. Я уже имѣлъ случай говорить, что народъ этотъ нигдѣ не теряетъ своей національности и сохраняетъ до малѣйшей подробности не только старинные нравы и обычаи, но и самыя формы какъ хозяйственныхъ орудій, такъ и домашней утвари. Даже красивые по наружности домики не содержатся съ молдавской или малорусской чистотою, и клопы и тараканы составляютъ необходимую ихъ принадлежность. Типъ этихъ старовѣровъ очень красивый; особенно хороши у нихъ женщины, довольно смугловатыя отъ южнаго солнца, но съ очень тонкими и правильными чертами. Замкнутость и необщительность старообрядцевъ извѣстны, и потому бытъ ихъ остается для проѣзжаго наблюдателя загадкой. Тираспольскіе старообрядцы занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, торговлей, извозомъ и состоятъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ со своими единовѣрцами, обитающими не только въ новороссійскомъ краѣ и вообще въ имперіи, но и за границею. Въ Тираспол҄ѣ есть еврейская гостинница, въ которой я останавливался, и мишурисъ, очень ловкій и плутоватый малый, передавалъ мнѣ свои замѣтки о старообрядцахъ. Разсказы эти, однакоже, относились болѣе къ свободнымъ нравамъ женщинъ. Дѣйствительно, у раскольниковъ многихъ сектъ на поведеніе дѣвушекъ не обращаютъ никакого вниманія, которыя, въ особенности на проѣзжихъ трактахъ, не могутъ похвалиться недоступностью и не выказываютъ фанатической нетерпимости. Слыхалъ я еще въ Хотинѣ о здѣшнихъ старовѣрахъ, мнѣ даже именовали одного, нѣсколько образованнаго, къ которому совѣтовали обратиться съ разспросами, конечно скромными, но къ сожалѣнію, онъ былъ въ отсутствіи. Мишурисъ мнѣ сообщилъ, впрочемъ, что болѣе подробныя свѣдѣнія можно пріобрѣсти въ м. Маякахъ и еще въ одномъ селеніи верстахъ въ тридцати отъ Тирасполя, такъ какъ тамошніе раскольники гораздо проще городскихъ, привыкшихъ къ постоянной осторожности. Всѣ проѣзжающіе иногородные старообрядцы обыкновенно появляются и исчезаютъ по ночамъ, посѣщаютъ больше уединенные хуторы своихъ единовѣрцевъ, избѣгая такимъ образомъ столкновенія съ посторонними.

Упраздненная тираспольская крѣпость представляетъ мало интереса, да и самъ городишко вообще чрезвычайно скученъ, не смотря ни на проѣзжій трактъ, ни на положеніе свое надъ судоходной рѣкою. Днѣстръ достигаетъ здѣсь значительной глубины и не представляетъ никакихъ затрудненій, но въ описываемое время еще пароходы не ходили, а только дѣлана была попытка. Впрочемъ, носилась молва, что черноморская компанія собиралась приступить къ открытію сообщеній по Днѣстру и не знаю что мѣшало исполненію этого намѣренія. Покрайней мѣрѣ отсюда плаваніе не подвержено случайностямъ, тѣмъ болѣе, что фарватеръ вездѣ постоянно глубокій, а если есть корчаги, то о подобномъ препятствіи стыдно и говорить въ наше время. Лодки однакоже и здѣсь такія же неуклюжія, какъ и на верхнемъ Днѣстрѣ, что даетъ поводъ предполагать объ отсутствіи малѣйшей любви къ водѣ въ мѣстныхъ береговыхъ жителяхъ. И дѣйствительно, поднѣстровцы не обнаруживаютъ не только особенной, но и никакой склонности къ судоходству, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться, слѣдуя по берегамъ этой рѣки отъ самой австрійской границы.

Долина рѣки здѣсь постепенно расширяется и представляетъ до самаго Лимана пространство, покрытое сплошною богатою растительностью, съ правой стороны окаймленное высокими и порой каменистыми горами, съ лѣвой небольшой возвышенностью, которая, однако же, ближе къ устью подымается постепенно, такъ что, подходя къ морю, лиманскіе берега мѣняются ролью —аккерманскій становится ниже овидіопольскаго. Отъ Тирасполя и Бендеръ, протекая густыми лѣсами съ замѣчательной быстротою—многоводный Днѣстръ покрытъ уже галерами, слѣдующими внизъ и подымающимися бичевою вверхъ, а также несетъ плоты, предназначенные для потребленія Одессы—этому счастливому городу, поглощающему продукты береговъ Днѣпра, Днѣстра и Буга. По обѣимъ сторонамъ лежатъ, если не богатыя, то необыкновенно живописныя деревни, особенно по берегу бессарабскому. Много красоты придаютъ молдавскимъ хатамъ виноградники, которые въ пору созрѣванія винограда кажутся для постороннихъ чѣмъ то волшебнымъ. По этой мѣстности вообще лозу оставляютъ на свободѣ, не обрѣзываютъ и она растетъ себѣ безпрепятственно, а потому и видъ на виноградникъ, уни-

занный синими и бѣлыми кистями, которыя висятъ между широкимъ листомъ, гораздо привлекательнѣе нежели тамъ, гдѣ принято обрѣзывать кустарники не выше какъ на аршинъ отъ почвы.

Слѣдуя правымъ берегомъ Днѣстра отъ Бендеръ, вы проѣзжаете по молдавскимъ деревнямъ, густо населеннымъ, но довольство у жителей встрѣчаете только у крестьянъ государственныхъ, тогда какъ помѣщичьи, особенно же монастырскіе— всю жизнь свою работали только для удовлетворенія необходимыхъ потребностей и, кромѣ того, подчинены были довольно суровой дисциплинѣ владѣльческой администраціи. Въ первыхъ главахъ моей поѣздки я достаточно познакомилъ читателя съ бытомъ бессарабскаго царанина, а въ послѣдней главѣ нельзя не повторить, что этотъ бытъ настоятельно требуетъ улучшенія и облегченія.

Вся эта полоса изобилуетъ виноградомъ, и каждый зажиточный хозяинъ непремѣнно давитъ вино, если не для продажи, то для собственнаго употребленія. Винодѣліе и уходъ за виноградными садами встрѣчаются лишь въ одномъ мѣстѣ у колонистовъ, о чемъ будетъ сказано ниже, но у молдаванъ все это дѣлается еще по ноеву способу. Когда послѣдній разъ осенью проѣзжалъ я по низовьямъ Днѣстра, во всѣхъ деревняхъ давили вино, и подгулявшіе немного молдаване расхаживали по улицамъ съ бутылками въ рукахъ, усердно подчуя каждаго встрѣчнаго. Молдавское вино, въ особенности молодое, имѣетъ весьма мало крѣпости, просто въ родѣ рѣзкаго квасу и чтобы охмѣлѣть отъ него, необходимо выпить большое количество. Виноградъ, по мѣстному *пуама*, имѣетъ нѣсколько видовъ:

Пуама куарно, большой, длинный, темнаго цвѣта.

Пуама тивда, большой, круглый.

Пуама фати, небольшой, бѣлый и сладкій.

Пуама мушкатъ, мускатный.

Пуама пассерьяна, небольшой, бѣлый.

Пуама іепуле, мелкій, синій.

Пуама ди царьградъ, зеленый, твердый.

Въ деревняхъ во время урожая купить винограду нельзя, хозяинъ сада не беретъ денегъ, а предлагаетъ проѣзжему ѣсть сколько угодно даромъ. Любопытно смотрѣть иногда на

дѣтей, которыя ухитряются добывать виноградъ и дѣлаютъ нашествіе на сады, плохо оберегаемые. Разумѣется, дѣтямъ даютъ виноградъ какъ садовладѣльцы, такъ и родители, — и я не понималъ зачѣмъ юное поколѣніе прибѣгаетъ къ воровству, пока не убѣдился лично—съ какой это дѣлалось цѣлью.

Въ одинъ изъ праздниковъ, когда послѣ обѣда деренское населеніе засыпаетъ часа на два, на три, я бродилъ съ ружьемъ по прибрежному лѣсу. У крайней избы въ сарайчикѣ мнѣ послышался дѣтскій говоръ, обличавшій порядочное собраніе, я заглянулъ и увидѣлъ, что десятка два мальчиковъ и дѣвочекъ давили вино и тутъ же пили его разными припасенными сосудами.

Изъ замѣчательныхъ мѣстъ до Лимана можно назвать мѣстечко Маяки, лежащее на лѣвомъ берегу Днѣстра, какъ главный пунктъ всей днѣстровской торговли, то есть главный складъ лѣса и хлѣба, приходящихъ сверху плотами и на галерахъ. Отсюда всѣ эти матеріалы идутъ сухимъ путемъ въ Одессу, и потому незначительное мѣстечко во время навигаціи кипитъ усиленнымъ движеніемъ. Отъ Маякъ до Одессы дорога буквально загромождена чумаками, которые берутъ за провозъ значительную плату, и бываютъ времена, что по нѣсколько верстъ тянутся сплошные обозы съ хлѣбомъ, бревнами и дровами.

Мѣстечко расположено на крутой возвышенности, а товары сваливаются на берегу подъ открытымъ небомъ. Несмотря на значительные склады хлѣба, здѣсь не построено магазиновъ и зерно, за неимѣніемъ мѣста для выгрузки, остается иногда очень долго на галерахъ, вслѣдствіе чего портится и прорастаетъ. Населеніе преимущественно состоитъ изъ старообрядцевъ, которые выстроили хорошенькіе домики и занимаются торговлей и земледѣліемъ. Я посѣщалъ Маяки уже въ послѣднее время, когда прекращались гоненія на старообрядцевъ, и потому народъ какъ-то съ меньшей боязнью смотрѣлъ на пріѣзжаго не торговаго человѣка. Я жилъ у достаточнаго человѣка, который, узнавъ, что мое порученіе не служебное, а собственно относится къ судоходству, не только не дичился меня, а напротивъ приходилъ бесѣдовать и разсказывалъ охотно разные эпизоды изъ своихъ торговыхъ путешествій. Человѣкъ онъ былъ умный и совсѣмъ не фанатикъ, но еще страннѣе, что и женщины въ

его семействѣ не обнаруживали крайней нетерпимости. Послѣ первой же встрѣчи, когда хозяйка, ласково привѣтствовавъ меня, ввела въ хорошо убранную комнату, передній уголъ которой уставленъ древними иконами въ богатыхъ окладахъ, я почувствовалъ себя какъ-то неловко при мысли, что мнѣ придется выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ сигары, или причинить добрымъ людямъ неудовольствіе. Я рѣшился высказаться по этому случаю, припоминая разныя сцены изъ своихъ столкновеній съ раскольниками.

— Хозяюшка, началъ я; надобно признаться, что я не могу обойтись безъ одного зелья.

— Небось я не знаю: да теперь младъ ребенокъ и тотъ крутитъ папироску.

— Значитъ, вы не будете сердиться?

— Вотъ что, батюшка, сдѣлай милость, когда закуришь табакъ, открывай окна, пусть дымъ уходитъ на улицу.

Въ это время вошелъ хозяинъ и посмотрѣлъ попеременно на жену и на меня своими умными глазами.

— О табакѣ что ль? спросилъ онъ.

— Да, вотъ я признавался хозяюшкѣ.

— Курите на здоровье! Мы вѣдь живемъ вблизи Одессы, не то что въ захолустьи. Если бы здѣсь наблюдать, такъ пожалуй надо бы и отказаться отъ торговли.

Когда первый разъ я вышелъ съ квартиры побродить по мѣстечку и потомъ возвратился къ чаю, иконы въ моей комнатѣ были плотно закутаны кисеей, конечно отъ табачнаго дыма.

Улица, ведущая по одесской дорогѣ къ Днѣстру, почти вся занята трактирными заведеніями, а у самаго спуска расположенъ незатѣйливый базаръ, на которомъ, однако же, торговки продаютъ всевозможные съѣстные припасы, потребные простолюдину. Цѣлый день съ утра и до вечера толпится здѣсь народъ, главная дѣятельность котораго на берегу при выгрузкѣ галеръ, гдѣ поминутно подъѣзжаютъ фуры къ огромнымъ кучамъ хлѣба, наваленнаго на рогожи. Тутъ же разбираютъ плоты и наваливаютъ къ отправкѣ въ Одессу, которая не взирая на страшную дороговизну дровъ, не успѣла еще привыкнуть къ употребленію каменнаго угля.

Проживя въ Маякахъ нѣсколько дней, я началъ всматриваться въ торговое движеніе. Конечно невозможно было въ такое короткое время добыть цифръ даже приблизительныхъ, но сколько можно судить по тому, что я видѣлъ, Маяки доставляютъ Одессѣ огромное количество хлѣба и лѣсу.

На пристани идетъ толкотня, особенно ничѣмъ не интересная, но меня занимало тамъ столкновеніе истыхъ малорусовъ и руснаковъ изъ сѣверной Бессарабіи и Галиціи. Какъ то вечеромъ, встрѣтивъ знакомаго чумака изъ Полтавской губерніи, я пригласилъ его съ собою проходиться по берегу и разумѣется держалъ передъ нимъ въ перспективѣ хорошую выпивку. Чумакъ Сова тертый калачъ, исходившій югъ Россіи, натыкался въ жизни на многія интересныя приключенія, и потому я всегда бывалъ радъ встрѣтить его и съ нимъ побесѣдовать. Знакомство наше когда-то было очень оригинально, и мы постоянно встрѣчались самымъ дружескимъ образомъ. Сова поручилъ младшему брату напасти хорошенько воловъ, изъявивъ готовность посвятить мнѣ весь вечеръ.

— А знаете что? сказалъ онъ, когда мы смѣшались на пристани съ большою толпою, суетившеюся съ нагрузкой и выгрузкой.

— А что?

— Вѣдь вы же говорите, что надо будетъ выпить.

— Непремѣнно.

— Здѣсь—надо вамъ замѣтить—прегнусная водка.

— Я вѣдь въ ней толку не знаю.

— Потому и говорю, что это не при васъ писано. Мы вотъ переправимся на бессарабскую сторону, такъ тамъ и дешевле и забористѣе.

— Ну, дѣло, да и погулять тамъ просторнѣе.

Очевидно было, что Сова чувствовалъ аппетитъ выпить, и потому я рѣшился прежде зайдти въ шинокъ, и уже послѣ заняться бесѣдой со своимъ стариннымъ знакомымъ. Переправясь на паромѣ, мы завернули въ увеселительное заведеніе. до того полное однакоже народу, что Сова предложилъ мнѣ сѣсть на берегу подъ развѣсистымъ деревомъ.

— Вѣдь я знаю, сказалъ, онъ, что пить горѣлки вы не станете,—ну такъ покурите, а я признаться не люблю пить на-

скоро. Гораздо пріятнѣе пропустить глотокъ, другой и балагурить.

Какъ ужъ Сова распорядился, что ему дали посуду, внесъ ли онъ залогъ, или пользовался довѣріемъ—незнаю, только онъ вынесъ штофикъ, рюмку, кусокъ ржанаго хлѣба и двѣ соленыхъ рыбы. Мы расположились вблизи цѣлаго общества руснаковъ, которые отъ нечего дѣлать сидѣли и лежали на берегу, покуривая коротенькія трубки. Все это были молодые люди, за исключеніемъ одного смуглаго старика огромнаго роста. Наше присутствіе нисколько ихъ не стѣсняло, а напротивъ, небольшой русый парень безъ церемоніи попросилъ у меня папироску. Пользуясь этимъ случаемъ, я завелъ общій разговоръ, стараясь, чтобъ и мой землякъ принялъ въ немъ участіе. Сова дичился сначала, но когда я велѣлъ подать ему еще штофъ горѣлки и попотчивалъ новыхъ собесѣдниковъ, когда чумакъ съ наслажденіемъ закурилъ свою богатую корешковую люльку и разлегся со всевозможнымъ комфортомъ, у него появилась словоохотливость, и онъ началъ сближаться съ руснаками. Въ первыхъ главахъ я говорилъ уже, что говоръ послѣднихъ чисто малорусскій съ небольшими отмѣнами, и потому какъ тотъ, такъ и другіе свободно вели бесѣду между собою.

Когда мы съ Совою оставили веселое общество и пошли по берегу по направленію къ мойкѣ какого-то одесскаго купца, чумакъ мнѣ тотчасъ же замѣтилъ какъ только мы ушли на приличное разстояніе:

— Вишь, бѣсовы молдаване, совсѣмъ говорятъ по нашему.

— Они не молдаване, а руснаки, т. е. такіе же малороссіяне, какъ и мы съ тобою.

— Эге! такіе же? А зачѣмъ носятъ *патлы?* (длинные волосы).

— Такая у нихъ поведенція.

— Чортъ знаетъ что такое! Ну, положимъ, патлы ничего, а зачѣмъ всѣ они *розхристы?*

Слово это не переводимое. *Розхристаный* значитъ съ разстегнутымъ воротомъ, что въ Малороссіи считается не только неприличіемъ, но даже грѣхомъ въ нѣкоторомъ родѣ.

Тутъ уже трудно мнѣ было увѣрить Сову, что и въ этомъ

обычаѣ не имѣлось ничего дурнаго, и что, ходя съ разстегнутой рубашкой, можно быть хорошимъ человѣкомъ.

— Значитъ, они катылки? спросилъ Сова, какъ бы увѣренный напередъ въ положительномъ отвѣтѣ.

— Ни чуть не бывало, такіе же православные.

— Не повѣрю, ни за что не повѣрю, православный никогда не *розхристается*, потому что мать учитъ его всѣмъ порядкамъ съ малолѣтства.

— Я же тебѣ говорю, Сова, что они одной вѣры съ нами: я долго жилъ въ ихъ сторонѣ.

— Да я замѣтилъ какъ вы *закидали по ихнему*.

То есть говорилъ съ ними по руснацки.

— Я заходилъ у нихъ и въ церкви Богу молиться.

— Ну, и попы читаютъ по нашему?

— Какъ есть по нашему.

— И дьячки поютъ какъ слѣдуетъ?

— Какъ слѣдуетъ.

— Гмъ! Никому не повѣрилъ бы. Да какъ же можно ходить розхристою? Это чортъ знаетъ что такое? А есть и у нихъ слова, которыхъ не съ разу *утoропаешъ* (поймешь).

— Есть да немного.

— А можетъ, они *роскольцы*, какъ и маяцкіе?

— Нѣтъ, не раскольники. Ну, а маяцкіе какъ же тебѣ кажутся?

— Извѣстно, звѣремъ смотрятъ на нашего брата.

— Однако, въ Маякахъ все не то, что въ Знаменкѣ или по сю сторону Елисаветграда, коли бывалъ.

— Какъ не бывать! Конечно, здѣсь куда проще! Хохломъ безмозглымъ назвать назовутъ, покрайней мѣрѣ не лаются за каждую малость. Извѣстно, не любятъ нашего брата за люльку (трубку).

— Да вѣдь чумакъ рѣдко заглядываетъ въ хату.

— Оно такъ, а все иной разъ придется. И ты не куришь у нихъ, а вотъ зачѣмъ отъ тебя табакомъ пахнетъ. Хорошо, что пришлось къ слову. Я хочу спросить васъ—правда ли?

— Что такое?

— Видите ли, въ Злынкѣ прошлымъ лѣтомъ захворалъ у

насъ товарищъ и захворалъ не на шутку, Карпо Перерва—если знаете.

— Нѣтъ, не знаю.

— Тотъ самый, что помните почти одинъ вытащилъ вашъ фургонъ изъ грязи подъ Никополемъ.

— А! съ длинными усами! Помню.

— Ну, вотъ Карпо расхворался, да и говоритъ намъ, что ему *не животѣть* (не жить болѣе). Дѣло было къ полудню. Злынка недалеко. Мы остановились на дорогѣ, сняли больнаго съ воза, положили на *свитѣ* (верхняя одежда) и думаемъ послать бы за попомъ, такъ знаемъ, что въ Злынкѣ раскольцы. А тутъ какъ нарочно изъ Елисавета (Елисаветграда) проѣзжало нѣсколько злынковцевъ. Одинъ говоритъ намъ, что у нихъ есть старикъ, который лѣчитъ всякія хворобы (болѣзни). *Помирковавши* (разсудивъ), мы послали за старымъ раскольцемъ. Я и пошелъ просить этого знахаря. Сперва старикъ артачился, какъ, значитъ, ѣхать въ чумацкій таборъ, гдѣ *голены* (бриты) не только бороды, но и чубы, и гдѣ каждый непремѣнно *люлешникъ* (трубочникъ); однако я посулилъ ему за труды, и онъ согласился. Пріѣхалъ онъ, посмотрѣлъ больнаго, покачалъ головою и говоритъ: «ничего никто не подѣлаетъ — умирать ему на дорогѣ».

— И неушто Карпо умеръ? спросилъ я, припоминая громадную фигуру Перервы съ необыкновенно длинными усами.

Сова махнулъ рукою.

— Не довезли до города, такъ и *поховали* въ степу на могилѣ. Да, такъ вотъ что я хотѣлъ сказать. Старикъ расколецъ бранилъ насъ за *люльки* и говорилъ, что табакъ проклятое зелье. Правда ли это!

— Неправда, Сова, на свѣтѣ нѣтъ ничего проклятаго.

— Ну, нѣтъ. А осика (осина) напримѣръ! Но не въ томъ дѣло. Старый расколецъ разсказывалъ, что въ раю Господь насадилъ всякаго дерева, всякой травки, а табаку не создавалъ. На что, говоритъ, есть ядовитое зелье, какъ дурманъ, болиголовъ и другія—все это было въ раю, окромѣ табаку.

— Гдѣ же онъ взялся?

— Въ томъ и штука. Одинъ разъ чортъ, разсказывалъ намъ старикъ, когда уже люди стали похитрѣе и трудно было до-

быть для *пекла* (адъ) христіанскую душу, сидѣлъ и думалъ какъ бы ухитриться, чтобъ порадовать самого *преисподеннаго* старшого. Ничего не выдумалъ. Знаете, чорту такъ стало жаль видѣть постоянныя неудачи, что онъ горько заплакалъ. Должно быть, подвыпилъ маленько, прибавилъ чумакъ, конечно, отъ себя. Съ тѣмъ дьяволъ и ушелъ въ пекло. На другой день ему случилось быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ плакалъ,—смотритъ, на землѣ, гдѣ текли его слезы, зазеленѣла какая-то особенная травка. Чорта это удивило, потому что онъ помнилъ голое вытоптанное мѣсто. Чортъ полилъ травку. Она черезъ нѣсколько дней поднялась и зацвѣла бѣлыми и розовыми цвѣтками. Чортъ понесъ нѣсколько стебельковъ старшому, а тотъ посмотрѣлъ и говоритъ, что въ раю такого зелья не было. Взялъ старшой листокъ, свернулъ, понюхалъ, да какъ чихнетъ, въ пеклѣ затряслись стѣны и посыпались кирпичи съ печекъ, въ которыхъ жарятъ и варятъ грѣшниковъ. Послѣ того дьяволы тотчасъ же придумали что дѣлатъ съ травою и научили народъ курить ее и нюхать. Все равно, говорилъ расколецъ, нюхаешь ли ты, куришь ли, а непремѣнно оскверняешь душу.

— Пустяки, любезный Сова, у раскольниковъ есть свои выдумки, такъ же какъ и у нашего брата.

— Я и не знаю какъ же доброму человѣку обойдтись безъ люльки. Вѣдь если не покурилъ бы день, кажется заболѣлъ бы. Да что лучше—вотъ какъ выисповѣдаешься, да не покуришь вечеръ, такъ я вамъ скажу—ѣда и питье на умъ не идутъ, а до проклятой люльки такъ вотъ и тянетъ.

— Въ куреньѣ ничего нѣтъ дурнаго, тѣмъ болѣе противозаконнаго, потому что иначе никому бы и курить не позволили.

— Я и самъ такъ думаю.

— А что, Сова, спросилъ я своего собесѣдника, вѣдь ты часто былъ въ Маякахъ?

— Да почти все лѣто и еще съ весны толкусь между Одессой и Маяками.

— Значитъ, выгодно.

— А такъ себѣ.

— Ну скажи же мнѣ, ты не замѣчалъ—здѣшніе раскольники по ночамъ не возятъ товаровъ, этакъ въ тихомолку.

— А чортъ ихъ знаетъ—здѣшніе, или нездѣшніе, а всю ночь

народъ шатается — неизвѣстно куда и откуда; теперь вѣдь въ Одессѣ нѣтъ рогатокъ, заключилъ мой собесѣдникъ,—стало быть и выѣздъ изъ городу легче.

Замѣчаніе это навело меня на мысль, что съ уничтоженіемъ порто-франко, контрабанда въ Одессѣ не представляетъ уже особой выгоды, и что если она еще водится, то уже чисто морская, и потому надобно искать ее гдѣ нибудь на лиманѣ.

Чумакъ Сова не могъ сообщить мнѣ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, а хозяинъ относился о контрабандѣ весьма уклончиво, напирая на то, что беззаконная торговля влечетъ за собою большую отвѣтственность, словно я и не зналъ объ этомъ.

Можетъ быть, многимъ покажется странно, что Маяки, стоя недалеко отъ Лимана, такъ сказать въ устьяхъ Днѣстра, не пользуются воднымъ сообщеніемъ съ Одессой, а отправляютъ товары гужемъ, платя въ распутицу огромныя деньги. Мнѣ и самому казалось это не менѣе страннымъ, пока не пришлось побывать на мѣстѣ. Днѣстровскій лиманъ не имѣетъ глубины болѣе 7 футъ, да и то не вездѣ, а гирла его или проливы, которыми онъ впадаетъ въ море, особенно Стамбульское, довольно глубоки. И вотъ единственная причина, на которую опираются всѣ, кого бы вы ни спросили объ этомъ предметѣ. Но по моему мнѣнію главной помѣхой судоходству служитъ отсутствіе предпріимчивости. Вѣдь буксируютъ же изъ Херсона въ Одессу баржи, сидящія мелко, но подымающія большой грузъ, а переходъ моремъ отъ Очакова до Одессы ни чуть не меньше морскаго пути отъ послѣдней до Днѣстровскаго лимана. Просто не хотятъ обратить, какъ слѣдуетъ, вниманія и только. И вы не слушайте, что̀ будутъ вамъ разсказывать о неудобствахъ; неудобствъ положительныхъ нѣтъ. Отсутствіе глубины въ настоящее время уже не служитъ препятствіемъ, а если засоряются рукава Днѣстра, которыми онъ вливается въ Лиманъ, то для расчистки ихъ ненужно много средствъ. И вы не удивляйтесь, что это встрѣчается подъ Одессой, такимъ, по видимому, коммерческимъ городомъ. Мало ли и въ самой Одессѣ безобразій! Напримѣръ, тамъ, гдѣ принуждены уже дѣлать гранитную мостовую, потому что сотни тысячъ подводъ разбиваютъ обыкновенный камень, тамъ не могли сдѣлать отъ складовъ къ пристанямъ хоть желѣзно-конной, если не паровой дороги? Въ Одессѣ, гдѣ очень дешевъ (сравнительно) каменный

уголь, а дрова доходятъ до сорока и пятидесяти рублей за сажень, тамъ все таки топятъ дровами, на томъ основаніи, что для угля нужно *особенное устройство печей*! Чему же послѣ этого удивляться, если на судоходство по низовьямъ Днѣстра и по Лиману смотрѣли, какъ на дѣло, требующее нѣкоторыхъ издержекъ и платили за сухопутную перевозку сумасшедшія цѣны. Теперь уже, впрочемъ, это и безполезно: съ устройствомъ желѣзной дороги отъ Парканъ до Одессы, что совершится очень скоро, Маяки совершенно утратятъ всякое значеніе. Имъ, правда, останется еще лѣсъ и то больше дровяной, но вѣроятно одесситы хоть чрезъ нѣсколько лѣтъ примутся за уголь, или явится какой нибудь предпріимчивый человѣкъ и начнетъ пригонять въ Одессу дрова съ низовьевъ Днѣпра, о чемъ я говорилъ въ 1-й части Поѣздки и тогда Маяки сдѣлаются простымъ береговымъ селеніемъ. Близъ этого мѣстечка есть, впрочемъ, одна достопримѣчательность, которую нельзя пройдти молчаніемъ.

Днѣстръ и при устьѣ не оставляетъ своихъ капризныхъ привычекъ и такъ вьется по зеленымъ лугамъ, что, во-первыхъ, увеличиваетъ чрезвычайно разстояніе, а во-вторыхъ, извилинами своими мѣшаетъ даже, при вѣтрѣ, поворачиваться судамъ, особенно на первыхъ зигзагахъ. Какъ говорятъ, это и мѣшало въ прежнія времена учрежденію пароходства. Въ Одессѣ вѣдь была когда-то пароходная компанія, которая такъ и исчезла, но суда которой ходили и въ Днѣстръ, еще, кажется, при князѣ Воронцовѣ. Извилистое теченіе рѣки при устьяхъ и значительныя мели начали вызывать попытки—улучшить какъ нибудь дѣло—у нѣкоторыхъ частныхъ людей, понимавшихъ всю важность водянаго сообщенія. Разумѣется, все это ограничивалось предположеніями, которыя хотя и сообщались куда слѣдовало, однако не приносили дѣлу ни малѣйшей пользы. Наконецъ, явилась энергическая личность и рѣшилась разомъ покончить съ предпятствіями, отъ устраненія которыхъ ожидали значительныхъ благопріятныхъ результатовъ. Это былъ купецъ Суровцовъ, человѣкъ разумный и предпріимчивый, изучившій устья Днѣстра и практически знакомый съ его судоходствомъ. Суровцовъ рѣшился прорыть каналъ достаточной глубины и ширины, который далъ бы возможность пройдти въ какой нибудь часъ растояніе, требовавшее цѣлыя сутки плаванія, и кромѣ того избавлялъ бы плов-

цовъ отъ опасности стать на мель или удариться о берегъ во время крутыхъ и неудобныхъ поворотовъ. Знакомый съ мѣстностью, онъ начертилъ проэктъ и явился съ нимъ въ Одессу. Всѣ признали очевидную пользу канала, хотя долго шла переписка, нѣсколько разъ посылались на мѣсто специалиты, но разрѣшенiе, однако же, послѣдовало, потому что Суровцовъ принималъ на свой счетъ прорытiе канала. Приступая къ дѣлу, Суровцовъ зналъ, что оно долженствовало поглотить весь его капиталъ, и потому предварительно заключилъ условiе съ пароходной компанiей, а также и исхлопоталъ постановленiе, въ силу котораго каждое судно, имѣющее слѣдовать по его каналу, должно было вносить извѣстную плату. Суровцовъ объ этомъ выражался такимъ образомъ, какъ разсказываютъ:

— Я жертвую все мое состоянiе, и назначаю плату для того, чтобъ на старости не пришлось просить милостыню.

И вотъ, благодаря энергической дѣятельности частнаго человѣка, прекрасный каналъ пониже Маякъ соединилъ извилины Днѣстра и сократилъ путь судоходамъ, кажется болѣе нежели верстъ на двадцать. Но не одно сокращенiе плаванiя играло въ этомъ дѣлѣ важную роль, а суда избавлялись довольно опасныхъ проходовъ, такъ что въ первое время, по разсказамъ стариковъ,—самое днѣстровское судоходство, по крайней мѣрѣ по низовьямъ, подавало надежду на улучшенiе. Какъ уже это вышло, я не знаю, но Суровцову никто не платилъ никакихъ пошлинъ, о каналѣ его никто незаботился, по которому однако же суда входили въ Лиманъ и проходили изъ Лимана, и дѣло кончилось тѣмъ, что строитель разорился въ конецъ и пошелъ по мiру. Говорятъ, что на первыхъ порахъ неудачи, онъ по русскому обычаю запилъ... Но не въ томъ суть,—а какимъ образомъ могла выйдти подобная исторiя? Конечно, вѣдь Суровцовъ, какъ разумный человѣкъ, не могъ же бросать значительнаго для него капитала на вѣтеръ, если не разсчитывая на выгоды, то не предвидя общественной пользы. Значитъ же, его чѣмъ нибудь обнадеживали. Вообще это грустная и темная исторiя, которой мнѣ никто не могъ разсказать порядкомъ, но каналъ Суровцова и по настоящее время существуетъ подъ этимъ названiемъ.

По лѣвой сторонѣ лимана есть нѣмецкая колонiя, ниже большое селенiе Калаглея, и наконецъ, на одесско-измаильскомъ трактѣ

заштатный городокъ Херсонской губерніи Овидіополь, названіемъ своимъ сбивающій многихъ съ толку. Кто не коротко знакомъ съ древней исторіей, а слыхалъ или читывалъ, что знаменитый Овидій, былъ сосланъ изъ Рима въ ссылку къ берегамъ Чорнаго моря,—тѣ вполнѣ убѣждены, что поэтъ страдалъ по родинѣ именно на томъ мѣстѣ днѣстровскаго Лимана, гдѣ торчитъ несчастный городишко, названный Овидіополемъ. Отчего это городъ, а не село, я не знаю,—да и врядъ ли кто можетъ объяснить, а между тѣмъ, кому удавалось проѣзжать изъ Одессы въ Аккерманъ, тотъ непремѣнно, достигнувъ Овидіополя, задавалъ себѣ вопросы: да что же это за городъ такой? чѣмъ онъ похожъ на городъ? и наконецъ, можетъ ли онъ хоть черезъ пятьдесятъ, сто лѣтъ сдѣлаться городомъ? Жители его бѣдны, занимаются кое-какъ рыболовствомъ, да промышляютъ «дубками» (небольшія лодки), пользуясь выгодами отъ тѣхъ только пассажировъ, которые не хотятъ ѣхать на пароходѣ или опоздаютъ къ паровой переправѣ. Между Овидіополемъ и Аккерманомъ ходитъ пароходъ черноморской компаніи и, совершая нѣсколько рейсовъ въ день, успѣваетъ удовлетворять потребностямъ всѣхъ пассажировъ.

Въ Овидіополѣ проживаетъ много вольныхъ матросовъ, и они-то преимущественно занимаются переправой. Тамъ у меня изъ нихъ есть два пріятеля, оба безрукіе, раненые подъ Севастополемъ, и съ однимъ изъ нихъ, Симаковымъ, я чуть не погибъ въ Лиманѣ. Я очень хорошо помню этотъ переѣздъ, и хоть мнѣ случалось неразъ и не по одному ходить морю, встрѣчать бури и непогоды во время зимняго плаванія изъ Крыма въ Одессу,—но никогда мысль о гибели не представлялась въ такой ужасающей полнотѣ, какъ на днѣстровскомъ Лиманѣ. На этой мѣстности я прожилъ довольно долго, еще въ первое время словно предчувствовалъ, что при окончаніи командировки мнѣ не придется осмотрѣть всего какъ слѣдуетъ. Въ какой-то праздникъ возвращался я изъ Одессы въ Аккерманъ и возвращался налегкѣ, разсчитывая поспѣть на свою квартиру къ обѣду. Овидіопольскіе матросы знали меня очень хорошо и когда я подъѣзжалъ къ пристани, окружили меня по обычаю. Я не имѣлъ еще тогда официальнаго порученія заняться ихъ дѣломъ, однако самъ собиралъ необходимыя свѣдѣнія и выражалъ надежду, что

служба ихъ не останется безъ вознагражденія. Народу на пристани было довольно, въ ожиданіи парохода, который дымился однако еще у аккерманской пристани и долженъ былъ не раньше какъ черезъ часъ придти къ Овидіополю.

— А что, Александръ Степановичъ, отозвался Симаковъ, вѣтерокъ попутный, парохода вамъ ожидать долго—угодно, мигомъ переѣду на ту сторону.

— Дѣло, любезный другъ, а можетъ быть найдутся еще охотники.

— Да хоть и не найдутся, я съ вами торговаться не буду.

— Зачѣмъ же и тебѣ терять, впрочемъ, если никого не будетъ, я заплачу одинъ за переправу.

Симаковъ побѣжалъ хлопотать, нѣсколько матросовъ вызвались намъ сопутствовать, но безрукій владѣлецъ лодки сказалъ, что и самъ управится, и похвасталъ въ полчаса домчаться до Аккермана. Разница въ цѣнѣ была не очень большая, и мнѣ не столько доставляла удовольствія надежда выиграть какой нибудь часъ времени, сколько мысль дать заработокъ бѣдному Симакову.

Лодченка была снаряжена мигомъ и мы отвалили, поставивъ фокъ и гротъ—оборванные впрочемъ и дрянные парусишки, которые, однакоже, наполнились какъ слѣдуетъ, и дубокъ побѣжалъ довольно быстро при боковомъ вѣтрѣ. Экипажъ состоялъ изъ самого хозяина, сидѣвшаго на рулѣ, да парнишка лѣтъ четырнадцати, обязанностью котораго было наблюдать за шкотами и исполнятъ всякую команду, а пассажиры—я, мой мальчикъ-слуга, и еще двѣ какія-то женщины, упросившіяся переѣхать безплатно. Лиманъ лежалъ почти спокойно, особенно у лѣваго берега, и только немного дальше показались небольшія волны. Накренившись немного, дубокъ, словно крылатая чайка, летѣлъ прямо на аккерманскую крѣпость, которая издали представляется необыкновенно грозной. Мы отошли такимъ образомъ не болѣе версты, а тамъ бѣгъ нашъ началъ уменьшаться постепенно, и скоро паруса, какъ говорится, «заполоскали». Напрасно Симаковъ посвистывалъ для приманки вѣтра, мы должны были убрать паруса и приниматься за весла.

— Скверная исторія, сказалъ я. Напрасно не взялъ ты матросовъ, а теперь гресть и некому.

— Становитесь вы на руль, А. С—чъ, а я погребу съ парнишкой.

— Да какъ же одною рукою?

— Ничего, я и одною справлюсь, все равно что двумя.

Помѣстясь на кормѣ и не имѣя впереди парусовъ, я началъ озирать окрестность. Съ моря, спереди и сзади небо было совершенно чисто, но съ правой стороны изъ-за Лимана показался уголъ тучи, необыкновенно подозрительной наружности. Я указалъ на нее Симакову.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я.

— Чтожъ, туча скверная — будетъ шквалъ, только еще не скоро.

— Да вѣдь мы не дошли и до половины.

— Скоро и половина. Да вы не безпокойтесь. Пройдемъ немного на веслахъ, а тамъ непремѣнно встрѣтитъ насъ вѣтерокъ, поставимъ паруса и мигомъ будемъ въ Аккерманѣ.

Мы продолжали идти на веслахъ. Черезъ полчаса мимо насъ прошумѣлъ пароходъ, ведя на буксирѣ двѣ или три баржи уставленныя повозками,—и попавъ на струю, бѣгущую отъ колесъ, дубокъ нашъ закачался, что послужило предметомъ для остротъ моему мальчику и парнишкѣ лодочнику. Между тѣмъ туча быстро выходила на горизонтъ, и край ея словно дымился, отдѣляя бѣловатыя струйки. Въ глубинѣ тучи грохоталъ громъ, и по временамъ зигзаги молніи перерѣзывали ее пополамъ, но блескъ ихъ казался слабымъ при свѣтѣ солнца. Въ воздухѣ однакоже сдѣлалось свѣжо, и Лиманъ на всемъ пространствѣ направо подернулся изъ-синя-чернымъ отливомъ. Вѣтру еще небыло, но волны, откуда то взявшіяся, начали слабо ударять въ правый бортъ, что означало, по свидѣтельству Симакова, вступленіе наше на фарватеръ. Не успѣли мы отплыть сажень пятдесятъ, какъ надвинулась туча всею своею массою, и мгновенно поднялся свѣжій порывистый вѣтерокъ. Зрѣлище было великолѣпное. Половина Аккермана, еще озаренная солнцемъ—бѣлѣлась передъ нами, Лиманъ, словно покрытый вороненной бронею, волновался на всемъ пространствѣ, а полгоризонта было охвачено синей тучей, которая клубами неслась надъ головою, по временамъ вся въ блескахъ молніи и какъ бы наполненная постояннымъ глухимъ громовымъ гуломъ. Дубокъ нашъ начало бросать какъ скорлупу,

и какъ волненіе приходилось въ правый бортъ, то насъ и кренило постоянно въ лѣвую сторону.

— Не держать ли на перерѣзъ? спросилъ я Симакова.

— Нѣтъ ужъ, А. С—чъ, держите по прежнему, авось перебѣжитъ полоса.

Но полоса неперебѣгала, вѣтеръ усиливался, и волненіе расходилось будто на морѣ. Конечно, мы должны были держаться на веслахъ, но волны, выростая съ изумительною быстротою, грозили захлестнуть насъ. Двѣ пассажирки подняли ужаснѣйшій вой, я тоже трухнулъ порядкомъ, да и Симаковъ на первыхъ порахъ растерялся. Положеніе наше было тѣмъ печальнѣе, что мы находились посрединѣ Лимана, и хоть глубина вездѣ незначительная, тѣмъ не менѣе въ случаѣ катастрофы пришлось бы держаться на водѣ очень долго, потому что до берега достигнуть не представлялось возможности. Волны, которыя побойчѣе, начали по временамъ обдавать насъ не только что брызгами, а просто водою. Вѣтеръ между тѣмъ перешелъ въ штормъ, и порывы его со свистомъ и какимъ-то язвительнымъ гуломъ приносились къ морю. Дубокъ началъ подпрыгивать. Я все еще сидѣлъ на рулѣ, Симаковъ все еще при содѣйствіи помощника усиливался подвигаться впередъ на веслахъ. Наконецъ безрукій матросъ бросилъ весло, снялъ шапку и перекрестился.

— Нѣтъ, А. С—чъ, сказалъ онъ; дѣло плохо.

— А что?

— Долго такъ не продержимся, насъ непремѣнно захлещетъ волною. Смотрите какія вздымаются горы.

— Какъ же быть-то? Тебѣ, какъ моряку, лучше знать что́ дѣлать.

— Да я и думаю пуститься на отчай: все равно вѣдь, если погибать, то погибнемъ.

Хотя подобный отвѣтъ представлялъ мало утѣшенія,—однако я изъявилъ согласіе на все и обѣщалъ помогать сколько силъ хватитъ.

— Ну, благослови Господи! проворчалъ Симаковъ и бросилъ якорь?

— Что же это? спросилъ я, непонимая въ чемъ дѣло.

— Больше ничего какъ поставимъ парусъ.

Удержанный на одномъ мѣстѣ, дубокъ мигомъ сталъ носомъ

къ вѣтру, и насъ начало подбрасывать. Но Симаковъ уже работалъ со своимъ парнишкой, подымая фокъ, который вертѣло вѣтромъ во всѣ стороны. Закрѣпивъ шкоты, безрукій матросъ бросился на руль, я съ мальчикомъ поднялъ якорь, лодка дрогнула, сильно накренилась, почти черпая лѣвымъ бортомъ, и мы понеслись наискосокъ, спускаясь пониже Аккермана.

— Далъ бы Богъ еще версты двѣ благополучно, а тамъ попадемъ на тиховодъ, говорилъ Симаковъ,—а вы, бабы, лучше молитесь Богу, чѣмъ выть, обратился онъ къ пассажиркамъ, причитавшимъ разнообразныя жалобы.

Я боялся только одного, чтобы старенькій дырявый фокъ не сдѣлался жертвою вѣтра, особенно когда онъ затрещалъ въ одномъ мѣстѣ и въ немъ образовалась порядочная дыра, возлѣ которой бился большой лоскутъ парусины. Огромныя, будто морскія волны ходили по Лиману, съ гребнями, по которымъ разсыпалась жемчужная пѣна. Гроза грохотала безпрерывно, каждую секунду сверкала ослѣпительная молнія—и недалеко низвергался ливень ужасающими потоками. Этихъ нѣсколькихъ минутъ я передать не въ состояніи. Вотъ-вотъ захлеснетъ, вотъ разорвется парусъ... Но дубокъ летѣлъ съ необыкновенною быстротою. Между тѣмъ дождь полилъ какъ изъ ведра, все потемнѣло, и аккерманскій берегъ, который виднѣлся довольно явственно, едва мелькалъ какъ сквозь сѣтку.

— Наша взяла! раздалось вдругъ на кормѣ.

— Что? какъ?

— Видите, волны меньше. Значитъ берегъ недалеко.

Дѣйствительно, волненіе значительно уменьшилось, вѣтеръ утихъ немного, и дубокъ не упражнялся болѣе въ акробатическомъ искусствѣ, а бѣжалъ довольно плавно. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были у берега, спустившись далеко ниже пристани, къ которой однако же подтянулись, хотя и довольно медленно. Правда, на мнѣ не было сухой нитки, даже въ сапогахъ полно воды,—однако я уже не думалъ объ этихъ неудобствахъ, избавясь отъ недавней опасности. Ошвартовивъ свой дубокъ и получивъ, кромѣ платы, на водку, Симаковъ выразился, что грустно было бы погибать въ дрянномъ Лиманѣ, тѣмъ болѣе, что трудно держаться на водѣ съ одною рукою. А все глупость, прибавилъ

онъ: возьми я двухъ матросовъ,—мы бы управились въ этой «прости Господи калюжѣ» (лужѣ).

Аккерманъ уѣздный городъ Бессарабской области, довольно многолюдный и чрезвычайно разбросанный. Нѣсколько еще лѣтъ назадъ до освобожденія крестьянъ его можно было назвать желаннымъ Эльдорадо для крѣпостныхъ и вообще для разнаго безпаспортнаго люду. И доселѣ еще по югу Россіи слово аккерманскій мѣщанинъ имѣетъ свое особенное значеніе. Какой-то статистикъ, кажется одинъ изъ нѣмцевъ, обратилъ вниманіе на особенное долголѣтіе жителей Бессарабіи и преимущественно Аккермана, пустившись разумѣется въ разсужденіе о причинахъ, обусловливающихъ подобное явленіе. Но такое долголѣтіе существуетъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительности люди въ Аккерманѣ живутъ столько же, сколько и на другихъ мѣстностяхъ,— и средняя жизнь, я увѣренъ, не выше въ немъ, какъ и въ цѣлой Бессарабской области. Дѣло въ томъ, что аккерманскіе мѣщане, разумѣется въ прежніе годы, не только были долголѣтни, а просто никогда не умирали. По случаю огромнаго наплыва безпаспортныхъ и бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, — въ Аккерманѣ установилась особеннаго рода торговля. Умиралъ, положимъ, мѣщанинъ Иванъ Ивановъ, его, конечно, хоронятъ,—но имя его принималъ выходецъ изъ Полтавской губерніи и числился уже Иваномъ Ивановымъ, и если умиралъ въ свою очередь, то все-таки являлись кандидаты на его званіе, имя и фамилію. Въ 1856 г. я еще видѣлъ въ Аккерманѣ парня лѣтъ двадцати пяти, сыну котораго было лѣтъ гораздо за сорокъ. Я познакомился съ Аккерманомъ еще въ то время, когда принадлежалъ намъ Измаилъ и часть Бессарабіи, уступленная по парижскому міру, и городъ этотъ кипѣлъ народомъ. Коренное населеніе его состоитъ изъ русскихъ выходцевъ многихъ губерній, а потомъ уже слѣдуютъ молдаване, армяне, болгары, греки, сербы, цыгане и евреи.

Аккерманъ по турецки значитъ, что по гречески Аспро-Кастронъ, по молдавски Четати альба, а по русски бѣлый городъ. Раскинутъ онъ на крутомъ берегу Днѣстра и если не можетъ похвалиться красивыми зданіями новѣйшей архитектуры, то старинная крѣпость его, развалины турецкой бани и лабиринтъ

стараго города, состоящій изъ мазанокъ, могутъ нѣсколько часовъ занять любознательнаго путешественника.

Крѣпость съ очень глубокимъ рвомъ, выложеннымъ камнемъ, и съ высокими стѣнами, стоитъ на утесѣ, надъ самой стремниной, и восточной стороной своей спускается къ Лиману, который постоянно шумитъ прибоемъ о гранитыя плиты. Это повтореніе того же, что мы видѣли въ Хотинѣ и Бендерахъ, только въ болѣе величественномъ видѣ. Всѣ наружныя стѣны и башни турецкой постройки, и войдя въ ворота вы еще можете видѣть небольшой минаретъ, который сохранился,—хотя уже тутъ стоятъ нѣсколько домиковъ позднѣйшей постройки, въ которыхъ помѣщалась администрація крѣпости. Здѣсь ничего нѣтъ любопытнаго. Но интересна цитадель строенная генуэзцами, составляющая квадратъ, обставленный громадными башнями. Тамъ же и грубый домикъ, въ которомъ жилъ паша, губернаторъ цѣлой области. Цитадель, когда я осматривалъ ее, была завалена разными военными складами. Время сильно поиспортило эту старинную твердыню. Переходы между башнями не безопасны,—но я, пользуясь знаніемъ мѣстности моего спутника покойнаго Ар—ва, пробирался по всѣмъ стѣнамъ и заглядывалъ въ страшный *колодезъ казней*. Такъ, по словамъ Ар—ва, называлась одна изъ башень, въ глубинѣ которой были набиты острые колья. Сверху башни бросали туда жертву, — и она, пробитая остріями, мучилась по нѣсколько сутокъ. Но видъ съ вершины цитедели чрезвычайно живописный. Передъ вами Лиманъ, кажущійся безконечнымъ влѣво и вправо,—и только синѣетъ противоположный берегъ, а назади—съ одной стороны сплошные виноградники, а съ другой волнуется степь, тянущаяся далеко въ глубину южной Бессарабіи. Передать этого словами нельзя, и я удивляюсь, отчего до сихъ поръ никто не срисовалъ ни оригинальной крѣпости, ни видовъ Аккермана.

Недалеко надъ Лиманомъ, гдѣ устроено нѣчто въ родѣ бульвара, сохранились развалины старинной турецкой бани, въ которыя можно еще входить и видѣть довольно грубые фрески на стѣнахъ и по обрушеннымъ сводамъ.

Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Аккерманъ, подробнѣе всѣхъ описываетъ его I. Крашевскій и, пробѣжавъ его описаніе 1843 г., почти чрезъ двадцать лѣтъ, я не нашелъ въ

городѣ большой перемѣны, исключая, что нѣтъ уже множества тѣхъ лицъ, которыя служили ему проводниками.

Изъ древностей замѣчательны: греческая и армянская церкви. Греческая стоитъ почти на берегу Днѣстра, довольно бѣдная. Вокругъ нея разбросаны могильные камни, а пониже цѣлое старинное кладбище. Тамъ же построена небольшая часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ турки замучили Св. Ивана Сочавскаго. Мученикъ этотъ, родомъ изъ Трапезонда, погибъ въ 1442 г., а мощи его покоятся въ Сочавѣ. На стѣнахъ неискусною кистью изображены нѣкоторые моменты изъ жизни мученика.

Возлѣ греческой церкви, именно на паперти, меня поразило одно явленіе. На могильной плитѣ сидѣлъ высокій старикъ, въ синемъ кафтанѣ, безъ шапки, остриженный по великорусски — и разговаривалъ съ нѣсколькими горожанами, которые, по случаю тѣсноты, не могли пройдти въ церковь. Кажется, если не ошибаюсь, у грековъ былъ храмовой праздникъ. Толпа возлѣ старика увеличивалась, и многіе подсмѣивались. Старикъ чертилъ что-то палочкой на землѣ и все говорилъ, что пойдетъ къ самому Императору. Иногда онъ вскакивалъ съ камня, выпрямлялся во весь ростъ и дико поводилъ глазами. Видимо, что онъ былъ помѣшанъ.

— Кто это? спросилъ я у безрукаго матроса, сопровождавшаго меня по Аккерману.

— Старикъ Суровцовъ, который строилъ каналъ въ Маякахъ.

Вечеромъ я видѣлъ этого старика у переправы, какъ, держа въ одной рукѣ шапку, а другой прищелкивая, должно быть подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, онъ пускался въ присядку, при смѣхѣ толпившагося народу. Суровцова нерѣдко видятъ въ Аккерманѣ, Овидіополѣ и Одессѣ.

Армянская церковь гораздо древнѣе, въ старой турецкой части города. Это просто небольшой домикъ съ крестомъ, опустившійся въ землю. Въ ней и возлѣ есть плиты съ армянскими надписями,—но священникъ отговаривался перевести мнѣ надпись незнаніемъ древняго языка, что было и съ г. Крашевскимъ. Внутренность церкви и теперь, какъ во времена Крашевскаго, устлана была коврками и подушками и сохранила камни съ древними надписями, вокругъ которыхъ разбросаны символическія изображенія: пальмъ, рыбъ, птицъ, колецъ.

Но, несмотря на бѣдную наружность, армянская церковь въ лабиринтѣ стараго города оставила во мнѣ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Маленькій дворикъ ея, устланный бѣлыми камнями съ надписями, засаженъ множествомъ деревьевъ и цвѣтовъ,—и какъ онъ лежитъ гораздо ниже уровня улицы, то и представляетъ какой-то цвѣтущій островокъ среди извилистыхъ грязныхъ закоулковъ.

Аккерманъ, кромѣ части, примыкающей къ торговой площади, и двухъ-трехъ новѣйшихъ улицъ, состоитъ изъ виноградниковъ, которые тянутся далеко по окрестности. Это главное мѣсто выдѣлки бессарабскихъ винъ, извѣстныхъ въ торговлѣ подъ именемъ аккерманскихъ. Не имѣетъ садика развѣ самый убогій домовладѣлецъ. Я жилъ послѣдній разъ у отставнаго козачьяго офицера, у котораго садъ среди города. Система, принятая здѣсь относительно ухода за виноградомъ—срѣзывать лозы и не давать кусту рости вверхъ. Г. Крашевскій, въ своемъ описаніи, жалѣетъ объ этомъ, полагая, что въ такой мѣрѣ винодѣлы прибѣгаютъ, вѣроятно за неимѣніемъ лѣса на подпорки или изъ необходимости закутывать лозы теплѣе на зиму. Почтенный путешественникъ увѣряетъ, что было бы выгоднѣе оставлять лозы въ естественномъ видѣ, которыя давали бы обильнѣе жатву. Но г. Крашевскій ошибается: именно срѣзываніе лозъ и доставляетъ большую выгоду, т. е., если кусты даютъ меньшее количество винограда, то качество его несравненно лучше и наконецъ самый плодъ несравненно крупнѣе. Вѣроятно почтенный путешественникъ не посѣщалъ колоніи Шабы, гдѣ бы онъ увидѣлъ улучшенное винодѣліе, и гдѣ швейцарцы, обрѣзывая свои лозы, получаютъ съ иного куста около тридцати фунтовъ отличнаго винограда.

Почти на другомъ концѣ города, надъ Днѣстромъ—разведенъ недурной, хоть и маленькій городской садъ, гдѣ по вечерамъ гуляетъ аккерманское общество. Впрочемъ, посѣтители являются въ немъ преимущественно, когда играетъ военная музыка. Тутъ же рядомъ построены большія казармы, въ которыхъ, кажется, постоянно квартируютъ стрѣлковые батальоны.

По дорогѣ къ этому саду отъ центра города, по широкой улицѣ, непомню названія,—да и есть ли полно у нея названіе,—стоитъ необыкновенно странный домъ не домъ, не то магазинъ или нѣчто непохожее ни на то ни на другое. Много мнѣ стоило

хлопотъ добиться толку относительно этого зданія, потому что обязательный А—въ умеръ послѣ перваго же моего посѣщенія Аккермана, и я уже не могъ найдти себѣ такого усерднаго спутника. Это оказались восточныя бани, построенныя однимъ армяниномъ, ко времени бывшаго здѣсь дипломатическаго съѣзда въ первой четверти настоящаго столѣтія. Старикъ хозяинъ, очень богатый человѣкъ, былъ еще живъ, но дряхлъ въ высшей степени и сдѣлавшійся настоящимъ Плюшкинымъ. Послѣ долгихъ переговоровъ чрезъ разныхъ посредниковъ, армянинъ рѣшился наконецъ показать мнѣ бани, заключивъ предварительно съ моимъ парламентеромъ условіе, что отъ него не потребуютъ никакого угощенія. Долго мы стучались у воротъ, за которыми сердито лаяли собаки, пока послышался удушливый кашель и хозяинъ явился къ нашимъ услугамъ. Несмотря на жаръ, онъ былъ въ мѣховомъ старомъ халатѣ, которымъ онъ хотя и запахивался, однако не такъ плотно, чтобъ нельзя было видѣть тонкихъ исхудалыхъ ногъ, обутыхъ одна въ сапогъ, другая въ истоптанную туфлю. Старикъ былъ не очень словоохотливъ и спѣшилъ поскорѣе отдѣлаться отъ гостя. Безъ предисловій онъ повелъ меня по странному зданію, заваленному хламомъ, набрасываемымъ въ теченіе полувѣка. Окна были забиты, и только сквозь щели я могъ видѣть кое-что, но на всемъ лежали такіе слои пыли, что съ трудомъ разсмотрѣлъ я каменные бассейны. По всему можно судить, что бани были выстроены и хорошо и богато,— однако хозяинъ, прикидывавшійся глухимъ, не могъ дать рѣшительно никакихъ объясненій. Онъ сперва отзывался плохимъ знаніемъ русскаго языка, а когда я заговорилъ съ нимъ по турецки, онъ улыбнулся и показалъ на свое ухо. Такимъ образомъ осмотръ мой восточныхъ бань не привелъ ни къ какому результату, а второй разъ на мою попытку старикъ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ.

Интереснѣе всего въ Аккерманѣ — базары, на которые съѣзжается людъ изъ дальнихъ окрестностей. Много бываетъ молдаванъ, но много и малоруссовъ, которые привозятъ разныя сельскія произведенія и послѣ торговли наводняютъ близлежащіе погребки и вообще всѣ питейныя заведенія. Незнаю какъ теперь, но въ мое время, особенно въ 1858 г., по вечерамъ въ Аккерманѣ ходить было не безопасно, потому что шаталось тамъ

многое множество различнаго сброда. Всѣ мошенники на одесскихъ базарахъ,—а ихъ тамъ не мало,—по увѣренію туземцевъ, были аккерманскаго происхожденія. И дѣйствительно, подъ-вечеръ въ Аккерманѣ очень часто попадались полупьяные ребята съ физіономіями, мало внушавшими довѣрія. Одно время я жилъ у армянина, имѣющаго домъ на базарѣ, который каждый вечеръ наблюдалъ, чтобы у меня въ комнатѣ ставни оконъ были заперты желѣзными болтами, и на вопросъ мой—зачѣмъ такія предосторожности—отвѣчалъ, что въ Аккерманѣ иначе невозможно. Дѣйствительно, у моего слуги среди бѣла дна нѣсколько молодцевъ сняли верхнее платье, отняли часы и ушли бы безнаказанно, но имъ еще захотѣлось освидѣтельствовать его карманы, а въ это время на его крикъ—вышла изъ шинка толпа деревенскихъ жителей. Кое-какъ вещи были возвращены, но грабители успѣли скрыться.

Лучшій домъ въ Аккерманѣ, по моему мнѣнію, принадлежитъ г. Гангардту, бывшему тогда атаманомъ новороссійскаго казачьяго войска, по кишиневской дорогѣ. Хоть резиденція атамана находится въ николаевской станицѣ, верстъ, кажется, за тридцать или за сорокъ, однако въ Аккерманѣ я видалъ козаковъ, въ числѣ которыхъ много цыганъ, и въ крѣпости былъ какой-то складъ ихъ.

Хотя Аккерманъ и пользуется далеко извѣстностью относительно винодѣлія, однако, надо сказать правду, вино его чрезвычайно плохаго качества, а настоящее производство находится въ пяти верстахъ, въ швейцарской колоніи Шабѣ.

Отъ самаго города и до колоніи, пѣшая дорога идетъ по берегу Лимана сплошными садами и виноградниками. Верстахъ въ двухъ, между густыми деревьями, подъ скалой стоитъ часовенька надъ прозрачнымъ и прохладнымъ родникомъ, что по малорусски называется «криница». Не это ли тотъ ключъ, о которомъ Крашевскій разсказываетъ поэтическую легенду, о которой я напрасно пытался узнавать въ Аккерманѣ и Шабѣ? Мѣстность превосходная, а холодная вода показалась мнѣ необыкновеннаго вкуса, потому что каждый разъ я пилъ изъ этого родника, во время пѣшаго путешествія изъ Аккермана въ колонію или обратно. Въ часовенькѣ стоитъ икона, а возлѣ живетъ старикъ инвалидъ, т. е. кочуетъ подъ скалами въ качествѣ сторожа и рѣшительно не знаетъ никакихъ преданій.

Можетъ быть, покажется страннымъ, но я не могу не сказать, что по крайней мѣрѣ для меня колонія Шаба гораздо лучше Аккермана; за одну ея улицу, обстроенную красивыми домиками, усаженную громадными бѣлыми акаціями, а далѣе утонувшую въ садахъ, наполненныхъ цвѣтами, я не взялъ бы цѣлаго уѣзднаго городка съ его уродливыми строеніями и жалкими провинціальными затѣями.

Колонія эта состоитъ изъ швейцарцевъ, на половину французовъ, на половину нѣмцевъ, а рядомъ съ нею поселились нѣсколько десятковъ малорусскихъ семействъ, которыя, однакожъ, ничего хорошаго не заняли отъ иностранцевъ. Я жилъ въ домѣ одного изъ значительныхъ колонистовъ, Тардана, принадлежащаго къ семейству извѣстнѣйшихъ винодѣловъ. Собственно мой хозяинъ занимался другимъ дѣломъ—купилъ землю въ части Бессарабіи, отошедшей къ Молдавіи, и весь былъ преданъ овцеводству и хлѣбопашеству, но посредствомъ его я познакомился съ лучшими винодѣлами изъ его родственниковъ и знакомыхъ. Всѣ эти семейства, у которыхъ я такъ пріятно проводилъ время, принимали меня необыкновенно радушно, и вся молодежь, безъ исключенія, уже люди болѣе или менѣе образованные. Находилъ я у нихъ и французскіе журналы, и книги, и неразъ по вечерамъ слушалъ новые романсы подъ акомпаниментъ фортепіано.

Въ небольшой шабской лютеранской церкви постоянно бываетъ двѣ обѣдни: одинъ и тотъ же пасторъ служитъ сперва по французски, а потомъ по нѣмецки.

У одного изъ братьевъ Тардановъ—осматривалъ я сады, прессы и огромные наполненные винами погреба, и отвѣдывалъ многія вина, которыя могутъ смѣло выдержать соперничество съ иными заграничными. Чего лучше? Въ нѣкоторыхъ одесскихъ гостинницахъ, эти вина съ иностранными этикетами идутъ за привозныя и не какія нибудь, а въ два, три рубля серебромъ за бутылку. У Тардана есть боченки десятилѣтнихъ и болѣе винъ, которыя держатся не для продажи: такимъ виномъ нестыдно бы угостить какого угодно знатока и любителя. Крымскія вина, по моему мнѣнію, далеко уступаютъ бессарабскимъ, собственно приготовляемымъ въ Шабѣ. Тарданы безпрерывно улучшаютъ лозы, ѣздятъ за границу и не отстаютъ отъ современнаго состоянія винодѣлія. Я убѣжденъ, что еслибъ ближайшія

мѣстности знали о шабскихъ винахъ, они бросили бы разную мерзость, которую привозятъ изъ-за границы подъ именемъ винъ дешевыхъ (разумѣется, сравнительно) и охотно пили бы бессарабское вино, стоящее значительно дешевле. Крымскія вина еще доходятъ до Москвы и Петербурга, а бессарабскихъ я нигдѣ на сѣверѣ не видѣлъ, — развѣ уже подъ другимъ названіемъ.

Посѣщалъ я садъ и вмѣстѣ хорошенькую ферму г. Коре, кажется капитана швейцарской службы. У него тоже прекрасные сорты винограда и отличное вино, въ родѣ тардановскаго.

Главными похитителями винограда, противъ которыхъ колонисты принимаютъ мѣры, оказываются—кто бы вы думали?— собаки. Животныя эти, которыхъ въ обыкновенное время, кажется, и немного, къ осени, къ собранію винограда собираются цѣлыми толпами и, пользуясь тѣмъ, что лозы обрѣзаны очень низко, пожираютъ самыя лучшія грозды. Рвы и заборы собакѣ не помѣха, и потому сторожа должны бодрствовать постоянно, и нѣкоторые изъ нихъ вооружены ружьями и нерѣдко угощаютъ похитителей мелкой дробью. Подъ вечеръ вокругъ Шабы происходитъ иногда усиленная канонада.

Въ 1859 г. я былъ свидѣтелемъ громаднѣйшаго переселенія саранчи изъ Херсонской губерніи, черезъ лиманъ въ Бессарабію. Это было въ іюнѣ. Саранча зародилась между Одессой и Овидіополемъ и, опустошивъ всѣ поля и всякую зелень на большое пространство, инстинктивно бросилась на тучныя бессарабскія пажити. Насѣкомое не имѣло еще крыльевъ, и подойдя къ Лиману огромнѣйшими массами, сгруппировалось на берегу цѣлыми движущимися холмами. Прибрежная зелень почти безплодной почвы недолго могла прокормить такое несмѣтное количество, и вотъ саранча ринулась въ Лиманъ, не дождавшись попутнаго вѣтра. Милліоны насѣкомыхъ, затонувшихъ въ водѣ, послужили плотомъ для милліардовъ, и флотилія тихо поплыла на другую сторону. Бессарабскія власти знали объ этомъ и приготовились на своемъ берегу встрѣтить незванныхъ гостей, запаслись соломой для костровъ и разставили людей съ лопатками и граблями отъ Шабы до самаго взморья. Но вѣтеръ перемѣнился, подулъ вдоль лимана, и всю саранчу понесло въ море. Дня черезъ два, когда вѣтеръ подулъ отъ Одессы, цѣлыя горы затонувшей саранчи

были выброшены волнами вдоль бессарабскаго берега. Ее сочли мертвою и, что называется, не тронули пальцемъ. Но каково же было удивленіе, когда саранча, полежавъ на солнцѣ, обогрѣлась, и расползлась по прибрежнымъ камышамъ? Оттуда она, разумѣется, сдѣлала нашествіе на Бессарабію. Я ѣхалъ черезъ пространство, занятое пѣшею саранчею, между Овидіополемъ и Одессой. Она шла неизмѣняя направленія ни предъ какой преградой, слоемъ въ четверть толщины. Въ селеніи Акержѣ, она перелѣзала черезъ заборы, черезъ избы даже.

Надъ Лиманомъ, пониже Шабы, есть еще небольшая нѣмецкая колонія на землѣ помѣщика Арсеньева, — и тамъ же ко взморью, покойный Арсеньевъ, въ одномъ озерѣ, началъ выдѣлку соли и предпріятіе пошло очень успѣшно, но съ его смертью, не знаю, продолжается ли это дѣло. Одинъ грекъ изъ Одессы нашелъ предпріятіе выгоднымъ и, кажется, заключилъ контрактъ съ наслѣдниками Арсеньева, но о дальнѣйшихъ результатахъ мнѣ ничего неизвѣстно.

За Шабалатомъ недалеко, Лиманъ вливается въ Черное море двумя рукавами или гирлами—константинопольскимъ (Бугасомъ) и очаковскимъ. Между этими проливами тянется песчаная пересыпь, на которой кое-гдѣ торчатъ деревья, зеленѣетъ тростникъ, и порою носятся огромныя стада куликовъ, чаекъ, дикихъ гусей и утокъ. Вообще виды здѣсь пустынны, и только вдали на морѣ бѣлѣютъ паруса кораблей, да порой стелется длинная полоса дыма отъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Одессой и Дунаемъ.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОѢЗДКА ПО ДНѢСТРУ.

Стр.

ГЛАВА I. Днѣстръ. Населеніе. Руснаки. Языкъ. Ругательства. Костюмъ. Первое знакомство съ контробандистами. Избы. Сельскій бытъ. Евреи. Положеніе бессарабскаго крестьянина. Обычаи . . . 1

ГЛАВА II. Селеніе Ануты. Граница. Обмѣнъ произведеній. Ржавинцы. Сцена изъ дѣтскаго быта. Замѣчательная мѣстность. Народный музей. Перебійковцы. Пограничные нравы. Лѣса. Рухотинъ. Столѣтній старикъ. Древнее укрѣпленіе. Побережье до Хотина 43

ГЛАВА III. Хотинъ. Взглядъ на городъ. Янкель. Контробандисты. Ярмарка. Нищіе. Безъязыкій. Мѣстная торговля. Сцена въ гостинномъ дворѣ. Концертъ. Вводъ во владѣніе. Переправа. Рыболовство 81

ГЛАВА IV. Днѣстръ. Жванецъ. Историческія свѣдѣнія. Мошинецъ. Вечеръ у посессора. Контробанда. Посѣщеніе незнакомаго еврея. Нагоряне. Преданіе о Тоболтокѣ. Бузовица. Богатая невѣста. Молодые парни. Комарово. Преданіе о Бальбинѣ. Поѣздка въ Студеницу. Древности. Встрѣча съ богомольцами. Сцена на утесѣ 121

ГЛАВА V. Замѣчательная гора. Ѣзда Руснаковъ. Молодава. Квартира. Сцена на томъ берегу. Пѣвица. Поѣздка въ Старую Ушицу. Хозяинъ. Тысяцкій. Мельницы. Разсказъ. Базаръ. Ловкій еврей. Ломачинцы. Пещеры. Еврейская колонія. Калюсъ. Бѣлоусовка. Сокиряне. Наславче. Лядова. Старинная церковь. Путь до Могилева 163

ГЛАВА VI. Могилевъ. Переправа. Въѣздъ въ городъ. Факторы. Заѣздные дома. Торговцы. Евреи. Семейство Р... Фитильщики. Базаръ. Торговки, ихъ нравы и обычаи. Миролюбивый полицейскій. Армяне. Ремесленники. Портные. Разсказъ женскаго портнаго. Виноградники. Красавица. Послѣдній пунктъ контробанды 211

ГЛАВА VII. Мѣстечко Атаки. Молдаване. Ихъ языкъ. Нравы и обычаи. Танцы. Миролюбіе. Опрятность. Бытъ крестьянъ. Монастырскіе царане. Разговоръ съ парнемъ. Школы. Понятіе объ этомъ нѣкоторыхъ. Поѣздка въ монастырь 365

ГЛАВА VIII. Красота мѣстоположенія. Неисправность новороссійскаго календаря. Базаръ. Сцены. Евреи. Отношенія ихъ къ туземцамъ. Проводникъ. Аріанешты. Памятникъ Жолкѣвскому. Кременчукъ. Бесѣда у корчмы. Косоуцы. Лоцманъ. Порогъ. Встрѣча съ евреемъ 292

ГЛАВА IX. Городъ Сорока. Постоялые дворы. Торговля. Населеніе. Табачный промыселъ. Нѣсколько замѣтокъ о табачной торговлѣ. Поперечная улица. Пріѣздъ Раввина и его проводы. Встрѣча съ знакомымъ. Пещера. Жабкинскій монастырь. Мѣстечко Рашковъ. Рыболовство. Мѣстечко Резина. Поѣздка къ Резешамъ. Бытъ ихъ. Знакомства. 330

ГЛАВА X. Дубоссары. Свѣдѣнія изъ путешествія Нѣмцевича. Наши пути сообщенія. Вольные матросы. Ходатайство мое объ этомъ сословіи у Е. И. В. Генералъ-Адмирала. Поѣздка по этому случаю. Григоріополь. Его обитатели. Чичероне. Городничій. Пожаръ. Дѣйствіе пожарной команды. Бендеры. Возница. Шведскій лагерь. Могила Мазепы. Пребываніе Карла XII въ Бендерахъ. Осада королевской резиденціи. 364

ГЛАВА XI. Парканы. Болгары. Образъ жизни. Пчельникъ. Скандалъ. Тирасполь. Долина Днѣстра. Виноградники. Маяки. Торговля. Старообрядцы. Чумакъ Сова. Разсказъ его о табакѣ. Овидіополь. Переправа чрезъ Лиманъ на дубкѣ. Штормъ. Аккерманъ. Мѣщане. Древности. Суровцовъ. Баня. Шаба. Колонисты. Винодѣліе. Саранча. Шабалатъ 407

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованія П. Пекарскаго. Два большихъ тома. Спб. 1863 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, отъ начала ея до настоящаго времени, Людвига Кондратовича (Владислава Сырокомли), перев. съ польскаго О. Кузминскаго. Два большихъ тома. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 руб

ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (поэзія), соч. Мунка. Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ по Тикнору, сост. П Кулишъ. Спб. 1861 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, Юліана Шмидта; два тома, болѣе 50 печатныхъ листовъ, по 5 выпусковъ въ каждомъ; 1 и 2 выдаются. Спб. 1863 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII столѣтія, соч. Геттнера. Томъ 1-й (англійская литература). Спб. 1863 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ Шера; перев. А. Пыпина. Томъ около 50 печатныхъ листовъ въ 3 выпускахъ (1-й выпускъ выдается). Спб. 1863 г. Ц. за полное изданіе 3 р., съ пер. 3 р. 75 коп.

ПАМЯТНИКИ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Томъ 1-й, въ двухъ книгахъ, изд. подъ редакціею Н. Костомарова. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Тоже томъ 2-й въ двухъ книгахъ (Апокрифы и житія святыхъ), изд. по древнимъ рукописямъ подъ редакціею А. Пыпина и Н. Костомарова Спб. 1862 г. Ц. второму тому 3 р., съ пересылкою 4 р.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ. Соч. Н. И. Костомарова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863. Два тома. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

СѢВЕРНО-РУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА во время удѣльно-вѣчеваго уклада. Новгородъ, Псковъ, Вятка. Соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ГРАФЫ НИКИТА И ПЕТРЪ ПАНИНЫ. Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизвѣстнымъ источникамъ. Соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863. Ц. 1 р, съ пер. 1 р. 25 к.

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ. Соч. А. Щапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ 1-й. Спб. 1862. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЯ Справщиковъ Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства, изданные буквально, по древнимъ рукописямъ, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ИСТОРІЯ ВЫГОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ. Издана буквально, по рукописи Ивана Филиппова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ съ одинадцатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. Спб. 1862. Ц. 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

ЖИТІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, имъ самимъ написанное. Изд. по раскольнической рукописи, подъ редакціей Н. Тихонравова, Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТЬ О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзскомъ зеліи, еже есть табацѣ. Два произведенія раскольнической литературы; изд. буквально Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862. Ц. 40 к., съ пер. 65 коп.

Цѣна за оба тома 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

2-й томъ продается и отдѣльно, по **1 р. 50 к.**, съ перес. **2 р.**

Первый же томъ отдѣльно не продается.

2007088701